ТЕКСТ
ЯЗЫК
ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь –
Российский центр науки и культуры в Гомеле
Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Московский педагогический государственный университет (Покровский филиал)
Пензенский государственный университет

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2019

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус
Т30

Печатается по решению научно-методического совета
УО МГПУ им. И. П. Шамякина (протокол № 3 от 10.05.2019)

Редакционная коллегия

С. Б. Кураш, кандидат филологических наук, доцент (ответственный редактор);
А. М. Аматов, доктор филологических наук, профессор;
Г. И. Канакина, кандидат педагогических наук, профессор;
В. В. Шур, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты :
доктор филологических наук
Е.В. Ничипорчик (Гомель, Беларусь);
доктор филологических наук
И.И. Чумак-Жунь (Белгород, Россия)

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий
УО МГПУ им. И. П. Шамякина
и приказу по университету № 425 от 02.05.2019 г.

Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.:
Т30 С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2019. – 302 с.

ISBN 978-985-477-676-7.

В сборнике представлены статьи, отражающие содержание докладов X Международной научной конференции «Текст. Язык. Человек», проведённой в рамках Недели русского слова в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина с 13 по 18 мая 2019 г. Раскрываются философско-методологические аспекты текста как межнаучного и междисциплинарного феномена, рассматриваются разнообразные текстотипы и жанры, представленные в современном коммуникативном пространстве, освещаются актуальные проблемы школьного и вузовского преподавания русского языка, литературы и речеведческих дисциплин, публикуются работы в области филологического анализу художественных текстов, в том числе посвящённые русским поэтам и писателям, чьи юбилейные даты отмечаются в 2019 году.

Адресуется научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 81.161. (08)
ББК 81.2 Рус

ISBN 978-985-477-676-7

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2019

Научное издание

ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК

Сборник научных трудов

Корректор *В. В. Кузьмич*
Оригинал-макет *Л. И. Федула*

Подписано в печать .05.2019. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 37,75. Уч.-изд. л. 31,75.
Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Мозырский государственный
педагогический университет имени И. П. Шамякина».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 32-46-29

ЦЕНТР РУСИСТИКИ МГПУ им. И.П. ШАМЯКИНА И ЕГО ПРОЕКТ «НЕДЕЛЯ РУССКОГО СЛОВА: ТЕКСТ. ЯЗЫК. ЧЕЛОВЕК»: НА ОТМЕТКЕ «10»

2019 год для нас дважды юбилейный, и оба этих юбилея отмечены знаменательным числом **10**.

Впрочем, обо всём по порядку.

В апреле 2001 года состоялась работа **первой** международной научной конференции – «**Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин**» (то же название имели и две последующие конференции), которая привлекла внимание 150 специалистов из Беларуси, России и Украины.

В ходе работы **второй** конференции, которая прошла в марте 2003 года, наметилась тенденция тематического обновления содержания, а также географического и количественного расширения круга докладчиков, а одним из участников конференции – известным белорусским учёным профессором М.И. Конюшкевич – был констатирован тот факт, что «организация конференции по теории и практике изучения текста уже заявили о начале формирования в этом вузе [МГПУ им. И.П. Шамякина. – С. К.] новой научной текстологической школы»[1].

Третья конференция не только подтвердила, но и значительно усилила обозначенную тенденцию: к странам-участницам присоединились Азербайджан, Польша и США, в программу проведения конференции вошли круглые столы и мастер-классы известных учёных по актуальным проблемам текстоведческих исследований и методики преподавания языков и литератур; в тематическом отношении конференция стала приобретать речеведческий, антропоцентрический и прагмацентрический уклон.

С учётом обозначенных тенденций с 2007 года, когда конференция состоялась в **четвёртый** раз, её название логично претерпело изменение, став более лаконичным, но в то же время позволяя расширить проблемное поле текстоведческих исследований: «**Текст. Язык. Человек**».

Проблемное поле конференции сосредоточивается на следующих основных направлениях:

- исследование текста в структурно-смысловом и коммуникативном аспектах;
- проблемы типологизации текстов и исследования отдельных текстотипов и речевых жанров;
- текст как фактор интеграции различных наук и дисциплин;
- диалогика текста и интертекстуальность;
- проблемы влиятельной речевой коммуникации: лингвистический, педагогический, психологический аспекты;
- развитие креативной языковой (речевой) личности как средства и фактора коммуникативного взаимодействия;
- учебный текст и проблемы современного учебника. Программное и учебно-методическое обеспечение филологических дисциплин в школе и вузе;
- филологический анализ художественного текста в вузе и школе;
- проблемы вузовского преподавания русского языка и речеведческих дисциплин;
- неологические аспекты в изучении речетекстовой деятельности;
- текстоведческая тематика в истории русской филологии.

Пятая (2009), **шестая** (2011) и **седьмая** (2013) конференции «Текст. Язык. Человек» зафиксировали большой интерес научной общественности к поднятым вопросам и проблемам, что выразилось в количестве участников, доходившем до 300 человек, представлявших от 8 до 13 государств мира.

С 2011 года данная конференция является частью более обширного образовательно-

[1] Конюшкевич, М.И. О тексте и о лингвистике текста / М.И. Конюшкевич // Текст в лингвистической теории и в методике преподавания филологических дисциплин: материалы II Международной научной конференции, 26–27 марта 2003 г., Мозырь: в 2 ч. / отв. ред. С Б. Кураш, О.И. Ревуцкий, В.Ф. Русецкий. – Мозырь: УО «МГПУ», 2003. – Ч. 1. – С. 10.

культурного и научно-практического проекта – **Недели русского слова**. Так, в формат Недели русского слова, прошедшей 20–25 мая 2013 года в Мозырском государственном педагогическом университете, помимо конференции «Текст. Язык. Человек», включившей работу двух пленарных и пяти секционных заседаний, а также двух круглых столов по актуальным проблемам вузовского и школьного преподавания словесности, вошёл ряд творческих мероприятий и конкурсов: литературно-музыкальная композиция «Славяне, вам светлая слава!»; выступление дипломантов конкурса риторического мастерства «Цицероний-2013» «Вначале было слово»; литературная гостиная «О, как убийственно мы любим: к 210-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева; викторина «Что? Где? Когда?» по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: к 180-летию выхода в свет первого полного издания романа; заседание литературного салона «Это богатейшая пища для ума и чувств людей разных времен и поколений…»: литературные этюды И.С. Тургенева с натуры: к 195-летию со дня рождения; заседание лингвистического клуба «Славяне»: «Из истории русской азбуки»; выставка-конкурс творческих проектов «К юбилею любимого писателя».

В рамках программы «Недели русского слова» состоялись и две яркие театральные встречи. Первая – с Народным артистом России, ведущим актёром Московского драматического театра «На Перовской» Виктором Никитиным, блестяще исполнившим моноспектакль по «Борису Годунову» А. С. Пушкина. Вторая – с Мозырским драматическим театром им. И. Мележа, в исполнении которого участники конференции увидели спектакль по пьесе Д. И. Фонвизина «Бригадир».

В мае 2015 года в рамках культурно-просветительского проекта «**Неделя русского слова**» конференции, проводившейся в **восьмой** раз, сопутствовали такие мероприятия, как межвузовская олимпиада по методикам преподавания русского языка и литературы «Методический калейдоскоп», проведённая совместно с Московским педагогическим государственным университетом (руководитель со стороны РФ – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX-XXI веков МПГУ Ирина Георгиевна Минералова); межвузовская олимпиада по русскому языку для иностранных граждан, проведённая совместно с Гомельским государственным университетом имени Ф. Скорины; две онлайн-конференции: 1) к 70-летию со Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне (совместно с Пензенским государственным университетом), 2) в рамках межконференционного взаимодействия с Московским государственным областным гуманитарным институтом, проводившим в эти же сроки XV Международную конференцию «Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты» (руководитель со стороны-партнёра – доктор филологических наук, профессор Александр Владимирович Пузырёв).

Девятая конференция «Текст. Язык. Человек», также вошедшая в формат «**Недели русского слова»** (22–26 мая 2017 года), в числе соорганизаторов которой выступили Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь – Российский центр науки и культуры в Гомеле, Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Белорусское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы, Белгородский национальный государственный исследовательский университет, Пензенский государственный университет**,** Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, включила в себя пленарные и секционные заседания, работу круглых столов и мастер-классов, лектории по актуальным проблемам вузовского и школьного преподавания словесности, очередную межвузовскую олимпиаду по русскому языку для иностранных граждан совместно с Гомельским государственным университетом имени Ф. Скорины, литературно-образовательный проект «Читаем классику»; литературный вечер, посвященный памяти Евгения Евтушенко «Поэт в России больше чем поэт»; творческую встречу с известным российским актером театра и кино Сергеем Колесниковым, заслуженным артистом Российской Федерации, тематические творческие встречи, культурно-экскурсионную программу и др.

И вот уже в **десятый раз (!)** в Мозыре – сердцевине одного из самых живописных мест Беларуси – Мозырско-Припятского Полесья – проходит встреча научных единомышленников, представляющих различные школы, направления, языки, – от докторов наук, профессоров, преподавателей вузов, учителей школ, до аспирантов и студентов, учащихся, которых объединяет Его Величе-

ство Текст, сквозь призму которого мы ещё раз попытаемся взглянуть на язык, текст, языковую личность в диалоге языков и культур, ещё раз обратиться к творческому наследию классиков, прежде всего (что стало доброй традицией), юбиляров текущего года – Пушкина, Гоголя, Ахматовой, Шукшина…

Десять лет (!) в этом году исполнилось со дня открытия (22 апреля 2009 г.) в нашему вузе **научно-методического Центра русистики** при непосредственном участии **Александра Александровича Сурикова**, на тот момент – Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Беларусь, что позволило существенно укрепить материально-техническое и учебно-методическое обеспечение русской филологии в университете, заметно оживило многообразные творческие связи с государственными, научно-образовательными и общественными организациями России, в первую очередь – с **Представительством Россотрудничества в Республике Беларусь**. Ряд российских ведущих университетов и известных учёных-филологов стали нашими надёжными партнёрами при реализации различных совместных научно-образовательных проектов. Не исключение – и данная, международная научная конференция «Текст. Язык. Человек», в организации которой на этот раз участвуют три российских вуза.

Продолжена в этом году и традиция интересных творческих встреч. На сей раз – с российским актёром театра и кино Иваном Колесниковым, сыном уже побывавшего в Мозыре Сергея Колесникова, в последнее время – одним из самых востребованных актёров российского кино. Эта встреча, как и все предыдущие, не оставила равнодушных в зале: долго не смолкали аплодисменты, ещё дольше раздавались автографы.

На конец текущего учебного года запланирована и очередная, седьмая, межвузовская олимпиада по русскому языку для иностранных граждан, которая в этом году пройдёт на базе УО ГГУ им. Ф. Скорины.

Всё это, без сомнения, будет содействовать повышению качества филологического образования в вузе, расширению научных горизонтов и перспектив интеграции и взаимообогащения разнообразных подходов, направлений и методик, а идеи, высказанные авторами этого сборника, представленный здесь научно-педагогический опыт получат внедрение в практику обучения студентов и школьников, сориентируют будущих исследователей на актуальную научно-педагогическую тематику, будут востребованы как вузовскими специалистами, аспирантами и студентами, так и учителями-практиками в своей профессиональной деятельности.

С. Б. Кураш,
председатель оргкомитета,
руководитель Центра русистики
УО МГПУ им. И.П. Шамякина

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР

УДК 81’2

В.А. Маслова
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mvavit@tut.by

В статье отмечается роль русского языка в процессе интеграции народов и их культур, т. к. это язык-собиратель разных народов. Важнейшая его функция – формирование духовности нации, а сам язык – форма и способ духовной жизни народа, способ освоения человеком не только окружающего мира, но и внутреннего духовного пространства человека.

Ключевые слова: интеграция культур, ментальная грамматика, духовное достояние, духовный опыт

RUSSIAN LANGUAGE AS A SPIRITUAL ESSENCE AND ITS ROLE IN INTEGRATION OF CULTURES

V.A. Maslova
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology,
Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: mvavit@tut.by

The article notes the role of the Russian language in the process of integration of peoples and their cultures, as this language is a collector of different peoples. Its most important function is the formation of nation spirituality, and the language itself is the form and way of spiritual life of the people, a way of mastering not only the surrounding world, but also the inner spiritual space of a person.

Key words: integration of cultures, mental grammar, spiritual riches, spiritual experience

Введение

Русский язык, действительно, способствует интеграции не только народов славянского мира, т.к. он является единственным из славянских мировым языком, языком международного общения, но он стал языком-собирателем для всех народов Росси, которая является многонациональным государством, а также языком общения в странах ЕАЗС. Более того, он стал стержнем русского языкового союза, т. е. державостроительным языком, отсюда столь острая борьба за него и с ним (пример сегодняшней Украины).

Цели и задачи

Исследование языка – важнейшее направление в ряде наук: им интересуются не только философы, антропологи, культурологи, но и физиологи, биологи и представители других наук. Этот процесс Е.С. Кубрякова назвала *лингвистической экспансией*. Теперь языкознанием стало изучаться все, что еще 20–30 лет назад находилось вне интересов лингвистики.

Целью данного исследование является доказательство того, что русский язык – это язык-собиратель народов, язык-интегратор, в котором сильно духовное начало.

Методы и материал исследования

Материалом для наблюдений послужили современные фразеологизмы и отдельные лексемы, которые под влиянием атеизации народа трансформировали свое значение. В сферу анализа включены также строки из поэтических текстов, опубликованных после 2000 года. Методы исследования общенаучные (наблюдение, анализ, синтез) и элементы дискурсивного анализа.

Результаты и их обсуждение

Язык является своего рода зеркалом и одновременно орудием для мозга, который может быть изучен в первую очередь с помощью языка. Мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг. Об этом уже пишут сейчас исследователи (Т. Нагель, Т.В. Черниговская, Ж.И. Резникова и др.).

В последние десятилетия ученые все убедительнее пишут о «языковом инстинкте», т. е. о врожденной способности к языку. С начала «нулевых» годов предпринимаются поиски «метальной грамматики» [7], т. е. врожденных априорных знаний вообще: набора неосознаваемых правил, позволяющих формировать жизненный опыт в целом, а не только усваивать язык. Речь здесь идет о пред-знании, грамматике мышления вообще, являющейся базой и для языка. Есть гипотеза, что

из всех языков мира только русский и арабский языки являются языками мозга.

Язык – форма духовной энергии, это хорошо чувствуют поэты: *Истлеет прах,/ Но не исчезнет дух./ Он, облеченный, / Как в твердыню, / В слово, – / Свечою трепетною / Вспыхнет снова / Из вечности / Поверх земных разрух* (Священник Андрей Логвинов, 2002). Энергия языка – светоносна, т. к. в слове содержится великая духовная энергия – или энергия света и добра, или, напротив, богопротивная черная энергия. Современные ученые подтверждают, что любое произнесенное слово есть не что иное, как волновая генетическая программа, влияющая не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков. А святитель Лука (Войно-Ясенецкий) сказал в проповеди еще 1945 года: «Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след» [2, с. 126].

Люди издавна осознавали особую роль слова, его всемогущество, боготворили его, доказательством чему могут служить слова крупнейшего современного филолога и философа С.Аверинцева: “Мы молимся тебе – Слово, изначально сущее у Бога”.

Любой национальный язык - духовное достояние и святыня народа, он есть форма и способ его духовной жизни, способ освоения человеком не только окружающего мира, но и духовного пространства. Духовный опыт народа приоткрывается через историю языка и этимологию. Верой в духовную силу слова пропитаны текст Библии, фольклорные тексты. В Послании Иакова (3 : 4–5) апостол сравнивает язык с рулем корабля: если он используется правильно, то корабль будет идти в целости и сохранности, если же язык используется неверным образом, то корабль ждет крушение. В Писании много говориться о силе слов. В Книге Притчей утверждается, что человек сам себя связывает словами: “Ты опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих” (Притч. 6 : 2).

Слово имеет свое значение, а, будучи помещенным в текст, и смысл, отражает факт мира (реального или воображаемого), обладает силой и живет в некотором смысле своей жизнью, независимой то человека. Не случайно В.А. Звегинцев писал: «Даже тогда, когда язык как будто удается подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы…» [3, с. 301].

Отсюда следует, что язык силен своей глубиной, глубинными механизмами, которые почти не исследованы на сегодняшний день, хотя примеров, подтверждающих наличие таких механизмов множество: *брать горлом* (добиваться чего-либо криком), *брать грудью* (побеждать сильным напором), *брать за душу* (волновать). Выделенные фразеологизмы (напомним, что фразеологизмы – душа любого языка) на уровне поверхностного смысла должны быть сходны, т. к. общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы, которые формируются при участии культуры, создают возможность для репрезентации разных сфер деятельности человека – физических действий (*брать грудью),* эмоциональных состояний (*брать за душу)* и т. д. Становится понятным, что современная лингвистика, чтобы ответить на свой главный вопрос «почему», (т.к. на вопросы «что» и «как» уже получены исчерпывающие ответы) должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, но без использования данных других областей знаний, ей это не под силу.

Что это за смыслы? Это бессознательная часть психики, где смыслы отличаются от рациональных и по организации (отсутствие каузации) и по сущностным характеристикам. Так образуется мир иррационального, Несказанного, перед которым и язык и сознание бессильны, но именно язык освещают собой те содержания, что лежат за порогом сознания. Это порождает у носителей языка ощущение недосказанности, существования где-то за словом большей мысли, чем та, что выражена эксплицитно. Происходит как бы затмение интеллектуального света человеческого духа и разума, ставка на все неясное и непонятное делает человек пленником «бездны», игрушкой чудовищных сновидений, всего иррационального.

На основе глубокого многолетнего опыта самопознания святыми отцами были высказаны истины о человеке и его душе, которые только в XX веке подтвердились данными психологов и философов.

Во всех славянских культурах существуют настоящие духовные личности, святые земли славянской (сербской – Иустин Попович, украинской – Амфилохий Почаевский, белорусской – Кирилл Туровский, русской – Тихон Задонский и др.), которые формировали светскую и православную культуру. Подробнее остановимся на вкладе белоруса Кирилла Туровского – проповедника, епископа, философа, писателя, который после смерти был причислен к лику святых. Его проповеди, молитвы, воззрения на мир и человека – это высокий уровень нравственности и святости. В.В. Колесов писал: «Пожалуй, вплоть до Державина в русской литературе не появлялся писатель такой силы, значительности и высоты нравственного чувства, как Кирилл – совесть своего нелегкого и бурного времени» [4, с. 143]. Изучение первоисточников наших духовных святителей также приобщает нас к духовности.

К. Туровский стоял у истоков белорусской философской мысли. Обращение к проблемам бытия, добра и зла, поиск путей постижения истины, определение мудрости, прозрение души – вот основные вопросы, над которыми он думал.

По К. Туровскому, душа прозревает только через приобщение к знаниям. Дух наследуется и генетически и путем учения. Безнравственный человек, считал он, не может быть мудрым: «В злохитрую душу не войдет премудрость, не в силах укорениться в сердце лукавом и осквернённом пьянством и блудом» [5, с. 5].

Святые отцы почувствовали, что даже самые обычные слова в языке многократно переосмысливаются. Так, *прелесть* первоначально – это *прелесть*, т.е. нечистая, дьявольская вещь, со второй половины XX века *прелестный* – высшая степень *прекрасного*, в XXI веке мы снова постепенно возвращается к первичному значению. Большевистский атеизм почти за век привил отрицательную маркированность у таких лексем, как *предание, дух, божиться, церковь* и др. Как тут не вспомнить известное изречение Стендаля: «Слово – зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола» (Стендаль).

Современный язык обесценивается из-за узко позитивистского взгляда на мир, утраты библейского объема слова, потому что слово приобретает глубину или мельчает в зависимости от нашего понимания мира, явлений, вещей в нем. Через продолжительную литературную традицию оно может становиться экспрессивным, поражать богатейшими нюансами смысла, но при этом оно может потерять свою вселенскую, божественную высоту. Примером могут служить слова *любовь*, *душа, спасение* и др. В современной поэзии они получает многочисленные оттенки, многократно метафоризируются, но при этом утрачивают свою духовную сущность: *любовь*, например, в лучшем случае сводится к альтруизму и возможности пожертвовать собой ради счастья любимого, а в худшем случае - падает до его физической сути, заключенной в слове *секс*. Что при этом теряется? Глубокий христианский смысл любви как преобразующего вселенную генерального закона.

Так, например, лексема ‘*блаженный*’ в таких устойчивых выражениях как *блаженны нищие духом, блаженны плачущие, блаженны миротворцы* получила в русском языке сниженную коннотацию: «глуповатый, витающий в облаках», в религиозном же дискурсе – это «святой, благодатный, безгрешный». Еще сложнее понимание фразы *блаженны нищие духом*. Перевод Кузнецовой «*счастливы те, что бедны для Господа*!» – это одна из возможных интерпретаций данного предложения. Но есть и другие варианты: «*блаженны смиренные, духом, надеющиеся только на Бога, а не на себя*». Мы полагаем, что для понимания фразы достаточно поставить логическое ударение на последнее слово: *блаженны нищие* ***духом***.

В. Гумбольдт считал, что язык и духовная сила народа не развиваются отдельно друг от друга, а «составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальных способностей» [1, с. 68]. Вместилищем духа русского народа является русский язык, русское слово, которые невозможно изучать вне контекста или без учета религиозных ценностей и источников, формирующих духовно-нравственные ценности, образ жизни и морали.

Выводы

В слове сосредоточен духовный опыт народа. Г.П. Федотов писал: «Мысль, слово, форма и звук важнее практических материальных вещей, ибо имеют более близкое отношение к цели культуры, к самому смыслу существования нации» [6, с. 68]. Слово имеет свою энергию, которая часто действует не сообразуясь с нашим сознанием, ненароком причиняя зло. Именно поэтому народ утверждает в своей поговорке, что *доброе слово лечит, а злое калечит*. Энергетическими следами слов, произнесенными разными людьми (живущими сейчас и давно ушедшими), пронизано все вокруг нас.

Человек получил от Бога возможность творить посредством слова. По Библии, именно Слово станет главным свидетелем на Божьем Суде: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» [Мф. 12: 36–37]. Ничто из услышанного и сказанного не проходит мимо человека, оно оставляет на нем печать, некое подобие матрицы, хранящейся в самых потаенных глубинах памяти.

Литература

1. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
2. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М.: МГУ, 1996. – 336 с.
3. Войно-Ясенецкий. Проповеди // Марущак В. Жизнеописание святого исповедника, архиепископа Симферопольского и крымского Луки (Войно-Ясенецкого). Издание Симферопольской и Крымской епархии, 2004. – С. 114–146.
4. Колесов, В.В. Из «Притч» и «Слова» Кирилла Туровского (Подготовка текста, перевод и комментарии В.В. Колесова) / В.В. Колесов // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М., 1980.
5. Туровский, К. Избранные произведения. Вып. 2. / К. Туровский. – Гомель, 1999.
6. Федотов, Г.П. Стихи духовные / Г.П. Федотов. – М.: Прогресс; Гнозис, 1991. – 190 с.
7. Fodor, J. Where is my mind? / J. Fodor // London Review of Books. – Vol. 31. – No. 3.12. Ftbruary. – 2009.

References

1. Humboldt V. (1985). Jazyk i filosofija kultury. [Language and philosophy of culture]. Moskow. (InRuss).
2. Zvegintsev V. A. (1996). Mysli o lingvistike. [Thoughts on linguistics]. Moskow: MSU Publ. (InRuss).
3. Marushak V. (2004). Vojno-Jasenetskij. Propovedi. *Zhiynenopisanie cvjatogo ispovednika, arkhijepiskopa Simferopolskogo i krymskogo Luki (Vojno-Jasenetskogo). Izdanie Simferopolskoj i Krymskoj eparkhii*. [Voyno-Yasenetsky. Homilectics. *Biography of the Holy Confessor, Archbishop of Simferopol and Crimea Luke (Voino-Yasenetsky) Publication*

of Simferopol and Crimea diocese]. 114–146. (InRuss).

4. Kolesov V.V.(1980). Iz«Pritch» i «Slova» Kirilla Turovskogo (Podgotovkateksta, perevodikommentarii V.V. Kolesova). *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi. XII vek.* [From «Proverbs» and «Word» of Kirill Turovsky. *Monuments of literature of Ancient Rus'. XII century*]. Moskow. (In Russ).
5. Turovskij K. (1990). Izbrannye proizvedenija. *Vyp. 2.* [Selected works. *Release 2*]. Homel. (In Russ).
6. Fedotov G.P. (1991). Stikhi dukhovnyje. [Verses spiritual]. Moskow: Progress, Gnozis. (In Russ).
7. Фодор Дж. (2009). Уэреиз май майнд? *Лондон Ревью оф Букс. Вол. 31. № 3.12*. [Где мой разум. *Лондонский книжный обозреватель. Том 31. № 3.12*]. Лондон: Февруари. (На англ).

ТЕКСТ, ЯЗЫК, ЧЕЛОВЕК В АСПЕКТЕ МЕЖНАУЧНОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 82.01

ГРАФОМАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А.Н. Андреев
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры
«Педагогика и психология профессионального образования»
Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (ПКУ),
г. Москва, Россия
E-mail: anandreev58@mail.ru

Зачем вообще нужна массовая литература? Каковы функции чтива? Зачем нужна литература?

Как следует трактовать графоманию с точки зрения информационных потребностей общества эпохи глобализации?

Краеугольный закон литературы гласит: литература бывает разного художественного качества – от великой до просто хорошей. Чтиво художественной маркировки не имеет, поэтому не может рассматриваться в качестве литературы.

Именно в рамках культурной парадигмы, которая обуславливает критерии художественности, должно вестись обсуждение литературы и литературной ситуации.

Перечисленные вопросы и положения являются основополагающими в данной статье.

Ключевые слова: литература, массовая литература, графомания, социокультура, информация.

GRAFOMANIYA AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.N. Andreev
Professor, Doctor of Philology,
Professor of the Department «Pedagogy and psychology of vocational education»,
Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky,
Moscow, Russia
E-mail: anandreev58@mail.ru

Why do we need mass literature? What are the functions of reading? Why do we need literature?

How should graphomania be interpreted in terms of the information needs of society in the era of globalization?

The fundamental law of literature says: literature can be of different artistic quality – from great to just good. Fiction has no marking, so it can not be considered as literature.

It is within the framework of the cultural paradigm that determines the criteria of artistry that literature and the literary situation should be discussed.

These questions and theses are fundamental in this article.

Key words: literature, mass literature, graphomania, social culture, information.

1

Если тезис «все, что ниже уровня великой прозы, уже начало графомании» можно считать спорным, то тезис «массовая литература – это массовая графомания» представляется бесспорным.

Зачем вообще нужна массовая литература? Каковы функции чтива?

Функции графомании (если абстрагироваться от коммерческой составляющей и не превращать разговор о литературе в бизнес-консалтинг) – поддерживать низкий уровень культурных потребностей в обществе, ликвидировать культурную шкалу как таковую, вселить в души массовых потребителей одну простую вещь: не следует комплексовать перед феноменами культуры и личности. Потребитель в эпоху потребления всегда прав; личность – никогда.

Графомания превращает людей в маленьких людей, серых людей, обывателей. Насколько заинтересовано в этом общество?

Дело в том, что потребитель – идеальный расходный материал. Современная цивилизация заинтересована в людях как в расходном материале и, напротив, крайне не заинтересована в воспроиз-

водстве личности, мыслящей субстанции, поэтому графомания – это эффективный инструмент взращивания потребителя.

В краткосрочной перспективе графомания не кажется большим злом, более того, воспринимается как вполне невинная шалость – как эпатажный способ встряхнуть книжный рынок. Дескать, добавим в бочку меда ложку дегтя. Никто же не отравится, верно? Однако в перспективе долгосрочной графомания есть зло в чистом виде, своего рода дьявольское изобретение. Графомания как легализованный культурпродукт неизбежно превращает мед в деготь.

Вот эту цепочку *потребитель-расходный материал-графомания* следует проанализировать внимательно и беспристрастно.

Чтобы ответить на вопрос «зачем нужна графомания?», надо иметь ответ на вопрос «зачем нужна литература?».

Литература – уникальный информационный инструмент, который позволяет превращать человека (индивида) в личность. Иначе говоря, литература как важнейший сегмент в спектре «гумблока», включающем в себя всю художественную и научно-гуманитарную деятельность, представляет собой способ духовного производства людей. Это не ответ на вопрос «зачем нужна личность»; сейчас мы говорим об информационно-технологических возможностях литературы. Но в конечном счете без ответа на вопросы «что такое личность» и «зачем нужна личность» информационную природу литературы раскрыть и понять невозможно. Литература создается личностью, для личности и средствами, присущими личности. Говорим литература – подразумеваем личность, и наоборот.

Понятно, что личность – это отдельная тема для отдельного разговора. Тем не менее будем держать в уме эту связь: личность и литература.

Графомания появляется там, где заканчивается нужда в личности.

Личность – это особый тип управления информацией, поэтому личность – момент ментальной парадигмы, которая объединяет такие феномены, как литература, любовь, свобода, добро, зло, красота, сама истина, наконец. Информационная структура перечисленных и родственных им понятий (высших культурных ценностей) подчиняется одним и тем же законам.

Графомания – это уже иная парадигма, которая начинается с индивида-потребителя, продолжается рядом чтиво, страсть, воля, «добро» и заканчивается ложью и злом.

В этом контексте графоманию следует трактовать не как низкий уровень литературного исполнения, а как тип управления информацией.

Графоманию следует расценивать не только и не столько как продукцию невысокого художественного уровня; графомания как социокультурный феномен становится инструментом деградации, способом превращения литературы в массовую литературу. Графомания, если называть вещи своими именами, – это воплощение зла в сфере литературы.

2

В недавнем прошлом, когда активные умы находились в поисках объединительной, а еще лучше универсальной, идеологии, стоило только заговорить о литературе – где-нибудь в укромном месте, подальше от суеты, – как мгновенно набегало громадное количество тех, кто не считал себя вправе уклониться от острого разговора. В то приснопамятное время все как один стали разбираться не только в политике, медицине, педагогике и футболе (это было всегда); правилом хорошего тона стало разбираться прежде всего в литературе элитарного уровня.

Ну все, буквально каждый, если не писали – то разбирались. Чаще, конечно, писали: это проще, как всем известно.

Литераторы плодились как грибы после дождя – хоть косой коси; размножались как мушки-дрозофилы – считать приходилось не поголовно, особями, а стадами и популяциями – роящимися тучами.

Их никто не звал, однако они считали себя званными, и застилали солнце в небе. Имя этому легиону – графоманы.

Просто ментальная эпидемия обрушилась на бывшую империю. Казалось, эта тревожная тенденция станет началом чего-то доселе невиданного. Собственные Платоны и Невтоны, казалось, дышат друг другу в затылок, и еще чуть-чуть – и они перевернут весь мир, если, не дай бог, обнаружат-таки универсальную точку опоры.

Но не сложилось. Прошло совсем немного времени, каких-нибудь лет пять-семь, и от туч не осталось и следа. На смену пришла совершенно иная тенденция, которую называть стали трендом: интересоваться литературой как величиной универсальной стало уже дурным тоном. Все универсальное превратилось в недостойную внимания мелочь.

Кстати, с тех пор каждые пять лет даже понятие «тенденция» обновляется до неузнаваемости; на смену тренду пришел старт-ап – начало проекта, зародыш тенденции.

Понятие тенденции (усеченное от традиции) стало слишком громоздким для сегодняшних темпов. Социокультурная динамика превратилась в гонку по горизонтали.

А что случилось, собственно? Откуда взялись такие сумасшедшие обороты у быстротекущей и без того жизни?

Технический прогресс, давший старт-ап технологической революции, привел к тому, что общество (гражданское общество, нация, народ – уже неважно) перестало быть монолитным и, что важнее, ориентированным на хоть какое-то подобие универсальности.

Глобализм при ближайшем рассмотрении оказался тенденцией рассыпаться на осколки.

Общество не успевает закрепиться на одной стадии, как его сметает другая. На смену доиндустриальному традиционализму пришел этап индустриальный; многие страны пережили уже и постиндустриальный шок, и сейчас пребывают на пути от пост-постиндустриального дрейфа к управляемому хаосу (не станем придираться к терминам: нам важно описать гибельность социодинамики).

Что бы мы ни говорили, но в такой ситуации литературе еще бывать не приходилось. Технологическая революция (а к ней толкала нас вся предыдущая история) запустила мясорубку производственных отношений. Что мы имеем на сегодняшний день?

Мы имеем культ осколков, сегментов, ниш. Сколько корпораций – столько и трендов со стартапами. Развитое общество стало идеальной средой для брожения умов (разной интенсивности) и одновременно «замораживания» умов вплоть до атрофии. У одного соседа могут быть мозги инквизитора, второй может исповедовать закон джунглей, третий – быть футуристом, при этом все они будут образцовыми фашистами и ярыми либералами одновременно. Нет такой шизофренической комбинации, которой сегодня можно было бы кого-то удивить.

Принцип каждому свое, кажется, обрел свое историческое время.

Все, кончилось время пастырей и их тучных стад, теперь каждый сам себе стадо и пастух, а также кнут и пряник.

Тело литературы также распалось на сегменты «целевых аудиторий» – в строгом соответствии с легендарным социально-экономическим учением о «базисе» (типе производственных отношений) и «надстройке» (идеологическом обслуживании этих отношений).

И тут у литературы обнаружился колоссальный информационный ресурс. Оказалось, что литература может быть не только великой, хорошей или плохой, она может быть и не литературой вовсе (чтивом, например) – и при этом быть востребованной в своем сегменте. Последнее открытие в области литературы гласит: нет литературы вообще, есть сегменты со своими спросами и предложениями, которые ни хуже и ни лучше других.

Хорошо это или плохо?

Смотря в каком отношении. С точки зрения рынка – все не так уж и плохо; с точки зрения высших культурных ценностей – хуже некуда. Социальный компромисс – не бывает литературы хорошей или плохой, бывает литература нишевая – всех успокоил, однако хорошую литературу он уничтожил (тем, что уравнял ее с плохой). Оказалось, что литература может быть вечно живой – ценой отказа от культурного величия. Как вам такая цена отношений?

Но кого интересуют многообразные отношения человека с миром в эпоху, когда все определяют производственные (экономические) отношения?

Эти отношения не диктуют конкретные параметры идеологии (во что вам верить или не верить формально человек решает сам), но они непосредственно влияют на качество идеологий. Какую бы тему ни осмысливал человек экономический – он думает плохо, неправильно, и эмоциональное сопровождение его мыслительной деятельности убого.

Качество человеческого фактора, отчужденного от качества литературы, стали определять те, кто лишил мир универсальных смыслов. А заодно и самой номинации «великая литература».

В хаосе на законных основаниях (на основании открытых законов природы, общества и человека) присутствует своя вертикаль (иерархия смыслов, тяготеющих к универсалиям), и гонку по вертикали тоже никто не отменял. Вещество хаоса всегда так или иначе располагается на каркасе универсалий. В этом смысле не управляемого хаоса не существует. Все дело в том, в какой системе отсчета хаос отношений управляется, регулируется: законами или волюнтаристским желанием отменить все законы – что, в свою очередь, есть проявление закона природы.

Как ни крути – от законов не уйти.

Краеугольный закон литературы гласит: литература бывает разного художественного качества – от великой до просто хорошей. Чтиво художественной маркировки не имеет, поэтому не может рассматриваться в качестве литературы. Каждый сверчок должен знать свой шесток (все строго по вертикали).

Именно в рамках культурной парадигмы, которая обуславливает критерии художественности, должно вестись обсуждение литературы и литературной ситуации.

УДК 821.161.1

МИКРОМОДЕЛЬ «МАЛОЙ РОДИНЫ» КАК ГЕОПОЭТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Л. Е. Беженару,
доцент, доктор филологических наук, доцент кафедры Славистики «Петру Караман»
Ясского университета «Ал. И. Куза»,
Яссы, Румыния
E-mail ludbejenaru@gmail.com

В статье анализируется микромодель «малая родина» как ментальное, смысловое и образное пространство, как локус/часть региона. С применением методов сравнительно-исторического, концептуального исследования, а также принципов объективности и историзма в изучении культурного наследия выявлен и анализирован концепт «малая родина» и определена микромодель «малая родина» как *геопоэтическая реальность*, которая имеет свою ментальность, «стилистическую матрицу», образно-поэтическую систему, коммуникативную и креативную функции. Делается вывод о том, что работа в определенной мере восполняет пробелы в изучении концепта «малая родина» как геопоэтической реальности современной литературной парадигмы. открывает новые перспективы для системного и комплексного изучения межлитературного процесса, его содержания, структуры, форм, тенденций развития.

Ключевые слова: «малая родина», диалог, пространство, локус, геопоэтика, межлитературный процесс.

MICROMODEL „HOMELAND” HOW GEOPOETHIC REALITY

L. E. Bezhenaru,
Associate Professor, Doctor of Philology,
Associate Professor of the Department of Slavic Studies “Petru Caraman”,
Iasi University “Al.I. Cuza”,
Iasi, Romania
E-mail ludbejenaru@gmail.com

The modern dialogue of national literatures and cultures implies integration into the literary space of the world. Such a dialogue is built under the influence of two global processes: globalization and decentralization, individualization from traditional models and the presently growing regional consciousness. the region is the analogue of a special „world” with its own mentality, way of thinking, traditions, worldview and attitude. In this concept of the sense of place the "homeland" community is considered by us as the basis of regional identity, as a specific "integral component" in the process of regional literary development. It is intertwined and complemented by meta-regional geography in terms of locus, ethnocultural and historical identity, historically deep tradition of territorial self-awareness and regional uniqueness. The article analyzes the micromodel „homeland” as a mental, semantic and figurative space, as a locus / part of a region. Using the methods of comparative historical, conceptual research, as well as the principles of objectivity and historicism in the study of cultural heritage, the concept of „homeland” was identified and analyzed and the micromodel „homeland” was defined as a geopoetic reality that has its own mentality, „stylistic matrix” - poetic system, communicative and creative functions. It is concluded that the prospects of work to a certain extent fill in the gaps in the study of the concept of “small homeland” as a geopoetic reality of the modern literary paradigm. opens new perspectives for a systematic and comprehensive study of the inter-literary process, its content, structure, forms, development trends.

Key words: „homeland”, dialogue, space, locus, geopoetics, inter-literary process

Введение

Современный диалог национальных литератур и культур строится под воздействием двух мировых процессов: глобализации и децентрализации, обособления от традиционных моделей и возросшего в настоящее время регионального сознания. Гипотеза исследования предполагает, что современный литературный процесс с его стремлением к интеграции в европейское литературное пространство стоит перед опасностью потери национальной самобытности; такому влиянию подвержена, в первую очередь, «материковая литература» и, в меньшей степени, литература «малой родины», [2] сохраняющая приобщение к корням и верность традициям. Выстраиваемая вертикаль от «малой» литературы к «большой» способствует сохранению ее национальной самобытности и определению места в едином европейском пространстве. Особую актуальность представляет осознание уникальности национальных литератур, феномен «малой родины», «корневища» приобретает особый смысл.

Цели и задачи нашего исследования состоят в определении микромодели «малой родины» как

геопоэтической реальности, как ментальное и смысловое пространство.

Методологической базой работы в ходе исследования избраны системный, сравнительно-исторический, концептуальный методы исследования; жанрология, культурология, социология, антропософия, этнография, геопоэтика, художественная антропология. В работе также использован принцип объективности и историзма в изучении культурного наследия.

Результаты и их обсуждение:

Полярность «глобализация-регионализация» приводит к усилению интереса к феномену «малой родины», когда на первый план выходит локально-региональная / локусная идентичность. Данный феномен рассматривается учеными в качестве литературной метафоры, топографической категории; осуществляют его феноменологический и структурный анализ с позиции различных научных дисциплин; изучают феномен «малой родины» через категорию идентичности, особенно локально-региональной. Между тем он не имеет четкого определения ни в западной, ни в русской литературной теории. Этим обстоятельством обосновывается наш интерес к данному понятию. Выражение – лексема *малая родина* специфична только русской ментальности, русской культуре, русской литературе, но имеет свои модели /аналоги и в других культурах. В некоторых славянских пространствах под влиянием русской лексемы возник свой, национальный термин: «малая айчына» – в белорусском, «мала домовина» – в сербском, «malá vlast» – в чешском. Когда мы обсуждаем понятие «малая родина», мы имеем в виду лексему, закодированную в русской ментальности. Другие языки могут и не иметь специального слова для понятия «малая родина», имея обозначения несколько отличительных понятий. В английском языке **native land** – место рождения - имеет синонимы, **motherland, fatherland** – родина, отчизна; homeland в переводе на русский означает родина, отчизна, Отечество, родная земля, родная страна, родной край, родные места, прародина. Это понятие наиболее охватывающее в отношении стилистики текста. В немецком языке синонимом слова **heimat** (дом, малая родина, родной край) является слово **Vaterland**, которое относится прежде всего к «большому отечеству». Прототип во многих языках может быть и одинаковым, но стилистические и семантические границы выявляются в понятии поразному. Главное, эта стержневая константа каждой национальной культуры выражает «место рождения человека», его «корни», связь с родиной предков; это «родная земля».

Концептуальный подход к понятию *малая родина* выявляет его содержание, которое охватывает разные уровни человеческой деятельности: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое и др. Мы определяем концепт «малая родина» [2] как самостоятельную культурологическую константу, [7] имеющую ментальную, языковую, психическую и литературно–философскую репрезентацию, которая характеризуется восприятием внешнего и внутреннего мира конкретной местности, места/локуса рождения или места исконного проживания индивидуума, ставшее ему родным, в котором проявляется специфика национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества. Концепт «малая родина» имеет свою структуру национальную специфику и колорит, свои характерные черты, свою жизнеспособность и продуктивность структурно-смысловых констант [2].

Концепт «малая родина» в период глобализации, стремления литератур сохранить национальную специфику, приобретает особую актуальность. Концепт *малая родина* [2] рассматривается нами как культурологический феномен, как микрокосмос, основанный на совокупности национальной идентичности и бытийного плана. Образные комплексы *малая родина* (**МР**) находят свое культурное отражение в ментальности каждого народа, так как, несмотря «на внешнее разнообразие языков и культур, человечество обладает несомненной культурной общностью» [4]. В концепте **МР** отражается разноплановое содержание, которое охватывает сферу человеческой деятельности: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое и др. Литературно-философское осмысление концепта «малая родина» находит отражение в этническом сознании, получает теоретическое обоснование уже в трудах Эзопа, интерпретируется и осмысляется вместе с развитием истории философии, которая оказывала мощное влияние на бытование этого понятия в литературе. Поэтому межлитературное, межкультурное сопоставление понятия/концепта в разных литературах, языках и культурах способствует выявлению национального и интернационального компонентов в содержании носителей различных языков.

МР как ментальное и смысловое пространство, как локус/часть региона и его образное пространство является *геопоэтической реальностью*, которая имеет свою ментальность, «стилистическую матрицу», образно-поэтическую систему, коммуникативную и креативную функции. В ментальности каждого народа существует определенная «идея *малой родины*» как отношение к месту своего рождения, *к пространственным (реальнм* или *воображаемым) началам* своей жизни. В этой идее как народ, так и индивидуум, пытаются понять *самое себя* путем интеллектуальной и эстетической рефлексии над факторами ландшафта, природы, истории, языка,

артефактов и реалий культуры, путем включения *себя* в *пространственное* символическое поле, имеющее свою структуру и семантику, свой опространственный смысл или возможность своего осмысления. *Национальный образ мира* «малой родины» может быть описан через выявление этнической специфики художественного пространства и времени, через миропорядок национального образа мира каждого народа и этноса, через ***свою*** систему предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. В упрощенном выражении, – это *микромодель мира* «малой родины», в которой, по аналогии с макромиром большой родины, отражается, по нашему мнению, та же *«целостность национальной жизни»* и «основной фонд национальных ценностей, ориентиров, символов, архетипов»,
[6, с.14] о которых пишет Г.Д. Гачев относительно *модели мира* большой родины.

Таким образом, понятие «малая родина» имеет антропологическую составную: жизнь индивидуума связана с местом рождения, с его размещением в пространстве; это пространство отличается от страны к стране, от ландшафта к ландшафту и способствует географическому моделированию образа страны в целом и образа «малой родины» в отдельности. Исследователь В. Абашев называет этот аспект отношений *экзистенциальным* [1, с. 121]. В этом смысле, образ «малой родины» можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ, имеющий культурно-историческую и природную насыщенность. Современный немецкий философ Хайдеггер одним из первых придал понятию «малая родина» – Heimat – поэтическую нагрузку, тем самым определив необходимость уточнения термина теорией литературы [8]. В образно-символическом смысле природные или культурные ареалы «малой родины» могут иногда выступать и в качестве образа всей страны, акцентируя внимание на самых ярких и существенных чертах ее образа. Так, в русской литературе регион Урала часто рассматривался как символ мощи, а Сибирь – как символ неосвоенности и дикости России. Образ «малой родины» – родной земли – указывает и на принадлежность творчества некоторых авторов к определенному локусу, изображению которого авторы отдают предпочтение в своих произведениях. Творчество Ф. Абрамова связано с архангельской деревней; образ вологодской деревни прослеживается у В. Белова, сибирской – у В. Распутина и В. Астафьева, алтайской – у В. Шукшина.

Образ «малой родины» связан и с тем, что географические и этнические образы часто формируют устойчивые системы или комплексы – некие «стереоскопические пары» объемного изображения местности, позволяющие представить «малую родину» / регион и олицетворяющие ее народ емко и объемно. Это объясняется тем, что этнический образ несет в себе в скрытом или явном виде и черты этнической территории, локуса, провинции, а персонифицированные этнические образы (например, Тарас Бульба, из Запорожской Сечи или Григорий Мелихов – донской казак, или moş Ion Roată/мош Ион Роатэ, персонаж румынской литературы) наиболее полно воплощают представления о конкретной территории и эпохе. Думаем, что для этноса образ «малой родины» является первичным по сравнению с образом Родины, Отчизны. Исследователи пишут и о феномене *этнического* образа Родины, который способствует формированию национального самосознания и выделению особого этнического сознания отдельных групп (народностей, диаспор, и др.), о схожести типичных представлений об образе Родины у представителей одной этнической группы [6].

Выводы

Научно-теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа в определенной мере восполняет пробелы в изучении концепта «малая родина» как геопоэтической реальности современной литературной парадигмы. Результаты исследования дают возможность дополнить и уточнить общую концепцию **литературы *малой родины***. Концепция полицентризма диалога национальных литератур разных регионов открывает новые перспективы для системного и комплексного изучения межлитературного процесса, его содержания, структуры, форм, тенденций развития, социокультурной детерминированности.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы литературоведами при дальнейшем изучении модели региональной литературы со своей векторной динамикой литературного развития, и литературы «малой родины», в частности, как жанра региональной литературы, как модели региональной литературы, которая может стать *инструментом* для изучения как мировой литературы в целом, так и исследований от универсального к локальному [2].

Литература

1. Абашев, В.В. Пермь как текст / В.В. Абашев. – Пермь, 2008. – 496 с.
2. Беженару, Л. Концептът „малка родина“ в диалога на националните литератури от XX–XXI век: автореф. на дис. труд за присъждане на науч. степен „Доктор на науките“ / Л. Беженару. – София, 2015. – 48 с.

6. Беженару, Л. Простые звуки родины моей. Культурологическое исследование менталитета малой родины / Л. Беженару. – LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany, 2012. – 364 с.
7. Wierzbicka, A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, Japanese / A. Wierzbicka. – Oxford University Press. – 328 p.
8. 5. Гузенина, С.В. Образ Родины как предмет научного анализа / С.В. Гузенина. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 276 с.
9. Гачев, Г. Национальные образы мира: курс лекций / Г. Гачев. – М.: Academia, 1998. — 432 с.
10. Степанов, Ю.С. Константы русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.
11. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме. Перевод В. В. Бибихина. Это просмотренный для публикации и в некоторых местах расширенный текст письма французскому философу Жану Бофре, Первая публикация – Heidegger Ì. Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief fiber den Humanismus. – Bern. 1947. – S. 53–119.

References

1. Abashev, V. V. (2008). Permi kak tekst [Perm as text]. (In Russ.).
2. Bezhenaru, Lyudmila, (2016). Kontsept *malaya rodina* v dialoghe natsionalinyh literatur XX-XXI vekov, avtoreferat doktorskoy dissertatzii, [The concept of a small homeland in the dialogue of national literature of the XX–XXI centuries], the author's thesis (In Bulg.).
3. Bezhenaru, Lyudmila, (2012). Prostye zvuki rodiny moei. Kul'turologhitscheskoe issledovanie mentaliteta maloy rodiny, [Simple sounds of my homeland. Culturological study of the mentality of a small country]. LAP LAMBERT Academic Publishing, Germany; (In Russ.).
4. Vezhbicka, Anna, (1997). Ponimanie kul'tur tscherez klyucevye slova. [Understanding cultures through keywords (Understanding cultures through their keywords: English, Russian, Polish, German, Japanese]. (In Russ.).
5. Guzenina.B. (2013). Obraz Rodiny kak predmet nautschnogo analiza [The Image of the Motherland as a subject of scientific analysis.] Belgorod. (In Russ.).
6. Gachev,G., (1998). Natzional'nye obrazy mira. Kurs lektzij. [National images of the world. Lecture course] M., pages 14 – 20. (In Russ.).
7. Stepanov, Y. S. (2003). Konstanty russkoj kul'tury [The Constants of Russian culture], Moscow. (In Russ.).
8. Heidegger, M., (1947) Pis'ma o gumanizme [Letter on humanism]. in translation V. Bibihin. This is an expanded text of a letter to the French philosopher Jean Beaufre, viewed for publication and in some places, the First publication is Heidegger Ì. Plato's Lehre von der Warheit. Mit einem Brief Fiber den Humanismus. Bern., pages 53–119. (In Russ.).

УДК 81.42

ДИСКУРС – ФУНКЦІЙНА ОДИНИЦЯ ВЕРБАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ

Ірина Кучеренко,
доктор педагогічних наук, доцент,
професор кафедри практичного мовознавства,
Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини,
м.Умань, Черкаська обл., Україна
E-mail: kucherenkoia@ukr.net

Лідія Мамчур,
доктор педагогічних наук,
професор кафедри практичного мовознавства,
Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини,
вул. Умань, Черкаська обл., Україна
E-mail: mamchur_l@ukr.net

Євген Мамчур,
кандидат педагогічних наук
старший викладач кафедри іноземних мов,
Уманський державний педагогічний університет імені Павла Тичини,
Умань, Черкаська обл., Україна,
E-mail: e.mamchur@udpu.edu.ua

У статті проаналізовано основні категорії мовної комунікації (дискурс, комунікативний акт, мовленнєвий жанр) з позиції співвідношення між ними. Доведено, що ці важливі структурні одиниці реалізації думки в усному чи писемному мовленні перебувають у ієрархічній взаємодії. Із застосуванням методів пояснювального аналітичного опису, критичного аналізу, узагальнювального синтезу, систематизації і типологізації на матеріалі наукових розвідок

і висновків вітчизняних та зарубіжних лінгвістів виявлено, що дискурс як живий процес спілкування, його звукова та графічна реалізація є найзагальнішою категорією міжособистісної інтеракції. Розглянуто відмінності між текстом та дискурсом як видами комунікативної діяльності. Встановлено, що дискурс містить як лінгвістичні компоненти, так і екстралінгвістичні, на відміну від тексту, що включає тільки мовні та мовленнєві елементи. Встановлено основні типи дискурсів. Робиться висновок про те, що перспективи дослідження буде зосереджено на визначенні класифікації дискурсів та вивчення взаємодії мовних одиниць у дискурсі.

Ключові слова: мовна особистість, мовна комунікація, комунікативна компетентність, дискурс, текст.

A DISCOURSE IS FUNCTIONAL UNIT OF VERBAL COMMUNICATION

I. Kucherenko
doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor
of the Practical Linguistics Department,
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,
st. Sadova, 2, Uman, Ukraine 20300,
E-mail: kucherenkoia@ukr.net

L. Mamchur,
doctor of pedagogical sciences, professor Practical linguistics department,
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,
st. Sadova, 2, Uman, Ukraine 20300,
E-mail: mamchur_l@ukr.net

Y. Mamchur
candidate of pedagogical sciences, senior lecturer of the Foreign Languages Department
Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,
st. Sadova, 2, Uman, Ukraine 20300,
e.mamchur@udpu.edu.ua

The article analyzes the main categories of linguistic communication (discourse, communicative act, speech genre) from the point of view of the relation between them. It is proved that these important structural units of the implementation of thought in oral or written speech are in a hierarchical interaction. Using the methods of explanatory analytical description, critical analysis, general synthesis, systematization and typology on the material of scientific researches and conclusions of domestic and foreign linguists, it was discovered that discourse as a living process of communication, its sound and graphical realization is the most general category of interpersonal interaction. Differences between text and discourse as types of communicative activity are considered. It has been established that discourse contains both linguistic components and extralinguistic, as opposed to text, which includes only linguistic and linguistic elements. The basic types of discourses are established. It is concluded that the research prospects will focus on the definition of the classification of discourses and the study of the interaction of linguistic units in the discourse.

Key words: linguistic personality, linguistic communication, communicative competence, discourse, text.

Вступ

Процес спілкування відбувається у певних фізичних умовах конкретного часу і простору, в межах яких людська мова, взаємодіючи зі значною кількістю немовних чинників (невербальних, соціальних, психологічних, ситуативних, національних та ін.), виявляє себе як особливий мовний код, якому властива специфічна організація. Комунікація є особливим модусом існування живої природної людської мови з властивими тільки їй категоріальною організацією засобів мовного коду. Найважливішими категоріями комунікації є мовленнєвий акт, дискурс, мовленнєвий жанр. Нині вчені все частіше мовленнєвим висловлюванням називають не тільки окремі речення, комунікативні акти, а і дискурс, що вимагає взаємодії комуніканта (адресанта, мовця) і комуніката (адресата, читача або слухача).

Мета і завдання

Мета і завдання статті полягають в тому, щоб проаналізувати основні категорії мовної комунікації з позиції співвідношення між ними; охарактеризувати дискурс як складне комунікативне явище, найзагальнішу категорію міжособистісної інтеграції, його звукову та графічну реалізацію; розглянути відмінності між текстом та дискурсом; визначити основні типи дискурсів.

Методи і матеріали дослідження

З метою реалізації поставлених завдань було використано такі методи дослідження: пояснювальний аналітичний опис, критичний аналіз, узагальнювальний синтез, систематизація і типологізація. Теоретико-методологічними матеріалами статті стали дослідження і концепції вітчизняних та зарубіжних мовознавців в аспекті комунікативної лінгвістики, вчення про мову як засіб спілкування і пізнання, взаємозв'язок мовних явищ; роль і значення мовних, мовленнєвих та позамовних одиниць у спілкуванні.

Виклад основного матеріалу

До основних категорій комунікації, її мовного складника – мовного коду лінгвісти (Ф. Бацевич, М. Кочерган, Дж. Остін, О. Селіванова та ін.) відносять текст, дискурс, комунікативний акт, мовленнєвий жанр. Означені терміни використовують для позначення основних структурних одиниць реалізації думки в усному чи писемному мовленні, перебувають у ієрархічній взаємодії (Рисунок 1).

Дискурс – текст, реалізований у конкретній мовленнєвій ситуації.

Мовленнєвий жанр – спосіб організації та побудови мовлення в конкретній ситуації спілкування.

Мовленнєвий акт – цілеспрямована мовленнєва дія в межах прагматичної ситуації.

Рисунок 1. – Співвідношення мовних одиниць в комунікації

Проблема дискурсу, його змісту та структури є об'єктом наукових інтересів, обговорень та досліджень лінгвістів, психологів, соціологів, лінгводидактів (Н. Арутюнова, Ф. Бацевич, Е. Бенвеніст, Ю. Горідько, Т. Дейк, В.Зегінцев, Л. Златів, М. Казанджиєва, А. Кібрик, В. Красних, О. Кубрякова, К. Кусько, М. Макаров, К. Сєдов, О. Селіванова, К. Серажим, М. Пентилюк, Т. Симоненко та ін.).

З урахуванням сучасних досягнень комунікативної лінгвістики зазначимо, що текст є формальною одиницею мовлення, а функційною одиницею вербального спілкування є дискурс, тобто текст – це частина дискурсу в умовах мовної комунікації. Термін «дискурс» вперше у 1952 р. ввів американський лінгвіст Зелліг Харріс (1909–1992).

Дискурс (від франц. discourse – розмова, < лат. discursus – розмірковування) – це найвища структурна одиниця мовленнєвої комунікації, складне поєднання вербального і невербального. Лінгвістичні дослідження терміна «дискурс» різноманітні, у них простежуються спроби уточнення й розвинення традиційних понять мовлення, тексту та діалогу. Дискурс постає як щось конкретне, індивідуальне, більш мовленнєве, ніж саме мовлення, і водночас більш абстрактне, загальне, мовне, яке піддається вивченню за допомогою традиційних мовознавчих методів.

У наукових розвідках існують різні інтерпретації розуміння дискурсу.

Е. Бенвеніст трактує концепт «дискурс» як «будь-яке висловлювання, що передбачає мовця і слухача й намір першого певним чином впливати на другого, мовлення, що привласнюється мовцем [3, с. 276]».

За висновками Н. Арутюнової, дискурс – це «мовлення, занурене в життя, всякий акт використання мови [1]». Справді, дискурс не можна розглядати поза комунікативною ситуацією, у якій він здійснюється. Дискурсивний текст містить «життєвий текст» у його діяльнісному сенсі на тлі тих подій, що в ньому розвиваються, або мовлення, розраховане на соціальний вплив.

За Ю. Сорокіним, дискурс – це вияв мови як соціально-психічної системи у вигляді емпіричного знака – тексту (тобто реалізація тексту в «живому мовленні») й водночас об'єкт досліджень, спрямованих на створення теорії застосування (використання) мови [8]. Учений справедливо вважає, що в реальному мовленнєвому спілкуванні носії мови використовують дискурси, а не тексти. Ми погоджуємося із висловленою думкою, адже дискурс – це живий текст, його звукова або графічна реалізація, що втілює думку мовця у конкретній ситуації спілкування.

Т. Дейк тлумачить дискурс як «складне комунікативне явище, що включає, крім тексту, ще й позамовні, екстралінгвістичні фактори (намір і цілі комуніканта, знання про світ тощо), необхідні для розуміння тексту» [5, с. 24]. Дискурс відображає складники комунікації, обставини, в яких і для яких він створений, а саме: комунікативні наміри, взаємостосунки комунікантів, соціальні умови спілкування, жанрові та стилістичні особливості висловлювання тощо.

Сучасне розуміння дискурсу О. Сиротініна представляє так: дискурс – це «зв'язний «живий» текст сукупно з прагматичними, соціокультурними, психологічними та іншими чинниками; текст, узятий в аспекті тих подій, які в ньому відображені; це мовлення, що розглядається як цілеспрямована соціальна дія, як компонент, що бере участь у взаємодії людей і механізмів їхньої свідомості; це замкнута цілісна комунікативна ситуація; це певний зразок мовленнєвої поведінки, що проходить в конкретній соціальній сфері [7]. З позиції функційної природи мови дискурс – це будь-яке використання мови у всіх її різновидах. Визначення дискурсу слід розглядати у взаємодії форми і функцій, тому дискурс – це усне або писемне висловлювання.

Лінгвіст Ф. Бацевич стверджує, що «дискурс – тип комунікативної діяльності, інтерактивне явище, тривалий у часі процес, утілений у певній (іноді значній) кількості повідомлень; мовленнєвий потік, що має різні форми вияву (усну, писемну, друковану, паралінгвальну тощо), відбувається у межах одного чи кількох каналів комунікації, регулюється стратегіями і тактиками учасників спілкування і являє собою складний синтез когнітивних, мовних і позамовних (соціальних, психічних, психологічних тощо) чинників, які визначаються конкретним колом «форм життя», залежних від тематики спілкування. Дискурс має своїм результатом формування різноманітних текстів і мовленнєвих жанрів [2, с. 42]». Дискурс як складне поєднання мовного і позамовного є центральним у соціальному вербальному бутті людини, відображає обставини, в яких існує: мету і наміри комуніканта та комуніката, умови мовленнєвої ситуації, соціальні, історичні, національні, релігійні чинники; асоціації із набутим життєвим досвідом тощо. Таким чином переконуємося, що дискурс як складне комунікативне явище стосується спілкування як мовленнєвого процесу;

як певне висловлювання, що передбачає мовця та слухача й намір першого певним чином впливати на другого. Дискурс не можна розглядати поза комунікативною ситуацією, у якій він здійснюється. Дискурс містить «життєвий текст» у його діяльнісному сенсі на тлі тих подій, що в ньому розвиваються, або мовлення, розраховане на соціальний вплив. Дискурс відображає складники комунікації, обставини, в яких і для яких він створений, а саме: комунікативні наміри, взаємостосунки комунікантів, соціальні умови спілкування, жанрові та стилістичні особливості висловлювання тощо. Дискурс – це складне поєднання мовного (вербального) і позамовного (невербального); «живий процес спілкування», «живий текст», його звукова або графічна реалізація, що втілює думку мовця у конкретній ситуації спілкування; найзагальніша категорія міжособистісної інтеракції − тип комунікативної діяльності, інтерактивне явище, мовленнєвий потік, що має різні форми вияву (усну, писемну, паралінгвальну) і відбувається у певних межах каналу спілкування, регулюється стратегіями і тактиками комуні кантів. Отже, дискурс – це складне комунікативне явище, що стосується спілкування як мовленнєвого процесу; певне висловлювання, що містить вербальні та невербальні одиниці і передбачає мовця та співрозмовна (співрозмовників) й намір комуніката певним чином впливати на інших. Дослідження у галузі лінгвістики показують, що існує суттєва відмінність між текстом і дискурсом на основі таких критеріїв, як функційність – структурність, процес – продукт, динамічність – статичність, актуальність – віртуальність [6, с. 88]. Означені відмінності сприяють більш повному розумінню природи і специфіки тексту та дискурсу як видів комунікативної діяльності, зокрема для розмежування цих понять.

Відмінності між текстом і дискурсом

Текст	Дискурс
Ніби «застиглий, закам'янілий»	«Живий процес спілкування»
Не виявляються невербальні засоби	Виявляються невербальні засоби
Одиниця лінгвістичного аналізу. «Відповідник речення»	Одиниця комунікативного аналізу. «Відповідник висловлювання». Висловлювання об'єднує саме речення і соціальний контекст його використання.
Одиниця лінгвальна	Одиниця соціолінгвальна, інтерактивна і трансактивна
Застосовують до давніх текстів, зв'язки яких із життям безпосередньо не відтворюються	Не застосовують до давніх текстів, зв'язки яких із життям не відтворюються безпосередньо

Дискурс містить як лінгвістичні компоненти, так і екстралінгвістичні, на відміну від тексту, що включає тільки мовні та мовленнєві елементи.

Складники тексту і дискурсу

Текст
- предикативна одиниця
- висловлювання
- діалогічна єдність (мікротекст)
- абзац
- макротекст

Дискурс
- мовленнєва дія/ мовленнєвий акт
- комунікативний хід
- інтеракція
- трансакція
- макродіалог (мовленнєва подія)

Комунікант чи комунікат у процесі вербальної комунікації одночасно створює певний тип дискурсу (процес) і будує текст (його результат). Таким чином, дискурс («зупинний, вичерпаний») перетворюється на текст як структуру з певними характеристиками. Разом з тим, потрапляючи до співрозмовника, текст наповнюється особистісними інтенціями і смислами цього комуніката і стає джерелом творення нових дискурсів.

У науковій літературі представлено різнотипні класифікації дискурсів: на основі типології зв'язків між комунікатом і комунікантом, за спрямованістю на процес або результат спілкування; за емоційно-експресивністю; за мірою офіційності, серйозності, ієрархічності стосунків тощо. Використавши здобутки дослідників, ми виділяємо основні типи дискурсів: на основі каналів комунікації − усний, писемний (друкований, писаний, мальований), комбінований); зоровий, слуховий, комбінований; теледискурс, радіодискурс, відеодискурс, інтернетдискурс тощо; на основі міжособистісних стосунків − зовнішній (спілкування з людьми чи тваринами), внутрішній (спілкування з внутрішнім «Я»).

Висновок

Найвищою структурною одиницею мовної комунікації є дискурс. У реальному мовленнєвому спілкуванні носії мови використовують дискурси,

а не тексти. Результатом дискурсу є різноманітні мовленнєві жанри. Дискурс є сукупністю мовленнєво-мисленнєвих дій комунікантів, пов'язаних з пізнанням, осмисленням та презентацією навколишнього світу мовцем і розуміння співрозмовником мовної картини світу мовця. Перспективу подальших досліджень вбачаємо у визначенні класифікації дискурсів та вивченні взаємодії мовних одиниць у дискурсі.

Література

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия – 1990. – С. 136–137.
2. Бацевич, Ф.С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф.С. Бацевич. – К.: Довіра, 2007. – 205 с.
3. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва, 1974. – 448 с.
4. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ : лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М. : Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
5. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. [сб. работ]. – М. Прогресс, 1989. – 310 с.
6. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
7. Сиротинина, О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – 237 с.
8. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю.А. Сорокин. – М., 1985. – 217с.

References

1. Arutjunova, N.D. (1990). Diskurs. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'*. [Discourse. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*]. Moscow. Sov. jenciklopedija . 136–137. (In Russ.).
2. Bacevich, F.S. (2007). *Slovnik terminiv mizhkul'turnoï komunikaciï.* [*Glossary of Terms of Intercultural Communication*]. Kiev: Dovira. (In Ukr.).
3. Benvenist, Je. (1974). *Obshhaja lingvistika.* [*General linguistics*]. Moscow. (In Russ.).
4. Gasparov, B.M. (1996). *Jazyk, pamjat', obraz : lingvistika jazykovogo sushhestvovanija*. [*Language, memory, image: linguistics of linguistic existence*]. Moscow. Nov. lit. obozrenie. (In Russ.).
5. Dejk, T.A. Jazyk. (1989). *Poznanie. Kommunikacija*. [*Language. Cognition. Communication*]. Moscow. Progress. (In Russ.).
6. Makarov, M.L. (1989). *Osnovy teorii diskursa.* [*Fundamentals of the theory of discourse*]. M. ITDGK «Gnozis». (In Russ.).
7. Sirotinina, O.B. (1999). Nekotorye razmyshlenija po povodu terminov «rechevoj zhanr» i «ritoricheskij zhanr». *Zhanry rechi*. [Some thoughts about the terms "speech genre" and "rhetorical genre". *Genres of Speech*]. Saratov. V. 2. (In Russ.).
8. Sorokin, Ju. A. (1985). *Psiholingvisticheskie aspekty izuchenija teksta*. [*Psycholinguistic aspects of the study of the text*]. Moscow. 1985. (In Russ.).

УДК 81.42

ИНТЕРТЕКСТОВАЯ СИНЕРГИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕКСТОКРЕАЦИИ

А.П. Седых

профессор, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой немецкого и французского языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета
г. Белгород, Россия
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Статья посвящена рассмотрению проблематики интертекстовой интеракции в процессе текстопорождения художественного произведения. Даётся трактовка идиолектной организации текста с применением методики филологического декодирования дискурсных смыслов. Интертекстуальность расценивается не только как корреляция с иными текстами, но и как ассоциативный потенциал дискурсных приращений смысла на уровне читательского восприятия. Главный акцент делается на выявление специфических образно-репрезентативных моделей актуализации речевого высказывания. Делается вывод о важности компонентного подхода при исследовании уровней интертекстуальности и коммуникативности художественного дискурса. Намечаются перспективы анализа лингвокогнитивного моделирования алгоритмов текстокреации в рамках дискурсов любого типа.

Ключевые слова: интертекст, идиолект, художественный дискурс, речевое высказывание.

INTERTEXT SYNERGY OF LITERARY TEXTCREATION

A.P. Sedykh,

Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of German and French Languages,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia
E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

The article is devoted to the consideration of the problems of intertextual interaction in the process of text-creation of a

work of art. An interpretation of the textual idiolectal organization is given using the method of philological decoding of discursive meanings. Intertextuality is regarded not only as a correlation with other texts, but also an associative potential of discursive increments of meaning at the level of reader's perception. The main focus is on identifying specific figuratively representative models of the actualization of speech utterances. The conclusion is made about the importance of the component approach in the study of the levels of intertextuality and communicativeness of artistic discourse. Prospects for the analysis of linguistic-cognitive modeling of texturing algorithms within discourses of any type are outlined.

Key words: intertext, idiolect, artistic discourse, speech utterance.

Введение

Проблемы функциональной синергии единиц разных уровней языковой системы в последнее время привлекают внимание лингвистов. Особенный интерес к межуровневым структурам проявляется при рассмотрении композиционных построений больших, чем предложение, например, сверхфразовых единств, целого текста [3].

Теория текста как комплексная обобщающая дисциплина сложилась в результате интеграции взаимодополняющих дисциплин: текстологии, лингвистики теста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, однако, несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, теория текста обладает и собственным гносеологическим статусом.

Цели и задачи

Исследовательские задачи анализа художественного текста базируются на идее предварительной жанровой обусловленности свободы выбора автором тех или иных средств реализации смысловой структуры высказывания. Вместе с тем, не исключается авторская организация текста и наполнение его языковым материалом, который можно определить как идиолектную специфику, что представляется чрезвычайно важным в процессе лингвофункционального анализа.

Методы и материал исследования

При филологическом декодировании неявного смысла текста осуществляется ориентация на двойственную природу языкового знака. Обладая и смыслом, и формальным воплощением, он может ассоциироваться в том же тексте или в других текстах с иными знаками (как по смыслу, так и по форме) и перекликаться с другими компонентами текста по фрагментам своей субстанциональной структуры.

Декодированию традиционно подвергаются содержательные структуры текста и авторское отношение к сообщаемому, авторские намерения. В тексте, как и во всяком человеческом самовыражении, обнаруживаются сознательные, управляемые, и бессознательные, не управляемые, но столь же объективные процессы восприятия, воздействующие на адресата высказывания.

Во всяком тексте выявляется несколько пластов организации: от общих правил связности любого текста до уникальной дешифруемой смысловой структуры – художественного текста, так как художественный текст, являясь «воспроизведением» действительности, создает, по мнению В.В. Виноградова, свою систему связей и соотношений слов, композиционных элементов и частей разного объема и разной структуры [1]. В тексте также возможны наложения других текстов, ассоциативные комбинации которых создают дополнительный смысл («текст в тексте» – интертекст).

Под интертекстуальностью обычно понимают аспекты текста, которые эксплицитно или имплицитно связаны с другими тестами, а также любые ассоциации, возникающие у читателя.

Интертекст есть основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что в тексте используются цитаты и реминисценции, отсылающие к другим текстам.

В нашей статье применяется концепция «интертекста» Ю. Кристевой, рассматривающей «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – письма самого писателя, письма получателя (или персонажа), и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [5, с. 144]. Процедуру возникновения интертекста французский лингвист и психоаналитик Юлия Кристева называет «чтением-письмом»: «интертекст *пишется* в процессе *считывания* чужих дискурсов и поэтому «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [ibid., 145].

«Интертекст» есть семиотическое пространство, не выходящее за пределы семантики текста рассматриваемого произведения, но коррелирующее с культурологическим аспектом этого термина. О влиянии интертекста на смысл произведения указывает И.А. Суханова: «Смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается в творчестве того же автора, в смежном искусстве, в смежном дискурсе или предшествующих» [4, с. 57].

В том, что касается интертекстовых построений изучаемого автора, то наряду с реминисценциями и отсылками к другим произведениям мирового художественного творчества, анализируемый текст строится на анафорических повторах композиционно-речевых структур. Иными словами, интертекстовое пространство образуется путем

самоцитирования на уровне предметно-пропозитивных субструктур.

Результаты и их обсуждение

В данной перспективе цитата понимается нами не как носитель простой дополнительной информации, а как залог самовозрастания смысла текста, воздействующего на семантику составляющих его единиц. Здесь речь идет об особом типе повествования, когда центр тяжести переносится на внутренние соотношения элементов языковых и смысловых структур, подчиненных фрагментарно-ассоциативному принципу изображения и восприятия образа. Важно отметить, что ассоциативные отношения в семантике языковых единиц возникают в процессе включения слов в речь в акте коммуникации. Сущность подобного акта не сводится к объединению слов в знаковую ситуацию, охватывающую отношение знака к предмету и отношение автора к предмету мысли. Актуализированное предложение рассматривается не только как определенная синтаксическая модель, но во всех указанных аспектах (номинативном, модальном и логико-коммуникативном), составляет речевое высказывание.

Динамика актуализации изменяет некоторые существенные аспекты знаковых отношений в языке, которые касаются структуры самих этих отношений, объема знака и отношений наименования. Так, если на уровне языка знаковые отношения представляют собой соотнесенность: наименование ↔ сигнификат/ денотат, то на уровне речи лингвистический знак имеет соотношение: наименование/ сигнификат ↔ денотат [2, с. 213]. В процессе реализации речевого значения границы знака модифицируются, так как в этом случае происходит семиотический акт, то есть установление соответствия между языковыми формами и отрезком обозначаемой действительности. В связи с этим внутри высказывания слово может претерпевать различные семантические трансформации, изменять свое значение, подвергаться семантической нейтрализации, десемантизации и т.п. В свете соотношения языка и действительности интертекстуальные построения могут выполнять функцию внешне лингвистических факторов номинации.

При анализе фактического материала в исследовании также учитывается семиотический принцип «означивания». При помощи этого термина Ю. Кристева описывает основной аспект текстопорождения: «Мы будем называть *означиванием* ту *работу* по дифференциации, стратификации и конфронтации, которая осуществляется в языке и которая проецирует на линию, создаваемую говорящим субъектом, коммуникативную и грамматически структурированную цепочку означающих» (...). Семанализу, который будет изучать в *тексте* означивание и его разновидности, придется встать по ту сторону означающего, субъекта и знака, равно как и по ту сторону грамматической организации дискурса, с тем, чтобы достигнуть той зоны, где сосредоточиваются ростки того, что станет значением в наличном состоянии языка» [5, с. 9].

Выводы

Итак, при компонентном анализе значения высказываний учитываются интертекстуальный и коммуникативный аспекты художественного текста, играющие важную роль в текстокреации семантико-смысловой структуры произведения, при этом интертекст рассматривается как проективная виртуальная текстовая реальность, которая может быть реконструирована через актуализируемый контекст, языковые структуры которого генерируют дополнительные смыслы на всех уровнях семантической и семиотической организации креативного дискурса. Перспективы исследования интертекстуальности видятся в рамках лингвокогнитивного моделирования универсальных семиотических алгоритмов текстопорождения.

Литература

1. Виноградов, В.В. Проблемы русской стилистики / В.В.Виноградов. – М., 1981. – 247 с.

2. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г.Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.

3. Прюво, Ж. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения / Ж. Прюво, А.П.Седых, Л.М. Бузинова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Т. 4, №3 , 2018. – С. 21–35.

4. Суханова, И.А. Интертекстуальные связи в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / И.А. Суханова. – Ярославль, 1998. – 211 с.

5. Kristeva, J. Le Temps sensible. Proust et l'expйrience littйraire / J. Kristeva. – Paris: Folio Essais, 2000.

References

1. Vinogradov V.V. (1981). *Problemy russkoj stilistiki* [Problems of Russian stylistics]. Moscow. 247 (In Russ).

2. Gak V.G. (1998) *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Transformations]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury». 768. (In Russ.)

3. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018). *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdeniya* [Text, context, intertext: synthesis of meaning] *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki.* T.4, №3. 21-35. (In Russ).

4. Suhanova I.A. (1998). *Intertekstual'nye svyazi v romane B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago»* [Intertextual links in the novel by B. L. Pasternak «Doctor Zhivago»]: dissertaciya ... kandidata filologicheskih nauk: 10.02.01. Yaroslavl'. 211. (In Russ).

5. Kristeva, J. (2000) *Le Temps sensible. Proust et l'expürience littüraire*. Paris: Folio Essais. (In French).

УДК 81’373.612.2

ФЕНОМЕН САМАСЦІ І *ДРУГІ*
(да пытання аб самавітым слове)

В.І. Сянкевіч
прафесар, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры агульнаадукацыйных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна,
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sienkiewiczw.tut.by

Ю.А. Капцова
старшы выкладчык кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта
г. Брэст, Рэспубліка Беларусь
E-mail: yu_ll_yy@mail.ru

В статье предпринята попытка феноменологического подхода к лингвистическому изучению этических феноменов языка. Создаются предпосылки для паралингвистики, составляющей антитезу традиционной институциональной лингвистики. Раскрывается парадоксальный характер воплощенных в языке феноменов самости и Другого. Отмечается место апофатического метода в изучении сущностей, находящихся за пределами дискурсивного познания, их пралогический характер, неуловимость в концептуальную сетку языкового сознания и невозможность категоризации.

Ключевые слова: самость, другой, феноменология, импликация, этос.

PHENOMENON OF THE SELF AND OTHER
(on issues of a self word)

V.I. Siankevich
Professor, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of General Education Subjects and Methods of Teaching,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Brest, Republic of Belarus

Yu.A. Kaptsova
Teacher of the Chair of Russian and Belarusian Languages of Brest Technical University,
Brest, Republic of Belarus

An attempt of phenomenological approach to linguistic study of ethic phenomena of language is made in the article. The groundwork for paralinguistics is created which composes antithesis of traditional institutional linguistics. Paradoxical character of the self and other phenomena materialized in the language is revealed. The role of apophatic method in study of entities beyond discursive cognition, their prological character, imperceptibility in conceptual net of linguistic consciousness and impossibility of categorization is marked.

Key words: the self, other, phenomenology, implication, ethos.

Уводзіны

Фенаменальная сутнасць самасці не дае мажлівасці азначыць яе адказам на пытанне *“Што гэта такое?”,* аднак кожнаму знаёмы стан, які перажываецца чалавекам, калі ён у захапленні выгаворвае слова “вельмі”. Наўрад ці ёсць мовы, у якіх адсутнічаюць імпрэсівы накшталт бел. *вельмі,* рус. *очень,* пол. *bardzo* нем. *zer* і г.д. У спалучэнні з ацэначнымі прыслоўямі яны служаць для выяўлення рэфлексіі над станам, які называецца ў мовах свету па-рознаму – *прыемнасць, шчасце, Божа Ласка, нірвана;* рус. *благодать* і г.д. Вывучэнне Самага ёсць непратораны шлях да парадаксальнай лінгвістыкі – паралінгвістыкі.

Асноўная частка

Самасць выяўляецца ў статычным стане нерушу. Яна цураецца спантаннага руху, не прысутнічае ў свядомым дзеянні. Яе нельга прычыніць. Самасць сама рэалізуецца, але толькі пры адной умове – ёй нічога не пярэчыць. Пачуццё самасці аказваецца даступным, калі адкінуць усё. Яе маніфест – *Нічога.* Збавенне ад усяго – шлях да самога чалавека і яго аўтэнтычнасці. Свет без усяго і ёсць сама рэальнасць – непазначаная натура. У ім нічога не існуе, апрача ўсяго, што ёсць: “...to wieczne JEST, co ani było, ani będzie, ani może być, niepodległe wolnym wyborom, nieodstępne od najlepszości, nieludzko koniecznie” [5, с. 2].

Парадокс самасці агучваецца ў словах *“Не існуе, але ёсць”.* Стан абсалютнай самасці выяўляецца словамі “*Ёсць і больш нічога” – “ні,ні”, “ніяк”.* Ёю валодае *Сам* Бог. Тварны свет – самавіты ці несамавіты. Калі з’яўляецца пазітыўнае “як”, адбываецца пераварот на 180*, якім знамянуецца здрада першаснаму нязменнаму стану нерушу. Неверагодная цяжкасць – узяць рэчы самі па сабе. Пазітыўнае “як” стаіць на шляху прыбліжэння да рэальнасці, пра якую нічога не скажаш, акрамя таго, што яна *ёсць*. Канцэптуалізаваць і злавіць яе ў сетку катэгорый

немагчыма. Аналогія – сонечны зайчык. Гэта нечаканы і негаданы свет сутнасцей і ўпэўненасцей чалавека. Для яго найважнейшай аказваецца менавіта гэтая скрытая ад пабочнага вока сутнасць рэчаў. Толькі тут ён сустракаецца з парадаксальнай сутнасцю (эсэнцыяй) рэчаў, якая здымаецца іх артадаксальным існаваннем (экзістэнцыяй).

Рэальнасць не проста ёсць, але ёсць для каго. Выраз аб'ектыўная рэальнасць, хаця і правільны, але сімулятыўны. Не існуе гуку без чалавечага вуха. "…Ухо обманывает нас, приписывая свойства солнечного луча цветку, на который мы смотрим. Ухо обманывает нас, считая колебания воздуха свойством звенящего колокольчика. Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства, условия своей деятельности на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи <…> Но мы не замкнуты безнадёжно в этой "голубой тюрьме", пользуясь образом Фета [1]. З вектара "для каго" пачынаецца аспект чалавечага вымярэння рэальнасці. Кожны прымярае яе да сябе. Для кагосьці нешта падыходзіць і маніфестуецца словам "маё", а для кагосьці не, напр.: *Не* ***мой*** *сёння дзень.* ***Мой*** *памер.* ***Мой*** *вучань.* ***Мая*** *школа. Гэта не* ***маё*** і г.д. Займеннік *мой* у такіх імплікацыях не мае значэння ўласнасці ("чыё?). Гэта не лагічнае адмоўе, а адцуранне ад усякай уласнасці – *"Не маё, і ўсё тут"* – ці безагаворачнае прыняцце бліжняга.

Феномен самасці ёсць у *самім* жыцці. Сказаць, што такое жыццё, значыць паказаць яго адваротны бок, ператварыць у лагічную форму паняцця. «Ты спрашиваешь: что такое жизнь? Это все равно, что спросить: что такое морковка? Морковка есть морковка, и больше ничего…» – напісаў у адным з пісем А. П. Чэхаў сваёй жонцы [2]. Формула "А ёсць А" не з'яўляецца формулай тоеснасці. Пад яе падыходзіць іманентны стан усяго, што ёсць: *жыццё ёсць жыццё, дзеці ёсць дзеці* і г.д. Гэты пралагічны стан свету ў самой натуры супрацьпастаўляецца яе знакаваму прадстаўленню па схеме "А гэта В".

Асэнсаванню імплікацый накшталт "А ёсць А" спадарожнічае філасоўская запытальнасць – *"А што* ***тут*** *зробіш?"*. Адказ відавочны – *Нічога*. У *"Нічога"* гучыць не пакора лёсу, але мудрае прыняцце рэальнасці, з якой штосьці рабіць бессэнсоўна. Але негатыўная сутнасць самасці не зачэпка для адчаяння. Насупраць, самае ёсць у Яго глыбіннай ірацыянальнай відавочнасці даступнай кожнаму на шляху самапазнання. Цяжкасць у знаходжанні гэтага шляху. На шчасце, чалавецтвам ён ужо знойдзены. Кожны прымярае Яго на сябе. Гэта шлях негацыі.

Чалавек прабывае ў няведанні адносна самасці, аднак ён ведае ўсё, што ёю не з'яўляецца. Ступіўшы на шлях самапазнання, патрэбна, паводле Эдмунда Гусерля, ажыццявіць фенаменалагічную рэдукцыю – вынесці за дужкі *"ўсё такое"* – усякую муць. І ў дужках акажацца толькі светлае. Гэтая рэдукцыя – шлях прасвятлення. Мы заўважаем яго, напрыклад, у браджэнні і атрыманні вытрыманага віна, у ежы: пол. *wytrwałe wino*. Гэта шлях набліжэння да трываласці – шлях на Парнас, а не на Алімп. У самасці сіла, але не моц. Антыномію трывалага і моцнага, заўважаем, напрыклад, у дубе-волаце і магутным зубры, у энергіі імені і сіле слова.

Збавенне ад усяго не фактычнае агаленне, а выяўленне (рус. *обнажени*е). Гэта шлях творчасці – недыскурсіўнага пазнання сутнасці рэчаў. Ён фенаменалагічны. Паводле Мярло-Панці Морыса, "фенаменалогія ёсць вывучэнне сутнасцей." [3, с. 55]. Гусерль назваў сваё вучэнне «археалогіяй» – інтэлектуальнымі раскопкамі ў вобласці мыслення [6, с. 55]. Фенаменалогіяй заўважаецца прынцыповая розніца паміж археалагічным мінулым і гістарычным былым – паміж з'явай і феноменам. Феномены, як "неіснуючыя сутнасці", напр., *праўда, шчасце, пацеха* і г. д., цалкам не з'яўляюцца кагнітыўнымі канцэптамі. Яны парадаксальна не існуюць, але ёсць. Напрыклад, феномен Бога ў Дастаеўскага: *Стало быть, тот бог* ***есть*** *же, по-вашему? –* ***Его нет, но он есть****. В камне боли* ***нет, но*** *в страхе от камня* ***есть*** *боль. Бог* ***есть*** *боль страха смерти* ("Старцы").

Адзнака сучаснасці – недахоп самасці. Стан несамавітасці заўважаецца не столькі ў адсутнасці волатаў, колькі ў пачуцці самотнасці. І гэта не ёсць стан сіратлівага сумавання. Яго нельга перамагчы – ён перажываецца: *перажыць галечу, перажыць ліхаллецце* і г.д. Перажыванне не з'яўляецца працэсам, але станам. У ім няма пераходнасці, але ёсць селектыўная пераймальнасць папярэдняга і наступнага з пакіданнем *для сябе* жыццёва рэлевантнага і адкідваннем усяго мёртвага. Мертвае не існуе пасля смерці, а ўплятаецца ў жыццё сваім смяртэльным сумам і адзінотай.

Стан несамавітасці перажываецца толькі ў пары з Другім. Без покрыва – плоці Другога – нічога не ажыццяўляецца. Але ёсць адна ўмова – трэба не забываць, што Другое не іншае. Іншае супрацьпастаўляецца падобнаму, з якім звязваецца ідэя дабра. Самасць знаходзіцца па той бок дабра і зла – да гісторыі з райскім яблыкам. Яе міласэрнасць не адлюстроўваецца, але рэхам адгукаецца ў кожным сустрэчным. Другое – умова паўстання з небыцця. У ходзе паўстання рэдукуецца неабходнасць існавання ўсяго астатняга. Погляд Другога не сведчыць, але стварае відавочасць. Другі нічога не змяняе, але імгненна ці павольна пераабражае ўсё. У ім паратунак ад пошласці і агіднасці. Ён бывае брыдкім і пачварным, але гадкім – ніколі. З яго чэрпаюць жыццёвую сілу. Яго нерушу – перадумова ўсякага руху. Рух як парушэнне спакойнай цноты Другога – паталогія. *"Што вас непакоіць?"* – падставовае тэрапеўтычнае пытанне.

Усё існуючае мае сваё Другое: *свет* – другі колер, *прытулянне* – другое каханне, *пакой* – другая цішыня, *гонар* – другая годнасць, *этас* – другі пафас, *знявага* – другая абраза, *споведзь* – другое пакаянне, *свабода* – другая воля, *жанчына* – другі чалавек, *слова* – другое імя і г.д. Другое – парафраза ўсяго названага. Да гэтых пор яшчэ не складзены слоўнік Другога, напр.: “Этычны слоўнік беларускай мовы.” У ім знойдуцца не тыя словы, якія помняцца (словы-помнікі), а словы незабыўныя (словы-“незабудкі”): параўн.: *Я цябе запомніў* і *Я цябе ніколі не забуду*. Другія словы не сведчаць, але самі за сябе гавораць. Паводле Ф. М. Янкоўскага, гэта “гаваркія словы” – словы з выяўленай самасцю.

Другое характарызуецца двума аспектамі. Другому характэрны не толькі цудоўныя абрысы, але і непаўторны твар. У грамадстве месца Другога займае другі чалавек, напрыклад, жанчына, укр.: *Молода дружина генерала Кожем'якіна Ліда Смирнова – дівчина, дуже схожа на відому в той час актрису і її абсолютна тезка* (фільм “Дружина генерала”, 2011). У польскай мове *drużyna* – футбольная каманда. Неад’емны персанаж славянскага вяселля – пол. *drużka, drużba,* бел. *дружко*. Дружына – паплечнікі князя: *Братие и дружино* (“Слова…”). Важна не забываць, што Другі – не індывід (аб’ект). Аб’ектывацыя ператварае другога ў адзінага – адзінароднага. Другі не родны каму-небудзь, не блізкі яго, але бліжні і найбліжэйшы *ад* яго.

Другі не апякун, які дзейнічае ад імя, а заступнік. Ён заступаецца за чалавека і ратуе яго ад самотнасці. Другі – і *Сам* Бог. Але Бог знойдзены і званы, а не пакліканы і выбраны. Параўнаем: *мы з Богам*, аднак: *Бог з намі* (*Got mit uns*). У апошнім выразе на змену самасці прыходзіць механічнасць, і пра чалавека – вярхоўнае званне на зямлі – забываюць.

Другі не той, з кім мы куды-небудзь збіраемся. *З-божа* – не актуальнае, але надзённае. Другое не тое, што каму-небудзь падабаецца. З ім чалавек сходзіцца – яно зыходнае (архэ). Сходка не збор. Гучыць парадаксальна, але калі хтосьці з Другім, то іх не двое. Другое парнае, а не дыялагічнае. Дыялог параджае адказнасць, а Другі за ўсё адказвае, не несучы адказнасці. Прынцып парнасці вытрымліваецца ў спалучэннях накшталт *мужык з бабай, хлеб з маслам, чай з сахарам, сала з соллю*. Стан “без” – самотны. “Ні з чым” – нішчымніца.

Была б аблуднай думка, што Другі (Другая) – гэта жонка ў шлюбе, або саратніца ў барацьбе, або калега ў працы. Жонка можа быць і першая, і другая, і трэцяя і г.д. Але калі *“У яго ёсць Другая, яна не такая…* (З песні), то *Другая* – гэта зусім не другая па ліку. Другі не стымулюе, а дае імпульс; не сочыць, а паглядвае. Погляд Другога не бярэма, якое нясуць, а іга, пад якім ходзяць і якому плацяць даніну, а не аддаюць належнае па праву.

Чалавек дужы Другім. Парадаксальна, але сіла і вялікасць Другога ў яго немачы і нікчэмнасці. Ён нікуды не годны, і не да чаго не прыгодны. Утылітарная каштоўнасць і сацыяльная годнасць для яго не характэрны. У яго няма ні вампірызма, ні агрэсіўнасці. Але з яго ёсць што ўзяць і пачарпнуць. Ён не выток (рус. *источник,* пол. *źródło*), а крыніца (рус. *устье*), фантан, вусны (рус. *уста*) і г.д. Ён не стымул, а імпульс. Ён “імп” – *імпульсіўны, імпрэсіўны, імператыўны, імпазантны, імпэтны, імгненны.* Імпэт Другіх не тое, што жарсць усіх астатніх. Для яго не характэрна паталагічная ахвярнасць (параўн. пол. *patos*, бел. *пафас*). З Другога чалавек не п’е, не цягне, а чэрпае сілу жыцця (“ці”) – сілу, якая жывіць семя на шляху яго метамарфоз у дрэва (параўн. *з-дароўе*). Гэта не дар – а падарунак, не добры геній, а талент. З Другім, у прысутнасці Другога *чалавек* не набывае вартасці, але аказваецца каштоўным самім па сабе.

Другога не выбіраюць. Іншы раз жыццё змушае зрабіць выбар, г.зн. пабуджае да актыўнасці і адцягвае ад татальнасці штодзённага жыцця. Татальнае не працягваецца. Працягласць у часе і прасторы – уласцівасці матэрыі. Татальнае не цягнецца і не доўжыцца, а трывае імгненне. З незабыўных імгненняў, якія не забываюцца, і спрэсавана жыццё. Усё астатняе – як доўгае, так і кароткае – вартае жалю існаванне. У адрозненне ад усіх астатніх, Другі нікуды не ідзе, але вечна вяртаецца ў страчаны стан сваёй аўтэнтычнасці – дзе, яму не страшна і спакойна. Вечнае не існуе пасля смерці, а даступна для чалавека ў самім жыцці. У вечным ходзе вяртання да сваіх перадумоў і пазнаецца самаё само. Але не кожны падыходзіць – набліжаецца – да самога сябе. Большасць прыбывае *ў сабе.*

Месца Другога ў жыцці чалавека займае Слова. Жыццё і смерць у Яго ўладзе. Жывое самавітае слова не адзінка, а першасны элемент. Яно “ні, ні” і “ей, ей”. Не таямнічае, але сакрэтнае і патаемнае. Бывае і “каб”: *Каб ты не даждаў*. *Каб ты скіс* (жарт.). *Каб у цябе (свіні) хвост у сала ўрос*. Гэта не магія, а волхства, не зброя, а шанцавы і музычны інструмент. Яно пазбаўлена ваяўнічага “гэй”, але не цураецца рэфлексіўнага “ой”. Яно не зваротнае, але паваротна-апелятыўнае – рэфлексіўнае. Яно не голас сумлення і глас закона, а вечны покліч і позыў.

Бывае Слова Купалы, Слова Багдановіча, але ёсць і слова ананімнае. Яно не “не агульнае” (рытарычнае) – не адкрываецца, але творыцца, як і Праўда. Слова з праўдай – сапраўднае, аўтэнтычнае, але не ідэнтычнае. З ідэнтыфікацыі пачынаецца іменная дыскурсія ў якой адваёўвае сабе пазіцыі абранае – асоба, але не знаходзіцца месца званаму – чалавеку. У дыскурсе слова пабочнае.

Самавітае не здзіўляе, але ім немагчыма не захапляцца. Каб спасцігнуць яго веліч, неабходна

адказацца ад ацэначнага мыслення. Нічога незвычайнага і звычайнага ў ім няма. Самасць знаходзіцца *над* культурай з яе звычаямі. Яно не належнае і не залежнае. Праўдзівае і сапраўднае слова не словаформа, а словатвор. Яно пазнаецца ў няведанні. З таго, што існуе больш за двухсот навуковых азначэнняў слова вынікае, што вучоныя не ведаюць, што такое слова. Аднак наўрад ці знойдзецца чалавек з ім незнаёмы. Веданне распінае Слова. Агонія Слова – парафразы Хрыста – прадаўжаецца.

Заключэнне

Сучаснае артадаксальнае мовазнаўства топчацца на тэзісе, аднак не ў стане змясціць акцэнт на антытэзіс, ужо не гаворачы пра Вялікі Сінтэз Жыцця. Гуманітарыям даўно пара перастаць звяртацца да канцэптаў і катэгорый і падысці бліжэй да феноменаў. Пры такой умове мовазнаўства не толькі набудзе абрысы рэальнай і сапраўды гуманітарнай навукі, але і стане служыць жыццю. Мовазнаўства не дакладная, але канкрэтная навука. Гуманітарныя навукі, узброіўшыся гістарычнымі метадамі, гібеюць без фенаменалагічнай археалогіі. Археалогія мовы – самае надзённае пытанне сучаснасці.

Літаратура

1. Брюсов, В. Ключи тайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.by/books?id. – Дата доступа: 19.04.2019.
2. Книппер, О.Л. Из письма А. П. Чехова жене – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://felisata.livejournal.com/5555355.html. – Дата доступа: 19.04.2019.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия. Перевод с французского / М. Мерло-Понти ; под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – Санкт-Петербург, 1999. – 217 с.
4. Соловьев, В. Чтения о богочеловечестве / В. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Москва, 1989. – Т.2. – 217 с.
5. Bańkowski, A. Autor o sobie / A. Bańkowski // Etymologiczny słownik języka polskiego, Warszawa: PWN, 2000.
6. Husserl E., Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendentale Phanomenologie / E. Husserl // Husserliana. Gesammelte Werke, bd. VI, Den Haag, 1976.

References

1. Bryusov, V. *Klyuchi tajn [The keys of the mysteries]*. Retrieved 19.04.2019 from: https://books.google.by/books?id.
2. Knipper, O.L. *Iz pis'ma A. P. Chekhova zhene [From Chekhov's letters to his wife]*. Retrieved 19.04.2019 from: https://felisata.livejournal.com/5555355.html.
3. Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya. [Phenomenology of perception]*. Saint-Petersburg.
4. Solov'ev, V.(1989). Chteniya o bogochelovechestve. *Cochineniya* [Reading about God-manhood. *Compositions*]. 2. Moscow.
5. Bańkowski, A. (2000) Autor o sobie. *Etymologiczny słownik języka polskiego.* [The author about itself. *Etymological dictionary of the Polish language*]. Warszawa. PWN Publ. (Ib Polish).
6. Husserl E. (1976). Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendentale Phanomenologie. *Husserliana. Gesammelte Werke*. [The crisis of the European Sciences and transcendental Phenomenology. *Husserliana. Collected Works*]. VI, Den Haag.

УДК 81.374.8’42-13

РОЛЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ТЕКСТОГРАФИИ В РАЗВИТИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В.К. Щербин

кандидат филологических наук, заведующий сектором исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: slavalex@mail.ru

В статье анализируются такие направления текстового анализа, как параллельная текстография и сравнительная лексикография. С применением текстового, сравнительного и функционального методов на материале линейных (художественных, научных, деловых и прочих) и нелинейных (словарных) текстов выявлены и описаны общие и специфические элементы параллельной текстографии и сравнительной лексикографии. Делается вывод о первичности параллельной текстографии в отношении сравнительной лексикографии, для которой параллельная текстография создает надежную фактологическую основу в виде корпусов полностью эквивалентных (параллельных) линейных текстов на разных языках.

Ключевые слова: параллельная текстография, сравнительная лексикография, корпуса параллельных текстов, двуязычные словари, сравнительный анализ словарей.

THE ROLE OF PARALLEL TEKSTOGRAPHY IN THE DEVELOPMENT OF COMPARATIVE LEXICOGRAPHY

V.K. Shcherbin
Cand. Phil. D., head of the sector of macroeconomic risks research of the Center of System Analysis and Strategic Research, the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

The article deals with such domains of text analysis as parallel textography and comparative lexicography. Overarching and specific elements of parallel textography and comparative lexicography are identified and described through textual, comparative and functional methods based on linear (artistic, scientific, business and other) and non-linear (dictionaries) text material. The conclusion is drawn about the primacy of parallel textography versus comparative lexicography, for which the prior (parallel textography) creates a reliable factual basis in the form of corpuses of fully equivalent (parallel) linear texts in various languages.

Keywords: parallel textography, comparative lexicography, parallel text corpuses, bilingual dictionaries, comparative analysis of dictionaries.

Введение

Начать данный доклад имеет смысл с определения ключевых для нашего исследования концептов, таких как *параллельная текстография* и *сравнительная лексикография*. Что касается первого из них, то в одной из моих работ его понятийное содержание описывалось следующим образом: «…конфронтативное сравнение языков лежит в основе такого новейшего направления современной лингвистической компаративистики, как параллельная текстография. Практическая ценность имеющихся параллельных текстов на разных языках как источников лексической и прочей информации была осознана исследователями достаточно давно. В частности, еще в 1978 г. А.Е. Супрун называл в качестве ценных источников информации о лексике полабского языка «несколько параллельных текстов на полабском и немецком языках, содержащихся в названных словарях» (немецко-полабском словаре Парум-Шульце, Копенгагенском словаре, полабско-немецком словаре Дамеера, французско-полабском словаре Пфефингера и ряде других. – *В.Щ.*) [6, с. 128]. Однако теоретическое значение отдельных опубликованных параллельных текстов для проведения сравнительных исследований разных языков оценивалось невысоко: “Работа с текстами приносит ограниченные результаты уже потому, что ограничены корпусы текстов” [10, с. 169]. Все изменилось с появлением больших по объему информации современных электронных корпусов параллельных текстов… К настоящему времени, например, в Республике Беларусь усилиями, в первую очередь, профессора Александра Зубова создан ряд электронных корпусов параллельных текстов на разных языках: 1) большой корпус текстов белорусского языка, который включает 1 млн. словоупотреблений белорусских текстов и по 200000 словоупотреблений русско-белорусских, англо-белорусских и немецко-белорусских текстов [3, с. 8–9]; 2) параллельный тэгированный русско-белорусский корпус учебных текстов [4, с. 37] и др.» [12, с. 323–324].

Кроме того, А.В. Зубову принадлежит одно из первых структурных определений корпуса параллельных текстов в белорусской корпусной лингвистике: «Корпус параллельных текстов состоит из множества текстов, написанных на каком-либо исходном языке, и текстов-переводов этих исходных текстов на один или несколько других языков» [2, с. 132]. Для сравнения: в российской корпусной лингвистике сегодня представлены как структурные определения корпуса указанного типа (см., например: «Корпус параллельных текстов (КоПарТ), входящий в качестве самостоятельного модуля в Национальный корпус русского языка, состоит из множества художественных произведений с их переводами. Корпус включает в себя, с одной стороны, оригинальные русские тексты с их переводами на английский язык, а с другой – английские тексты с их переводами на русский» [1, с. 263]), так и его функциональные определения (например, параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве» в одной московской статье «позиционируется как электронный инструмент сравнительного изучения текстов… Предлагаемый (в корпусе. – *В.Щ.*) набор функций позволяет проводить не только переводческий и сопоставительный анализ, но и решать задачи обучающего типа» [8, с. 171, 173].

С учетом приведенных выше структурных и функциональных характеристик корпусов параллельных текстов можно дать концепту *параллельная текстография* следующее определение: это 1) направление текстового анализа, в рамках которого проводится выявление разноязычных, содержательно эквивалентных текстов, их первичная фиксация в рамках создаваемых корпусов таких параллельных текстов и их сравнительное изучение; 2) бумажный или электронный корпус текстов на каком-либо исходном языке и аналогичный корпус текстов-переводов этих исходных текстов на один или несколько других языков. Согласно первому своему значению концепт *параллельная текстография* объединяет в себе наработки теоретического характера, которые имеются в настоящее время в данной области современной лингвистической компаративистики; согласно второму своему значению концепт *параллельная текстография* обозначает имеющиеся практические наработки (совокупности опубликованных переводов текстов),

накопленные в рамках современного переводоведения.

Значительно лучше к настоящему времени изучен концепт *сравнительная лексикография*. В частности, «из истории отечественной лексикографии известно, что первые сравнительные словари славянских и иных языков появились в России еще в XVIII веке. В частности, по повелению императрицы Екатерины II известный немецкий и русский ученый-энциклопедист Петер Симон Паллас подготовил и опубликовал в Санкт-Петербурге двухтомное справочное издание «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II» (1787-1789), включавшее лексические эквиваленты из более 200 языков и наречий для почти трех сотен ключевых понятий, отобранных лично императрицей. В 1790-1791 гг. данный справочник был переиздан в расширенном варианте (в четырех томах) под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный». Переиздания данного справочника сравнительного характера выходили в России и позднее» [12, с. 307]. Таким образом, практические основы сравнительной лексикографии, первоначально представлявшей собою множество сравнительных словарей разных типов, были заложены более двух столетий назад. Однако как теория сравнительного изучения словарей, которая сегодня является одной из областей современной лингвистической компаративистики, сравнительная лексикография сформировалась относительно недавно – в конце XX века, чему в немалой мере способствовало 1) наличие весьма значительной совокупности изданных к настоящему времени разнотипных словарей разных языков, в основу составления которых положено сравнение лексических систем этих языков; 2) многолетняя практика теоретического изучения существующих словарных текстов. С учетом приведенных выше исторических данных о концепте *сравнительная лексикография* ему можно дать следующее определение: это 1) направление текстового анализа, в рамках которого проводится сравнительное изучение словарных текстов (иногда данное направление называют сравнительной металексикографией); 2) корпус достаточно сравнимых по своему типу, объему и принципам текстовой организации словарных текстов на разных языках (иначе данное направление называют практической сравнительной лексикографией).

Цели и задачи

Главной целью нашего исследования являлось определение той роли, которую параллельная текстография сыграла в прошлом и играет в настоящее время в развитии сравнительной лексикографии. Для достижения данной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) выявить и описать общие и специфические элементы, а также функции параллельной текстографии и сравнительной лексикографии; 2) определить векторную направленность взаимовлияний, существующих между этими двумя областями современной лингвистической компаративистики.

Методы и материал исследования

В качестве основных методов данного исследования использовались широко понимаемый текстовый анализ, сравнительный метод, функциональный анализ. Материалом исследования служили линейные и нелинейные тексты на белорусском и русском языках.

Результаты и их обсуждение

Использование указанных выше методов и материала позволило решить поставленные в данном исследовании задачи. Так, итогом решения первой такой задачи стало выявление ряда общих и специфических элементов в категориально-понятийных аппаратах параллельной текстографии и сравнительной лексикографии. В частности, основным элементом, объединяющим эти направления текстового анализа, является сравнительный характер проводимого в их рамках изучения разнотипных текстов. Именно наличие этого общего элемента в категориально-понятийных аппаратах параллельной текстографии и сравнительной лексикографии дает основания считать их отдельными, но взаимосвязанными областями лингвистической компаративистики, а параллельную текстографию к тому же – еще и фактологической основой литературоведческой компаративистики и современного переводоведения.

В свою очередь, в качестве специфических элементов, характеризующих параллельную текстографию и сравнительную лексикографию, можно рассматривать следующие их особенности:
1) различия в изучаемых ими объектах: а) объектом сравнительного изучения в рамках параллельной текстографии являются полностью эквивалентные по своему содержанию художественные, научные, деловые и прочие тексты на разных языках, т.е. линейные тексты; б) объект сравнительной лексикографии – это одноязычные, двуязычные и многоязычные словари разных типов, т.е. нелинейные тексты. При этом сравнительная лексикография может изучать как полностью эквивалентные по своему содержанию разноязычные справочные издания (например, такие как пятитомные «Беларусская ССР. Кароткая энцыклапедыя» (1978–1981) и «Белорусская ССР. Краткая энциклопедия» (1979–1982), однотомные «Слоўнік фізічных і астранамічных тэрмінаў» А.И. Болсуна и Е.Н. Рапановича (1979) и их же “Словарь физических и астрономических терминов” (1986) и др.), так и отличающиеся по своему содержанию однотипные словари на разных языках (например, такие как четырехтомный “Словарь языка Пушкина” (1956–1961) и восьмитомный “Слоўнік мовы Янкі Купалы” (1997–2012). С результатами сравнительного анализа последних двух авторских словарей можно познакомиться по публикации [9];

2) различные наборы функций, выполняемых данными направлениями текстового анализа: если параллельная текстография реализует самый

широкий спектр функций (в их числе: познавательная, трансляционная, учебная, информационная и др.), то сравнительная лексикография выполняет в основном две функции – исследовательскую и служебную, информационно-поисковую функции. Причем в условиях интернетизации современного информационного пространства важность выполнения указанной служебной функции, на наш взгляд, будет только возрастать, поскольку «удельный вес нелинейных текстов (словарей, энциклопедий, справочников и т.п. гипертекстов) в общей совокупности разножанровых текстов, репрезентирующих ту или иную национальную культуру, будет непрерывно увеличиваться, обеспечивая этим самым целостность и информационную доступность данной культуры» [11, с. 19–20].

Итогом решения второй поставленной в данном исследовании задачи стало определение векторной направленности взаимовлияний, существующих между двумя рассматриваемыми направлениями текстового анализа. В частности, результаты рассмотрения историй формирования параллельной текстографии и сравнительной лексикографии, а также общих и специфических элементов в категориально-понятийных аппаратах этих двух направлений позволяют сделать вывод о приоритетности и первичности параллельной текстографии перед сравнительной лексикографией как по степени разработанности их методологий, так и в отношении их общекультурной значимости. К примеру, для обоих рассматриваемых направлений текстового анализа сегодня большое значение имеет такой методологический прием, как синхронизация сравниваемых текстов.

По свидетельству создателей параллельного корпуса переводов «Слова о полку Игореве», синхронизация текстов в нем проведена «на основе членения «Слова о полку Игореве», предложенного Р.О. Якобсоном (в 1948 г. – *В.Щ.*). В соответствии с этим членением каждый текст разбит на 218 фрагментов («звеньев») [5]. Номер фрагмента служит основным входом в текст. Отметив нужные тексты и задав номер фрагмента, пользователь получает возможность построчно сравнивать разные реконструкции и переводы одного и того же фрагмента с оригиналом» [8, с. 172].

Позднее, в 1978 г., российский этимолог О.Н. Трубачев ввел в практику сравнительной лексикографии СССР прием параллельного чтения словарей, который во многом подобен приему синхронизации сравниваемых текстов. Стимулом для проведения О.Н. Трубачевым системного сравнительного анализа («параллельного чтения») сразу двух однотипных словарей послужило то, что «в декабре 1974 г. почти одновременно вышли впервые в своих странах два словаря – «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», вып. 1 (*A-besedьlivъ*) в Москве и «Slownik praslowianski», tom I (*A-B*) в Кракове» [7, с. 3].

В практике же сравнительной лексикографии Беларуси прием синхронизации сравниваемых текстов впервые использовался в двух выпусках «Тематического русско-белорусского словаря языка научных отчетов», опубликованных автором доклада в Минске в 1992–1993 годах. Так, в первом выпуске данного двуязычного терминологического словаря (в первой части его макроструктуры) насчитывается около 4 тысяч словарных статей со стандартной микроструктурой (русская реестровая единица – белорусский эквивалент – порядковый номер текстового фрагмента из второй части словаря, в котором данная реестровая единица употребляется). Следует пояснить, что указанные текстовые фрагменты эксцерпировались автором словаря из общеакадемических научных отчетов, публиковавшихся в то время параллельно на русском и белорусском языках. Во второй части макроструктуры указанного словаря подавались «оправдательные» цитаты для всех без исключения русских реестровых единиц и их белорусских эквивалентов из первой части словаря. В качестве таких цитат использовались полностью эквивалентные по содержанию текстовые фрагменты научных отчетов на русском и белорусском языках, которые приводились в виде параллельных колонок на одной и той же странице словаря. Каждая пара таких колонок имела порядковый номер (от 1 до 510).

Думаю, нет необходимости пояснять, что приоритет в использовании приема синхронизации (или фрагментации) сравниваемых текстов принадлежит известному российско-американскому филологу Р.О. Якобсону, который еще в 1948 г. в Нью-Йорке опубликовал свой перевод текста «Слова о полку Игореве» на современный русский язык, разбив при этом исходный текст данного памятника на 218 фрагментов («звеньев»). Однако первичность параллельной текстографии обусловлена не только более ранней разработкой в ее рамках соответствующей методологии сравнительного изучения текстов, но и более высокой общекультурной значимостью результатов параллельной текстографии перед результатами сравнительной лексикографии, поскольку создаваемые в ее рамках корпуса параллельных текстов «крайне необходимы читателям, исследователям, переводчикам, преподавателям и учащимся» [8, с. 193], от себя добавлю: и лексикографам. Во всяком случае, составление новейших толковых словарей русского языка (многотомных «Активного сл оваря русского языка» (2014-2017) под редакцией Ю.Д. Апресяна и «Академического толкового словаря русского языка» (2016) под редакцией Л.П. Крысина) было бы сегодня невозможным без опоры на необъятные электронные ресурсы Национального корпуса русского языка. Последнее говорит о том, что роль параллельной текстографии в развитии сравнительной лексикографии является весьма значимой и в последние годы постоянно возрастает.

Выводы

Анализ взаимосвязанного развития двух направлений текстового анализа (параллельной текстографии и сравнительной лексикографии) позволил выявить следующее:

1) общими элементами рассматриваемых направлений являются а) сравнительное изучение ими разнотипных текстов; б) факт принадлежности обоих направлений к современной лингвистической компаративистике;

2) к числу специфических элементов двух рассматриваемых направлений текстового анализа можно отнести а) разную природу анализируемых ими текстов: если в рамках параллельной текстографии изучаются линейные тексты (художественные, научные, деловые и прочие), то в рамках сравнительной лексикографии рассматриваются нелинейные тексты (словари, энциклопедии, справочники и другие гипертексты); б) различные функции сравниваемых направлений: если главной функцией сравнительной лексикографии является служебная функция, т.е. информационно-поисковое обслуживание читателей относительно тех совокупностей линейных разноязычных текстов, которые репрезентируют соответствующие национальные культуры, то перечень основных функций параллельной текстографии является более широким. В их числе: познавательная, трансляционная, учебная, информационная и прочие функции;

3) векторная направленность взаимовлияний, существующих между двумя рассматриваемыми направлениями текстового анализа, а также совокупность общих и специфических элементов указанных направлений свидетельствуют о приоритетности и первичности параллельной текстографии перед сравнительной лексикографией, для нужд которой (в числе прочих дисциплин, таких как сравнительное литературоведение и переводоведение) сравнительная текстография создает надежную фактологическую основу в виде бумажных и электронных корпусов полностью эквивалентных (параллельных) линейных текстов на разных языках.

Литература

1. Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования / Д.О. Добровольский, А.А. Кретов, С.А. Шаров // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – С. 263–294.

2. Зубов А.В. Корпусная лингвистика и ее возможности для проведения лингвистических исследований / А.В. Зубов // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 19-20 ліст. 2005 г. – Мінск: Права і эканоміка, 2006. – С. 129–140.

3. Зубов А.В. Становление прикладной лингвистики в Минском государственном лингвистическом университете (к 60-летию МГЛУ) / А.В. Зубов // Актуальные проблемы прикладной лингвистики: сб. науч. статей в 2-х ч. – Ч. 1. – Минск, МГЛУ, 2008. – С. 7–10.

4. Зубов А.В. О целях и принципах организации параллельного тэгированного русско-белорусского корпуса учебных текстов / А.В. Зубов // Язык и дискурс в статике и динамике. – Минск: МГЛУ, 2008b. – С. 36–39.

5. Орехов Б.В. Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»: итоги и перспективы / Б.В. Орехов // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Отв.ред. В.А. Плунгян. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 462–473.

6. Супрун А.Я. Асноўныя праблемы палабскай семасіялогіі / А.Я. Супрун // Беларуская мовазнаўчая славістыка на з'ездах славістаў: Да XV Міжнароднага з'езда славістаў. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – С. 128–140.

7. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (Опыт параллельного чтения) / О.Н. Трубачев // Этимология, 1976. – М.: Наука, 1978. – С. 3–17.

8. Чэнь Сяохуэй. О параллельных корпусах русских и китайских текстов / Чэнь Сяохуэй, О.В. Кукушкина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2018. - № 2. – С. 170–197.

9. Шестакова Л.Л. "Словарь языка Пушкина" и "Слоўнік мовы Янкі Купалы": опыт сравнительного анализа / Л.Л. Шестакова, В.К. Щербин // Лексикология и лексикография славянских языков. Междунар. коллективный труд / Отв.ред. М.И. Чернышева. – М.: ЛЕКСРУС, 2017. – С. 151–185.

10. Штернеманн Р. Введение в контрастивную лингвистику / Р. Штернеманн (рук.) и коллектив авторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144–178.

11. Щербин В.К. Семиотические особенности словарно-справочных текстов / В.К. Щербин // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: матер. Междунар.науч.конф., Минск, 15–16 июня 2010 г.: в 2-х ч.; отв.ред. А.В. Зубов. – Ч. 2. – Минск: МГЛУ, 2010. – С. 16–21.

12. Щербин В.К. Концепт "сравнение" и развитие сравнительной лексикографии восточнославянских языков / В.К. Щербин // Wokol 300 tysiecy polskich slow. Wstep do haslownikologii / Red. naukowa: Jan Wawrzynczyk, Piotr Wierzchon. – Warszawa: BEL Studio z.o.o., 2017. – S. 307–330.

References

1. Dobrovolskii D.O., Kretov A.A. & Sharov S.A. (2005). Korpus parallel'nych tekstov: architektura i vozmozhnosti ispol'zovanija. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003-2005. Rezul'taty i perspektivy.* [Corpus of parallel texts: architecture and possibilities of use. *The National Corpus of Russian: 2003–2005. Results and Perspectives*]. Moskow: Indrik, 263–294. (In Russ).

2. Zubov A.V. (2006). Korpusnaja lingvistika I ee vozmozhnosti dlia provedenija lingvisticheskich issledovanij. *Suchasnyja prablemy belaruskaj leksikalogii i leksikagrafii: materialy Mizhnarodnaj navukovaj kanferentsii, Minsk, 19–20 listapada 2005 g.* [Corpus Linguistics and Its Possibilities for Making of Linguistic Researches. *Modern Problems of Belarusian Lexicology and Lexicography: Proceedings of International Scientific Conference, Minsk, November 19–20, 2005*]. Minsk: Low and Economics, 129–140. (In Russ).

3. Zubov A.V. (2008a). Stanovlenije prikladnoj lingvistiki v Minskom gosudarstvennom lingvistichesskom universitete (k 60-letiuj MGLU). *Aktual'nyje problemy prikladnoj lingvistiki: sbornik nautchnych statej v 2 tch.* [Foundation of Applied

Linguistics in Minsk's State Linguistic University (for 60 anniversary of MSLU. *The Actual Problems of Applied Linguistics: Collection of Scientific Articles in 2 parts*]. Part I. Minsk: MSLU, 7–10. (In Russ).

4. Zubov A.V. (2008b). O tseliach i printsipach organizatsii parallel'nogo tegirovannogo russko-belorusskogo korpusa uchebnych tekstov. *Jazyk i diskurs v statike i dynamike* [About the Goals and Principles of the Parallel Tegging Russian-Belarusian Corpus of Educational Texts Organization. *Language and Discurs in the Static and Dunamics*]. Minsk: MSLU, 36–39. (In Russ).

5. Orechov B.V. (2009). Parallelnyj korpus perevodov «Slova o polku Igoreve»: itogi i perspektivy. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006–2009. Novyje rezul'taty i perspektivy. [The Parallel Corpus of «Slova o polku Igoreve» Translations: Results and Perspectives. *The National Corpus of Russian: 2006–2009. The New Results and Perspectives*]. Saint-Petersburg: Nestor-History, 462–473. (In Russ).

6. Suprun A.Ja. (2013). Asnojunyja prablemy palabskaj semasijalogii. *Belaruskaja movaznautchaja slavistyka na z'ezdach slavistau* [The Main Problems of Polabian Semasiology. *Belarusian Linguistic Slavistics at the Congreses of Slavists*]. Minsk: Belarusian science, 128–140. (In Belarusian).

7. Trubachev O.N. (1978). Etimologicheskij slovar' slovianskich jazykov i Praslavianskij slovar' (Opyt parallel'nogo chtenija). *Etimologija, 1976* [Etimological Dictionary of Slavic Languages and Praslavic Dictionary (Experience of Parallel Reading). *Etymology, 1976*]. Moskow: Science, 3–17. (In Russ).

8. Tchen' Siaohuej & Kukushkina O.V. (2018). O parallel'nych korpusach russkich i kitajskich tekstov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija* [About Parallel Corpuses of Russian and China Texts. *Bulletin of Moscow University. Series. Philology*]. 2, 170–197. (In Russ).

9. Shestakova L.L., Shcherbin V.K. (2017). "Slovar' jazyka Pushkina" i "Slownik movy Janki Kupaly": opyt sravnitel'nogo analiza. Leksikologija i leksikografija slavianskich jazykov. Mezhdunarodnyj kollektivnyj trud / Otv. red. M.I. Chernysheva. ["Dictionary of Pushkin's Language" and "Dictionary of Janka Kupala's Language": Experience of Comparative Analysis. *Lexicology and Lexicography of Slavic Languages. International Collective Work / Ed. by M.I. Chernysheva*]. Moskow: LEXRUS, 151–185. (In Russ.).

10. Shternemann R. (manager) & collective of authors (1989). Vvedenije v kontrastivnuju lingvistiku. *Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXV. Kontrastivnaya lingvistika: Perevody.* [Introduction to the Contrastive Linguistics. *New in the Foreign Linguistics: Translations*]. Moskow: Progress, 144–178. (In Russ.).

11. Shcherbin V.K. (2010). Semioticheskiye osobennosti slovarno-spravochnych tekstov. *Aktual'nyje problemy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, Minsk, June 15–16, 2010g.: v 2 ch. / Otv. red. A.V. Zubov. Ch. 2.* [Semiotic Peculiarities of Dictionary-Reference Texts. *The Actual Problems of Theoretical and Applied Linguistics: Proceedings of International Scientific Conference, Minsk, June 15–16, 2010: in 2 parts / Ed. by A.V. Zubov. Part 2*]. Minsk: MSLU, 16–21. (In Russ.).

12. Shcherbin V.K. (2017). Kontsept "sravneniye" i razvitiye sravnitel'noy leksikografii vostochnoslavianskich jazykov. *Wokol 300 tysiecy pol'skich slow. Wstep do haslownikologii /Red naukowa: Jan Wawrzynczyk, Piotr Wierzchon* [The Concept "Comparison" and the Development of Comparative Lexicography of Eastern-Slavic Languages. *Wokol 300 tysiecy pol'skich slow. Wstep do haslownikologii / Red naukowa: Jan Wawrzynczyk, Piotr Wierzchon*]. Warszawa: BEL. Studio Z.o.o., 307–330. (In Russ.).

К ЛИТЕРАТУРНЫМ ЮБИЛЕЯМ 2019 ГОДА

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

УДК 811.161

ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Е.Е. Долбик
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: petrov@mail.ru

В статье рассматриваются высказывания генерализованного характера, семантический субъект которых мыслится обобщенно. На основе методов функционально-семантического поля и компонентного анализа семантической структуры предложения решаются следующие задачи: выявляются языковые средства реализации обобщенного значения, анализируются способы репрезентации обобщенного субъекта в разных типах предложений (эксплицитный, имплицитный), производится классификация суждений по степени обобщенности. Делается вывод об основных механизмах реализации обобщенного значения предложения в тексте романа, устанавливаются особенности перевода предложений с обобщенным значением на белорусский язык.

Ключевые слова: обобщенность, субъект высказывания, обобщенно-личные предложения, сентенция, роман «Евгений Онегин», перевод А. Кулешова.

GENERALIZED STATEMENTS IN THE NOVEL BY ALEXANDER S. PUSHKIN «EUGENE ONEGIN» AND ITS TRANSLATION INTO THE BELARUSIAN LANGUAGE

E.E. Dolbik
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: petrov@mail.ru

The article deals with generalized statements, the semantic subject of which is thought of in the extended sense. Based on the methods of functional-semantic field and component analysis of the semantic structure of sentence the following tasks are solved: the language means of realization of a generalized meaning are identified, the ways of representing a generalized subject in different types of sentences (explicit, implicit) are analyzed, the judgments are classified according to the degree of generalization. The conclusion is made about the basic mechanisms for realizing a generalized meaning of sentence in the text of the novel, the features of translation of sentences with a generalized meaning to the Belarusian language are established.

Key words: generalization, subject of the statement, generalized-personal sentences, maxim, novel «Eugene Onegin», translation by A. Kuleshov.

Введение

220 лет со дня рождения А. С. Пушкина – повод еще раз обратиться к творческому наследию гения русской литературы. Переводами поэзии А.С. Пушкина на белорусский язык занимались многие белорусские авторы (М. Богданович,

К. Крапива, П. Глебка, Я. Колас, Я. Купала, А. Вечар, А. Кулешов, М. Танк, Н. Гилевич, Р. Бородулин и др.). Кулешовский перевод романа «Евгений Онегин» отдельной книгой вышел в 1949 г. По замечанию белорусского литературоведа М.П. Кеньки, Аркадия Кулешова «интересовал процесс перевода, который позволял показать возможности белорусского языка в передаче всех особенностей этого сложного произведения. Он желал вступить в творческое соревнование с великим поэтом и обогатиться новым опытом» [4, с. 485]. Сам А. Кулешов писал об этом так: «По-настоящему творчески переводить Пушкина – это значит в какой-то мере вступать с ним в единоборство. И пусть себе из такого соревнования победителем выйдет все-таки Пушкин, но уже то, что приобрел поэт, духовно сближаясь с ним, творчески входя в его особенности, уже одно это на многие и многие годы обогащает поэта-переводчика. Такой перевод для поэта одновременно является ни с чем не сравнимой школой, а поучиться у Пушкина есть чему. В первую очередь, простоте, высокоинтеллектуальному взгляду на человека и мир, в котором он живет, любви к природе, естественности изобразительных средств, высокой народности» [4, с. 11]. Глубина пушкинского знания природы человека проявилась и в высказываниях генерализующего характера, которыми изобилует текст романа.

Цели и задачи

Цель исследования – выявление языковых средств реализации обобщенного значения семантики предложений в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Задачи исследования: 1) анализ способов и средств репрезентации обобщенного субъекта в разных типах предложений, 2) классификация суждений по степени обобщенности, 3) сопоставление суждений генерализующего характера в тексте-оригинале и тексте-переводе.

Методы и материал исследования

Материалом для исследования послужили около ста высказываний с обобщенным значением, извлеченных из текста романа А. С. Пушкина, и их перевод, выполненный А. Кулешовым. При изучении материала использовались метод функционально-семантического поля, компонентный анализ семантической структуры высказывания.

Результаты и их обсуждение

Анализ материала позволяет выявить наиболее частотные, регулярно воспроизводимые способы порождения обобщенного значения высказывания в пушкинском романе.

В двусоставных предложениях генерализация субъекта высказывания достигается использованием определительных местоимений ***все***, ***всякий***, отрицательного местоимения ***никто***:

Замечу кстати: ***все*** *поэты – / Любви мечтательной друзья* [4, с. 55]. Выражению *все поэты* в переводе А. Кулешова соответствует сочетание *сям`я паэтаў*: *Заўважу: любіць летуценні / Паэтаў палкая сям`я* [4, с. 298].

А нынче ***все*** *умы в тумане, / Мораль на нас наводит сон* [4, с. 89]. – *А сёння розумы ў тумане, / Мараль жа слухаць нудна ўсім* [4, с. 331].

Не ***все*** *ли, русским языком / Владея слабо и с трудом, / Его так мило искажали* [4, с. 97]. – *А ці не ўсе яны, аднак, / Няўважліва і абы-як / На мове роднай размаўлялі?* [4, с. 338].

Любви ***все*** *возрасты покорны* [4, с. 229]. – *Пакорны ўзросты ўсе каханню* [4, с. 469].

Врагов имеет в мире ***всяк*** [4, с. 116]. А. Кулешов меняет субстантивированное местоимение *всяк* на *каждый*, принадлежащее тому же лексико-грамматическому разряду: *...ворагаў з нас кожны мае* [4, с. 358].

Поэт погиб… но уж его / ***Никто*** *не помнит* [4, с. 190]. Двусоставному предложению в переводе соответствует односоставное неопределенно-личное, в котором значение обобщенности поддерживается глагольной формой множественного числа: *Паэт забіт… ды ўжо яго / Не згадваюць* [4, с. 431].

Одна из характерных особенностей романа – приобретение поэтическим субъектом «черт некой коллективной общности (условного *мы*)» [3, с. 105]. Именно поэтому *я* лирического героя так часто переходит в *мы,* а притяжательное местоимение *мой* меняется на *наш*:

Мы *почитаем всех нулями, / А единицами – себя* [4, с. 190]. – *Іншых лічым мы нулямі, / Сябе ж – адзінкамі ўвесь час* [4, с. 309].

Привычка свыше ***нам*** *дана: / Замена счастию она* [4, с. 75]. – *Прывычку даў нам лёс здаўна: / Замена шчасцю ў нас яна* [4, с. 318].

Чем меньше женщину ***мы*** *любим, / Тем легче нравимся* ***мы*** *ей* [4, с. 110]. – *Чым меней мы жанчыну любім, / Тым больш мы даспадобы ёй* [4, с. 351].

Так ***нас*** *природа сотворила, / К противуречию склонна* [4, с. 138]. Коллективное *мы* в белорусском переводе заменено существительным *люди*, одно из словарных значений которого – обозначение всех: *Ёсць у людзей, вядома справа, / Да супярэчнасцяў нахіл* [4, с. 379].

Так он писал темно и вяло. / (Что романтизмом ***мы*** *зовем)* [4, с. 170]. – *Пісаў ён цьмяна і таемна / (Што рамантызмам мы завем)* [4, с. 411].

Мы *помним горькую утрату* [4, с. 185]. В переводе субъект не эксплицируется, используется определенно-личное предложение: *А ці забыць не можам страты* [4, с. 426].

Придет, придет и ***наше*** *время, / И наши внуки в добрый час / Из мира вытеснят и нас* [4, с. 80]. – *Надыдзе дзень, і да магілы / Адціснуць некалі і нас / І нашы ўнукі ў добры час!* [4, с. 322].

Но в возраст поздний и бесплодный, / На повороте ***наших*** *лет, / Печален страсти мертвой след* [4, с. 229]. – *Ды ў позні наш узрост бясплённы, / На павароце нашых лет, / Маркотны*

страсці мёртвы след [4, с. 469].

Степень обобщения может быть разной: мы=все люди, мы=члены какой-то общности (профессиональной, возрастной и под.), мы=лирический герой+читатель. «Под *мы* могут пониматься *мы все*. Такое *мы* словно приглашает читателя присоединиться к той общности, которая создается самим текстом и за пределами его существования» [3, с. 106].

***Мы все** учились понемногу / Чему-нибудь и как-нибудь, / Так воспитаньем, слава богу, / У нас не мудрено блеснуть* [4, с. 29]. – *Мы ўсе вучыліся патроху / таму-сяму, абы адбыць, / Дык выхаваннем, дзякуй богу, / У нас нікога не здзівіць*[4, с. 273].

***Мы все** глядим в Наполеоны* [4, с. 66]. – *Мы ўсе не менш Напалеоны* [4, с. 309].

***Мы все** должны / Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах* [4, с. 72]. Обращает на себя внимание избранный А. Кулешовым оригинальный вариант перевода обобщенной конструкции (вместо *мы все – не я адзін*): *Не адзін / сцвярджаю я: густоўных мала / Імёнаў сярод нас чуваць* [4, с. 315].

Максимальная обобщенность субъекта подчеркивается употреблением в этой роли существительного ***люди***:

*Так **люди** (первый каюсь я) / От делать нечего друзья* [4, с. 64]. – *Так людзі – першы я такі – / З нуды-ляноты дружбакі* [4, с. 308].

О люди! все похожи вы / На прародительницу Эву: / Что вам дано, то не влечет [4, с. 228]. – *О людзі! ўсе такія вы, / Як вашая прабабка Ева: / Спакуса вам за ўсё мілей* [4, с. 468].

Семантический субъект высказывания получает в поэтическом тексте различные способы репрезентации: это может быть материально выраженный и материально не выраженный субъект. Обобщенный субъект имплицитно представлен в различных видах односоставных предложений.

А. Определенно-личные предложения:

Простим горячке юных лет / И юный жар и юный бред [4, с. 66]. В переводе на белорусский язык происходит экспликация субъекта высказывания и замена определенно-личного предложения двусоставным: *Даруем мы яму, аднак, / Юнацкі пал, бо ён юнак* [4, с. 309].

*... вечер длинный / Кой-как пройдет, а завтра то ж, / **И славно зиму проведешь*** [4, с. 129]. – *... доўгі вечаровы / Мінецца час, а раніцой / З такой жа стрэнешся нудой* [4, с. 370].

Б. Неопределенно-личные предложения:

Ах, он любил, как в наши лета / Уже не любят [4, с. 69]. Неопределенно-личной конструкции в переводе соответствует инфинитивная, в которой обобщенное значение создается незамещенностью позиции дательного субъекта (=*нікому не выказаць*): *Ах, ён кахаў... каханне гэта / Не выказаць, не параўнаць* [4, с. 312].

***Говорят**, что в мире выше нет наград* [4, с. 125]. Один из немногочисленных примеров, когда перевод не акцентирует, что выражается мнение коллективного субъекта (=*все так считают*): *Такі паэт быў задаволены як след* [4, с. 367].

*Его здесь нет. **Меня не знают**…* [4, с. 192]. Неопределенно-личное предложение заменяется двусоставным (= чужая для всех): *Яго няма. Я тут чужая* [4, с. 432].

В. Безличные предложения:

Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей [4, с. 39]. – *Быць можна сталым чалавекам / І ногці даглядаць заўжды* [4, с. 283].

Мечтам и годам нет возврата [4, с. 115]. Безличному предложению в переводе соответствует двусоставное эллиптическое: *Гадоў і мар навечна страта* [4, с. 356].

Приятно дерзкой эпиграммой / Взбесить оплошного врага [4, с. 176]. – *Прыемна эпіграмай злоснай / Вам ворага ўвесці ў злосць* [4, с. 417].

Но грустно думать, что напрасно / была нам молодость дана [4, с. 220]. – *Ды сумна знаць, што знікла ў далі / Дарэмна нашая вясна* [4, с. 115].

Г. Инфинитивные предложения:

К чему бесплодно спорить с веком? [4, с. 39]. Синтаксическим синонимом инфинитивного предложения в переводе выступает безличное предложение: *Не след дарма спрачацца з векам* [4, с. 283].

Кого любить? Кому же верить? [4, с. 119]; *В глуши что делать в эту пору?* [4, с. 129]. В тексте перевода семантический субъект эксплицируется: *Каго ж любіць? Каму **нам** верыць?* [4, с. 360]; *Што **нам** у вёсцы невясёлай / Рабіць часінаю такой?* [4, с. 370].

«Так называемые односоставные определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения представляют каждое лишь один из случаев неназванности субъекта – когда он соотносителен с названным субъектом в форме им. п. [2, с. 146].

Благодаря обобщенности субъекта афористический характер приобретают высказывания, построенные по модели сложноподчиненных предложений с придаточной местоименно-определительной:

Кто жил и мыслил, тот не может / В душе не презирать людей; / Кто чувствовал, того тревожит / Призрак невозвратимых дней [4, с. 49]. – *Хто жыў і думаў, то не можа / Душой не зневажаць людзей; / Хто сэрца меў, таго трывожа / Былая здань былых надзей* [4, с. 293].

Стократ блажен, кто предан вере [4, с. 133]. – *Шчаслівы той, хто веру мае* [4, с. 375].

Блажен, кто смолоду был молод, / Блажен, кто вовремя созрел [4, с. 115]. – *Блажэн, хто жыў своечасова, / Быў з маладосці малады* [4, с. 459].

Генерализованное значение усиливается, если обобщенный характер имеет не только субъект высказывания, но и другие компоненты семанти-

ческой структуры, что подчеркивается с помощью местоименных слов *всё*, *всегда*:

*Но тот, кто музою взлелеян, / **Всегда** таков* [4, с. 167]. – ... *музы сын шчаслівы, / Зазначым мы, заўжды такі* [4, с. 409];

*Но жалок тот, кто **все** предвидит, / Чья не кружится голова* [4, с. 133]. – *Той варты жалю, хто прадбачыць / Усё, хто верай не жыве* [4, с. 375].

Анализируемые предложения обобщенно-познавательного типа обладают относительной независимостью в структуре текста. Как отмечает И.Р. Гальперин, размышления автора – обычный прием автосемантии СФЕ. «Они могут быть выражены в форме сентенции, парадоксов, разного рода обобщений, заключений, предложений» [1, с. 100].

Сентенция, как разновидность авторских отступлений, прерывает последовательность изложения фактов, событий, описаний и дает возможность автору в открытой форме выразить собственные суждения по различным вопросам. «Сентенции можно изымать из текста без потери их познавательно-эстетической ценности, но внутри текста их обобщенный смысл подвергается некоторой степени конкретизации» [1, с. 99].

Выводы

Текст романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» отличает многообразие средств и способов репрезентации обобщенного субъекта высказывания (материально выраженный и материально не выраженный субъект). Обобщающее значение может быть присуще различным грамматическим конструкциям: двусоставным предложениям (семантический субъект эксплицируется существительным *люди*, местоимениями *мы*, *наш*, *все*, *всякий, никто*), односоставным определено-личным, неопределенно-личным, инфинитивным и безличным предложениям, сложноподчиненным предложениям местоименно-соотносительного (отождествительного) типа, построенным по схеме *тот, кто… .*

Сопоставление текста-оригинала и высокохудожественного, качественного перевода А. Кулешова показывает, что в подавляющем большинстве случаев обобщенный характер высказываний и их синтаксическая структура сохраняются. При переводе поэтического текста с русского языка на белорусский может допускаться трансформация высказывания (используется иная синтаксическая конструкция, другое грамматическое или лексическое средство) без потери его назидательно-обобщающего потенциала.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «Либроком», 2014. – 144 с.

2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 368 с.

3. Поэзия. Учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин, В. А. Плунгян [и др.]. – М.: ОГИ, 2016. – 886 с.

4. Пушкін, А.С. Яўгеній Анегін. Раман у вершах / Агул. рэд., прадм. і камент. М. Кенькі; Пер. на бел. мову А. Куляшова / А. С. Пушкін. – Мінск: БФК, 1999. – 512 с.

References

1. Galperin I.R. (2014). Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya. [Text as an object of linguistic research]. Moskva. (In Russ).

2. Zolotova, G. A. Kommunikativnyye aspekty russkogo sintaksisa (2001). [Communicative aspects of Russian syntax]. Moskva. (In Russ).

3. Poeziya. Uchebnik (2016) / N. M. Azarova, K. M. Korchagin, D. V. Kuz'min, V. A. Plungyan [i dr.]. (2016). [Poetry. Textbook]. Moskva. (In Russ).

4. Pushkin A.S. (1999). Evgeniy Onegin. Roman v stihah. / Per. na bel. movu A. Kuleshova. [Eugene Onegin. Novel in verse]. Minsk. (In Russian and Belarusian).

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»

О.В. Ланская

кандидат филологических наук, учитель МБОУ СШ № 14

г. Липецк, Россия

E-mail: *o.vlad.Lanskaja@rambler.ru*

Объектом настоящего исследования является языковое воплощение художественного пространства в повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка». Предмет исследования составляет совокупность элементов пространственной структуры произведения, его конкретизаторы. Цель – определить содержание художественного пространства, изучить его структуру, способы речеязыкового воплощения данного понятия, пространственные конкретизаторы, смыслообразующую функцию – предполагает постановку и решение следующих конкретных задач: выявить ос-

новные виды пространства в художественной системе прозаического текста; определить его смысловые типы, основные принципы языковой объективации в художественном тексте. Материалом для исследования послужил прозаический текст художественной литературы первой половины XIX века, так как этот период – один из важнейших в истории русского литературного языка.

В статье делается вывод о том, что художественное пространство текста, расширяющееся и сужающееся, восходит к понятию «мир русской усадьбы», раскрывает особенности характера человека первой половины XIX века.

Ключевые слова: текст, пространство, лексико-тематическая группа, словосочетание, ключевое слово.

ART SPACE IN THE STORY A.S. PUSHKIN "LADY-PEASANT"

O.V. Lanskaya
Candidate of Philological Sciences, teacher MBOU school № 14,
Lipetsk, Russia
E-mail: *o.vlad.Lanskaja@rambler.ru*

The object of this study is the linguistic embodiment of the artistic space in the story of A.S. Pushkin "Lady-peasant". The subject of research is a set of elements of the spatial structure of the work, its concretizations. The goal is to determine the content of the artistic space, to study its structure, ways of translating this concept, its spatial concretizations, meaning-forming function - involves the formulation and solution of the following specific tasks: to identify the main types of space in the artistic system of the prose text; to determine the semantic types of space, the basic principles of its language objectification in a literary text. The material for the study was the prose text of fiction of the first half of the XIX century, since this period is one of the most important in the history of Russian literary language.

The article concludes that the artistic space of the text, expanding and narrowing, goes back to the concept of “the world of Russian manor”, reveals the peculiarities of the character of a person in the first half of the XIX century.

Key words: text, space, lexico-thematic group, phrase, keyword.

Художественное пространство – это пространство текста, организованное на основе темы, идеи, проблематики, системы образов, созданной автором.

Особое внимание при определении пространства следует обратить на его организацию, ключевые слова, слова с семами 'место', 'направление', 'движение', 'атмосфера'. Необходимо учитывать также и «обреченность человека пространству» [2, с. 90].

Открывает произведение Пушкина название «Барышня-крестьянка», в котором соединены, понятия, противопоставленные друг другу по смыслу. Слово *барышня* имеет значение «девица благороднаго званія» [4, т. I, с. 49]. Лексическая единица *крестьянка*, по В.И. Далю, связана со словом *крестьянин* в значении «мужикъ, землепашецъ или земледелъ, селянинъ, поселянинъ; сельскій обыватель, принадлежащій къ низшему податному сословію» [4, т. II, с. 192]. Отдельного толкования исследуемой лексемы в Словаре В.И. Даля нет. Данные лексические единицы имеют семы 'социальное положение', 'возраст', а также 'место проживания'. Соединенные в названии произведения, они создают необычный образ, раскрывающий особенности восприятия автором окружающей действительности, его отношение к миру. Название «Барышня-крестьянка» – своеобразный ключ к произведению, в котором сокрыты глубинные смыслы, восходящие к мировоззрению Пушкина.

Открывается текст эпиграфомом «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша», принадлежащим И.Ф. Богдановичу, русскому поэту, написавшему в 1783 г. поэму «Душенька», содержание которой взято из произведения Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона». В свою очередь, данный сюжет заимствован из книги Апулея «Золотой осел». Эпиграф имеет большое значение для объяснения позиции автора. Поэту важно было сказать, что главное в жизни – это искреннее чувство, что настоящая любовь не зависит от социального положения, внешней красоты, материального благополучия, что она способна преодолеть все преграды.

Пространство в повести традиционно фиксируется с помощью слов с семой 'место'. Это *губернія* (в значении «родъ области или большаго округа Россіи, разделеннаго на уезды, подъ управленіемъ губернатора» [4, т. I, с. 405]), *имение* (в значении «владенье, состоянье того, кто имеетъ» [4, т. II, с. 43]), *деревня* (в значении «крестьянское селенье, въ которомъ нетъ церкви» [4, т. I, с. 429]), *село* (в значении «обстроенное и заселенное крестьянами место, въ коемъ есть церковь» [4, т. IV, с. 172]) и *околоток* (в значении «окрестные жители, селенья» [4, т. II, с. 665]): «В одной из отдаленных наших *губерний* находилось *имение* Ивана Петровича Берестова»; «<…> уехал он в последнюю свою *деревню*» [5,с. 90]; «<…> Настя была *в селе* Прилучине лицом гораздо более значительным, нежели любая наперсница во французской трагедии» [с. 93].

Пространство, представленное в начале текста, сужающееся: *губерния* – столица (служба в гвардии), *Москва – имение, деревня – дом*. Это пространство русской усадьбы начала XIX в., Российского государства. Оно воспринимается как историческое, на что указывает словосочетание *вышел в отставку в начале 1797 года*, точно фикси-

рующее время окончания службы Берестова – начало правления Павла I. Далее в тексте подчеркивается, что больше Иван Петрович из деревни не выезжал. Словосочетание *из деревни не выезжал* фиксирует замкнутое пространство героя, который в силу каких-то обстоятельств, о которых читатель может только догадываться, отказался от карьеры и поселился в своем имении.

Слово же *гвардия* (в значении «отборное войско по близости государя, щеголеватее одеваемое и жалуемое преимуществами противъ арміи» [4, т. I, с. 345]) свидетельствует о том, что Берестов служил во время правления Екатерины II и жил в столице: «В молодости своей служил он *в гвардии*, вышел в отставку в начале 1797 года, уехал в свою *деревню* и с тех пор оттуда не выезжал» [с. 90].

Определяет пространство в тексте и слово *дом*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение данной лексической единицы объясняется так: «строение для житья» [4, т. I, с. 465]: «Он (Берестов. – *О.Л.*) выстроил *дом* по собственному плану» [с. 90].

Дом также обозначает семейство, семью, хозяев с домочадцами [4, т. I, с. 465]: «Весь *дом* еще спал» [с. 95]; «А что *в доме* про него слышно?» [с. 94].

Употребляются в тексте наречия *дома* в значении «у себя, въ своемъ жилье, не въ гостяхъ, не въ людяхъ [4, т. I, с. 466] и *домой* в значении «въ свой домъ или въ своё жильё, туда, где живёшь, откуда родомъ» [4, т. I, с. 466]: «Коли *дома* узнают, что я с барином в роще болтала наедине, то мне беда будет» [с. 97]; «<…> Берестов возвратился *домой* со славою» [с. 100].

Приобретает слово *дом* и сему 'адрес': «В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева* (курсив автора. – *О.Л.*)» [с. 92].

В лексико-тематическую группу «дом» входят слова *кабинет*, *столовая*, *комната*, *гостиная*, *девичья*, *крыльцо*: «Старый Берестов взошел *на крыльцо* с помощью двух ливрейных лакеев Муромского»; «Лизавета Григорьевна ушла в свою *комнату*»; «Возвратясь *в гостиную*, они уселись втроем»; «Вслед за ним сын его приехал верхом и вместе с ним вошел *в столовую*, где стол был уже накрыт» [с. 101].

Дом в деревне – особый мир, устроенный в соответствии с взглядами хозяина, его чувствами и мыслями. Это центр пространства, в котором человек чувствует неразделимую связь с природой. В то же время понятия «жилище человека, его дом» и «природа» представляют собой оппозицию. Дом связан с бытом, с этикетом, с приемом гостей. Это пространство, в котором герои должны следовать общепринятым в дворянском обществе нормам. Именно в доме родители беседуют с детьми. Так, в кабинете Берестов разговаривает с сыном о службе, сообщает о решении женить его на Лизе. В столовой Муромские принимают гостей. Лиза появляется в образе Бетси, жеманной, избалованной барышни, подражающей всему иностранному.

Природа в тексте – нечто иное. Это пространство, в котором человек может испытывать подлинные чувства, быть естественным.

В лексико-тематическую группу «природа» входят слова *роса*, *ветерок*, словосочетания *золотые ряды облаков*, *ожидали солнца*, *ясное небо*, *утренняя свежесть*, *пение птичек* [с. 95]. Природа изменяет настроение человека, пробуждает в нем лучшее: например, когда героиня отправилась на свидание к Алексею, то вначале «утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы *младенческой веселостию*» [с. 95]. Затем говорится о смене чувств героини: «Лиза вошла в сумрак рощи. Глухой, перекатный шум ее приветствовал девушку. *Веселость* ее притихла. Мало-помалу предалась она *сладкой мечтательности*» [с. 95].

Пространство в художественном тексте объясняется через образы героев и основано на противопоставлении «Иван Петрович Берестов – Григорий Иванович Муромский», которое, в свою очередь, восходит к противопоставлению «русский – английский», что находит отражение в определениях *русский*, *английский*, наречиях *по-английски*, *по-русски*, существительном *англичанка*: «Куда нам *по-английски* разоряться! Были бы мы *по-русски* хоть сыты» [с. 91]; «Тут он (Муромский. – *О.Л.*) привел несколько примеров человеческого долголетия, почерпнутых из *английских* журналов» [с. 97]; «Развел он *английский* сад, на который тратил почти все остальные доходы. Конюхи его были одеты *английскими* жокеями. У дочери его была мадам *англичанка*. Поля свои обрабатывал он по *английской* методе» [с. 90 – 91]. При этом слово *английский* имеет в тексте синоним *чужой*: «Но на *чужой* манер хлеб *русский* не родится» [с. 91]. Данная лексическая единица в тексте приобретает семы 'европейский', 'модный', 'новый', 'современный', 'передовой', 'следование избранному идеалу', 'уподобление всего английскому'. Отношение к подражанию всему иностранному представлено в тексте через позицию Берестова, который увлечение соседа считал сумасбродством, или английской дурью: «Старый же Берестов, с своей стороны, хотя и признавал в своем соседе некоторое *сумасбродство* (или, по его выражению, английскую дурь), однако не отрицал в нем и многих отличных достоинств, например: редкой оборотливости» [с. 104].

Позиция же автора выражена в слове *проказничать*, употребленном в значении «строить проказы, выкидывать штуки, чудить, чудачить» [4, т. III, с. 487]: «Промотав в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он (Муромский. – *О.Л.*) в свою последнюю деревню, где продолжал *проказничать*, но уже в новом роде» [с. 90].

В лексико-тематическую группу «Иван Петрович Берестов» входят

слова *медведь*, *провинциал*, словосочетания *расчетливый помещик*, имя собственное *Иван Петрович Берестов*: «Он (Муромский. – *О.Л.*) бесился и прозвал своего зоила *медведем* и *провинциалом*» [с. 91].

Для характеристики героя Пушкин употребляет определение *домашний* (в значении «относящийся, принадлежащий дому или семейству» [4, т. I, с. 466 – 467]): «В будни ходил он (Берестов. – *О.Л.*) в плисовой куртке, по праздникам надевал сертук из сукна *домашней* работы; сам записывал расход» [с. 90]; «В два часа ровно коляска *домашней* работы, запряженная шестью лошадьми, въехала во двор» [с. 101]. Таким образом автор подчеркивает особенности управления имением. Хозяйство было натуральное. Многое изготавливалось дома. Сообщается также, что герой был человеком хлебосольным: к нему приезжали соседи, «гостить с своими семействами и собаками» [с. 90].

Обращают на себя внимание занятия Берестова, его интересы: он «завел у себя суконную фабрику, утроил доходы» [с. 90]. В то же время автор отмечает, что Иван Петрович «ничего не читал, кроме "Сенатских ведомостей"» [с. 90], газеты издававшейся с 1809 г. и сообщавшей о чинах, награжденьях, указах императора. Чтение «Сенатских ведомостей» свидетельствует о том, что Берестова интересовало только то, что имело практическое значение.

В лексико-тематическую группу «Григорий Иванович Муромский» входят слова *отец*, *англоман* (в значении «страстный приверженецъ всего англійскаго» [4, т. I, с. 16]), словосочетание *настоящий русский барин*, имя собственное *Григорий Иванович Муромский*: «*Англоман* выносил критику столь же нетерпеливо, как и наши журналисты» [с. 91]; «Не ладил с ним один *Григорий Иванович Муромский.* Это был настоящий русский барин» [с. 90]. В самом словосочетании *настоящий русский барин* скрыты смыслы, восходящие к противоречивости характера героя. С одной стороны, следование модным веяниям, всему иностранному; с другой –безалаберность, пустые прожекты, отсутствие практической хватки.

В то же время автор отмечает, что в усадьбе Муромского царил порядок. Перед обедом он показал Берестовым сад, зверинец. Иван Петрович обратил внимание на тщательно выметенные и усыпанные песком дорожки. Размышляя об увиденном, он «внутренно жалел о потерянном времени на столь бесполезные прихоти» [с. 101].

Смыслы повести раскрываются также через ряд других противопоставлений. Это «отцы – дети», «тугиловский помещик – дочь прилученского кузнеца». При этом противопоставлены разные типы поведения героев, соотносимые с понятиями «естественное» и «неестественное», «следование моде», «искренние чувства и переживания».

Есть в тексте и противопоставление «уездные барышни – барышни, воспитанные в городе». Автор отмечает влияние пространства, мира усадьбы на человека, особенно на девушек. Для повествователя уездные барышни – прелесть!

В лексико-тематическую группу «уездные барышни» входят слова *уединение*, *чтение*, *свобода*, *книжки*, словосочетание *в тени садовых яблонь* с семами 'природа', 'уединение', 'мечты': «Воспитанные на чистом воздухе, *в тени своих садовых яблонь*, они знание света и жизни почерпают *из книжек*. *Уединение*, *свобода* и *чтение* рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам» [с. 92]. Отмечает рассказчик, что живут барышни в «тени … садовых яблонь», в замкнутом пространстве, что они не знают света: «Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохою в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание» [с. 92]. Выделяет повествователь главную особенность их характера – самобытность: «В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы» [с. 92].

Итак, пространство в повести «Барышня-крестьянка» гармонично. В основе его связь с природой, естественность, патриархальность, искренняя любовь, которая помогает преодолеть любые трудности. В повести нет непреодолимого конфликта. В произведении есть конфликт «мнимый», который легко разрешается. В результате возникает ощущение радостного восприятия жизни.

Литература

1. Берковский, Н.Я. О русской литературе: сб. статей; сост., подготовка текста Е. Лопыревой; Предисл. Г. Фридлендера / Н.Я. Берковский. – Л.: Худож. лит., 1985. – 384 с.

2. Вайман, С.Т. Гармонии таинственная власть. Об органической поэтике / С.Т. Вайсман. – М.: Советский писатель, 1989. – 368 с.

3. Гукасова, А.Г. Болдинский период в творестве А.С. Пушкина: книга для учителя / А.Г. Гукасова. – М.: Просвещение, 1973.– 302 с.

4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т./ В.И. Даль. – М.: Рус. яз. – Медия, 2006.

5. Пушкин, А.С. Романы, повести, драмы / А.С. Пушкин. – М., Худож. лит, 1973. – 554 с.

6. Топоров, В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья (страничка из истории русской поэзии) / В.Н. Топоров // Облик слова: сб. статей / РАН Ин-т рус. яз. – М.: Русские словари, 1997. – С. 290–318.

References

1. Berkovskij, N.Ya. (1985). *O russkoj literature. Sb. statej*. [*About Russian literature. Digest of articles*]. Leningrad: Hudozh. lit. (In Russ).

2. Vajman, S.T. (1989). *Garmonii tainstvennaya vlast'. Ob organicheskoj poehtike*. [*Harmony mysterious power. On Organic Poetics*]. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ).
3. Gukasova, A.G. (1973). *Boldinskij period v tvorestve A.S. Pushkina. Kniga dlya uchitelya*. [*Boldino period in the works of A.S. Pushkin. Teacher's book*]. Moscow, Prosveshchenie, 1973.
4. Dal', V.I. (2006). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. V. 4 t. [*Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. 4 t.]. Moscow, Rus. yaz. Mediya. (In Russ).
5. Pushkin, A.S. (1973). *Romany, povesti, dramy*. [*Novels, novels, dramas*]. Moscow, Hudozh. Lit. (In Russ).
6. Toporov, V.N. (1997). Vethij dom i dikij sad: obraz utrachennogo schast'ya (stranichka iz istorii russkoj poehzii). *Oblik slova. Sb. Statej*. [Old house and wild garden: the image of lost happiness (a page from the history of Russian poetry). *Face of the word. Collected papers*.]. Moscow, RAS Russian Language Institute. (In Russ).

УДК 821.161.1-1.09:398(=161.1)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Т.И. Тверитинова,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы
Киевского университета имени Бориса Гринченко,
г. Киев, Украина
e-mail: titveritinova@gmail.com

В статье исследуется влияние петербургской литературной и фольклорной традиций XVIII-начала XIX века на сюжет поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник». С применением историко-генетического и сравнительно-типологического методов выявлены особенности пушкинской мифологизации столичного города: использование основных маркеров петербургского текста (климат, ландшафт, личность Петра I, эсхатология), дополненные авторской мифологизацией дома, «маленького» человека, противопоставления центр-периферия. Таким образом, поэт, усвоив классицистическую традицию, дополнил ее фольклорной и создал свой литературный миф, в котором величественное и трагическое составляют нерасторжимое единство.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, петербургская мифология, фольклорная традиция, эсхатология, литературный миф.

PETERSBURG MYTH IN THE POEM«MEDNYY VSADNIK» BY A.S. PUSHKIN: TRADITIONS AND INNOVATION

T.I. Tveritinova,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the World Literature Department,
Borys Grinchenko Kyiv University,
Kyiv, Ukraine
e-mail: titveritinova@gmail.com

The article examines the influence of the St. Petersburg literary and folk tradition of the18th –beginning of the 19th century on the plot of the poem "Mednyy Vsadnik" by A.S. Pushkin. With the help of historical-genetic and comparative-typological methods, the peculiarities of Pushkin's mythologization of the capital city were revealed: the use of the main markers of the Petersburg text (climate, landscape, personality of Peter I, eschatology) and the addition of the mythologization of the house, the "little" person, the center-periphery contrast. Thus, the poet, having mastered the classicist tradition, supplement edit with the folk one and created his own literary myth, in which the majestic and tragic constitute the in dissoluble unity.

Key words: A.S. Pushkin, Petersburg mythology, folk tradition, eschatology, literary myth.

Введение

Известно, что петербургская мифология начала формироваться с момента возникновения северной столицы. Если в официальной литературе XVIII века существовал миф о чудесном возникновении города и его гениальном строителе, то в петербургском фольклоре и в раскольничьих преданиях Петр и построенный им город воспринимались в резко отрицательных тонах. Об этом писали Н.П. Анциферов, Г.В. Есипов, Е. Шмурло и другие исследователи.

В середине 20-х гг. XIX века в связи с политической обстановкой в России происходит переоценка былых ценностей, в ходе которой изменилось отношение к Петербургу. Город начал восприниматься не как Северная Пальмира, а как столица империи, олицетворение государственности. В русском обществе начинает проявляться особое «мифотворческое сознание», которому свойствен

но возникать в переломные, кризисные периоды истории. Мифогенная атмосфера способствовала проявлению у писателей активного интереса к петербургскому фольклору.

Внимание Пушкина к жанру устного салонного рассказа, являющегося своеобразной модификацией на более высоком интеллектуальном уровне городского фольклора, известно. Как результат этого интереса – «Уединенный домик на Васильевском», насыщенный городской демонологией и эсхатологией. Из трех петербургских повестей Пушкина – «Уединенный домик на Васильевском», «Пиковая дама» и «Медный всадник» - именно в последней Пушкин, активно апеллируя к городской мифологии, создает свой собственный литературный миф о столичном городе.

Цели и задачи

В обширной и достаточно изученной теме «Пушкинский Петербург» исследователи в большей или меньшей степени выделяли проблему созданного поэтом мифа о столичном городе (Н.П. Анциферов, Л.К. Долгополов, Э. Ло Гатто, Р.Г. Назиров, А.Л. Осповат, Р.Д. Тименчик, Л.В. Пумпянский, С.А. Фомичев, Т.И. Агаева, Е.Ф. Манаенкова и др.). Особо следует выделить современное диссертационное исследование А.Б. Перзеке «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917–1930-е годы»), в котором рассматриваются изобразительно-выразительные принципы и феноменальные свойства «авторского литературного мифа национального масштаба» [4, с. 9].

Цель нашего исследования – проследить, как фольклорная и литературная традиции XVIII века, дополненные авторскими мифологемами на основе реального городского бытия, трансформировались в пушкинский синтетический миф о Петербурге.

Методы и материал исследования

Методологическую основу статьи составляют труды современных отечественных исследователей, посвященные проблеме литературного мифологизма. Используются историко-генетический и сравнительно-типологический методы, позволяющие выявить специфику формирования и историко-культурного функционирования пушкинского мифа о Петербурге.

По мнению Л.К. Долгополова, в последней петербургской повести «Пушкин предпринял попытку, которой суждено остаться единственной в своем роде: создать синтетический образ Петербурга, где традиция литературная оказалась бы дополненной традицией устной, фольклорной» [1, с. 155]. Те две идейно и композиционно неравные части произведения, на которые давно обратили внимание литературоведы, являют собой два разных облика столичного города: Петербурга вступления и Петербурга собственно поэмы, и каждая из этих частей представляет целостный, законченный миф о северной столице. Части эти и в печати появились неодновременно: вступление как отрывок из поэмы под названием «Петербург» было напечатано в 1834 году и во многом способствовало укоренению мнения о Пушкине как певце «Петра творенья», в то время как трагический Петербург собственно поэмы предстал перед читателями уже после смерти поэта.

Вступление в поэме своими заключительными строками, напоминающими оду, – «Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия, / Да умирится же с тобой / И побежденная стихия…» [6, с. 256] - завершают традицию официальной литературы XVIII века, когда поэты от Ф. Прокоповича до Г. Державина славили Петра и построенный им город. Исследователь Л.В. Пумпянский, выделяя три формулы, восходящие к классицистической литературе предшествующего века – «из тьмы лесов, из топи блат», «где прежде…, там», «прошло сто лет» - с удивлением обнаружил, что все три одновременно они не встречаются ни в одном одическом тексте» [5, с. 123].

Петербургские мифы, которым итальянский русист Э. Ло Гатто дает определения из пушкинской поэмы [9], во вступлении объединены в одно целое: «Строитель чудотворный» («Здесь будет город заложен») [6, с. 254]), «Окно в Европу» («корабли / Толпой со всех концов земли / К богатым пристаням стремятся») [6, с. 255], «Москва и Петербург» («И перед младшею столицей / Померкла старая Москва…») [6, с. 255], «Северная Пальмира» («Красуйся, град Петров, и стой / Неколебимо, как Россия…») [6, с. 256].

Поэма пронизана темой Петра, который «уздой железной Россию поднял на дыбы» [6, с. 265]. Тенденция Пушкина к мифологизации Петра очевидна: ни во вступлении, ни в собственно поэме не называется ни имя его, ни дается портретная характеристика, что является важнейшим признаком сакрального текста, в частности – Библии. Однако, как уточняет И.В. Немировский, наряду с запрещением имени Бога и любого его изображения «запрещалось произносить имена кумиров, идолов, т.е. ложных богов; особенный грех – отнесение святого имени к объекту, который не обладает святостью» [3, с. 7]. Во вступлении Петр богоподобен, ибо обладает чудесной волей побеждать стихию (ср. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». – Бытие, 1,3).

Однако Петр выступает не только как победитель стихии, но и строитель города, что вызывает еще одну мифологическую ассоциацию: первым библейским строителем города, как известно, был Каин (Бытие, 4,7). Преступное прошлое мифологического героя позволяет предполагать преступные действия «строителя чудотворного» в обращении с «человеческим материалом». Данное сопоставление выступает промежуточным звеном в процессе десакрализации Петра. В собственно поэме он предстает уже не как богочеловек, а как статуя, медный всадник, символизирующий его город. По мнению Р.О. Якобсона, «именно православная традиция, которая сурово осуждала искусство скульптуры… и понимала его как языческий или сатанинский порок,… внушила Пушкину

прочную ассоциацию статуй с идолопоклонством, с сатанинскими силами, с колдовством» [8, с. 173]. Медный всадник персонифицирует собой Петербург, концепция которого реализована в пушкинском произведении на трех основных уровнях: на уровне позиции автора-повествователя, воплощающего в себе петербургское сознание, на уровне описания – картина Петербурга, на уровне рассказа – последовательные действия героя. Монумент, в котором воплотилась «петербургскость», способен оживать и вновь застывать, являясь демонической и разрушительной кажимостью. На фоне зловещей картины разгулявшейся стихии он представляется апокалипсическим всадником, связанным в Библии с эсхатологическим исходом.

А.Б. Перзеке пишет о формировании в пушкинской поэме мифа о Медном всаднике, о котором поэт «рассказал на языке космогонии и эсхатологии, первоэлементов: камня-металла-воды-огня, а также жертвы, бунта, потопа, деяний и судьбы героя, зловещей статуи» [4, с. 10].

Однако, как замечает В.Н. Топоров, «если своими истоками миф Медного Всадника уходит в миф творения города, то своим логическим продолжением он имеет эсхатологический миф о гибели Петербурга»

[7, с. 23]. Сознательная установка на мифотворчество, использование традиционных библейских сюжетов и образов подтверждает стремление Пушкина к достижению сходства ситуаций литературного произведения с известными мифологическими. Пушкин не случайно создает петербургскую повесть с наводнением – тем самым подтверждается ее идейная и философская направленность: показать Петербург не в расцвете цивилизации, а в начале и падении. «Тема города, обреченного на гибель за поклонение ложным божествам и кумирам их, пронизывает книги пророков Иезекииля, Иеремии, Наума, Захарии, Аввакума, Ездры» [3, с. 8]: «О, ты, живущий при водах великих, изобилующий сокровищами! пришел конец твой, мера жадности твоей» (Иеремия, 51, 53); «Я истреблю имена идолов с этой земли и не будут более упоминаемы» (Захария, 13, 2).

Впрочем не следует забывать и петербургские народные сказания, в которых городская мифология была тесно связана с эсхатологией: Петр – Антихрист, и его стремление обуздать стихию будет наказано: построенный им город ценой огромных жертв будет потоплен. О контакте Пушкина с петербургской легендой свидетельствует введение в описание картины наводнения детали, столь излюбленной в городском фольклоре: возвращение гробов с покойниками к своим обидчикам для вершения посмертного суда. В контексте поэмы это звучит так: «Пожитки бледной нищеты, / Грозой снесенные мосты, / Гроба с размытого кладбища / Плывут по улицам! Народ / Зрит Божий гнев и казни ждет [6, с. 259]. Здесь находит свое воплощение идея обреченности и торжества стихии, подтверждающая эсхатологический миф об «эксцентрическом городе». Однако последняя строка приведенного отрывка противоречит петербургской легенде: стихия выступает не мифическим союзником народа, а враждебной силой: «народ зрит Божий гнев и казни ждет». Следовательно, наводнения, как и «шестьдесят тысяч погибших на строительстве, входили в расчет победы Петра» [2, с. 129].

Пушкин в своем мифе не выдумывал основной объект изображения: это современный город, климат, ландшафт и тип жителя которого удивительно специфичны и являются основными маркерами петербургского текста. Однако только в пушкинских петербургских повестях прослеживается мифологизация маленького домика на окраине большого города, бессильного перед инфернальными и хаотическими силами, как совершенно беспомощным перед ними оказывается и «маленький» городской житель.

В произведении наблюдается четкое пространственное «мифологическое» противопоставление центра и периферии. Герой живет на окраине города – в Коломне, любит девушку с Васильевского острова (другой окраины), мечтает о счастье, пока не попадает во время наводнения на центральную площадь с памятником Петру. Здесь мы находим еще одно важное подтверждение мифологического союза Петра и стихии: сокрушительный удар был нанесен окраине, в частности, Васильевскому острову, где жила любимая девушка с матерью, центр же был относительно пощажен, что и спасло Евгения. Однако и его спасение можно считать относительным: он совершенно выпадает из привычного уклада жизни города, оправившегося после наводнения: «Ни то, ни се, ни житель света, / Ни призрак мертвый» [6, с. 264]. «Омертвение» и выпадение Евгения из света, - как справедливо считает И.В. Немировский, - мотивируется его посещением «царства мертвых» - окраины Васильевского острова,… чему предшествует переправа и встреча с перевозчиком», что вполне напоминает картину дантового «Ада» [3, с. 14]. Воспоминание (анамнезис) как отпечаток космологической мысли проясняет его сознание, когда некоторое время спустя он вновь очутился в центре, наедине с «мощным властелином судьбы». Потрясение Евгения в результате столкновения с Медным всадником выявляет зону наибольшей опасности в городе для бедного жителя – площадь, на которой возвышается памятник Петру («И с той поры, когда случалось / Идти той площадью ему, в его лице изображалось / Смятенье…» [6, с. 265]. Петербург с Медным всадником давит на бедняка, сковывает его волю, оставляя, впрочем, одну свободу – свободу сойти с ума и умереть.

В книге «Достоевский и романтический реализм» американский исследователь Д. Фенгер пишет, что Пушкин в «Медном всаднике» открыл трагическую ноту Петербурга: «Абстрактному величию противопоставлена конкретная гибель смиренных людей, общественному подвигу – частная жертва. Тем самым, образ города раздваивается: уже не пассивно героический, он становится активным и кроме того – антагонистичным… Ощущение нереальности города составляет сердцевину петербургского мифа» [10, с. 104].

Как замечает А.Б. Перзеке, в современном пушкиноведении образ Евгения приобретает значительное расширение «его интерпретационного диапазона в мифопоэтическом и социально-психологическом измерениях» [4, с. 17]. По мнению исследователя, «образ героя имеет многоплановую архетипическую основу. Он – сирота. В его

семейных устремлениях ощутим космогонический миф. Евгений охвачен эросом, воплощает в себе архетип рода. Поэт придает ему житейскую достоверность, онтологическую значительность, черты «неотмирности», делает его трагическим героем» [4, с. 18]. Судьба мелкого чиновника, которого раздавил Петербург, персонифицированный в Медном всаднике, приобретает характер универсально-обобщающего праобраза, т.е. является одновременно и макро- и мета- исторической, и мифопоэтической.

Результаты и их обсуждение

Как видим, в поэме «Медный всадник» Пушкин, отталкиваясь от петербургской мифологии предшествовавшего века, опирался, прежде всего, на петербургский текст фольклорной традиции (климат, ландшафт, наводнение, фигура Петра-строителя, эсхатология). В процессе создания своего мифа он мифологизирует дом (маленький домик на окраине большого города), пространство (антиномию центр-периферия), человека (не по роду занятий или по характера, а по судьбе жителя Петербурга.

Выводы

Таким образом, Пушкин, создавая в своей поэме образ города трагической красоты и безумия, опирался, прежде всего, на петербургскую мифологию с ее протестом и фантастикой. Талант и жизненная мудрость позволили поэту увидеть и осознать столичный город в историко-философском осмыслении, завершить традицию классицистической литературы, прославляющей Петра и его город, утвердить пришедшее из городского фольклора эсхатологическое представление о северной столице и создать на его основе литературный миф, насыщенный мотивами из библейской мифологии.

Две стороны Петербурга – величественная и трагическая – составляют у Пушкина нерасторжимое единство, основанное на внутренней противоречивости, которая является «отражением реальной противоречивости и деятельности Петра, и его личности, и облика основанной им столицы» [1, с. 155].

Литература

1. Долгополов, Л.К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века / Л.К. Долгополов. – Л.: Советский писатель, 1985. – 352 с.
2. Назиров, Р.Г. Петербургская легенда и литературная традиция / Р.Г. Назиров // Традиции и новаторство. – Вып. III. – Уфа, 1975. – С. 122–135.
3. Немировский, И.В. Библейская тема в «Медном всаднике» / И.В. Немировский // Русская литература, 1990. - № 3. – С. 3–17.
4. Перзеке, А.Б. «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917-1930-е годы): автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.Б. Перзеке. – Великий Новгород, 2012. – 39 с.
5. Пумпянский, Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века / Л.В. Пумпянский // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л.: АН СССР, 1939. – Вып. 4-5. – С. 91–124.
6. Пушкин, А.С. Медный всадник / А.С. Пушкин // Сочинения в трех томах. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 2. – С. 254–266.
7. Топоров, В.Н. Петербургский текст русской литературы / В.Н. Топоров. – С.-Петербург: «Искусство – СПБ», 2003. – 616 с.
8. Якобсон, Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. Якобсон // Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 145–181.
9. Lo Gatto, E. Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia / E. Lo Gatto. – Milano, 1960. – 289 p.
10. Fanger, D. Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol / D. Fanger. – Cambridge, Mass., 1965. – 307 p.

References

1. Dolgopolov L.K. (1985). *Na rubezhe vekov. O russkoj literature konca XIX- nachala XX veka*
[At the turn of the century. About the Russian literature of the end of the XIX-beginning of the XX centuries]. Leningrad:Soviet writer. (In Russ).
2. Nazirov R.G. (1975). Peterburgskaya legenda I literaturnaya traditsiya. *Traditsii I novatorstvo*. [Petersburg legend and literary tradition. *Traditions and Innovation*]. 3, 122–135. (In Russ).
3. Nemirovskiy I.V. (1990). Bibleyskaya tema v «Mednom vsadnike». *Russkaya literature*. [Biblical theme in the Bronze Horseman. *Russian literature*]. 3, 3–17. (In Russ).
4. Perzeke A.B. (2012). *«Mednyy vsadnik» A.S. Pushkina: kontseptual'no-poeticheskaya invariantnost' v russkoy literature XX veka (1917-1930-ye gody)["The Bronze Horseman" A.S. Pushkin: conceptual-poetic invariance in Russian literature of the twentieth century (1917-1930-ies)]* [Author's abstr. doct. philol. diss.]. Veliky Novgorod. (In Russ).
5. Pumpyanskiy L.V. (1939). «Mednyy vsadnik» I poeticheskaya traditsiya XVIII veka. *Pushkin. Vremennik Pushkinskoy komissii*. ["The Bronze Horseman" and the poetic tradition of the XVIII century. *Pushkin. Temporary Pushkin Commission*]. 4–5, 91–124. (In Russ).
6. Pushkin A.S. (1964). Mednyy vsadnik. *Sochineniya v trekh tomakh*. [The Bronze Horseman.*Works in three volumes*]. 2, 254-266. (In Russ).
7. Toporov V.N. (2003). *Peterburgskiy tekst russkoy literatury. [Petersburg text of Russian literature]*. S.-Petersburg: "Art - St. Petersburg". (In Russ).
8. Yakobson R.O. (1987). Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina. *Raboty po poetike.* [Statue in Pushkin's poetic mythology. *Works on poetics*]. Moskow: Progress. (In Russ).
9. Lo Gatto E. (1960). Il mito di Pietroburgo. Storia, leggenda, poesia. Milano. (In Ital.)
10. Fanger D. (1965). Dostoevsky and Romantic Realism. A study of Dostoevsky in relation to Balzac, Dickens and Gogol. Cambridge: Mass.

УДК 408.53

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ РЕАЛИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ XIX ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В.ГОГОЛЯ

А.С. Белая,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии
Нежинского университета имени Н.В. Гоголя,
г. Нежин, Украина
E-mail: all.bell@mail.ru

Основная цель статьи состоит в том, чтобы представить отдельные пласты лексики в поэме Н.В.Гоголя « Мёртвые души», показать, как эта широко употребляемая лексика под пером гениального писателя становится ярким выразительным средством для отображения различных реалий жизни общества XIX века, эпохи крепостничества. Применив метод описания, мы обратились к таким пластам лексики, как социальная терминология, антропонимы и их апеллятивные варианты. Именно эти лексемы служат в тексте для раскрытия социальных и нравственно-эстетических проблем общества. Языковые особенности классического художественного текста всегда могут быть предметом дальнейших исследований, так как их возможности не ограничены.

***Ключевые слова**: лексика, социальная терминология, апеллятивы, языковые особенности, лингвокультурология, социокультурная терминология, маркированность языковых единиц.*

SPECIAL ASPECTS OF THE REALITY NOMINATION OF THE REAL LIFE OF THE XIX CENTURY IN WORKS OF N. GOGOL

A.S. Belaya,
associate Professor, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Slavic Philology,
Nezhin State University named after N.V. Gogol,
Nezhin, Ukraine,
e-mail: all.bell@mail.ru

The main purpose of the article is to present separate layers of vocabulary in the narrative poem “Dead Souls” by N.V. Gogol, to show how this widely used vocabulary under the pen of a genius writer becomes vivid expressive means for displaying various realities of the life of the 19th century society, the era of serfdom. Applying the method of description, we drew our focus to such layers of vocabulary as social terminology, anthroponyms and their appellate variants. These lexemes serve in the text for the disclosure of social and moral-aesthetic problems of society. The linguistic features of a classical artistic text can always be the subject of further research, since their possibilities are not limited.

Keywords: vocabulary, social terminology, appellatives, linguistic features, cultural linguistics, sociocultural terminology, marked language units

Реальный мир эпохи XIX века широко и разносторонне представлен в художественных произведениях многих авторов. Для современного читателя такие тексты служат источником многосторонней культурологической информации об эпохе, о народе, социальный и культурный опыт которого отражается языковыми средствами в конкретных произведениях. Текст любого художественного творения предстаёт перед читателем как фрагмент реальной действительности конкретной эпохи, или как картина мира, зафиксированная богатыми лексическими средствами языка.

Мы обратимся к эпическому повествованию Н. Гоголя « Мёртвые души» с целью раскрыть значение разных языковых средств, служащих для описания социального пространства, в котором происходит жизнь героев поэмы. Концепт « пространство» – один из универсальных концептов в любой языковой картине мира. Универсальность этой категории заключается в её философском, антропологическом, культурологическом, историческом, социальном подходе к отображению реального мира. Всё это имеет языковую репрезентацию в текстах каждого жанра любой стилевой принадлежности.

В современной лингвокультурологии отмечается, что исследование понятий пространства, времени, этики и других ведётся в различных аспектах: на грамматическом, лексическом, фонетическом уровнях [1, с.65]. «Языковое измерение» пространства даёт большой материал для понимания социальных, психологических, нравственных и личностных отношений между персонажами художественного произведения, для описания и все-

сторонней репрезентации окружающей действительности, для выяснения пространственных отношений персонажей во времени, для отражения фактов и событий, в которых живут и действуют герои данного текста. Читатель узнаёт из текста об авторском замысле, об авторском осмыслении действительности. Взгляд читателя на события, художественно представленные в произведении, постоянно наталкивается на индивидуально-авторскую оценку пространственных объектов. Такая информация имеет культурную ценность, так как представляет среду, пространство, социум, в котором проходит человеческая жизнь.

Текст поэмы «Мёртвые души» отражает реальную эпоху крепостничества. По словам В.Г. Белинского, «это творение необъятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое…» [2, с. 172]. Пространство, в котором живут персонажи Гоголя — это мир, страна, город, дом, семья, социум… В поэме представлена жизнь персонажей в разных измерениях, на разных пространствах. Социальное пространство поэмы для разных персонажей то расширяется, то сужается, так как действие в произведении не замыкается рамками условно обозначенного в главе первой губернского города NN. Языковая репрезентация пространства, в котором действуют персонажи поэмы, представлена разнообразной лексикой – это социальная терминология, антропонимы, бытовая лексика, апеллятивные номинации героев и другая. Например, *социальные* реалии, составляющие основу социального пространства произведения, выражены такими номинациями: *губернский город, двор, гостиница, комната для господина, конура для лакея, общая зала, трактир, харчевня, питейный дом, присутственные места, казённая палата, комната, гостиная*… Далее социальное пространство поэмы расширяется, так как действие в следующих главах переносится из губернского города в деревни, имения помещиков, с которыми «приезжий господин», то есть Чичиков Павел Иванович, познакомился на следующий день, когда он «оказал необыкновенную деятельность насчёт визитов». Нанося визиты помещикам, Чичиков выстраивает отношения с ними, настойчиво стремясь решить свои проблемы, связанные с приобретением мёртвых душ, то есть тех крестьян, которые ещё числятся в списках, хотя их уже нет в живых. При оформлении этой сделки Чичиков, как человек привыкший « не отступать от гражданских законов», убеждает Манилова, Собакевича, Коробочку, Ноздрёва, пересыпая свою речь соответствующей терминологией: *ревизская сказка, законные пошлины, купчая крепость, казённая палата, подать, оброк, законник, делец, реестр умерших душ, доверенное письмо, казна, совершить крепость, заложенные имения, ревизские души, казённые подряды и другие.*

Своеобразное социальное пространство художественного произведения создаётся всей системой сложившихся социальных отношений между членами определённого социума. Вырисовывается процессе коммуникации, в который втянуты представители разных социальных групп, социальный мир, в котором живут и общаются герои. Сюжетные линии гоголевского текста таковы, что в нём явно просматривается многомерность социального пространства данного произведения. Отношения между героями на разных уровнях – в семье (родственные), на службе (служебные), в кругу друзей и знакомых (дружеские, соседские), в кругу людей, временно оказавшихся втянутыми в сферу какой-либо совместной деятельности или объединённых общим интересом на данный момент, и иные отношения.

Немаловажную роль в формировании разнообразных социальных отношений имеет сложившаяся дифференциация социальных слоёв общества. В поэме представлены антагонистические сословия: с одной стороны – *помещик, барин, дворянин, господин, хозяин,* ***купец, а с другой стороны – крестьянин*** **(** которых часто хозяева « величают» просто – *мужик или баба, девка), холоп, дворовый человек, трактирный слуга или половой, ревизские души, « штука*» (по определению Собакевича так названа мёртвая душа – крестьянин…) Выразительна по своей социально-нравственной окраске большая группа слов-апеллятивов в роли наимено

ваний персонажей по роду их занятий*: губернатор, председатель палаты, почтмейстер, прокурор, жандарм, инспектор врачебной управы, полицеймейстер, откупщик, вице-губернатор, городской голова, таможенный надсмотрщик, жандармский полковник, коллежский советник, приказчик, капитан-исправник, кучер, сбитенщик, ключница, дворовые люди, возница, кузнец, сапожник, столяр, плотник, кирпичник и другие*.

Отношения между этими группами персонажей на коммуникативном уровне характеризуют и дополняют социальную картину мира определённой эпохи. Особенности коммуникации Чичикова с другими персонажами – яркая характеристика сложившихся отношений в социуме. Достаточно вспомнить, как любезен и почтителен Павел Иванович с сановниками губернского города, как снисходительно груб и пренебрежителен со своими слугами – кучером Селифаном и лакеем Петрушкой. Автор на страницах, посвящённых встрече Чичикова с Коробочкой, пишет: « Читатель, я думаю, уже заметил, Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил однако же с большею свободою с помещицей Коробочкой, нежели с Маниловым, с которым и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у нас на Руси, если не угнались ещё кой в чём за иностранцами, то далеко перегнали их в умении

общаться…У нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у кого их триста, а с тем, у кого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у кого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот – словом хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки» [3, с. 296]. Таким образом, социальное пространство художественного произведения создается всей совокупностью социальных отношений в обществе, а языковые средства, среди которых важное место занимает терминология, составляют основу построения и отражения социальной картины мира. Весь текст поэмы передаёт тот социокультурный фон, который помогает читателю освоить социокультуроведческую информацию на одном из этапов развития общества и живо представить то социальное пространство, в котором живут и общаются герои произведения.

Познание социокультурного фона делает читателя компетентным с точки зрения лингвокультурологической. Формированию такой компетенции способствует изучение различных пластов лексики, в которой отражаются особенности национального менталитета народа, основные вехи развития социума, его культуры и истории. Через призму языка возможно понять социальные процессы в обществе, происходящие в отдельные периоды его развития. Такие пласты лексики, как социальная терминология, антропонимы, бытовая лексика, лексика, в которой нашли отражение социокультурные стереотипы речевого поведения героев, апеллятивная номинация героев дают богатую информацию о духе времени, о процессах в обществе, об этнокультурной специфике коммуникации героев прошлой эпохи. Автор отразил в своём произведении культурную память, культурное наследие общества Х1Х века. Социально маркированная лексика выполняет в тексте информативную и коммуникативную функции (вспомним торги Чичикова с помещиками…). Интересна по составу и по своей социально-нравственной окраске большая группа слов-апеллятивов, функционирующих в тексте в роли непрямых, косвенных номинаций, которые представляют полно и выразительно не только сословно-социальную дифференциацию персонажей, но многие апеллятивы выступают доминантами рядом с именами собственными. Посмотрим, как в гоголевском тексте именуются лица женского пола или женской партии… есть и мужская партия, как об этом сообщается в поэме [3, с. 432]. Антропонимы у Гоголя почти всегда социально маркированы, что соответствует характеру всего произведения. Представительницы господствующего класса наделены полными именами, что вызывает почтение со стороны членов всего социума (низшего и высшего состава): помещица Настасья Петровна Коробочка, жена помещика Феодулия Ивановна Собакевич, дочь помещика Плюшкина Александра Степановна, Павел Иванович Чичиков и другие. Персонажи из народа чаще названы одним именем или прозвищем*: кучер Селифан, ключница Агашка, девчонка Пелагея (или Палашка), Прошка, Праскушка, дворовая девка Капитолина*. Находим также немало описательных апеллятивов, которые метко, ярко и с большой иронией характеризуют героев: *первая дама в городе (губернаторша), одна очень любезная дама (почтмейстерша), дама приятная во всех отношениях, дама просто приятная, дама недурной наружности…* Наборы релевантных и нерелевантных признаков, различающих и характеризующих субъекты, отражают национальные особенности номинации лиц, передают колорит не только имени, но и подчёркивают колоритность персонажей [4, с. 45]. Поскольку текст –« это вся недифференцированная масса культурных смыслов, впитанная произведением»[5, с. 289], то для современного читателя тексты Гоголевских произведений являются источником разной социокультурной информации о культуре быта, нравов, общения. Читатель получает первую, хотя и имплицитную социальную информацию, начиная с заглавия поэмы. Оно выступает, как особый небольшой свёрнутый текст, содержание которого на первом уровне восприятия носит ассоциативный характер: почему мёртвые души? – ведь, душа бессмертна. Известен факт неприятия цензурой такого заголовка поэмы. Однако заглавие « мёртвые души», став доминантой смысла, несёт особую семантическую нагрузку. Всё содержание поэмы раскрывает социальный смысл заглавия, как миниконтекста, вызывающего субъективные ассоциации у читателя, опирающегося на собственный запас знаний, который становится богаче при знакомстве его с содержанием произведения, и это знакомство видоизменяет первоначальное понимание концепта « душа», который, безусловно, в тексте поэмы наполнен социальным содержанием и становится «кодом» определённого времени в истории данного социума.

Социальная и эстетическая маркированность языковых единиц у Гоголя достигается многими языковыми средствами, среди которых наиболее выразительными являются социальная терминология и особый Гоголевский антропонимикон. Многие личные имена, превратившись в нарицание, стали символами каких-либо явлений в жизни народа [6, с. 60]. Сложившиеся социокультурные традиции в названии каких-либо общественных явлений, в наименовании лиц, реальных и литературных, – всё это нашло отражение в языке Гоголевских произведений и может быть предметом дальнейших описаний.

Литература

1. Белая, А.С. Языковые средства выражения национально-культурного колорита в повестях Н.В. Гоголя/ А.С.Белая // Микола Гоголь і світова культура: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника.—Київ—Ніжин, 1994. – С.43–46.
2. Белинский, В.Г. Избранные статьи / В.Г.Белинский – М.: Детская литература, 1965 – 315 с.
3. Гоголь, Н.В. Мёртвые души / Н.В.Гоголь // Сочинения в двух томах. – М.: Худож. литература, 1969.
4. Косиков, Г.К. Идеология. Коннотация. Текст / Г.К.Косиков. – М.: Ad Marginem, 1994. – С.277–302.
5. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – Москва: ГИС, 2006. – 259с.
6. Шинкаренко, О.В. Литературная антропонимия как средство номинации в художественной речи Н.В. Гоголя; НАН Украины. Институт языкознания. Нежинский гос. пед. ин-т; Гоголевский научно-методическийцентр / О.В. Шинкаренко. – Киев; Нежин, 1997. – 73 с.

References

1. Belaja, A.S. (1994). Jazykovye sredstva vyrazhenija nacional'no-kul'turnogo kolorita v povestjah N.V. Gogolja. *«Mikola Gogol' i svitova kul'tura.» Materiali mizhnarodnoї naukovoї konferenciї, prisvjachenoї 185-richchju z dnja narodzhennja pis'mennika*. [Language means of expression of national-cultural color in the stories of N.V. Gogolya. *Mikola Gogol and World Culture. Materials of the International Scientific Conference*]. Kiïv–Nizhin. S.43–46.
2. Belinskij, V.G. (1965). *Izbrannye stat'i.* [*Featured Articles*]. Moscow.
3. Gogol', N.V. (1969). *Mjortvye dushi. Sochinenija v dvuh tomah*. [*Dead Souls. Works in two volumes*]. Moscow.
4. Kosikov, G.K. (1994). *Ideologija. Konnotacija. Tekst*. [*Ideology. Connotation. Text*.]. Moscow.
5. Thorik,V.I., Fanjan, N.Ju. (2006). *Lingvokul'turologija i mezhkul'turnaja kommunikacija*. [*Linguoculturology and intercultural communication*]. Moscow, GIS.
6. Shinkarenko, O.V. (1997). *Literaturnaja antroponimija kak sredstvo vtorichnoj nominacii v hudozhestvennoj rechi N.V.Gogolja*. [*Literary anthroponymy as a means of secondary nomination in the artistic speech of N.V.Gogol*]. Kiev–Nezhin.

УДК 821.161.1.09

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ

М.Г. Лобан,
старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tanyaloban@mail.ru

Т.В. Лобан,
переводчик отдела международных связей
Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tanyaloban@mail.ru

В статье анализируются основные тенденции в развитии жанра русской повести, рассматриваются идейно-художественные особенности эволюции жанра фантастической повести в творчестве Н.В. Гоголя. Применение сравнительно-исторического метода, критического анализа, объяснительно-аналитического описания, выявления типологических связей в творчестве русских писателей первой половины XIX века позволило определить жанрообразующие признаки русской фантастической повести, помогло наметить новаторские решения в создании оригиналь
ных художественных произведений, отражающих острые социальные проблемы современности. В выводах по итогам исследования отмечаются перспективы изучения жанра современной фантастической повести с учетом национальных традиций, подчеркивается актуальность творчества Н.В. Гоголя как зачинателя реалистического направления в русской литературе и новатора в жанре фантастики.

Ключевые слова: повесть, жанр, фантастика, литературная традиция.

TRADITIONS OF RUSSIAN FANTASTIC NOVEL OBSERVED IN NIKOLAY GOGOL'S CREATIVE WORKS

Marina Loban
Head teacher, Chair of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tanyaloban@mail.ru

Tatsiana Loban
Interpreter, International Affairs Office
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tanyaloban@mail.ru

The article is devoted to the basic tendencies in the development of a Russian short novel. Ideological and artistic peculiarities of genre evolution of the fantastic short novel in Nikolay Gogol's creativity are described. It is stated that a comparative and historical method, critical analysis, descriptive and historical methods as well as a typological connections found in the creativity of the writers of the 1st half of the XIX cent. determined the genre building features of a Russian fantastic short novel and it helps to determine new ideas of how to create original creative masterpieces where topical issues of modern society are reflect. There are perspectives for further studies of Nikolay Gogol's creativity because he was the one who started the realistic directions in Russian literature and fantastic literature as well.

Key words: a short novel, a genre fantastic literature, literature traditions.

Введение

Изучение литературной традиции русской фантастической повести в литературоведении велось в двух направлениях. С одной стороны, исследовался «лабильный, гибридный» жанр, стоящий между рассказом (малая эпическая форма) и романом (большая эпическая форма), определялись его идейно-художественные признаки. С другой стороны, ученых интересовала динамика различных жанровых разновидностей повести, проявляющих общие, «исторически детерминированные закономерности литературной традиции» [1, с. 3].

Как справедливо заметил Б.С. Мейлах: «Повести XIX века представляют собою в этом отношении благодарный материал, поскольку они дают возможность проследить и предпосылки жанра, и его кристаллизацию, и различные пути формообразования» [1, с. 3].

Цели и задачи

Цель – выявить идейно-художественные особенности эволюции жанра фантастической повести на уровне философско-эстетических концепций и сюжетно-функциональной сущности художественных произведений данного жанра в творчестве Н.В. Гоголя.

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих ***задач***:

1) показать истоки зарождения и особенности формирования жанра фантастической повести в истории русской литературы;

2) раскрыть характер функционирования фантастических сюжетов и образов в творчестве Н.В. Гоголя;

3) рассмотреть специфику художественной трактовки категории фантастического в контексте литературных традиций и инноваций, выявить функциональную роль репрезентации образно-эстетического потенциала общечеловеческих культурных ценностей в жанре фантастической повести.

Методы и материал исследования

Анализ современных исследований в области жанрологии позволяет констатировать общие подходы ученых в трактовке самого термина: «Повесть можно определить как вид эпического произведения средней или большой формы, построенного в виде повествования о событиях в их естественной последовательности» [2, с. 284].

Считая термин «повесть» национально-русским, его часто сравнивают с зарубежными аналогами и переводят само понятие в английской литературе как *«novelette»* или *«long story»*, в немецкой литературе как *«Erzahlung»* и *«Kurzgeschichte»*. Жанровые эквиваленты используются в отношении тех произведений, которые подходят лишь по формальному признаку (объем художественного текста), «историческая эволюция жанра, его генезис, функции, национальные особенности литературного процесса» во внимание не принимаются [1, с. 5].

Этимология жанра русской повести восходит к древнерусской литературе. Житийные, летописные, нравоучительные произведения о каких-либо событиях отличались динамичностью и занимательностью сюжета, дидактизмом и содержали главный родовой признак этого жанра – повествовательность («Повесть временных лет», «Повесть о Горе-Злочастии» и др.).

20-е годы XIX века – новый этап в развитии русской повести, которая приобрела широкое рас-

пространение и популярность среди читателей. Жанр повести в этот период относят к роду поэтическому и прозаическому, что порождает неоднозначность в его определении. «Сами авторы колебались в определении жанра своих произведений, часто именуя их то романом, то повестью и даже рассказом. Тургеневского «Рудина» всегда рассматривают как роман, и он в качестве такового фигурирует в Собрании сочинений Тургенева. Но в издании 1856 г. он включен самим автором в состав «Повестей и рассказов». Достоевский своему «Вечному мужу» дал подзаголовок «рассказ», в то время как более короткие произведения он называет повестями («Хозяйка» «Слабое сердце», «Крокодил») и даже романами («Бедные люди», «Белые ночи»)» [1, с. 5–6].

Разночтения в трактовке эпических жанров присутствуют до сих пор («Капитанская дочка» А.С. Пушкина; «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя). «Процесс формообразования повести на рубежах между другими прозаическими жанрами, «выламывание» повести из романа и обратно – сжатие романной формы с ее широкой эпической проблематикой до размеров лаконичного или во всяком случае небольшого по объему повествования – все это представляет тему, актуальную и интересную для исследователя», – пишет Б.С. Мейлах [1, с. 3].

Результаты и их обсуждение

Важным этапом в становлении литературной традиции русской повести считается первая половина XIX века. В 1835 году в журнале «Телескоп» была напечатана статья В.Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» – теоретический манифест, раскрывший значение жанра в истории русской литературы. «Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки. Ее форма может вместить в себя все, что хотите: и легкий очерк нравов, и колкую саркастическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей. Краткая и быстрая, легкая и глубокая вместе, она перелетает с предмета на предмет, дробит жизнь по мелочам и вырывает листки из великой книги этой жизни» [3, с.112].

В теоретической статье критик объяснил причины появления жанра повести (необходимость отразить мироощущение современного человека в период динамичных социальных процессов), а также выделил «жанровые регистры» русской повести XIX века:

1) краткая и быстрая форма;

2) оперативность отклика на жизненные явления;

3) «сила концентрации изображаемого»;

4) «генетическая связь с романом»;

5) умение «схватить» многообразие действительности;

6) возможность в «одном мгновении» сосредоточить существенный смысл происходящего.

Именно в XIX веке была предпринята первая попытка классифицировать богатейший литературный материал в жанре повести. Так, в 1832 году в журнале «Телескоп» были упомянуты три разновидности русской повести: философская, сентиментальная, «дееписательная» [1, с. 9].

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» В.Г. Белинский дал трактовку еще одному жанровому образованию – ***русской фантастической повести***, которая разрабатывалась в рамках романтизма в творчестве Н.М. Карамзина, В.Ф. Одоевского, А. Погорельского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и др.

Русская критическая мысль оперативно отреагировала на данное художественное явление: в теоретических статьях разъяснялось влияние философии Шеллинга на эстетическую систему романтизма, исследовались исторические источники мистических учений, давались различные трактовки понятия «фантастика», выстраивалась динамика «жанровых регистров», предшествовавших появлению *русской фантастической повести* (сказка, рассказ, баллада, готический роман), анализировались конкретные художественные произведения с целью выявления типичных функциональных приемов создания фантастического хронотопа.

Одновременно в русском литературоведении существовал и другой подход в определении понятия *«фантастика»*. Его выразитель О.И. Сенковский, автор «Фантастических путешествий барона Брамбеуса» (1835), отнес фантастический элемент повествования к отдельному художественному приему создания определенной занимательной формы – «литературной или общественной, очень неглубокой сатиры» [1, с. 135].

Дальнейшее исследование жанрового своеобразия русских повестей XIX века позволило ученым выделить одну существенную особенность фантастической повести. Так, Н.В. Измайлов пишет: «Необходимым условием, лежащим в основе фантастики этого периода, и, следовательно, фантастической повести, является представление, ап
риорно или в силу философско-религиозного мировоззрения принятое автором (как его искреннее убеждение или как литературный прием – это уже другой вопрос, далеко не всегда разрешимый и не всегда имеющий определяющее значение), представление, получившее название *двоемирия*. Оно заключается в том, что якобы независимо от видимого и воспринимаемого человеком мира, независимо от окружающей его действительности и как бы за ней, за ее пределами, существует иной недоступный, чувственному восприятию и не постигаемый разумом сверхъестественный, «потусторон-

ний» мир. Этот второй, «иной» мир может оказывать (и оказывает) таинственное и в конечном счете губительное влияние на человека, его судьбу и окружающую его действительность, по временам вторгаясь в человеческую жизнь» [1, с. 135].

Тесная связь литературной фантастики с устным народным творчеством способствовала тому, что фантастическая повесть творчески заимствовала важные признаки фольклора и закрепила их в качестве определяющих: 1) установка на сказовость; 2) объединение всех занимательных историй в циклы; 3) в эпоху романтизма фантастическая повесть приобретает форму сборников, в которых главным действующим лицом является рассказчик.

В ранних произведениях Н.В. Гоголя (в большинстве повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в некоторых повестях из циклов «Миргород» («Вий»), «Арабески» («Портрет») удельный вес фантастики значителен: фантастические силы открыто вмешиваются в сюжет, определяя судьбу героев и исход конфликтов. По мнению Ю.В. Манна, в этих произведениях писатель совершил «реформу фантастического»: «Фантастика была подчинена фактору времени; каждой из двух временных форм – прошлому и настоящему – соответствовала своя система фантастики» [4, с. 192]. В прошедшем (или давно прошедшем) временном плане открыто выступали образы персонифицированных сверхъестественных сил – черти, ведьмы, а также людей, вступивших с ними в преступную связь (Басаврюк из «Вечера накануне Ивана Купала», колдун из «Страшной мести» и др.). В настоящем же временном плане перед нами не столько сама фантастика, сколько влияние «носителей фантастики из прошлого». Таким образом, складывалась разветвленная система особой, «завуалированной фантастики». Воссоздавались такие художественные образы и события с помощью ряда изобразительных средств: цепь совпадений и соответствий вместо четко очерченных событий; форма слухов, предположений, архетип сна вместо «достоверных» сообщений и свидетельств самого повествователя. Первичным было не изображение самого сверхъестественного события, сколько его восприятие и переживание, дающее читателю пищу для дополнительного фантазирования, толкования и разночтений. Сфера фантастического максимально сближалась со сферой жизненной, открывая возможность «параллелизма версий» – как фантастической, так и «естественно-научной».

«Развивая систему завуалированной фантастики, – пишет Ю.В. Манн, – Гоголь осуществлял общеевропейскую традицию (Э.Т. Гофман, Л. Тик) и даже более широкую, чем европейскую (если вспомнить о фантастике В. Ирвинга и Э. По), тенденцию художественного развития» [4, с. 192].

Повести Гоголя, основанные на украинском фольклоре, были объединены в цикл фигурами «пасичника Рудого Панька», собирателя и «издателя» этих историй, и главного рассказчика – «дьяка диканьской церкви» Фомы Григорьевича, которому принадлежат «Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место».

Люди и мифологические существа находятся в одном пространстве и существуют одновременно. В этом и заключается раздвоенность художественного мира Н.В. Гоголя. Солоха – ведьма и обыкновенная женщина. Она может летать на метле, встречаться с чертом и с вполне реальными односельчанами. Герой «Пропавшей грамоты» во время путешествия в ад подвергается «бесовскому оборачиванию». Колдун в «Страшной мести» – существо, противопоставленное народу, враг, изменник и одновременно казак, отец Катерины. Он демонстрирует способности совершать разные чудеса, но перед христианскими символами, святынями и заветами бессилен.

В 1836 году в пушкинском «Современнике» была опубликована повесть Н.В. Гоголя «Нос», которая ознаменовала еще один этап в реформировании художественной фантастики. Писатель «предложил такой строй фантастики, аналогичный которому мы едва ли найдем в современной ему русской и мировой литературе» [4, с. 192]. В повести был полностью снят носитель фантастики, в то же время сохранялась сама фантастичность события (злоключения майора Ковалева). Ю.В. Манн отмечает: «Предотвращалась и потенциальная возможность параллелизма, двойственности версий… все описываемое просто переключалось в другую плоскость: происходило «на самом деле», но не объяснялось и в то же время мистифицировалось, даже не усложнялось, но просто оставалось в своей собственной сфере загадочно-неопределенного, странно-повседневного. На этой почве развивалась тончайшая пародия романтической тайны, романтической формы слухов и недостоверных, случайных суждений, пародия чудесного сновидения…» [4, с. 192].

Выводы

Таким образом, в творчестве Н.В. Гоголя фантастическая тематика активно развивалась в русле общеевропейской романтической традиции. Обрабатывая фольклорные и библейские источники, писатель включает в свои повести фантастические истории, которые становятся основой их сюжета. Образы, основанные на украинском фольклоре, представлены в произведениях то в комическом плане («Ночь перед Рождеством»), то в трагическом («Вечер накануне Ивана Купала», «Страшная месть», «Вий»). Сюжетная линия «Петербургских повестей» строится на противопоставлении реальной действительности и фантасмагории. Фантастика используется писателем как для пародирования и осмеяния самого фантастического, мистико-романтического направления («Нос»), так и для раскрытия и углубления художественной идеи произведения («Шинель»). Подлинно мисти-

ческой фантастикой проникнута повесть Н.В. Гоголя «Портрет».

На современном этапе термин «фантастика» трактуется как комплексное явление, которое имеет два аспекта исследования – лингвистический и литературоведческий. Фантастика с лингвистической точки зрения – это представления и образы, созданные воображением для изображения сказочных событий, невозможных в действительности; с литературоведческой точки зрения – это «*способ образотворчества*, наряду с гротеском, сатирой» (В.А Дмитриев), это *«средство сатирической типизации»* (Д.П. Николаев); это *литература будущего, «мир мечты»* (В.В. Ляпунов).

Согласно концепции современного критика-фантастоведа Р.И. Нудельмана, фантастика рассматривается *«как специфический метод отображения жизни, в котором используется художественная форма-образ (ситуация, мир, объект), а сочетание элементов реальности происходит несвойственным ей сверхъестественным способом».*

Анализ фантастических повестей XIX и XX веков с точки зрения их формообразования, организации как единого эстетически целого наиболее продуктивен в исследовании эволюции данного художественного жанра, в выявлении литературных традиций и инноваций в области литературного творчества.

Повесть как мобильный жанр, фиксирующий «сиюминутность событий быстротекущей действительности», в истории русской литературы развивался неравномерно: бурный всплеск в 1820–1840-х годов XIX века завершился исчезновением романтической фантастики как жанра, а в период расцвета реализма фантастический элемент включился в систему реалистических жанров для создания сатирического пафоса художественных произведений. Дальнейшее развитие традиций фантастической литературы связывают с возникновением научной фантастики (1930–1980 гг.) и фэнтези.

Существенным признаком фантастической повести является оперативность жанра, его способность живо отражать происшествия и перемены повседневной жизни, текущие общественные настроения, появление новых веяний в жизни, возникновение новых проблем. Фантастическая повесть XIX века отличается от других видов этого жанра наличием мистических образов и двоемирия (инновация жанра), а как результат развития литературных традиций в ней сохраняется сказовая форма повествования и цикличность (традиционализм жанра).

Фантастическая повесть активно развивается наряду с другими жанровыми разновидностями XIX века (светская повесть, историческая, приключенческая, любовная и др.). Повести В.Ф. Одоевского «4338-й год», А.С. Пушкина «Пиковая дама», цикл повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» можно считать этапами развития романтической фантастики XIX века, которые сформировали своеобразную литературную традицию. В произведениях этих русских писателей происходит редукция жанровой модели повести, поскольку каждый из авторов развивает свою концепцию фантастического и по-своему намеренно обыгрывает те или иные доминантные черты исходного художественного материала. Так, В.Ф. Одоевский как основатель русской утопии пропагандирует философско-эстетическую концепцию целесообразности науки и «всеобщего просвещения»; А.С. Пушкин моделирует «мистический реализм», соединяя в нем элементы фантастики с реалистическим обоснованием происходящих событий; Н.В. Гоголь разрабатывает мифопоэтическую традицию фантастики, опираясь на фольклорные источники, и приходит к «дедемонизации» и фантасмагории.

Литература

1. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / Под ред. Б.С. Мейлаха. – Л.: Наука, 1973. – 565 с.

2. Фесенко, Э.Я. Теория литературы: учебное пособие для вузов / Э.Я. Фесенко. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.

3. Белинский, В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя / В.Г. Белинский // Белинский, В.Г. Собрание сочинений в 3-х т. – М.: ОГИЗ, 1948. – Т.1: Статьи и рецензии 1834–1841. – С. 100–147.

4. Манн, Ю.В. Гоголь Н.В. / Ю.В. Манн // Русские писатели. Библиографический словарь: в 2 ч. ; под ред П.А. Николаева. – М.: Просвещение,1990. – Ч. 1: А–Л. – С. 188–198.

References

1. Meyhan, B.S. (ed). (1973). *Russian literature of the XIX cent. History and problematic genre*. [*Russian story of the XIX century. History and problems of the genre*]. Leningrad, Science. (In Russ).

2. Fesenko, E.Ya. (2008). *Theory of literature: study book for Universities*. [*Theory of Literature: a textbook for universities*]. Moscow. Academic project; Fund “World”. (In Russ).

3. Belinsky, V.G. About a Russian short novel and other novel of Gogol. *Collection of the articles in 3 volumes*. [About the Russian story and the stories of Mr. Gogol. *Collected Works in 3 vol*.]. Moscow, OGIZ. Vol. 1, 100 – 147. (In Russ).

4. Mann, Yu. V. Gogol N.V. *Russian writers. Reference–vocabulary: in 2 parts*. [Gogol N.V. *Russian writers. Bibliographic dictionary,* in 2 p.]. Moscow, Prosvescenie, 1990. – P.1, A–L., 188–198. (In Russ).

УДК 81.373.421

СИНОНИМЫ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

М. Г. Луннова
кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия
E-mail: lunnovamg@mail.ru

В статье основное внимание обращено на проблему функционирования синонимов, их распределение в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» в количественном и качественном отношении. Исследование синонимов в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» показал, что синонимика произведения и языка писателя чрезвычайно богата. Особенностями использования автором синонимов в произведении являются: преобладание двухсловных синонимических рядов; использование синонимов основных знаменательных частей речи; привлечение синонимичных фразеологических сочетаний.

В то же своеобразие использования контекстуальных синонимов в поэме проявляется в выраженной контекстуальной обусловленности и закреплённости; неустойчивости и ненормативности употребления; отсутствии в синонимических словарях. Стилистические синонимы реализуются, прежде всего, как функция оценки и стилевой организации текста.

Анализ синонимических рядов наглядно показал многообразие функций, выполняемых синонимами в художественном произведении Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: синонимы, синонимические ряды, Н. В. Гоголь, «Мертвые души», стилистические функции

SYNONYMS IN THE POEM N. GOGOL's «DEAD SOULS»: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ANALYSIS

M. G. Lunnova
candidate of philological Sciences, associate Professor of "Russian language and methods of teaching Russian" Department,
Penza state University, Penza, Russia
E-mail: lunnovamg@mail.ru

The article focuses on the problem of functioning of synonyms, their distribution in the poem N.V.Gogol "Dead souls" in quantitative and qualitative terms. The study of synonyms in the poem N.V.Gogol "Dead souls" showed that the synonymy of the work and the language of the writer is extremely rich. The features of the author's use of synonyms in the work are: the prevalence of two-word synonymic series; the use of synonyms of the main significant parts of speech; the involvement of synonymous phraseological combinations.

At the same uniqueness of the use of contextual synonyms in the poem is evident in the pronounced contextual conditioning and tightness; instabilities and nenormativnoi use; the lack of synonymic dictionaries. Stylistic synonyms are implemented primarily as a function of evaluation and stylistic organization of the text.

The analysis of synonymic series clearly showed the variety of functions performed by synonyms in the work of N. V. Gogol.

Key words: *synonyms, synonymic series, N. V. Gogol, "Dead souls", stylistic functions*

Знание синонимии родного языка, семантический и стилистический анализ функционирования синонимов в художественной речи способствуют пониманию, осмыслению процесса образования литературного языка, позволяют определить пути и формы его дальнейшего развития, более точно воспринимать тексты художественных произведений. Эмоциональности и образности речи автор добивается специальными художественными приемами, изобразительными и выразительными средствами языка, одно из которых – использование синонимов. Обращение к творческому наследию Н. В. Гоголя продиктовано было прежде всего тем, что 1 апреля 2019 года исполняется 210-лет со дня рождения одного из самобытнейших русских писателей.

Цель исследования – качественный и количественный анализ синонимической лексики языка Н.В. Гоголя в поэме «Мертвые души».

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать количественное распределение синонимов в языке поэмы «Мертвые души» по определенным признакам: число синонимов в ряду; состав рядов; частеречное распределение синонимов;

2) определить семантические отличия синонимов, а также их стилистические характеристики;

3) охарактеризовать синонимические ряды (с разным количеством слов в ряду) в языке Н.В. Гоголя в семантическом и стилистическом аспектах в целях выявления своеобразия авторских приемов творческого использования синонимов.

В работе использовались такие методы ис-

следования, как описательный, методы наблюдения, сопоставления, классификации, количественной характеристики языковых единиц.

Материалом исследования послужили: выборка синонимических рядов: 78 рядов с разным количеством слов – от двухсловных до девятисловных.

Количественный анализ синонимических рядов предусматривает данные о количестве синонимических рядов в тексте произведения, а также о количестве слов в ряду. В зависимости от этого признака ряды разделились на следующие группы: двух-, трех-, четырех-, пяти-, шести- и девятисловные ряды.

Анализ показал, что наиболее употребительны двухсловные ряды. В силу минимальности своего состава они оказываются именно тем типом синонимических рядов, который особенно часто демонстрирует отношения семантического тождества [3, с. 8]. Всего их насчитывается 48 – это 62%, то есть большая часть от общего числа. Это объясняется стремлением автора к подбору семантически близких синонимов. Кроме того, это свидетельствует об активном в языке процессе синонимизации лексики. Например, *экипаж – бричка, крепкие – дюжие, поймет – смекнет, растепеля – фетюк, крапинки – пятнышки*.

В многочленных рядах наблюдаются другие отношения между словами. Синонимы чаще всего различаются как значением слов, так и эксперессивно-стилистической окраской.

14 % – 11 синонимических рядов – трехсловные: *глухие – узкие – непроходимые*; *вести себя – соблюсти тон – поддержать этикет*.

Четырехсловных рядов – 9 (11,5 %): *прекрасный – очаровательный – хороший – чудесный; напутает – наплетет – изломает – выворотит природу*.

Кроме того, в тексте встречаются шести- и семисловные ряды. В количественном отношении распределяются так: шестисловные – 5 рядов (6,5 %), семисловные – 4 ряда (5 %), восьмисловный – 1 (0,78 %).

Наиболее распространенный ряд состоит из 9 слов: *говорить – сообщать – рассуждать – судить – трактовать – сказать – каркнуть – бают – сказывают*. Использование автором длинного ряда синонимичных глаголов с семантическим значением «говорить» объясняется стремлением автора избежать однообразия в построении авторских слов при диалоге.

Следующим этапом анализа является частеречная характеристика синонимов. Общее количество синонимов основных знаменательных частей речи – 202. Из них: 63 – имя существительное (31 %), 56 – глагол (28 %), 48 – имя прилагательное (24 %), 11 – наречие (5 %).

Соотношение использования имен существительных, глаголов и прилагательных примерно равное. Автор использует ту или иную часть речи в зависимости от конкретных целей. Так, для выражения событийности, в диалогах – преобладает глагол и глагольные синонимы. Например, использование синонимов *прибавлял – присовокуплял* в диалогах призвано избежать тавтологии.

При характеристике каждого из своих помещиков Н. В. Гоголь большое внимание уделяет описанию обеда или кушаний, которыми они угощают Чичикова. Так, в контексте, в котором открываются различные стороны «культа еды» как единственной заботы, охватывающей существование помещиков и чиновников, используются близкие по значению, но разные по смыслу и экспрессии глаголы, причем они нередко восходят к обыденной речи, к просторечно-фамильярному общению и, употребленные в переносном значении, приобретают оттенок оценочности. Например, *закусить* – «поесть немного», *отделать* – «полностью покончить с тем, что было предложено», *уписывать* – «алчно насыщаться», *налегать* – «аппетитно есть», *трескать* – «утолять свой голод, быть прожорливым». Так, Коробочка после совершения сделки предлагает Чичикову: *«Прошу покорно закусить»*.

В «Мертвых душах» многие герои путешествуют по русским дорогам. Помимо глаголов, обозначающих разнообразные движения, в поэме также много синонимических выражений, относящихся к тем, кто находится в пути. Эти слова различаются оттенками значений: *путешественник* – «тот, кто путешествует»; *проезжающий* – «тот, кто проезжает мимо»; *проезжий* – «тот, кто находится проездом; *приезжий* – «тот, кто приехал»; *езжалый* – «тот, кто много ездил»; *путник* – «тот, кто совершает далекий путь пешком, странник»; *дорожный* – «тот, кто находится в дороге».

Имена прилагательные выполняют описательную функцию. Например, Коробочку Чичиков характеризует как крепколобая и дубинноголовая за ее непонятливость и упрямство. *«Ну, баба, кажется, крепколобая!» – подумал про себя Чичиков». «Эк, ее дубинноголовая какая!» – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения».*

Таким образом, основная роль синонимов-прилагательных в поэме – охарактеризовать героев как можно точнее и ярче, подчеркнув ироническое отношение к ним самого автора-повествователя.

В контексте произведения Н. В. Гоголя реализуются различные оттенки значения синонимов. При определении значения синонима важно учитывать лексическое значение доминанты, которое полностью или почти полностью совпадает с общим значением синонимического ряда: 88 % из общего числа всех синонимов в тексте являются семантическими или семантико-стилистическими. Например:

«Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, кое-кто был и рябоват, волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на

манер «черт меня побери», как говорят французы, – волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие. Это были почетные чиновники в городе. Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие».

Открытое использование синонимов – прием, при котором они соседствуют в тексте, выполняя различные функции. Синонимы могут уточнять то или иное понятие. Нередко они употребляются для разъяснения слов. Автор сопоставляет синонимы, обращая внимание на отличия в оттенках их значений, что помогает более точно охарактеризовать тот или иной предмет (ср. *тюрюк – байбак*). Иногда экспрессивные выражения, употребительные в изображаемом социальном кругу, сопровождались авторскими пояснениями или вводились в строй повествования как характеристические приметы речи самих героев [1, с. 24].

«Кто был то, что называют тюрюк, то есть, человек, которого нужно было подымать пинком на что-нибудь; кто был просто байбак, лежавший, как говорится, весь век на боку, которого даже напрасно было подымать: не встанет ни в каком случае. Насчет благовидности, уже известно, все они были люди надежные — чахоточного между ними никого не было».

Кроме различий в оттенках значений, синонимы могут различаться стилистической окраской.

Анализ показал, что около 40 % синонимов в тексте являются стилистически окрашенными. Среди попадаются как пейоративы, так и мелиоративы.

Синонимы с пометой разг. Встречаются в тексте 23 раза – 13 % от общего числа синонимов в тексте. Например, *«…где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу».*

Просторечные синонимы употребляются в тексте 17 раз – 9,5 % от общего числа синонимов. Например, *«Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий»*

Большую роль в художественном произведении играет экспрессивно-окрашенная лексика. Чаще встречаются слова с пометой неодобр. – пеойративы (8 %), мелиоративов было выявлено 5,5 %. Например: *«Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку!»; «Нужно тебе знать, что он мошенник и в его лавке ничего нельзя брать: в вино мешает всякую дрянь: сандал, жженую пробку и даже бузиной, подлец, затирает».*

Стилистические синонимы в поэме «Мертвые души» употребляются для создания образов героев, для точного воспроизведения речи того времени. Каждый герой в поэме колоритен и неповторим, для создании таких точных, ярких образов Н. В. Гоголь тщательно подбирал и отбирал синонимы, обладающие стилистической, экспрессивно-эмоциональной окраской.

Особое место среди синонимов в художественном тексте занимают контекстуальные синонимы. Приведем примеры: *«…День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку…»*. Автор с иронией заменяет «нос» синонимичным словосочетанием «насосная завертка», придав слову большую эмоциональную выразительность: *«Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это, наконец, повершал бас, может быть, старик, наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе».*

Как отмечалось ранее, внутренние свойства синонимов, как и другие единицы языка, раскрываются в их функциях – семантических и стилистических. Важнейшие семантические функции синонимов – замещение и уточнение.

1. Функция замещения: *«Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленною комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где, прилегши, заснул два часа».*

Синонимический ряд (*комната – покой – нумер*), состоит из трех синонимов с общим значением «жилое помещение». Синонимы выполняют функцию замещения, используются во избежание однообразия и тавтологии.

2. Функция уточнения: *«Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор – что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты – что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер – что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера – что он любезнейший и обходительнейший человек».*

Синонимы *порядочный, благонамеренный, дельный, почтенный, любезный, обходительный* выполняют функцию уточнения, помогая автору более точно и ярко передать впечатления жителей города N о личности главного героя.

Стилистические функции синонимов качественно отличаются от семантических и вместе с тем взаимодействуют с ними. Стилистические синонимы противопоставлены друг другу своим эмотивным, оценочным значением. Они реализуются, прежде всего, как функция оценки и стилевой организации текста. Выражение оценки обозначаемого основывается на различной стилевой характеристике синонимов (высокие, поэтические, книжные, официально-деловые – разговорные,

просторечные). Это и является основанием положительной или отрицательной квалификации обозначаемого.

Например, *переборки* (разг.), *распеканья* (разг.), *взбутетениванья* (простореч.) и всякие *должностные похлебки* (простореч.).

Таким образом, качественное и количественное рассмотрение синонимических рядов, выявленных в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», наглядно показало, что данные лексические единицы в языке неповторимого художественного произведения являются одним из самых активных средств художественной выразительности.

Литература

1. Виноградов, В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка / В.В. Виноградов // Материалы и исследования по истории русск. лит. яз., Т. 3. – М.; – Л., 1953. – С. 24–25.
2. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 5 / Н. В. Гоголь. – М.: «Русская книга», 1994.
3. Черняк, В.Д. Синонимия в русском языке: учебное пособие / В. Д. Черняк. – М.: Издательский центр «Академия», 2010.

References

1. Vinogradov V.V. (1953). Gogol's Language and its significance in the history of the Russian language. *Materials and studies on the history of Rus. lit. yaz.*, Vol. 3, 24-25. (In Russ).
2. Gogol N.B. (1994) *Collected works in nine volumes*. Vol.5. Moskow: Russian book. (In Russ).
3. Chernyak V.D. (2010) *Synonymy in Russian language: uchebnoe posobie*. Moscow: Publishing center Academy. (In Russ).

УДК 373.5.016: 821.161.1

РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА Н. В. ГОГОЛЯ И Я. БАРЩЕВСКОГО В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ЛИТЕРАТУРЫ

И.Л. Судибор

старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: Tanechka_tati@mail.ru

В статье анализируются романтические доминанты в творчестве Н.В. Гоголя и Я. Барщевского на материале повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и книги «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах», показаны типологические романтические параллели, существующие в русской и белорусской литературах. Представлены методические рекомендации по формированию теоретического понятия «романтизм» на примере сравнительного изучения романтической прозы Н.В. Гоголя и Я. Барщевского в школьном курсе литературы. В выводах по итогам исследования обосновываются общие и индивидуальные черты романтических творческих систем авторов в аспекте художественного метода и с учетом национальных традиций.

Ключевые слова: художественный метод, романтизм, стилевая доминанта, романтическое двоемирие, повесть, рассказ.

ROMANTIC PROSE OF N. V. GOGOL AND Y. BARSZCZEWSKI IN THE STUDENT COUSE OF RUSSIAN LITERATURE

I. L. Sudibor

Senior lecturer of the Belarusian and Russian philology department
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin
Mozyr, Belarus
E-mail: Tanechka_tati@mail.ru

This article aims to analyze romantic ideas displayed in the works of N. V. Gogol and Y. Barszczewski based on the contents of their short stories “Evenings on a Farm Near Dikanka” and “Nobleman Zawalnia, or Belarus in FantasticStories”. The article explains common typological romantic parallels that exist in Russian and Belarusian literature. Also, the article offers methodological recommendations on the formation of the theoretical concept of "romanticism" on the example of a comparative study of the romantic prose by N.V. Gogol and J. Barszczewski in the student course of Russian literature. The conclusions of the study substantiate the common and individual features of the romantic creative systems of authors in regard to the artistic method while also taking national traditions into account.

Key words: artistic method, romanticism, stylistic idea, romanticduality, short story.

Введение

Важным периодом в истории развития русской классической литературы, предваряющим реалистическое творчество писателей, является романтизм. Самобытность русского и белорусского романтизма обусловлена тем, что, испытывая европейское влияние, он сумел сохранить свои национальные особенности, сказавшиеся в изображении народной жизни, стремлении к свободе и независимости. Двойственность романтического миропонимания созвучна би-

нарности русской и белорусской ментальности: славянская душа изначально романтична, для неё характерны чувствительность, мягкость, противоречивость, бесконечный поиск идеалов и душевного равновесия, толерантность.

Цели и задачи

Цель – выявить особенности изучения романтической прозы Н.В. Гоголя и Я. Барщевского на уроках русской литературы в школе.

Для реализации поставленной цели необходимо решение следующих задач:

1. Показать процесс формирования теоретического понятия «романтизм» у школьников в аспекте русско-белорусских литературных взаимосвязей; дать понятие о «стилевой доминанте».

2. Выявить романтические русско-белорусские взаимосвязи в произведениях Гоголя и Барщевского; развивать у учащихся аналитические навыки, умение отбора и синтеза литературных аналогий.

3. Воспитывать любовь к литературному наследию, родному краю, интерес к историческому прошлому народов.

Методы и материал исследования

В процессе исследования были использованы следующие методы: сравнительно-исторический, обобщения, систематизации и типологизации литературных фактов.

Результаты и их обсуждение

Романтизм как эстетическое явление – понятие сложное и многогранное, поэтому учащимся нелегко самостоятельно найти общие и индивидуальные черты в разных его проявлениях и показать типологические романтические параллели, существующие в русской и белорусской литературах. Этому поможет урок на тему **«Романтические доминанты прозы Н.В. Гоголя и Я. Барщевского»**, проведенный в 9 классе.

Во вступительном слове к уроку учитель показал, что романтизм как художественное явление был характерен для творческих систем классиков русской и белорусской литератур: В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Я. Барщевского, А. Мицкевича, В. Дунина-Марцинкевича. В произведениях этих авторов присутствуют романтическое двоемирие, субъективизм, психологизм, лиризм образов, поэтизация народной жизни, фантастичность сюжетных мотивов. Философский пафос романтизма (его гуманность, способность к самопожертвованию, любовь к Родине, верность христианским традициям) нашел своё отражение в творчестве великих представителей своих народов – Н.В. Гоголя и Я. Барщевского.

Учащимся предлагается выразительно прочитать отрывки из романтических произведений Н.В. Гоголя и Я. Барщевского (при этом не сообщаются названия произведений и имена авторов) и ответить на вопросы, адресованные всему классу.

– Как отрывки из художественных текстов, на ваш взгляд, характеризуют творческие личности их авторов? Назовите произведения и имена писателей.

«…Всё осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь осыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потемнел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие…»...[2, с. 151].

«…Помилуй, мамо! Зачем губишь верный народ? Чем прогневали? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чём-то с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что же немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь строить крепости от нас; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? Тем, что перевело твою армию через Перекоп и помогло твоим генералам порубать крымцев?...»... [2, с. 178].

«Край, дзе чалавек жыў у шчаслівую пару сваёй маладосці, дзе ў размовах і забавах сустаракаў сапраўдную шчырасць і даверлівасць душы зычлівых і добрых сяброў, настаўнікаў і маладых прыяцеляў, – гэты край у памяці ў выгнанніка заўсёды паўстае ў найпрыгажэйшых колерах; там, здаецца, яшчэ не скончыўся той залаты век, калі чалавек не разумеў, што такое нядоля і пакуты; і рэчкі там з малака і мёду. Хто ж з краёў далёкіх не сумуе па сваіх ваколіцах?»... [1, с. 67].

«Іншыя расказваюць, што на самой вяршыні гэтай гары, уначы, у сваім жалобным уборы, упаўшы на калені, рукі і вочы ўздымаючы да зорак, малілася са слязьмі Плачка. Перад ёю адкрывалася неба, найяснейшае сонечнае святло разлілося ўверсе гэтак, што ў лясах і на палетках прачнуліся ўсе птушкі і звяры і ад слёз гэтае кабеты ўтварылася крыніца жывое вады».... [1, с. 109].

Главное – направить мысли учеников на оценку романтической тематики и стиля отрывков. В первом трудно не заметить поэтичность, лиризм, нежность образов природы, сравнения, усиливающие праздничный колорит всего пейзажа; во втором – свободолюбие запорожских казаков, героико-патриотические мотивы; в третьем – любовь к родному краю, к искренней и доверчивой душе белоруса; в четвёртом – аллегоричность и мифологичность образа Плачки. Ученики определили, что первые два отрывка принадлежат Н.В. Гоголю (повесть «Ночь перед рождеством»), третий и четвёртый – Я. Барщевскому («Успаміны пра наведванне роднага краю», «Плачка»). Анализ текстов свидетельствует о принадлежности произведений к романтизму, об индивидуальности творческой манеры их авторов.

На следующем этапе урока следует провести работу со словарем, акцентировав внимание учащихся на литературоведческой терминологии. В художественном произведении обычно наблюдается от одной и более доминант, которые и являются эстетической особенностью произведения. Романтические доминанты присутствуют в произведениях

Н.В. Гоголя и Я. Барщевского.

Стилистическая доминанта в литературоведении – наиболее общие свойства различных сторон художественной формы: в области изображённого мира это сюжетность, описательность и психологизм, фантастика и жизнеподобие, в области художественной речи – монологизм и разноречие, стих и проза, номинативность и риторичность, в области композиции – простой и сложный типы.

Далее проблемные ситуации на уроке конструировались с помощью приёма сопоставления обоих текстов. Учащимся предлагалось назвать общие романтические признаки в книгах Н.В. Гоголя и Я. Барщевского. В процессе обсуждения школьники пришли к следующим выводам: сходство сравниваемых произведений основано на единстве романтической эстетики, сюжета, циклической организации, сказовой интонации, поэтики произведений.

Оба писателя изображают необычное, таинственное, фантастическое, используют фольклорные мотивы и образы: истории о чертях, злых духах, ведьмах, русалках и оборотнях, о чернокнижниках и колдунах. У Н. Гоголя и Я. Барщевского реальный мир переплетается с миром фантастическим, они описывают народные обряды (свадьбы, колядки, рождественские гадания) и жизнь простых крестьян, а также помещиков. Но если у Гоголя крестьяне – это в основном свободные люди, то у Я. Барщевского показаны социальное неравенство, бедность и бесправие.

Писатели-романтики творчески подходили к изображению природы. Н. Гоголь и Я. Барщевский описывают в своих произведениях природные явления: любимые образы авторов – ночь, день, буря и т. д. Писатели используют много романтических эпитетов, сравнений, метафор, гипербол: *«Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!», «изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами», «небо, его чистое зеркало – река»* («Сорочинская ярмарка» Н. Гоголя); *«навокал страшная бура, за сцяною завылі сумным голасам віхуры, быццам над магілаю самой прыроды», «хмары гарэлі рубінавым агнём», «перуны, як вогненныя вужакі, снавалі», «вецер за сцяною»* (Я. Барщевский «Успаміны пра наведванне роднага краю»). Н. Гоголь стремится к созданию масштабных зарисовок природы – развёрнутых описаний дня, ночи, Днепра. Я. Барщевский концентрирует своё внимание на других пейзажных образах: в композиционной структуре «Шляхтича Завальни…» преобладают описания бури и ночи.

Многие романтики стремились к усилению «автономии своего творчества», вводили в повествование образ рассказчика. Этими приёмами пользовались Н. Гоголь и Я. Барщевский. Как правило, рассказывает о чудесных происшествиях и историях своих героев не сам автор, а герой-повествователь. Гоголь-романтик в книге «Вечера на хуторе близ Диканьки» использует образ Рудого Панько, Я. Барщевский – Шляхтича Завальни. Для осмысления этих образов учащимся были предложены следующие вопросы:

– Какими вы представляете себе Рудого Панько и Шляхтича Завальню?

– Как вы думаете, случайно ли Гоголь дал своему герою такое имя?

В ходе исследовательской работы школьники отметили, что в украинском и белорусском языках слово «рудый» обозначает «рыжий», а Панько – уменьшительно-ласкательная форма имени Панас (Афанасий в русском языке), что также свидетельствует о его простом происхождении и связи с народом. Рудый Панько очень общительный и весёлый человек. Его рассказы простодушны и доступны, полны народного юмора и иронии, он часто использует в речи пословицы, поговорки, народные выражения. Например, *«провозить попа в решете», «а деду всё равно, что голодному галушки».*

Шляхтич Завальня также является сквозным образом произведения. Это добрый, трудолюбивый человек, верующий в Бога. Он гостеприимно встречает путешественников, ставит свечу в окне, чтобы они в бурю не сбились с пути, щедро угощает их, а за это путешественники всю ночь рассказывают ему народные легенды, сказки, песни. В этом проявляется любовь расонского Шляхтича Завальни к родным местам, к народной мудрости, духовному наследию белорусов, которые оберегались, сохранялись и крестьянами, и шляхтичами, и соседями Завальни. Ян Барщевский подводит читателя к пониманию национального характера белорусов, их быта, традиций и нравов. В заключительной части урока ученики обобщили сказанное, назвали общие романтические доминанты в книгах Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и Я. Барщевского «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» и сделали вывод, что эти произведения отражают национальный менталитет украинского и белорусского народов.

Для выявления особенностей романтического мира писателей можно предложить ученикам провести сравнительный анализ произведений Н.В. Гоголя **«Вечер накануне Ивана Купалы»** и рассказа Я. Барщевского **«Аб чарнакніжніку і пра цмока, што вылупіўся з яйка, знесенага пеўнем».**

Аналитическая беседа организуется с помощью следующих вопросов и заданий:

– Какова тема этих произведений?

– Попробуйте определить, в чём заключается основной конфликт.

– Кто является главными героями этих произведений?

– Что общего в их жизненных историях?

– Чем они отличаются друг от друга?

– Были ли герои наивными жертвами нечистой силы?

В процессе обсуждения школьники приходят к выводу, что главным в сюжетном развитии этих повествований является вмешательство в жизнь человека демонических сил, борьба с которыми и

создаёт романтический конфликт. Авторы осуждают эгоистичность героев, которые согласились продать свои души дьяволу, чтобы разбогатеть.

На уроке учащиеся расширяют представление о языке романтических произведений. В качестве индивидуальных заданий учащимся предлагалось выполнить анализ фрагментов текстов и ответить на вопросы:

– Какие впечатления вызвали у вас женские образы в произведениях?

– Какие художественные средства используют авторы для их описаний?

– С помощью каких приёмов Н.В. Гоголь и Я. Барщевский придают повествованию большую эмоциональную силу?

«…Полненькие щёчки казачки были свежи и ярки, как мак самого тонкого розового цвета…; что брови, словно чёрные шнурочки…; что ротик, на который глядя облизывалась тогдашняя молодёжь…; что волосы её, чёрные, как крылья ворона, и мягкие, как молодой лён, падали курчавыми кудрями… Эх, не доведи господи возглашать мне больше на клиросе аллилуйя, если бы не расцеловал её, несмотря на то, что седь пробирается по всему старому лесу…, и под боком моя старуха, как бельмо на глазу» [2, с. 57].

«Пекная была дзяўчына: здаровая, румяная, як спелая ягада. Даўней, як прыбярэцца і прыйдзе на кірмаш з жычкаю ў касе, у чырвонай шнуроўцы – свеціцца, як цвет макавы, усе не могуць на яе наглядзецца… Ах! Прызнаюся: і мне ў той час яна так прыпала на сэрцы, што і сёння ўспамінаю яе ўздыхаючы» [1, с. 21].

Рассматривая своеобразие языка и стиля приведённых фрагментов из текстов, школьники подчеркнули, что в них используются художественные средства, характерные для романтических описаний: сравнения *(«полненькие щёки казачки были свежи и ярки, как мак», «брови, словно чёрные шнурочки», «волосы её, чёрные, как крылья ворона», «пекная была дзяўчына: здаровая, румяная, як спелая ягада», «свеціцца, як цвет макавы»)* служат для того, чтобы ярче показать природную красоту героинь. Постоянные народные эпитеты*(«полненькие щёчки», «ясные очи», «макавы цвет»)*, слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом, что, кстати, было характерно для народных песен *(солнышко, шнурочки, ротик)*, позволяют выразить авторское отношение к героиням. Обращается внимание на употребление междометия *«эх!»* (у Гоголя) и *«ах!»* (у Барщевского). «Эх!» выражает сожаление, что рассказчик был уже немолод, рядом с ним жена-«старуха», и он не может поцеловать Пидорку. «Ах!» показывает восхищение красотой Агапки.

В ходе сопоставительного анализа школьники приходят к выводу: светлый, лирический тон при описании героинь и использование образных средств помогают писателям подчеркнуть не только их внешнюю, но и внутреннюю красоту, доброту, душевность.

Следующее индивидуальное задание имеет своей целью дать сравнительную характеристику нечистой силы в рассказах. Басаврюк и Парамон вызывают страх и отвращение *(«Всякого проберёт страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что унёс бы ноги бог знает куда»; «нізкі, худы…, вялізны нос, як дзюба драпежнай птушкі, густыя бровы, погляд яго – як у чалавека ў роспачы ці вар'ята»)*. Избавиться от влияния нечистой силы можно при помощи святой воды, креста, упоминания Пречистой матери; спасти человека от зла может истинная вера в Бога, жизнь без грехов. У Я. Барщевского эта идея проходит через всю книгу.

В заключительной части урока ученики обобщили сказанное, назвали общие романтические доминанты в книгах Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и Я. Барщевского «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах» и сделали вывод: романтизм характерен для творчества Н.В. Гоголя и Я. Барщевского, он обусловливает художественные особенности их произведений (тематику, конфликты, идею, образы, композицию, стиль и т. д.). Домашнее задание должно носить дифференцированный характер:

первый уровень: определить романтические особенности повести Н.В. Гоголя «Страшная месть» и рассказа Я. Барщевского «Плачка» (устно);

второй уровень: написать рассказ, сочинить сказку (миф) о приключениях мифологических существ, используя фантастические образы, образы-символы, элементы романтической стилистики из книг Н.В. Гоголя и Я. Барщевского (письменно);

третий уровень: выполнить письменно лингвистический анализ текстов: стихотворение в прозе «Чуден Днепр…» (Н.В. Гоголь «Страшная месть») и описание «рябиновой ночи» (Я. Барщевский «Успаміны пра наведанне роднага краю»).

Выводы

Романтические славянские литературы имеют много общего и тесно связаны между собой. Изучая творчество русских писателей и поэтов, мы можем обращаться к произведениям белорусских, а также украинских авторов, чтобы понять и осмыслить их творческие приобретения, выявить общность и особенность стиля, богатство и разнообразие художественных средств, национальную специфику.

Таким образом, изучение романтического творчества Н.В. Гоголя и Я. Барщевского в аспекте литературных взаимосвязей создаст оптимальные условия для успешного развития, обогащения знаний, умений респондентов, связанных с художественно-теоретическим освоением понятия о романтизме в русской и белорусской литературах.

Литература

1. Баршчэўскі, Я. Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях / Ян Баршчэўскі; уклад., пер. з пол. мовы, паслясл., камент. Міколы Хаўстовіча. – Мінск : Маст. літ., 2009. –326 с.
2. Гоголь, Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки: Повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Н.В. Гоголь. – М.: Сов. Россия, 1984. – 228 с.

Literature

1. Barszczewski, Y. (2009). *Nobleman Zawalnia, or Belarus in Fantastic Stories*. [*Aristocrat Zavaĺnia, or Belarus in fantastic stories*]. Minsk, Mast. Lit.
2. Gogol, N.V. (1984). *Evenings on a Farm Near Dikanka*. [*Evenings on a Farm near Dikanka*]. Moscow, Sov. Rossiya.

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

УДК 811. 161.1’37

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

Е.Ю. Муратова
доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры
общего и русского языкознания Витебского государственного
университета имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
E-mail: mouratova@tut.by

В статье исследуется образ Петербурга в лирике А. Ахматовой. Рассматривается термин «концепт», затем собственно концепт «город», описывается, как понятие «город» реализовывалось в творчестве романтиков, символистов, акмеистов. В статье показывается. что Петербург в лирике Анны Андреевны Ахматовой – это реальный, осязаемый образ, с которым связаны все самые яркие ее переживания и жизненные впечатления. Доказывается, что в лирике А. Ахматовой Петербург выступает как действующее лицо в ее биографии. Петербург у А. Ахматовой предстает в нескольких ипостасях Первая из них – это город Петра Великого: Вторая ипостась Петербурга в лирике Анны Андреевны Ахматовой – это город как квинтэссенция культуры, город художников, музыкантов, писателей, поэтов, которые жили и творили в Петербурге, создавая его творческое пространство.

Ключевые слова: Петербург, архитектура, творчество, культура, биография.

IMAGE OF PETERSBURG IN LYRICS A.A. AHMATOVA

E.Yu. Muratova
Associate Professor, Doctor of Philology, Professor
General and Russian linguistics of the Vitebsk State
University named after PM. Masherova,
Vitebsk, Republic of BelarusE-mail: mouratova@tut.by

The article examines the image of St. Petersburg in the lyrics of A. Akhmatova. The term “concept” is considered, then the concept “city” itself is described, it is described how the concept “city” was realized in the works of romantics, symbolists, and acmeists. The article is shown. that Petersburg in the lyrics of Anna Andreevna Akhmatova is a real, tangible image, with which all its most vivid experiences and life impressions are connected. It is proved that in the lyrics of A. Akhmatova Petersburg acts as an actor in her biography. St. Petersburg in A. Akhmatova appears in several guises. The first one is the

city of Peter the Great: The second hypostasis of St. Petersburg in the lyrics of Anna Andreyevna Akhmatova is a city as the quintessence of culture, a city of artists, musicians, writers, poets who lived and worked in St. Petersburg, creating his creative space.

Key words: Petersburg, architecture, creativity, culture, biography.

Введение

Концепты и концептосфера – ненаблюдаемые ментальные сущности. В термине *концепт* разные ученые делают разные смысловые акценты. Так, А. Вежбицкая предложила такое определение: «Это объект из мира “Идеальный”, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире “Действительность”» [1, с. 416]. По мнению В.Н. Телия, концепт – это “все то, что мы знаем об объекте

во всей экстензии этого знания [4, с. 173]. Д.С. Лихачев пишет: «Концепт не состоит из значения слова в словаре, это значение является результатом объединения личного и этнического опыта человека...” [2, с. 281]. В самом общем плане можно утверждать, что концепт – это конструктивное понятие хранения и накопления информации по языковой картине мира.

Цели и задачи

Описать образ Петербурга в лирике А. Ахматовой

Методы и материал исследования

Материал исследования – лирика А. Ахматовой. Применяемые методы: наблюдение, описание, филологический анализ.

Результаты и их обсуждение

Концепт «город» уже достаточно давно исследуется в гуманитарных науках: лингвистике, лингвокультурологии, психолингвистике, литературоведении. Во всех науках, несмотря на специфику каждой, его изучение связано с духовной жизнью людей, с взаимосвязью конкретного человека и социальных реалий: город как продолжение человека во внешний мир – коллективный, культурный, социальный.

Такое понимание города возникло в эпоху романтизма. Яркой иллюстрацией восприятия города как живого организма, наделенного собственным неповторимым характером, является роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», в котором Париж предстает не фоном для описываемых событий, а реальным участником происходящего: расположение зданий, площадей, улиц, сама архитектура Собора Парижской Богоматери влияет на поведение, поступки, роковые встречи героев романа.

Этот подход получает свое развитие у символистов, которые рассматривали город как «сгущенное» информационное и семантическое пространство, как сложный текст, который необходимо раскодировать. Символисты стали рассматривать город как отражение картины мира, но не на подсознательном, а уже на сознательном уровне. Ю.М. Лотман пишет: «Город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий. Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки**…**» [3, с. 9] Акмеизм «посмотрел» на город более вещественно и понятно, чем символизм. Город становится хранилищем культурных и биографических воспоминаний, что особенно ярко проявилось в творчестве О. Мандельштама и А. Ахматовой.

Петербург – легендарная северная столица Петра Великого – нашел восхищенное отражение в живописи, графике, художественной литературе, поэзии. В России нет более европейского города, чем Петербург, который задумывался Петром I как Северная Венеция и представляет собой единый архитектурный ансамбль, великий архитектурный памятник. Зимний дворец, Медный всадник, Александровская колонна, Исаакиевский собор, Смольный институт, Михайловский замок, Аничков мост, Петропавловская крепость и многие другие архитектурные шедевры, созданные великими зодчими Трезини, Растрелли, Воронихиным, Росси, Стасовым, Кваренги, Монфераном, создают его неповторимое очарование. Совершенно особая атмосфера этого города белых ночей, величавой Невы, разводных мостов, неповторимой по своей насыщенности культурной жизни оставили глубокий след в сознании людей разных поколений. Многообразные образы Петербурга нашли отражение в творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока, Белого, Ахматовой, Мандельштама и др. И у каждого из них свой город, свой Петербург.

Петербург в лирике Анны Андреевны Ахматовой – это реальный, осязаемый образ, с которым связаны все самые яркие ее переживания и жизненные впечатления. Жизнь А. Ахматовой тесно переплелась с историей Петербурга, он неизменный участник ее встреч, свиданий, поэтических вечеров, радостей и разочарований, это город, который становится действующим лицом в ее биографии.

Петербург у А. Ахматовой предстает в не

скольких ипостасях. Первая из них – это город Петра Великого: холодный, гордый, в чем-то непостижимый: 1. *Как площади эти обширны, / Как гулки и круты мосты! / Тяжелый, беззвездный и мирный / Над нами покров темноты. 2. О, это был прохладный день / В чудесном городе Петровом! / Лежал закат костром багровым, / И медленно густела тень. 3. За то, что, город свой любя, / А не крылатую свободу, / Мы сохранили для себя / Его дворцы, огонь и воду. / Иная близится пора, / Уж ветер смерти сердце студит, / Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет.*

Важную роль в раскрытии образа города Петра играет стихотворение А. Ахматовой *«Стихи о Петербурге»:*

I
Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

II
Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена,

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, –
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

От такого Петербурга, который Анна Андреевна Ахматова показывает в этом стихотворении, веет холодом: Конь Великого Петра – в грозном нетерпенье, ветер –душный и суровый, Нева – темноводная, улыбка императора Петра – холодная, на черных трубах – гарь, своей столицей государь недоволен. Казалось бы, никакой любви к этому городу она не чувствует, но при этом – удивительный парадокс: все описываемое – это преклонение и перед городом, и перед самим Петром, который имеет право быть недовольным, холодно улыбаться, быть в грозном нетерпенье, потому что это он построил (руками подневольных крестьян), своей волей, своей силой, своим желанием, своим нетерпеньем этот великий город. Петербург -- его заслуга, это право Ахматова не только уважает, но преклоняется перед ним.

Стихотворение построено по вертикальной оси. Город начинает описываться с высоты: Исаакиевский собор, затем – Медный всадник, стоящий напротив собора, далее – Летний сад, и затем – Нева. Как видим, Ахматова рисует город через его яркие приметы.

Исаа́киевский собо́р (официальное название – собор преподо́бного Исаа́кия Далма́тского) – крупнейший православный храм Санкт-Петербурга. Своим появлением Исаакиевский собор обязан Петру I. Пётр родился 30 мая, в день Исаакия Далматского. 30 мая 1710 года государь приказал построить деревянную Исаакиевскую церковь. Приказ был выполнен. Именно здесь 19 февраля 1712 года Пётр I венчался со своей женой Екатериной.

Современное здание собора было освящено в 1858г. Собор строился долго – 40 лет по проекту архитектора Огюста Монферрана и под контролем императора Николая I.

«Конь Великого Петра» -- Медный всадник – самый знаменитый памятник Петру I – был установлен в 1782 году на Сенатской площади в Санкт-Петербурге по приказу Екатерины II.Этот образ встречается у многих поэтов. Первое стихотворное - посвящение памятнику Петру I было написано уже через год после его открытия Ермилом Костровым. Свое название – Медный – (хотя он сделан из бронзы) памятник получил благодаря знаменитой одноимённой поэме А.С. Пушкина.

Летний сад не менее знаменитое место в Петербурге. Создание Летнего сада началось в мае 1704 года, т.е. всего через год после основания Петербурга. «Буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля…» – сказал Петр I. Летний сад был излюбленным местом для знаменитых петровских ассамблей. В дни праздников «было позволено… всякому чину входить, кроме тех, кои в серых кафтанах, а паче с бородами, оных пущать запрещено». В саду выращивали фрукты и овощи, в оранжереях – ананасы и бананы, в прудах плавали редкие породы рыб, утки, гуси и лебеди. Из-за обилия цветов сад вначале назывался Цветочный, название «Летний» он получил от однолетних цветов («летников»). На сегодня Летний сад насчитывает 92 скульптуры 17–18 вв.

Неизменный и величавый (а во время навод нений – и очень опасный) атрибут Петербурга – Нева. Река возникла (по меркам гидронимов) совсем недавно: 2500 лет назад, когда воды Ладожского озера вышли из берегов и хлынули в сторону Балтийского моря. В отношении истоков названия реки мнения ученых расходятся. Одни считают, что название реки возникло из прежнего названия Ладожского озера, которое называлось «Нево», есть версия, что слово «нева» произошло от шведского «ну» или «ню» – новая, или от слова «нёва» – болото, трясина.

Вторая ипостась Петербурга в лирике Анны Андреевны Ахматовой – это город как квинтэссенция культуры, город художников, музыкантов, писателей, поэтов, которые жили и творили в Петербурге, создавая его творческое пространство. Особую роль в этой ипостаси играет Царское Село, которое Ахматова называет городом Пушкина:

Смуглый отрок бродил по аллеям, / У озерных грустил берегов, / И столетие мы лелеем / Еле слышный шелест шагов. / Иглы сосен густо и колко / Устилают низкие пни... / Здесь лежала его треуголка / И растрепанный том Парни.

В известном стихотворении «Я пришла к поэту в гости…» с посвящением Александру Блоку беседа поэтов происходит внутри квартиры, и тем не менее Петербург как будто заглядывает в окно комнаты и наблюдает за ними: …*Тихо в комнате просторной, / А за окнами мороз / И малиновое солнце / Над лохматым сизым дымом… / Но запомнится беседа, / Дымный полдень, воскресенье / В доме сером и высоком / У морских ворот Невы.*

С Петербургом Александр Блок был связан всю жизнь. В нем он родился и прожил всю свою жизнь, здесь протекла вся его литературная деятельность. Он любил и прекрасно знал Петербург: все его площади, мосты, улочки, окрестности. Но в стихах А. Блока Петербург часто предстает страшным, безмолвным и безжалостным. Именно такой тяжелый фон имеют размышления Ахматовой о Петербурге, когда она вспоминает Блока:

Он прав – опять фонарь, аптека*, / Нева, безмолвие, гранит… / Как памятник началу века, / Там этот человек стоит — / Когда он Пушкинскому Дому, / Прощаясь, помахал рукой / И принял смертную истому / Как незаслуженный покой.*

Выводы

Петербург, а затем Ленинград Анны Андреевны Ахматовой многолик, все ее творчество буквально «пропитано» этим городом: любовь, стихи, Родина, проблема эмиграции, страдания, война, блокада, забвение, восхищение – город принял все, чем она жила, а она сохранила и воспела его в своих стихах.

Литература

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Академия, 1996. – 416 с.
2. . Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев. – М.: Изв. РАН – СЛЯ. – 1993, № 1. – С. 3–9.
3. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // "Избранные статьи" / Ю.М.Лотман. – Т. 2. Статьи по истории русской литературы первой половины XIX века. Ч. I.
4. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 173 с.

References

1. Veshbitskaya A. (1996). *Yazyk. Kul`tura. Poznaniye.* Moskow:Akademy. (In Russ).
2. Lixachov D. S. (1993). *Kontseptosfera russkogo yazyka*. Moskow: Izv. RAN-SLYA. 1. (In Russ).
3. Lotman YU. M. (1992). Simvolika Peterburga I problemy semiotiki goroda [Izbrannyye stat`i], 2. Tallin: Aleksandra (In Russ).
4. Teliya V.N. (1986). Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnyx yedinits.Moskow: Nauka. (In Russ).

УДК 82-14

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА В РАННИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.А. АХМАТОВОЙ

С.Ю. Николаева
профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества
Тверского государственного университета,
г. Тверь, Россия
E-mail: synikolaeva@rambler.ru

В.А. Редькин
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества
Тверского государственного университета,
г. Тверь, Россия
E-mail: synikolaeva@rambler.ru

Национальный образ мира в поэзии А. Ахматовой начал формироваться на раннем этапе творческой эволюции, в период ее пребывания на Тверской земле, в усадьбе Гумилевых Слепнево в пятнадцати километрах от Бежецка.
С лета 1911 года по 1917 год Ахматова проводила в усадьбе Гумилевых почти каждое лето. Бывала она в Бежецке и позже, в 1918-1925-м годах, навещая сына. Цели и задачи. В данной статье ставится задача раскрыть национальные истоки феномена ахматовской поэзии, опираясь на ее ранние произведения. Ахматова создала свою концепцию национального характера и национального образа мира. Творчество Ахматовой не было ни камерным, ни изолированным, ни оторванным от глубинных основ народной жизни. Методы и материал исследования. Основой корректного понимания творчества А. Ахматовой и её миропредставления служат художественные тексты, в данном случае раннего периода. Используется методика «медленного чтения». Результаты и их обсуждение. Анализ текста показывают, как формировался и развивался национальный образ мира в творчестве Ахматовой. От романтических поэтизмов, стилизации, литературной игры Ахматова постепенно эволюционирует в направлении к реалистической детали. Проявляется стремление насытить текст образами, укорененными в национальной традиции, фольклорной символикой, религиозными мотивами. Постепенно утверждается православное мировоззрение А. Ахматовой и её духовный реализм как тип творчества. Вера становится основой образа национального мира А. Ахматовой. С каждым посещением Слепнева усиливается внимание Ахматовой к флоре и фауне среднерусской полосы, которые становятся знаками-символами национального пространства. Образы поля и воли утверждают традиционное представление о широте, просторе Русской земли. В национальный образ мира Ахматова включает все богатства русской национальной культуры. Ахматова предсказывает революционное духовное обновление России. Выводы. Постепенно в творчестве Ахматовой образ национального мира развивался и углублялся, наполнялся драматизмом и трагизмом, но можно с уверенностью утверждать, что к 1914 году основные его элементы, составляющие единую систему, поэтессой были уже найдены.

Ключевые слова: А. Ахматова, национальный образ мира, ранняя лирика, духовный реализм, вера, текст как объект «медленного чтения».

THE FORMATION OF THE NATIONAL IMAGE OF THE WORLD IN EARLY POETIC TEXTS OF A. A. AKHMATOVA

S. Yu. Nikolaeva
Professor, doctor of Philology, head of the Department of philological bases of publishing and literary creativity,
Tver state University,
Tver, Russia
E-mail: synikolaeva@rambler.ru

V. A. Redkin
Professor, doctor of Philology, Professor of the Department of philological foundations of publishing and literary creativity,
Tver state University,
Tver, Russia
E-mail: synikolaeva@rambler.ru

The national image of the world in A. Akhmatova's poetry began to form at the early stage of creative evolution, during her stay on the Tver land, in the estate of Gumilev Slepnevo in fifteen kilometers from Bezhetsk. From the summer of 1911 to 1917 Akhmatova spent almost every summer in the Gumilev estate. She visited Bezhetsk and later, in 1918-1925, visiting her son. Goals and objectives. This article aims to reveal the national origins of the phenomenon of Akhmatova poetry, based on its early works. Akhmatova created her own concept of national character and national image of the world. Akhmatova's work was neither chamber, nor isolated, nor detached from the deep foundations of people's life. Methods and material of the study. The basis of a correct understanding of A. Akhmatova's work and her worldview are artistic texts, in this case of the early period. The method of "slow reading"is used. Results and discussion. The analysis of the text shows how the national image of the world was formed and developed in Akhmatova's work. From romantic poetic words, style, literary games Akhmatova gradually evolyutsioniruet towards realistic details. The desire to saturate the text with images rooted in the national tradition, folk symbols, religious motifs is manifested. Gradually, the Orthodox worldview of A. Akhmatova and her spiritual realism as a type of creativity are being approved. Faith becomes the basis of the image of the national world A. Akhmatova. With each visit Slepnev increased attention Akhmatova to the flora and fauna of the Central Russian band, which become signs-symbols of national space. The images of the field and the will confirm the traditional idea of the breadth, the expanse of the Russian land. In the national image of the world Akhmatova includes all the riches of Russian national culture. Akhmatova predicts revolutionary spiritual renewal of Russia. Summary. Gradually in the works of Akhmatova the image of the national world developed and deepened, filled with drama and tragedy, but it is safe to say that by 1914 its main elements that make up a single system, the poet had already been found.

Keywords: A. Akhmatova, national image of the world, early lyrics, spiritual realism, faith, text as an object of "slow reading».

Введение

В пятнадцати километрах от Бежецка – старинного русского города до середины 1930-х годов существовала деревня Слепнево. А в ней на вершине холма между фруктовым садом и парком стояла усадьба, принадлежащая семье Гумилевых. 25 апреля 1910 года после долгих колебаний и многочисленных предложений Николая Гумилева

А. Ахматова с ним обвенчалась. И начиная с лета 1911 года по 1917 год Анна Андреевна Ахматова проводит в усадьбе Гумилевых почти каждое лето. Бывала она и в Бежецке, позже, в 1918-1925-м го дах, навещая сына, оставленного на воспитание матери своего мужа Николая Гумилева – Анне Ивановне. Несомненно, впечатления именно от этих мест легли в основу её представлений о Родине в ее сельской, а не Петербургской ипостаси, в ее глубинной природной сути, хотя первое время она и не выказывала особой привязанности к этим местам. В Бежецке и его окрестностях не покидает чувство, что дух Ахматовой где-то рядом. Невольно вспоминаются ее строки: «Там тень моя осталась и тоскует, все в той же синей комнате живет». Комната А. Ахматовой в слепневском доме была в мезонине, окнами на север. Здесь написано около ста произведений, многие из которых вошли в сборники «Четки», «Белая стая», «Подорожник». «Стихи шли легкой свободной поступью» [2, с.339], – вспоминала поэтесса. Подводя итоги жизни, А. Ахматова писала: «Слепнево. Его огромное значение: его великое значение в моей жизни» [4, с.382]. Проникновенные строки написаны А. Ахматовой о Бежецке: «Там белые церкви и звонкий, светящийся лед, / Там милого сына цветут васильковые очи. / Над городом древним алмазные русские ночи / И серп поднебесный желтее, чем липовый мед [1, с. 377].

Образ поэтессы, рафинированной интеллектуалки, шагнувшей прямо с гимназической скамьи в мир страстей и увлечений, в камерный мир поэтических салонов, во многом мифологизирован. По словам А. Твардовского, лирика Анны Ахматовой – «неотъемлемая часть нашей национальной культуры, одна из живых и не утрачивающих свежести ветвей на древе великой русской поэзии» [11, с.237]. Пронзительны строки из «Реквиема»: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Но когда поэтесса научилась быть с народом, брать за основу его нравственные критерии? Наверное, тогда, в Слепневе, на Тверской земле. Слепнево – это исток: «Слепнево для меня, как арка в архитектуре... сначала маленькая, потом все больше и больше и, наконец, полная свобода (это если выходить)» [2, с.340]. В этих словах обретение свободы не от веры, совести, долга, а ощущение свободы творчества, для того чтобы всегда быть с народом.

Цели и задачи

В данной работе решается задача раскрыть тезис о том, что А. Ахматова – русский национальный поэт XX века, опираясь на ее раннюю поэзию. Ахматова создала свою концепцию национального характера и национального образа мира. При этом национальный мир реализуется у неё в сложной системе образов, идей и понятий. Этим объясняется явная, нескрываемая неприязнь к творчеству Ахматовой официальной идеологов от Троцкого и Бухарина до Жданова и некоторых советских литературоведов 1960-80-х годов. Мнение о том, что «великие события почти никак не отражены в лирике Ахматовой. Она не поняла и не приняла Октябрьскую революцию» [10, с. 297], долгое время довлело и определяло к ней отношение. Даже А. Твардовский считал, что «поэзия Ахматовой никогда не была на гребне общественно-политических событий» [11, с. 233]. Однако творчество Ахматовой не было ни камерным, ни изолированным, ни оторванным от глубинных основ народной жизни.

Методы и материал исследования

Хотелось бы подчеркнуть, что основой понимания творчества А. Ахматовой и её мировосприятия, прежде всего, должны стать художественные тексты, в данном случае раннего периода. В постсоветское время борьба за творческое наследие Ахматовой, как подлинно национальное достояние, не прекратилось. Вокруг светочей русской поэзии XX века всегда группировались люди, которые надеялись, что отсвет славы поэта, будь то В. Маяковский, С. Есенина или А. Ахматова, коснется и их имен. В мемуары, воспоминания, дневники вкрадывались вольные или невольные искажения. К этим документам следует относиться с осторожностью. И приоритетным всегда должно быть слово писателя. Художественное произведение, его текст, в котором воплощается душа поэта, в этом отношении остается главной опорой в суждении о поэтессе. Так, критики любят цитировать Виленкина, о том, что Ахматова не любила С. Есенина («он был для меня весь чужой»). С другой стороны, известны высказывания Ахматовой о том, что она Есенина очень ценила. Но важнее всего её стихотворение «Памяти Сергея Есенина», где предстает трагическая судьба «российского поэта».

Результаты и их обсуждение

Художественные тексты показывают, как формировался и развивался национальный образ мира в творчестве Ахматовой. В ранних стихах речь идет о романтической стране любви, «загадочно-трепетных далях». Детали реального мира: «лепестки, дрожащие и росистые», «крест над могилой» «испуганно нежные очи», «душисто снежные розы», «пыль дороги и косые лунные лучи», «дыханье тихой земли», «голубой туман», - воспринимаются здесь скорее как традиционные поэтизмы. Поэтессу «радуют пестреющие клумбы», розы, которые «приносят из оранжереи», а в её разметавшейся косе «сухо пахнут иммортели». Жизнь сердца раскрывается на фоне несколько искусственной садовой, парковой культуры: белых хризантем, ярких георгин, и душистых лилий. «Туманом легким парк наполнился, / И вспыхнул на воротах газ…», - так начинает она одно из стихотворений. Персонажи предстают в облике королей, графов, маркизов, королевичей и принцев. Кажется, что среди цветных дрожащих фонарей и

узких каналов «никогда ничего не случится». На всем этом мире сохраняется что-то кукольное, маскарадное. В поэтике Ахматовой превалирует прием стилизации. Возникают образы замкнутого пространства: «Я живу, как кукушка в часах…».
Но поэтесса, передавая глубину сердечных чувств и движений, в то же время томится в этом мире грез и фантазий, стремится вырваться на волю, и уже в этом заложены потенциальные возможности её таланта. Уже в ранних царскосельских стихах она стремится выйти к широкому пространству национального мира, и в её стихах появляется «на пригорке дремлющая мельница», но пейзаж сохраняет какую-то болезненность и ущербность: «Над засохшей повиликою / Мягко плавает пчела; / У пруда русалку кликаю, / А русалка умерла…» [1, с.56].

Стремление насытить свои стихи образами, укорененными в национальной традиции, ярко проявилось в её «Песенке». Ахматова начинает опираться на фольклорную символику, и лирическая героиня впервые предстает здесь в образе простой русской девушки, связанной с землей и трудом: «Я на солнечном восходе / Про любовь пою, / На коленях в огороде / Лебеду полю». Полоть лебеду в народной поэзии означает освобождать сердце от чувств ставших сорными, ненужными. Поэтесса развивает этот символ, конкретизирует, чтобы подчеркнуть болезненность процесса и живость воспоминаний: «Все сильнее запах теплый / Мертвой лебеды». Плач босой девочки у плетня становится голосом беды. В стихотворении «Я сошла с ума, о, мальчик странный…» используется и развивается фольклорный образ девушки, уколовшейся веретеном. Образ лирической героини ассоциируется здесь с крестьянскими девушками с картин Тропинина и Перова. Ролевой герой предстает в образе «ясна сокола» [1, с. 142]. Национально-фольклорный, но стилизованный колорит возникает и в стихотворении «Над водой», где появляются образы посошка, дудочки, мельничного пруда, а герой предстает в образе пастушка. В стихотворении «В лесу» развивается народно-песенный мотив мести старшего брата за обманутую девушку или убийства нежеланного семье жениха, и действие происходит в условном, почти сказочном пространстве: «Лежу в траве я, густой и влажной», «Нас ели тесно обступили, / Над нами небо – черный квадрат», «Пустынная лесная тропинка», «А сверху смотрит такою важной / И чутко слушает сова».

Но и от стилизации под фольклор поэтесса постепенно отказывается. «Не пастушка, не королева / И уже не монашенка я – / В этом сером будничном платье, / На стоптанных каблуках…» [1, с.111], – подчеркивает поэтесса. В стихотворении «Рыбак» лирическая героиня предстает в образе девочки-рыбачки, «что ходит в город продавать камсу», а её возлюбленный в образе простого парня труженика-рыбака с всегда распахнутым воротом куртки: «Руки голы выше локтя, / А глаза синей, чем лёд. / Едкий душный запах дегтя, / Как загар, тебе идет» [1, с.65]. Поэтесса мечтает опроститься, приблизиться к народной жизни: «Стать бы снова приморской девчонкой, / Туфли на босу ногу надеть» [1, с.117]. Здесь отдается дань впечатлениям отрочества, проведенного на берегу Черного моря. Простота становится эстетическим кредо поэта: «Нам свежесть слов и чувства простоту / Терять не то ль, что живописцу – зренье / Или актеру – голос и движенье, / А женщине прекрасной – красоту?» [1, с. 237]. И, в конце концов, Муза предстает не только в пушкинском, но и некрасовском варианте: «И Муза в дырявом платке
/ Протяжно поет и уныло» [1, с. 241]. Не случайно в Ахматовой – «литературной русской даме» О. Мандельштам разглядел «бабу и крестьянку» [5, с. 295].

Несомненно, залогом выхода в национальное духовное пространство была для Ахматовой вера. Православное мировоззрение А. Ахматовой и её духовный реализм – это вопросы, требующие специального рассмотрения [7, 8, 9]. Но здесь важно подчеркнуть, что вера стала основой образа национального мира А. Ахматовой. Одно упоминание молитвы снимает трагический конфликт с нелюбимым в стихотворении «Я и плакала и каялась…»: «А склонюсь к нему нарядная, / Ожерельями звеня, - / Только спросит: «Ненаглядная! / Где молилась за меня?» [1, с.67]. Прямая связь веры и национального мира утверждается поэтессой в стихотворении «Протертый коврик под иконой…», где символы веры – «икона» и «лампадка» – сочетаются с предметами народной утвари и прикладного искусства: «Пестро расписаны укладки / Рукой любовной кустаря. / И у окна белеют пяльцы…» [1, с.107]. Пронзительны её молитвы, в частности стихотворение «Дал Ты мне молодость трудную…». Её стихи пронизывает ощущение духовно-мистического плана бытия и предопределения: «О нем гадала я в канун Крещенья. / А в январе была его подругой», «Я научилась просто, мудро жить, / Смотреть на небо и молиться Богу, / И долго перед вечером бродить, / Чтоб утолить ненужную тревогу». Естественность и простота постепенно осознаются Ахматовой как нравственные и эстетические ценности православной культуры, как черты национального мира и национального характера, который воплощает Ахматова в образе лирической героини. Чувственность и сердечность, страстность и искренность находят теперь новые, свойственные русскому человеку формы выражения.

Характерно, что после посещения Слепнева детали народного быта и природного мира средней полосы России в текстах Ахматовой явно конкретизируются: «Под навесом темной риги жарко…», «Ах пусты дорожные котомки, / А на завтра голод и ненастье!», «Иглы сосен густо и колко / Устила-

ют низкие пни…», «Между кленов шепот осенний…», «И кто-то, во мраке дерев незримый, / Зашуршал опавшей листвой», «Рассветает. И над кузницей / Поднимается дымок». Приметы среднерусского пейзажа буквально рассыпаны в стихах Ахматовой: «Журавль у ветхого колодца, над ним, как кипень облака», «Над засохшей повиликою мягко плавает пчела», «...Шуршат в овраге лопухи, и никнет кисть рябины желто-красной». Все чаще вводятся детали, связанные с процессом крестьянского труда: она ощущает «все сильнее запах спелой ржи», слышит и запоминает каждый звук, замечает каждую деталь, каждое движенье: «А к колосу прижатый тесно колос / С змеиным свистом срезывает серп. / И стройных жниц короткие подолы, / Как флаги в праздник, по ветру летят. / Теперь бы звон бубенчиков веселых, / Сквозь пыльные ресницы долгий взгляд [1, с. 302]

С каждым посещением Слепнева усиливается внимание Ахматовой к флоре и фауне среднерусской полосы, которые становятся знаками-символами национального пространства. Котко кошка [1, с. 74, 98, 90, 89, 113, 120]. С одной стороны, это дом, уют – «пушистый кот мурлыкает умильней», и в то же время это память о диких предках – «раз у дикой затравленной кошки / я заметил такие глаза». Сверчок [1, с. 118] – символ домашнего очага. В её стихах появляются образы журавлей [1, с.87, 224, 268], оленя [1, с.109], соловья[1, с.101], змейки [1, с. 80], голубка [1, с. 80], лебедя, лебеденка [1, с. 104], галки [1, с.132], иволги [1, с. 160, 302], стрекозы [1, с. 170], пчелы [1, с. 238], осы и т.д. А вот растительный мир Ахматовой: ель, сирень [1, с. 84, 99, 103], ракита – в народной поэтике, как и у Ахматовой, это символ смерти [1, с. 101, 102], липа [1, с. 104], ива – «дерево русалок» [1, с. 132], осина, можжевельник [1, с.198.199], ольха [1, с. 209], береза [1, с. 206, 345], тополь, рябина, крапива, лопух: «Почернел, искривился бревенчатый мост, / И стоят лопухи в человеческий рост, / И крапивы дремучей поют леса, / Что по ним не пройдет, не блеснет коса» [1, с. 272].

Сквозными становятся у неё образы поля, луга, болота. Среднюю полосу России она называет «страной болот и пашен» [1, с. 265]. Реалистическая деталь, связанная со средней полосой России, не только занимает все больше места в стихах Ахматовой, но и вызывает положительные и даже радостные эмоции: «Как я рада, что нынче вода / Под бесцветным ледком замирает» [1, с. 114], «И две в лесу скрестившихся тропинки, / И в дальнем поле дальний огонек, - Я вижу все. Я все запоминаю, / Любовно-кротко в сердце берегу», - признается поэтесса. Появляются слова и понятия, связанные с национальным бытом – волынка [1, с. 81, 201], «дудочка из глины» [1, с.112], лесной костер [1, с. 102]. В лирику Ахматовой органично вплетается не только разговорная, но даже просторечная лексика: «застит» [1, с.115], «на босу ногу» [1, с. 117], шушун [1, с. 142]. Котомка, горница [1, с. 76. 180] и т.д. Наряду с образами-мотивами свечи, зеркала, сквозными образами-мотивами становятся образ воли и поля: «Склонился тусклый мертвый лик / К немому сну полей, / И замирает острый крик / Отсталых журавлей»; «Иду по тропинке в поле / Вдоль серых сложенных бревен. / Здесь лёгкий ветер на воле / По весеннему свеж, неровен», «В белом поле я тихою девушкой стала, / Птичьим голосом кличу любовь», «И когда она улыбнулась, / В садах твоих, в доме, в поле, / Повсюду тебе казалось, / Что вольный ты и на воле» [1, с. 87, 91, 92]. Образы поля и воли утверждают традиционное представление о широте, просторе Русской земли.

В национальный образ мира Ахматова включает все богатства русской национальной культуры, в частности поэзии, от Пушкина до Блока. Именно в Слепневе она пишет стихотворение «Покорно мне воображенье…», несомненно, обращенное к А. Блоку. Аргумент, что Блок не мог быть адресатом, потому что острый взаимный интерес Блока и Ахматовой возник несколько позже, не выдерживает критики. Кто, как не Блок, «знаменитый современник», к которому обращается поэтесса? Здесь она явно использует аллюзию, связанную со стихотворением Блока «Сусальный ангел». У Блока: «Но ангел тает. Он – немецкий…», у Ахматовой: «И вот я таю, я безмолвна…». В стихах использованы совершенно одинаковые ритмико-интонационные системы. И если Блок заявляет: «Так! Погибайте! Что в вас толку?», то поэтесса как бы отвечает: «И если я умру, то кто же / мои стихи напишет Вам…». Но у Ахматовой все это накладывается на ассоциативный пушкинский ряд. «Тверское уединение» Ахматовой напоминает «псковское уединение» Пушкина, в стихотворении используется пушкинский ямб, форма послания-письма, признания Татьяны. У Пушкина: «Я никогда не знала б вас, / Не знала б горького мученья…» [6, с. 61], у Ахматовой «В моем тверском уединеньи / Я горько вспоминаю Вас». Таким образом, Ахматова, как бы подчеркивает, что она «русская душою», полемизируя с определением мечты о любви, как немецкого сусального ангела. В слепневском стихотворении «Последнее письмо» настолько явная пушкинская интонация, миницитаты из «Евгения Онегина», что Ахматова не включала его в прижизненные издания: «Мне нестерпимо здесь томиться, / По четкам костяным молиться / И точно знать, что на обед / Ко мне приедет мой сосед» [1, с. 128].

Целостный образ национального мира дается Ахматовой в стихотворении «Ты знаешь, я томлюсь в неволе…» (1913). Место написания (Слепнево) указано, видимо, потому, что создано оно под впечатлением её очередного посещения усадьбы. 8 сентября она покинула её, но унесла с собой память о ней, как сути национального мира.

Н. Гумилев в стихотворении «В пути» писал о «древней скудости земли» как о точке отсчета и притяжения в этой жизни. И, может быть, именно эту строчку стихотворения мужа расшифровала Анна Ахматова в строке: «Тверская скудная земля». Вообще надо разобраться с этим определении ем Тверской, а по большому счету, Русской земли. Скудость – это не только нужда, бедность, недостаток и нищета, убожество, но, по Далю, «скудать и скудовать»– это «недужить, страдать, чахнуть» [3, т. 4, с. 212], то есть русская земля у Ахматовой предстает в ореоле болезни и страдания. Скудный – нищий, убогий. Убогий – это юродивый, нищий духом [3, т. 4, с. 458]. А по заповеди Христа «блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царство Божье» (Лк. Гл. 6. 20), и юродивым в каком-то смысле он был и сам. «Так много нищих. Будь же нищей – / Открой бесслезные глаза» [1, с.121], – призывает поэтесса. В этом смысле Тверская, Русская земля благословенна и приближена к Богу. Она духовно возвышается через нищету и страдание. Скудная, но своя, может быть, особенно любимая.

Томление в неволе, ощущение несвободы здесь, как и в других стихах, противопоставляется открытому пространству. На фоне мольбы лирической героини о смерти её воспоминание о «памятной до боли тверской скудной земле» воспринимается как утверждение любви, как ощущение той нити, которая связывает поэтессу с жизнью, как утверждение чувства, которое Н. Рубцов позже назвал «смертной связью». Картина национального мира развернута и целостна, включает в себя образ народа как носителя его духовно-нравственного начала: «И те неяркие просторы, / Где даже голос ветра слаб, / И осуждающие взоры / Спокойных загорелых баб [1, с. 143]. Надо было проникнуться народным духом, чтобы ощутить на себе взгляд крестьянки-труженицы, и не просто ощутить, но и внутренне содрогнуться, чтобы написать такие строки. Каждая реалистическая деталь здесь имеет глубинный духовно-религиозный, философский смысл. Ветхий – отживающий, дряхлый, но это и древний, исконный, стародавний [3, т. 1, с. 188]. Древняя Россия журавлем устремляется в небо (деталь зримая – журавль колодца), в кипенье облаков. Это духовное вознесенье. Это путь к Богу. Это божественное предназначение. Это движение не в пространстве, а во времени, исторический путь. Поэтесса фактически предсказывает омовение России в белой пене от кипения или волнения (кипень – по Далю), говорит о клокотанье живородным ключом, родником [3, т. 3, с. 109]. Ахматова предсказывает революционное духовное обновление России.

Выводы

В слепневских стихах поэтесса как бы прогнозировала связь с будущим читателем, то есть с нами, благословляя тех, кто пожнет посеянные ею семена истинной поэзии, человечности и добра: «Я только сею: собирать / Придут другие. Что же! / И жниц ликующую рать / Благослови, о Боже!» [1, с. 264]. В дальнейшем в творчестве Ахматовой образ национального мира развивался и углублялся, наполнялся драматизмом и трагизмом вплоть до «Реквиема» и «Поэмы без героя», но можно с уверенностью утверждать, что к 1914 году основные его элементы, составляющие единую систему, поэтессой были уже найдены.

Литература

1. Ахматова, А.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. / А.А. Ахматова. – М.: Эллис Лак, 1998. – 968 с.
2. Ахматова, А.А. «Я голос ваш…» / А.А. Ахматова. – М.: Книжная палата, 1989. – 384 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1955-1956.
4. Лямкина Е.И. Вдохновение, мастерство, труд (записные книжки А.А. Ахматовой) // Встречи с прошлым. – Вып. 3. М.: Советская Россия, 1980. – С. 380-420.
5. Мандельштам, О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. / О.Э. Мандельштам. – Т. 2. – М.: Арт-Бизнес-Центр,1993.
6. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. / Под ред. Б. Томашевского. – Т. 4. – М., 1975.
7. Редькин, В.А. А. Ахматова и Н. Гумилев и духовный реализм в русской поэзии XX века / В.А. Редькин // Творчество Н. Гумилева и А. Ахматовой в контексте русской поэзии XX века. Тверь: ТвГУ, 2002. С. 3–15.
8. Редькин, В.А. Мифологическое начало и христианские идеи в поэтическом творчестве А. Ахматовой / В.А. Редькин // Ахматовские чтения: А. Ахматова, Н. Гумилев и русская поэзия начала XX века. – Тверь: ТвГУ, 1995. – С. 3–12.
9. Редькин, В.А. Христианские идеи в творчестве А. Ахматовой / В.А. Редькин // XXIV зональная конференция литературоведческих кафедр университетов и пединститутов Поволжья: в 2 ч. – Ч. 2. Тверь: ТвГУ, 1995. – С. 164-169.
10. Сурков, А.А. Анна Ахматова // Ахматова А.А. Стихотворения / А.А. Сурков. – М.: ГИХЛ, 1961. – С. 295–299.
11. Твардовский, А.Т. О литературе. / А.Т. Твардовский. – Москва : Современник, 1973. – 448 с.

References

1. Ahmatova, A.A. (1998). *Sobranie sochinenij [Collected works]:* v 6 t. T. 1. Stihotvoreniya. 1904–1941. / A.A. Ahmatova. M. EHllis Lak.
2. Ahmatova, A.A. (1989). «*YA golos vash…*» *[«"I'm the voice of your…»]*. Moscow. Knizhnaya palata.
3. Dal', V. (1955-1956). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: [Explanatory dictionary of the living great Russian language*] v 4 t. / V.I. Dal'. Moscow, Izd-vo inostrannyh i nacional'nyh slovarej.

4. Lyamkina E.I. (1980). Vdohnovenie, masterstvo, trud (zapisnye knizhki A.A. Ahmatovoj. *Vstrechi s proshlym. [*Inspiration, skill, work (notebooks by A. A. Akhmatova. *Meeting with the past]*, 3. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1980, 380–420.
5. Mandel'shtam, O.Eh. (1993). *Sobranie sochinenij: [Collected works]:* In 4 v. M.: Art-Biznes-Centr, V. 2.
6. Pushkin, A.S. (1975). *Sobranie sochinenij: [Collected works]:* In 10 v. V. 4. Moscow.
7. Red'kin, V.A. A. Ahmatova i N. Gumilev i duhovnyj realizm v russkoj poehzii XX veka. *Tvorchestvo N. Gumileva i A. Ahmatovoj v kontekste russkoj poehzii XX veka [*A. Akhmatova and N. Gumilev and spiritual realism in Russian poetry of the XX century. *Creativity Gumilev and Anna Akhmatova in the context of Russian poetry of the twentieth century*]. Tver', TvSU, 2002. 3–15.
8. Red'kin, V.A. (1995). Mifologicheskoe nachalo i hristianskie idei v poehticheskom tvorchestve A. Ahmatovoj. *Ahmatovskie chteniya: A. Ahmatova, N. Gumilev i russkaya poehziya nachala XX veka [*Mythological origin and Christian ideas in the poetic works of A. Akhmatova. *Akhmatova reading: Anna Akhmatova, Gumilev and Russian poetry of the early twentieth century]*. Tver': TvGU, S. 3–12.
9. Red'kin, V.A. (1995). Hristianskie idei v tvorchestve A. Ahmatovoj. *XXIV zonal'naya konferenciya literaturovedcheskih kafedr universitetov i pedinstitutov Povolzh'ya*. [Christian ideas in the works of A. Akhmatova. *XXIV Zonal Conference literary departments of universities and pedagogical institutes of the Volga*], in 2 p. – Tver', 2, 1995, 164–169.
10. Surkov, A.A. (1961). Anna Ahmatova. *Ahmatova A.A. Stihotvoreniya* [Anna Akhmatova. *Akhmatova A.A. Poem*]. Moscow, 295–299.
11. Tvardovskij, A.T. *O literature. [About literature]*. Moskva, Sovremennik.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ МАКАРОВИЧА ШУКШИНА

УДК 81’42

АРХИТЕКТОНИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ВОЕННОЕ ДЕТСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ШУКШИНА «ДАЛЁКИЕ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА»)

Е.А. Огнева
доцент, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
г. Белгород, Россия,
E-mail Ogneva@bsu.edu.ru

В статье рассматривается архитектоника одного из художественных концептов концептосферы рассказа В. Шукшина «Далекие зимние вечера», а именно художественного концепта-доминанты ВОЕННОЕ ДЕТСТВО. Выявлена трёхуровневая структура исследуемого художественного концепта, в номинативном поле которого установлены гендерообразующие концепт-элементы. Определена частотность номинантов в каждом субконцепте и концепт-элементе, выявлены лингвокультуремы военного детства. Определена специфика идиостиля В. Шукшина, реализованного в рассказе «Далекие зимние вечера».

Ключевые слова: концептосфера текста, художественный концепт, концепт-доминанта, архитектоника, военное детство.

ARCHITECTONIC OF SOCIO-CULTURAL LITERARY CONCEPT “WARTIME CHILDHOOD” (BASED ON THE STORY “FAR WINTER EVENINGS” BY V. SHUKSHIN)

E.A. Ogneva
Associate Professor, Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia,
E-mail Ogneva@bsu.edu.ru

The article discusses the architectonics of literary concepts-dominant WARTIME CHILDHOOD in the conceptual domain of story “Far Winter Evenings” by V. Shukshin’s. The three-level structure of this concept is revealed. The gender-forming concept-elements in the nominative field of literary concepts-dominant WARTIME CHILDHOOD are established. The frequency of nominees in each subconcept has been determined; the linguoculturemes of military childhood have been identified. The specificity of V. Shukshin`s idiostyle was determined.

Key words: text conceptual domain, literary concept, concept-dominant, architectonics, wartime childhood.

Введение

Художественный текст как формат индивидуально-авторской проекции мира имеет комплексную структуру, специфика которой перманентно привлекает исследователей как отечественных Л.Г. Бабенко [1], Г.И. Богин [2], Н.С. Валгина [6], И.Р. Гальперин [7] и др., так и зарубежных F. Cramer [11], M. Klarer [12], P. Macherey [1] и др. Так, P. Macherey рассматривал такие важные компоненты текста как положительные и отрица

тельные суждения автора, импровизация, структура и закономерности построения текста, глубина и сложность построения текста [13]. F. Cramer сконцентрировал внимание на взаимосвязи цифрового кода и структуры литературного текста [11], тогда как M. Klarer изложил специфику текстуально-ориентированных, авторско-ориентированных и читателе-ориентированных подходов к изучению текста [12].

Существуют различные подходы к изучению концептосферы художественного текста, отражённые в трудах Н.С. Болотновой [5], И.Н. Кононовой [8] и др. Моделирование текста в виде концептосферы предоставляет широкие возможности интерпретации текстовых когнитивных структур в свете того, что «с учетом специфики конструирования мира в сознании человека и роли интерпретационного фактора в этом процессе можно выделить **два** основных **типа когнитивных схем**, или моделей, **языковой интерпретации** мира и знаний о мире: общие, коллективные, или конвенциональные, и частные, индивидуальные, или субъективные» [4, с. 12–13].

Исследование модели когнитивно-сюжетной матрицы текста выявило, что в её состав входят два типа моделей: *когнитивные текстовые социомодели и когнитивные текстовые социокультурные модели*. Когнитивная текстовая социомодель видится нам как исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность номинантов номинативного поля концепта/концептов, репрезентирующих особенности бытия различных слоёв населения на страницах художественных произведений. Когнитивная текстовая социокультурная модель видится нам как исследовательский конструкт, представляющий собой совокупность номинантов, имеющих статус лингвокультурем, которые репрезентируют в концептосфере текста его лингвокультурную специфику. Иные подходы к исследованию культурологической составляющей текста изложены В.В. Богуславской в лингвосоциокультурной концепции моделирования текста [3].

В свете моделирования социокультурных констуктуов, по мнению А.В. Сидоренко, «особый интерес в России и за её пределами вызывает Советская эпоха как исторический период, духовное и материальное наследие которого до сих пор актуально» [10, с. 5]. Очевидно, что «одним из недостаточно изученных с филологической точки зрения социокультурологических аспектов представляется вопрос языковой и речевой репрезентации символов советского детства” [9, с. 63], в частности, военного детства, отражённого на страницах художественных произведений, в концептосфере которых этот исторический феномен предстаёт как художественный концепт.

Цели и задачи

Цель исследования заключается в выявлении особенностей построения художественного концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО, выявленного в концептосфере рассказа советского писателя В. Шукшина «Далекие зимние вечера». Основными задачами исследования видятся: (1) изучение концептосферы рассказа с целью выявления базовых художественных концептов, (2) определение концепта-доминанты среди перечня базовых художественных концептов рассказа, (3) выявление специфики архитектоники концепта-доминанты рассказа В. Шукшина.

Методы и материал исследования

В качестве метода исследования применён когнитивно-герменевтический метод. Материалом для исследования послужила концептосфера рассказа В. Шукшина «Далекие зимние вечера».

Результаты и их обсуждение

В соответствии с целью исследования и поставленными задачами изучение концептосферы рассказа В. Шукшина «Далекие зимние вечера» был определён перечень базовых художественных концептов, среди которых художественный концепт-доминанта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО. Исследование архитектоники художественного концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО, репрезентированного в произведении В. Шукшина «Далёкие зимние вечера» [14], выявило, прежде всего, трёхуровневый принцип построения, т.е. художественный концепт состоит из субконцептов, которые в свою очередь состоят из концепт-элементов, номинативные поля которых представляют собой различные типы номинантов. Отобразим выявленные особенности архитектоники на следующей схеме:

концепт → субконцепт → концепт-элемент → номинанты номинативного поля

Рисунок 1. – Схема архитектоники социокультурного художественного концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Субконцепт ДЕТСКАЯ ИГРА представлен гендернообусловленными концептами-элементами: а) ИГРЫ МАЛЬЧИКОВ, б) ИГРЫ ДЕВОЧЕК. Под гендерообусловленным концепт-элементом понимается когнитивная структура, номинанты которой репрезентируют гендеромаркированные явления бытия. Были выявлены следующие десять номинантов номинативного поля концепт-элемента ИГРЫ МАЛЬЧИКОВ: *крикливая ребятня режется в бабки;* описание игры: его биток, как маленький снаряд, вырывает с кона сразу штук по пять бабок; **сценарий игры*: прежде чем бить по кону, он снимает с правой руки рукавицу, прищуривает левый глаз, прицеливается;*** *под конец, когда у него осталась одна бабка, он хотел словчить; Ванька Колокольников проигрался к обеду в пух и прах; последнюю бабку Ванька выставил с болью, стиснув зубы, и проиграл; хочешь «Барыню» оторву?; Ванька дал ей (снежной бабе) по уху* – имплицитно обозначена игра – лепка снежной бабы*; Ванька высыпал из сумки бабки и стал их считать, Ванька ссыпал (бабки) в старый валенок и вынес в сенцы* [ibid]/ Среди десяти номинантов выявлено и описание игры, и сценарий игры и имплицитная отсылка к игре – лепке снежной бабы, игре, которая является общей для всех детей, но контекстуально очевидно, что снежную бабу во дворе слепил Ванька.

Были выявлены следующие пять номинантов номинативного поля концепт-элемента ИГРЫ ДЕВОЧЕК: *на печи девочка играла в куклы, стала наряжать куклу – деревянную ложку – в разноцветные лоскуты; запела тоненьким голоском, пела песню на манер колыбельной; Наташка уже не поет, а баюкает куклу;* **сценарий игры** ***она наложила в блюдце сырых пельменей, сняла с печки две куклы и усадила их перед блюдцем; одну куклу посадила несколько дальше, а второй, та, что ближе, говорила ласково: –"Ешь, доченька моя милая, ешь!"*** [ibid]. Наличие сценария игры среди пяти номинантов в номинативном поле двух исследуемых концепт-элементов подчеркивает стремление автора рассказа привлечь внимание читателя к неотъемлемому свойству детства – играть.

Было определено, что субконцепт ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДЕТЕЙ также представлен гендернообусловленными концепт-элементами: концепт-элемент ВАНЬКА ↔ МАЛЬЧИШКИ и концепт-элемент ВАНЬКА ↔ СЕСТРА НАТАШКА. Концепт-элемент ВАНЬКА ↔ МАЛЬЧИШКИ репрезентирован шестью номинантами, два из которых **поведенческие сценарии:** ***стоял в сторонке злой и мрачный, заспорил с Гришкой, что сейчас его очередь бить; Гришка стал доказывать свое; "А по сопатке хошь?"– спросил Ванька; их разняли;*** *"Ладно, пупырь, давай три. Скупердяй! Я таких сроду не видывал. Как тебя еще земля держит?"*; **поведенческий сценарий:** ***Ванька передвинул шапку козырьком на затылок и медленно пошел на Мишку; тот изготовился. Ванька неожиданно дал ему головой в живот. Мишка упал. Заварилась веселая потасовка. Половина была на Ванькиной стороне, другие – за Мишку. Образовали кучу малу***[ibid].

Концепт-элемент ВАНЬКА ↔ СЕСТРА НАТАШКА репрезентирован также шестью номинантами, репрезентирующими заботу брата и сестры друг о друге, несмотря на разницу в возрасте: *краем глаза наблюдает за Наташкой, "Вань, расскажи, как вы волка видели" ↔ "Видели, и все"; она перестает плакать и пытается тоже подержаться за узел – помочь брату, (в избе тепло) Ванька блаженно молчит, Наташка пристроилась у него на коленях и тоже молчит; (в избе тепло) Наташку клонит ко сну, Ваньку тоже* [ibid].

Субконцепт УЧЁБА репрезентирован двумя номинантами: *сумки с книжками валяются в стороне, запустил сумку под лавку, туда же – шапку*, в структуре которых выявлена лингвокультурема *сумка с книжками*. Это словосочетание рассматривается нами как лингвокультурема, поскольку современные школьники носят книги в рюкзаках, а сумки с книгами – это маркер школьного детства в прошедшую эпоху.

Субконцепт БЫТ репрезентирован четырнадцатью номинантами, что превышает их количество в других субконцептах. В структуре номинантов выявлено десять лингвокультурем, которые нами выделены полужирным шрифтом*: **на печке** сидела маленькая девочка*; ***в избе*** *было холодно; Ванька заглянул* ***в миску на шестке, в печку; на полати за корытцем****; Ванька стал оттаивать кружок на стекле, чтобы смотреть на дорогу; Наташка запуталась в фуфайке, как перепелка в силке, – никак не может* ***слезть с печки****;* ***в избе*** *Наташка колотит ножонкой в набухшую дверь и ревет – не может открыть; "едем сейчас с сеном, глядь: а на дороге лежит лиса"; сейчас начнется маленький праздник – будут стряпать пельмени; Ванька быстренько* ***достает с печки стеганые штаны***, ***рукавицы-лохмашки***, *фуфайку;* сценарий *срубили еще одну – поменьше – Ваньке и, взвалив их на плечи, вышли на дорогу; Ванька сбросил с плеча березку и с удовольствием вытянулся прямо на дороге; Ванька с матерью быстро распилили березки; Ванька впотьмах доколол чурбаки, а мать в это время затопила* ***камелек****; Ванька с Наташкой* ***сидят перед камельком****; фрейм огонь весело гудит в печке; пятна света, точно маленькие желтые котята, играют на полу; по избе голубыми волнами разливается ласко-*

вое тепло; Ванька, покачиваясь, идет к столу; Ванька ***лезет на полати*** *и, едва коснувшись подушки, засыпает; Наташка тоже спит; в одной руке у нее зажат пельмень* [ibid].

Субконцепт МЕЧТЫ состоит из двух концепт-элементов: МЕЧТА О НАСТОЯЩЕМ и МЕЧТА О БУДУЩЕМ. Концепт-элемент МЕЧТА О НАСТОЯЩЕМ репрезентирован тремя номинантами:

он сидит у стола ↔ думает, где можно достать три полена дров; хорошо бы затопить камелек; мать придет ↔ а в избе такая теплынь, хоть по полу валяйся; сценарий концепт-элемента МЕЧТА О БУДУЩЕМ репрезентирован сценарием *вот придет Новый год, срубим мы себе елочку, хорошенькую елочку… Таля, слышишь? Не спите, милые мои. Вот срубим мы эту елочку, разукрасим ее всякими шишками да игрушками, всякими зайчиками – до того она у нас будет красивая* [ibid].

Субконцепт МАТЬ репрезентирован одиннадцатью номинантами: *под окнами заскрипели легкие шаги; Ванька вскочил и сломя голову кинулся встречать мать; она, наверно, очень устала и намерзлась за день ↔ но она улыбается; родной, веселый голос ее сразу наполнил всю избу ↔ пустоты и холода в избе как не бывало; мать делает вид, что сердится на Ваньку; мать тоже одевается потеплее; мать поднимает его; сидят на березке рядом; Ваньке очень хочется лечь ↔ Потерпи маленько. Большую мы тебе срубили; Надо было поменьше; голос матери доносится откуда-то издалека; разбудить их, наверно, было нелегко;* ***когнитивная сцена: после ужина Ванька стоит перед матерью и спит, свесив голову; материны теплые руки поворачивают Ваньку: полоска клеенчатого сантиметра обвивает Ванькину грудь, шею – ему шьется новая рубаха. Сантиметр холодный – Ванька ежится;*** *в самый последний момент Ванька слышит стрекот швейной машинки ↔ завтра он пойдет в школу в новой рубахе* [ibid].

Субконцепт ПИЩА репрезентирован десятью номинантами: *«пошамать нечего?», "Вань, ты бы сейчас* ***аржаных лепешек*** *поел? –Горяченьких" -* ***лингвокульутрема,*** *сейчас начнется маленький праздник ↔ будут стряпать пельмени;* ***в мясо картошки будем добавлять? – лингвокультурема военного времени;*** **сценарий** ***началась светлая жизнь ↔ мясо нарублено. Тесто тоже готово. Садятся втроем стряпать. Наташка раскатывает лепешки, мать и Ванька заворачивают в них мясо****; она даже не догадывается, что вот эти самые лепешечки можно так поджарить на углях, что они будут хрустеть и таять на зубах; если бы в камельке горел огонь, Ванька нашел бы случай поджарить парочку; а* ***в чугунке*** *еще только-только начинает «ходить» вода; в тарелке на столе дымят пельмени, но теперь это уже не волнует. Есть не хочется; через несколько минут Ванька объявляет, что наелся до отвала ↔ но мать заставляет есть еще* [ibid].

Среди десяти номинантов выявлено три лингвокультуремы, одна из которых ***в мясо картошки будем добавлять?*** **–** это лингвокультурема, маркирующая военное время.

Выводы

Исследование художественных форматов, репрезентирующих реалии советской эпохи, привлекает всё больше исследователей. Рассмотрение социокультурного художественного концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО, репрезентированного в рассказе В. Шукшина «Далекие зимние вечера», выявило следующую специфику его архитектоники: (1) наличие трёхуровневой структуры в формате художественного концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО; (2) гендерообразующие концепт-элементы в составе двух субконцептов концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО; (3) наличие когнитивных сценариев, когнитивных сцен в структуре номинативного поля концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО, что подчеркивает комплексность его архитектоник, в частности наличие когнитивного сценария *игра* в составе двух концепт-элементов подчеркивает тот факт, что дети играют вне зависимости от обстановки, тем не менее, деревянная ложка в качестве куклы, которую наряжают в лоскуты, подчеркивает специфику военного детства; (4) наличие лингвокультурем военного времени выявлено в субконцепте МЕЧТА – *где можно* ***достать три полена дров****; хорошо бы* ***затопить камелек*** *и др., субконцепте* ПИЩА*: «пошамать нечего?», ты бы сейчас* ***аржаных лепешек*** *поел, в мясо картошки будем добавлять?* и др.; (5) высокая частотность номинантов номинативного поля субконцепта МАТЬ, создающих светлый образ матери, которая и в военное время пытается создать детям уют: говорит о Новом годе и красивой ёлке, готовит пельмени с мясом убитой лисы, приносит дрова в дом из леса, шьёт сыну рубаху в школу.

Комплексный характер концепта ВОЕННОЕ ДЕТСТВО показывает многогранность и многоплановость событий в далёкой сибирской деревне в то время, когда под Москвой идут тяжёлые бои, что в целом характеризует специфику идиостиля В. Шукшина.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический Проект, Деловая книга, 2004. – 464 с.

2. Богин, Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь: ТвГУ, 1993. – 105 с.

3. Богуславская, В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: монография / В.В.Богуславская. – М.: URSS, 2011. – 276 с.

4. Болдырев, Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.

5. Болотнова, Н.С. Лексическая регулятивность текста и его концептосфера / Н.С. Болотнова // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXII. – 2015. – С. 322–324.
6. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос 2003. – 280 с.
7. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – 5-е изд., стер. / И.Р. Гальперин– М.: Наука, 2007. – 139 с.
8. Кононова, И.Н. О типах трансформации структуры лингвокультурных концептов в рамках индивидуально-авторской концептосферы текста / И.Н. Кононова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 1. – Т. 7. – С. 138–149.
9. Огнева, Е.А. Социокультурная модель «советское детство» (на материале энциклопедического словаря русского детства С.Б. Борисова) / Е.А. Огнева // Лексикография и коммуникация. – 2018. – Белгород; ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 63–69.
10. Сидоренко, А.В. Язык советского детства / А.В. Сидоренко. – М., Берлин: Директ-Медия, 2016. – 166 с.
11. Cramer, F. Digital code and literary text. Beehive Hypertext / F.Cramer // Hypermedia Literary Journal. 2001.
12. Klarer, M. An introduction to literary studies. – 3d edition. / M. Klarer. – London and New York: Routledge, 2011.
13. Macherey, P. A Theory of Literary production / P. Macherey. – London: Routledge, 2006. – 400 p.
14. Шукшин, В. Далекие зимние вечера / В. Шукшин / Полное собрание сочинений. – URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1010090/60/Shukshin_Polnoe_sobranie_rasskazov_v_odnom_tome.html (дата обращения 02.03.2019)

References

1. Babenko, L.G. (2004). *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza*. [*Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis*]. Moscow. (In Russ.)
2. Bogin, G.I. (1993). *Substancial'naya storona ponimaniya teksta*. [*The substantive side of understanding the text*]. Tver'. (In Russ.)
3. Boguslavskaya, V.V. (2011). *Modelirovanie teksta: lingvosociokul'turnaya koncepciya: monografiya*. [*Modeling of text: linguosociocultural concept*]. M.: URSS. (In Russ.)
4. Boldyrev, N.N. (2016). Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretacii. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive schemes of language interpretation. *Questions of cognitive linguistics*], 4, 10–20. (In Russ.)
5. Bolotnova, N.S. (2015). Leksicheskaya regulyativnost' teksta i ego konceptosfera. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. [Lexical regularity of the text and its conceptosphere. *Cognitive studies of language*], XXII, 322–324. (In Russ.).
6. Valgina, N.S. (2003). *Teoriya teksta*. [*The theory of the text*]. M.: Logos 2003. (In Russ.)
7. Gal'perin, I.R. (2007). *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. [*Text as an object of linguistic research*]. 5-e izd., ster. M.: Nauka. (In Russ.)
8. Kononova, I.N. (2015). O tipah transformacii struktury lingvokul'turnyh konceptov v ramkah individual'no-avtorskoj konceptosfery teksta. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. [On the types of transformation of the structure of linguocultural concepts within the framework of the individual author's conceptosphere of the text. *Vestnik LSU named after A. S. Pushkin*], 1. V.7, 138-149. (In Russ.)
9. Ogneva, E.A. (2018). Sociokul'turnaya model' «sovetskoe detstvo» (na materiale ehnciklopedicheskogo slovarya russkogo detstva S.B. Borisova). *Leksikografiya i kommunikaciya*. [Socio-cultural model "Soviet childhood" (based on the encyclopedic dictionary of Russian childhood S. B. Borisov). *Lexicography and communication*]. 2018. Belgorod; ID «Belgorod» NIU «BelGU», 63-69. (In Russ.)
10. Sidorenko, A.V. (2016). *Yazyk sovetskogo detstva*. [*Language of Soviet childhood*]. M., Berlin: Direkt-Mediya. (In Russ.)
11.Cramer, F. (2001). Digital code and literary text. Beehive Hypertext. *Hypermedia Literary Journal*. 2001.
12. Klarer, M. (2011). *An introduction to literary studies*. 3d edition. London and New York: Routledge, 2011.
13. Macherey, P. A. (2006). *Theory of Literary production*. London: Routledge, 2006.
14. Shukshin, V. Dalekie zimnie vechera. *Polnoe sobranie sochinenij*. [Distant winter evenings. *Complete works*]. Retrieved June 02.03.2019 from:: https://www.e-reading.club/chapter.php/1010090/60/Shukshin_ (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 81’367.7

ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ ПОСРЕДСТВОМ БЕЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ (на материале романа И.П. Шамякина «Снежные зимы» и его перевода на русский язык)

П.Е. Ахраменко
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П.Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail piter2105@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается функционирование и значимость безличных синтаксических конструкций на примере белорусскоязычного текста романа И. П. Шамякина «Снежные зимы» и его перевода на русский язык как средство отражения языковой картины мира. Обозначаются особенности их перевода с белорусского на русский язык: сходство и случаи несоответствия при переводе безличных синтаксических построений. Показываются различия смысловых единиц при обозначении действительности. Отмечаются причины выбора безличных или личных синтаксических единиц при описании реалий действительности в художественных текстах.

Ключевые слова: безличные единицы, языковая картина мира, субъект, объект, предикат, смысловое поле.

TRANSMISSION FORMS OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN THE RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES THROUGH THE INDIVIDUAL SYNTACTIC CONSTRUCTIONS (ON THE MATERIAL OF ROMAN I.P. SHAMYAKIN «SNOW WINTERS» AND TRANSFER IT TO RUSSIAN)

P.E. Akhramenko
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail piter2105@yandex.ru

Annotation: The article discusses the functioning and significance of impersonal syntactic constructions on the example of the Belarusian-language text of the novel by I. P. Shamyakin “Snowy Winters” and its translation into Russian as a means of reflecting the linguistic picture of the world. The features of their translation from Belarusian into Russian are indicated: similarities and inconsistencies in the translation of impersonal syntactic constructions. Shows the differences in semantic units in the designation of reality. The reasons for the choice of impersonal or personal syntactic units when describing the realities of reality in literary texts are noted.

Key words: impersonal units, linguistic picture of the world, subject, object, predicate, semantic field.

И.П. Шамякин – белорусский писатель. Но «его имя хорошо знают и любят не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами благодаря тому, что его произведения были переведены на другие языки. Например, отдельным шеститомным собранием изданы его повести и романы в переводе на русский язык в Москве, куда вошли его книги «Сердце на ладони», «Снежные зимы», «Атланты и кариатиды» и многие другие» [7] Произведения И.П. Шамякина отличаются глубиной понимания жизни, добрым отношением к человеку. [8] Стиль писателя впечатляет широтой диапазона, он соединил утонченный лиризм и реалистично-аналитическое исследование жизни,

психологию человека. Особую изюминку книгам придают образные средства – поэтические, живописные. Хорошо владея живым народным белорусским языком, автор в своих произведениях активно употребляет различные типы синтаксических конструкций, в том числе безличных. [9]

Обмен знаниями между людьми служит для формирования и пополнения представления об общей картине мира. Память каждого человека хранит общий код языка, свойственный для данного языкового коллектива; общее знание языковых единиц и правил, представление об окружающей реальности служит специальной программой, управляющей коммуникативным поведением [10, с. 13].

В различных языковых структурах выделяются смысловые единицы языка, а именно значения. Они различаются между собой и характеризуются каждое своим местом в языковой системе. В этих структурах кристаллизуется бесконечное множество элементов опыта, представлений и понятий (концептов). Но смысловые пространства в разных языках в связи с различиями в культурах соответствующих этносоциальных коллективов неодинаковы [10, с. 5].

В.Г. Адмони отмечает, что «не только лексическое значение и обобщенное содержание отдельных слов, словоформ и частей речи отражает реальный мир, реальную действительность, но и грамматическая структура предложения как целостной единицы. Логико-грамматические типы предложения представляются им как грамматические структуры, в форме которых отражается логическое содержание, т.е. закрепившиеся в человеческом сознании установленные связи и отношения объективной действительности» [1, с. 7].

Относительно порождения высказывания и о приоритете синтаксического плана перед семантическим представлением говорит В.М. Солнцев. По его мнению, «именно синтаксис, приводит к пониманию того, как формируется смысл». Он отмечает, что любое новое высказывание строится в соответствии с синтаксической моделью (схемой, конструкцией), которая известна говорящему и которую он хочет обозначить. Эти конструкции, которые наполнены соответствующей лексикой – результат осознания какой-то конкретной типичной ситуации. Для выражения определенной мысли говорящий в соответствии с коммуникативными заданием выбирает одну из известных ему моделей или конструкций предложений. В модели-предложении осуществляется заполнение мест определенной лексикой. [9, с. 208, 298, 289].

Логические схемы обыденного мышления встроены в язык. Языки обращаются с ними по-разному, расширяя возможности одних и отодвигая в тень другие. В этом сказывается, по В. фон Гумбольдту, духовная индивидуальность нации, та «живость языкового сознания, которая превращает язык в зеркало мира» [3, с. 793].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. [2, с. 38-39]

А. Вежбицкая в своей работе «Язык. Культура. Познание» отмечает, что каждый язык образует свою «семантическую вселенную», сочувственно цитируя Цветаеву – «иные вещи на ином языке не мыслятся» Не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом. [5, с. 21].

Ключевыми концептами русского языка, по А.Вежбицкой, являются эмоциональность, иррациональность, любовь к морали [5, с. 33].

Данные концепты могут находить выражение на уровне синтаксиса, в частности, посредством употребления безличных предложений. Безусловно, нагляднее особенности языка проявляются на уровне лексики и фразеологии, синтаксические же особенности отмечаются не так ярко, не сразу бросаются в глаза, а воспринимаются опосредованно через различия в мировосприятии. А. Вежбицкая отмечает, что под концептом понимается не только «…единица памяти ментального лексикона», но и единица универсального «синтаксиса человеческих мыслей» [4, с. 55].

Категория личности-безличности зависит от выбора говорящего, точнее, воплощает этот выбор самим фактом существования говорящего и произносимой им речи.

Субъект личного предложения объединяет в себе две роли – агенса и источника силы (каузатора или исполнителя действия). В безличных предложениях они разведены. Первые антропоцентричны, вторые энергоцентричны. В первых основной фигурой является человек, во вторых – некоторая сила, локализуемая вне или внутри человека. Сила остаётся за кадром: она представлена нулём [3, с. 796].

Существует несколько разрядов действий, над которыми не властен человек. Это действия-реакции – физические, психические и психофизические, действия-девиации – промахи или ошибки, действия-капитуляции, действия-порывы и некоторые другие. Источником действия является некоторая сила, движущая человеком. Обычно речь идёт об отклонении от нормы, ненамеренных, нецелеустремлённых и нежелательных для действующего лица.

Непроизвольные акции имеют причину (мотив, стимул), но не цель.

Безличные предложения отражают модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие типичному положению дел: занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен. Он подчинён некоторой – внешней или внутренней – силе. Русский язык выделяет два основных типа таких ситуаций: «пассивный» и «активный» [3, с. 806].

В смысловое поле русского языка входят два соотносительных понятия – стихия и воля. Первое относится к миру природы, второе – к миру человека. Стихия и воля образуют тот концептуальный фон, на котором вырисовывается значение безличных предложений. Фактор стихии проявляет себя в предложениях типа: *Занесло, Вырвалось*; фактор воли – в модели: *Не пишется, Хорошо работается*, *Не уходилось что-то*. Стихия действует активно, воля – пассивно. Неуправляемость действия переводит его в класс событий. Неуправляемое действие не производится, а происходит. [3, с. 814].

Если человеку везет, его действия успешны. Если они рассогласованы с ситуацией, он отказывается от борьбы, подчиняется силе обстоятельств. Если ему не спится, он не может спать, если не работается, он оставляет попытки работать. Но зато если он действует в согласии с ситуацией или внутренним настроем, его ожидает успех.

Безличные предложения в русском и белорусском языках выражают мысли о том, что не находится под властью людей, обозначают не контролируемые ими состояния и действия. Эти значения регулярно выражаются словом категории состояния или безличной формой глагола и объектом в форме дательного или винительного падежа имени существительного:

***Ему было приятно**, что к нему обращались как ко взрослому, помогали ему во всем* [11, с. 45] – ***Яму было прыемна**, што да яго звярталіся, як да дарослага, дапамагалі яму ва ўсім* [12, с. 32].

Данная модель достаточно продуктивна: так русские и белорусы рассказывают о событиях своей жизни, осознавая, что эти события просто случаются в их жизни сами по себе. В этих предложениях эксплицитно отрицается ответственность субъекта за происходящие действия, состояния: состояние или событие представлены как возникающие сами по себе. Субъект фактически не имеет над происходящим никакой власти, ощущается определенный фатализм. Безличные предложения, построенные по данной модели, определяют действие как самодовлеющее, независимое от человека:

***Мне** вчера **показалось**, что ты хотела что-то сказать* [11, с. 12] – *Але ўчора **мне здалося**, што ты хацела нешта мне сказаць* [12, с. 27].

Семантический субъект в форме дательного падежа в подобных конструкциях может и не употребляться:

*А еще почему-то **показалось**, что солнце оторвалось от неба* [11, с. 23] – *А яшчэ чамусьці **здалося**, што сонца адарвалася ад неба* [12, с. 41]; *Как он ломает голову над этим! Даже **захотелось** помочь ему в его поисках. Но как? Это все равно что иголку в стогу сена искать* [11, с. 169] – *Як ён ломіць галаву – каб адшукаць яго. Ажно **захацелася** памагчы яму. Але як? Гэта што іголку ў сене шукаць* [12, с. 181].

Предикат безличного предложения может быть выражен фразеологическим оборотом. При таком употреблении фразеологизм должен иметь глагольную форму:

Со своими надо держать ухо востро [11, с. 102] – Са сваімі трэба вуха трымаць востра [12, с. 112].

Активно в художественных текстах функционируют конструкции с безличным компонентом со значенем действия, осуществляемого мифической силой. В таких построениях вообще отсутствует дательный субъекта, а имеется лишь дательный, обозначающий объект-лицо, на которое направлено действие мифической силы. регулярно в таких построениях упоребляются безличные глаголы «везет, повезло»:

*Кому из его ровесников **повезло** через четыре года после института стать главным агрономом лучшего в области совхоза* [11, с. 17] – *Каму з яго равеснікаў **пашанцавала** праз чатыры гады пасля інстытута стаць галоўным аграномам лепшага ў вобласці саўгаса* [12, с. 6].

Как видим, различия в построении синтаксических единиц отмечаются на лексическом уровне:

Так стоит ли из-за мелочи, из-за какого-то одного дома, ткнуть секретарю обкома в нос, что он подкинул архитектурно-сомнительную идею – потребительскую однодневку [11, с. 151] – Дык ці варта з-за дробязі, з-за нейкага аднаго дома, кальнуць сакратару абкома ў вочы, што той падкінуў архітэктурна-сумніцельную ідэю – спажывецкую аднадзёнку [12, с. 177]; Случается так, что встречаются двое и с первого взгляда полюбят друг друга или подружатся – водой не разлить [11, с. 50] – Здараецца ж так, што сустрэнуцца двое і з першага позірку пакахаюць адно аднаго ці пасябруюць – вадой не разліць [12, с. 56].

В художественных текстах, в большинстве случаев, безличные единицы в русском и белорусском языках, отражая на синтаксическом уровне объективную реальность, обозначают самопроизвольно возникающие действия или состояния, отношение субъекта к происходящему.

В культуре русского и белорусского народов мировосприятие ощущений и передача различных состояний осуществляется схожими синтаксическими средствами. Отражение языковой картины мира посредством безличных

синтаксических единиц передается однотипными конструкциями. Беларусь и Россия не просто дружественные государства, которые связывают союзнические отношения. Это страны Русской цивилизации, а белорусы и великороссы – ветви одного народа. Родство же народов, их общие корни проявляются, прежде всего, в их языках.

Литература

1. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения / В.Г. Адмони. – Л., 1973.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян. – Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 38–39.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 228 с.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Иван Петрович Шамякин: биография [Электронный ресурс]. Режим доступа 19.03.2019: http://www.people.su/123580
7. Народный писатель Беларуси Иван Шамякин: «Не меняется только земля» [Электронный ресурс]. Режим доступа 05.03.2019: http://www.bel-jurist.com/page/shamyakin.
8. Он всегда писал о добрых людях... [Электронный ресурс]. Режим доступа 15.03.2019: http://www.sb.by/kultura/article/on-vsegda-pisal-o-dobrykh-lyudyakh-.html.
9. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
10. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения / И.П. Сусов. – Тула: Тульский госпединститут им. Л.Н. Толстого, 1973. — 141 с..
11. Шамякин, И. Сердце на ладони: Роман [Авториз пер. с белорус. А. и З. Островских] / И. Шамякин. – Минск: Маст. літ., 1974. – 400 с.
12. Шамякін, І. Выбраныя творы. У 3 т. – Т.1. / І. Шамякін. – Мінск: Маст. літ, 1992. – 541 с.

References

1. Admoni, V.G. (1973). *Sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka: Sistema otnoshenij i sistema postroenija*. [*The syntax of the modern German language: the System of relations and the system of construction*]. Leningrad, (In Russ).
2. Apresjan, Ju. D. (1995) Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija. *Voprosy jazykoznanija*. [The image of a person according to the language: an attempt to describe the system. *Questions of linguistics*]. 1. 38–39.
3. Arutjunova, N. D. (1999) *Jazyk i mir cheloveka*. [*Language and the world of man*]. Moskow. (In Russ)
4. Vezhbickaja, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov*. [*Understanding cultures through key words*]. Moskow. (In Russ)
5. Vezhbickaja, A. (1996) *Jazyk. Kul'tura. Poznanie*. [*Understanding cultures through key words*]. Moskow. (In Russ).
6. Ivan Petrovich Shamjakin: biografija [Jelektronnyj resurs]. Retrieved 19.03.2019 from: http://www.people.su/123580.
7. Narodnyj pisatel' Belarusi Ivan Shamjakin: «Ne menjaetsja tol'ko zemlja» [Jelektronnyj resurs]. Retrieved 05.03.2019. from: http://www.bel-jurist.com/page/shamyakin.
8. On vsegda pisal o dobryh ljudjah... [Jelektronnyj resurs]. Retrieved 15.03.2019: http://www.sb.by/kultura/article/on-vsegda-pisal-o-dobrykh-lyudyakh-.html.
9. Solncev, V.M. (1971) *Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie*. [*Language as a system-structural education*]. Moskow. (In Russ).
10. Susov, I. P. (1973) *Semanticheskaja struktura predlozhenija*. [*Semantic structure of the sentence*]. Tula. (In Russ).
11. Shamjakin, I. (1974) *Serdce na ladoni: Roman*. [*Heart of palm: a novel*]. Minsk. (In Russ).
12. Shamjakin, I. (1992) *Vybranyja tvory*. [*Selected works*]. U 3 v.– V.1. Minsk, (In Beloruss).

УДК 811.161.3’373.44:821.161.3

УСТАРЭЛАЯ БЫТАВАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ ЯК КАМПАНЕНТ МАСТАЦКАГА ЭТНАГРАФІЗМУ (на матэрыяле рамана В. Іпатавай «Залатая жрыца Ашвінаў»)

Н.А.Барысенка

дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры
беларускай і рускай філалогіі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: nat-1971@tut.by

Устарэлая лексіка, ужытая ў мастацкім творы пра мінулае, дазваляе стварыць моўны каларыт эпохі, зрабіць апавяданне праўдзівым і гістарычна дакладным. Раман Вольгі Іпатавай “Залатая жрыца Ашвінаў” адметны шырокім уключэннем у змест гістарычнага апавядання этнаграфічнага матэрыялу, што спрыяе тыпізацыі месца дзеяння, абставін, персанажаў. Такі прыём мастацкага этнаграфізму дапамагае выкарыстаць апісанне побыту народа як спосаб выяўлення нацыянальнага быцця ў рэпрэзентацыі гістарычных падзей.

Адным з яскравых кампанентаў этнаграфічнага кантэксту з’яўляюцца ўстарэлыя назвы адзення, абутку, галаўных убораў. У артыкуле названая група ўстарэлай бытавой тэрміналогіі аналізуецца ў этымалагічным, семантычным аспекце, выяўляюцца вобразныя магчымасці некаторых найменняў.
Ключавыя словы: мастацкі этнаграфізм, устарэлая лексіка, гістарызм, архаізм, экзатызм.

OBSOLETE HOUSEHOLD TERMINOLOGY AS A COMPONENT OF EXPRESSIVE ETHNOGRAPHIZM (based on the novel by V. Ipatava "Golden priestess of the Ashvins»)

N.A. Borisenko
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: nat-1971@tut.by

Obsolete vocabulary used in the literary work about the past allows to create the linguistic characteristics of the epoch, make the story truthful and historically precise. The novel “Golden priestess of the Ashvins” by Volga Ipatava is remarkable for its wide inclusion of ethnographic material in the historical narrative, it contributes to the classification of the scene, circumstances and characters. Such means of expressive ethnographism helps to use the description of the life of people as a way of the defining the national existence in the representation of historical events.

One of the vivid components of the ethnographic context can be the obsolete names of clothes, shoes, headwear. The vocabulary of obsolete household terminology is analyzed in the etymological and semantic aspects, the imagery possibilities of some words are revealed.
Keywords: expressive ethnographism, obsolete words, historicism, archaism, exoticism.

Уводзіны

Устарэлая лексіка ў мастацкім тэксце гістарычнага жанру – выразны стылістычны сродак. З яе дапамогай ствараецца моўны каларыт эпохі, апавяданне становіцца праўдзівым і гістарычна дакладным. Мастацкае апісанне даўно мінулых падзей патрабуе ад пісьменніка значных творчых намаганняў: не толькі ведаць канкрэтныя гістарычныя факты, але і зрабіць персанажаў як мага больш рэальнымі.

У сучаснай беларускай прозе пашыраецца тэндэнцыя ўключэння ў змест гістарычных твораў матэрыялаў этнаграфічнага характару. Такі падыход да этнаграфічнага як знешняй праявы нацыянальнага, да побыту народа як адной з граней нацыянальнага быцця дае магчымасць шырока выкарыстоўваць этна-эстэтычны кантэкст для рэпрэзентацыі беларускай рэчаіснасці ў яе зменлівым руху. Спроба рэалізацыі мастацкага этнаграфізму ў гістарычнай прозе ў многім садзейнічае пашырэнню межаў факталагічнага асваення нацыянальнага свету. Этнаграфічны кантэкст у творах пра мінулае тыпізуе абставіны, персанажаў, месца дзеяння, «працуе» на рамантызацыю нацыянальнай рэчаіснасці [1].

Раман Вольгі Іпатавай “Залатая жрыца Ашвінаў” з трылогіі “Гаспадары Вялікага Княства Літоўскага” прысвечаны падзеям вірлівай эпохі праўлення Міндоўга. У аснову твора лягло асэнсаванне дахрысціянскіх вераванняў беларусаў, іх пакланення блізнятам Ашвінам, якія адольваюць нячыстую сілу [3]. Персанажы рамана дзейнічаюць у складаны гістарычны перыяд імклівых перамен, калі язычніцкі культ паступова выцясняўся хрысціянствам. Мастацкі этнаграфізм у творы Вольгі Іпатавай фактаграфічна і эмацыянальна прадстаўляе эпоху і герояў, пры гэтым пісьменніца выбірае яркія, малавядомыя, запамінальныя дэталі [1]. Ролю такіх дэталяў, на нашу думку, удала выконвае і ўстарэлая бытавая тэрміналогія, якая, арганічна ўключаючыся ў кантэкст, дае ўяўленне аб назвах старадаўняга адзення, абутку, галаўных убораў.

Мэта і задачы

У артыкуле ставіцца мэта выявіць ролю ўстарэлых назваў адзення, абутку, галаўных убораў у стварэнні этнаграфічнай прасторы ў мастацкім тэксце гістарычнага жанру.

Метады і матэрыял даследавання

У адпаведнасці з мэтай адбор фактычнага матэрыялу ажыццяўляўся са зместу рамана Вольгі Іпатавай “Залатая жрыца Ашвінаў”. Выкарыстаны дэскрыптыўна-аналітычны метад.

Вынікі і іх абмеркаванне

У рамане “Залатая жрыца Ашвінаў”, як ужо адзначалася, дзейнічаюць рэальныя гістарычныя асобы, таму зразумела, што пісьменніца ўдзяляе шмат ўвагі іх знешняму выгляду. Па гэтай прычыне група даўніх найменняў адзення, абутку, галаўных убораў даволі значная па колькасці. Адзначаныя найменні выконваюць не толькі чыста намінатыўную функцыю: старанна, дэталёва апісаныя, яны даюць магчымасць выразна ўяўляць дзеючых персанажаў.

Група назваў адзення служыць для апісання знешняга выгляду асоб рознай класавай прыналежнасці.

Андарак [ст.-бел. *индеракъ*; ням. *Unterrock*] – даматканая суконная спадніца [6, с. 36]: *На **андараку** былі нашытыя тоўстымі барвовымі*

нітамі такія ж кветкі; Шчабятала маладая румяная таўстуха ў карычневай сукні і клятчастым ***андараку*** *з белымі фальбонамі* [5].

Балахон – вопратка з парусіны, палатна свабоднага крою, якую раней насілі сяляне [6, с. 56]: *Павярнуўся і лёгка пакрочыў па мяккай пыльнай дарозе – невысокі, каржакаваты, у суконным* ***балахоне*** *і са скураной торбай за плячыма, дзе ляжалі саф'янавыя боты і шаўковы халат* [5].

Уяўленне аб даўнейшай двухбортнай мужчынскай і жаночай верхняй адзежыне з доўгімі поламі і падоўжанымі рукавамі дае найменне ***каптан*** [тур., кр.-тат. *kaftan*, ад перс. *kafta*]: *Відэвут заўважыў спіну танклявага юнака ў барвовым* ***каптане****, які мільгаў з-пад шэрага ваўнянага карзна; Немалады грэк у шаўковым* ***каптане****, вышытым жоўтымі грыфонамі, вывучаў рабыню; Стаялі знатныя візантыйцы – у шаўковых* ***каптанах****, вышытых выявамі залатых звяроў* [5]. Нягледзячы на наяўнасць у апісанні азначэння "з доўгімі поламі", пісьменніца ўжывае спалучэнне *кароткія каптанчыкі*, маючы на ўвазе, відаць, верхняе адзенне наогул: ***Кароткія каптанчыкі****, таксама падбітыя футрам, альбо накідкі-футры былі самых наймодных колераў, гэтак жа як і павоі на жаночых галоўках, і вяночкі, і бісерныя павязкі* [5].

Лексема ***карзно*** [венг. *kraža* 'від адзення', ад асец. *kærc* 'мех'] называе плашч з мехавой аблямоўкай [8, т. 2, с. 327]: *У чырвоным* ***карзне****, з-пад якога выглядала белая кашуля з залатым амулетам-змеевіком на грудзях, велічна ішоў Міндоўг; Яна, захутаўшыся ў* ***карзно****, лягла ў куце далей ад ложка і неўзабаве заснула таксама* [5]. Лексема ***карзно*** выконвае ў тэксце рамана не толькі чыста намінатыўную функцыю, у спалучэнні з дакладна падабранымі азначэннямі дае магчымасць як уявіць знешні выгляд персанажа, так і беспамылкова вызначыць яго класавую прыналежнасць: *Агапій, высокі, плячысты, узвышаўся над субяседнікамі, сярод якіх стольнік убачыў многіх славутых людзей новагародскіх, апранутых па-святочнаму: у кашулі з атласу чырвонага, сіняга, зялёнага колеру, высокія шапкі, аблямаваныя футрам; і на кожным было то асляпляльна-бліскучае, то высакародна-матавае багатае карзно-плашч, што замацоўваецца на плячы сярэбранай ці бронзавай фібулай* [5]. З мэтай тлумачэння аналізуемага архаізма пісьменніца выкарыстоўвае ў кантэксце сінонім з сучаснай мовы – *плашч*.

Найменне ***карзно-плашч*** ужываецца ў рамане і як назва абрадавага атрыбуту, што рабіўся з галінак дрэва: *А ў селішчах плялі для самай прыгожай дзяўчыны* ***карзно****-плашч з зялёных галінак, у якім яна сядзіць пад бярозай, дзе скачуць хлопцы і дзяўчаты, спяваюць-гукаюць шчасце* [5].

Архаізм ***нагавіцы*** [ст.-бел. *ноговицы*] называе адну з асноўных частак традыцыйнага мужчынскага адзення беларусаў – штаны [6, с. 348]: *Хто ў* ***нагавіцах****, хто ў адной кашулі, купцы і ахоўнікі адчайна супраціўляліся прышлым* [5].

Шальвары [ст.-бел. *шаловары*; укр. уст. *шальвари*; тур. *šelvar* < перс. *šelvar*] – шырокія штаны асаблівага крою, звычайна запраўленыя ў халявы; шаравары [6, с. 585]: *Бліскучы ліф з абаяра – персідскага шоўку – ледзь закрываў вялікія грудзі,* ***шальвары*** *з той жа тканіны пачыналіся ніжэй пупка* [5].

Паколькі дзеянне рамана адбываецца не толькі на тэрыторыі старадаўняй Беларусі, але на тэрыторыі Візантыйскай імперыі, то групу прааналізаваных лексем дапаўняюць экзатызмы.

Дзівіцісія – парадная вопратка [6, с. 159]: *Віселі дзібаджы,* ***дзівіцісіі****, скарамангіі*; *А ён ужо ішоў – у барвовым* ***дзівіцісіі****, з мантыяй, шытай золатам, што ляжала на мажных, пульхных плячах, у барвовых ботах* [5].

Скарамангій – верхняе адзенне вышэйшых саноўнікаў Візантыі накшталт каптана: *Стаялі каштоўныя, шытыя золатам пантофлі былых уладальніц старадаўняга маёнтка, віселі дзібаджы, дзівіцісіі,* ***скарамангіі*** [5].

Туніка [лац. *tunica*] – старажытнарымскае адзенне накшталт кашулі, якое насілі пад тогай [2, т. 2, с. 491]: *Нёс чашу з вадой і крапілам з лісця вайі стары дыякан, чый стыхар быў якраз таго ж ліловага шоўку, як і* ***туніка*** *камітэсы; Высакародны Нікіфар папрасіў, каб пані сама выбрала сабе тканіну на* ***туніку****; Яна ў сціплай* ***туніцы*** *і з тым жа бранзалетам з'явілася ў парадным* [5]. Сучасная беларуская лексічная сістэма ўключае ўжыванне найменне *туніка* са значэннем 'касцюм танцоўшчыцы ў выглядзе ліфа і доўгай спадніцы з цюлю' [2, т. 2, с. 491].

Сінанімічным па значэнні з'яўляецца найменне ***стола*** (ст.-грэч. *στολή; stola*) – у старажытных рымлян адзенне матроны: туніка, якая надзявалася зверху сподняй тунікі і даходзіла да шчыкалаткі. Першапачаткова гэта запазычанне са старажытнагрэчаскай мовы абазначала наогул усякае адзенне, не толькі жаночае, але і мужчынскае [9]: ***Стола*** *на ёй была з самай таннай, грубай бавоўны, працёртая да празрыстасці* [5].

Хітон [грэч. *chiton*] – мужчынскае і жаночае адзенне старажытных грэкаў – доўгая і шырокая сарочка, часцей без рукавоў, якая падпяразвалася з напускам [7, т. 5, кн. 2, с. 197]: *Стольнік толькі пакруціў галавой, агледзеўшы баярынь: парчовыя і шаўковыя* ***хітоны****, упрыгожаныя залатой тасьмой, паласой з жэмчугу ці проста абшытыя каштоўнымі камянямі, што яны пераліваліся на сукнях, як кропелькі ранішняй расы*; *Любіў Нікіфар выходзіць на людзі з прыгажуняй жонкай, калі, апранутая ў святочны* ***хітон****, зззяючы каштоўнымі каменнямі, садзілася яна ў ложу коміта блізка да імператара*. Разглядаемае найменне ўключаецца ў змест апавядання з

метафарычным значэннем: *Чорная хмара, здавалася,* ***зачапілася сваім хітонам*** *за крыж на велічным храме Сафіі, а заліў Басфора за ёю быў свінцова-шэрым і непрыветным* [5].

Хламіда [грэч. *chlamus, -ydos*] – у старажытных грэкаў і рымлян – прамавугольны плашч з засцежкай на правым плячы або на грудзях [7, т. 5, кн. 2, с. 199]: *Шыракалобы, мажны, як бык, у жалезным панцыры на грудзях і кароткіх скураных штанах, прыкрытых, пакуль ён дрэмле, цёплай ваўнянай* ***хламідай****, гемілахіт слухае пасланніка коміта* [5]. Знешні выгляд гэтага адзення стаў падставай для шырокага ўжывання ў сучаснай мове слова *хламіда* ў размоўным стылі і з пераносным значэннем ‘нязграбная шырокая і доўгая адзежына’ [7, т. 5, кн. 2, с. 199].

Цікава, што акрамя канкрэтных назваў адзення, у мастацкае апісанне арганічна ўваходзяць ўстарэлыя назвы тканін. Прычым тлумачэнне гэтых назваў уключаецца пісьменніцай ў мастацкае апавяданне ў якасці прыдаткаў, каб спрасціць разуменне зместу.

Абаяр – персідскі шоўк [6, с. 20]: *Бліскучы ліф з* ***абаяра*** *– персідскага шоўку – ледзь закрываў вялікія грудзі, шальвары з той жа тканіны пачыналіся ніжэй пупка* [5].

Байбэрак [ст-руск. *баиберекъ, бамберекъ, банберекъ*] – тканіна з кручанага шоўку, з залатым ці срэбраным узорам або гладкая [6, с. 54]: *Ёй давялося амаль цэлую ноч сядзець над жалобным уборам, робячы вялікую чорную накрыўку з падоранага* ***байбэрэка*** *– кручанага шоўку* [5].

У рамане вылучаецца невялікая група слоў, з дапамогай якіх апісваюцца даўнейшыя галаўныя ўборы.

Каптур [ст.-бел. *каптуръ, коптуръ*] – да пачатку XX ст. у цэнтральнай і Заходняй Беларусі – традыцыйны галаўны ўбор усіх замужніх жанчын [6, с. 235]: *Хочацца, каб ты надзела белы строй і залаты парчовы* ***каптур****, такі самы, якія ў цябе валасы* [5]. Сюды ж далучаецца найменне з памяншальна-ласкальным значэннем ***каптурык***: *Сёстры дасюль шаўковыя* ***каптурыкі*** *з тых тканін носяць*; *Разглядалі тоўстую попельную касу, замацаваную на патыліцы шпількамі з эмалевымі галоўкамі, што выглядалі з-пад шытага срэбрам* ***каптурыка*** *– невысокай шапачкі з вушкамі, таксама нязвыклай для мясцовых прыгажунь* [5]. Як бачым, у слоўніку архаізмаў і гістарызмаў толькі сцвярджаецца наяўнасць гэтага галаўнога ўбору і яго назвы ў старажытнасці, а пісьменніца, клапоцячыся пра даступнасць зместу для чытача, прыводзіць нават апісанне яго знешняга выгляду.

Намітка – даўні галаўны ўбор замужніх жанчын: *А відовішча было надзвычай прыгожае: смарагдамі, яшмай ці вірэламі абсыпаныя паясы,* ***наміткі****, бранзалеты залатыя ці шкляныя трохгранныя; Ткалі лён на белыя* ***наміткі****, ручніковыя ўборы, вышывалі іх альбо аблямоўвалі сярэбранымі і жалезнымі бляшкамі* [5]. Са зместу прыведзенага ілюстрацыйнага матэрыялу становіцца зразумелым, што для вырабу ***намітак*** выкарыстоўваўся лён.

Архаізм ***поршні*** ўжываецца для намінацыі даўняга мяккага сялянскага абутку з цэлага кавалка скуры, які насіўся з анучамі і прывязваўся да ног аборамі [7, т. 4, с. 87]: *Ногі ў скураных* ***поршнях*** *заторгаліся, моцнымі рукамі хворая абаперлася на сваіх суправаджальнікаў* [5].

Як відаць з прааналізаванага матэрыялу, у рамане пісьменніца даволі старанна апісвае знешні выгляд герояў: выкарыстоўвае назвы адзення, абутку, галаўных убораў адпаведнага гістарычнага перыяду; клапоцячыся пра чытача, спрабуе разнастайныя спосабы іх тлумачэння. З дапамогай азначэнняў у апісаннях адзення можна беспамылкова вызначыць класавую прыналежнасць асобы: *у шаўковым каптане, вышытым жоўтымі грыфонамі*; *у шаўковых каптанах, вышытых выявамі залатых звяроў*; *на кожным было то асляпляльна-бліскучае, то высакародна-матавае багатае карзно-плашч, што замацоўваецца на плячы сярэбранай ці бронзавай фібулай*; *парчовыя і шаўковыя хітоны, упрыгожаныя залатой тасьмой, паласой з жэмчугу ці проста абшытыя каштоўнымі камянямі*; *апранутая ў святочны хітон, ззяючы каштоўнымі каменнямі*; *выглядалі з-пад шытага срэбрам каптурыка*; *стола на ёй была з самай таннай, грубай бавоўны, працёртая да празрыстасці*.

У артыкуле не аднойчы заўважаецца, што Вольга Іпатава вельмі ўважліва адносіцца да дэталізацыі вопраткі і абутку персанажаў, і гэта нарэшце дае пісьменніцы магчымасць прыйсці да філасофскага вываду, што знешні выгляд усё ж такі не з’яўляецца вызначальным у адносінах паміж людзьмі, ніякае адзенне не дабавіць чалавеку дабрыні і душэўнасці, моц чалавека “не ў парфуме”: *Дзяўчына не пазнала сябе, калі зірнула ў бронзавае люстэрка. Іранічна ўсміхнулася. Колькі значэння надаюць рамеі абрадам! Нельга ісці да імператара, калі на табе не будзе парфумы і пазногці не пакрытыя лакам. Але хіба справа ў гэтым? Яе моц не ў парфуме, і калі суджана перамагчы ў будучым паядынку, то толькі сілай духу. А ў яе сёння ёсць такая сіла, яна верыць, што не зможа імператар загадаць асляпіць ці пакараць яе смерцю. І таму, што не распусніцаю паўстане яна перад ім, а дачкой канюшага, і яшчэ таму, што падвойны знак падалі сёння Ашвіны* [5].

Заключэнне

Разгледжаныя моўныя адзінкі розныя паводле паходжання (старажытнабеларускія, старажытнарускія, лацінскія, венгерскія, грэчаскія назвы). Адрозніваюцца і актыўнасцю функцыянавання: адны з іх перайшлі ў разрад гістарызмаў са знікненнем абазначаемых прадметаў (*каптан*), архаічныя найменні маюць сінонімы ў сучаснай

беларускай мове (*карзно*, *шальвары*, *нагавіцы*), некаторыя вядомы з актуальным значэннем (*туніка*, *хламіда*).

Такім чынам, прааналізаваная ўстарэлая бытавая тэрміналогія, выкарыстаная ў рамане Вольгі Іпатавай “Залатая жрыца Ашвінаў”, – адзін з неабходных сродкаў гістарычнай стылізацыі. Акрамя таго, назвы старадаўняга адзення, абутку, галаўных убораў з’яўляюцца важным кампанентам у стварэнні этнаграфічнага кантэксту, які дазваляе чытачам з выключнай дакладнасцю ўявіць атмасферу рэпрэзентаваных гістарычных падзей.

Літаратура

1. Бароўка, В.Ю. Мастацкі этнаграфізм у сучасным беларускім рамане [Электронны рэсурс] / В.Ю Бароўка. – Рэжым доступу: https:// lib.vsu.by. – Дата доступу: 25.03.2019, 19.00.
2. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў: у 2т. / А. М. Булыка. – Мінск: БелЭн, 1999. – Т. 1. – 736 с.; Т. 2. – 736 с.
3. Валуй, С.С. Мастацкі міфалагізм у трылогіі Вольгі Іпатавай “Гаспадары Вялікага Княства Літоўскага” [Электронны рэсурс] / С.С. Валуй. – Рэжым доступу: https:// lib.vsu.by. – Дата доступу: 25.03.2019, 18.47.
4. Дучыц, Л.У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст. (паводле археалагічных звестак) / Л.У. Дучыц; пад рэд. Г.В. Штыхава. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 80 с.
5. Іпатава, В. Залатая жрыца Ашвінаў [Электронны рэсурс] / В. Іпатава. – Рэжым доступу: https://nemaloknig.com/. – Дата доступу: 20.02.2019.
6. Струкава, С.М. Слоўнік архаізмаў і гістарызмаў (па творах беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі) / С.М. Струкава. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 655 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977 – 1984.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
9. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890—1907. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// ru.wikipedia.org. – Дата доступа: 03.04.2019.

References

1. Baroўka V.Yu. *Mastacki etnagrafizm u suchasnym belaruskim ramane*. Publ. Retrieved March 25 2019 from https:// lib.vsu.by. (In Bel).
2. Bulyka A. M. (1999). *Sloўnik inshamoўnyh sloў.* Minsk: BelEn. (In Bel).
3. Valuj S.S. *Mastacki mifalagizm u trylogii Vol'gi Ipatavaj “Gaspadary Vyalikaga Knyastva Litoўskaga”*. Publ. Retrieved March 25 2019 from https:// lib.vsu.by. (In Bel).
4. Duchyc L.U. (1995). *Kascyum zhyharoў Belarusi X–XIII stst. (pavodle arhealagichnyh zvestak)*. Minsk: Navuka i tekhnika. (In Bel).
5. Ipatava V. *Zalataya zhryca Ashvinaў.* Publ. Retrieved February 20 2019 from https://nemaloknig.com/. (In Bel).
6. Strukava S.M. (2007) *Sloўnik arhaizmaў i gistaryzmaў (pa tvorah belaruskaj mastackaj litaratury i publicystyki).* Minsk: Belarus. navuka. (In Bel).
7. Tlumachal'ny sloўnik belaruskaj movy (1977–1984). Minsk: BelSE. (In Bel).
8. Fasmer M. (1987). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka.* Moscow: Progress. (In Russ).
9. Enciklopedicheskij slovar' (1890–1907). Sankt-Peterburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. Publ. Retrieved April 03 2019 from https:// ru.wikipedia.org. (In Russ).

УДК 37.013.44

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.И. Колбышева

кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник
лаборатории гуманитарного образованияНМУ «Национальный институт образования»
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: kolba68@mail.ru

В статье выделяется проблема смыслообразования вгуманитарной культуре на примере художественного текста; рассматриваются причины, детерминирующие процесс смыслообразованияпри восприятии художественного произведения; выделяются и анализируются контекст и интертекстак основные механизмы процедуры смыслообразования; прослеживается логика развития концепции интертекстуальности и пути ее рационализациивразличных областях научного знания.

Ключевые слова: художественный текст, смысл, смыслообразование, контекст, интертекст, интертекстуальность.

INTERTEXTUALITY IN THE STRUCTURE OF THE ARTISTIC TEXT

S. I. Kolbysheva

candidate of pedagogical Sciences, leading researcher
lab liberal education at NMU is "National Institute of education»
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: kolba68@mail.ru

The article highlights the problem of meaning formation in the humanitarian culture on the example of a literary text; considers the reasons for the process of meaning formation in an artistic work; identifies and analyzes the con-text and intertext as the main mechanisms of the procedure of meaning formation; traces the scientific logic of the development of the concept of intertextuality and the ways of its rationalization at the present time.

Key words:artistic text, meaning, sense formation, context, intertext, intertext.

Введение. В настоящее время в системе гуманитарного знания одной из наиболее обсуждаемых является проблема смыслов художественного текста. Отметив возрастающий интерес к этой проблеме в зарубежных и отечественных научных трудах, крупнейший исследователь основных аспектов смысло-образования Д.А. Леонтьев заявил о втором рождении (или, как минимум, втором дыхании) понятия смысла и подходов к его изучению, и связано это, по мнению автора, с расширением неоднозначности, многослойности, смыслового богатства текста и обозначившейся на рубеже XX–XXIвеков идеи произвольности смыслов, которые может нести произведение искусства [4, с. 104–106].

Цель и задачи.В этой связи считаем важным обратить внимание навзаимосвязь художественного произведения с культурным контекстом, выполняющим ключевую роль как в процедуре смыслообразования, так и в процедуре определения и толкования смыслов.

Методы и материал исследования. Материалом для статьи послужили научные труды в области эстетики, культурологии, искусствознания, психологии, педагогики искусства, в которыхв центре внимания ученых находится художественный текст, а также прослеживается генерирующий потенциал контекста (интертекста) по отношению к смысловому пространству произведения искусства. Основным методом исследования является метод теоретического анализа проблем смыслообразования, контекста и интертекста.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время в системе гуманитарных наук не существует целостной научной позиции о художественном тексте. Однако ученые, занимающиеся данной проблемой, выделилиобщие подходы к изучению смыслового пространстватекста, зашифрованного в виде определенного культурного кода, и предложили ряд стратегий проникновения в его смысловую структуру.

В основу одного из наиболее заметных способов декодирования художественного произведения, оформленного в XX веке, был положен феномен процессуальности искусства. Отечественные ученые М. Бахтин, Ю. Лотман, французские постструктуралисты Р. Барт, Ю. Кристева (и др.)среди закономерностей, которые управляют движением художественного произведения, выделили *интертекстуальность* (термин Ю. Кристевой), т. е функционирование текста в разных культурах, пересечение его семиотической системы с иными системами, взаимосвязь текста с иными текстами в смысловом пространстве. Каждая точка пересечения, по мнению авторов, разрабатывающих данное направление, есть начало нового движения, приводящее к обновлению содержания произведения, появлению новых установок на восприятие, а значит и новых смысловых векторов.

Значение интертекстуальности в создании контекста глубоко раскрыто в работах Ю. Лотмана: «текст подобен зерну, содержащему в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью. Внутренняя не-до-конца-определенность его структуры создает под влиянием контактов с новыми контекстами резерв для его динамики» [5, с. 29]. Ученый показал эволюцию художественного образа от иконнографического уровня, на котором закрепляются устойчивые элементы художественного языка (темы, персонажи, события, трактовки сюжета) доуровня, который в тексте изначально не содержится (явление реинтерпретации).Ю. Кристеваэтапы движения текста очерчивает границами от статики через смысловые оболочки эмоционально-личностных и социокультурных факторов к внутреннему усложнению. Интертекстуальность при таком рассмотрении становится основным маркером подвижности и открытости произведения искусства [4, с. 429]

Существуют разные научные взгляды на пониманиероли создателей интертекстуального пространства. М. Бахтин, например, свое внимание акцентирует на доминирующей ролиреципиента. С этой точки зрения именно слушатель, зритель или читательопределяет творческую интенцию автора и «наращивает» ееновыми или дополнительными смыслами в условиях культурных традиций, в которых сформирована личностьвоспринимающего. Остро вопрос о реципиенте как источнике смысло-образования поставил Р. Барт. Он утверждал, что смысл текста, задуманный творцом, не может восприниматься как неизменный. Функционируя сначала внутри текста, затем между текстами и, позднее, во множестве иных текстов (существующих до и после исходного текста), он объектививируется в сознании воспринимающего, где и соотносится с контекстом – настоящим, предшествующим и будущим [1]. Каждый

отдельный текст Р. Барт считал интертекстом, в котором перемешаны остальные тексты культуры.

Ю. Лотман функциями управления межтекстовыми взаимодействиями наделял сам текст – как носителя и конденсатора культурной памяти, как «метонимии реконструируемого целостного значения» [5, с. 29]. Согласно мнению ученого, текст обретает осмысленность только при наличии «суммы контекстов», т. е. «памяти текста». При этом исследователь обращал внимание на то, что внешний контекст влияет на изменения внутреннего контекста, а значит, он способен менять и объем памяти текста. Память текста, в свою очередь,входит во взаимоотношения с памятью реципиента, чтов конечном результате приводит к появлению (или обновлению)нового интертекста.Текст, таким образом, живет как бы сам по себе помимо сознательной воли автора (Ю. Кристева), и жизнь текста бесконечна (Р. Барт).

Занимая определенное место в диалоге между автором и реципиентом, смысловые конструкции художественного произведения постоянно трансформируются и модифицируются. Полнота текста раскрывается непосредственно в многообразиих взаимопересечений, объем и глубина которых обусловленыобъемом и глубиной контекста и его связей с иными художественными текстами. Мозаика смысловых пересечений, возникающая в сложно фиксируемомдиалоге между автором и реципиентом, и представляет собой то интертекстуальное пространство, благодаря которому и в котором текст становится продуктивным и автономным, поглощая постепенно личность «субъекта письма» [3].

Выводы. Взгляды ученых на проблему взаимодействий «автор – реципиент», «текст – контекст – интертекст» со временем были положены в основу концепции интертекстуальности, получившей широкое распространение в эстетике, культурологии, лингвистике, искусствознании, педагогике искусства. В дальнейшем научная мысль двигаласьпо пути конкретизации поисков способов выявления в художественном тексте следов его взаимодействий с другими текстами; фиксации элементов (системных и внесистемных), которыепредставляют собой часть«всеобщего текста»(или глобального культурного гипертекста) и совпадающие с «текстуализованными действительностью и историей» [2]; разработки технологий чтения текста (с точки зрения автора и реципиента) с учетом социокультурного, исторического и психологического аспектов, предполагающих еще большее количество контекстов, и, следовательно, расширяющих интертекстуальное пространство до бесконечности (Ж. Деррида, Дж. Клейтон, И.П. Ильин и др.).

Литература

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.

2. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – СПб. : Академический проект, 2000. – 432 с.

3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. – М. : Прогресс, 2000. – С. 427–457.

4. Леонтьев, Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт / Д.А. Леонтьев // Мир психологии. – 2014. – № 1 (77). – С. 104–117.

5. Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров / Ю. Лотман. – М. : Азбука-Классика, 1918. – 448 с.

References

1.Bart, R (1989). Smert' avtor. *Izbrannyeraboty: Semiotika*. Pojetika. Moscow, Progress Publ., 384–391. (In Russ).

2.Derrida, Zh. (2000) Pis'mo i razlichie. Saint-Petersburg. :Akademicheskijproekt Publ .(In Russ).

3.Kristeva, Ju. (2000). Bahtin, slovo, dialog i roman. *Francuzskaja semiotika. Otstrukturalizma k poststrukturalizmu*. Moscow, Progress Publ., pp.427–457. (In Russ).

4.Leont'ev, D.A. (2014). Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt. *Mir psihologii*, 1 (77), pp. 104–117. (In Russ).

5.Lotman, Ju. (1998).Vnutri mysljashhih mirov. Moscow. Azbuka-Klassika Publ (In Russ).

УДК 81’373.612.2’42

МЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ «ЭПИГРАФ – ТЕКСТ» (на материале белорусско-русских поэтических взаимосвязей)

С.Б. Кураш,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
e-mail: text2005@mail.ru;

О.Н. Хаками
кандидат филологических наук, педагог,
г. Гейдельберг, Германия
e-mail: hakami@hotmail.de

Интертекстовое поле диалога русской и белорусской поэзии, их образных систем на уровне метафорики является достаточно обширным в отношении пространственно-временных координат («переклички» с текстами классиков и современников, близких и отдалённых лингвокультур) и разнообразным с точки зрения реализации моделей подобного диалогизирования, в том числе и посредством связей «эпиграф – текст». Эпиграф, как текст в тексте, является четким указанием на интертекстуальное взаимодействие произведений. Наличие эпиграфа требует от читателя актуализации претекста и декодирования функции интертекста в структуре всего произведения. Он нацеливает на восприятие не только одного данного текста, но и его претекста с учетом их интертекстуального взаимодействия. Проанализированный в данной статье материал позволяет говорить о единстве лингвокультурного (в данном случае – поэтического) континуума, в пределах которого функционируют как традиционные (архетипические), так и индивидуальные, уникальные, сугубо авторские метафорические построения поэтов – представителей белорусской и русской лингвокультур.

Ключевые слова: метафора, поэтический текст, интертекст, эпиграф, русская поэзия, белорусская поэзия.

METAPHOR IN THE SYSTEM OF INTERTEXTILE RELATIONS «EPIGRAPH – TEXT» (on the material of Belarusian-Russian poetic interrelations)

S.B. Kurash,
Docent, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Belarusian and Russian Philology
Mozyr State Pedagogical University name after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
e-mail: text2005@mail.ru;

O.N. Hakami
Candidate of Philological Sciences, teacher,
Heidelberg, Germany
e-mail: hakami@hotmail.de

The intertextual field of dialogue between Russian and Belarusian poetry, their figurative systems at the level of metaphorics is quite extensive in terms of spatial and temporal coordinates ("roll-calls" with the texts of classics and contemporaries, close and distant linguocultures) and diverse in terms of the implementation of such models of dialogization, including through the links "epigraph – text". The epigraph, as a text in the text, is a clear indication of the intertextual interaction of works. The presence of an epigraph requires the reader to update the pretext and decode the intertext function in the structure of the whole work. It aims at the perception of not only one of this text, but his pretext with regard to their intertextual interactions. The material analyzed in this article allows us to speak about the unity of the linguistic-cultural (in this case – poetic) continuum, within which both traditional (archetypal) and individual, unique, purely author's metaphorical constructions of poets – representatives of the Belarusian and Russian linguistic cultures function.

Key words: metaphor, poetic text, intertext, epigraph, Russian poetry, Belarusian poetry.

Введение

Одним из характерных проявлений интертекстуальности является наличие эпиграфа в тексте. Н.А. Фатеева рассматривает различные варианты отношений между эпиграфом и текстом в системе «заглавие – эпиграф – текст»: эпиграф

может выступать как «цитата-импульс» стихотворения, как посвящение, обращение, «возвращенный собственный текст автора» [Фатеева 2000: 140–142].

Н.А. Кузьмина анализирует источники эпиграфов (фольклорные произведения, афоризмы и т.д.) и квалифицирует «содержательную информацию эпиграфа» как «прогнозирующее, проспективное сообщение об основных тематических, сюжетных, концептуальных линиях следующего за ним текста» [Кузьмина 1999: 227].

Эпиграф, таким образом, можно рассмотреть как самостоятельный текст, который находится в отношениях соотнесённости как с текстом-источником, так и с текстом, в который он включен. Отсюда можно говорить об интертекстуальном взаимодействии трех текстов одновременно: претекст (источник эпиграфа) – эпиграф – текст, в который включен эпиграф.

Интенсивность участия эпиграфа в структурировании текста может быть различной. Для лирических текстов в этом плане наиболее характерны два случая: 1) помимо эпиграфического использования, претекст входит в саму структуру текста, проявляя при этом способность видоизменяться в большей либо меньшей степени; 2) интертекстуальное включение выражено только в форме эпиграфа.

Цели и задачи

В данной статье решается задача выявления и систематизации тех случаев, когда в качестве эпиграфа белорусскими поэтами используются метафоросодержащие фрагменты текстов русских поэтов – как классиков, так и современников.

Результаты и их обсуждение

Структурно-смысловые отношения «эпиграф – текст» могут быть различными, на что обращает внимание Н.В. Кузьмина: «Эпиграф как элемент текста полифункционален, основной и универсальной его функцией как в художественном, так и в нехудожественном тексте является (как у любой цитаты) диалогизирующая: эпиграф – один из способов введения иной точки зрения, иной смысловой позиции» [Кузьмина 1999, с. 148].

1. Во-первых, это развёртывание заложенного в эпиграфе тропеического образа, когда последний становится своеобразной «смысловой пружиной», распрямляющейся в последующем тексте. Так, А. Зарицкий в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Крылы» использует переведённую на белорусский язык строку из стихотворения С. Есенина «Поэтам Грузии» *Яскрава сведчыць вешчы знак: / Паэт паэту ёсць кунак* (в оригинале: *Свидетельствует / Вещий знак: / Поэт поэту / Есть кунак*). В названном тексте А. Зарицкого есенинская метафора родства (поэт – кунак) по сути деметафоризируется и становится основой для развёртывания лирического сюжета – о дружбе белорусского поэта Аркадия Кулешова с кавказскими поэтами Расулом Гамзатовым и Кайсыном Кулиевым.

2. Обратного рода пример демонстрирует текст стихотворения Р. Бородулина “Куды вецер вее “,эпиграфом к которому выступает пушкинская строка *Тучка по небу плывет*, не содержащая какого-либо тропа. У белорусского поэта образ проплывающей по небу тучки встраивается в качестве одного из элементов текстообразующей метафоры, к тому же имеющей национально-культурную маркированность (связанной с чернобыльской тематикой), ср.: *Хмарка небам праплывае, / Незямная чараўніца, / Палавее палавая / Прагнучы распрамяніцца. / Следам, / Як за маладухай, / Шаферамі верталёты / Вухам слухай, / Нюхам нюхай, / Чым закончацца залёты. / А такія заляцанні / Пазначаюцца на карце, / Дзе пральецца, / Дзе прыстане, – / Усе дазіметры на варце. / Расстраляюць маладую, / Толькі не туды скіруе. / І, канаючы, шкадуе / Хмарка ўсю зямлю сырую. / Спланаваная памылка / Небакрай журбой аздобіла, / Не бабылка-чарнабылка – / Гэта хмарка / Ад Чарнобыля.*

3. Ещё один вариант диалога «эпиграф – текст» на метафорическом уровне иллюстрирует стихотворение Галины Дашкевич «Асенняе», которому вновь предпослан эпиграф из известного стихотворения С.Есенина *Тихо льется с кленов листьев медь*: *Што са мною? Слёзы з вачэй, / На дуты — трывогі агонь, / І нічога няма бліжэй, / Чым твой позірк, твая далонь, / І ўладарныя вусны твае, / І срабрысты разліў валасоў. / Часам людзям вясной не стае / Палымяных асенніх слоў. / І не можам тады зразумець, / Явай гэта было ці сном. / ...Льецца лісцяў асенніх медзь, / Грэе сэрца вясновым цяплом.*

В данном случае исходная есенинская метафора воспроизводится белорусским автором фактически без каких-либо структурно-смысловых изменений и так же участвует в реализации мотивов грусти, сожаления, умиротворения.

4. Наконец, фиксируются и такие примеры, которые демонстрируют концептуальное пре-образование исходного метафорического образа, наполнение его дополнительными смысловыми приращениями и помещением в иной содержательный контекст, что, в частности, можно проиллюстрировать приводимым ниже стихотворением А. Письменкова “Пра зоркі”, предваряемым эпиграфом из знаменитного стихотворения М.Ю. Лермонтова *И звезда с звездою говорит* (“Выхожу один я на дорогу…”): *За акіянам усе ахвотней / разважаюць пра «зорныя войны». / З газет / Продкі газет не чыталі – / Продкі чыталі па зорках./ Наіўна свой шлях вызначалі / Па іхняй гаворцы. / Начамі ў пячоры іх чорныя / Заходзілі зорныя сны. / Веру – парою зорнаю / Прыдумалі жорны яны. / Веру – парою зорнаю, / Калі я і сам не сплю, / Прашчур*

мой непакорлівы / Ціха шапнуў: «Люблю!..» / Продкі газет не чыталі — Продкі чыталі па зорках. / Наіўна свой шлях вызначалі / Па іхняй гаворцы. / Святло ліючы непагаснае, / Зоркі не веялі згубаю: / Не страшна было, / не страшна / Зоркаю, зорачкай яснай / Называць сваю любую (А. Письменков).

Как видно, в данном тексте метафорический образ говорящих звёзд дополняется такими смыслами, как “звезда – путеводитель”, “звёздочка – любимая”, “звезда – звёздная война”.

Контрастивная оппозиция в поле белорусско-русского поэтического диалога на уровне метафорики представлена немногочисленными примерами, ср.: *Я не слаўны **Ленскі**, / Ты ж і не **Тацьяна**... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны* (М. Кавыль). Иначе говоря, в координатах «своё – чужое» интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов в весьма редких случаях репрезентируют разнополярные позиции, хотя в целом, за рамками метафорики, примеры такого противопоставления встречаются, ср.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік іншай ліры, / Мне лепш Грахоўскага вершы...* (А. Балутенко).

Если оценивать диалог метафор русских и белорусских поэтов с лингвокультурологической точки зрения, то можно обратить внимание на варианты различного соотношения интер-культурного и интракультурного компонентов в данном интертекстовом пространстве. В частности, как видно из ряда приведённых выше примеров, своеобразный «культурный шов» на стыке диалогизирующих метафорических образов и/или целых текстов в той или иной мере заметен (в максимальной – в примерах с контрастивной оппозицией разнокультурных текстов). Тем не менее восхождение эпиграфа или иного интертекстуального включения хоть и к близкой, но всё же иной лингвокультуре зачастую не обнаруживает подобного “шва”, т.е. “инокультурная составляющая” в посттексте практически нивелируется, ср.:

И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
С. Ясенін

Бывайце. Шчасліва ляцець, журавы,
Хай будзе бясхмарнаю ваша дарога.
Спяшаецца ключ, як на злом галавы,
Нібыта на споведзь да зор і да Бога.

Гляджу і зайздрошчу: няма ў вас граніц,
Над вамі то сонца, то морак настылы,
Нясуць вас праз дождж і агні бліскавіц
Нястомныя, дужыя, лёгкія крылы.
Калі ж вы ў мае завітаеце сны
Пакутам і даўнім трывогам на змену?
Вас будуць чакаць на пачатку вясны...
Даруйце, калі я, магчыма, не стрэну.
(С. Граховский, “Журавы”);

Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно ещё раз было оглянуться...
Барыс Пастарнак

Помняцца першыя словы твае,
Словы апошнія я не ўзгадаю.
Так, як смуга неўзнаку растае,
Ціха расталі,
Пайшлі за гадамі.

Мне не дагнаць іх.
Словы й гады
Рушыць у прочкі надумалі самі.
Дні дагарэлі,
Як дровы з грады.
Сподзеў вазіў
Гэты дровы вазамі.

Болей не грэў нас
З песні камін.
Здаўся на яблынях наквеццю
Шэрас.
І, адыходзячы ў мой успамін,
Мусіла ты
Азірнуцца яшчэ раз...
(Р. Бородулин, “Яшчэ раз…”)

Выводы

Таким образом, эпиграф, как текст в тексте, является четким указанием на интертекстуальное взаимодействие произведений. Наличие эпиграфа требует от читателя актуализации претекста и декодирования функции интертекста в структуре всего произведения. Он нацеливает на восприятие не только одного данного текста, но и его претекста с учетом их интертекстуального взаимодействия. Интертекстовое поле диалога русской и белорусской поэзии, их образных систем на уровне метафорики является достаточно обширным в отношении пространственно-временных координат («переклички» с текстами классиков и современников, близких и отдалённых лингвокультур) и разнообразным с точки зрения реализации моделей подобного диалогизирования, в том числе и посредством связей «эпиграф – текст». В значительной мере это позволяет говорить о единстве культурного (в данном случае – поэтического) континуума, в пределах которого функционируют как традиционные (архетипические), так и индивидуальные, уникальные, сугубо авторские метафорические построения поэтов – представителей белорусской и русской лингвокультур.

Литература

Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 268 с.

References

Fateeva, N.A. (2000). *Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov. [Counterpoint of intertextuality, or Intertext in the world of texts]*. Moskow: Agar. (In Russ).

Kuzmina, N.A. (1999). *Intertekst i ego rol' v processah jevoljucii pojeticheskogo jazyka. [Intertext and its role in the evolution of poetic language]*. Ekaterinburg: Ural University Publ. Omsk: Omsk State University Publ. (In Russ).

УДК 81’42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛОНДОНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Д.А. Лазарева

студентка факультета иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»),
г.Белгород, Россия
E.mail: lasareva1999@mail.ru

В статье анализируется концептосфера романа Чарльза Диккенса «Оливер Твист». Определяется, что одним из базовых концептов является художественный концепт ЛОНДОН. Установлено, что исследуемый концепт состоит из четырех художественных субконцептов: ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА, ВРЕМЯ. КУЛЬТУРА ЛОНДОНА, СОЦИУМ ЛОНДОНА.. Выявлено, что отличительной чертой номинативных полей субконцептов является номинативная плотность.

Ключевые слова: дискурс, номинативное поле, номинативная плотность, концепт, субконцепт, модель, концептосфера, репрезентация, проксемная модель, темпоральная модель.

LONDON’S REPRESENTATION IN THE DISCOURSE OF CHARLES DICKENS

D.A. Lazareva

Student of Foreign Languages Faculty, Pedagogical Institute,
Belgorod National Research University,
Belgorod, Russia

The article analyzes the concept sphere of the novel “Oliver Twist” by Charles Dickens It is determined that one of the basic concepts is the literary concept LONDON. It was established that the studying concept consists of four literary subconcepts: LONDON SPACE, TIME. CULTURE OF LONDON, SOCIUM OF LONDON. It has been revealed that the distinctive feature of subconcepts nominative fields is the nominative density.

Key words: discourse, nominative field, nominative density, concept, subconcept, model, concept sphere, representation, proxamella model, temporal model.

Введение

Художественный дискурс – центральные понятие в современной лингвистике. Дискурс (с французского обозначает - речь) – это текст, который связан по смыслу совокупностью таких элементов, как: экстралингвистические факторы, социальные, культурные, прагматическими, психологические. Проблема изучения дискурса является новой для лингвистики, именно поэтому важность ее исследования так высока [2. с. 10].

В данной работе рассматриваются способы репрезентации Лондона в художественном дискурсе, а именно в романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист» [8]. Роман рассматривается в качестве концептосферы, а Лондон – рассматриваемый концепт. Также нами рассматривается номинативная плотность концепта.

Цели и задачи

Цель – проанализировать концепт ЛОНДОН в произведении «Оливер Твист» Чарльза Диккенса.

Задачи:

1. Рассмотреть основные понятия
2. Исследовать четыре субконцепта
3. Выявить номинативное поле
4. Определить номинанивную плотность концепта ЛОНД

Методы и материал исследования

В процессе работы мы использовали когнитивно-герменевтический метод исследования, который помог нам более глубоко изучить проблему.

Для начала определимся, что такое концептосфера. По мнению З.Д. Поповой, концептосфера – это упорядоченная совокупность концептов народа, информационная база мышления. Концептосфера – сущности ментальные (мыслительные). Она носит достаточно упорядоченный характер. Концептосфера включает в себя концепты [7, с. 36].

С.А. Аскольдов подчеркивал, что «концепт <…> способен уже заключать в себе осуществление логических норм или отступление от них» [1, с. 35].

Концепт, по мнению Г.Г. Слышкина, это «условная исследовательская единица, которая направлена на совокупность факторов в изучении текста, сознания и культуры народов». «Концепт не одинаков по своей сложной структуре. Он складывается из совокупности представлений, понятий, образов, ассоциаций, переживаний». Ю.С. Степанов подчеркивал, что концепт – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [5, с. 41]. Исследователи данного понятия отмечают его неоднородную структуру, «мозаичность», «слоистость» [4, с. 25]. По некоторым аспектам концепты вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. Там рассматриваемый наши концепт «Лондон» вступает в отношения с другими концептами концептосферы романа «Оливер Твист».

По мнению З.Д. Поповой, концепт представляет собой дискретное ментальное образование, являющийся базовой единицей мыслительных операций человека, которое обладает упорядоченной внутренней структурой. Таким образом, он является результатом познавательной, когнитивной деятельности человека и общества и несет совокупностную, энциклопедическую информацию о данном предмете или явлении, об отражении данной информации общественный менталитете к другому явлению или предмету. Чарльз Диккенс подробно описал концепт ЛОНДОН, используя знания общественного сознания того времени. Он описал концепт исходя из стереотипного мышления народа о Лондоне того времени [6, с. 36].

Концепт, в свою очередь, представляет собой «совокупность субконцептов» [3, с. 84]. Субконцепт – единица, совокупность которых, составляет концепт. Их множество аккумулируется и актуализируется в сознании человека и формирует представление о концепте в сознании. Исследуемый нами концепт ЛОНДОН состоит из четырех субконцептов. 1 - это субконцепт ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА, в котором рассматриваются проксемные модели. 2 – субконцепт ВРЕМЯ. 3 – субконцепт КУЛЬТУРА ЛОНДОНА, в котором мы исследовали культуру и быт жителей Лондона того времени 4 – субконцепт СОЦИУМ ЛОНДОНА, где мы рассмотрели слои общества.

Важной характеристикой концепта является его номинативная плотность – это степень длительности языковой репрезентации определенного концептуального пространства. В зависимости от количества когнитивных номинаций номинативное поле концепта может обладать высокой и низкой номинативной плотностью. Высокая плотность свидетельствует об актуальности осмысления той или иной сферы для конкретного общества, о ее важности. Далее в нашем исследовании номинативного поля концепта ЛОНДОН мы выяснили его номинативную плотность и актуальность осмысления определенной сферы для общества того времени.

Номинативное поле концепта – это совокупность языковых средств, репрезентирующих, вербализующих и объективирующих данный концепт. Определяется ментальность и совокупностью представлений носителей языка о конкретном концепте [7, с. 45].

На данный момент существует три типа номинативных полей:

1. Наиболее коммуникативные концепты имеют большое, легко находимое номинативное поле (обнаруживается много системных средств обозначения концепта и его признаков). Коммуникативно малорелевантные для широкого круга людей концепты, отражающие обычно узкоспециальные, конкретные мыслительные сущности, известные узкому кругу людей, имеют ограниченное номинативное поле (исключает синонимические ряды).

2. Частично релевантные концепты, для описания которых используют ряд окказиональных единиц или ситуативных номинаций, лишены системно обнаруживаемого номинативного поля, они могут иметь только субъективные, окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта.

3. Номинативное поле концепта неоднородно по структуре – оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Выявлению в процессе лингвокогнитивного анализа подлежат как системные, так и окказиональные, случайные, индивидуально-авторские номинативные средства, так как все они входят в номинативное поле концепта, и все дают материал для когнитивной интерпретации и построении модели концепта.

Исследуя концепт ЛОНДОН, мы обнаружили 4 субконцепта: субконцепт ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА (включает в себя описание пространственных единиц, топонимов), субконцепт ВРЕМЯ (темпоральная модель), субконцепт КУЛЬТУРА ЛОНДОНА (бытовое описание различных предметов и вещей) и субконцепт СОЦИУМ ЛОНДОНА (классы, сословия в обществе).

Под субконцептом ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА мы понимаем множество языковых единиц, которые в совокупности отражают пространственное описание концепта ЛОНДОН. Исследуя номинанты данной модели, мы определили пространство как: природный характер и урбанистический.

Природные номинанты представляют собой описание погоды, природных явлений, влияющих на жизнь населения, на их деятельность. К примеру, описание дождя (large pools of water) дает нам понять, что люди Лондона в этот момент отсутствуют на главной площади. А если и присутствуют, то соответственно в необходимой одежде – плащах для дождя. А их наличие, в свою очередь, свидетельствует о том, что в данной местности, скорее всего, часто идут дожди, если у жителей есть в наличие большое количество одежды для дождя. Представим некоторые примеры природного характера проксемной модели: in clouds, in the sky, covered with mud, a thick steam, the fog.

Под пространственными номинантами мы понимаем описательные единицы, которые служат уточнением к повествованию. Данные номинанты помогают нам ориентироваться в пространстве Лондона. В них включаются описание мостов, улиц (the Bethnal Green, Road streets between Shoreditch and Smithfield, turning down Sun Street and Crown Street), стороны света, дороги и т.д. Некоторые примеры пространственного характера проксемной модели: through Hosier Lane into Holborn, by the gutter side. Наличие данных проксем говорит о том, что улицы занимают особое место в описании подъезда Оливера и мистера Сайкса к Лондону. Также нами были обнаружены проксемы пространственного характера: drearly streets, streets were noiseless and empty, suburbs of the town, into the street. Данные проксемы помогают нам ориентироваться в пространстве сюжета, и их большое количество (24 номинанта) говорит нам о значимости пространственного ориентирования героев при подъезде к Лондону.

Всего в концепте ЛОНДОН присутствуют 24 проксемы урбанистического характера и 6 проксем природного характера. Из этого следует, что описание пространства, места, где происходили события, гораздо важнее природных условий, особо не влиявших на жизнь героев.

Исследуя темпоральную модель концепта ЛОНДОН, мы выявили 9 хрономы. Они выражают временные рамки повествования, уточняют, днём происходят события или вечером (the coming day, the night). Как долго длятся те или иные события (a quarter of a minute after him time). Вот некоторые примеры: a cheerless morning, fairy begun to break, till night came on again. Важно отметить, что во втором абзаце присутствует наибольшее количество хронем. Можно сделать вывод о том, что в описании подъезда Оливера и мистера Сайкса к Лондону важное место имеет время.

Исследуя субконцепт КУЛЬТУРА ЛОНДОНА, мы обнаружили 34 единицы. Лингвокультуремы служат для описания бытовых вещей. Например, словосочетание «donkey-carts» означает, что в то время в Лондоне еще основным транспортом служили повозки. Такие номинанты, как: the street lamps, many of the lamps were already extinguished. могут говорить о том, что, на тот момент, о котором пишет Чарльз Диккенс, Лондонцы уже имели электричество и относительно развитую инфраструктуру. Многочисленные лингвокультуремы, связанные с животными (lines of beasts and oxen, the bleating of sheep, squeaking of pigs), говорят нам о том, что животноводство являлось на тот момент очень важной областью в торговли на рынке.

Исследуя субконцепт СОЦИУМ ЛОНДОНА, мы обнаружили 13 номинантов. Среди них: countrymen, butchers, drovers, hawkers, milk-women, waggoner. Исходя из значений данных номинантов, мы можем сделать вывод, что много людей находится в ремесленном классе, занимаются продажами на рынке, перевозкой людей, бизнесом. Также мы обнаружили, что людей с высоким классом не так много. Можно сделать вывод о том, что за деятельность ремесленного класса отвечают небольшое количество человек.

Выводы

Таким образом, номинантов каждой модели присутствует достаточно, чтобы сделать вывод о номинативном поле концепта. Концепт «Лондон» - это ядро, в которое включаются четыре субконцепта: ПРОСТРАНСТВА ЛОНДОНА, ВРЕМЯ, КУЛЬТУРА ЛОНДОНА, СОЦИУМ ЛОНДОНА. Больше всего было выявлено номинантов субконцепта ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА, следовательно, совокупность этих номинантов будет находиться ближе всего к ядру номинативного поля. Затем субконцепт КУЛЬТУРА ЛОНДОНА, далее СОЦИУМ ЛОНДОНА. Самый дальний субконцепт по отношению к ядру концепта – ВРЕМЯ. Субконцепт ВРЕМЯ находится на дальней периферии номинативного поля художественного концепта ЛОНДОН.

Наибольшее количество номинантов имеет субконцепт ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА.

Следовательно, автор хотел подчеркнуть важность описания пространства, мест, где происходили события. Можно сказать, что в описание утреннего путешествия в Лондон Чарльз Диккенс обратил внимание читателей именно на топонимы. Таким образом, описание пространство гораздо важнее описания действий в данном концепте.

Литература

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. – Л., 1928. Вып. 2. – С. 28–44.
2. Гуо, Х. Особенности дискурса художественного произведения / Х. Гуо // Молодой ученый. – 2017. – № 20. – С. 483–486.
3. Огнева, Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: монография / Е.А. Огнева. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
4. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты предентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – С. 125.
5. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
6. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Новгород: Русское слово, 2007. – С. 226.
7. Грицкевич, Ю.Н. Номинативное поле концепта «государство» в диалектном дискурсе / Ю.Н. Грицкевич. – Режим доступа: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/ppn/wgpgpu15/wgpgpu_15_11.pdf. – Дата доступа: 16.03.2019.
8. Dickens, Ch. Oliver Twist / Ch. Dickens. – M.: RUGRAM, 2017. – 410 p.

References

1. Askol'dov, S.A. (1928) Koncept i slovo / S.A. Askol'dov // Russkaya rech'. Novaya seriya. (In Russ).
2. Guo, H. (2017) Osobennosti diskursa hudogestvennogo proizvedeniy / H. Guo // Molodoy ucheniy. (In Russ).
3. Ogneva, E.A. (2009) Kognitivnoe modelirovanie konceptosfery hudozhestvennogo teksta: Monografiya. (In Russ).
4. Slishkin, G.G. (2000). Ot teksta k simvolu: lingvokulturnie koncepti prededentnih tekstov v soznanii I diskurse. (In Russ).
5. Stepanov, U.S. (1997). Konstanti. Slovar russkoi kulturi. (In Russ).
6. Popova, Z.D. Sternin, I.A. (2007). Kognitivnay lingvistica. (In Russ).
7. Grickevich, U.N. (2015). Nominativnoe pole koncepta «Gosudarstvo» v dialektnom diskurse.
8. Dickens, Ch. (2017). Oliver Twist. M.: RUGRAM.

УДК 821.161.1

МОСКВА ЛИТЕРАТУРНАЯ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР»

К.И. Малышева

магистр педагогических наук,
преподаватель кафедры мировых языков
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,
г.Витебск, Республика Беларусь
E-mail: kseniya-malysheva@list.ru

В статье исследуется образ литературной Москвы в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер». Показывается, что в романе уделено внимание памятным местам столицы, где жили выдающиеся писатели, поэты, деятели музыки и искусства. В статье дается описание известных людей и атмосферы московской культурной жизни, связанной с упомянутыми в романе культурными достопримечательностями. Тем самым в статье раскрывается воссоздание в романе культурно-исторического облика старой Москвы и выявляется, что для Л. Улицкой Москва символизирует собой также прошлую эпоху классической литературы, память о которой оживляется через представление в романе архитектурно-исторических мест столицы.

Ключевые слова: Москва, культура, памятные места, творчество, экскурсия.

MOSCOW LITERATURE IN THE NOVEL OF L. ULITSKAYA "THE BIG GREEN TENT"

K.I. Malysheva

Master of pedagogical sciences,
teacher of the department world languages,
Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: kseniya-malysheva@list.ru

The article examines the image of the literary Moscow in the Lyudmila Ulitskaya's novel "The Big Green Tent". It is shown that in the novel attention is paid to the memorable places of the capital, where outstanding writers, poets, music and art figures lived. The article describes the famous people and the atmosphere of Moscow cultural life associated with the

cultural attractions mentioned in the novel. Thus, the article reveals the re-creation in the novel of the cultural and historical image of old Moscow and reveals that for L. Ulitskaya Moscow also symbolizes the past era of classical literature, the memory of which is enlivened through the representation in the novel of the architectural and historical sites of the capital.

Key words: Moscow, culture, memorable places, creativity, excursion.

Введение

Тем, как автор описывает город, характеризует его героев, и выражается его собственное отношение к этому месту. У каждого писателя свой образ Москвы, каждый автор придает ему свои черты. А.С. Пушкин выражал восхищение столицей России, историческими, национальными особенностями Москвы, ее обликом: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много в нем отозвалось!» Марине Цветаевой Москва представляется огромным домом, где готовы приютить всех странников: «– Москва! Какой огромный странноприимный дом!» Поэтесса изображает родной город как центр духовной жизни, оплот православной веры. А.С. Грибоедов и М.А. Булгаков описывают Москву сатирически, показывая не столько виды столицы, сколько ее бездуховное общество. Герой в комедии А.С. Грибоедова "Горе от ума" Скалозуб дает определение столицы как «дистанции огромного размера». М.А. Булгаков: «В конце 1921 года приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда». Квартиру № 50 М.А. Булгаков описал в романе «Мастер и Маргарита» как «нехорошую», имея в виду аресты 1937 года, тем самым характеризуя Москву как то место, где есть «нехорошие квартиры», где люди пропадают.

Цели и задачи

Раскрыть образ литературной Москвы в романе Людмилы Улицкой «Зеленый шатер».

Методы и материал исследования

Материал исследования – роман Л. Улицкой «Зеленый шатер». Применяемые методы: наблюдение, описание, историко-филологический анализ.

Результаты и их обсуждение

Для Л. Улицкой, жительницы Москвы, – это прежде всего Москва литературная. Ее герой романа «Зеленый шатер» – преподаватель русской литературы Виктор Юльевич Шенгели ведет своих учеников, любителей русской словесности, по памятным местам столицы, где жили великие писатели, рассказывая удивительные истории о жизни и московском периоде творчества деятелей литературы, музыки, искусства.

Экскурсии и прогулки по литературной Москве «носили изумительно хаотичный характер. В бывшем Гендриковом переулке заходили во двор дома, где, как ошибочно полагали, застрелился Маяковский, спускались по улице Дзержинского, бывшей Лубянке, к Сретенским воротам. Переименование московских улиц оскорбляло слух Виктора Юльевича, и он постоянно называл ребятам их старые имена» [1, с. 95].

По бульварам они доходили до площади Пушкина, где учитель показывал дом Фамусова, бродили по пушкинским адресам: дом Вяземского, дом Нащокина, дом, где помещались танцклассы Иогеля.

Дадим пояснения выбранным в романе маршрутам и памятным местам.

Площадь Пушкина… Во второй половине 20-х – начале 30-х годов А.С. Пушкин часто бывал в Москве и подолгу жил там. В свой первый приезд в Москву после ссылки А.С. Пушкин прожил здесь несколько месяцев – до 19 мая 1827 года. Впоследствии он бывал в родном городе наездами, один-два раза в год. Зимой 1828/29 года на одном из московских балов Пушкин встретил 16-летнюю Наталью Гончарову.

В этом плане очень характерно упоминание в романе «Зеленый шатер» дома, где помещались танцклассы Иогеля. Это особняк Кологривовых (ныне – МХАТ), который в XIX веке был очень известен. В нем давал балы танцмейстер Петр Иогель. Петр Андреевич Иогель (1768–1855) – московский танцмейстер, учитель танцев в Московском университете, устроитель балов. Иогель во времена А.С. Пушкина был модным танцмейстером, он первым в Москве начал по-настоящему учить детей танцам, у него устраивались детские маскарады, родители привозили своих сыновей и дочек к Иогелю; костюмы шились по его совету – английские адмиральские и а-ля тюрк; парики, треуголки – все предусматривалось заранее нежными матерями и портными. Именно в этом доме на одном из балов А.С. Пушкин увидел Наталью Гончарову, которую позже признают первой красавицей Москвы, а тогда – только выведенную в свет молодую девушку. "Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение", – вспоминал А.С. Пушкин в одном из писем.

О Иогеле и атмосфере бальных танцев очень интересно писал Ю.Н. Тынянов: «…Зала Иогеля была ярко освещена. Сам Иогель, высокий, сгорбленный старик, в черном фраке, выступал и играл на крохотной карманной скрипочке. Дети прыгали с равнодушием, свойственным этому возрасту, в правильных танцах. Вокруг сидел ряд московских старух, которые осуждали родителей и, подзывая детей, кормили их пряниками, тут же доставаемыми из мешочков. Вечера Иогеля постепенно вошли в моду. Старухи ругали немца за то, что плохо учит детей: мальчишки толкутся,

а девчонки мечутся как угорелые; матери семейств ругали его за дорогую плату – и, поставив мушку на щеку, ездили к нему на вечера» [2, с. 33].

Сам дом, где проводились уроки танцев, отличался совершенством пропорций, изысканной простотой форм и скульптурными украшениями. В 30-е годы XIX столетья дом был приобретен городской думой под канцелярию оберполицмейстера Москвы, и балы в залах прекратились. До 1917 года особняк так и оставался в ведении московской полиции, однако позже особняк не устоял – его снесли в соответствие с планами по перестройке Москвы [6].

С годами круг московских знакомых А.С. Пушкина становился все шире: были среди них литераторы и ученые, актеры, художники и музыканты. А.С. Пушкин живо интересовался событиями литературной жизни Москвы, бывал в московских театрах, посещал университет, изучал исторические материалы в московском архиве. Ему были хорошо знакомы разнообразные стороны московского быта: часто бывал он и на народных гуляньях, и в великолепном Колонном зале дворянского Благородного собрания (Пушкинская ул., 1; ныне – Дом союзов), и в Английском клубе на Тверской (ул. Горького, 21; ныне – Музей Революции) [3].

Дом Нащокина… П.В. Нащокин был русским меценатом, коллекционером и ближайшим другом А.С. Пушкина. В последний раз А. С. Пушкин приехал в Москву в мае 1836 года и остановился у него в гостях (Воротниковский пер., 12). Жена Нащокина, Вера Александровна, писала впоследствии: "Для нас с мужем приезд поэта был величайшим праздником и торжеством. В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, по обеим сторонам – муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками. Я помню частые возгласы поэта: "Как я рад, что я у вас! Я здесь в своей родной семье" [3].

Далее Л. Улицкая так описывает экскурсии Виктора Юльевича с учениками: «…Потом он подвел их к обшарпанному дому на первом от улицы Кирова повороте, который делал этот Кривоколенный, указал широким жестом левой руки на дом и сказал: – Вот, а теперь представьте себе! Здесь, конечно, никакого асфальта, дорога замощена брусчаткой, оттуда, с Мясницкой, выезжает карета. Ну, скорее не карета, а такая небольшая повозка с извозчиком. Пушкин был в Москве в гостях, отчасти по делу <…> Вот, представьте, через сто лет после смерти Пушкина одна дама здесь проходила – после революции дело было – и вдруг с Мясницкой – цок-цок-цок! – заворачивает извозчик, останавливается вот здесь, из пролетки спрыгивает Пушкин – простучал сапогами по брусчатке и исчез в этом доме. Дама – ах! И тут вмиг все пропало – и брусчатка, и пролетка, и извозчик с лошадками. Стали говорить, что дом этот с привидениями. А вот то, что в этом самом доме – здесь жил тогда поэт Веневитинов – происходило в октябре 1826 года, подтверждено многими свидетельствами: в парадной зале этого дома Пушкин читал свою трагедию «Борис Годунов». Было человек сорок гостей, и почти половина из них написала об этом в письмах родственникам сразу же или в воспоминаниях много лет спустя». [1, с. 53]

Уезжая из Москвы весной 1836 года, А.С. Пушкин предполагал вновь сюда вернуться: здесь жили его ближайшие друзья, здесь ему легче дышалось, чем в чиновном, чопорном Петербурге. Сегодня пушкинские места Москвы – это не только старинные усадьбы и дома, где бывал поэт. Это и Государственный музей А. С. Пушкина на Кропоткинской улице, это Пушкинская площадь с вдохновенным созданием А. М. Опекушина – памятником поэту, это улица и набережная, носящие имя Александра Сергеевича Пушкина.

От площади Пушкина члены кружка Виктора Юльевича шли через Богословский переулок к Трехпрудному, к дому, где жила когда-то Марина Цветаева, через Тверской и Никитский бульвары выбирались к Арбату, пересекали Малую Молчановку.

Малая Молчановка, по которой шли школьники со своим учителем, – легендарная в Москве улица. Именно там, между двумя большими пятиэтажными домами, приютился маленький деревянный домик с мезонином. В этом доме в начале 30-х годов жила гвардии поручица Арсеньева с внуком – студентом Лермонтовым. Арсеньева переехала сюда весной 1830 года, когда Лермонтов ушел из пансиона.

На улицу выходило девять окон; два окна слева и дверь направо пристроены позднее. Вход в дом при Лермонтове был со двора, как это часто можно встретить в старых особняках. В доме было семь комнат: пять внизу, две в мезонине. Через окно со двора еще теперь можно разглядеть шаткую узкую лестницу с тонкими ветхими перильцами. По этой лестнице взбегал к себе в мезонин студент Лермонтов.<…> [4, с. 25–26].

В своем романе Л. Улицкая не могла не упомянуть о лучшем столичном продовольственном магазине «Елисеевский», расположенном на улице Горького, о котором учитель литературы своим ученикам рассказывал следующее:

«– Здесь был известный на всю Москву литературный салон, и весь московский свет сюда съезжался. Приглашали писателей, художников, музыкантов, профессоров. И Пушкин здесь бывал. Я недавно нашел в библиотеке один интересный документ – донесение полковника Бибикова от 1826 года, в котором черным по белому было

написано: «Я слежу за сочинителем П. насколько возможно. Дома, которые наиболее часто посещает, суть дома княгини Зинаиды Волконской, князя Вяземского, бывшего министра Дмитриева и прокурора Жихарева. Разговоры там вращаются по большей части на литературе» [1, с. 97–98].

Владелицей этого дома-дворца до его перестройки была Зинаида Александровна Волконская. Дочь дипломата, мецената князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, З.А. Волконская получила прекрасное образование, увлекалась музыкой, живописью, литературой. С детства плохо говорила по-русски, но прекрасно владела французским, итальянским, английским, греческим языками. Получила известность как поэтесса, певица и композитор. Где бы ни жила княгиня Волконская, ее дом посещали самые интересные люди ее времени. Московский салон княгини в 1824 г. был центром культурной жизни Москвы. Здесь бывали А.С. Пушкин, посвятивший ей стихотворение, Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский и многие другие деятели культуры. Известна романтическая влюбленность в нее поэта Д.В. Веневитинова.

Самой Волконской создано значительное количество историко-романтических литературных произведений, роман (неоконченный) «Ольга», кантата памяти Александра I и др. Она автор воспоминаний на французском языке. В 1825 г. Волконская первая среди русских женщин была избрана почетным членом Общества истории и древностей российских. В 1829 г. Зинаида Александровна уехала в Италию и в Россию больше не вернулась. На ее римской вилле Палаццо Поли бывали Н.В. Гоголь, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и многие русские художники [7].

Выводы

Таким образом, упомянутые места в романе – площадь Пушкина, дом Нащокина, Малая Молчановка, магазин «Елисеевский» (бывший дом княгини Волконской) – несут историческую, культурную и литературную ценность столицы. Л. Улицкая при помощи (через образ) своего героя Виктора Юльевича и его учеников провела своих читателей по известным московским маршрутам, показала Москву литературную, художественно тонко и талантливо развивая у них интерес к русской литературе, ее слову, поэзии, истории.

Литература

1. Улицкая, Л. Зеленый шатер: роман: в 2 т. / Л. Улицкая. – М.: Эксмо, 2011. – Т.1. – 384 с.

2. Тынянов, Ю.Н. Пушкин. Кюхля. / Ю.Н. Тынянов. – М. : ФТМ, 2009. – 884 с.

3. А. С. Пушкин и Москва [Электронный ресурс] // Цифровой образовательный ресурс ЯКласс. – Режим доступа: https://www.yaklass.ru/materiali?mode=sochi&sochid=4536. – Дата доступа: 31.03.2019.

4. Иванова, Т. Москва в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова / Т. Иванова. – М. : Московский рабочий, 1950. – 178 с.

5. З.А. Волконская [Электронный ресурс] // Узнай Москву. – Режим доступа: https://um.mos.ru/personalities/volkonskaya/. – Дата доступа: 31.03.2019.

6. Иогель Петр Андреевич [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека Русская литература и фольклор. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/pushkin/chr-abc/chr/chr-1725.htm. – Дата доступа: 31.03.2019.

References

1. Ulickaja, L. (2011). Zelenyj shater [The Big Green Tent] : in 2 vol. Moskow : Exmo. Vol. 1. 384 p. (In Russ.).

2. Tynjanov, Ju.N. (2009). Pushkin. Kjuhlja. [Pushkin. Kuhlya]. Moskow : FTM. – 884 p. (In Russ.)

3. A. S. Pushkin i Moskva [A.S. Pushkin and Moscow] [Electronic resource]. Cifrovoj obrazovatel'nyj resurs JaKlass [Digital educational resource YaKlass]. Retrieved March 3 2019 from: https://www.yaklass.ru/materiali?mode=sochi&sochid=4536. (In Russ.).

4. Ivanova, T. (1950). Moskva v zhizni i tvorchestve M.Ju. Lermontova [Moscow in the life and work of M.Yu. Lermontov]. Moskow: Moscow worker. (In Russ.).

5. Z.A. Volkonskaja [Z.A. Volkonskaya] [Electronic resource] // Uznaj Moskvu [Learn Moscow]. Retrieved March 3 2019 from: https://um.mos.ru/personalities/volkonskaya. (In Russ.).

6. Iogel" Petr Andreevich [YOGEL Peter Andreevich] [Electronic resource]. Fundamental'naja jelektronnaja biblioteka Russkaja literatura i fol'klor [Fundamental electronic library of Russian literature and folklore]. Retrieved March 3 2019 from: http://feb-web.ru/feb/pushkin/chr-abc/chr/chr-1725.htm. (In Russ.).

УДК 82

ПОЭЗИЯ НАСИМИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ

Р.М. Новрузов
профессор, доктор филологических наук,
профессор кафедры теории и практики перевода
Бакинского славянского университета,
г.Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: rafik_novruzov@mail.ru

Г.Ф.Новрузова
доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры практического русского языка
Бакинского славянского университета,
г. Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: rafik_novruzov@mail.ru

В статье анализируется поэзия известного азербайджанского поэта XIV века ИмадеддинаНасими в сравнительно-сопоставительном плане с религиозно-философскими учениями древности и философскими постулатами последующих эпох. Философское учение хуруфизма, одного из ответвлений суфизма, последователем которого был Насими, опиралось на тексты священной книги мусульман Коран.Однако, в поэзиисредневекового азербайджанского поэта мы находим аналогии с текстом Бхагавад-гиты, Библии и со взглядами известных философов.

Ключевые слова: религиозно-философские учения, Бог, человек, познание, любовь.

POETRY OF NASIMI IN THE CONTEXT OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL DOCTRINES

R.M. Novruzov
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Theory and Practice Department of Translation,
Baku Slavic University,
Baku, Azerbaijan Republic
E-mail: rafik_novruzov@mail.ru

G.F. Novruzova
Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Practical Russian Language,
Baku Slavic University,
Baku, Azerbaijan Republic
E-mail: rafik_novruzov@mail.ru

The article analyzes the poetry of the famous 14th century Azerbaijani poet ImadaddinNasimi in comparative terms with the religious and philosophical teachings of antiquity and the philosophical tenets of subsequent eras. The philosophical doctrine of Hurufism, one of the branches of Sufism, the follower of which was Nasimi, was based on the texts of the holy book of Muslims, the Koran. However, in the poetry of the medieval Azerbaijani poet, we find analogies with the text of the Bhagavad-gita, the Bible and with the views of famous philosophers.

Keywords: religious and philosophical teachings, God, man, knowledge, love.

Поэзия великого азербайджанского поэта-философа XIV века ИмадеддинаНасими является достоянием не только средневековой восточной литературы, но по своей значимости входит в сокровищницу мировой литературы.

В настоящей статье делается попытка раскрыть темы и идеи, которые в религиозно-философской основе соответствуют древним учениям и согласуется с философскими взглядами последующих эпох.

Попытки уточнить истоки своеобразного мышления суфийских поэтов возвращают нас к далекой древности, а именно к древнеегипетскому способу мышления посвященных жрецов. По этому поводу, на наш взгляд, примечательны сведения, данные Эдуардом Шюре в книге «Великие Посвященные»: «Египетские жрецы, по словам греческих авторов, владели тремя способами объяснять свою мысль. Первый способ был ясный и простой, второй символический и

образный, третий священный и иероглифический. То же самое слово принимало, по их желанию, либо свой обычный смысл, либо образный, либо трансцендентный. Так велик был гений их языка. Гераклит прекрасно выразил эти различия, определяя их язык как говорящий, обозначающий и скрывающий.

Когда дело касалось теософических и космогонических наук, египетские жрецы всегда употребляли третий способ письма. Их иероглифы имели при этом три смысла, и соответствующие, и различные в одно и то же время. Два последних смысла не могли быть поняты без ключа. Этот способ письма, таинственный и загадочный, исходил из основного положения герметической доктрины, по которой один и тот же закон управляет миром естественным, миром человеческим и миром божественным.

Язык этого письма, поразительно сжатый и совершенно непонятный для толпы, обладал своей особой выразительностью, доступной только Адепту, ибо посредством единого знака он вызывал в его сознании начала, причины и последствия, которые, исходя от Бога, отражаются и в слепой природе, и в сознании человеческом, и в мире чистых духов. Благодаря этому способу письма Адепт обнимает все три мира сразу» [3,с. 146-147]. И, нет сомнения, что суфии, обладавшие герметическими знаниями, следовали этой традиции, этому пути мышления, обладали ключами раскрытия божественных таинств.

Именно этим обусловлено, что многие ученые прошлого и современности, считающие суфийскую концепцию речи отличительной от нормативной поэтики, создавали и обращались к «словарям», фиксирующие суфийские значения слов. Наделенные божественным даром, знаком прикосновенности к миру тайн, как считают ученые, поэт суфий гениально владел словом, создавал семантическую неопределенность текста, который как – бы состоял из двух самостоятельных текстов (поэтического, относящего к плану выражения; суфийского– к интерпретации содержания), стремясь к преодолению неизбежного дуализма и инерции повседневного языка и мышления. Следствием этого являются парадоксы экзегетического характера и антиномии.

Что же касается образного мышления суфийских поэтов, то оно укоренено в классической традиции, основанное на коранических принципах. Так, в предисловии политическому сборнику «Тарджуман аль-ашуак» ('Толкователь страстей») Ибн Араби пишет: «Я пользуюсь языком и формами выражения любовной лирики и при воспевании женщин, потому что души людские к ним привержены… Всякий образованный человек пользуется этим изысканным и уточненным языком…». Продолжая мысли стихами, он раскрывает свой метод:

«Всякий раз, когда я упоминаю развалины
жилищ или покинутые стоянки…
Или дев с круглыми персиями, как солнце, и
выпуклыми сосками, как изваяние,
Всякий раз, когда я упоминаю то, что уже
хорошо известно, или что-то сходное
Вам следует понимать это как божественные
тайны или небесный свет,
Посылаемый Господином небес моему
сердцу» [Цит.По: 1, с. 225].

Центральной фигурой философской концепции суфизма является образ познающего Аллаха, который в пути Его постижения чувственно отражает все новые и новые модусы существования и самопознания Абсолюта, разочаровывается и отчаивается «истинным» положением дел во Вселенной, приходя к выводу, что познание одна из сторон отражения имен и атрибутов Абсолюта. Лишь только синхронное изменение самого познающего и его безрассудная, самоотверженная любовь к Истине может привести мистика к вершине мистического переживания – слиянию субъекта и объекта в одно нерасторжимое целое. Но здесь необходимо предостеречь от заблуждения, принимающего полное онтологическое единство Творца и творения. Ибо постигающий в момент переживания ощущает себя неотъемлемой частью Всевышнего, а после «возвращения» в первоначальное состояние принимает качество осознающего «тайну» бытия, которую он должен донести людям.

Одним из постулатов поэзии суфизма является *вахдат аль-вуджуд*(единство бытия), опирающегося на коранические откровения. Он подразумевает соединения всего существующего в Нем, потому что благодаря Богу все существует. Эта мысль отрицает понимание данного постулата, как идеи пантеизма. Противоречит ли он постулатам Библии? Конечно, нет. Обратимся к тексту Священного Писания: «…И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими (Втор. 6, 5). Вот как пространно комментирует указанный текст один из известных современных комментаторов Библии, который приводится без всяких сокращений: «Сначало сказано – «всем сердцем» (вспомним еще раз, что сердце в Библии – орган мышления: Ос. 7, 2; Марк. 2, 6): мысль о необходимости быть благодарным Богу и любить Его приходит прежде, чем возникает само ответное чувство к Богу.

Только после того, как мысль о любви к Нему целиком завладеет сердцем (умом), она нисходит на уровень души (эмоций). Тогда человек уже способен возлюбить Бога «всею душою», т.е. подчинить свои чувства Его воле. Ибо сладость присутствия Его, «вкушаемая» (т.е. чувственно воспринимаемая) человеком, несравненно превосходит всякую другую радость: «Вкусите – и

увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него!» (Пс. 33, 9).

В этой сладости общения с Богом человек черпает силы для отказа от «вкушения» иных, беззаконных, наслаждений: «…Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми, делающими беззаконие, и да не вкушу я от сластей их (Пс. 140, 4).

А с душевно-чувственной ступени любовь к Богу нисходит и на уровень физический: появляется способность любить Его и служить Ему «всеми силами» – даже, казалось бы, превосходя собственные возможности, Недаром употребленное здесь слово <мэод> означает одновременно и «сила», и «весьма», «в высшей степени». То есть – «на взлете всех способностей и сил».

Однако такая любовь, объединяющая в едином порыве и ум, и чувства, и силы, не может быть достигнута без помощи свыше. На определенном этапе Бог Сам «выходит навстречу» тем, кто любит и ищет, - и Святой Дух, поселяясь в их сердцах, доводит любовь до совершенства, Апостол сказал: «…Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам (Римл. 5, 5).

Хотя здесь идет речь о любви Бога к человеку, а не человека к Богу, на определенном уровне обе любви сливаются, и человек соединяется с Создателем в единой любви.

Об этом и просил Иисус, обращаясь к Отцу: «И я открыл им имя Твое, и открою, да любовь, которую Ты возлюбил меня, в них будет, и я в них (Иоанн. 17, 26) (5, 327). Более того схожее понимание любви мы встречаем в древнейших текстах. Так, в «Бхагавад-гите» главный персонаж эпоса следующим образом выражает свое благоговение перед Творцом: «Поэтому поклоняюсь, простираюсь телом, умоляю тебя, владыка достохвальный, как отец к сыну; как друг к другу, как возлюбленный к возлюбленной, о боже соблаговоли быть терпеливым (ко мне) *[6, с. 218]*.

Поэт средневековьяНасими пишет:

И ты и я, мы все – суть воплощение Бога,
Мы – солнечный восход и солнечный закат
[4, с. 55].

Судьба с тобою нас разъединить не может,
В своих мечтах с тобой я всюду и всегда
[4, с. 110].

Быть «воплощением Бога» значить наследовать Его «образ» и «подобие». Здесь невольно напрашивается суждение известного русского философа С.Л.Франка: « Я, как личность, будучи одиноким в мире, не только не одинок в *бытии* – именно в измерении его глубины, его первосущества, – но являюсь в нем как бы воплощением этого его первосущества; то таинственное начало, в силу которого я есть личность, имеет для себя абсолютно прочную основу в самом священном Первоисточнике Бытия, ибо есть в мире Его выражение. Бытие человека не ограничено тем, что он есть природное существо; именно в качестве личности он есть существо *сверхприродное,* родственное Богу и имеющее основой своего бытия самого Бога» [7, с. 85]. В чем выражается эти ипостаси в суфийской поэзии. Если поэт уверен, что его жизнь и мечты составляют единение с Богом, то он должен стремиться к слиянию с Ним:

Слиянье с богом – вот вино священной веры,
Я это пью вино на пиршестве хмельном.

Во мне живут миры, все восемнадцать тысяч,
И скрыт во мне аллах, который скрыт во всем.

Я – тайна всех чудес, скрытых в этом мире,
Я – солнце, что всегда горит над вами днем.

Перед вами Насими свою откроет тайну:
«Я счастлив: бог сокрыт в обличии моем!»
[5, с.113].

О какой стезе говорит поэт и как можно встать на этот путь? Поэт признает за Богом Истину, но путь к ней мучительный, долгий и трудный:

За истиной я шел, была трудна дорога.
Искал я, шел и шел, земель увидел много,
Что вечным я считал, то оказалось не вечным.
Я истину нашел, я стал подобьем Бога
[4, с. 263].
Вне истины никто не достигает цели –
Ни грозный падишах, ни человек простой
[4, с. 88].
И чтобы истину узреть, ее не сторонитесь,
Глядите ввысь или вокруг влюбленными глазами [4, с. 36]
Я истину узрел, пройдя через страданья,
Я истину постиг и жажду с ней слияния.
……
Я истину познал и понял: «Я есть бог»
И в этом убедясь, я не храню молчанья.
[5, с. 86].
Знай, человек: в любые времена
Лишь прозорливым истина видна.
Познал ты сам себя – стал прозорливым,
Сам не познал себя – твоя вина.
Кто истину постиг, тот стал кораллом,
Рубином стал, чья гладь огранена[5, с. 20].
Невежество – вино, но ты его не пей.
Ты истину познай, чтобы стать еще мудрей
[5, 21].

Не вызывает сомнения, что для достижения Истины необходимо ее познать. Но *познание* не носит виртуальный характер, а заключает в себе механизмы его:

Чтобы мир познать, взгляни вокруг и ввысь,
Ты трезв – испей вина любви, влюбись.
И если ты увидеть хочешь Бога,
То, царь земной, от трона отрекись!
[4, с. 296]

Тот, кто познал себя, тот господа познал.
Познанье Бога – вот на свете путь конечный
[4, с. 59]

Ты истину познай, в ней смысл всего земного.
Все семь материков ее питают плод.

Насими повторяет древнюю мудрость, видимо, принятую всеми учениями, гласящую, что без познания самого себя невозможно достичь познания Бога. Вместе с тем, указываются на источники, откуда следует черпать эти знания: окружающий мир и «ввысь» над головой; раскрывается средство,- *любовь*,- посредством чего можно связать себя с Всевышним.

Для поэта, с одной стороны, любовь *таинственна*, с другой, познание тайны любви проявляется между *самопознанием* и *познанием*.

Любовь есть тайна: как познает тайну эту
Тот, кто и сам себя покуда не познал?
[4, с. 39]

Бог тайну мне раскрыл, я твой увидел лик,
И стал бесценен я – постиг я мирозданье
[4, с. 30]

Любовь, когда она сильна и беспощадна,
Сравню я с судным днем, грядущим неотвратно.
Мне кажется, что был любовью создан мир,
Но и разрушен был любовью мир стократно
[5, с. 30].

Но тайна требует еще более духовных усилий,- (постичь сущность Божества полностью не представляется возможным: оно лишь возможно при изменении сути существования, то есть перехода в потусторонний мир – после смерти), – потому что познается только *путь*, ведущий к Истине.

Тем не менее, любовь подобна опьянению от вина – это не потеря разума, а разумное растворение в Возлюбленной.

Я постоянно пьян, но пьян не от вина.
Я пью вино любви и пью вино познанья.
Я сладко опьянен видением тебя,
Когда приходишь ты на тайное свиданье
[4, с. 29]

Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает,
Хмель истины вкушает он, а истина одна бывает![4, с. 231]

Нет в мире красоты, твоей красе подобной,
В твоей красе аллах свой образ воплотил
[5, с. 28].

В концептосферу любви входит и *душа*, которая в свою очередь создает собственную сферу концептов. Так, прежде чем любить Творца необходимо *очистить тело*, а оно может быть очищено лишь в том случае, если в нем есть *любящая душа*.

И тело от греха очистилось мое,
Моя душа одной тобою опьянилась [4, с. 111]

Проведение аналогии между извечностью пути любви и пути совершенства ставит на одну чашу весов не только сходство пути, но и равность семантики понятий *любовь* и *совершенство*. Вместе с тем глаголы любить и совершенствоваться определяют деятельность полным труда, страданий и мучений, приносящим суфию в отличие от обыденных, упрощенных ощущений величайшее удовольствие, наслаждение, в которых проявляется предназначение.

Любовь к тебе – мучение мое
Для любящих всегда любовь – мученье.
И все же я оба мира отдам
За боль свою, за это наважденье.
Я, Насими, одной тобой богат.
Любить тебя – мое предназначенье
[4, с. 14]

Таким образом, проведенный нами анализ показывает как в поэзии средневекового азербайджанского поэта ИмадеддинаНасими нашли свое отражение основополагающие религиозно-философские традиции древности и философские постулаты известных философов.

Литература

1. Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука, 1989. – 254 с.
2. Шиммель, Аннемари. Мир исламского мистицизма; перевод сангл.Н.И.Пригариной, Д.С.Рапопорт / А. Шиммель. – М.: Алетейа, Энигма, 1999. – 311 с.
3. Шюре, Эдуард. Великие. Посвященные.Репринтноевоспроизведение издания 1914 г. / Э. Шюре. – М., 1990. –521 с.
4. Насими, Имададдин. Лирика / И. Насими. – М.-СПб. “Диля”, 2001. – 352с.
5. Насими, Имададдин. Избранная лирика (в двух томах), Т.1. / И. Насими. – Баку: Азернешр, 1973.
6. Щедровицкий, Д. Ведение в Ветхий Завет. – Т. 3: Книга Левит, Чисел и Второзакония / Д. Щедровицкий. – М.: Теревинф, 2000. – 464 с.
7. Махабхарата. II. Бхагавадгита (книга VI, гл.25-42). Ашхабад, 1960. – 401 с.
1. Франк, С.Л. Свет во тьме / С.Л.Франк. – Челябинск: Социум, 2011. – 256 с.

References

1. (1989) Sufizm v kontekstemusulmanskoykulturyi[Sufism in the context of Muslim culture]. Moscow: Nauka. (In Russ).
2. Shimmel, Annemari. (1999). Mir islamskogomistitsizma/*Perevod sangl.N.I.Prigarinoy, D.S.Rapoport*. [The world of Islamic mysticism / *Translation from English. N.I. Prigarina, D.S. Rapoport*]. Moscow: Aleteya, Enigma. (In Russ).

3. Shyure, Eduard. (2001). Velikie. Posvyaschennyie. Reprintnoevosproizvedenieizdaniya 1914 g. [Great ones. Dedicated to. Reprint reproduction of the 1914 edition]. Moscow. (In Russ).
4. Nasimi, Imadaddin. (2001). Lirika. [Lyrics]. Moscow-St. Petersburg. Dilya. (In Russ).
5. Nasimi, Imadaddin. (1973). Izbrannayalirika (v dvuhtomah). T.1. [Selected Lyrics *(in two volumes), V.1.*] Baku: Azerneshr. (In Russ).
6. Schedrovitskiy, D. (2000). Vedenie v VethiyZavet. – T. 3: KnigaLevit, Chisel i Vtorozakoniya. [Maintaining the Old Testament. - *Vol. 3:The Book of Leviticus, Numbers, and Deuteronomy*]. Moscow: Terevinf.(In Russ).
7. Mahabharata.II.Bhagavadgita(1960). (kniga VI, gl. 25–42) [Mahabharata.II.Bhagavadgita (*Book VI, Ch. 25-42*)]. Ashhabad.(In Russ).
8. Frank, S.L. (2011). Svetvotme[The light in the darkness]. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ).

УДК 821.161.3

СЕМАНТЫКА СЛОВА Ў ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ А. ПЫСІНА

Л. В. Прахарэнка
дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: lydmilavaleriavna@gmail.com

М. М. Шаўчэнка
дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: lydmilavaleriavna@gmail.com

Артыкул прысвечаны адной з важных праблем у філалогіі. Праведзена работа па выяўленні моўных сродкаў стварэння паэтычных вобразаў у творчасці А. Пысіна – аднаго з самых прыкметныхбеларускіх паэтаў другой паловы XX стагоддзя.

Частковы лінгвістычны аналіз даў багаты матэрыял для вызначэння ролі пысінскіх эпітэтаў, метафар, розных пераносных значэнняў слова ў паэтычным кантэксце. Звернута таксама ўвага на трапныя апісальныя выразы, лаканізм і змястоўнасць, ёмістасць і крылатасць паэтычнага выказвання А. Пысіна.

Змест разгледжаных вершаў А. Пысіна, характар іх лінгвістычнай інтэрпрэтацыі выключна важныя і ў плане выхавання ў вучняў (студэнтаў) пачуццяў грамадзянскасці, патрыятызму і іншых станоўчых якасцей асобы.

Ключавыя словы: эпітэт, перыфраза, параўнанне, аксюмаран, форма слова, фразема.

SEMANTICS OF THE WORD IN THE POETIC CONTEXT OF A. PYSIN

L. V. Prokhorenko
Candidate of philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, the Republic of Belarus

M. N. Shevchenko
Candidate of philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, the Republic of Belarus

The article is devoted to one of the important problems in Philology. Research was carried out to identify linguistic means of creating poetic images in the works of A. Pysin, one of the most famous Belarusian poets of the second half of the twentieth century.

Partial linguistic analysis gave rich material for determining the role of Pysin's epithets, metaphors, various figurative meanings of the word in poetic context. Also attention is drawn to the apt descriptive expressions, conciseness and richness of content, capacity and soaring poetic expressions of A. Pysin.

The content of the considered poems by A. Pysin and the nature of their linguistic interpretation are extremely important in terms of educating pupils (students) such feelings as citizenship, patriotism and other positive qualities of the individual.

Key words: epithet, periphrasis, comparison, oxymoron, word form, phrase.

Уводзіны

Тэксталагічны аналіз лірыкі А. Пысіна дапамагае лепш зразумець сэнс асобных вобразных малюнкаў твораў, раскрывае патэнцыяльныя магчымасці слоўнікавага складу мовы для ўдасканалення гармоніі ідэальнага і матэрыяльнага ў сферы паэзіі.

Мэты і задачы

Мэта артыкула – выявіць месца вобразнага слова ў кантэксце паэтычнага твора, яго значэнне ў змесце выказвання, характар значэння, семантычную спалучальнасць слоў вершаванага тэксту і інш.; на асобных творах прасачыць пошукі аўтарам патрэбнага слова для найбольшай сэнсавай дакладнасці і вобразнасці.

Метады і матэрыял даследавання

Былі выкарыстаны метад кантэкстнага і тэксталагічнага аналізу,апісальны метад. Матэрыялам даследавання паслужылі моўныя сродкі паэтычнага вобраза ў лірыцы А. Пысіна.

Вынікі і іх абмеркаванне

Чытаючы і перачытваючы вершы паэта, зноў і зноў міжволі ўзнаўляецца здзіўленне ўменнем лаканічна перадаць напружанасць падзей, сцісла апісаць адчуванні, навакольныя праявы свету, жыцця.

Высакавольтная*спякота*
Б'е ў скроні, бы электраток.
Ці ёсць там дзе на дне балота
Вады глаток? *[1, с. 132]*

Новазнойдзены эпітэт, параўнанне, гіпербала, рытарычнае пытанне – вось толькі некаторыя з тых згусткаў моўнай матэрыі, якая актывізуе мысленне, уяўленне.

Згусткам прыкладаў выкарыстання ў невялікім вершы моўнага матэрыялу ў багатым дыяпазоне выяўленчых сродкаў можна лічыць верш"Танцуюць недарэмна ўсё ж ад печы..." *[1, с. 136]*.

Стылістычнае выкарыстанне фраземы *танцаваць ад печы,* перыфраза *вясковы чарадзей* (пячнік), рытарычны вокліч *як ззяе печ,* адухаўленне *(заржэ* полымя), метафары *(уздыбіцца* агонь, *легчы* цагліне), эпітэты *(святая* цішыня, *зняважлівая* сажа), аксюмаран *(без хмурынкі* быў *вясёлы* твар) – усе разам перадаюць багатую гаму радаснага перажывання будняга хатняга свята – першага запальвання агню ў новай печы.

Паэт у звычайным цячэнні, плыні будзённага жыцця заўважае тое, над чым звычайна мы не задумваемся. Так, ён заўважае *"галоўкі клёнаў залатых",* якія прабіліся *"праз шчыліны ўздыбленай панелі"[1,с. 142]*. Нялёгка ім, але яны паднялі *"сабой пліту асфальту і ўсе сляды, што кожны тут пакінуў"*,часта спяшаючыся *"на спатканне так, што мог Зямлі парушыць раўнавагу"*. Гумарыстычныя заўвагі пра парушэне зямной раўнавагі, фантазія наконт падняццяслядоў, *"што кожны тут пакінуў"* і ценяў *"хмар густых"* і г. д., выказаныя ў плане спакойнай медытацыі без асаблівых паэтычных адметнасцей. Хіба толькі можна адзначыць гіпербалу *"Зямлі парушыць раўнавагу"* і эпітэты *густых* (хмар), *залатых* (клёнаў). Тут праявілася майстэрства паэта звычайнымі словамі стварыць вобраз носьбітаў нязломнай жыццёвасці прыроды.

У вершах А. Пысіна шляхам арыгінальнага спалучэння слоў, выкарыстання розных тропаў – сэнсавых пераносаў слоў часта зафіксавана глыбокая думка пра невычэрпнасць пазнання свету, шматграннасць пераўтварэнняў рэчаў і падыходаў да іх сутнасці *"ўладара прыроды"*.

У вершы "Я веру, быццам сваякам..." ёсць проста такі афарыстычная страфа:

Не ўсё яшчэ вядома мне,
Не ўсё вядомае адкрыта.
Хтось бачыць музыку ў сасне,
А хтосьці – новае карыта. *[1, с. 150]*

Калі пад музыкай (якую не бачаць, а чуюць) разумеюць музычны інструмент, то ўсё становіцца ў рад стройнай логікі: з адной і той жа сасны адзін робіць скрыпку, а іншы – карыта. І гэта агульнавядомая ісціна. Але сказана прозай. У паэта дадзеная ісціна набывае абноўленае гучанне і светлым промнем кранае сэрца чытача і пасяляецца ў яго свядомасці, .

Помнячы *"радавых, што ў поўны рост ішлі ў атаку",* лірычны герой паэта і ў мірным жыцці прамы і непахісны, не можа стрымаць справядлівай ацэнкі негатыўных праяўленняў у словахі дзеянні, усведамляючы, што такая жыццёвая пазіцыя прыносіць неспакой і хваляванне.

О, слова, слова лабавое,
Нястрымнае, яно ляціць,
Пасля душа мая баліць:
Сказаў не так,
Сказаў не тое... *[1, с. 281]*

Слова тут *не прамое, адкрытае, рэзкае, строгае* і г. д., а *лабавое.* Вядомы спалучэнні *лабавы ўдар, лабавая атака, лабавы падыход; лабавое шкло.* Тут жа маем аўтарскі эпітэт з выразнай эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкай.

Шчыра выказанае слова не адлятае ўраз убок, а шматгранна перажываецца. Яно, *лабавое, – нястрымнае.* Гэты другі эпітэт дапаўняе першы з максімальнай выразнасцю і дакладнасцю. А яго сэнсавае і інтанацыйнае выдзяленне – сінтаксічная адасобленасць – запавольвае тэмп выказвання і гэтым звяртае на сябе асаблівую ўвагу чытача (слухача).

Далей дзеясловы *ляціць, баліць* – сугучныя, з апошнімі націскнымі складамі – выконваюць двуадзіную функцыю: семантыка першага дакладна адпавядае значэнню прыметніка *нястрымнае;* другі дзеяслоў набывае ў такім суседстве адчувальную эмацыянальнасць. У цэлым мінімумам лексемперадаецца цэлая бура пачуццяў: хвалявання, перажывання, нервовасці і

г. д. Бо неадступна пранізвае свядомасць думка, што *“сказаў не так, сказаў не тое...”.* Гэты паўтор з умаўчаннем завяршае цеснае для слоў і шырокае па змесце паэтычнае выказванне. Сваю ролю тут адыгрывае і фразема *душа баліць.*

Хоць у цэлым творчасць А. Пысіна належыць ваеннай тэматыцы, успамінам пра дні і дарогі Вялікай Айчыннай, таварышаў, паўшых і жывых, думкам пра лёсы сучаснікаў і нашчадкаў, дабро і зло, у яго знаходзяць месца і радасныя, светлыя падзеі і выпадкі, гумар і іронія.

Гаспадыня жмурыць вочы
І з усмешкай да свяціла:
Да зямлянкі неахвоча,
А тут, бач, як засвяціла! *[1, с. 22]*

Верш з чатырох строф вянчаецца прыведзенай апошняй на радаснай і ўзнёслай ноце. Дасягаецца гэта рыфмоўкаю двух слоў: *свяціла-засвяціла.* Пры гэтым у свядомасці чытача ўзнікае аманімічная пара *свяціла* (назоўнік) *–свяціла* (дзеяслоў). Другою ноткаю ў жарце гучыць дзеяслоў *жмурыць.* А ў вуснах гаспадыні кароткая форма *неахвоча* падкрэслівае народную дасціпнасць, шчырасць і непасрэднасць.

Хоць характар А. Пысіна рашучы, акцэнтаваны на ваяўнічым сумленні, прыведзены верш па праву адкрывае збор твораў.

Паняцці *дабро* і *зло, святло* і *змрок* усім знаёмыя. Зразумела кожнаму з казак дзяцінства і тое, што дабро і святло перамагаюць зло і змрок. Але па-новаму, паэтычна-вобразна выказаная думка ўспрымаецца свежа, яна не дакучлівая, без ценю навязвання.

Два светы ў памяці і змроку,
Мяжою – вастрыё ляза.
Ды я скажу святлу і змроку:
Дабра больш сеецца,
Чым зла. *[1, с. 205]*

Прыведзеныя радкі пацвярджаюць сказанае, па-першае, выкарыстаннем аднародных членаў сказа з супрацьлеглым значэннем, па- другое, – вобраз вастрыя ляза ў якасці мяжы паміж палярнымі паняццямі – думка свежая і ўспрымаецца эмацыянальна: вастрыё ляза – рэч сур’ёзная.

Параўнанне, параўнальныя звароты – важны сродак моўнага выражэння.

Сцяжынка на радзіму,
Як нітка без вузла.

Вось яно, пысінскае параўнанне. Колькі трэба прайсці жыццёвых дарог, пераадолець цяжкасцей, каб так, адным назоўнікавым словазлучэннем, выказаць усю глыбіню вялікага сэнсу чалавечага быцця, шчымлівага пачуцця прывязанасці да родных мясцін. Дарога дадому – лёгкая, хоць можа быць і доўгаю, ухабістаю ці якой іншай па фізічнай характарыстыцы *[1, с. 203]*.

Глыбокая лірычнасць, вобразнае бачанне свету, асобных праяў прыроды выклікала да жыцця тонка падмечаны эпітэт у вершы “Рачулка рыжая ў пасцелі...” *[1,с. 205]*.

Рачулка рыжая ў пасцелі
Заснула, як дзяўчо.
І душна ёй пасля мяцеліц –
Паказвае плячо.

Маленькая рачулка ў нізкіх берагах часта сапраўды рыжая, бо такую афарбоўку надае ёй балотная іржа, наяўнасць балотнай руды. І параўнанне *як дзяўчо* надае больш лірычнай каларытнасці: на адкрытым вятрам месцы снег не затрымаўся на гладкім лёдзе.

Надзвычай па-сучаснаму гучаць паэтычныя радкі А. Пысіна пра добры і благі пачатак у чалавеку, які з'яўляецца неадрыўнай часцінкай жывога свету, пра неабходнасць абачліва адносіцца да прыроды як асновы і будучага існавання чалавецтва.

Добрае даецца не аднекуль,
І благое – не ад цёмных траў.
Даўнюю злаславасць к чалавеку
Шчанюком прымае ваўкадаў. [1, с. 225]

Эпітэт *цёмных* (траў) выступае з новым значэннем: *атрутных, ядавітых.* А першыя два радкі можна лічыць крылатым выразам, афарызмам. Гэта вынік назіральнасці і глыбокага аналітычнага асэнсавання жыцця чалавека і прыроды.

І далей з абуральнай іроніяй гаворыць паэт пра рэпутацыю чалавека ў іншых прадстаўнікоў жывога свету. Важную ролю тут адыгрывае інтанацыя, рытарычны вокліч:

Паспрабуй вярні цяпер давер'е!
Нават жаўтароты верабей
Перад пашчай звера чысціць пер'е!
Ад цябе ж адлётвае далей.

Іронія выражаецца праз неадэкватныя паводзіны *“жаўтаротага вераб'я перад пашчай звера”* і перад чалавекам: для вераб'я звер і чалавек –адваротныя паняцці.

Дарэчы, гэта тэма знаходзіць месца і ў творчасці іншых аўтараў:

І брыдка робіцца і горка,
Калі, пабачыўшы мяне,
Як апантаная, вавёрка
На ёлку з хвоі сігане. (С.Грахоўскі. Давер.)

Паэзія лірычна-светлага, лірычна-ружовага колеру характарызуецца таксама сваімі моўнымі асаблівасцямі.

Потым купіну даілі
Пад маўкліваю сасной:
Журавіны ў донцы білі,
Бы ружовы сыradой. *[1, с. 242]*

Такія радкі гучаць звонка, шырока і бесклапотна-гарэзліва. Іншасказальнасць *(купіну даілі – журавіны білі),* параўнанне (частае кіданне спелых журавін у вядро нагадвае струю ружовага малака). А сасна замілавана сцішылася над гэтай ідыліяй, яна *–маўклівая,* моўчкі перажывае радаснае сузіранне.

А яшчэ ж над усім гэтым ёсць воблакі і цені ад іх, ласкавае сонца.

Збоку там стаяла сонца.
Набягалі і плылі
Цені возера па соснах,
Цені соснаў па зямлі.

У заключнай страфе – свае сродкі вобразнасці: метафары *(набягалі, плылі* цені), паўторы.

У глыбокай медытацыі А. Пысін імкнецца пранікнуць розумам у тайны абнаўлення жыцця, як нішто зусім бясследна не знікае, выступае ў іншай форме існавання матэрыі. Адсюль іншасказальнасць, параўнанні: жыццё чалавека – цвіценне як касцёр, пакінуць сябе ў будучыні – сябе пасеяць па зярнятку.

Узыдзем запаветным хоць на камні
І глыбока ўздыхнём касцьмі:
Жні, нашчадак, жні,
Касой касі
Толькі здуру не тапчы нагамі. [1, с. 268]

Аксюмаран *уздыхнём касцьмі,* гранічнасць выжывання *(узыдзем хоць на камні),* прамы зварот да нашчадка і паўтор *–жні, жні, касі, не тапчы* як бы сумяшчаюць заўтрашняе з сённяшнім. І адным словам грубавата-іранічна абазначана просьба-наказ – папярэджанне*здуру* (не тапчы нагамі).

Тонкая адчувальнасць магчымасцей спалучальнасці слоў для арыгінальнага, нестандартнага выражэння забяспечвае паэту стварэнне выключна прыцягальнай вобразнасці ў сваіх паэтычных радках.

Я гляджу праз гадоў павалоку:
Не гукнуць, не дагнаць, не дайсці.
...Усміхаешся блізка здалёку,
Як зялёная зорка ў лісці. [1, с. 273]

Стварэнне аксюмарана *блізка здалёку* (усміхаешся), які сам па сабе ўжо ўражвае, набывае яшчэ большую эмацыянальную афарбоўку дзякуючы градацыйнаму раду дзеясловаў з адмоўем *не*. Такую ж ролю адыгрывае і параўнальны зварот.

Вывады

Такім чынам,частковы лінгвістычны аналіз толькі малой часткі вершаў сведчыць пра шырокае выкарыстанне і разнастайнасць моўных сродкаў для стварэння высокапаэтычных вобразаў, уражлівых і запамінальных. Гэта ў першую чаргу пысінскія эпітэты:*крутая (далячынь), дрымотная (пасцель), бескапытная (дарога), высакавольтная (спякота), лабавое, адбеленае (слова), бяздомнае (святло),* метафары: *халадок (бярозы), заржэ (полымя), уздыбіцца (агонь);* перыфразы: *пайсціў сваю дывізію (сканчыць зямны шлях былому салдату), прынесці з дзялянак дарогу (намасціць дарогу бярвеннямі), птушыная босасць (дзяцінства), дрымотная пасцель (пляж), жалезныксцёр (палаючы самалёт);* фраземы, іх творчае выкарыстанне *душа баліць, танцаваць ад печы, гордзіеўвузел*; іншыя ўстойлівыя выразы: *шукаць іголкуўстозе сена, хапаць зоркі з неба, хто з мячом прыйдзе, ад мяча і загіне.* Ззяючымі пацеркамі ў вершах А. Пысіна рассыпаны амонімы, антонімы,каламбуры, аксюмараны *(высушваць вадой, блізка здалёку (усміхнуцца),трагедыі лірычны эпілог, не ўсё вядомае адкрыта).*

Аналіз тэкстаў вершаў паказваеўважлівы клопат паэта пра дакладнасць слова ў яго паэзіі. Многія сцісліыя вобразныя выказванні А. Пысіна лёгка запамінаюцца, яны эмацыянальна-ўражлівыя і могуць успрымацца як крылатыя выслоўі.

Літаратура

1. Пысін, А. Збор твораў: у 2. т. / А. Пысін. – Мінск: Выш. школа, 1989. – Т. 1: Вершы. – 399 с.

References

1. Pysin, A. (1989). Zbor tvoraw: u 2.t. [Collection of works: Vol.2]. Minsk: High school.

УДК 81'373.612.2 + 81'42

ТЕКСТЫ, ОСНОВЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРСОНИФИКАЦИИ ОТВЛЕЧЕННЫХ ПОНЯТИЙ

О.И. Ревуцкий
доцент, кандидат филологических наук,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Устанавливаются характерные для исследуемых текстов доминантные смысловые компоненты, определяющие особенности композиционно-смысловой структуры. Выявляются основные типы текстовых композиционных схем. Определяются особенности построения и организации персонифицирующих тропов в соответствии с факторами текстотипологического характера.

Ключевые слова: текст-троп, персонифицирующая метафора, смысловые компоненты, композиционная структура, текстотипологические факторы.

TEXTS BASED ON PERSONIFICATION OF ABSTRACT NOTIONS

O.I. Revutskiy
associate Professor, Cand. Phil. D.,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: irina_kovalevich@list.ru

The article is a study of dominant semantic components which determine the compositional-semantic structure of the texts under analyses. Basic types of text compositional schemes are defined. Peculiarities of composition and organization of personifying tropes are revealed in accordance with text-typological factors.

Key words: text-trope, personifying metaphor, semantic components, composition structure, text-typological factors.

Введение

Среди поэтических текстов, организованных по принципу тропов, наиболее распространены такие, которые основываются на персонификации, то есть на уподоблении предметов и явлений действительности человеку. Персонифицироваться могут и конкретные, и абстрактные понятия. Среди последних персонификации подвергаются преимущественно понятия, имеющие отношение к духовному миру человека. Начало этому процессу было положено в глубокой древности, когда человек уподоблял себе все окружающее.

В связи с тенденцией поэтического творчества к усложнению образной информативности троповость, рассматриваемая в современной филологии как средство двойного кодирования реальности, стала распространяться и на целые поэтические тексты. Это привело к выдвижению понятия текста-тропа. К числу одного из основных признаков подобных текстов мы относим соответствие качеству троповости не только отдельных текстовых элементов, но и предельно сжатой формулировки его смысла. Например, смысл текста есенинского стихотворения «Береза» можно сконцентрировать в виде следующей формулировки: «береза (тема) оделась в зимний наряд (рема)». Формулировка эта сама по себе метафорична. Второе условие троповости текста – это тенденция включающихся в его состав тропеических элементов к повторяемости и к замещению сильных позиций текста: употребление в качестве заглавия, в начале текста, в конце и в других композиционно значимых позициях.

Изучение текстов-тропов актуально и важно как для текстоведения, так и для теории тропа, в частности метафоры. Однако принимая во внимание то, что персонификация, выраженная в текстах, отличается повышенной концентрацией образных ассоциаций и представлений и часто опирается на прецедентные тексты, следует подчеркнуть и важность исследования подобных текстов для когнитивной лингвистики. Как справедливо замечает В. А. Маслова, текст представляет собой развернутый концепт, в то время как концепт можно считать свернутым текстом [1, с. 36]. Принимая понятие текста-тропа, мы исходим из выдвинутого Дж. Лакоффом и М. Джонсоном положения о том, что троповость способна распространяться на целые тропеические фрагменты.

Цели и задачи исследования

Цель настоящей статьи – выявить особенности текстов-тропов, основывающихся на персонификации отвлеченных понятий на основе ряда текстотипологических критериев: способы выражения базовых смысловых компонентов, имеющих композиционную значимость, установление между ними отношений контекст-партнерства, определение характерных для рассматриваемой категории текстов композиционно-смысловых тем, выявление некоторых особенностей и принципов организации тропов в соответствии с композиционными факторами и жанровым своеобразием.

Методы и материал исследования

Предметом исследования являются стихотворные тексты-тропы ряда русских поэтов второй половины XX века, где основным приемом троповости является персонификация отвлеченных понятий. В исследовании использованы следующие методы: структурно-смысловой метод, сравнительно-сопоставительный метод, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение

Наше исследование показало, что из понятий внутреннего мира человека персонификации в тексте чаще всего подвергается обозначение душевного состояния: радость, печаль, горе, тоска; личностные качества; черты характера: доверчивость, простодушие, доброта, отзывчивость; нравственно-оценочное понятие: правда, честь, кривда, совесть, добро, зло; понятия интеллектуальной деятельности: мысль, память, истина, мечта и др. Состав подобных групп строго не очерчен. Персонификации могут подвергаться и другие слова, так или иначе связанные с приведенными по значению.

При анализе текстов тропов необходимо учитывать ряд текстотипологических характеристик. Одна из них – это особенности ключевых элементов смысла: некоторые имеют характер тропов, а другие являются инструментами развертывания тропеически выраженного содержания. Подобные элементы,

как правило, имеют и композиционную значимость.

Анализ большого количества тестового материала позволяет сделать вывод, что такими составляющими в серии текстов, основанных на персонификации являются следующие: отвлеченное понятие, подвергшееся персонификации, иначе говоря, персонифинирующая метафора, персонаж, представляющий автора текста, который является своего рода моделью личности реального автора. В связи с тем, что основная форма представления автора – это первое лицо, для обозначения автора персонажа часто используется термин Я-субъект. Помимо названных в качестве доминирующих смысловых элементов текста могут использоваться обозначения других персонажей. Это может быть человек, близкий автору, литературный или сказочный персонаж и др. В этой же роли используются и обозначения человеческих коллективов, например: супружеская пара, группа родственников или неопределенно большое человеческое сообщество. Между доминирующими смысловыми компонентами существуют отношения контекст-партнерства, которые, в конечном счете, сводятся к одному предельно обобщенному смыслу – воздействие предмета персонификации на других персонажей, в большинстве случаев – на автора-персонажа. В некоторых группах текстов главный смысл сводится к оценке автором предмета персонификации, которому придаются черты человеческой личности.

Состав доминирующих смысловых компонентов текста и характер присущих им отношений контекст-партнерства является основой для определения композиционных схем текстов, имеющих типологическую значимость. В свою очередь, установление типов подобных схем может стать основой для дальнейших обобщений, которые касаются особенностей построения и развертывания тропов. При типологизации композиционных схем нами были выделены их опорные, базовые типы и те, которые представляют собой усложнения последних. К числу базовых мы относим две таких схемы. Первой соответствуют тексты с одним доминантным компонентом представляющим собой персонифицированную метафору. Второй, более распространенный тип, представляет тексты с двумя доминирующими компонентами: предметом персонификации и автором-персонажем. В качестве примеров второго типа можно назвать стихотворения Л.Мартынова «Тревога» и «Будничность», Б. Окуджавы «Я вновь повстречался с надеждой…», В. Ходасевича «Горе», С. Острового «Лень» и «Дуэль», А. Вознесенского «Невезуха», В. Цибина «Доверчивость» и «Воспоминания» и др. Отношения контекст-партнерства в данных текстах весьма разнообразны. Распространенный случай – это оказание метафорически созданной личностью какого-либо влияния на автора-персонажа, как правило, отрицательного. А позиция автора часто заключается в сопротивлении этому воздействию, однако в конце автор может пересматривать свое первоначальное отношение. Организация композиционных схем текстов часто носит и более сложных характер. Известны, например, тексты, в композицию которых включаются два персонифицированных понятия, часто связанные между собой отношениями сопоставления или противопоставления. Таковы тексты С. Острового «Честность», М. Цветаевой «Гордость и робость», Э. Осадова «Любовь, измена и Колдун».

В композиционной структуре некоторых текстов фигурируют два человеческих персонажа и один, созданный на основе персонификации понятий (Р. Рождественский «Ссора» и «Мода»). Приведенные тексты с тремя компонентами отличаются четкостью и симметричностью построения. Основной принцип организации смысловых блоков – параллелизм. Однако не редко встречаются случаи, когда отдельные смысловые блоки выпадают из общего рисунка, отличаясь большей протяженностью и развертываемостью по принципу последовательности.

Большая часть рассматриваемых в статье текстов соответствует общим канонам лирики. Такие тексты включают элементы описания, рассуждения, реже – повествования. В них широко распространены разные приемы построения чужой речи: монологи, диалоги, побудительные конструкции. При этом в роли говорящих очень часто выступают именно персонажи, созданные на основе метафоры. Нужно утверждать, что наиболее распространенным средством персонификации является речь. Они участвуют в спорах, убеждают, опровергают. Однако, подобным персонажам часто приписываются признаки человеческой внешности, которые различаются в зависимости от того, является ли персонаж положительным или отрицательным. Часто встречается моделирование человеческого поведения. При этом персонифицированный персонаж как бы берет на себя многое из поведения представленного в тексте человеческого персонажа. В подобных случаях персонификация сближается с метонимизацией.

Среди текстов рассматриваемой серии немало таких, которые отличаются высокой концентрацией текстовых и локальных тропов, причем некоторые из последних могут принадлежать разным типам. Так, наряду с персонифицирующей метафорой может соседствовать метафора анималистическая, основывающаяся на уподоблении животному, например, клевета в стихотворении С. Острового не только осуждает, но и подглядывает в замочные скважины, ползет сквозь сорную траву.

Для текстов с персонифицированными отвлеченными понятиями характерно привлечение фоновых знаний и прецедентных текстов. В этом плане наиболее показательны тексты, основывающиеся на обыгрывании афоризмов и сказочных сюжетов. Такие тексты находим у С. Острового, Л. Мартынова, Е. Евтушенко и ряда других авторов. В пресуппозицию текста С. Острового «Истина» входит мысль о том, что истина постоянно должна быть в поиске и никогда не останавливаться на достигнутом, поскольку это грозит ей превратиться в догму. Образно-тропеическое моделирование такого превращения в догму у С. Острового осуществляется с опорой на имеющую широкое хождение в разных вариантах притчу о неправильном воспитании, когда из любви к ребенку родители оберегают его от всяких трудностей, не понимая, что это наносит ему огромный вред. В роли юного существа как объекта воспитания в стихотворении С. Острового выступает истина, а в роли воспитателя, приемного отца – автор-персонаж. Сюжетная линия текста передает постепенную деградацию истины, которая становится все более эгоистичной, самодовольной, презрительно относящейся ко всему и всем. Приемный отец, несмотря на это, продолжал кропить истину слезами умиления. Однако позднее он отказался от подобного отношения и пришел к выводу, что истину, для ее же пользы, нужно отправить в странствие. Смысловая линия, связанная с поведением людей, и линия, имеющая отношение к истине как категории знания, пересекаются, причем элементы второй как бы вклиниваются в первую.

Начало текста дает основание считать, что поэт имел ввиду и свою истину, добытую тяжелым трудом: *Извел я десять тонн чернил / И как-то, в пору лютую, / Я Истину удочерил, худую необутую*... На основании этого можно сделать вывод, что автор, предельно утомленный своими поисками истины, решил остановиться. Второй реальный план тропа просматривается в приписываемых истине словах (*... вдруг стала Догмой звать себя, / а ласково – Догматика*), а также в словах автора в заключительной части текста (*Я знаю: Истина в пути...*).

В ряде текстов, основывающихся на фоновых знаниях, метафорически представленные персонажи выступают в роли людей, совершающих путешествие. Таков, например, текст Л. Мартынова «Любовь», где проводится параллель «Любовь – Красная Шапочка» и частично обыгрывается сюжет этой сказки. Основное содержание стихотворения таково: Любовь, заблудившаяся, как Красная шапочка, шла к некоему рубежу, где ее ждал недремлющий волк. На вопрос волка о том, кто она, Любовь поначалу не смогла дать однозначного ответа, сказав, что каждый понимает любовь по-своему: *Любовью к порядку зовет меня твердая Власть, / Любовью к доходам меня называют дельцы, / Любовью к походам считают меня удальцы* и т. д. Главной же в этом перечне названа любовь к свободе. Сказав это, Любовь-Красная Шапочка почувствовала огромный прилив сил и прогнала испугавшегося волка. Показательно, что во включенных в текст стихотворения фрагментах сюжета сказки «Красная Шапочка» обнаруживается некоторая перестановка событий. В сказке в роли спрашивающей оказывается сама путешественница, а в тексте Л. Мартынова вопросы задает волк. В сказке «Красная Шапочка» становится жертвой волка, а здесь она одерживает над ним верх.

Сценарий путешествия положен также в основу текста С. Ботвинника «Были войны, расстрелы, увечья...», Л. Мартынова «Печаль-путешественница», Е. Евтушенко «Приключения мысли» и других поэтов. Достаточная распространенность содержания подобных текстов с частой опорой на фоновые знания и некоторые особенности организации текстовых тропов дают основание говорить об их принадлежности подобных текстов к одному текстотипу.

Выводы

Предпринятое исследование позволяет отметить следующее: поэтические тексты-тропы, основывающиеся на персонификации отвлеченных понятий, имеют ряд особенностей, отличающих их от текстов, которые основываются на персонификации конкретных понятий. Это касается набора приписываемых объектом персонификации признаков, свойственных человеку. Например, метафорически моделированные персонажи очень часто выступают как говорящие. Большинство текстов рассматриваемой серии основываются на контекст-партнерстве таких персонажей с персонажами-авторами. Весьма характерно также частое включение в тексты и других персонажей: групп людей и человеческих сообществ. В текстах рассматриваемой серии четко вырисовывается определенная композиционная схема. Развертывание содержания часто осуществляется по сюжетному принципу, при этом часто обнаруживается опора на фоновые знания.

Литература

1.Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А Маслова. – Мн. : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

References

1. Maslova V. A. (2004) Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. Minsk : TetraSystems. (In Russ).

УДК 811.161.3’373.23:821.161.3

МЯНУШКІ Ў СОЦЫУМЕ І Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ

В. Р. Слівец
магістр філалагічных навук, аспірант кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: kovsharolga@tut.by

Артыкул прысвечаны асаблівасцям функцыянавання мянушак як асобай катэгорыі антрапонімаў у соцыуме і ў мастацкім тэксце. Прааналізаваны асноўныя падыходы навукоўцаў (М. Бірыла, Г. Мезенка, В. Шур, А. Рогалеў, І. Шумская, С. Бут-Гусаім) да вызначэння сутнасці і аб’ёму паняцця “мянушка”, камунікатыўнага статусу гэтых моўных адзінак і іх тыпалогіі. Разгледжана класіфікацыя мянушак і акрэслены іх асноўныя семантычныя групы. Асобная ўвага надаецца аналізу сямейных мянушак-празванняў, адантрапанімічных найменняў (адпрозвішчных мянушак) і функцый, якія яны выконваюць у камунікатыўнай сферы і ў тэкстах мастацкай літаратуры.

Ключавыя словы: антрапонім, апелятыў, мянушка, функцыі, мастацкі тэкст.

NICKNAMES IN SOCIETY AND IN A LITERARY TEXT

V. R. Slivets
Master of Philology, Graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: kovsharolga@tut.by

The article is devoted to the peculiarities of nickname usage in society and in a literary text, nicknames are regarded as a particular category of anthroponyms. The main scientific points of view (M. Birila, G. Mezenka V. Shur, A. Rogalev I. Shumskaya, S. But-Gusaim) to the definition of the content “nickname” concepts, communicative status of this language units and their typology are analyzed. Nicknames classification and its main semantic groups are considered. Special emphasis is given to analysis of family nicknames, nicknames, which are derived from the surnames, and of the functions that it performs in the communicative sphere and in a literary texts.

Key words: anthroponym, appellative, nickname, functions, literary text.

Уводзіны

Мянушкі складаюць значны лексіка-семантычны пласт мовы, аднак гэта катэгорыя антрапонімаў, у параўнанні з іншымі спосабамі іменавання асобы, пакуль застаецца найменш даследаванай. У айчынным мовазнаўстве прыроду мянушак як дадатковых сродкаў ідэнтыфікацыі асобы ў розныя перыяды вывучалі М. Бірыла, Г. Мезенка, Г. Усціновіч, В. Шур, У. Івашка, У. Бобрык, асаблівасці функцыянавання такіх анамастычных адзінак у мове мастацкай літаратуры – В. Шур, А. Рогалеў, В. Ляшкевіч, С. Бут-Гусаім, Н. Лобань, В. Струкаў і інш. Аднак і дагэтуль існуюць розныя погляды на вызначэнне сутнасці гэтага паняцця, а тыпалогія мянушак, іх структурна-семантычныя мадэлі і камунікатыўны статус многімі навукоўцамі разглядаюцца і ацэньваюцца неаднолькава.

Мэты і задачы

Мэта нашага даследавання – тэарэтыка-крытычнае абагульненне асноўных навуковых поглядаў і падыходаў па акрэсленай тэме: вызначэнне семантыкі і аб’ёму паняцця “мянушка”, вылучэнне асаблівасцей функцыянавання неафіцыйных імёнаў у грамадстве і ў мастацкіх тэкстах.

Метады і матэрыял даследавання

Пры напісанні артыкула былі выкарыстаны агульнанавуковыя метады абагульнення, аналізу, а таксама апісальна-інтэрпрэтацыйны і стылістычны метады вывучэння анамастычных адзінак у мастацкім тэксце. У якасці ілюстрацыйнага матэрыялу прыводзяцца прыклады, сабраныя аўтарамі прааналізаваных навуковых прац, і ўласна адабраныя аўтарам гэтага артыкула з тэкстаў твораў В. Карамазава, В. Коўтун, А. Мальдзіса.

Вынікі і іх абмеркаванне

Паводле часу свайго ўзнікнення мянушкі сярод усіх антрапанімічных адзінак у мовах усходніх славян з’яўляюцца самымі старажытнымі і вядомы з дахрысціянскай эпохі, калі яны былі набліжаны да ўласных асабовых імёнаў і ўтвараліся на базе апелятыўнай лексікі (*Грыб*, *Воўк*, *Чапля*, *Рабы*, *Бабыль*), семантыка якой вызначала выбар такога імя-мянушкі. Прыняцце хрысціянства і распаўсюджванне ў грамадстве кананічных імёнаў паступова змянілі статус ужывання мянушак, якія сталі выконваць функцыю дадатковай дыферанцыяцыі асобы, што абумовіла пераход такіх адапелятыўных антрапонімаў у разрад прозвішчаў. Паказальна,

што каля 40 % тыповых беларускіх прозвішчаў (*Бондар*, *Заяц*, *Коваль*, *Пінчук*, *Шупеня* і г. д.) утвораны ад былых мянушак. Таму не без падставы гэты тып антрапонімаў лічаць “пераходнай моўнай характарыстычнай адзінкай паміж уласным імем і прозвішчам” [7, с. 57].

У сучаснай айчыннай антрапаніміі традыцыйна значэнне гэтага паняцця раскрываецца як “неафіцыйнае найменне чалавека, дадзенае па яго знешніх ці ўнутраных асаблівасцях, паводзінах, характары заняткаў, пасадзе, прозвішчы і інш.” [1, с.117–118]. У “Слоўніку рускай анамастычнай тэрміналогіі” Н. Падольскай таксама адзначаецца, што мянушка − гэта дадатковае неафіцыйнае імя, дадзенае чалавеку іншымі людзьмі ў адпаведнасці з яго характэрнай рысай, спадарожнай яго жыццю акалічнасцю, па якой-небудзь аналогіі, паводле паходжання і іншых матывах [4, с. 111]. Сярод прычын узнікнення мянушак у соцыуме большасць даследчыкаў называюць дзве асноўныя: 1) недастатковая колькасць афіцыйных імёнаў у параўнанні з патрэбамі камунікантаў (напрыклад, у межах аднаго паселішча, дзе большасць жыхароў мае аднолькавае прозвішча); 2) імкненне да дакладнай персаніфікацыі асобы, яе выдзялення паводле нейкай канкрэтнай якасці ў пэўным калектыве, соцыуме.

У грунтоўным даследаванні “Беларуская антрапанімія” (1966) М. Бірыла адзначаў, што за кожнай мянушкай стаіць пэўны рэальны факт, які паслужыў прычынай яе ўзнікнення. Часцей за ўсё такія антрапанімічныя адзінкі характарызуюць асобу паводле яе знешняга выгляду, якасці ці рысы характару, прафесіі, асноўнага занятку чалавека, у сувязі з рознымі вызначальнымі падзеямі і г. д. [2, с. 182]. Таму большасць імёнаў-мянушак у сваёй аснове захоўваюць лексемы, якія абазначаюць асобу па якой-небудзь прымеце ці роду дзейнасці (*Гаварушка*, *Горбач*, *Каратыш*, *Мельнік*, *Ткач* і інш.). На думку вучоных, практычна ўсе агульныя імёны могуць ужывацца ў якасці мянушак.

Паводле меркавання С. Бут-Гусаім, мянушкі маюць дваістую прыроду: служаць дадатковым сродкам ідэнтыфікацыі асобы ў пэўным соцыуме, але пры гэтым яны не сапраўдныя імёны. Не з’яўляецца мянушка і характарыстыкай, бо ў ёй не прадстаўлена характэрная (тыпалагічная) прымета прадмета. Але яна па сваёй прыродзе “характарыстычная і рэпрэзентатыўная: у ёй індывід прадстаўлены праз пэўную прымету” [3, с. 58]. Такія найменні падкрэсліваюць “інакшасць” іх носьбіта, выступаюць “вербальнай меткай чалавека”. На думку даследчыцы, “мянушка выразна рэалізуе ідэю недастатковасці, ганебнасці чаго-, каго-небудзь, бо калі адзначаюць (мецяць) аб’ект, то звычайна адзначаюць недахопы”, “наяўнасць у чалавека мянушкі сведчыць пра тое, што члены грамадства ставяцца да яго адчужана – не як да ўнікальнай самабытнай асобы, а як да індывідуалізаванага “мечанага” аб’екта”
[3, с. 61−66]. Аднак, як нам здаецца, гэта сцвярджэнне даволі спрэчнае, абвяргаюць якое, напрыклад, даволі шматлікія прыклады выкарыстання мянушак у мастацкіх творах, дзе яны, у залежнасці ад сваёй эмацыянальна-ацэначнай афарбоўкі, могуць даваць персанажу як адмоўную, так і станоўчую характарыстыку. Напрыклад, мянушку *Бацька*, *Стары* меў Якуб Колас, што яго зусім не крыўдзіла, бо выгадна выдзяляла сярод таварышаў і сяброў. У аповесці “Зямля Фердынанда” пра вядомага беларускага пейзажыста Ф. Рушчыца В. Карамазаў адзначаў, што свайго настаўніка і знакамітага мастака-перасоўніка Архіпа Куінджы вучні-жывапісцы называлі *Зеўсам*, падкрэсліваючы гэтым яго паходжанне (меў грэчаскія карані), высакароднасць паставы, рухаў, у якіх адчуваліся ўнутраны і фізічны моц, упэўненасць, уладарнасць і вялікі аўтарытэт, якім ён карыстаўся ў мастакоўскім асяроддзі.

Менавіта ў мове мастацкай літаратуры. найбольш выразна выяўляюцца ацэначна-характарыстычная функцыя мянушак, іх экспрэсіўнасць. Як адзначае В. Шур, “сутнасць такіх анамастычных адзінак у канве твораў асабліва відавочная: яны ўтвараюцца на базе агульнавядомых апелятываў з матывавана азначанай лексіка-семантычнай характарыстыкай ці ад звычайных прозвішчаў і асабовых уласных імёнаў, мастакамі слова яны адпаведным чынам тлумачацца і выкарыстоўваюцца як дзейсны характаралагічны сродак пры апісанні персанажа” [7, с. 131]. Так, А. Рогалеў адносіць мянушкі да “прамагаваркіх” антрапонімаў, асабліва тыя, што падкрэсліваюць знешнія рысы дзейных асоб.

Такія прыметы мянушак як трапнасць, дасціпнасць спрыяюць таму, што нярэдка ў мастацкім творы яны таксама выступаюць як сродкі стварэння камічнага эфекту, гумару, іроніі, сарказму, што на прыкладах з анамастыкону беларускай драматургіі прасачыў В. Рагаўцоў.

Амаль усе мянушкі ў мастакім тэксце канатацыйна насычаныя і маюць выразную нацыянальную і культурна-гістарычную спецыфіку, што праяўляецца праз ацэнку дзейнасці, учынкаў персанажа, яго маральнага аблічча, жыццёвых прынцыпаў. Важным момантам з’яўляецца і тое, што выкарыстанне аўтарам мянушак у тэксце мастацкага твора не толькі сродак апісання носьбіта гэтага празвання, а яшчэ і спосаб ацэнкі і характарыстыкі таго героя, які стварае ці ўжывае такія найменні.

Традыцыйна, акрамя індывідуальных, вылучаюць яшчэ і групавыя (калектыўныя, сямейныя, родавыя) мянушкі, якія называюць групы людзей, цэлыя сем’і і нават выступаюць у якасці агульнай назвы жыхароў асобных

населеных пунктаў. Так, адметныя прыклады калектыўных мянушак прыводзяцца ў гісторыка-дакументальным рамане В. Коўтун “Крыж міласэрнасці”: *Шапцюхі* − прадстаўнікі старажытнага шляхецкага роду, заснавальнікі Львова – Шаптыцкія, якія атрымалі сваё імя ад назвы паселішча Шаптыцы (сучасная Львоўская вобл. Украіны); *“Лесгафтычкі”* − слухачкі Курсаў выхавацельніц і кіраўніц фізічнай адукацыі, заснаваных у 1893 г. П. Ф. Лесгафтам; *“Гіргуны”* − мясцовая адзнака этнічных літоўцаў (відаць, паводле фанетычных асаблівасцей маўлення), дадзеная ім насельніцтвам беларускага памежжа і інш.

Паводле назіранняў этнографаў, лінгвістаў (А. Рогалеў, В. Шур), у гісторыі ўсходнеславянскіх народаў вядомы прыклады, калі калектыўныя мянушкі замацоўваліся за цэлымі паселішчамі і станавіліся іх афіцыйнымі назвамі (напрыклад, тапонімы *Бягі*, *Бягені*, што ўтвораны ад архаізаванай формы *бежь* − ‘бежанцы, уцекачы’). Нярэдка такія мянушкі, утвораныя ад назвы былога месца пражывання, станавіліся і асновай для прозвішчаў тыпу *Мсціславец*, *Пінчук*, *Случак* і г. д. Такія і іншыя падобныя прыклады ўяўляюць сабою адлюстраванне ў мове гісторыка-культурных, этнасацыяльных працэсаў, выступаюць крыніцай разнастайнай экстралінгвістычнай інфармацыі [7, с. 59].

Асобую групу прадстаўляюць сямейныя (родавыя) мянушкі-празванні: *Карабкі* – сям’я Карабіцкіх, *Дудкі* – сям’я Дудковых, якія найбольшае сваё распаўсюджванне набылі менавіта ў сельскай мясцовасці. Называюць таксама найменні для ўнутрысямейных адносін (генесіянімічныя), утваральнай базай для якіх сталі імёны, прозвішчы і мянушкі прадстаўнікоў аднаго роду, сям’і, таму такія найменні адрозніваюцца па форме ў старэйшых і маладзейшых прадстаўнікоў сям’і, у мужчын і жанчын і г. д. (*Чорт* і *Чартак*, *Чарціха*). Сярод генесіянімічных мянушак-празванняў вылучаюць: патронімы – найменні нашчадкаў, утвораныя ад імён, прозвішчаў або мянушак бацькоў або больш далёкіх продкаў па мужчынскай лініі (*Барысавы*, *Аграномавы*); матронімы − ад імён, прозвішчаў або мянушак маці ці больш далёкіх продкаў па жаночай лініі (*Матронін*, *Удовішка* ← *Удава*); андронімы – найменні жонак, утвораныя ад імён, прозвішчаў або мянушак мужоў (*Лявоніха*, *Гвоздзіха*); гінонімы – найменні мужоў, утвораныя ад імён, прозвішчаў або мянушак жонак (*Улыбін* ← *Улыба*); адэльфонімы – найменні братоў і сясцёр (старэйшы брат – *Сіні*, малодшы брат – *Падсінены*, малодшая сястра – *Сінічка*) і інш. [1, с. 121 – 123].

Бытуюць сямейныя мянушкі-празванні пераважна у народна-дыялектным маўленні, а таксама выкарыстоўваюцца ў мове мастацкай літаратуры. Такія спецыфічныя онімы, якія “выразна перадаюць нацыянальную назыўную традыцыю, характэрную для сялянскага анамастыкону”, вылучаў В. Шур, аналізуючы анамастычную лексіку твораў Якуба Коласа (напрыклад, *Мартынава Ева* – жонка Мартына Рыля, *Сымоніха* – жонка Сымона, *Сусліха* – жонка Кандрата Суслы) [7, с. 157]. Даследуючы анамастыкон гістарычнай прозы пісьменнікаў Брэстчыны (творы З. Дудзюк, А. Наварыча, В. Коўтун і інш.), С. Бут-Гусаім заўважала, што сямейныя (родавыя) мянушкі выкарыстоўваюцца і ў асяроддзі інтэлігенцыі і нават прадстаўнікоў вышэйшых слаёў соцыуму. Шматлікія прыклады з тэкстаў мастацкай літаратуры пацвярджаюць гэта. Так, у гісторыка-мастацкай аповесці А. Мальдзіса “Восень пасярод вясны” побач з андронімамі *Гармашыха* (жонка селяніна Гармаша), *Талоччыха* (жонка аканома Талочкі) ужываюцца мянушкі-празванні жанчын, утвораныя ад прозвішчаў іх мужоў, якія належаць да іншага сацыяльнага класа: *Дайнаровічыха* – жонка пана Дайнаровіча, пані *Дамейкава* – жонка пана Дамейкі, пані *Кіркарова* – жонка Адама Кіркова – гісторыка, этнографа і публіцыста.

Між тым, вызначэнне паняццяў “адантрапанімічныя найменні” і “адпрозвішчныя мянушкі”, у прыватнасці, з’яўляецца адным з асноўных спрэчных пытанняў. Так, не ўсе даследчыкі адносяць адантрапанімічныя дэрываты да ліку мянушак. Напрыклад, І. Шумская ў артыкуле “Пра адзін тып антрапонімаў” палемізуе з іншымі лінгвістамі, якія такі тып найменняў альбо вылучаюць у асобную групу фатычных імёнаў (побытавых), што выконваюць толькі так званую кантактную функцыю (В. Аляксандрава), альбо называюць іх мянушкамі, але “немаркіраванымі”, “асемантычнымі”, з “нулявой унутранай формай” (З. Нікуліна), з чым не ўсе пагаджаюцца, “бо ўсякая мянушка ёсць моўны знак, і ён, як і іншыя словы-знакі, мае багатую гаму адценняў. Таму і адпрозвішчныя мянушкі не могуць быць асемантычнымі, гэта супярэчыла б іх прызначэнню” [6, с. 26]. Сваю думку І. Шумская адстойвае на прыкладах адзінак, утвораных ад аднаго прозвішча, але з рознымі семантычнымі адценнямі: *Баран* і *Баранчык* − ад прозвішча *Баранаў*, а таксама *Сцепанючка* і *Сцепанючыха* – ад прозвішча *Сцепанюк*, *Гайдучышка* і *Гайдучка* – ад *Гайдук*, у якіх інфармацыйная характарыстыка выражаецца пры дапамозе экспрэсіўна-эмацыянальных суфіксаў *-к-*, *-ых-*, *-ыш-*, *-чык*. У працэсе ўжывання такія мянушкі могуць набываць дадатковую матывацыю на аснове асацыяцый па іншых прыкметах: *Бараноўскі* → *Баран* − ‘упарты, не зусім кемлівы чалавек’ [6, с. 27].

Увогуле ўпершыню адпрозвішчныя найменні сталі аб’ектам спецыяльных навуковых даследаванняў З. Нікулінай, якая правяла іх агульную характарыстыку, вызначыла семантыку, звярнула ўвагу на некаторыя спецыфічныя

асаблівасці, акрэсліўшы асноўныя спосабы ўтварэння. На яе думку, функцыя адпрозвішчных мянушак у маўленні выключна назыўная, а самі яны нічога характарызаваць не могуць і з'яўляюцца асемантычнымі (*Кузя ← Кузнецов*, *Медя ← Медведева*). Акрамя З. Нікулінай, сярод расійскіх лінгвістаў названыя анамастычныя адзінкі ў сваіх навуковых даследаваннях разглядалі П. Паротнікаў, Т. Мешчаракова, В. Аляксандрава, А. Палякова, М. Ушакоў і інш. Так, П. Паротнікаў, проціпастаўляючы апелятыўным (створаным на базе апелятываў) анамастычныя мянушкі, суадносныя з прозвішчамі, выказваецца на карысць ужывання тэрміна "адпрозвішчныя мянушкавыя найменні" ў сувязі з неканчатковай вырашанасцю пытання аб тыпалогіі мянушак і неакрэсленасцю крытэрыяў іх вылучэння з ліку усіх антрапонімаў. На думку даследчыка, значная частка прозвішчаў захоўвае сэнсавую сувязь з уласнымі назоўнікамі, якія ляжалі у аснове ранейшых імёнаў-мянушак (*баран → Баран → Баранов*), і з асабовымі уласнымі імёнамі (*Степан → Степанов*), а таму пры ўтварэнні такіх антрапанімічных адзінак "у значнай ступені ўлічваецца сэнсавы бок прозвішчнага эпоніма і паўтараюцца вядомыя сродкі словаўтварэння апелятываў ці уласных асабовых імёнаў" [5, с. 71].

Аўтары вучэбнага дапаможніка "Беларуская антрапанімія" (2009) адантрапанімічныя онімы, сярод якіх найбольш частотнымі з'яўляюцца адпрозвішчныя, вылучаюць у асобную семантычную групу − мянушкі, утвораныя ад *"nomina personalia"* (тыпу *Воўк*, *Ваўчок* і *Ваўчыха* – ад Волкава, *Кузя* – ад Кузьмянкова). Уключэнне такіх адзінак у разрад мянушак тлумачыцца тым, што яны, як і ўсе мянушкі, "ужываюцца ў абмежаваным асяроддзі, акрамя асноўнай анамастычнай (намінатыўнай), выконваюць інфарматыўную і кантактную функцыі" [1, с. 131], таму можна гаварыць аб падабенстве паміж адпрозвішчнымі (адантрапанімічнымі) і ацэначна-характарыстычнымі мянушкамі.

Вывады

Такім чынам, неафіцыйныя найменні чалавека па сваёй прыродзе з'яўляюцца поліфункцыянальнымі. Калі мянушкі (у класічным іх разуменні) паслядоўна выконваюць у грамадстве ідэнтыфікацыйна-характарыстычную функцыю, а ў сферы мастацкай літаратуры найчасцей ужываюцца як эмацыянальна-экспрэсіўны і ацэначны сродак апісання вобраза-персанажа, то адантрапанімічныя найменні выдзяляюцца ў асобную семантычную групу мянушак-празванняў і адрозніваюцца значна менш выражаным ацэначна-характарыстычным патэнцыялам. Іх асноўныя функцыі – намінатыўная і кантактная.

Літаратура

1. Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г. М. Мезенка (навук. рэд.) [і інш.]. − Віцебск: УА "ВДУ імя П. М. Машэрава", 2009. – 254 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М. В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
3. Бут-Гусаім, С. Ф. Характарыстычныя назвы чалавека ў беларускай мове / С. Ф. Бут-Гусаім // Веснік Брэсц. ун-та. – 2001. – № 5. – С. 58–68.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская; Отв. ред. А. В. Суперанская. − 2-е изд, перераб. и доп. − М.: Наука, 1988.−192 с.
5. Поротников, П. Т. О способах образования отфамильных прозвищных именований / П. Т. Поротников // Вопросы ономастики. − Свердловск: УрГУ, 1976. − № 11. − С. 70 − 74.
6. Шумская, І. А. Пра адзін тып антрапонімаў / І. А. Шумская // Беларуская анамастыка: зб. арт. / Акад. навук БССР. Ін-т мовазнаўства ; рэд. М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова. − Мінск: Навука і тэхніка, 1992. − С. 26–31.
7. Шур, В. В. Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія / В. В. Шур. – Мазыр: Выснова, 2018. – 355 с.

References

1. Mezenka G. M. (Ed.) (2009) *Belaruskaja antrapanimija: vuchjebny dapamozhnik. [Belarusian anthroponymy]*. Vicebsk: VSU named after P. M. Mashjerov". (In Blr).
2. Biryla M. V. (1966). *Belaruskaja antrapanimija: Ulasnyja imjony, imjony-mjanushki, imjony pa bac'ku, prozvishchy. [Belarusian anthroponymy: Proper names, nicknames, patronymic names, surnames]*. Minsk: Science and technology. (In Blr).
3. But-Gusaim S. F. (2001). *Haraktarystychnyja nazvy chalaveka u belaruskaj move. Vesnik Brjesc. un-ta. [Characteristic names of a person in Belarusian. Bulletin of Brest University]*. 5, 58 – 68. (In Blr).
4. Podol'skaja N. V. (1988*). Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. [Dictionary of Russian onomastic terminology]*. Moskow: Science. (In Russ).
5. Porotnikov P. T. (1976*). O sposobah obrazovanija otfamil'nyh prozvishhnyh imenovanij. Voprosy onomastiki. [About means of formation of the nicknames, which are derived from surnames. Onomasty questions]*. Sverdlovsk: UrSU. 11, 70−74. (In Russ).
6. Shumskaja I. A. (1992*). Pra adzin typ antraponimau. Belaruskaja anamastyka: zb. art. [About one type of anthroponym. Belarusian onomastics: collection of articles]*. Minsk: Science and technology. 26 – 31. (In Blr).
7. Shur V. V. (2018). *Belaruskija ulasnyja imjony: belaruskaja antrapanimija i tapanimija. [Belarusian proper names: belarusian anthroponymy and toponymy]*. Mozyr: Vysnova. (In Blr).

УДК 821.161.3.09

СПЕЦЫФІКА ГІСТАРЫЧНА-ДЭТЭКТЫЎНЫХ ТВОРАЎ Л. РУБЛЕЎСКАЙ

А.У. Сузько,
дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі,
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: suzko-1974@tut.by

Г.М. Дзенісовіч,
студэнтка філалагічнага факультэта
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле аналізуюцца ідэйна-мастацкія асаблівасці гістарычна-дэтэктыўнай прозы сучаснай беларускай пісьменніцы Людмілы Рублеўскай. З дапамогай культурна-гістарычнага і параўнальна-гістарычнага метадаў выяўлены нацыянальныя літаратурныя традыцыі і наватарскія рысы ў яе творчасці, вызначана сувязь гісторыі і сучаснасці ў ёй, падкрэслена шматузроўневая, блізкая да постмадэрнісцкай, структура яе твораў. Зроблены вывад аб тым, што ў гістарычна-дэтэктыўных творах Людмілы Рублеўскай актуалізуюцца нацыянальныя прыярытэты і маральна-духоўныя каштоўнасці беларускага народа.

Ключавыя словы: беларуская гісторыя, сучаснасць, дэтэктыў, постмадэрнізм, творчасць.

SPECIFICS OF HISTORICAL-DETECTIVE WORKS BY L. RUBLEVSCAYA

E.V. Suzko,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professorof the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republik of Belarus
E-mail: suzko-1974@tut.by

A.N. Denisovich,
student of the Faculty of Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republik of Belarus

The article deals with conceptual and artistic features of historical-detective prose of the modern Belarusian writer Lyudmila Rublevskaya. National literary traditions and innovative features in her works are revealed using cultural-historical and comparative-historical methods, the connection of history and modernity is defined, the multi-level structure of her works close to postmodern is emphasized. It is concluded that the national priority and moral and spiritual values of the Belarusian people are actualized in historical-detective works by Lyudmila Rublevskaya.

Key words: Belarusian history, modernity, detective story, postmodernism, creative work.

Уводзіны. Творчасць Л. Рублеўскай прыкметна вылучаецца на агульным фоне сучаснай беларускай гістарычнай прозы. Відавочна, што яе творы нельга назваць цалкам гістарычнымі. Паколькі найчасцей за ўсё дамінантным храналагічным пластом яе твораў з'яўляецца сучаснасць з яе вострымі праблемамі страты маральна-духоўных арыенціраў грамадствам, бездухоўнасці, нацыянальнага нігілізму і гістарычнага бяспамяцтва.

У іх гістарычны матэрыял перамяжоўваецца з авантурна-прыгодніцкімі, дэтэктыўнымі, філасофскімі, сацыяльна-псіхалагічнымі элементамі, што дае падставу многім даследчыкам гаварыць пра шматузроўневую структуру яе твораў, творчае перайманне пісьменніцай вопыту сучаснага постмадэрнісцкага досведу (Д.Бугаёў, В. Шынкарэнка, В. Лысова, І. Шаўлякова і інш.).

Мэты і задачы. Л. Рублеўская ў асэнсаванні беларускай гісторыі абрала для сябе шлях нацыянальна-духоўнага светапазнання.Так, І. Шаўлякова лічыць, што яна стварае ў межах сваіх мастацкіх вопытаў музей, у якім "гістарычны факт, падзея альбо постаць вырастаюць да самастойнага экспанату ў тым музеўме, дзе Людміла Рублеўская збірае найбольш каштоўнае – для сябе, сваіх дзяцей і свайго народу…" [6, с. 56].

Праявай бясспрэчнага наватарства пісьменніцы ў галіне беларускай гістарычнай прозы, на нашу думку, сталі эксперыменты аўтара ў рэчышчы пошуку жанраўполіфанічнага зместу. "Дзякуючы ёй, – лічыць В. Лысова, нацыянальная гістарычная проза апошніх дзесяцігоддзяў стала яскравым прыкладам жанравай дыфузнасці і разамкнёнасці" [3, с. 12]. У высвятленні спецыфікі гістарычна-дэтэктыўнай прозы

Л. Рублеўскай і заключаецца мэта нашага даследавання.

Метады і матэрыял даследавання. Вызначэнню адметнасці гістарычна-дэтэктыўнай прозы Л. Рублеўскай садзейнічае выкарыстанне культурна-гістарычнага, параўнальна-гістарычнага метадаў даследавання. Творы Л. Рублеўскай (аповесці “Пярсцёнак апошняга імператара”, “Сэрца мармуровага анёла”, раманы “Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію”, “Золата забытых магіл” і інш.) унікальныя паводле аўтарскіх кампазіцыйна-сюжэтных рашэнняў і вольнага абыходжання з катэгорыяй мастацкага часу. У межах аднаго твора пісьменніца можа аперыраваць некалькімі часавымі зрэзамі. Як, напрыклад, у аповесці “Пярсцёнак апошняга імператара”, дзе ў адным мастацкім цэлым суіснуюць падзеі другой паловы XV стагоддзя, калі пад націскам асманаў знікла з палітычнай карты свету Візантыйская імперыя; пачатак XX стагоддзя, калі, паводле ўмоўна-мастацкага мыслення Л. Рублеўскай, перадавое, вольналюбівае студэнтцва марыла аб стварэнні Каралеўства Беларусь; гады культу Сталіна; пераходны момант паміж XX і XXI стагоддзямі. Такі тып арганізацыі тэкставай прасторы дазваляе прасачыць сувязь паміж мінулым і сучаснасцю, убачыць, як гістарычныя ўрокі былі ўлічаны наступнымі пакаленнямі. Яе героі – нашы сучаснікі – з’яўляюцца нашчадкамі тых, хто некалі здзяйсняў у мінулым высакародныя альбо ганебныя ўчынкі, яны адказваюць за грахі і славу сваіх продкаў.Пісьменніца лічыць, што мастацкі час – гэта не столькі катэгорыя фізічная, колькі духоўна-маральная, хрысціянска-пакаяльная.

Вынікі і іх абмеркаванне. Для мастацкай структуры твораў Л. Рублеўскай увогуле характэрна паралельнасць сюжэтных ліній, паралельнасць дзеяння ў розных часавых варунках. Адзін з яе раманаў нават атрымаў жанравае вызначэнне “паралельны раман” (“Золата забытых магіл”). Дзеянне ў творы рухаецца паралельна ў XXI стагоддзі, калі ўжыцці Паліны Ведрыч, нашай сучасніцы, з’яўляецца каменная жабка з надмагілля паўстанца 1863 года Вінцэся Рашчынскага; і ў XIX стагоддзі, падчас паўстання пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага. Інтрыга падтрымліваецца і тым, што Паліна Ведрыч і Вінцэсь Рашчынскі звязаны паміж сабой кроўнымі, роднаснымі сувязямі, пра якія гераіня пакуль не здагадваецца. Пісьменніца ўздымае ў творы важныя праблемы, якія існавалі і ў ходзе самога паўстання: непаразуменне паміж сялянамі і актыўнай шляхтай, нянавісць, варагаванне паміж імі, лёс інсургентаў, іх сем’яў, трагічны лёс былога паўстанца, які ў юнацтве марыў аб грамадстве, заснаваным на справядлівасці, верыў у сумленнасць, шчырасць і высакароднасць іншых людзей, але стаў “здраднікам” і выгнаннікам па волі лёсу. Якраз рамантызацыя і белетрызацыя садзейнічаюць актуалізацыі гэтых праблем і прымушаюць чытача думаць, разважаць, крытычна ставіцца да сучаснасці і да гісторыі.

Поліфанізму твораў Л. Рублеўскай спрыяе і канфлікт паміж вечным і часовым, гераічным і меркантыльным, увасоблены ў сюжэтнай структуры яе твораў, напрыклад, на ўзроўні асабіста-інтымнага жыцця персанажаў. Драматычны сэнс гэтага канфлікту асабліва відавочны ў лёсе тых, хто ахвяруе сабой, сваім жыццём дзеля высокіх ідэй, дзеля Айчыны, як гэта было, напрыклад, з Вінцэсем Рашчынскім, што атрымаў золата ад пана Людвісара за тое, што пайшоў на смерць за яго сына, страціў лепшага сябра Марка Рагманава, які вырашыў ахвяраваць сабой, і так і не даведаўся, што атрыманае золата было фальшывым. Толькі нашчадкі даведваюцца пра гэты падман і разумеюць усю ступень чалавечага падзення і ўзвышэння. І. Шаўлякова, аналізуючы творчасць Л. Рублеўскай, адзначала, што яна “звяртаецца да падзей і людзей выключных, ахутаных арэолам не проста гераічным, але гераіка-трагедыйным, ахвярна-пакутніцкім” [6, с. 18].

Ідэя трывалай сувязі гісторыі і сучаснасці ўвасоблена ў творах Л. Рублеўскай. Невыпадкова ў размове з Г. Булыка пісьменніца прызнавалася: “Для мяне няма ні мінулага, ні цяперашняга, ні будучага часу. Час – гэта нешта іншае, чым мы яго ўяўляем… У цяперашнім ёсць і мінулае, і будучае – трэба толькі адчуць гэта” [2, с. 4].Невыпадкова некаторыя даследчыкі адзначаюць, што яна мадэрнізуе гісторыю, адыходзіць ад уласна гістарычных падзей і фактаў. Гісторыя, яе дыханне ўзнікаюць у яе творах дзякуючы выпадкова знойдзеным альбо атрыманым у спадчыну прадметам, рэчам, лістам. Так, Магда Дарбут, наша сучасніца, студэнтка, аказваецца нашчадкам апошняга візантыйскага імператара з роду Палеолагаў, а Паліна Ведрыч – паўстанцкага філосафа і рамантыка Вінцэся Рашчынскага.

Суадносіны сучаснасці і мінулага цікавяць пісьменніцу і ў рамане-інструкцыі «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію». Тут яна звяртаецца да гісторыі савецкага перыяду, эпохі культу асобы Сталіна, калі грамадства паглынула цемра страху, недаверу.У размове з журналісткай Таццянай Будовіч-Барадуляй пісьменніца адзначала: “Караткевіч пачаў стварэнне міфа, у які ўключана Беларусь інсургенцкая, Беларусь рыцарская. Я сюды яшчэ дадаю Беларусь рэпрэсаваную – гэта новы пантэон нацыянальных герояў, якіх неабходна ведаць...” [4, с. 5].

Творы Л. Рублеўскай даволі часта становяцца трыбунай для прамаўлення яе грамадзянска-патрыятычных поглядаў, надзейным сродкам для ўвасаблення нацыянальнай ідэі. Так і ў гэтым рамане, наватарскім як паводле формы, так і паводле зместу, пісьменніца чарговы раз паказвае, як развівалася нацыянальная ідэя і як яна выжыла

ў неспрыяльных сацыяльна-палітычных умовах, напрыклад, такіх, як час масавых рэпрэсій 20–30-х гадоў XX стагоддзя.

Сюжэт рамана просты і ў той жа час ускладнены паэтыкай навейшага часу. Прадстаўнікі сучаснага маладога пакалення (Даліла-Дар'я, Генусь, Макс, Едрусь, Руслана) сталі зусім нечакана спадчыннікамі старой жанчыны і атрымалі ад яе хату ў Мінску. Аўтар шчодра карыстаецца магчымасцямі сучасных жанраў: фантастыкі, фэнтэзі, альтэрнатыўнай гісторыі, бо атрыманы дом меў часавы партал, які дазваляў перамяшчацца з XXI стагоддзя амаль на пачатак XX – у час масавых рэпрэсій і арыштаў. Маладыя людзі перамяшчаюцца такім чынам з Мінска 2000-х у Менск 1933 года і спрабуюць актыўна ўмяшацца ў падзеі таго часу, каб выратаваць ахвяр сталінскіх рэпрэсій, змяніць ход гісторыі.

Людміла Рублеўская як чалавек новага часу мысліцькрытычна, усведамляе, што спроба карэкцыі гісторыі пагражае пэўнымі стратамі для чалавека. Таму ўдзельнікі гульні становяцца не проста назіральнікамі гістарычных падзей, а актыўнымі суб'ектамі дзеяння, ахвярамі, якія расплачваюцца за гульню сваім жыццём. Сама жанравая форма рамана-інструкцыі з'яўляецца наватарскай, бо пад інструкцыяй мы звычайна разумеем шэраг рэкамендацый, як карыстацца тым ці іншым прадметам, той ці іншай рэччу, у дадзеным выпадку часавым парталам. І. Шаўлякова лічыць, што твор з'яўляецца «квэстам», які складаецца з «канструктару-набору» нумараваных элементаў: «Уводзіны», «Удзельнік...» (5 гульцоў), «Абсталяванне для гульні», «Гульня» (6 «версій-гісторый»), «Па-за гульнёй» (8 «фрагментаў»), «Фінальная гульня» (2 «версіі-гісторыі»), «Эпілог» (6 «камбінацый») [7]. Даследчыца адзначае, што, калі твор быў размешчаны на сайце "Родныя вобразы", то "набыў уласцівасці сапраўднага гіпертэксту [прыкмета постмадэрнізму – А.С.], у межах якога карыстальнік можа абіраць сваю траекторыю гульні.." [7].

Значная роля належыць Л. Рублеўскай і ў галіне распрацоўкі дэтэктыўнага жанру ў беларускай літаратуры. Гістарычна-дэтэктыўныя творы Л. Рублеўскай, на нашу думку, уражваюць не толькі вастрынёй сюжэтных паваротаў, мноствам таямніц, але і актуальнасцю ўзнятых маральна-этычных праблем, неардынарнасцю герояў альбо гераінь, якія па сваёй уласнай волі далучаюцца да працэсу расследавання крымінальнай справы, хоць не з'яўляюцца прафесійнымі следчымі. Пошук злачынцаў, пошук украдзеных скарбаў – справа іх сэрца, іх сумлення (Магда Дарбут з аповесці "Пярсцёнак апошняга імператара", Кася з аповесці "Сэрца мармуровага анёла", Паліна Ведрыч з рамана "Золата забытых магіл" і інш.).

Так, Паліна Ведрыч працуе настаўніцай гісторыі ў адной з мінскіх гімназій, займаецца навуковымі даследаваннямі і цікавіцца старажытнымі артэфактамі, якія для яе найперш уяўляюць духоўную, а не матэрыяльную каштоўнасць. Патрыятычныя перакананні Паліны не выклікаюць адабрэння ў адміністрацыі гімназіі, але яе сумленная і адказная праца не дазваляе ім звольніць яе. Неабходна адзначыць, што гераіні альбо героі твораў Л. Рублеўскай – найчасцей прадстаўнікі сучаснай інтэлігенцыі, апантаныя самой ідэяй культуры, гісторыі, узвышаныя, высакародныя, якія знаходзяцца ў канфлікце з рэчаіснасцю. Аб'ектам яе навуковых даследаванняў становіцца паўстанне 1863 года пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага і сама асоба ідэйнага натхняльніка гэтай гістарычнай падзеі. Паліна, як і ўсе гераіні Л. Рублеўскай, – самадастатковая асоба, для якой найважнейшую ролю набывае ўстанаўленне справядлівасці. Таму менавіта яна ходам усяго дзеяння прызначана для разгадкі адной з таямніц беларускай гісторыі, звязанай з паўстаннем 1863 года, з лёсам філосафа і рамантыка Вінцэся Рашчынскага.

Дзеянне пераносіцца пісьменніцай з XX у XIX стагоддзе і наадварот. Так, спачатку мы бачым, як сябар Паліны Артур прыносіць на продаж ёй каменную жабку з надмагілля Вінцэся Рашчынскага, а ў другім раздзеле, здаецца, без усялякай сувязі, аўтар вяртае чытача ў XIX стагоддзе, дзе закаханы Вінцэсь Рашчынскі думае праявіць адвагу і забіць ваўкалака, пра якога ходзіць пагалоска ў яго родных Гарнушках, каб стаць героем у вачах каханай. Такім чынам, двухпланавасць аповеду дазваляе надаць сюжэту дынамізм і загадкавасць.

Безумоўна, у мастацкім вопыце Л. Рублеўскай прасочваюцца караткевічаўскія традыцыі. Яго імя, дарэчы, неаднойчы згадваецца на старонках рамана "Золата забытых магіл". Як і Андрэй Беларэцкі з аповесці "Дзікае паляванне караля Стаха", і Антон Косміч з рамана "Чорны замак Альшанскі", Паліна цікавіцца гісторыяй. Усе яны міжволі раскрываюць злачынствы, распачатыя яшчэ ў далёкай старажытнасці. Згадаем, што Андрэй Беларэцкі спрабуе разгадаць таямніцу прывіднага палявання, легенда пра якое датуецца XVII стагоддзем; Антон Косміч займаецца пошукам скарбаў, схаваных паўстанцамі ў XVI ст. Кожны з іх разумее, што мэта пошукаў – не ў скарбах, а ў вяртанні гістарычнай праўды, гістарычнай справядлівасці альбо добрага імя героям мінулых гадоў, як гэта было ў выпадку з Вінцэсем Рашчынскім.

З У. Караткевічам пісьменніцу яднае і тэма паўстання пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага. Але звяртаецца яна не да асоб славутых, чые імёны засталіся ў падручніках па гісторыі Беларусі, а да імя, жыцця і дзейнасці таго, каму ўдалося выжыць пасля разгрому паўстання,

заслужыць “нянавісць” народа, дзеля вызвалення якога і было задумана само паўстанне. Як і ў Караткевіча, значную ролю ў фарміраванні духоўна-маральнага, псіхалагічнага статусу герояў адыгрываюць памяць роду, родавыя праклянцці. Згадаем, што Надзея Яноўская з аповесці У. Караткевіча “Дзікае паляванне караля Стаха” з’яўлялася апошнім адгалінаваннем роду Яноўскіх, на які каралём Стахам, паводле легенды, было накладзена праклянцце. А Вінцэсь Рашчынскі нясе родавы цяжар віны за бесчалавечныя лютыя ўчынкі свайго дзеда Ганорыя Рашчынскага, за яго здзек над прыгоннымі сялянамі.

У дэтэктыўную тканіну твора Л. Рублеўская ўдала “ўплятае” вострыя праблемы сучаснасці, актуальныя пытанні беларускага быцця, што надае твору сацыяльную завостранасць. Сацыяльны падтэкст і ўвага да праблем нацыянальнага быцця прысутнічаюць і тады, калі пісьменніца асэнсоўвае лёс творчых і таленавітых людзей Беларусі, што сталі ахвярамі рэжыму альбо перайшлі дарогу злачынцам. Так, маці ў адказ на пытанне Паліны пра бацьку, пра якога дзяўчына амаль нічога не чула, расказала, што ён вучыўся на рэжысёрскім факультэце ў тэатральным інстытуце і для курсавой работы ўзяўся ставіць п’есу заходнебеларускага пісьменніка, аб’яўленага потым ворагам народа. А яшчэ «*і поўху замдэкана адвесіў. А той з органаў – усе ведалі*». Тады Рагманава асудзілі «*на прымусовае пасяленне ледзь не ў тундру*». Маці ж, тады камсамолку, прымусілі публічна «*каяцца, выкрываць антысаветчыка*». Дачка вырасла без бацькі, з матчыным прозвішчам (каб нішто не нагадвала пра адыёзнага па савецкіх мерках бацьку).

У падобным рэчышчы паказаны і лёс таленавіта мастака Артура, які, не вытрымаўшы жыццёвых выпрабаванняў, пачаў моцна піць. Вынікам стала невылечная хвароба, частковая дэградацыя і смерць на сметніку. Але падобная сацыяльна завостраная карціна пабудавана аўтарам з мэтай абвастрэння дэтэктыўнага дзеяння. Пазней высвятляецца, што Артур не памёр уласнай смерцю, а быў атручаны клафелінам, бо стаў сведкам і міжвольным удзельнікам злачынстваў і звязаных з ім пошукаў скарбаў.

Менавіта прынесеная Артурам каменная жабка становіцца штуршком да разгортвання дэтэктыўнага сюжэту. Яна звязана з асобай загадкавага і таямнічага ўдзельніка паўстання 1863 года Вінцэся Рашчынскага, які пасля разгрому паўстання апынуўся за мяжой і вярнуўся на радзіму ўжо толькі напрыканцы стагоддзя. Вінцэся Рашчынскага забілі аднавяскоўцы, сяляне, якія, кіруючыся памяццю пра яго празмерна жорсткага дзеда, што ўяўляўся ім чарнакніжнікам, аўтаматычна перанеслі на яго грахі продка: «*Табе цмок золата носіць. Ты ў магіле прадзеда Чорную Кнігу адкапаў. Цмок вылупляецца з яйка пеўня. Вынасіў яго пад пахай… Ён табе яшчэ прынясе… Дабром просім – аддай золата! А то абыдземся, як з ведзьмаком і чарнакніжнікам належыць!*» [5, с. 339].

Першая жабка з надмагілля Рашчынскага стала штуршком для раскрыцця забойстваў, здзейсненых не толькі ў сучаснасці, але і ў мінулым. Як майстар авантурна-прыгодніцкага сюжэта, Л. Рублеўская і тут выкарыстоўвае прыём канцэнтрацыі загадкавага, таямнічага. У звычайнай жабцы, якая не мела ніякай культурнай каштоўнасці, быў схаваны ключ да сапраўдных скарбаў, бо яна з’яўлялася часткай зашыфраванага ў скульптурнай кампазіцыі надмагілля паслання нашчадкам ад Вінцэся Рашчынскага. Вінцэсь, відавочна,спадзяваўся, што разумныя і здагадлівыя нашчадкі здолеюць разгадаць яго ліст і выкарыстаць схаванае золата на карысць Бацькаўшчыне. Золата паўстанцаў, схаванае ў магіле Рашчынскага, аказалася падманам, бо замест яго паляўнічыя атрымалі пустыя металічныя балванкі. Крута разгорнутая сюжэтная загадка ў рамане застаецца неразгаданай. Пісьменніца нібыта дае магчымасць чытачам задумацца над тым, што вечнае, а што імгненнае, што мае каштоўнасць і што не мае ніякай каштоўнасці.

Але наватарства Л. Рублеўскай заключаецца не толькі ў памнажэнні жанравых магчымасцей дэтэктыва, але і ў праблемах, узнятых у яе творах. Так, адной з галоўных ідэй рамана з’яўляецца думка пра адказнасць нашчадкаў за справы продкаў. Калі Вінцэся катуюць, ён думае, што сваімі пакутамі, магчыма, сплоціць «*грахі свайго роду, увесь боль, які спарадзіў яго род*», галоўны з якіх – жорсткае абыходжанне з сялянамі.

Даследчык Д. Бугаёў меркаваў: “…Інтэлектуальная заглыбленасць твора найбольш ярка выяўляецца ў спрэчках розных персанажаў і ў аўтарскіх разважаннях пра самыя высокія матэрыі – пра сувязь мінулага, сучаснага і будучыні, гістарычныя карані беларусаў, свабодалюбства і тыранію, поўнае самапрыніжэнне рабоў, якія канчаткова страцілі самую мару пра вызваленне і ўжо гатовы ўслаўляць тыранаў, што ўладараць над імі, і інш.” [1, с. 211].

Вывады.Гістарычна-дэтэктыўныя творы Л. Рублеўскай, структурна арганізаваныя паводле законаў постмадэрнісцкага пісьма, постмадэрнісцкай паэтыкі, такім чынам, падпарадкаваны найперш задачам сцвярджэння нацыянальных прыярытэтаў і маральна-духоўных каштоўнасцей беларусаў. Навізна творчай манеры пісьменніцы заключаецца і ў тым, што ў кантэкст гістарычных палотнаў ёю ўводзіцца сучаснасць з яе вострымі праблемамі. У межах гістарычна-дэтэктыўнай прозы пісьменніца закранае такія праблемы, як адказнасць чалавека перад сучаснасцю і гісторыяй, неабходнасцьпавагі да

памяці продкаў, вяртанне гістарычнай праўды і справядлівасці, а таксама праблему бездухоўнасці сучаснага беларускага грамадства, яго сацыяльнага і нацыянальнага нігілізму.

Літаратура

1. Бугаёў, Д. Беларускі дэтэктыў Людмілы Рублеўскай / Д.Бугаёў // Полымя. – 2006. – № 7. – С. 207–212.
2. З табою. З Л. Рублеўскай гутарыць Галіна Булыка // Крыніца. – 2000. – № 11–12. – С. 4–16.
3. Лысова, Н. Гістарычная проза Людмілы Рублеўскай: да характарыстыкі жанру / Н. Лысова // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия А. Гуманит. науки. – 2013. – № 10. – С. 12–17.
4. Людміла Рублеўская: “Не здавацца. Не баяцца. Гарэць!”: З Людмілай Рублеўскай гутарыць Таццяна Будовіч-Барадуля // Літаратура і мастацтва. – 13 лістапада. – 2017. – С. 5.
5. Рублеўская, Л.І. Сэрца мармуровага анёла: аповесці, раман / Л.І. Рублеўская. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 350 с.
6. Шаўлякова, І.Л. Сапраўдныя хронікі Поўні: артыкулы і рэцэнзіі / І.Л. Шаўлякова. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2011. – 184 с.
7. Шаўлякова, І. Адказы (для абітурыентаў “Альбарутэніі”) / І. Шаўлякова // Рэжым доступу: //http:www.lir-book.by. Дата доступу: 08.02.2019.

References

1. Bugajow D. (2006). Belaruski djetjektyw Ljudmily Rublewskaj. *Polymja.* [Belarusian detective by Lyudmila Rublevscaya]. 7, 207–212. (In Bel.)
2. Z taboju. (2000). Z L. Rublewskaj gutaryc" Galina Bulyka.*Krynica.* [WithLyudmilaRublevskayaGalinaBulykaspeaks]. 11–12, 4–16. (In Bel.)
3. LysovaN. (2013). Gistarychnaja proza Ljudmily Rublewskaj: da haraktarystyki zhanru. *Vestnik Polockogo gos. un-ta.Serija A. Gumanit. nauki.*[Thehistorical works by Lyudmila Rublevscaya: to characteristic of a genre. *Bulletin of Polock University. Humanities*].10, 12–17. (In Bel.)
4. Ljudmila Rublewskaja (2017): “Ne zdavacca. Ne bajacca. Garjec"!”: Z Ljudmilaj Rublewskaj gutaryc" Taccjana Budovich-Baradulja. *Litaratura i mastactva.*[LyudmilaRublevskaya“Not to be given. Not to be afraid. To burn!”: WithLyudmilaRublevskayaTatyana Budovich-Baradulyaspeaks]. 13, 5. (In Bel.)
5. Rublewskaja L.I. (2012). *Sjerca marmurovaga anjola: apovesci, raman. [Heart of a marble angel: stories, novel].*Minsk: Mast. lit. (In Bel.)
6. Shawljakova I.L. (2011). *Saprawdnyja hroniki Powni: artykuly i rjecjenzii. [Present chronicles of the Moon: articles and reviews].* Minsk: Litaratura i mastactva. (In Bel.)
7. Shawljakova I. (Ed.) (2019). Adkazy (dlja abituryentaw “Al"barutjenii”) [The Answers: for entrants of Albaruteniya]. //http:www.lir-book.by. (In Bel.)

УДК 811.161.3’42:821.161.3

ПРЭЦЭДЭНТНЫЯ ФЕНОМЕНЫ Ў ПРОЗА-ПАЭТЫЧНЫМ ІДЫЯСТЫЛІ У. КАРАТКЕВІЧА

Л.М. Шэцка,
выкладчык кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна
Мазыр, Беларусь
E-mail: larisa-chaika@tut.by

Статья посвящена исследованию идиостиля В. Короткевича, одного из ярких представителей белорусской литературы и культуры, индивидуально-авторская концепция мира которого репрезентирована и в прозе, и в поэзии, и в драматургии. Исследуются особенности прозо-поэтического идиостиля писателя в аспекте прецедентности. Характеризуются вербальные и невербальные прецедентные феномены, описываются основные типы прецедентных феноменов: вербальные (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые (прецедентная ситуация и прецедентный текст). Делается вывод о разнообразии средств выражения и источниках прецедентности как одной из основных характерных черт идиостиля В. Короткевича.

Ключевые слова: Владимир Короткевич, идиостиль, интертекстуальность, прецедентный феномен, прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентный текст.

PRECEDENT PHENOMENA IN THE PROSE-POETIC IDIOSTYLE V. KARATKEVICH

L.M. Shetska,
Lecturer at the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr Pedagogical University named after I.P. Shamyakina,
Mozyr, Belarus
E-mail: larisa-chaika@tut.by

The article is devoted to the study of idiostyle of V. Korotkevich, one of the brightest representatives of Belarusian literature and culture, whose individual author's concept of the world is represented in prose, poetry and drama. The features of prozo-poetic idiostyle of the writer in the aspect of precedent are investigated. Verbal and non-verbal precedent phenomena are characterized, the main types of precedent phenomena are described: verbal (precedent name and precedent statement) and verbalized (precedent situation and precedent text). The conclusion is made about the variety of means of expression and sources of precedent as one of the main characteristic features of V. Korotkevich's idiostyle.
Key words: Vladimir Korotkevich, idiostyle, intertextuality, precedent phenomenon, precedent name, precedent statement, precedent situation, precedent text

Уводзіны

Даследаванне мастацкага тэксту, мовы асобнага аўтара непарыўна звязана з паняццем ідыястылю. Ідыястыль прадстаўляе сабой сістэму змястоўных і фармальных лінгвістычных характарыстак, уласцівых творам пэўнага аўтара, што робіць унікальным аўтарскі спосаб моўнага выражэння карціны свету, увасоблены ў гэтых творах.

Для беларускай літаратуры і культуры адным з прыкладаў найбольш яркіх ідыястылёвых прастор з'яўляецца літаратурна-мастацкая спадчына Уладзіміра Караткевіча, індывідуальна-аўтарская канцэпцыя свету якога рэпрэзентавана і ў прозе, і ў паэзіі, і ў драматургіі.

Асаблівую цікавасць для далейшага даследавання творчасці У. Караткевіча і ў цэлым для лінгвістычнай стылістыкі і паэтыкі прадстаўляе феномен проза-паэтычнага ідыястылю (ППІ), які ў сукупнасці ўяўляе сабой двуадзінае поліжанравае і лінгвастылістычнае ўтварэнне (проза + паэзія) і мае асаблівасці як на узроўні унутранай інтэртэкстуальнасці – вобразнасць, канцэптасфера, спецыфіка адбору моўных сродкаў, адметнасці рэалізацыі прагматычных інтэнцый, эмацыйных установак, так і на ўзроўні знешняй інтэртэкстуальнасці – жанрава-тэматычнае адзінства, прынцыпы апеляцыі да «чужых» тэкстаў, прэцэдэнтнасць, аўтарэфлексійнасць і інш.. Даследаванне ідыястылю У. Караткевіча ў аспекце знешняй інтэртэкстуальнасці раскрывае сутнасць паняцця ідыястыль як адзінства нацыянальна-культурнага кампаненту, з аднаго боку, і універсальнага – з другога (прыёмы апеляцыі ў творах У. Караткевіча да беларускіх і сусветных паэтаў і пісьменнікаў). Прыметы ідыястылю адлюстроўваюцца ў прынцыпах адбору крыніц прэцэдэнтных адзінак у іх шматлікіх разнастайнасцях, спецыфічных спосабах увядзення ў маўленчую тканіну тэксту, асаблівасцях камбінацый у межах аднаго тэксту, адмысловым рэпертуары функцый і інш.

Мэты і задачы

Мэта даследавання – даследаваць асаблівасці проза-паэтычнага ідыястылю У. Караткевіча на ўзроўні знешняй інтэртэкстуальнасці ў аспекце прэцэдэнтнасці. Дасягненне пастаўленай мэты заключаецца ў вырашэнні наступных задач: выявіць у ППІ аўтара вербальныя і невербальныя прэцэдэнтныя феномены; апісаць асноўныя тыпы прэцэдэнтных феноменаў: вербальныя (прэцэдэнтнае імя і прэцэдэнтнае выказванне) і вербалізаваныя (прэцэдэнтная сітуацыя і прэцэдэнтны тэкст).

Метады і матэрыял даследавання

Матэрыялам даследавання з'яўляецца мова празаічных і паэтычных тэкстаў У. Караткевіча як інтэртэкстуальная з'ява. У дадзенай рабоце выкарыстоўваліся розныя метады і прыёмы – ад агульнанавуковых (аналізу і сінтэзу), да лінгвістычных (апісальны метад і лінгвістычныя прыёмы: лінгвістычнае назіранне, класіфікацыя і сістэматызацыя). Шляхам суцэльнай выбаркі былі вылучаны з тэкстаў прозы і паэзіі прэцэдэнтыя феномены, далей матэрыял падвяргаўся класіфікацыі і сістэматызацыі ў адпаведнасці з мэтай і задачамі даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Ідыястыль уяўляе сабою сукупнасць лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў (творчая індывідуальнасць аўтара + сродкі яе выражэння). У спалучэнні з паняццем ідыястылю разглядаецца праблема вывучэння дыялагічных адносін тэкстаў. Тэкст, асабліва мастацкі, не існуе ізалявана, а ўступае ў дыялог з іншымі тэкстамі, што прыводзіць да разгляду дыялогікі тэксту як бясконцай сэнсавай прасторы [1, с. 8]. Для абазначэння міжтэкставых дыялагічных адносін паралельна з тэрмінам «інтэртэкстуальнасць» выкарыстоўваюцца такія тэрміны, як «феномен прэцэдэнтнасці», «чужое слова», «звыштэкставыя сувязі», «міжтэкставая камунікацыя» і інш. Ва ўзаемадзеянні з катэгорыяй інтэртэкстуальнасці намі разглядаецца тэорыя прэцэдэнтнасці. В.У. Красных, мадыфікуючы паняцце Ю.М. Караулава, адзначае, што за ПФ заўсёды стаіць нейкае ўяўленне пра яго, агульнае і абавязковае для ўсіх носьбітаў таго ці іншага нацыянальна-культурнага менталітэту, ці інварыянт яго ўспрыняцця, які і робіць усе апеляцыі да ПФ «празрыстымі», зразумелымі, канататыўна афарбаванымі. І, гаворачы пра сталую апеляцыю да ПФ (а гэта з'яўляецца адной з прыкмет апошніх), мы маем на ўвазе «аднаўляемасць» звароту да таго ці іншага ПФ [2, с. 170].

В.У. Красных вылучае вербальныя і невербальныя прэцэдэнтныя феномены, дзе «да першых адносяцца самыя разнастайныя тэксты як прадукты маўленча-разумовай дзейнасці, да другіх – творы жывапісу, скульптуры, архітэктуры, музычныя творы і г. д.» [2, с. 171].

Невербальныя прэцэдэнтныя феномены з'яўляюцца патэнцыйна вербалізаванымі. Так,

захоўваюцца ў свядомасці чалавека вобразы «Троіцы» А. Рублёва («*А ён любіў гэтую повязь з усім і ўсімі. З усімі вякамі і з усімі людзьмі, што былі, ёсць і будуць на зямлі. Гэта рабіла яго вялікім, значна вышэйшым за сярэдняга, сябе. Гэта нараджала душы нейкі высокі сумны гонар, гордае і горкае пачуццё нярыкай радасці за ўсіх і ціхай тугі па еднасці чалавечай. Тое пачуццё, што ярчэй за ўсё свеціць у* ***«Тройцы» Рублёва»*** [3, с. 343]), «Пятая сімфонія» Л. Бетховена («*Андрэй працягнуў руку і злёгку стукнуў пальцамі ў сценку. Праз імгненне адтуль даляцелі два лёгкія ўдары ў адказ – знак, што Яніс вольны. І тады яшчэ чатыры ўдары* ***«та-та-та-там» – першыя такты пятай сімфоніі Бетховена****, пазыўныя Андрэя. Прастукаўшы іх, Грынкевіч выйшаў на калідор і адчыніў Янісавы дзверы*» [4, с. 73]), якія могуць быць актываваны славесным згадваннем пра іх.

Фіксуюцца апеляцыі да невербальных прэцэдэнтных феноменаў наступнага характару:

- ***творы жывапісу і імёны мастакоў:*** «*– Наша жамчужына, – сказала яна. –* ***«Выхад у Гефсіманскі сад»…*** *Малады* ***Рэмбрант***» [4, с. 151], «*Глухі геній* ***(Гойя)***» [5, с. *286]; «Вочы твае і цела / Стварыў калісь* ***Бацічэлі***» [5, с. 358], «*У яго былі спадзістыя плечы, тлустыя грудзі, што зараслі сівым воласам, і вялізны круглы жывот. Плаваў ён, як плавок, гадзінамі, а калі ставаў па грудзі ў вадзе і скрыжоўваў караценькія лапкі, то вельмі нагадваў “дзядулю вадзяніка” з* ***карціны Білібіна»*** [3, с. 364]; «*Гэта было нешта накшталт* ***гагенаўскай ідыліі****, толькі самая ідылія была мяккая, размытая, паўночная, без уласцівых поўдню грубавата-кафейных і глянцава-зялёных адценняў*» [4, с. 251];
- ***музычныя творы і імёны кампазітараў,*** якія ўжываюцца аўтарам для правядзення паралелі ўспрымання музычнага суправаджэння з настроем і жыццёвай сітуацыяй героя: «*Петрык граў* ***Мендэльсона****, тую самую яго рэч – Андрэй забыў назву, – дзе музыка быццам гаворыць праз светлы сум: “Нічога не зробіш”*» [4, с. 188]; «*Значыць, мне не зусім пашанцавала. Запанавала маўчанне. Толькі Петрык граў. Цяпер –* ***“Смерць Азэ”***» [4, с. 189], «*Праз сценку ён чуў лёгкія гукі музыкі ў суседа. Гралі той самы канцэрт* ***Мендэльсона****. Андрэй склаў кнігі ў чамадан. Усе*» [4, с. 235];
- ***выявы скульптуры і імёны скульптараў:*** «*І ваяйце жанчын, І яе,* ***Тарускую Неферціці****, з яснай дзіўнай усмешкай, з доўгай шыяй і сапфірам занадта спакойных вачэй*» [5, с. 175]; «*На руцэ ў чалавека, як плашч* ***Апалона Бельвядэрскага****, вісела чыёсьці паліто. А ля самых ног статуі мірна спаў мармурова-бледны юнак. Спаў, паклаўшы галаву на пальцы гранітнага ступака. Замёрзлыя ставы адлівалі пад яго святлом, ружовым, як вада. І па іх лёдзе, паміж безжыццёва чорных вярбовых шкілетаў, ненатуральна імпэтна імчалі па крузе надламаныя цені канькабежцаў. Ганна сказала праўду, усё гэта было падобна на тую кругавую віхуру, што імчала сярод іншых* ***Франчэску і Паоло***» [4, с.195].

У ідыястылі У. Караткевіча можна назіраць выпадкі кантамінацыі невербальных прэцэдэнтных феноменаў. Яны, у прыватнасці, могуць быць ужыты ў якасці тропаў ці стылістычных прыёмаў, часцей за ўсё ў складзе вобразных параўнанняў ці метафарычных канструкцый. У некаторых выпадках выкарыстоўваюцца шырока вядомыя ПФ, якія не патрабуюць тлумачэнняў і ўжываюцца з мэтаю градацыйнага прырашчэння сэнсу, пар.: «*Вам ніколі не даводзілася зайздросціць старажытнаму* ***князю Давіду*** *з палескага* ***Гарадка****? Мы ў тое лета зайздросцілі яму, як* ***Яга*** *зайздросціў* ***Венецыянскаму Маўру****, як* ***Сальеры*** *зайздросціў* ***Моцарту****, як... як усе бездары зайздросцяць Чалавеку*» [3, с. 297–298]; «***Моны Лізы*** *смяюцца губы, / Страсць* ***Бетховена*** *ў гуках пяе…*» [5, с. 349].

Прымаючы за аснову класіфікацыю ПФ, прапанаваную В.У. Красных, у ідыястылі У. Караткевіча мы вылучаем вербальныя (прэцэдэнтнае імя і прэцэдэнтнае выказванне) і вербалізаваныя, г. зн. якія падаюцца вербалізацыі (прэцэдэнтная сітуацыя і прэцэдэнтны тэкст) ПФ [2, с. 171].

«**Прэцэдэнтная сітуацыя** (**ПС**) – нейкая «эталонная», «ідэальная» сітуацыя, злучаная з наборам вызначаных канатацый, дыферэнцыяльныя прыкметы якой уваходзяць у кагнітыўную базу, вызначальным ПС могуць быць прэцэдэнтнае выказванне ці прэцэдэнтнае імя» [2, с. 172]. Пар.: «***Ноч святое Вальпургі****: рук спляценне, Вежы, мур і горад з сярэдніх вякоў*» [5, с. 300]); «*Ён мог цэлую гадзіну гаварыць лухту, а потым кінуць нешта такое, чаго і* ***Саламон*** *не сказаў бы*» [4, с. 192]).

ПС можа быць актуалізавана праз згадванне імя аднаго з персанажаў тэксту, пар.: «*Птушкай ускінуся перад табою.* ***Сірынам*** *заспяваю, прыжмурыўшы вочы сярод маладых дрэў,* ***Феніксам*** *згару і ўваскрэсну з попелу*» [4, с. 114]; «*успомніў, што* ***Хронас*** *жор уласных дзяцей, што на месцы Кіева пасля татар трыста год раслі дрэвы*» [4, с. 112].

Апеляцыя да ПС можа быць рэалізавана праз уключэнне ПІ ў склад метафарычных канструкцый: «*Дык, значыць,* ***Кай*** *хоча дапамагчы маленькай* ***Гердзе*** *выплакаць з сэрца асколак люстра?*» [4, с. 299], «*Палала бярозка, танюткая, чыстая, Без стогну, Як* ***Жаннад’Арк***» [5, с. 231]; ці ў склад параўнальнага звароту: «*А на ганку, асветлены зарывам, стаяў кароль Якуб і, абапіраючыся на шаблю, глядзеў на агонь, як* ***Нерон*** *на пажар вечнага горада*» [3, с. 103], «*Узняў ён длань маю.* ***Як Давід на Галіяфа*** *– Узняў*» [3, с. 38]; або праз кароткае апісанне сітуацыі: « *– Памятаеш, быў такі* ***Іксіён****? – пасля паўзы спытаў Андрэй. – Закахаўся ў* ***Геру****, жонку*

***Зеўса**. Яго вырашылі злавіць і падсунулі яму воблака, надаўшы яму вобраз Геры. Ён выдаў сябе, абдымаючы воблака, і яго навекі прывязалі да кола, якое круцілася»* [4, с. 269].

У некаторых выпадках апеляцыі да ПС могуць ажыццяўляцца праз вынясенне ПІ ў моцную пазіцыю тэксту – загаловак (апавяданне пра карабель-здань з аднайменнай назвай ***«Лятучы галандзец»*** [3, с. 219], «Балада аб ***арганаўтах***» [5, с. 83] (арганаўты – у грэчаскай міфалогіі героі, што адправіліся на караблі «Арго» пад кіраўніцтвам Ясона ў Калхіду за залатым руном, якое ахоўвалася цмокам).

«**Прэцэдэнтны тэкст (ПТ)** – скончаны і самадастатковы прадукт маўленча-разумовай дзейнасці; (полі)прэдыкатыўная адзінка; складаны знак, сума значэнняў кампанентаў якога не роўная яго сэнсу; ПТ добра вядомы любому сярэдняму чытачу нацыянальна-лінгва-культурнай супольнасці» [2, с. 172].

Зварот да ПТ можа ажыццяўляцца праз злучаныя з гэтымі тэкстамі прэцэдэнтныя выказванні ці прэцэдэнтныя імёны, а ў некаторых кантэкстах – шляхам згадвання назваў саміх твораў і іх аўтараў (*«Заходжу да яго – няма, пайшоў кудысьці. А на стале – я не цікавіўся, але адразу трапляе ў вочы – чаго толькі няма*: ***«Сагі пра вікінгаў», «Гісторыя конунгаў Нарвегіі», раманы Канрада.*** *І на самай сярэдзіне стала – **«Легенды паўночных мораў»**. Я па запрашэнні гаспадыні чакаў хвілін дваццаць і цікнуўў у гэту кнігу. Адкрыта на **гісторыі Лятучага Галандца**. Ну нашто гэта патрэбна, каму? Разумее ж ён гэта. А ў асабістым жыцці... ах, дамы і трубадуры, ах, **Гаральд Вілабароды**! Чалавек-рамантык, сцвярджаю гэта, у наш век тое самае, што жывы мамант*» [3, с. 223]; ***«Іліяда** мая! Колькі даўніх крылатых стагоддзяў / Ты разрэзала ветразем, вартым людзей і багоў, / Плывучы ў невядомае, ў дальнія тысячагоддзі, / Быццам бронзай акуты **«Арго»**, / Крутабокі і звонкі **“Арго”»*** [5, с. 185]).

ПТ, уведзены ў тэкст, не можа не перасякацца з ім у плане агульнай семантыкі, і пры скрыжаванні адметнымі сваімі элементамі (семантычнымі, структурнымі і інш.) з асноўным тэкстам прэцэдэнтны тэкст так ці інакш актуалізуецца (хаця б у самых агульных рысах) у свядомасці чытача. Інтэртэкстуальна злучаным тэкстам уласцівы і адносіны ўключэння, для якіх характэрна эксплікацыя ўстаноўкі на прэцэдэнтны феномен менавіта як тэксту ў яго цэласнасці, маркерамі чаго могуць выступаць: загаловак прэцэдэнтнага тэксту: *«А ты што, не чытаў **Эклезіяста**?»* [3, с. 155] нават з указаннем на аўтара: *«Было гэта нешта накшталт **гогалеўскай «Шынелі»**: жыў сабе ў гарадку стары, які ні ад каго не атрымліваў лістоў. Ну і гэтак далей. Шкада было гэтага старога – слёзна»* [4, с. 199], згадкі пра сам тэкст: *«З доўгай, цяжкай, паўночнай тваёй **Адысеі** Я чакала цябе»* [Караткевіч 1, с. 140], алюзія (на раман *Ф.М. Дастаеўскага «Ідыёт»*): *«Шкадава-аць, – і раптам выплюнуў: – Ідыёт ты! **Князь Мышкін**!»* [4, с. 201].

Прэцэдэнтнае выказванне (ПВ) – «прадукт, што рэпрадуцыруецца ў маўленча-разумовай дзейнасці; скончаная і самадастатковая адзінка, якая можа быць ці не быць прэдыкатыўнай» [2, с. 172–173]. У ідыястылі У. Караткевіча адсылкі такога плану сустракаюцца ў дачыненні:

- ***да вядомых цытат і афарызмаў:*** *«Вось крычыць вязь на ножнах крывых: / – «Не вымай без вялікай патрэбы, / Не хавай без вялікай крыві!»* [5, с. 206]; ***«Волчица, ты их вскормила**, – не вытрымаў Андрэй. / Так, – сказала яна, – ваша праўда. / **Волчица, ты их вскормила, / Ты помнишь ли их, когда, / Рыча от бранного пыла, / Сжигали они города»*** [4, с. 83] (у дадзеным выпадку мы маем мадыфікаваны варыянт радкоў вядомага верша *Н. Гумілёва «Рым»*);
- ***да фрагментаў з папулярных музычных твораў*** (цытата з тэксту песні *«Флюгер»* вакальнага цыклу *Франца Шуберта «Зімовы шлях»*), пар.: *«*Кручу: ***«Над домам флюгер ёсць у любай»*** */ І **Шуберт*** падзяляе ціхі сум. / О ***“Зімні шлях”»*** [5, с.49];
- ***да прыказак, прымавак, крылатых выразаў***, якія нярэдка выкарыстоўваюцца не ў зыходным выглядзе, а перажываюць трансфармацыю структуры і семантыкі: *«засмаж сабаку – рады дасць і ёй»* [5, с. 318] – у значэні *“*галодны, стомлены*”*.

Прэцэдэнтныя тэксты ў ідыястылі У. Караткевіча разнастайныя па сваім паходжанні: беларускія прыказкі і фразеалагізмы (*«што, зямелька дарагая, нарабіў Ілля гнілля»* [5, с. 295]; *«як цюцька змок»* [5, с. 318]; *«знікнуць знічкаю»* [5, с. 304]); лацінізмы (*«усе з нуля даводзіцца пачаць»* [5, с. 385] – *Ad carceres a calce revocari*. Цыцэрон [6, с. 14]; *«гэх, старасць не радасць»* [5, с. 390] – *Aetas senilis mala merx est*. Плавт. [6, с. 19]); выразы, якія звязаны з грэчаскай і рымскай міфалогіяй (*«у капішчы Пасейдона, між сонцам і золатам хваль»* [5, с. 221]; *«як драбіцца ў ім сонца – Зевесаў распалены шчыт»* [5, с. 197]).

Яшчэ адна крыніца – гэта біблейскія тэксты. Пісьменнік актыўна запазычвае з Бібліі выразы, ужываючы іх як у прамым, так і ў метафарычным сэнсе. Так, у рамане «*Хрыстос прызямліўся ў Гародне»* [7] кожная частка адкрываецца эпіграфам ці нават некалькімі, большасць з якіх біблейскага паходжання (напрыклад: Раздзел «Мужыцкі Хрыстос» – эпіграф *«Я з вамі ва ўсе дні да сканчэння веку». Матей, гл. 28, ст. 20* [7, с. 230]; Раздзел «Вось аддаецца сын чалавечы...» – эпіграф: *«І ўсе, гледзячы на яго, бачылі твар ягоны, як твар анёла» Дзеянні, гл. 6, ст. 15* [7, с. 428]).

Шматлікія выразы, якія ўзыходзяць да біблейскіх міфаў, страцілі сваю царкоўна-

культавую афарбаванасць і ў выніку сімвалічнага пераасэнсавання атрымалі новае значэнне, не ўласцівае першакрыніцы *(«Прыгадайце ў вечным святле, Як самотная зорка – ракета Ціха падала ў цёмны* ***Бетлем****»* [5, с. 227], *«Быццам толькі што вось адбылася* ***Галгофа****»* [5, с. 207]).

У ідыястылі У. Караткевіча знайшлі адлюстраванне розныя па структуры прэцэдэнтныя тэксты: прэцэдэнтныя імёны («*На Беларусі Бог жыве…»* [5, с. 241]; «*Калумбы зямлі незнаемай»* [5, с. 340]), прэцэдэнтныя спалучэнні («*Новая Атлантыда»* [5, с. 260]) і прэцэдэнтныя выказванні *(«Гісторык грэчаскі эпічна й проста пра нас даўным-даўно паспеў сказаць "Жыве ў Гіпербарэі люд дзівосны, якому не балюча паміраць"*» [5, с. 316]).

Прэцэдэнтнае імя (ПІ) – індывідуальнае імя, злучанае або з шырока вядомым тэкстам («*Шкадава-аць, – і раптам выплюнуў: – Ідыёт ты!* ***Князь Мышкін****!*» [4, с. 201]), або з прэцэдэнтнай сітуацыяй *(« –Памятаеш, быў такі* ***Іксіён****? – пасля паўзы спытаў Андрэй. – Закахаўся ў* ***Геру****, жонку* ***Зеўса****. Яго вырашылі злавіць і падсунулі яму воблака, надаўшы яму вобраз Геры. Ён выдаў сябе, абдымаючы воблака, і яго навекі прывязалі да кола, якое круцілася»* [4, с. 269]).

ПІ па структуры [2, с. 172] можна падзяліць на аднакампанентныя («*А ты што, не чытаў* ***Эклезіяста****?*» [3, с. 155], *«І* ***Хрыстос*** *сем стагоддзяў Вісіць на пахілым крыжы»* [5, с. 28]) і **многакампанентныя** («*Некалькі год назад* ***Янка Брыль, Валодзя Калеснік і я*** *наведалі стражытны дуб у Варончы, звязаны з імем* ***Адама Міцкевіча****. (…) Год назад дуб* ***Міцкевіча*** *ў Варончы яшчэ стаяў. Можа яшчэ не позна?»* [3, с. 311–312], «*І струны, як* ***змеі Мядузы Гаргоны****, Свісцяць на вятры і ловяць мяне*» [4, с. 173]).

Трэба адзначыць, што ў адных выпадках у ППІ У. Караткевіча найбольш вядомыя ПФ, як правіла, выкарыстоўваюцца без якіх-небудзь аўтарскіх тлумачэнняў па прычыне іх высокай верагоднай вядомасці шырокаму колу чытачоў («*З доўгай, цяжкай, паўночнай тваёй* ***Адысеі*** *Я чакала цябе*» [5, с. 140]), *«Імя ў яго было дзіўнае. Ён трохі нават ганарыўся ім і на пытанні, чаму такое, адказваў, што некаторыя прыдняпроўцы любяць варажскія імёны: у памяць аб* ***Рагвалодзе і Рагнедзе****»* [3, с. 344]), тады як у іншых выпадках у тэксце аўтар дае тлумачэнні ці прыводзіць якія-небудзь звесткі пра крыніцы прэцэдэнтнасці на метатэкставым узроўні. Гэта можа быць указанне на:

- ***назву мастацкага тэксту ці яго аўтара*** з ярка выяўленай пазіцыяй пісьменніка: «*Што ж, прымусьце чалавека пісаць тэхнічныя раманы ў духу* ***"Рэльсаў" П'ера Ампа****. Будзе ў літаратуры яшчэ адной нудотай больш*» [3, с. 224], ***«Гамер*** *і лірныя песні не старэюць*» [3, с. 306];
- ***гістарычную падзею***: «***Ноч святое Вальпургі****: рук спляценне, Вежы, мур і горад з сярэдніх вякоў*» [5, с. 300];
- гістарычную асобу: «*У доме жыў пісьменнік* ***Фраерман****, аўтар* ***"Дзікага сабакі Дзінга"***» [3, с. 342];
- ***гістарычную эпоху***: «*Час рабоў і здрады. Эпоха* ***Чынгіза»*** [5, с. 359], «*Ён нарадзіўся ад жолуда нейкага такога самага волата, ад якога даўно не засталося і слядоў. Бацька ягоны жыў у часы* ***Цэзара і Спартака, Хрыста і Нерона, Атылы і Катула.*** *І вось аднойчы ён задумаўся аб неўміручасці і вечнасці і неспадзявана скінуў жолуд*» [3, с. 308].

Калі ж аўтар не да канца ўпэўнены, што адпаведнае імя адносіцца да ліку шырока вядомых чытачу, то ён выкарыстоўвае тыя ці іншыя спосабы актуалізацыі прэцэдэнтнага імя, напрыклад, выносіць ў моцную пазіцыю назву і эпіграф з аўтарскімі каментарыямі: ***«Афіцэру Лісаневічу»*** «*Яму прапанавалі выклікаць на дуэль* ***Лермантава.*** *Мы нічога болей не ведаем аб ім»* [5, с. 249].

Пры ўжыванні таго ці іншага прэцэдэнтнага імя з усяго мноства характарыстык законнага носьбіта дадзенага імя вылучаецца нейкі абмежаваны набор прыкмет, а часцей за ўсё і адна прыкмета, тады як астатнія адкідаюцца як неістотныя. Напрыклад, імя яўрэйскага цара Саламона сімвалізуе мудрасць («*Ён мог цэлую гадзіну гаварыць лухту, а потым кінуць нешта такое, чаго і* ***Саламон*** *не сказаў бы*» [4, с. 192]), герой старажытнагрэчаскай міфалогіі Геркулес – гэта сіла, моц («*Улан стаяў перад ім моцны, як* ***Геркулес****, кучаравы («Ванька-ключнік», – падумалася Гораву), з румянымі вуснамі і нахабнымі светлымі вачыма»* [4, с. 33]), Касандра – багіня, якая валодае здольнасцю прадбачання («*Бачыце вы...* ***Касандра-прарочыца****, – сказаў Пружынін»* [4, с. 247]), Марфей – гэта бог сну *(«Бачыце, які* ***Марфей****, – усміхнулася гаспадыня. – Гэта* ***Аленін****, бадай, лепшы з маладых мастакоў»* [4, с. 186]).

У ППІ пісьменніка можна вылучыць наступныя апеляцыі да ўласных імёнаў, якія маюць статут універсальнасці і вядомасці:

- ***прэцэдэнтныя імёны, якія пазначаюць мастацкія ці іншыя творы:*** *«І таму ён мог працаваць за яе не сем год, як той, з* ***Біблії****, а ўсё жыццё, абы не падманулі, абы не падсунулі іншай»* [4, с. 218], *«А ты што, не чытаў* ***Эклезіяста****?»* [3, с. 155] («Кніга Кніг», якая паўплывала на розум чытачоў на працягу многіх стагоддзяў); *«недзе чытаў нешта падобнае. Мо ў* ***Брэма****, мо ў папулярызатара* ***М. Хана****, аўтара* ***«Нарысаў з жыцця малпаў»*** *і* ***«Жывёлы нашых лясоў»****, а мо ў нейкім часопісе»* [3, с. 413];
- ***прэцэдэнтныя імёны, якія ўзыходзяць да фальклору: «Машэка»*** [5, с. 39], *«Так, напрыклад, выйшла на людзі легенда пра* ***Машэку****. Я паляваў*

менавіта за другой групай легенд. Мне трэба было спяшацца: легенда і казка вымiраюць» [8, с. 10] (на аснове легенды быў напісана першы верш, далей імя гэтага героя не раз згадваецца ў іншых творах пісьменніка); ***«Балада пра паўстанца Ваўкалаку»*** [5, с. 37]; ***«Армянскія ананімныя прытчы»*** [5, с. 290], якія нясуць на сабе адбітак мудрасці старажытнага Урарту, Малой і Вялікай Арменіі;

- ***прэцэдэнтныя імёны і назвы твораў рускіх пісьменнікаў і паэтаў:*** *«Наведаў ён у Салотчы і дом гравёра Пажаласціна, які* ***Паўстоўскі*** *апісаў у* ***«Тэлеграме»*** *і* ***«Мяшчорскай старане».*** *Дом быў стары, з мезанінам, у якім пісьменнік уладкаваў "капітанскі мосцік" – свой кабінет, з садам, што раскошна ляжаў за ім. У доме жыў пісьменнік* ***Фраерман****, аўтар* ***"Дзікага сабакі Дзінга"»*** [3, с. 342], *«Нічога, навучышся. У твае гады і* ***Някрасаў****, бадай што, не лепей пісаў»* [4, с. 64];
- ***прэцэдэнтныя імёны і назвы твораў беларускіх пісьменнікаў і паэтаў:*** *«Нарадзіўся* ***Янка Купала****»* [5, с. 45], *«Цень* ***Міцкевіча*** *нада мною Лебядзіную песню вядзе»* [5, с. 187];
- ***прэцэдэнтныя імёны і назвы твораў сусветна вядомых пісьменнікаў і паэтаў: «Гамер*** *і лірныя песні не старэюць»* [3, с. 306], *«Вечар стаяў спякотны, і таму Андрэй у адных трусах і майцы ляжаў на кіліме, на падлозе, і чытаў* ***«Боскую камедыю» Дантэ****, калі да яго ў пакой уварваўся Яніс»* [4, с. 271];
- ***прэцэдэнтныя імёны, якія пазначаюць гістарычных асоб:*** *«Зніклі нашчадкі* ***князя Вячка****, няма прамых нашчадкаў* ***Андрэя Полацкага****, нястомнага ворага* ***Крэўскай уніі.*** *Іх забылі»* [3, с. 16], *«браты-беларусы ўратавалі ад татар славянскую і неславянскую поўнач.* ***Цяпінскі, і Вячка, і Міхал Крычаўскі*** *– усе яны былі ў ім. І ён быў – усе тыя людзі, што будуць. Усе»* [3, с. 355] (тут пераважаюць імёны, якія з'яўляюцца значнымі для беларускай гісторыі і якія сталі ментальнымі знакамі культуры і гісторыі Беларусі);
- ***прэцэдэнтныя імёны, якія пазначаюць выдатных асоб сусветнай гісторыі і культуры:*** *«Пад зямлёю, дзе цемра пануе ўвесь год, Для нашчадкаў хавалі кнігі* ***Назона І Катулавых*** *вершаў атручаны мёд»* [5, с. 97], *«лічыў, што найбольшы геній –* ***Плутарх»*** [5, с. 98].

Шырока распаўсюджана метафарычнае выкарыстанне прэцэдэнтнага оніма для пазначэння чалавека, які, на думку аўтара, падобны да непасрэднага носьбіта дадзенага антрапоніма; часцей гэта мае ў творах У. Караткевіча іранічны характар. Такі прыём дазваляе правесці паралелі паміж поглядамі, асабістымі якасцямі, сферай занятасці адпаведных асоб і служыць для выражэння адносін аўтара да гэтых людзей. Пар.: *«Кінь глядзець, кажу. Замнога гонару. Падумаеш мне яшчэ:* ***каралева Пятра Вялікага***» [4, с. 103]; «*Бачыце вы...* ***Касандра-прарочыца****, – сказаў Пружынін*» [4, с. 247]; *« – Бачыце, які* ***Марфей****, – усміхнулася гаспадыня. – Гэта* ***Аленін****, бадай, лепшы з маладых мастакоў»* [4, с. 186]; *«Здзекуючыся, ён называў сябе ў думках* ***Ленскім, Крэцьенам дэ Труа, Вертэрам****, але падсвядома адчуваў, што так яно і ёсць, што тое, што блакітнае сяйво вакол, звязала яго з гэтай жанчынай нябачнымі повязямі, мацней якіх не было нічога*» [4, с. 214].

Прэцэдэнтныя імёны ў ППІ У. Караткевіча прадстаўлены:

- у выглядзе анамастычнай ***метафары***: *«Узносяцца над светам* ***Парфеноны****, / У садах квітучых музыка іграе, /* ***Гамеры*** *светлыя складаюць гімны / І* ***моцарты*** *над нотамі сядзяць»* [5, с. *284]*;
- у складзе камбінаванай канструкцыі – ***метафара + вобразнае параўнанне***: «*І струны, як* ***змеі Мядузы Гаргоны****, Свісцяць на вятры і ловяць мяне»* [4, с. 173];
- у складзе ***параўнальнага зварота***: «*Замры, падобны на* ***Нептуна****, Трызубец, сціснуўшы ў далонь*» [5, с. 27];
- у выглядзе ***параўнання*** з аўтарскімі тлумачэннямі: «*Улан стаяў перад ім моцны, як* ***Геркулес****, кучаравы («Ванька-ключнік», – падумалася Гораву), з румянымі вуснамі і нахабнымі светлымі вачыма»* [4, с. 33].

Вынікі

Такім чынам, ППІ У. Караткевіча характарызуецца наяўнасцю апеляцый да розных прэцэдэнтных феноменаў, якія пераважаюць, як правіла, аўтарскую трансфармацыю і выкарыстоўваюцца ў якасці вобразных сродкаў і спосабаў узмацнення стылістычных прыёмаў.

Характэрнай рысай функцыянавання прэцэдэнтных феноменаў у ідыястылі пісьменніка з'яўляецца тое, што крыніцы інтэртэкстуальных уключэнняў у большасці сваёй так ці інакш далучаны да нацыянальных спецыфічных адметнасцей беларускай культуры і гісторыі.

Прэцэдэнтныя феномены робяць змест больш яркім, насычаным, вобразным, дазваляючы аўтару стварыць унікальны, непаўторны свет, вытканы са мноства ўжо існуючых у беларускай нацыянальнай карціне свету імёнаў, тэкстаў і вобразаў. Акрамя таго, яны ствараюць пэўны эфект гульні, прыцягваючы чытача-інтэлектуала да пошуку крыніцы прэцэдэнтнасці, разгадкі яе значэння і асэнсавання аўтарскай задумы.

Літаратура

1. Менджерицкая, Е.О. Когнитивные аспекты изучения синтаксиса художественной литературы / Е.О. Менджерицкая //Лингвистика на исходе XX века. Итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Т.1. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – С. 423.
2. Красных, В.В. «Свой» среди « чужих» : миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Караткевіч, У. Аповесці, апавяданні казкі / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мінск: Маст літ.,1988. – Т. 2. – 511 с.
4. Караткевіч, У. Раман. Аповесці. / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мінск: Маст літ.,1988. – Т. 3. – 543 с.
5. Караткевіч, У. Вершы, паэмы / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мінск: Маст літ., 1987. – Т. 1. – 431 с.
6. Гончарова, Н.А. Из античной мудрости: Латинские пословицы и поговорки с русскими соответствиями/ Автор-составитель Н.А. Гончарова. – Мн.: Высш. шк.,2004. – 495с.
7. Караткевіч, У. Хрыстос прызямліўся ў Гародні / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мінск: Маст літ., 1990. – Т. 6. – 494 с.
8. Караткевіч, У. Дзікае паляванне караля Стаха. Аповесць. Чорны замак Альшанскі. Раман / У. Караткевіч // Збор твораў: у 8 т. – Мн.: Маст літ., 1990. – Т. 7. – 494с.

References

1. Mendzherickaja, E.O. (1995). Kognitivnye aspekty izuchenija sintaksisa hudozhestvennoj literatury. *Lingvistika na ishode HH veka. Itogi i perspektivy. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii*. [Cognitive aspects of the study of the syntax of fiction. *Linguistics at the end of the twentieth century. Results and prospects. Abstracts of the international conference*]. V.1. M.: Izd-vo MGU, 423. (In Russ).
2. Krasnyh, V.V. (2003). *«Svoj» sredi « chuzhih» : mif ili real'nost'?* [*"Your" among "strangers": myth or reality*?]. M.: ITDGK «Gnozis». (In Russ).
3. Karatkevich, U. (1988). Apovesci, apavjadanni kazki. *Zbor tvoraŭ* [Stories, fairy tale stories. *Collected works*], in 8 t. Minsk: Mast lit., 2. (In Russ).
4. Karatkevich, U. (1988). Raman. Apovesci. *Zbor tvoraŭ* [Roman. Story. *Collected works*]. u 8 t. Minsk: Mast lit. T. 3. (In Russ).
5. Karatkevich, U. (1987). Vershy, pajemy. *Zbor tvoraŭ* [Poems. *Collected works*]. u 8 t. Minsk: Mast lit., T. 1. (In Russ).
6. Goncharova, N.A. (2004) *Iz antichnoj mudrosti: Latinskie poslovicy i pogovorki s russkimi sootvetstvijami*. [*From ancient wisdom: Latin Proverbs and sayings with Russian correspondences*]. Minsk.: Vyssh. Shk. (In Russ).
7. Karatkevich, U. (1990). Hrystos pryzjamliŭsja ŭ Garodni. *Zbor tvoraŭ* [Christ landed in Grodno. *Collected works*]. u 8 t. Minsk: Mast lit., T. 6.. (In Russ).
8. Karatkevich, U. (1990). Dzikae paljavanne karalja Staha. Apovesc'. Chorny zamak Al'shanski. Raman. *Zbor tvoraŭ*. [The savage Hunt of king Stach. Story. Black castle Olshansky. Roman. *Collected works*]. u 8 t. – Mn.: Mast lit. T. 7. (In Russ).

УДК 808.26-313.1(043.3)

МАЛАЯ РАДЗІМА Ў ЗАГАЛОЎКАХ ТВОРАЎ ПІСЬМЕННІКАЎ

В. В. Шур
прафесар, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mai: belmovamspu@mail.ru

У артыкуле на прыкладах з анамастыкону беларускіх пісьменнікаў прасочваюцца асаблівасці выбару онімаў-загалоўкаў, асабліва ў творах, прысвечаных малой радзіме мастакоў слова. Аналіз і выбар оніма-бібліёніма кваліфікуецца як мастацкі прыём. Патрабавальны да сваёй творчасці аўтар не заўсёды можа адразу падабраць удалы загаловак, пра што сведчыць вопыт творчасці нават класікаў беларускай і рускай літаратуры. Сэнс і значэнне загалоўкаў некаторых мастацкіх тэкстаў высвятляецца толькі тады, калі прачытваецца і загортваецца апошняя старонка твора.

Ключавыя словы: онім, уласнае імя, бібліёнім, тэкст, біяграфізм, загаловак, малая радзіма.

HOMELAND IN THE HEADLINES OF WORKS BY WRITERS

V. V. Shur
Professor, Doctor of Philology, Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mai: belmovamspu@mail.ru

The article deals with the choice of onymes-headlines in the onomasticon of the Belarusian writers, especially in the works, which are devoted to the homeland. The analysis and the choice of biblionym is qualified as literary means. Being demanded to his works the author can't always choose the proper headline, as it is proved by the experience even of the classical writers in Belarusian and Russian literature. The sense and the meaning of the headlines in some texts can be defined only after having read the last page of the literary work.

Key words: onym, proper name, biblionym, text, biographism, headline, homeland,

Уводзіны

Амаль любы мастацкі тэкст мае бібліёнім-загаловак, які можа быць аформлены як адно слова, словазлучэнне і нават цэлы сказ. У загалоўку, створаным пісьменнікам, зашыфравана даволі важная і істотная інфармацыя для правільнага ўспрыняцця твора, *загаловак-онім* у тэксце, безумоўна, уяўляе асаблівы код, асаблівую разнавіднасць уласных імёнаў, а тэкст мастацкага твора ў адносінах да яго загалоўка выступае як *"індывідуальная распаўсюджаная перыфраза"*, у сваю чаргу загаловак уяўляе *"жахліва ўшчыльненую абрэвіятуру тэксту"* (В.П. Грыгор'еў). У многіх аўтараў праз загалоўкі, якія створаны на іменах і рэаліях іх малой радзімы, выяўляюцца самыя розныя дадатковыя прырашчэнні, асацыяцыі, якія ўскладняюць, узбагачаюць агульны пазнавальны і мастацка-эстэтычны патэнцыял усяго тэксту.

Правільна зразумець загаловак мастацкага твора – гэта значыць зразумець галоўную задумку – кваліфікавана раскрыць сутнасць усяго тэксту, зразумець яго аўтарскую ідэю і філасофскі сэнс. Назва мастацкага тэксту любога жанру – самая актуальная яго прыкмета, гэта славесны комплекс з аднаго або некалькіх надзвычай актуальных ключавых слоў, значэнне якіх імпліцытна праектуецца на змест усіх тэкставых узроўняў і яго частак, на яго агульную, скразную ідэю. Мы разглядаем усе разнавіднасці загалоўкаў як спецыфічныя онімы – уласныя імёны-назвы мастацкіх тэкстаў. На думку псіхолагаў, якія вывучалі ўздзеянне загалоўкаў на схільнасці чытача да ўспрымання ўсяго твора, прыблізна 80 % чытачоў наогул звяртаюць увагу толькі на загаловак, які, як прасочана і эксперыментальна пацверджана, дае магчымасць абудзіць цікавасць да ўсяго тэксту.

Мэта і задачы даследавання

Асноўнай мэтай артыкула з'яўляецца даследаванне онімаў-загалоўкаў у творах пісьменнікаў, прысвечаных іх малой радзіме. Для дасягнення мэты былі пастаўлены наступныя задачы:

- выявіць і комплексна апісаць семантыка-стылістычныя асаблівасці онімаў-загалоўкаў;
- выявіць заканамернасці і асаблівасці ў выбары пісьменнікамі кантэкстуальных сродкаў у фарміраванні анамастычнай прасторы мастацкага тэксту і асаблівай ролі загалоўкаў у выяўленні галоўнай мэты, пастаўленай аўтарам.

Метады і матэрыял даследавання

Метадалагічнай асновай даследавання з'яўляюцца апісальны, супастаўляльны метады з выкарыстаннем прыёмаў навуковай інтэрпрэтацыі і абагульнення; асноўны матэрыял даследавання – анамастычная прастора мастацкіх тэкстаў, асабліва онімы-загалоўкі мастацкіх твораў, іх тэкстаўтваральныя і мастацка-эстэтычныя функцыі.

Вынікі і іх абмеркаванне

У творах беларускай мастацкай літаратуры, у біяграфіях пісьменнікаў асобныя аўтары нярэдка прыводзяць тлумачэнне паходжання назваў сваіх родных мясцін – назваў паселішчаў, сваіх прозвішчаў, мянушак і інш., што можна разглядаць і кваліфікаваць як мастацкі прыём, уласцівы некаторым мастакам слова. У кожнага з нас ёсць радзіма Беларусь, ёсць і *"малая радзіма"*, інакш кажучы, кожны з нас, гаворачы словамі Рыгора Барадуліна, *"мае свае Ушачы"*. У літаратуры засведчаны класічныя радкі апісання роднага кутка ў мастацкіх творах і біяграфіях Якуба Коласа, Івана Мележа, Рыгора Барадуліна, Ніла Гілевіча, Барыса Сачанкі, Міколы Мятліцкага, Уладзіміра Ліпскага, Вячаслава Рагойшы, Уладзіміра Калесніка і інш. У прыведзеным паэтычным абагульненні Рыгора Барадуліна, якое стала афарызмам і набыло глыбока сімвалічны сэнс, лаканічна перадаецца выключна вызначальная для кожнага чалавека роля *"малой радзімы"*, асацыятыўнасць і сімвалізм яе ўласных назваў, дзе такія элементы стварэння аўтабіяграфізму, павагі да роднага кутка набываюць новы імпульс і становяцца зыходным пунктам фарміравання высокага патрыятызму і павагі да ўсёй Радзімы-Беларусі. У названым афарызме айконім *Ушачы* па эмацыйнай насычанасці раўназначны этноніму *Беларусь*. Знамянальна, што 2018 – 2020 гады ў Рэспубліцы Беларусь на дзяржаўным узроўні аб'яўлены *"Гадамі малой радзімы"*. Мабыць, заканамерна, што ў "Нацыянальным Інстытуце адукацыі" 01 сакавіка 2019 года была праведзена Рэспубліканская навукова-практычная канферэнцыя *"Малая радзіма ў творчасці беларускіх пісьменнікаў"*, дзе былі заслуханы і абмеркаваны каля 70 дакладаў, напрыклад, такія: *"Загалоўкі і малая радзіма ў творах Івана Навуменкі", "Вобраз малой радзімы ў паэтычным эпасе Якуба Коласа", "Я ў думках лячу зноў да роднага краю…": вобраз малой радзімы ў творчасці Яна Чачота", "Развіццё ў навучэнцаў цікавасці да малой радзімы сродкамі музея"* і інш.

Малую радзіму шанаваў і не забываў самы знакаміты беларус эпохі сярэднявечча *Францыск Скарына*. Класічнымі сталі яго наступныя словы, перакладзеныя са старабеларускай на сучасную беларускую мову лаўрэатам Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь Алесем Разанавым: *Як звяры,*

/ што блукаюць у пушчы, / ад нараджэння / ведаюць сховы свае, / як птушкі, / што лётаюць у паветры, / помняць / гнёзды свае, / як рыбы, / што плаваюць у моры і ў рэках, / чуюць / віры свае / і як пчолы / бароняць вуллі свае /, гэтак і людзі / да месца, дзе нарадзіліся / і ўзгадаваны ў Божае, / вялікую ласку маюць. "Ніколі не хочацца верыць тым людзям," − пісаў пісьменнік Уладзімір Паўлаў у сваёй біяграфіі *"Бяру свой род"*, − якія гавораць: *"Там мая радзіма, дзе мне добра"*. Шкада такіх людзей. Разам з пупавінай ім, відаць, адрэзалі і любоў да Радзімы, да людзей" [2, с. 206].

У творчасці сапраўдных мастакоў слова роля малой радзімы вызначальная. Так, малая радзіма А. Твардоўскага (в. Загор'е Пачынкаўскай воласці Смаленскага павета) зусім блізка ад усходнебеларускай мяжы. В. А. Куляшова – дачка пісьменніка Аркадзя Куляшова, пра сябра яе бацькі пісала наступнае: А. Твардоўскі і А. Куляшоў *"близки и биографически-географически: места их рождений были на расстоянии 10 км"* [3, с. 130]. А. Твардоўскі ў артыкуле "О родине большой и малой" пісаў: "Ёсць пісьменнікі, чытаючы якіх не атрымліваецца адчуць, распазнаць, адкуль яны родам – з поўдня ці поўначы, з горада ці вёскі, ці ёсць у іх свая рака ці рачулка, ці было ў іх калі-небудзь дзяцінства. Але ў тварэннях сапраўдных мастакоў… мы беспамылкова пазнаем адметнасць іх малой радзімы. Яны сцвердзілі ў нашым чытацкім уяўленні асаблівы воблік гэтых мясцін і краю, колер і пахі лясоў і палёў, іх вясны і зімы, жары і мяцеліц, адгалоскі мясцовых слоўцаў, якія гучаць не ў разладзе адзінай вялікай мовы".

Асобныя аўтары, напрыклад, вядомыя вучоныя, пісьменнікі М. Улашчык, У. Калеснік, У. Ліпскі, А. Рогалеў, У. Верамейчык, У. Лякін, В. Рагойша, М. Мятліцкі, А. Бельскі, А. Карлюкевіч апісанню родных мясцін прысвячаюць цэлыя кнігі. Так, вядомы беларускі гісторык Мікалай Улашчык падрыхтаваў вялікі нарыс *"Была такая вёска"* (Мінск., 1981), дзе як этнограф прасачыў гісторыю роднай *Віцькаўшчыны* ў 1883–1917 гадах, што недалёка ад Мінска. Такога падрабязнага і цікавага эсэ не толькі спецыялістам не было да апошняга часу ў нашай нацыянальнай літаратуры. Асабліва падрабязна ў нарысе растлумачаны шматлікія традыцыйныя беларускія ўласныя імёны, айконімы, мікратапонімы вакол Віцькаўшчыны, адзначаны вялікі культуралагічны фон такіх адзінак, які, на жаль, мы паступова страчваем, губляем.

У пачатку 80-х гадоў XX стагоддзя пра вартасць і неабходнасць напісання такіх кніг пісаў сам М. Улашчык у пісьме, адрасаваным пісьменніку і вядомаму грамадскаму дзеячу Алесю Адамовічу: "Ад *Багацькаўкі* (вёскі, у якой нарадзіліся браты Гарэцкія. – В. Ш.) зараз засталося мала. Лічу, што гэта наш абавязак (а таксама пра *Глінішчы* Мележа і інш.). Маё ўражанне, пэўна, неаправалічана, але, здаецца, што нават карыстаючыся толькі апублікаванымі матэрыяламі, можна напісаць хаця б кароткую гісторыю кожнай вёскі. Між іншым, у прадмове да сваёй кнігі я выказаў неабходнасць сабраць як мага больш звестак і напісаць гісторыю тых вёсак, спіс якіх знаходзіцца ў *Хатыні*. Гэта зусім неабходна. І я нават не разумею, чаму за гэта ніхто (ніякая ўстанова) не ўзяўся да апошняга часу. Страшны канец вядомы, але ж людзі жылі ў гэтых вёсках сотні гадоў…" [6, с. 502].

Прафесар С. Прохарава ў артыкуле *"Мой родны кут, як ты мне мілы"* (радзіма ў беларускай мове) на падставе аналізу твораў Я. Коласа, Я. Купалы і 19 рэспандэнтаў, што далі адказы на пытанні, якія словы, словазлучэнні яны ўжываюць замест лексемы *радзіма*, выявіла, што часцей за ўсё выкарыстоўваліся словазлучэнні *родны кут*, затым *мой* (родны) *беларускі край, родная зямля, родныя мясціны, родная старонка, беларуская зямля, сінявокі край, зямля бацькоў, зямля продкаў*. Гэтыя выразы маюць адпаведнікі і ў паэтычных тэкстах, апорнымі ў словазлучэннях выступаюць: *кут, зямля, край, старонка* [5, с. 160]. Гэтая ж даследчыца на падставе аналізу сюжэтаў мастацкай літаратуры адзначыла, што для беларуса заўсёды была найважнейшай *малая радзіма*, той родны куток на зямлі, дзе ён прыйшоў у гэты свет і дзе знаходзіцца тая нітка, якая, на думку Я. Купалы, звязвае яго з зямлёй і небам. Магчыма, таму беларус заўсёды бараніў сваю зямлю, але яму не ўласціва агрэсіўнасць і жаданне павялічыць сваю жыццёвую прастору, што, на думку некаторых, з'яўляецца ледзь не недахопам *"беларускага шляху развіцця"*. Такое светаадчуванне, як пераконвае С. Прохарава, і адлюстроўвала беларуская літаратура, на што звярталі ўвагу самыя розныя даследчыкі.

А даследчыца канцэпту *беларускі народ у* мове хрэстаматыйных твораў беларускай літаратуры *Кацярына Півавар* прасачыла своеасаблівае, культурна маркіраванае ўспрыманне і інтэрпрэтацыю пісьменнікамі такіх ключавых канцэптаў, як *народ, Радзіма, мова, сям'я* і інш., што, паводле яе абагульненняў, дазваляе гаварыць пра існаванне своеасаблівага светабачання беларусаў, якое выяўляецца ў мастацкіх тэкстах. Так, канцэпт *народ* у мове школьнай праграмнай літаратуры рэпрэзентуецца праз наступныя моўныя адзінкі: *беларусы, браты, братцы, народ, мой народ, наш народ, беларускі народ; мы, нашчадкі Каліноўскага; сыны Радзімы; дочкі, сыны, землякі, сцішаны і грозны народ; беларускія нашы людзі; мужны і адвечны народ; беларускі сярмяжны народ; сыны герояў і багоў; унукі Скарыны; ліцвіны; тутэйшыя; русіны; беларускія людзі; грамада; мазольных рук мільёны; дзеці Беларусі; люд паспаліты* і інш. Найбольш частотныя лексемы *народ, беларускі народ, беларусы*, якія складаюць ядро канцэпту.

Паказальна, відаць, вельмі лагічна і правільна, што з кнігі Уладзіміра Ліпскага *“Я: праўдзівы аповед пра твой і мой радавод”* пачынаецца вывучэнне беларускай літаратуры ў 6-м класе. І, як слушна заўважыў Алесь Бельскі, аналізуючы вельмі неабходную ў наш час кнігу Анатоля Статкевіча-Чабаганава *“Я – сын Ваш: Статкевічы, Сацкевічы-Статкевічы герба “Касцеша”. Карафа-Корбуты герба “Корчак”*, важна, што ў аснову пабудовы названага літаратурнага курса пакладзены ўніверсальны прынцып уладкавання свету: *я – мой род – народ – радзіма – чалавецтва...*

Малая радзіма ў многіх аўтараў – гэта неаднаразова ўпамянутыя нават у загалоўках іх твораў уласныя назвы іх родных мясцін, якія нярэдка сімвалізуюцца. У Якуба Коласа гэта, напрыклад, вёска *Мікалаеўшчына*, рака Нёман, што неаднаразова засведчаны ў назвах-загалоўках або ў тэкстах класіка: у апавяданнях *“Нёманаў дар”*, *“Наша сяло, людзі і што робіцца ў сяле”*, “*Разліў Нёмана”*, *“Малады дубок”*, *“Дзеравеншчына”*, *“Страшнае спатканне”*; у вершах “*Нёман”*, *“Плытнікі”*, *“Наша сяло”*, *“Дуб”*, *“Старыя дубы”*, *“Стары гасцінец”*, *“Родныя песні”* і інш., у паэме *“Новая зямля”*, у трылогіі *“На ростанях”*.

Так, гідронім *Нёман* у творах Я. Коласа выконвае не толькі ідэнтыфікуючую функцыю – называе адну з вялікіх рэк Беларусі, на берагах якой прайшлі дзіцячыя і юнацкія гады класіка нашай літаратуры. У тэкстах паэта *Нёман* – гэта і назва-сімвал, неад’емная частка не толькі прыроднай, а і духоўнай рэальнасці роднага краю, Бацькаўшчыны: *Дык паведай, вецер вольны, / Што павеяў з тых краёў: / Як жыве там край бяздольны,/ Край з-пад Нёмна берагоў?*. У гэтым кантэксце назва-гідронім уваходзіць у склад апісальнага выразу – аўтарскай перыфразы: *край з-пад Нёмна берагоў*, якая ўзнікла метафарычна і прасторава-асацыятыўна выкарыстоўваецца для называння ўсёй Заходняй Беларусі, што ў 20–30-я гады XX ст. уваходзіла ў склад буржуазнай Польшчы. А ў апавяданні *“Туды, на Нёман!”* назва ракі – сімвал далёкай радзімы для беларусаў, выселеных з Гродзеншчыны на *Куршчыну* ў час Першай сусветнай вайны. Падкрэслівае канатацыйную значымасць гідроніма *Нёман* у апавяданні той факт, што ў першых выданнях загаловак гэтага твора гучаў інакш: “*Туды, на Захад!”* (1926 г.). У выніку змен у кантэксце *Нёман* – гэта не толькі назва ракі, а і тое слова, якое ўвасабляе для пісьменніка і яго літаратурных персанажаў незабыўны край, *Бацькаўшчыну,* з якой бежанцаў разлучыла вайна і куды яны мараць вярнуцца. Замена кампанента бібліёніма *Захад* на *Нёман*, відаць, выклікана тым, што ў 20–30-я гады XX ст. геаграфічныя назвы *Захад – Усход* шырока ўжываліся ў перыядычным друку, мове мастацкай літаратуры для абазначэння процілеглых сацыяльна-палітычных сістэм і дзяржаў. І першы загаловак гэтага апавядання нібыта “паказваў”, куды так непажадана мараць вярнуцца персанажы Я. Коласа, што, безумоўна, не адпавядала ідэалагічным устаноўкам і канонам, якімі тады кіравалася кіраўніцтва маладой рэспублікі Саветаў. Між іншым, у “Казках жыцця” Я. Коласа вядомы сімвалічныя персаніфікаваныя казачныя вобразы *Усход* і *Захад*, якія адпаведна ўвасаблялі ўсходнюю і заходнюю часткі Беларусі: *Брат Захад! – пісаў Усход: – я зусім здаровы і хваробу сваю выгнаў*. Такім чынам, канатацыйная сутнасць гідроніма *Нёман* у структуры загалоўка значна памацняецца. Як звышзначымая семантыка-канатацыйная адзінка тэксту, ён гаворачы словамі Ю. Карпенкі, становіцца полісемантычным: выконвае і эмацыйна-стылістычную функцыю, гэтымі асаблівасцямі загаловак удала працуе на тэму і ідэю твора – указвае на розныя бакі сюжэту, розныя думкі і адценні пісьменніка [4, с. 39]. Загалоўкам адмыкаецца тэкст і замыкаецца яго апошнім сказам.

Сімваламі радзімы-Беларусі ў творах некаторых беларускіх аўтараў выступаюць не толькі гідронім *Нёман*, а і *Дняпро, Прыпяць*. Так, у творах У. Караткевіча, асабліва ў рамане “Каласы пад сярпом тваім”, нарысе “Зямля пад белымі крыламі” сімвалам Радзімы, Беларусі выступае гідронім *Дняпро*, які пісьменнік называў “*вялікай Ракой*”. У гэтых і іншых творах мастак паслядоўна падкрэсліваў сваё зачараванне, захапленне, павагу і прыхільнасць да любай яму “*калыскі трох народаў*” і нават напісаў кінасцэнарый “Дзеці вялікай ракі”. А горад *Рагачоў, Падняпроўе* паводле шматлікіх успамінаў пісьменніка і яго блізкіх былі тым, чым для А. Пушкіна *Болдзіна*, для Л. Талстога – *Ясная Паляна*, для Я. Купалы – *Акопы*. Як пераканальна прасачыў А. Верабей, *Дняпро* і *Прыдняпроўе* былі для мастака “крыніцай натхнення, героямі яго твораў, сімваламі беларускага краю, а *Дняпро* – той артэрыяй, што жывіць родную зямлю і дае ёй сілы” [1, с. 97].

Некаторыя аўтары шырока ўводзяць у мастацкі тэкст народнае тлумачэнне назваў сваёй малой радзімы, выкарыстоўваючы такі каментарый як мастацкі прыём, што цалкам апраўдана, бо кожны з нас мае права на ўласнае разуменне і разважанне з улікам сваёй дасведчанасці і кампетэнцыі, хаця наіўнае народнае тлумачэнне можа зусім не адпавядаць навуковай этымалогіі. Такія тлумачэнні-каментарыі ўмела ўводзілі ў мастацкі тэкст, напрыклад, Віталь Вольскі, Фёдар Янкоўскі, Уладзімір Ліпскі і іншыя пісьменнікі, каменціруючы назвы-паселішчы Палесся і некаторыя прозвішчы карэнных жыхароў. Многа такіх прыкладаў у кнізе У. Ліпскага “Аповесць пра нашы прозвішчы” (Мн., 2006). У гэтым выданні пісьменнік побач са сваімі мастацкімі

абагульненнямі выкарыстоўваў народныя тлумачэнні, каб "*расшыфраваць родавыя найменні на прыкладах прозвішчаў жыхароў Рэчыцкага раёна на Гомельшчыне, адкуль родам і сам аўтар"*. Некаторыя тапанімічныя назвы на першы погляд тлумачацца вельмі проста. Такія паспешлівыя вывады часам робяць нават дасведчаныя людзі, хто, напрыклад, бачыць знешняе падабенства агульнага і ўласнага назоўніка-тапоніма: *бобр → Бабровічы*, *казёл → Казловічы*, *баран → Баранавічы* і г. д. Даследчыкамі ўстаноўлена, што нярэдка да таго, як агульны назоўнік у выніку эвалюцыі семантыкі ператвараецца ў тапанімічную назву, на прамежкавым этапе ён нярэдка выконвае ролю ўласнага назоўніка — ужываецца пэўны час як імя або імя-мянушка чалавека. А затым ужо ад уласнага імя ўтвараецца тапанімічная назва. Напрыклад, пісьменнік Віталь Вольскі так спрабуе ў кнізе "Палессе" тлумачыць паходжанне некаторых беларускіх тапанімічных назваў у мастацкім тэксце: *"Бабры вяліся тут з незапомных часоў. Аб гэтым сведчаць і геаграфічныя назвы. Нездарма ж атрымалі сваю назву ад слова "бабёр" і горад Бабруйск, рака Бабёр, прыток Бярэзіны, і гарадок Бабёр, і вёскі Бабровічы, Бобрыкі, Баброўшчына"*. У мастацкім тэксце, відаць, і магчыма такое спрошчанае абагульненне, аднак даследчык-тапаніміст з падобнымі вывадамі наўрад ці будзе згодны, бо такія назвы, як *Бабровічы*, *Бобрыкі*, *Баброўшчына*, верагодней за ўсё можна растлумачыць як утварэнні ад старажытных славянскіх імёнаў ці мянушак *Бобр*, *Бобрык* і інш., якія мелі заснавальнікі названых паселішчаў.

У паэта Яўгена Крупенькі з Гомеля ёсць паэма "*Шклоўшчына"*, адкуль ён родам. Ён ганарыцца сваёй малой радзімай: *Здаецца, не ільны цвітуць, а неба / Блакітам разлілося на палях, / Такое чыстае, як назва Шклоў. / Шклаўчане шкло варыць і сёння ўмеюць, / Ды хіба толькі шкло адно? Вы толькі / Хоць назвы вёсак шклоўскіх пачытайце: / Тут пяць Дубровак і сяло Дуброва, / Бо меднаствольця гаі звіняць. / Барок – малады лясок шуміць. / Дубкі – дубовы гай стаіць тут старажылам, / Сасноўка – сосны ля дзвярэй і вокнаў, / А Вішанька – у вішнях расцвіла… / У Дабрэйцы – як заўсёды – сэрцы добрыя, / У Лакуцях – як усюды – адчувае локаць сусед суседа. / У Славенях – коні слаўныя, / У Дзіўнае – песні дзіўныя… / У людзей – цудоўныя імёны: / Алеся – нарадзілася ў лесе. / Поля – пшаніцу жне ў полі. / Алёна – лён поле. / Галінка – у садзе галінка. / Маланка – вочы-маланкі. / Ганка – гасцей сустракае на ганку. / Вера – ў чалавека вера. / Надзея – у хлопцаў надзея…* Такім чынам, паэт, паслядоўна выкарыстоўваючы таўталагічныя паўторы онімаў, трапныя метафары, рыфмуючы іх у спрошчаных тлумачэннях назваў родных яму мясцін, стварыў своеасаблівы гімн сваёй малой радзімы – паселішчам, землякам, іх імёнам, прозвішчам…

Вывады

Галоўны онім у мастацкім творы – яго загаловак, кантэкстуальная функцыя якога заўважаецца не заўсёды і часам выпадае з-пад увагі чытача і нават тэкстолагаў. Вызначальная роля гэтага оніма найчасцей вытлумачваецца толькі пасля падрабязнага лінгвістычнага і ідэйна-тэматычнага разгляду твора. Яго семантыка-канатацыйны патэнцыял рэалізуецца ў асноўным на фоне ўсяго кантэксту. Загаловак па сутнасці ўяўляе арганізуючае звяно сюжэтных ліній мастацкага твора і канцэнтраванае выражэнне аўтарскай ідэі ў ім, ствараючы ўнутранае адзінства ўсёй лексічнай сістэмы мастацкага твора, становячыся стрыжнем яго кампазіцыйнай пабудовы.

Літаратура

1. Верабей, А. Прыдняпроўе ў творчым лёсе Уладзіміра Караткевіча / А. Верабей // Роднае слова. – 2003. – № 3. — С. 95—98.
2. Вытокі песні. Аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск: Маст. літ., 1973. – 336 с.
3. Гутарка Рагнеда Малахоўскага з Валянцінай Аркадзьеўнай Куляшовай. Па старонках "Хамуціуса" // Полымя. – 2011. − № 2. – С. 128 – 133.
4. Карпенко, Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Филологические науки. — 1986. — № 4. — С. 34—40.
5. Прохарава, С. М. Выбраныя творы / С.М. Прохарава. – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – 325 с.
6. Улашчык, М. Выбранае / М. Улашчык; навук. рэд. Г. Кісялёў і В. Скалабан. – Мінск: "Бел. кнігазбор", 2001. – 608 с.

References

1. Verabei A. (2003). Prydniaproue u tvorchym ljose Uladzimira Karatkevicha. Rodnae slova. [Prydniaproue in the creative life of Vladimir Karatkevich. Native word]. 3, 95 − 98. (in Bel).
2. Vytoki pesni. Autabijagrafii belaruskih pisnennikau. (1973). [The origins of the song. Autobiography of Belarusian Writers]. Minsk: Mast. lit. (in Bel).
3. Gutarka Ragneda Malahouskaga z Valjantsinaj Arkadgieunaj Kuljashovaj. Pa staronkah "Hamutsiusa". (2011). Polymja. [Ragned Malakhovsky talks with Valjantsina Arkadgieuna Kuljashova. On the pages of "Hamutsius". The Flame]. 2, 128 – 133. (in Bel).
4. Karpenko Ju. A. (1986). Imja sobstvennoje v hudozhestvennoj literature. Filologicheskije nauki. [Proper Name in Fiction. Philology]. 4, 34 − 40. (in Russ).
5. Proharava S. M. (2009). Vybranyja tvory. [Favorites works]. Minsk: Law and economics. (in Bel).
6. Ulashchyk M. (2001). Vybranae [Favorites]. Minsk: "Bel. knigazbor". (in Bel).

УДК 811.161.3

ФУНКЦЫЯНАВАННЕ ПРЭЦЭДЭНТНЫХ ІМЁНАЎ СА СФЕРАЙ-КРЫНІЦАЙ “ЛІТАРАТУРА” Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ

Г.В. Юдзянкова
кандыдат філалагічных навук, загадчык аспірантуры
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sajtmzr@mail.ru

Артыкул прысвечаны аналізу функцыянавання прэцэдэнтных імёнаў у мастацкім тэксце. Вылучаны асноўныя тэматычныя сферы-крыніцы гэтай групы прэцэдэнтных феноменаў у творах беларускай мастацкай літаратуры XIX стагоддзя. На прыкладзе сферы-крыніцы “Літаратура” разгледжаны асноўныя спосабы канатацыйнага ўжывання прэцэдэнтных імёнаў: анамастычная перыфраза, алюзія, параўнанне. Паводле канструктыўна-семантычнага ўдзелу апелятываў у фарміраванні анамастычных перыфраз вылучаны іх разнавіднасці. Зроблены вывад пра тое, што прэцэдэнтныя антрапонімы са сферай-крыніцай “Літаратура” дакладна адлюстроўваюць інтэлектуальны ўзровень не толькі аўтара, але і дапамагаюць вызначыць узровень літаратурнай кампетэнцыі рэцыпіента, выявіць асноўныя ўплывы, якія спазнала мова беларускай мастацкай літаратуры таго перыяду.

Ключавыя словы: прэцэдэнт, прэцэдэнтнае імя, дэнататыўнае і канатацыйнае ўжыванне, анамастычная перыфраза, алюзія, параўнанне.

FUNCTIONING OF THE PRECEDENTIAL NAMES WITH THE SPHERE-SOURCE “LITERATURE” IN THE BELLES-LETTRES

H.V. Yadziankova
Cand. Phil. D., head of postgraduate studies,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sajtmzr@mail.ru

The article deals with the functioning of the precedential names in the belles-lettres. The author reveals the main subjects of sphere-sources in the group of precedential phenomena in the works of Belarusian literature in the XIXth century. On the sphere-source “Literature” the author reveals the main means of connotative usage of the precedential names: onomastic periphrasis, allusion, comparison. According to the structural-semantic role of the appellatives in the formation of onomastic periphrasis their types are defined. The author proves that the precedential anthroponyms with the sphere-source “Literature” precisely reflect the intellectual level not only of the author, but they help to define the literary competence level of the recipient, to reveal the main tendencies in the Belarusian belles-lettres of that period.

Key words: precedent, precedential name, denotative and connotative usage, onomastic periphrasis, allusion, comparison.

Уводзіны

У сучаснай лінгвістычнай навуцы вялікая ўвага надаецца разнастайным праяўленням “чалавечага фактару” ў мове, узрастае інтарэс да лінгвакультуралагічнай праблематыкі і ў сувязі з гэтым – да прагмакамунікатыўнай функцыі ўласнага імені, якое можа ўжывацца ў якасці сімвала і адлюстроўваць у сабе чалавека ці пэўную з’яву. Таму ўзнікае пытанне пра экстралінгвістычныя крыніцы і ўмовы трансфармацыі гэтай катэгорыі імёнаў у сімвал, знак культуры і прэцэдэнтнае імя.

Праблема прэцэдэнтнасці – адна з найбольш актуальных і дыскусійных у сучаснай філалогіі, аднак у беларускім мовазнаўстве яшчэ не атрымала шырокага асвятлення. *Прэцэдэнт* (ад лац. *praecedens* – папярэдні) – выпадак ці ўчынак, які адбыўся ў мінулым і служыць прыкладам ці апраўданнем такіх выпадкаў ці ўчынкаў у будучым [1, с. 265]. Такім чынам, прэцэдэнт з’яўляецца “нейкім паўторна ўзнаўляльным фактам”, якому ўласцівы такія прыметы, як эталоннасць і імператыўнасць. Згодна з вызначэннем Д. Б. Гудкова, да ліку прэцэдэнтаў можна аднесці “ўзорныя факты, што служаць мадэллю для ўзнаўлення падобных фактаў і рэпрэзентуюцца ў маўленні пэўнымі вербальнымі сігналамі, якія актуалізуюць стандартны змест, што, у сваю чаргу, не ствараецца нанова, але ўзнаўляецца” [2, с. 105]. Сярод прэцэдэнтаў у шырокім разуменні лінгвістамі вылучаецца асобная група, да якой адносяцца прэцэдэнтныя феномены: *прэцэдэнтны тэкст, прэцэдэнтнае выказванне, прэцэдэнтнае імя, прэцэдэнтная сітуацыя.* Прэцэдэнтнае імя і выказванне лінгвісты адносяць да ліку вербальных (паколькі

яны захоўваюцца ў памяці ў “гатовым” (вербальным) выглядзе і, па сутнасці, нагадваюць фразеалагізм), а прэцэдэнтную сітуацыю і тэкст – да ліку тых, што вербалізуюцца (паколькі захоўваюцца ў выглядзе інварыянтаў успрымання).

Мэты і задачы

Мэта артыкула – аналіз асаблівасцей функцыянавання прэцэдэнтных імёнаў са сферай-крыніцай “Літаратура” ў мове мастацкага твора.

Пастаўленая мэта прадугледжвае вырашэнне наступных задач: выявіць корпус прэцэдэнтных імёнаў, якія складаюць антрапанімічную прастору твораў беларускай мастацкай літаратуры XIX стагоддзя; разгледзець дэнататыўнае і канатацыйнае функцыянаванне прэцэдэнтных імёнаў са сферай-крыніцай “Літаратура”.

Метады і матэрыял даследавання

Выкарыстаны метад суцэльнай выбаркі і супастаўляльны метад. Матэрыялам для даследавання абраны творы беларускай мастацкай літаратуры XIX стагоддзя.

Вынікі і іх абмеркаванне

Аналіз і апрацоўка корпуса зафіксаваных намі прэцэдэнтных імёнаў у мастацкіх творах беларускай літаратуры XIX стагоддзя дазволілі вылучыць наступныя сферы-крыніцы: 1) “Літаратура”; 2) “Гісторыя”; 3) “Міфалогія”; 4) “Біблія”; 5) “Мастацтва”; 6) “Навука”.

Улічваючы нацыянальныя вытокі, прэцэдэнтныя антрапонімы са сферай-крыніцай “Літаратура” мы суаднеслі з наступнымі нацыянальнымі літаратурамі: беларускай *(Мацей Бурачок, Навум Прыгаворка, В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Тапчэўскі, А. Міцкевіч)*; рускай *(Ф. Булгарын, М. Гогаль, М. Грэч, В. Жукоўскі, М. Лермантаў, А. Пушкін)*; польскай *(А. Вянярскі, С. Гашчынскі, К. Гофман, Ю. Дзяржкоўскі, Дэатыма* (Ядвіга Лушчэўская), *М. Ільніцкая, А. Каржанеўскі, З. Качкоўскі, Т. Ленартовіч, У. Сыракомля* і інш.); французскай *(А. дэ Бальзак, Вальтэр, А. Дзюма, Ж.-Ж. Русо, Э. Сю, мантэхрысты)*; італьянскай *(А. Дантэ, Беатрычэ)*; нямецкай *(Ф. Шылер)*.

Дэнататыўнае функцыянаванне такіх адзінак у аналізуемых намі творах пераважна прадстаўлена іх канцэнтрацыяй у параўнальна невялікім кантэксце, што спрыяе выражэнню суб’ектыўных адносін аўтара да непасрэдных носьбітаў гэтых імёнаў і іх дзейнасці (у нашым выпадку творчасці): *Во нешта разам зашумелі, / Народ раздаўся на канцы – / І быць як птушкі, праляцелі / Чатыры добрых малайцы. / Народ-та, відна, не такоўскі – / Сам Пушкін, Лермантаў, Жукоўскі / І Гогаль шыбка каля нас / Прайшлі, як павы, на Парнас* (Тарас на Парнасе); *Выбрась ты вон / з торбы прадзедаў пастаці: / А Гёт, Шылер, Кальдарон / Пакажуцца ў нашым плацці* (Тарас на Парнасе).

Прэцэдэнтныя імёны ў тэксце мастацкага твора ствараюць пэўныя арыенціры сацыяльных паводзін. Так, з дапамогай метаніміі, канцэнтруючы прозвішчы французскіх пісьменнікаў, В. Дунін-Марцінкевіч выказвае свае адносіны да надзённай для XIX стагоддзя праблемы ўсеагульнай франкаманіі: *А пані гаспадыня, з тых пакупак рада, / Каб не фатыгавацца, просьбаю-загадам: / “Mon chere amie,” – сказала, – хай там хто з вас гляне, / Дзюма там ці Бальзак? Якое там выданне?”* (В. Дунін-Марцінкевіч). Такія адзінкі можна лічыць своеасаблівымі онімамі-галіцызмамі: [Карл]: *І тут віна ўся ў модным выхаванні, / Дзяўчо любое ледзь на ногі ўстане, / Адразу маці ўжо кіруюць імі гэтак, / Што каб замест прывіць мараль у малалетак, / Каб цнотай і малітвай даражылі, / Яны мазуркаў вучаць іх, кадрылі!!! / Усіх навук і мудрасці аснова – / Французская ў іх мова*; *Там модныя паненкі, панічы і пані / У самым наймаднейшым, дарагім убранні; / Французскі звычай там, французская і мова, / Свайго радзімага там не пачуеш слова*. У якасці кантрасту актуалізуецца прозвішча польскай пісьменніцы *Клементыны Танской (Гофман)*, творы якой, на думку аўтара, з’яўляюцца даволі карыснымі для выхавання дзяўчат: *А дзе ж ваш ідэал, імкненні мэты, / Што ў Танскай вы чыталі, о кабеты?* Моўная сітуацыя таго перыяду выразна адлюстравана ў гістарычным рамане У. Караткевіча “Каласы пад сярпом тваім”, у якім аўтар праз вусны галоўнага героя Алеся Загорскага ўзнімае пытанне пра адносіны да роднай мовы: *“Чуеш, французская мова… Яна заглушае ўсё. Напэўна таму, што вельмі-вельмі прыгожая. Але ж яны не французы, гэтыя Хаданскія і іншыя. А вось гучыць польская – даволі моцны паток. А вось руская… І ніхто пакуль што словам не абмовіўся на мужыцкай, акрамя цябе…”*

У аспекце вывучэння лінгвістычнай прыроды прэцэдэнтнага імені мы ўлічваем тое, што кантэкст не толькі дазваляе выбраць адно з інварыянтных значэнняў такога імені, але і выявіць наяўнасць семантычных прырашчэнняў да яго. Так, намі засведчаны наступныя тыповыя выпадкі канатацыйнага ўжывання прэцэдэнтных адзінак са сферай-крыніцай “Літаратура” ў мастацкім творы: перыфраза, параўнанне, алюзія, плюралізацыя.

Пачатак тэорыі анамастычнай перыфразы закладзены ўкраінскім лінгвістам В. М. Калінкіным, які сцвярджае, што “анамастычнай перыфразай можна лічыць толькі такі спосаб намінацыі (асобы, аб’екта, з’явы і г. д.), пры якім унутры выказвання прамая намінацыя адсутнічае, а тая намінатыўная канструкцыя, што яе замяняе, уяўляе сабой троп ці з’яўляецца іншасказальнай хаця б мінімальна” [3, с. 224]. У сваіх працах айчынны лінгвіст І. Э. Ратнікава апісальныя выразы з прэцэдэнтнымі імёнамі адносіць да анамастычных метафар, вылучаючы сярод іх наступныя тыпы: антрапанімічныя (*японскі Пелевін* – Муракамі;

беларускі Дантэ – Янка Купала), тапанімічныя (*беларуская Пампея* – забруджаная радыяцыяй вёска), ідэанімічныя (*“Яўген Анегін” для палякаў* – паэма А. Міцкевіча “Пан Тадэвуш”), паэтанімічныя (*вульгарны амерыканскі Воланд* – Д. Коперфілд) [4, с. 13–14].

У мастацкіх тэкстах беларускай літаратуры XIX стагоддзя паводле канструктыўна-семантычнага ўдзелу апелятываў у фарміраванні анамастычных перыфраз мы вылучылі наступныя іх разнавіднасці:

1. Перыфразы, якія складаюцца з агульнага назоўніка і оніма-загалоўка і скіроўваюць да прэцэдэнтнага антрапоніма: *айцец “Гапона”* – В. Дунін-Марцінкевіч: *Здароў, Вінцэсь, айцец “Гапона”! / Табе паклон ад Гелікона / За “Вечарніцы” і за “Дудара”* (В. Дунін-Марцінкевіч); *стваральнік “Марыі”* – А. Мальчэўскі, *стваральнік “Валенрода”* – А. Міцкевіч, *творца “Караля Замчышча”* – С. Гашчынскі: *Апроч стваральнікаў “Марыі”, “Валенрода”, / Якіх імёны будуць гонарам народа, / Мінаючы і творцу “Караля замчышча” / Які не піша больш, хоць не стары йшчэ, / Мінаючы паэтаў тых, што паўміралі, / Вучоных тых, якія пра асвету дбалі, / Зрабіўшы пераскок, скажу: і пол прыгожы / Сваім мастацкім пісьменствам хваліцца можа* (В. Дунін-Марцінкевіч); *аўтар “Песняў нашых”* – А. Пянькевіч: *А аўтар “Песняў нашых” ці сягоння піша? – / “Ён, сцеснены з усіх бакоў, сядзіць у цішы, / Аднак, як скіне закідаў хоць палавіну, / Дакажа, што ягоны талент не загінуў”* (В. Дунін-Марцінкевіч). У прыведзеных прыкладах назву твора пэўнага аўтара мы разглядаем як своеасаблівы маркёр прэцэдэнтнага імені.

2. Перыфразы, якія складаюцца з агульнага назоўніка і тапоніма-ідэнтыфікатара: *паэт з Чарналясу* – Ян Каханоўскі (1530–1584), вядомы польскі паэт эпохі Адраджэння: *О, сёння, брат, не тое, як былога часу. / Калі магутнага паэта з Чарналясу / Грымела лютня, дык не толькі што шляхцянка, / А нават дочка гетмана ці каштalянка / Не пагарджала роднай мовай* (В. Дунін-Марцінкевіч). Параўн.: *Чарналяс* – спадчынны маёнтак, дзе паэт стварыў свае лепшыя лірычныя вершы, у якіх апаэтызаваў сялянскае паўсядзённае жыццё мясцовых жыхароў. Такая мадэль перыфразы з’яўляецца прадуктыўнай для мовы сучаснай мастацкай літаратуры (*чалавек з Ламанчы* – Дон Кіхот; *сыны Дзвіны і Нёмана* – беларусы; *пясняр Нарачы* – М. Танк; *рыцар яе Вялікасці Прыпяці* –У. Верамейчык; *адродкі Белай Русі* – беларусы і інш.).

3. Перыфразы, якія складаюцца з ад’ектыва літаратурнага прэцэдэнтнага антрапоніма і субстантыва “мова” і скіроўваюць да мовы, на якой пісаў аўтар: *Каханоўскага мова* – польская мова: *Ой, шчасліва вялося ў былыя часіны – / На Літве жыў народ, ды такі дабрачынны!.. / І дзяўчаты не зналі Русо і Вальтэраў, / Не прымалі, як сёння, чужацкіх манераў / І французскае мовы таксама не зналі, – / Каханоўскага мову яны ужывалі* (В. Дунін-Марцінкевіч). Акрамя мовы, “культурным атрыбутам” для перыфрастычнай намінацыі можа быць і назва краіны, гонарам якой з’яўляецца сам аўтар ці яго творы (параўн.: *радзіма Скарыны* – Беларусь; *краіна Шаўчэнкі і Франка* і інш.).

Адным з выпадкаў канатацыйнага функцыянавання прэцэдэнтных антрапонімаў у мастацкім тэксце з’яўляецца выкарыстанне такіх адзінак у складзе індывідуальна-аўтарскіх параўнанняў. У структуры гэтага тропа даследчыкі вылучаюць 3 кампаненты: 1) рэферэнт (тое, што параўноўваецца); 2) агент (тое, з чым параўноўваецца); модуль (падстава для параўнання) [5, с. 188]. З улікам замацаваных у межах пэўнай лінгвакультуры асацыяцый, прэцэдэнтныя антрапонімы даволі часта займаюць пазіцыю агента параўнання і выступаюць у якасці своеасаблівага эталону, ацэначнага стэрэатыпу, актуалізуючы прэцэдэнтны тэкст або сітацыю праз злучнікі-маркёры *як, нібы, быццам*: *Я аніяк не паверу, / Што Ўсявышні сказаў пры высокай нагодзе, / Нібы ў Дантавым пекле наклеіў на дзверы: / “Назаўсёды надзею пакінь, хто сюды ўваходзе!”* (Янка Лучына) – у дадзеным прыкладзе імя прадстаўніка італьянскай літаратуры Дантэ Аліг’еры, актуалізаванае з назоўнікам “пекла”, скіроўвае чытача да ўніверсальна-прэцэдэнтнага тэксту гэтага аўтара (“Боская камедыя”); *А то дадушы, што ў газеце / Я й вас аблаю на ўвесь свет, / Як Гогаля у прошлым леце… / Ведзь я рыдахтарам газет!* (Тарас на Парнасе) – праз такую рэпрэзентацыю антрапоніма *Гогаль* актуалізуецца прэцэдэнтная сітуацыя, у цэнтры якой знаходзіцца крытычная дзейнасць Ф. Булгарына ў адносінах да творчасці М. Гогаля і своеасаблівае папярэджанне для іншых творцаў.

Алюзія з’яўляецца вербальным сродкам, з дапамогай якога аўтар можа выказаць свае ідэі ў больш сціснутай і кароткай форме, для гэтага ён як бы замыкае іх у нейкую абалонку. У чытача могуць узнікнуць шматлікія асацыяцыі, але для таго каб правільна вызначыць тое, што меў на ўвазе аўтар, патрэбныя прэцэдэнтныя веды. У мастацкім дыскурсе ў якасці алюзійных элементаў найчасцей выкарыстоўваюцца: а) онімы літаратурных персанажаў з папярэдніх твораў пісьменніка ці іншых пісьменнікаў, або фальклорных твораў; б) ключавыя словы, у тым ліку і онімы, калі яны ў новым кантэксце выконваюць такую ж тэкстаўтваральную функцыю; в) цытаты (даслоўныя і трансфармаваныя) з папярэдняга тэксту і інш.; г) словы-сімвалы. У творах беларускай літаратуры XIX стагоддзя намі зафіксавана алюзійнае ўжыванне прэцэдэнтнага антрапоніма шляхам апісання ўскосных прымет дэнатата носьбіта імені: *Усе з сабой цягаюць кніжкі, / Аж з іншых пот*

руччом плюшчыць, / Друг дружку выціскаюць кішкі... / Вось нехта праміж іх пішчыць: / "– Памалу, братцы, не давіце / Мой хвіллятон вы і "Пчалу", / Мяне ж самога вы пусціце… / Ай, не дзяржыце за палу!.. / Таварыш поплеч з ім ідзе / І нясці кніжкі пасабляець, / А сам граматыку нясець, / Што ў смінарнях абучаюць (Тарас на Парнасе) – вядома, што газету "Северная пчела" выдавалі рускія журналісты і пісьменнікі *Ф. Булгарын* і *М. Грэч*, таму зразумела, што менавіта на іх указвае такі атрыбут, як онім-загаловак "Пчала", а размежаваць сатырычныя вобразы дазваляюць наступныя атрыбуты: фельетон (іх пісаў Ф. Булгарын) і граматыка (М. Грэч адначасова быў яшчэ і лінгвістам); *Вось нехта, сеўшы ў тарантасе, / На гору цягнецца трушком – / Знаць, любяць ты(х) і на Парнасе, / Хто ездзіць конна, – а не пяшком !* (Тарас на Парнасе) – атрыбут тарантас скіроўвае кампетэнтнага чытача да асобы рускага пісьменніка *У. Салагуба,* які з'яўляецца аўтарам аповесці "Тарантас".

Плюралізацыя прэцэдэнтнага антрапоніма – адна з найбольш пашыраных граматычных метафарычных мадэляў у анамастычнай лексіцы, што дазваляе ўжываць такія адзінкі ў адносінах да розных людзей і сведчыць пра поўную трансфармацыю асобы-носьбіта гэтага імені ў прэцэдэнтны, абстрактны вобраз: *У дамах у заможных мусье і мадамы / Не вучылі дзяцей, каб чужымі вачамі / Паглядалі на свет, і нялюбасць да краю / Прышчапляць у той час яшчэ не мелі звычаю; / І дзяўчаты не зналі Русо і Вальтэраў, / Не прымалі, як сёння, чужацкіх манераў / І французскае мовы таксама не зналі…* (В. Дунін-Марцінкевіч). У прыведзеным кантэксце антрапонімы *Русо* і *Вальтэр* набываюць адмоўныя сэнсавыя канатацыі і ўвасабляюць пагібельную, як лічыў В. Дунін-Марцінкевіч, французскую цывілізацыю, для якой характэрна вальнадумства ў поглядах і адносінах да кахання. Патрэбна адзначыць, што агульнапрынятыя канатацыі для названых адзінак ('вялікія мысліцелі') не з'яўляюцца адмоўнымі. Як сведчаць даследчыкі, множналікавасць анамастычнай адзінкі з'яўляецца метафарай, "паколькі "чыстай" уласнай назве ўласцівы наступныя характарыстыкі: дэнататыўная арыентацыя, спецыфічны сігніфікат, фіксаванасць ліку" [3, с. 35].

Інтэнсіянальным з'яўляецца і выкарыстанне прыналежных займеннікаў *наш, мой* у прэпазіцыі да прэцэдэнтнага антрапоніма: *Калі ж у крытыкі мяне ты прызываеш… / Прысуд завышаным не стане, / Бо шчыра я прызнацца мушу, / Што роўнае табе ў пісанні / Няма, не меў я прад вачыма. / Спявай, літоўская ты наша Дэатыма!* (В. Дунін-Марцінкевіч) – у прыведзеным кантэксце псеўданім *Дэатыма,* з'яўляючыся сродкам характарыстыкі Аліны Паэтніцкай ("Апантаны"), ужываецца Эдмундам для намінацыі маладой творцы. Займеннікам *наша* падкрэсліваецца нетрадыцыйнасць сэнсу гэтага антрапоніма і замена рэальнага дэнатата (Ядвіга Лушчэўская) на выдуманы (Аліна Паэтніцкая); *Калі пабачыў жаху аблічча / І рэштку хвіляў пачаў лічыць, / Багіня зноў, мая Беатрычэ, / Прыйшла і кажа змагацца, жыць* (Янка Лучына"– у гэтым прыкладзе Я. Лучына звяртаецца да сваёй музы, атаясамліваючы яе з *Беатрычэ Партынары* – каханай Дантэ Аліг'еры, якая натхняла вялікага італьянскага паэта на стварэнне ўзвышаных канцонаў і санетаў.

Вывады

Такім чынам, прэцэдэнтныя антрапонімы са сферай-крыніцай "Літаратура" дакладна адлюстроўваюць інтэлектуальны ўзровень не толькі аўтара, але і дапамагаюць вызначыць узровень літаратурнай кампетэнцыі рэцыпіента, выявіць асноўныя ўплывы, якія спазнала мова беларускай мастацкай літаратуры таго перыяду.

Літаратура

1. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў / А. М. Булыка. – Мінск : Нар. асвета, 1993. – 398 с.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 149 с.
3. Калинкин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
4. Ратникова, И. Э. Антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике / И. Э. Ратникова. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1999. – 24 с.
5. Шумчык, В. Ф. Лінгвістычная сутнасць параўнання як сродку мастацкай выразнасці / В. Ф. Шумчык // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: Дз. В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 187–190.

References

1. Bulyka A. M. (1993). *Slounik inshamounyh slou. [The dictionary of foreign words]*. – Minsk : Nar. asveta. (In Bel).
2. Gudkov D. B. (1999). *Precedentnoe imja i problemy precedentnosti. [The precedential name and the problems of precedency]*. Moscow. : Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ).
3. Kalinkin V. M. (1999). *Pojetika onima [The poetics of onym]*. – Doneck : Jugo-Vostok. (In Russ).
4. Ratnikova I. Je. (1999). *Antinomija uzusa i vozmozhnostej jazyka v onomasticheskoj semantike [The usage antinomy and the language possibilities in the onomastic semantics]*. – Minsk : Belorus. gos. un-t. . (In Russ).
5. Shumchyk V. F. (Ed.) (2009). *Lingvistychnaja sutnasc' paraunannja jak srodku mastackaj vyraznasci*. *[The linguistic essence of the comparison as a means of expressiveness]* . Natsyjanal'naja mova i natsyjanal'naja kul'tura: aspekty uzaemadzejannja. Minsk, Belarus. dzjarzh. ped. un-t. (In Bel).

УДК 811.111 : 821.111

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА ЖЕНЩИН В РОМАНЕ «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» Ф.С. ФИТЦДЖЕРАЛЬДА

О.Г. Яблонская
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г.Мозырь, Республика Беларусь
E-mail:olga_yablonskaya@rambler.ru

А.В. Линевич
студентка 2 курса филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г.Мозырь, Республика Беларусь
E-mail:linevich.a@list.ru

В статье рассматриваются особенности «женского языка» в романе Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби». С применением методов контекстного и сопоставительного анализа выявлены коммуникативные ситуации и описаны характерные для них языковые средства, определяющие прагматическую направленность «женского языка»; раскрываются языковые гендерно маркированные отличия восприятия одних и тех же предметов и событий женщинами и мужчинами. Делается вывод о социальной основе данного языкового понятия и актуальности его исследования в социолингвистике, психолингвистике и других направлениях языкознания.

Ключевые слова: женский язык, языковые средства, коммуникативная ситуация, прагматическая направленность.

PRAGMATIC CHARACTERISTICS OF THE FEMALE LANGUAGE IN THE NOVEL «THE GREAT GATSBY» BY F.S. FITZGERALD

O.G. Yablonskaya,
Cand. Phil. D, associate professor of the Department of Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail:olga_yablonskaya@rambler.ru

A.V. Linevich,
Student of the Department of Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail:linevich.a@list.ru

The article deals with the peculiarities of the «female language» in the novel «The Great Gatsby» by F.S. Fitzgerald. Methods of context and comparative analysis are applied in the article. Communicative situations are analyzed, characteristic linguistic means are defined, their pragmatic tendency is determined. The gender-marked language differences in the perception of the same objects and events by women and men are revealed. The conclusion is made of the social basis of the «female language» and the relevance of its research to sociolinguistics, psycholinguistics and other areas of linguistics.

Key words: female language, linguistic means, communicative situation, pragmatic tendency.

Введение

Принцип антропоцентризма уже несколько десятилетий является одним из главных в лингвистических исследованиях. В рамках такого подхода информация о сущности человека, его взглядах и действиях содержится в самом языке и воспринимается посредством языковых единиц. Исследователи отмечают роль языка в развитии личности, рассматривая его «как фактор формирования духовности» [3, с. 10].

Отдельное внимание уделяется гендерному аспекту исследования языковых знаков (В. Н. Телия, В. А. Маслова, В. И. Коваль, А. Ю. Першай и другие), т. к. «в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов» [2, с. 124]. Говоря о гендерно маркированных языковых единицах, учёные различают «мужской язык» и «женский язык», которые «детерминированы, прежде всего, устойчивыми представлениями о некоторых особенностях речевого и невербального поведения женщин и мужчин» [1 с. 36]. Безусловным является то, что речевое поведение, т.е.

употребление тех или иных языковых единиц всегда обусловлено контекстом.

Цели и задачи

Одним из средств создания разностороннего образа женщин является «женский язык». В связи с этим, цель данного исследования – рассмотреть особенности «женского языка» в совокупности с условиями коммуникации и выявить языковые приёмы его прагматической направленности. Для этого необходимо решить следующие задачи: 1) определить объём изучаемых фрагментов текста; 2) выявить смысловую основу и интенции «женского языка»; 3) установить различия в тематике и языковых способах выражения одних и тех же понятий в языке женщин и мужчин.

Методы и материал исследования

Все тонкости функционирования языковых знаков возможно выявить в художественных текстах. В качестве материала исследования был выбран роман Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби». Данное произведение, как отмечают критики, является социальным романом: «как изображенные в ней (книге) события и характеры, так и основной конфликт, определяющий её действие, имеют прямое и жизненно важное отношение к судьбе всех людей в обществе, которое описывает художник» [4].

Для анализа «женского языка» методом сплошной выборки были отобраны фрагменты текста, раскрывающие приёмы достижения им прагматического эффекта. Контекстный анализ способствовал пониманию характера, сущности и намерений действующих лиц. Метод сопоставительного анализа показал социально обусловленные различия в языке женщин и мужчин.

Результаты и их обсуждение

Одной из отличительных черт женского поведения, которая проявляется на языковом уровне, является ее уступчивость (часто только внешняя) и перекладывание ответственности на других.

«We ought to plan something,» yawned Miss Baker, sitting down at the table as if she were getting into bed.

«All right,» said Daisy. «What'll we plan?» She turned to me helplessly: «What do people plan?»

В данной ситуации имеет место разговор между двумя женщинами в компании мужчин. Героиням стало скучно, они не знают, чем себя занять, но вместо того, чтобы решить этот вопрос самим, они обращаются к рядом сидящим мужчинам, тем самым вовлекая их в ситуацию общения. Стоит заметить, что вопрос *«What'll we plan?»* звучит дважды из уст одной женщины, что также показывает нетерпение девушки и её нежелание принимать решение самой. Важным моментом является то, что они строят планы лишь на ближайшее будущее, на то, что будет через минуту, час или в предстоящий вечер. Повторение одной и той же мысли несколько раз в повествовательной и вопросительной форме, создающий образ беспомощной женщины, является средством привлечения внимания, подчеркиванием мужского превосходства (тем не менее, контролируемого женщинами). Для полноты образа автор использует описание жестов девушки *«she turned to me helplessly».* Читатель понимает, что Дейзи нарочно показывает свою кажущуюся беспомощность.

В более серьёзных ситуациях, например, в разговоре Дейзи, Тома и Джея о любви, девушка не может принять окончательного решения и сказать, кого она всё-таки любит. Причём, ни один из мужчин не даёт ей самостоятельно решить, с кем она хочет остаться, они привыкли, что последнее слово за ними. Каждый диктует Дейзи то, что они хотят услышать. Том, её муж, уверен, что она любит его, его предложение уже воспринимается как ответ Дейзи: *«Daisy loved me when she married me and she loves me now».*

Но Гэтсби ничуть не меньше уверен в обратном: он обращается к девушке, предлагая ей озвучить «принятое самой» решение:

«…Just tell him the truth – that you never loved him…»

She looked at him blindly. «Why – how could I love him – possibly?»

«You never loved him.»

«I never loved him,» she said, with perceptible reluctance.

«I love him once, but I loved you too.»

В данной ситуации неуверенность Дейзи уже играет против неё. Не желая принимать решение, она лишь сталкивает лбами мужчин, которые выясняют отношения между собой. Такие слова как *looked blindly, with perceptible reluctance* превращают девушку в пассивного собеседника.

Ещё одной характерной чертой «женского языка» является преувеличение. Из любой мелочи женщины за одну секунду способны «раздуть» большую проблему, сделать из мухи слона: *«… her eyes fastened with an awed expression on her little finger.» «Look!» she complained; «I hurt it.»*

Речь идёт лишь о мизинце, который Дейзи слегка зацепила о стол. Немногословность девушки в данном случае ассоциируется с её слабостью и ранимостью, что даёт возможность мужчине проявить заботу и почувствовать своё физическое превосходство (в подобной ситуации он почувствовал бы не более чем минутное неудобство). Явно показано как женщина может привлечь к себе внимание, используя каждую мелочь.

Во многих диалогах высказывания девушек строятся таким образом, чтобы получить от собеседника комплимент: могут быть использованы лексические единицы с отрицательным значением; единицы, подчеркивающие мимолётное внимание девушки к предмету речи; мимика и жесты,

выражающие удивление (в большинстве случаев только показное) и т.д. Выбор таких языковых средств и такое поведение имеют одну цель – услышать обратное.

«I like your dress,» remarked Mrs. McKee. «I think it's adorable.»

Mrs. Wilson rejected the compliment by raising her eyebrow in disdain.

«It's just a crazy old thing,» she said. «I just slip it on sometimes when I don't care what I look like.»

«But it looks wonderful on you, if you know what I mean,» pursued Mrs. McKee.

В приведённом примере миссис Уилсон отрицательно комментирует полученный комплимент, провоцируя таким образов миссис МакКи сделать ещё один, более убедительный.

В целом, женщины, в отличие от мужчин, проявляют большее внимание к мелочам и деталям. В случае, когда Ник приходит в гости к Дейзи и Тому, неожиданно раздаётся телефонный звонок, звонит любовница Тома. Но Ник не в курсе данной ситуации и ничего не подозревает.

«Don't talk. I want to hear what happens»

«Is something happening?» I inquired innocently.

«You mean to say you don't know?» said Miss Baker, honestly surprised. «I thought everybody knew.»

Здесь явно показано, что женщины проявляют любопытство и интерес ко всему происходящему, в то время как мужчины не замечают мелочей, которые происходят вокруг. Они замечают «мелочи» лишь тогда, когда им прямо о них говорят.

Женские и мужские разговоры также различаются своей тематикой. Беседы первых могут начинаться и заканчиваться сплетнями, кроме того, тема может неожиданно смениться в процессе разговора, если собеседница «кое-что» вспомнила: *«It's really his wife that's keeping them apart. She's a Catholic, and they don't believe a divorce»*

Daisy was not a Catholic, and I was a little shocked at the elaborateness of the lie».

«Somebody told me that he killed a man once».

Daisy peremptory called: «Wait! I forgot to ask you something, and it's important. We heard you were engaged to a girl out West».

Мужчины ведут разговор об абсолютно других вещах:

«Have you read «The Rise of the Colored Empires» by this man Goddard?»;

«Civilization's going to pieces»;

«My family all died and I came into a good deal of money».

Для женщин важны детали, поэтому в своих разговорах они пытаются узнать как можно больше информации, задавая как можно больше вопросов. А вот мужчинам не интересны подробности, им важна суть. Они ведут разговоры на серьёзные темы о политике и деньгах.

Мужчины и женщины так же по-разному реагируют на ситуации и предметы как при выборе языковых средств, так и эмоционально. В романе при виде маленького щенка, Миртл употребляет характеризующее прилагательное с положительным значением:

«I think it's cute,» said Mrs. Wilson enthusiastically.

В тоже время Том реагирует на щенка совсем иначе, просто констатирует, что это собака женского пола.

«It's a bitch,» said Tom decisively.

Подобную параллель можно провести в ситуации, когда Дейзи пришла в гости к Гэтсби и стала наблюдать за тем, как он достал свои рубашки. Том описывает это следующим образом:

«He took out a pile of shirts…»

Но для Дейзи это были не просто рубашки, а предметы, вызывающие бурю эмоций:

«They're such beautiful shirts,» she sobbed, her voice muffled in the thick folds.

Во всех приведённых примерах можно выделить один отличительный признак «женского языка» – его эмоциональность. Для усиления эмоциональности могут быть использованы дополнительные лексические единицы. Например, Миртл часто употребляет в своей речи слово «crazy»: *«It's just crazy old thing»;*

«I never was any more crazy about him than I was about that man there»;

«The only crazy I was was when I married him».

Употребляя это слово слишком часто, она раскрывает свой внутренний мир, как нечто суматошное, дикое и безумное.

На вечеринке у Миртл, её кузина Катерина часто использует в своей речи слово «really»:

«*Really? I was down there at the party about a month ago. At a man named Gatsby's. Do you know him?»;*

«Really?»;

«It's really his wife that's keeping them apart».

Данная лексема используется как для конкретизации или уточнения информации, так и для усиления эффекта удивления или проявления эмоциональности, возможности показать особую заинтересованность и вовлечённость в разговор.

Выводы

Таким образом, в романе Ф.С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» в различных коммуникативных ситуациях женщинам свойственна уступчивость, интерес к мелочам, преувеличение значимости отдельных событий (особенно в разговорах с мужчинами). В основе таких интенций лежат социальные женские стереотипы, характеризующие описываемый период времени. Основной характерной чертой «женского языка» является эмоциональность, выражаемая с помощью экспрессивной лексики, повторов, вопросительных

предложений и других приемов, которые сопровождаются соответствующей интонацией, мимикой и жестами. Автор детально описывает моменты общения героев, их язык и поведение, что способствует пониманию истинной сущности каждого героя. Анализ показал, что такое языковое явление как «женский язык» может исследоваться в рамках филологического анализа текста, а также социолингвистики, психолингвистики и других актуальных направлений языкознания.

Литература

1.Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : моногр. / В. И. Коваль; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины». — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.

2.Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

3.Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.

4.Старцев, А.И. Скотт Фитджеральд и его роман «Великий Гэтсби». Вступит. статья в кн. Фицджеральд, Ф.С. Великий Гэтсби. – М., 1965 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.fitzgerald.narod.ru/critics-rus/starcev-gatsby.html. – Дата доступа: 22.03.2019.

References

1. Koval', V.I. (2007) Jazyk i tekst v aspekte gendernoj lingvistiki [Language and text in the aspect of gender linguistics] (Monograhp). Gomel' : GGU im. F. Skoriny. (In Russ).

2. Maslova, V.A. (2001) Lingvokul'turologija: uchebnoe posobie. [Cultural linguistics: textbook]. Moskow: Academy. (In Russ).

3. Revutsky, O.I. (2006) Filologicheskij analiz hudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie [Philological analysis of a literary text: studies. manual]. Minsk: RIVS. (In Russ).

4. Startsev, A.I. (1965) Skott Fitdzheral'd i ego roman «Velikij Gjetsbi». Vstupit. stat'ja v kn. Fitdzheral'd, F. S. Velikij Gjetsbi. [Scott Fitzgerald and his novel The Great Gatsby. Introductory article in the book Fitzgerald, F.S. The great Gatsby]. Moskow. Retrieved March 22 2019 from: http://www.fitzgerald.narod.ru/critics-rus/starcev-gatsby.html. (In Russ).

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ: ТЕКСТОТИПЫ, ЖАНРЫ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 81'42

ТЕКСТ, КОТОРЫЙ НЕ ПРОДАЁТСЯ, НО ПОКУПАЕТСЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

А.М. Аматов,
доктор филологических наук, профессор
Белгородского государственного национального исследовательского университета
(Белгород, Россия)

Г.В. Свищёв,
кандидат филологических наук, доцент
Белгородского государственного национального исследовательского университета
(Белгород, Россия)

В статье рассматриваются особенности функционирования текстов социальной рекламы, раскрывается их роль в формировании поведенческих установок и стереотипов современного общества. Оценивается место и функции социальной рекламы в структуре современного общества.
Ключевые слова: социальная реклама, социально-ориентированный дискурс, манипуляция.

TEXT NOT FOR SALE BUT FOR BUYING: SOME ISSUES OF PSA

A.M. Amatov,
PhD, professor of Belgorod state national research university.
(Belgorod, Russia)

G.V. Svishchov,
Candidate of philology, docent of Belgorod state national research university.
(Belgorod, Russia)

The paper deals with public service announcements functioning in modern society. Their role in building up behavioral stereotypes is revealed. Functions of PSA and its communicative strategies and tactics are evaluated.
Key words: public service announcement, social discourse, manipulation.

Реклама в целом и социальная реклама как её особый вид в последние годы неоднократно оказывалась в фокусе лингвистических исследований. Исследовались синтаксис и языка семантика рекламы, её интертекстуальность и афористичность, стилистические и прагматические особенности, связь рекламного текста с лингвокультурой – словом, все те аспекты, которые исследуются в лингвистике текста как такового.

Разумеется, первый вопрос, который возникает в связи с изучением текста социальной рекламы, состоит в том, что общего у неё с другими видами рекламы и каковы основные различия. В классических направлениях лингвистики текста (включая ставшие классическими в последние десятилетия), выделялся ряд характерных признаков социальной рекламы, её отличий от рекламы коммерческой. Многие из этих наблюдений и выводов уже вошли в учебную литературу по лингвистике текста, социологии, медиакритике и т.д. Так, если коммерческая реклама занимается продвижением на рынок кого-либо товара или услуги, то некоммерческая (социальная) сфокусирована на продвижении моральных принципов и идей [1]. Есть различие и в типе информации, которую доводят до сведения публики. Сведения, факты, содержащиеся в социальной рекламе, не являются новыми. Напротив, чем больше осведомлённость реципиента по данной проблеме, тем сильнее реакция на неё, и как следствие, выше результативность кам-

пании [2]. Специфику социальной рекламы можно выразить следующим образом: социальная реклама подталкивает нас к определенным поступкам, а не к покупкам того или иного товара [3]. Здесь следует отметить, что покупка товара – это тоже поступок. Более того, можно взглянуть на вопрос и с другой стороны, а именно с точки зрения социально правильного поведения. Этот момент мы пока оставим, но с намерением непременно вернуться к нему позже.

Сразу следует сказать, что исследование текста не может быть полным, если опирается только на сам текст. Здесь уместно вспомнить теоремы Курта Гёделя о неполноте формальных систем, а точнее, вывод из них: никакую формальную систему (то есть любую научную теорию) невозможно описать полностью, исходя только из неё самой. Аналогично, смысл текста заключается не только (а иногда и не столько) в нём самом, сколько в тех многочисленных связях, которые соединяют текст с окружающей действительностью (физической, биологической, социальной) и образуют дискурс.

В дискурс-анализе ключевое значение для понимания смысла текста имеет целеполагание автора и тот контекст (прежде всего, социальный, т.к. любой текст – явление социальное), в котором данный текст реализуется. Основная проблема заключается в том, что истинные цели далеко не всегда декларируются. Однако критический дискурс-анализ помогает во многих случаях «приподнять занавес», делая тайное явным. При анализе современной социальной рекламы важно понимать, что она реализуется в капиталистическом обществе, стержнем которого является предпринимательская деятельность. То, что социальную рекламу часто называют «некоммерческой», не должно вводить в заблуждение: на самом деле коммерческая составляющая в социальной рекламе присутствует, и даже не всегда в скрытом виде, что мы покажем в дальнейшем.

Конечно, на первый взгляд тематика социальной рекламы выглядит далёкой от коммерческой деятельности. По данным С.А. Чубай [4], основными темами текстов социальной рекламы в современной России являются:

1) пагубные пристрастия (курение, алкоголизм, наркомания) – 40 %;

2) личная безопасность и профилактика чрезвычайных ситуаций (дорожное движение, предотвращение пожаров и т.д.) – 2 5%;

3) насилие в семье – 18 %;

4) терроризм – 10 %;

5) гражданские права и обязанности – 7 %.

Эти данные неплохо коррелируют с теми, которые мы получили, анализируя тематику социальной рекламы в других странах: США, Великобритании, Франции, Канаде, Австралии. Единственным заметным отличием являются проблемы окружающей среды и вопросы толерантности, практически не представленные в текстах российской социальной рекламы, но занимающие заметное место (по 10-15% всех текстов) в социальной рекламе других стран. И тем не менее мы продолжаем утверждать, что во всей этой борьбе «всего хорошего против всего плохого» коммерческий интерес не просто присутствует, но и является ведущим.

Социальная реклама, как и реклама вообще, в современном обществе является мощнейшей индустрией, где вращаются огромные деньги. Чтобы это понять, достаточно оценить стоимость места на биллборде или эфирного времени на телеканале, где социальная реклама встречается чаще всего. А в мире капитала большие деньги вращаются там и только там, где они приносят ещё больше денег.

Большинство «некоммерческих» рекламных продуктов выпускаются теми же рекламными агентствами, крупными и поменьше, которые делают и «обычную» коммерческую рекламу: Euro RSCG (с 2012 г. Havas Worldwide), TBWA Worldwide, Ogilvy, Big Ant International, Amelie Company, Красные перцы и т.д. Какие-то из этих компаний работают на международном уровне (что видно из названий), какие-то – на национальном, какие-то – на местном, но все делают это не бесплатно. Другими словами, социальная реклама – это тоже бизнес, а бизнес должен приносить прибыль, иначе он не сможет существовать.

Можно возразить, что социальная реклама оплачивается государством, которое просто привлекает частные компании в порядке аутсорсинга. Однако и здесь всё не так просто. Приведём буквально пару примеров из практики российской социальной рекламы.

В 2003 году стартовала «Социальная программа российского бизнеса», организатором которой выступила Ассоциация менеджеров, объединяющая управленцев крупнейших российских и зарубежных компаний. В рамках данной программы предусматривалось развитие социальных бизнес-проектов, включая создание и распространение социальной рекламы. В состав Стратегического комитета программы вошли такие компании, как «Аэрофлот», «Данон», «М.ВИДЕО», «Металлоинвест», «Норильский никель», «САН Интербрю», «Филип Моррис» и другие известные «бессребреники». Надо полагать, озабоченные вовсе не собственными прибылями, а тем, как сделать бизнес в России «социально ответственным». Небезынтересен и тот факт, что две последние из перечисленных компаний являются крупнейшими производителями пива и сигарет, соответственно. Это при том, что почти половина текстов российской социальной рекламы призывает бороться с употреблением такой продукции. Скажем прямо, нам трудно поверить, что эти компании с энтузиазмом вступили в борьбу с собственными коммерческими интересами.

В настоящее время осуществляется ещё один проект под эгидой всё той же Ассоциации менед-

жеров: международный форум «Корпоративное волонтёрство». В составе учредителей и участников всё те же «Норникель», «Металлоинвест», а также «Боинг», «Дойче банк», «Сбербанк», «Нестле», «Билайн», «МТС», «Самсунг» и прочая, и прочая. Правда, табачников и пивоваров на этот раз в «социальном» проекте не замечено.

Что же касается государственных, региональных, муниципальных и прочих бюджетных организаций, которые участвуют в подобных проектах, то и здесь нет ничего таинственного: хорошо известно, как частные компании любят «осваивать» бюджетные средства. Капиталистическое государство в первую очередь стоит на страже интересов капитала, и эту несколько забытую истину хорошо иллюстрирует тот факт, что во времена кризисов государство начинает активно субсидировать банки и прочие финансовые организации, то есть тех, кто и выступил инициатором кризиса.

Таким образом, получается, что «некоммерческая» социальная реклама создаётся и распространяется на вполне коммерческой основе, а инициаторами этого действа являются вполне коммерческие организации. Но данное противоречие легко снимается, если помнить о том, что в классово расколотом обществе истинные и декларируемые цели господствующих классов часто не совпадают вплоть до полной противоположности.

Остаётся нераскрытым вопрос: как именно капитал умудряется извлекать прибыль из текстов, казалось бы, совершенно некоммерческой направленности? Ответим на него иллюстрациями, начав с наиболее простых примеров. Так, на австралийском плакате, посвящённом борьбе с курением, изображена женщина с дряблой, нездорового цвета кожей, прикуривающая сигарету от праздничного торта со свечами. На свечах видны цифры «42» – прозрачный намёк на то, что женщине всего 42 года, но она выглядит значительно старше, потому что курит. Текст на плакате вполне соответствует картинке и также не содержит коммерческой информации: *Smoking causes premature ageing* (Курение – причина преждевременного старения). И далее более мелким шрифтом: *Lose the smoke, keep the fire this World No Tobacco Day 31st May* (Оставь дым, сохрани огонь в этот Всемирный день без табака 31 мая).

Вся «коммерция» в правом нижнем углу плаката, где изображена упаковка «Никотинелл» – средства для тех, кто бросает курить. Правый нижний угол также выбран не случайно: мы (австралийцы в том числе) читаем текст слева направо и сверху вниз. Аналогичным образом мы смотрим и на картинки. Таким образом, ненавязчивое изображение препарата как бы подытоживает смысл картинки и текста: «Покупай Никотинелл!» То есть в социальной рекламе здорового образа жизни, даже не скрываясь, может присутствовать вполне коммерческая реклама соответствующих препаратов, клиник, центров и т.п. Действуя умело, можно делать деньги не только на пагубных пристрастиях, но и на борьбе с ними.

Аналогично, на плакате *Don't selfie and drive* (Не делайте селфи, когда ведёте машину) красуется логотип и слоган «Фольксваген», а на рекламе, призывающей экономить воду – логотип «Колгейт», также в правом нижнем углу.

На французском плакате, предупреждающем об опасности пожаров, на фоне мрачного пепелища читается написанный крупными буквами лозунг: *Ne laissez pas la vie de ceux que vous aimez partir en fumée* (Не дайте жизням тех, кого вы любите, уйти, как дым). И приводится рекомендация устанавливать в домах датчики задымления и противопожарную сигнализацию – тоже, конечно же, в правом нижнем углу. Что характерно, изготовителем данного рекламного плаката выступает Министерство экологии, энергетики, устойчивого развития и моря Французской республики, однако обнаружили мы его на сайте компании, которая занимается установкой сигнализаций и камер наблюдения на вполне коммерческой основе.

На другом французском плакате изображена малоимущая семья в бедно обставленной комнате. Лозунг гласит: *Employée à temps partiel, mal logée à temps complet* (Работа на неполное время – плохое жильё на всё время). Здесь в заветном правом нижнем углу присутствует только логотип некоммерческой организации, занимающейся проблемами жилья для малоимущих. То есть, казалось бы, ничьи финансовые интересы здесь не затрагиваются. Однако текст явно ориентирован не на владельцев собственного бизнеса – у них рабочий день ненормированный. Текст ориентирован на наёмных работников, а они, как учит теория прибавочной стоимости, лишь меньшую часть рабочего времени трудятся на себя, а больше – на работодателя. Именно ему в первую очередь выгодно, чтобы рабочая сила использовалась максимально. Таким образом, социальный призыв данного текста становится совершенно прозрачным: «Работайте больше, приносите больше прибыли работодателю». Правда, вторая часть в эксплицитном виде несколько заменена: «Заодно улучшите свои жилищные условия». Что, кстати сказать, не факт, да и на том же плакате ниже написано, что занятость не гарантирует приличного жилья.

Но такое скрытое или явное присутствие коммерческих мотивов в «некоммерческой» рекламе, конечно же, лишь вершина айсберга. Мир капитала – это прежде всего мир конкуренции. Поэтому участие в выпуске и распространении коммерческой рекламы может сулить и более косвенные, (но вовсе не менее существенные) выгоды. Так, например, социальная реклама, призывающая отказаться от изделий из натурального меха и кожи под предлогом защиты животных, с одной стороны наносит удар по производителям таких изделий, а с другой стороны способствует

продвижению на рынок изделий из искусственных заменителей.

Ну и главное в любой рекламе, включая «некоммерческую», конечно же, реклама. Именно поэтому многие (если не все) крупные компании так охотно участвуют в различных благотворительных акциях, распространяют социальные рекламные продукты и всячески позиционируют свой бизнес как «социально ответственный». Ведь расходы на подобные мероприятия чрезвычайно скромны по сравнению не только с доходами этих компаний, но и с их расходами на «обычную» рекламу. А вот эффективность может оказаться ничуть не ниже. Если коммерческая реклама влетает компании в копеечку, то участие в социальных мероприятиях налогами не облагается и требует гораздо меньше затрат. Так почему бы не отметиться лишний раз в СМИ уже не за свой, а за бюджетный счёт? Кроме того, любое социальное мероприятие с участием бизнеса – это не только PR-акция, но и прекрасная возможность установления полезных связей между бизнесом и чиновниками разного уровня.

Наконец, вспомним и о том тезисе, что социальная реклама призвана выработать у людей правильные поведенческие стереотипы. Но какое поведение считается социально правильным в обществе капитала? Разумеется, поведение покупателя, поскольку именно он обеспечивает прибыль. Не потребителя, как иногда ошибочно утверждают, а именно покупателя: как именно вы будете потреблять купленный вами товар, продавца волнует в гораздо меньшей степени, если волнует вообще. И социальная реклама активно способствует решению этой проблемы, воспитывая людей как образцовых и послушных наёмных работников и в то же время активных покупателей.

Таким образом, слово «некоммерческая» можно употреблять по отношению к социальной рекламе лишь условно. Соответственно, главное отличие социальной рекламы от обычной рекламы товаров и услуг заключается лишь в том, что в текстах социальной рекламы коммерческие интересы обычно представлены в более скрытом виде, тогда как в «обычной» рекламе – явно, вплоть до прямого императива «Покупайте!»

Литература и примечания

1. Ромат, Е.В. Реклама: история, теория, практика: учеб. пособие для студентов вузов / Е.В. Ромат. – Спб.: Питер, 2002 – 544 с.
2. Фомичева, И.Д. Социология СМИ: учеб. пособие для студентов вузов / И.Д. Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2007 – 36 с
3. Феофанов, О.А. Реклама: новые технологии в России / О.А. Феофанов. - СПб.: Питер, 2002. – 384 с.
4. Чубай, С.А. Современная социальная реклама в России и США: тематика и особенности функционирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2017, Т. 16б № 4. – С. 201–206.

References

1. Romat, E.V. (2002). *Reklama: istorija, teorija, praktika: ucheb. posobie dlja studentov vuzov* [*Advertising: history, theory, practice: studies. textbook for students*]. SPb: Ptter.
2. Fomicheva, I. D. (2007). *Sociologija SMI: ucheb. posobie dlja studentov vuzov* [*Sociology of mass media: studies. manual for University students*]. Moscow: Aspect Press.
3. Feofanov, O. A. (2002). *Reklama: novye tehnologii v Rossii* [*Advertising: new technologies in Russia*]. SPb.: Peter
4. Chubai, S. A. (2017). Sovremennaja social'naja reklama v Rossii i SShA: tematika i osobennosti funkcionirovanija. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie* [Modern social advertising in Russia and the USA: subjects and features of functioning. *Bulletin of Volgograd state University. Series 2: The Linguistics*], v. 16, 4, 201–206.

УДК 808.5

УСТНЫЙ РАССКАЗ В РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. Б. Бушев,

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, кафедры международных отношений
Тверского государственного университета,
Тверь, Россия

Статья посвящается современному устному рассказу как форме фольклора. Показана работа техники расклейки смысла и содержания. Воспитание человека не только знающего, но и умеющего устанавливать связи и перевыражения этих связей между предметами познания – задача системы образования, непосредственно связанная с социальной жизнью. Создание рассказов связывается с риторической подготовкой рассказчика. Анализ гуманитарной научной литературы XX века демонстрирует повсеместное развитие интересных риторических идей

не в рамках риторики, пережившей в XX веке незаслуженное забвение и ренессанс, а в рамках других предметных сфер, прежде всего коммуникативной теории, опыт которых нужно анализировать.

Ключевые слова: риторизация образования, науковедение, коммуникация, дебатирование, медиапедагогика.

ORAL STORIES IN RHETORICAL TRADITION

A. B. Bouchev,
Professor, doctor of Philology, Professor of journalism, advertising and public relations Department, Department of international relations,
Tver State University,
Tver, Russia

The article is devoted to modern oral stories as the form of folk creativity. Of interest is the hermeneutic technique of difference in content and sense. The educators must aim not only at knowledgeable pupil but at a pupil who is able to think and to make reflective steps to perceive the world . This task of the system of education is closely connected with social reality. The aeration of the stories is connected with rhetorical upbringigng of the story-teller. The analysis of the literature and practices in humanities shows the spreading of rhetoric and hermeneutic ideas in realms of knowledge other than classical rhetoric that became obsolete in the 20th century. Of note is first and foremost communicative theory. These experiences should be looked at very closely.

Key words: rhetoric in education, science discourse, communication, debating, media literacy.

Читал книгу А. В. Гончаровой «Золотые зерна (сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы, анекдоты Тверской области)». Ссылки на Афанасьева, Шейна, Смирнова. Все эти ***тижало, голдобить, ражий, кроф, приготоф, у сестре, на земли, с рукам, в большим доме, тая сторона, теи избы, новы песни, знат, понимат***. Годами слышал это. Сегодня неграмотность пригорода совсем иная.

Устная традиция - передача информации между поколениями устно, по памяти, с соответствующими способами варьирования, оставляющими простор импровизации. Она предполагает определенную манеру исполнения Устная история была самой ранней формой исторического сознания древних народов. Устная традиция включает исторические предания, героические сказания, исторические песни, былевые духовные стихи. Своеобразна эстетика устно-поэтического канона (формулы, подхваты, постпозиция эпитета, особые эпитеты, ритмика).

В традиционных фольклорных исследованиях обследовались малограмотные носители русского языка (это отвечало социальным задачам изучения народного словесного искусства), обследовались люди, детство проведшие в традиционном коллективе, за традиционным трудом, в отсутствии радио, телевидения, носители диалектов в отсутствии социализирующего влияния школы, православные или стихийно православные. Изучалась речь деревенских стариков. Изучался национальный фольклор – субэтносов (казаки, поморы и т.д.) Проводилось описание этнографии уходящей России. обрядов и т.д. . Информанты представляли информацию – жанры традиционного фольклора – частушки, стихи, обряды, рассказы, микрожанры [4; 5]. Сегодня этого социального класса нет. Оказывает влияние радио, показательна грамотность или полуграмотность, исчезла диалектность. Сельский труд не воспринимается как традиционный труд, традиционная культура. Ушла передаваемая от предков религиозность.

Фольклор понимался как бесписьменная литература, но сегодня мы знаем, что есть письменные жанры фольклора**.** Показательно бытовавшее понимание классового характера фольклора. Специализированное искусство не может заменить фольклор, профессиональное искусство не может заменить народное творчество. Стандартом является поиск архаического фольклора негородского населения при установке на вымысел, сбор религиозно-магических и обрядовых текстов. Вербальный фольклор постепенно эмансипируется от обрядно-мифологического контекста и начинает развиваться по законам словесности, что приводит к формированию жанрового пространства вербального фольклора. Почти всегда в традиционных исследованиях предмет сбора у информантов – предмет любования и восхищения.

Социолект крестьян не может не нравится сборщикам фольклора [4]:

Я мужик, в мяне лук растет, а в бабах лук ня родится. «Ты знаешь дедовы стихи». А я говорю , - правильно дед говорил, мамка говорила: «Вставай раненько, сажай темно, чтоб перье было темное, ага, ну и почитай молитву: «Народи, Господи, на всякую долю кряценую, для добрых людей и для меня» Картошку сажаешь – тож говори «Уродись картошечка, крупная в решето, длинная в оглоблину, не пустая , а рассыпчатая». Спярьва добрых людей вспомяни, а потом себя, она и будет родиться. И у меня кажный год от этого, ни от этого, а кажный год картошка – убору нет, нету убору, всягда хорошая. Говорят: «Куда идти? А пойдемте к Вани за картошкой». А я , бывает, простота, что раздашь всё, а после поглядишь- пусто. Простота, как говорится, хуже воровства. Ну так вот, живу один, а огород содержу на целую семью, ня хочется от людей

отстать. Как-то батюшка явился с матушкой, заплавские. Рукам от так плех: «Ох, лихонько, а для кавой-то у вас посажен огород такой?» А я говорю: «Мой!» « Ой, Божья Матерь, для чавой-то это нужно вам, Иван Иваныч, вам надо нетельку лучку, нетельку свяколки и всё». А я говорю: « В мяне семья большая, батюшка, прям как у вас. У вас тож там вошь на цапи, блоха на аркане, народу бывает ужасти сколько». Да, народу в них кажный день тоже вволю… Захмычка у мине такая. Когда уже будет не поднять фунт хмелю, тада уж всё, тогда уже конец. Как говорил мой дед Лука Михалыч, чтоб всякий запас был, чтобы в холодную зимушку было что в зубу поковырять».

Фольклор, устное народное творчество занимал сердцевину духовного существования патриархальных сельских информантов. Очевидно, издревле для человека характерна потребность выразить себя художественно. Даже став грамотными, эти люди не переставали припадать к живительному источнику устного народного творчества.

Параллельно с работой осуществляется рефлексия над местом традиционной культуры в современной культуре, над прагматикой фольклора. Приведем пример рефлексии носителей фольклора над ценностями народной культуры, например, в интерпретации И. И. Смирнова [4]:

Уходят времена. Много мы растеряли – остались одни отголоски. Как справляли раньше праздник! Помню, был еще небольшенький, на самую Троицу, когда венчали коров , взял меня дед в подпаски… Помню, мамаша взяла венок, положила на подойник и через него стала доить, ну прям прелесть! И мы этот венок вешали во дворе и хранили до следующего Духова дня. После его сжигали на своей полосе. В это день собирались вскладчину, в деревне гуляли. Вот был обычай какой хороший! Корове справляли праздник, и никто не напивался. А теперь что? Одно мать-перемать, ой, Боже мой, уходит время, что будет после нас?

Времена меняются. Редко кто теперь исполнит хотя бы одну былину, но все-таки многие знают не одну сказку, могут спеть жестокий романс. Фольклор сегодняшний существует и в киноцитатах, и в разошедшейся на цитаты рекламе, и в Интернете. Современный фольклор существует! [1;и 2;и 3] Он – в наших устных преданиях, в байках, в анекдотах, в детских стишках, в говоре музыкальных фанатов и интернетчиков, в альбомах, в субкультуре армии, в различных словесных формах пространства современного города. . Возьмите туристский фольклор, народные песни у костра. На наших глазах рождаются тексты интернета – которые имеют коллективного автора. В Интернете вообще происходит сегодня большой карнавал. Любой присланный текст можно переписать, дописать, урезать, продлить и так далее. Эти тексты имеют коллективного автора – один из существенных признаков фольклорности.

В науке об устном народном творчестве еще не определены и не раскрыты жанровые разновидности современного эпоса. Не всякий устный рассказ является произведением словесного искусства. Для сказа характерны преувеличения, легендарность при общей правдивости. Сказ, побывальщина – это повествование про старинное житье. Сегодня уходят в прошлое все старые устные жанры – от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются другие жанры. Городской фольклор существует как одна из неофициальных областей советской и постсоветской культуры.

Это по сути дела коллоквиальная история**.** Рассказоведы ставят проблему судеб фольклора, определения границ устного рассказа, обсуждают спорную проблему современного народного творчества. Хроникальны и мемуарные рассказы – хроникальный рассказ содержит черты достоверности, законченный жизненный эпизод, рассказ ситуативен, содержит сюжет, вызывает желание информанта выступить в роли рассказчика, вызвать сопереживание слушателя. Фабульный рассказ – вид несказочной прозы. Для него характерен целый ряд характеристик: коллективность создания, стихийность бытования, устность – целый рад фольклорных признаков. Легенды социально-утопического характера (Чистов К. В.) Легенда отличается от предания чудесным.

Итак, зачастуюперед нами устные рассказы мемуарной разновидности**.** Мемуарный рассказ содержит художественное начало в эмбриональном состоянии и находится на смыкании искусства и жизни, на грани простого языкового общения и художественного творчества обращают нас к истокам., к самой колыбели искусства .Значимы коллективный характер и художественность формы несказочной фольклорной прозы. Коллективность – этот признак проф. А. В. Гончаровой решен диалектически: это новое качество коллективности, усиленное индивидуальным, личностным началом. Движение от живого отклика (от простой реплики) к целостному повествованию с кристаллизацией художественного образа. Коллоквиальные рассказы обсуждают видные советские фольклористы Померанцева, Гусев, Чистов. Сказ привлекает нарратологов, исследователей стиля монологов.

Показательна диалектика взаимодействия между устным народным творчеством и письменной литературой. После появления письменности и литературы, в условиях зарождения государственности и развития более сложных религиозно-мифологических систем, фольклор продолжает функционировать, но такой традиционный, или «классический», фольклор развивается в нечто отличное от фольклора строго архаического. Древнейший сюжетный фонд подвергается десакрализации, устная традиция испытывает много-

плановое влияние книжной словесности: так, устное слово может воспроизводить нормы письменного языка (особенно характерно для торжественной ритмизованной речи), одновременно происходит фольклоризация и архаизация книжных источников.

Теория субкультур – один из способов описания культурной дифференциации современного общества. Набор признаков – знаковые(общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира), поведенческие (обычаи, ритуалы, нормы , модели и стереотипы поведения), социальные (среда, социальная группа) а также все они вместе. К культурному коду относится и субъязык и фольклор.

При сборе современного фольклора исследователи руководствуются классификацией К. Соколова и Ю Осокина половозрастные субкультуры (детская, молодежная, ЛГБТ, парковые собрания пенсионеров), социально-профессиональные (рабочие, интеллигенцию, профессионально-корпоративные субкультуры: компьютерная, медицинская, археологическая, армейская, нищенская и криминально-тюремная), досуговые, религиозные и этнические., территориальные.

Областями сбора современного фольклора могут являться следующие: культура моложенная (музыкальная диггеры, атвостоп и т.д.), туристов, парашютистов, программистов, студентов, военных училищ, субкультура солдат-срочников, субкультура больницы, прихрамовой среды, изменившиеся обряды (родильные, свадебный, похоронный), пространство современного города (городская мифология, памятники в городе, граффити, разговорные топоминимы), жанры современного городского фольклора (песни, романсы, устные рассказы, несказочная проза, фольклор коммунальных квартир, семейный фольклор, современный анекдот, современная альбомная традиция, магические письма). Устойчивые формулы в городской обыденной речи (языковые игры и малые жанры городского фольклора, киноцитаты, рекламные тексты в обыденной речи, шифровки, эпистолы, поздравления и пожелания в рукописных традициях). Интересна обрядовость двадцатого века. Показателен национальный фольклор во взаимодействии с русским – у Ганиевой , у Айтматова и т.д. Изучаются новые жанры – частушка, анекдот, стихи черного юмора, фольклорность рекламы.

Возьмем байки как формы несказочной прозы**.** Например, в воспоминаниях об Алексии Симанском митрополита Пимена есть строчки о дочери Чичагова по фамилии Резон. Работала фельдшером. Энергичная, всезнающая. Просила у Алексия Первого постригa в монахини. Остроумный патриарх наложил резолюцию: «Постригать Резон – не резон». Такие шутки – тоже часть религиозного дискурса, воспоминания – редкий его жанр (представленный также, например, блестящей книгой М. Ардова).

Известны байки кинематографистов (Герман), артистов(Весник), студенческий фольклор, академический фольклор, врачебный фольклор, фольклор чиновников, журналистский фольклор, армейский фольклор. Проводится изучение городских легенд (Синдаловский, Баранов).

При прочтении такого текста работает и техника жанроопределения (мемуары, ироничные байки); и техника определения внутритекстового рассказчика (рефлексирующий над жизнью и языком рассказчик), техника понимания образа автора. Работают и другие техники, задействующие рефлексию над текстовыми средствами лексикой, риторико-стилистическими особенностями.

Байки как концентрации смыслов и своеобразный жанр со своими законами интересовали исследователя:

Я все это проходил: нельзя здороваться с Зощенко. С детства. Я помню, как мы жгли чучело Зощенко на костре. Это же все вокруг меня варилось. Помню Шостаковича, опального, который приходил пить «Боржоми» с папой. И как мы стояли в очереди за сыром «Рокфор», который «выбросили» в магазине в Комарово. За нами стоит мужик в кожаном пальто и говорит про сыр : « Как Шостакович – с гнильцой».

Хейфец жил в Комарово в нашей бане, потому что был проштрафившийся. И он с двумя лауреатскими значками выходил из нашей бани. Спрашивали: Кто это? – Дважды лауреат Сталинской премии! На него рассердился Сталин, потому что он снимал Советскую Мордовию и старался, как мог. За ними ездил грузовик с костюмами и галстуками, которые они надевали на всех трактористов. А промышленность он ездил снимать совершенно в другую республику, потому что в Мордовии не было выразительной промышленности. Но Сталин рассердился и сказал: Не такая Мордовия! И Хейфец улетел в нашу баню (А. Герман).

К. Ваншенкин: Состав на мавзолее с годами медленно менялся, правое его крыло всегда плотно заполняли военные, в центре и чуть слева – главные люди страны. И не только общеизвестные. Были такие, которых по фамилиям вроде бы знали, но они как-то сливались, не были резко выражены, как сейчас бы сказали, шли общим списком: Кириленко, Кириченко, Коротченко. ... Примкнувший говорил: «Красиво мерзнуть на параде». Хрущ ему: «Как это можно красиво мерзнуть?» А ведь это Пушкин. Примкнувший-то культурный был. – А Михаил Андреевич? – СуслО? Нет, он идеолог.

Или когда Лера Новодворская раскидывала листовки перед началом спектакля «Октябрь» – оперы Вано Мурадели – в Кремлевском дворце. Опера была плохая, ее ставили только на 7 ноября. Лера кинула листовки за пять минут до

начала спектакля. Был выходной день, и КГБ было уже пьяное. Ее даже арестовать было некому. – Но она же хотела, чтобы ее арестовали? – Ждала… (Из интервью А. Караулова «Новой газете» 2000 г.)

Шеф ТАСС В. Игнатенко рассказывал про свою первую статью в центральной газете про Херсон «Солнце опускается в море». А Херсоне моря нет. Смеялись полгода. Это подвигло меня на серьезное изучение географии.

Различие смысла и содержания – центральная идея для теории рефлексии – прекрасно прослеживается при наблюдении за собственным пониманием баек.

Все мы являемся свидетелями интенсивной саморефлексии знания, что требует развития способностей рефлексии и понимания от каждого обучающего и обучаемого. Причина научно-технических и социальных успехов ряда народов видится в риторизации систем образования. Воспитание человека не только знающего, но и умеющего устанавливать связи и перевыражения этих связей между предметами познания – задача системы образования, непосредственно связанная с социальной жизнью. Постановка познающим субъектом себя перед вопросом «Я понял, но что же же я понял?» – основа риторизации образования.

В филологической науке являются пока недостаточно проанализированными практика речедеятельности конца XX века и аспекты коммуникации, связанные с развитием новых технологий средств массовой информации; не проводится анализ зарубежных неориторических концепций XX века; не установлено влияние контент-анализа при аналитической работе; не дается развернутое толкование речевого воздействия в работе современных речедеятелей. Актуальным может явиться обобщение современных материалов по теории речевого воздействия и практике публичных выступлений и работы прессы, осознание возможностей информационно-аналитического применения новых информационных технологий.

Анализ гуманитарной научной литературы XX века демонстрирует повсеместное развитие интересных риторических идей не в рамках риторики, пережившей в XX веке незаслуженное забвение и ренессанс, а в рамках других предметных сфер:

1) в педагогике, где развивается следующее предметное поле: моделирование, контроль, оценка, содержательное обобщение, проблема сочетания слова и наглядности, проблема целеполагания, деятельностный характер обучения, цель и мотив деятельности, активность субъекта в общеобразовательном процессе, рефлексия в отечественных риторико-педагогических концепциях (А. Г. Асмолов, Г. И. Богин, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Л. Г. Занков, А. В. Запорожец, Т. А. Ладыженская, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, М. Р. Львов, А. К. Михальская, В. В.Репкин, П. А. Шеварев, Г. П. Щедровицкий, Д. Б. Эльконин).

2) в исследовании общественного и публицистического дискурса (концепции Т. ван Дейка, Р. Водак, школы критического анализа дискурса, школы коммуникации Д. Таннен, труды Ю. В. Рождественского, историография, В. О. Ключевский). Нашедшим разработку в неориторике оказывается информационно-аналитический компонент компетенции специалиста. Проводится обсуждение примеров работы информационно-аналитических техник. Активно осмысляются риторические речевые тактики воздействия, привлечения внимания, интереса, оценки, проверки. Подвергаются осмыслению на базе накопленного знания примеры жанровой, политической, историографической мифологии, официальной и неофициальной мифологии социальных групп в СМИ. Привлекает внимание исследователей символическая организация коммуникативного пространства (Ж. Лакан, Г. Г. Почепцов, направление медиаграмотности).

Проблематика, связанная с различением в языке интеллектуального и аффективного, имела еще для Ш. Балли программный характер. Выделение различных типов коммуникации основано на понятиях аффективного (эмоционально-чувственного) и интеллектуального (абстрактно-логического) способов выражения. Различая аффективный и интеллектуальный аспекты языка, связанные с двойственностью психической деятельности человека, Ш.Балли считал, что «чисто рассудочная деятельность мышления находит постоянное отражение в научном типе коммуникации».

3) В направлении исследований «теория коммуникации», «теория речевой деятельности», «общая филология». Данное положение закономерно, так как процесс рефлексии протекает в языке, с учетом существующих дискурсивных практик, т.е. языковое понимание знания первично. Это хорошо демонстрирует нуждающийся в изучении японский опыт языкового представления знания в концепции языкового существования человека и народа. Во второй половине XX века осмыслению подвергаются фундаментальные проблемы филологического понимания - язык и речь в кругозоре человека, речедеятель как демиург языка, проблемы словесности (Р. А. Будагов, А. А. Волков, Г. И. Богин, Ю. В. Рождественский, А. Вежбицкая, В. Лабов, Дж. Лакофф).

Язык начинает опошляться – говорится еще в пособиях по развитию речи начала двадцатого века. Вместе с тем тогда же уже отмечается, что язык Соловьева, Ключевского, Буслаева, Тихонравова, Грановского , Срезневского, язык научных монографий и особенно язык писем наших писателей мог бы быть чрезвычайно полезен.

В прошловековых учебниках по развитию речи приведены интересные темы сочинений –

«*Скелет русской допетровской жизни по Домострою», «Два типа скупцов – Плющкин и Скупой рыцарь», «Старое барство»* и т.д.

Показательными являются даже примеры в пособиях «Уроки чистописания» для ЦПШ:

Дело мастера боится. Железом золото добывают. Куй железо пока горячо. Нашла коса на камень. Терпенье удает уменье.

Показательны примеры в заданиях типа «Спишите и разделите на слоги»в дореволюционных учебниках словесности : *Бог правду любит. Ленивому всегда праздник. Береги ты нос в большой мороз. Русскому государю слава!*

Риторика получает свое развитие и в теории речевой деятельности (исследования психолингвистической составляющей речевого воздействия), жанроведения, изучения практик делового общения, юридической герменевтики и судебного красноречия, поэтики и литературоведения (школа русского формализма, школа М. Рифаттера), логики (классические представления, современные теории логики, аргументации, теория спора Поварнина), возрождающейся в обществе гомилетики

Теоретические представления оказываются важными для понимания закономерностей функционирования коммуникационных технологий. В сфере осмысления новых практик информационного общества оказывается само понятие коммуникативной технологии как попытки влияния, отличающейся от других вариантов межличностного взаимодействия (Г. Г. Почепцов, P. M. Taylor, J. White, F. Jefkins, P. S. Green, S. M. Cutlip, M. Aronson, B. Bruce, D. Watts, J. A. C. Brown, Лондонская школа PR).

Литература

1. Гончарова, А. В. Народные устные рассказы о Великой Отечтсвенной войне и художественная проза 40-80 х гг. / А.В. Гончарова. – Тверь: Золотая буква, 2005.
2. Джекобсон, М. Песенный фолькло ГУЛАГа епе историчсекий источник / М.Джекобсон, Л. Джекобсон. – М: СГУ, 2001. – 561 с.
3. Современный городской фольклор; отв. ред. серии С. Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003.– 736 с.
4. Традиционная культура Тверского края: 50-летию С. В. Морякова, 75-летию И. И. Смирнова: сб. материалов: вып. 6. ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. Л. М. Концедайло, А. А. Петров. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. – 100 с.
5. Шикова, О В. От песен рот тесен / О.В. Шикова. – М.: Палея-Мишин, 1999. – 147 с.

References

Goncharova, A.V. (2005). *Narodnye ustnye rasskazy o Velikoj Otechtsvennoj vojne i hudozhestvennaja proza 40-80 h gg.* [*People's oral histories about the great war and Otechesvennye fiction 40-80 ies*.]. Tver: Golden letter.

Jacobson, M. (2001). *Pesennyj fol'klo GULAGa epe istorichsekij istochnik* [*Song folklo Gulag EPE istorijski source*]. Moscow.

Neklyudov S.Yu. (ed.) (2003). *Sovremennyj gorodskoj fol'klor* [*Modern urban folklore*]. Moscow: RSSU.

Tradicionnaja kul'tura Tverskogo kraja: 50-letiju S. V. Morjakova, 75-letiju I. I. Smirnova: sb. materialov (2015), vol. 6. [*The traditional culture of the Tver region: the 50 anniversary of the S. V., moryakova, the 75th anniversary of I. I. Smirnov: a Sourcebook*], vol. 6. Tver: Tver state University.

Shikova, O V. (1999). *Ot pesen rot tesen* [*From songs his mouth close*]. M.: Paleja-Mishin.

УДК 811.581’221.4

КИТАЙСКИЕ НОВОГОДНИЕ КАРТИНЫ *НЯНЬХУА* КАК «СВЕРНУТЫЙ» ТЕКСТ

Ван Фэйфань

студент Шанхайского профессионального института индустрии, коммерции и иностранных языков
г. Шанхай, Китайская Народная Республика
e-mail: 1194777136@qq.com

В.И. Коваль

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
e-mail: vlad-kov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению традиционных китайских новогодних картин няньхуа с точки зрения их понимания как текста, в котором содержатся благопожелания. Обращается внимание на дешифровку китайских культурных символов с учетом лексической омонимии, что помогает адекватно понять структуру картин няньхуа.

Ключевые слова: китайские новогодние картины, няньхуа, символика, омонимы, омофоны, текст.

CHINESE NEW YEAR PAINTS NANHUA AS "WOODEN" TEXT

Wang Feifan,
student of the Shanghai Professional Institute of Industry,
Commerce and Foreign Languages,
Shanghai, China
e-mail: 1194777136@qq.com

V. I. Koval,
Professor, D. Phil. D., Professor of the Department of Russian,
General and Slavic Linguistics of Francisk Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus
e-mail: vlad-kov@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the traditional Chinese New Year paintings of Nianhua from the point of view of their understanding as a text containing good wishes. Attention is paid to the deciphering of Chinese cultural symbols, taking into account lexical homonymy, which helps to adequately understand the structure of the picture.

Keywords: Chinese New Year paintings, nianhua, symbolism, homonyms, homophones, text

Текст – это графически выраженное высказывание, которое является дискурсом и наделяется такими чертами, как законченность, целостность, логичность внутренней структуры. Хорошо известно, что текстом является не только книга или ее фрагмент, но и практически любое произведение искусства, в котором, однако, могут встречаться скрытые символы, нуждающиеся в дешифровке. Большой интерес в связи с этим представляет анализ содержания китайских новогодних лубочных картин – *няньхуа*.

Термин *няньхуа* (кит. 年画 niánhuà ‘новогодняя картина’) относится к лексическим экзотизмам: он употребляется для названия традиционных китайских новогодних благопожелательных картин, которыми жители Поднебесной украшают жилища в Праздник Весны – Нового года по лунному календарю. Такие картины часто используются в Китае и как подарки для родственников и друзей. Искусство *няньхуа* очень древнее, оно насчитывает около тысячи лет, но до сих пор новогодние картины *няньхуа* очень популярны в Китае. Говоря о причинах живучести *няньхуа*, Л.С. Васильев отмечает: «Желать здоровья, счастья и процветания принято у всех народов. Однако в Китае культ благопожеланий достиг невиданного размаха. Во-первых, это диктовалось вежливостью, принятой нормой, церемониалом, которые предполагали постоянное использование благожелательных стереотипов как в виде почти автоматически произносившихся фраз, так и в форме знаков внимания, символов. Во-вторых, символика благопожеланий была крайне разработана и детализирована, имела великое множество оттенков и намеков, что нередко превращало благопожелательную картинку в своего рода ребус, разгадать который непосвященному практически невозможно» [1, с. 347].

Особенность новогодних картин-*няньхуа* заключается, таким образом, в том, что они могли быть «прочитаны» даже теми китайцами, которые раньше не были знакомы с письменностью. Таковы, например, чрезвычайно популярные в Китае «рыбные» няньхуа, образцы которых представлены на рисунках 1–3, где изображены дети, катающиеся на рыбах (карпах) или играющие с ними. «Намеки» или «ребусы», о чем писал Л.С. Васильев, заключаются в данном случае в «игре слов», основанной на омонимии или омофонии. В китайском языке название карпа 鲤 [lǐ] имеет сходное звучание не только со словом 利 [lì] ‘прибыль’, но и 力 [lì] ‘сила’, а произношение иероглифа 鱼 [yú] ‘рыба’ совпадает с 余 [yú] ‘излишек’. По этой причине на новогоднем столе китайцев обязательно присутствует рыба, символизирующая собой остаток, излишки (еды), а значит – благополучие, богатство.

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

На первой картинке-*няньхуа* изображен счастливый малыш в окружении красных карпов, плавающих среди розовых лотосов; на второй – сидящий на красном карпе счастливый мальчик держит в руках вазу с пионом, символизирующим изобилие и высокий социальный статус будущего мужчины; бабочки и стрекоза, летающие вокруг мальчика, и стебель с семенами лотоса – символы долголетия. На третьей картинке среди лотосов на красном карпе сидят мальчик и девочка; в руке мальчика – семена лотоса, а в руке девочки – цветок лотоса, символизирующий чистоту, счастье и духовность. Первая и вторая картинки-*няньхуа* чрезвычайно насыщены значимыми символами, что позволяет «прочесть» их следующим образом: «Желаю рождения сына, который будет здоров, счастлив и будет иметь счастливую карьеру!»; не менее глубока по содержанию и третья картина, имеющая текстовое выражение «Желаю рождения множества детей, здоровья, удачи, счастья и духовности!».

«Рыбные» *няньхуа* могут быть представлены также картинками с одиночными благожелательными иероглифами: «фу» – счастье (рис. 4) и «шуан-си» – двойное счастье (счастье в семье и счастье в успешных сыновьях) (рис. 5). На рисунке 6 представлена картинка-*няньхуа* с более сложной символикой: сидящий на рыбе (соме) мальчик держит в руках традиционный новогодний фонарь с иероглифом 年 (нянь) – *год*, который не только указывает на принадлежность к новогоднему празднику, но и является «свернутым» пожеланием счастья и достатка в новом году, поскольку слово *год* в китайском языке омонимично слову *сом*.

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

Особое место занимают *няньхуа* с «развернутыми» благопожелательными формулами, которые дополняют и уточняют привычный визуальный ряд древних символов семейного благополучия и материального достатка. Так, в верхней части рисунка 7 (нарядный мальчик, держащий в руках сома) имеется пожелание «Год от года – избыток!». На рисунке 8 изображены семеро малышей (позитивная символика числа 7 известна в разных культурах) держат в руках новогодние атрибуты (фонарь, петарду-хлопушку и огромный мешок традиционных сладких шариков *юаньсяо*), а также баннер с надписью «Поздравляем с приходом весны!».

Рисунок 7

Рисунок 8

Однако большинство традиционных китайских картин *няньхуа* основываются на возможности декодирования пожеланий, которые скрыты в различных культурных символах: животных, растениях, атрибутах праздника. Один из современных исследователей приводит следующий выразительный пример такой «закодированной» *няньхуа*: «На картинке, выполненной в одной из мастерских уезда Уцян (провинция Хэбэй), изображена обезьяна (猴 *хоу*), которая указывает на пчел (蜂 *фэн*) и держит за веревку оленя (鹿 *лу*), рядом с ней на сосне сидит воробей (雀 *цюэ*). Это классический пример омофонии в китайском языке: на картинке отдельные иероглифы 雀 *цюэ* 鹿 *лу* 蜂 *фэн* 猴 *хоу* (если их прочесть традиционно – справа налево) созвучны фразе 确 禄 封 侯 «*Цюэ лу фэн хоу*», которую дословно можно перевести как «Карьера действительно пожалует титул». Изображение оленя **鹿** *лу* передает пожелание отличной карьеры 禄 *лу*, изображение обезьяны *хоу и* пчел *фэн* – созвучно выражению **封侯** *фэн хоу* «пожаловать ти-

тул» [2, с. 87]. Таким образом, названия изображенных на этой картине животных (при их восприятии с учетом созвучности с другими словами) «выстраиваются» в определенный логический ряд, который и порождает микротекст – пожелание карьерного роста.

Приведенный материал убеждает в возможности текстового «прочтения» китайских новогодних картин *няньхуа*, насыщенных разнообразными символами традиционной культуры.

Литература

1. Васильев, Л.С. История религий Востока: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1988. – 416 с.
2. Лемешко, Ю. Г. Благопожелание на китайской народной картине няньхуа как источник изучения ценностной картины мира / Ю. Г. Лемешко // Слово. – 2014. – Вып. 11. – С. 84–89.

References

1. Vasil'yev, L.S. (1988) Istoriya religiy Vostoka: Uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov. [History of religions of the East: Textbook for university students]. Moskow: Higher school. (In Russ).
2. Lemeshko, YU. G. (2014) Blagopozhelaniye na kitayskoy narodnoy kartine nyan'khua kak istochnik izucheniya tsennostnoy kartiny mira/ *Word,* 2014 (11).

УДК 81’42

КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЯХ (на примере рекламных баннеров города Могилева)

Т.С. Воробьева
старший преподаватель кафедры общего и славянского языкознания
Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь,
E-mail: tanyhav70@gmail.com

К.В. Пищенко
студентка 4 курса историко-филологического факультета
Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь,
E-mail: pishchenko98@mail.ru

В статье анализируются креолизованные тексты в рекламных сообщениях. С применением методов объяснительного аналитического описания, сравнения, обобщения и систематизации на примере рекламных баннеров города Могилева выявлены и описаны особенности подачи информации – вербальной и изобразительной – в текстах рекламных сообщений. Рассматриваемые рекламные тексты делятся на группы в зависимости от степени креолизации. В результате делается вывод о том, что феномен креолизованных текстов в современной рекламе имеет большое значение, поскольку во многом определяет влияние на мировоззренческие и культурные установки населения.

Ключевые слова: знаковые системы, рекламное сообщение, креолизованный текст, баннерная реклама, креолизация.

CREOLIZED TEXTS IN ADVERTISING MESSAGES (on the example of advertising banners of the city of Mogilev)

T.S. Vorobyova
Senior Lecturer, the Department of General and Slavic Linguistics,
Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev Republic of Belarus
E-mail: tanyhav70@gmail.com

K.V. Pishchenko
a fourth-year student of the Faculty of History and Philology,
Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus
E-mail: pishchenko98@mail.ru

The article analyzes creolized texts in advertising messages. Using the methods of explanatory analytical description, comparison, generalization and systematization on the example of advertising banners of the city of Mogilev, the ways of presenting verbal and graphic information in the texts of advertising messages are identified and described. Considered advertising texts are divided into groups depending on the degree of creolization. As a result, it is concluded that the phenomenon of creolized texts in modern advertising is of great importance, since it largely determines the impact on the ideological and cultural attitudes of the population.

Keywords: sign systems, advertising message, creolized text, banner advertising, creolization.

Введение

В современном мире важным и универсальным средством коммуникации выступает естественный язык. Однако этот язык не является единственным. Во взаимодействии с различными знаками иного происхождения естественный язык наиболее точно реализует свою коммуникативную функцию. В повседневном общении люди используют множество знаковых систем, которые в обобщенном виде имеют название креолизованные.

Креолизованные тексты – «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [4, с. 180-181]. В научный оборот данный термин ввели отечественные психолингвисты Ю. А. Сорокин и Е. Ф. Тарасов, имея в виду любые связные тексты в сочетании с изобразительными и знаковыми компонентами. Креолизованные тексты в рекламных сообщениях позволяют читателям одновременно воспринимать вербальную и изобразительную информацию, что, например, является затруднительным при видеовербальных текстах в узком смысле, где зафиксированный текст сопровождается статистическим изменением графики.

Креолизованные тексты семиотически осложнены, что ставит их в ранг текстов более высокого порядка. Исходя из этого они представляют большой интерес для изучения лингвистами. Разрабатывается типология креолизованных текстов, природа их возникновения, функционирование в рекламных сообщениях.

Изображения в рассматриваемых текстах могут иметь различную степень участия в организации текста. «В зависимости от наличия изображения и характера его связи с вербальной частью могут быть выделены три основные группы: тексты с нулевой креолизацией, тексты с частичной креолизацией, тексты с полной креолизацией» [1, с. 15].

В текстах с нулевой креолизацией изображение отсутствует, не имея значения для их организации. Две другие группы схожи по наличию невербального компонента, но отличаются степенью «спаянности» невербального компонента с вербальным.

В текстах с частичной креолизацией вербальная часть самостоятельна, а изобразительный компонент ее сопровождает, являясь факультативным элементом. В таких текстах складываются автосемантические отношения между компонентами.

Тексты с полной креолизацией имеют синсемантические отношения между вербальным и изобразительным компонентом. В таких текстах вербальный компонент не может существовать независимо от изобразительного. Вербальный компонент ориентируется на изображение или дает отсылку к нему, в таком случае изображение становится необходимым компонентом такого вида креолизованного текста.

Креолизованному тексту присущи те же текстовые категории, что и однородному вербальному тексту: целостность и связанность. Целостность заключается в том, что креолизованный текст – сложное текстовое образование, в котором иконические и вербальные элементы образуют одно визуальное, смысловое, структурное и функциональное целое, которое способствует комплексному воздействию на адресата. Связанность рассматриваемых текстов проявляется в согласованности, непосредственном взаимодействии компонентов на различных уровнях (содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном).

Цели и задачи

Цель данной статьи – выявление особенностей подачи информации в текстах рекламных сообщений на примере рекламных баннеров города Могилева.

Основные задачи работы:

– провести анализ собранных рекламных сообщений по типам креолизации;

– определить значение креолизованных текстов для современной рекламы.

Методы и материал исследования

Материалом для исследования являются рекламные сообщения на баннерах города Могилева, которые фиксировались с 2016 года по настоящее время. «Баннер – графическое изображение рекламного характера. Баннеры размещают для привлечения клиентов, для информирования или для создания позитивного имиджа» [2]. В ходе изучения использовались методы объяснительного аналитического описания, сравнения, обобщения и систематизации.

Баннеры г. Могилева отличаются разнообразием авторских подходов к созданию максимально информативного, запоминающегося рекламного текста. Для реализации замысла используются креолизованные тексты, имеющие различную степень креолизации.

За все время исследования могилевских рекламных сообщений нами собрано небольшое количество баннеров с нулевой креолизацией, а именно около 7 % от общего количества собранного материала. Такое малое количество можно объ-

яснить тем, что реклама должна быть запоминающейся, яркой, броской, ее должен заметить не только пешеход, но и водитель, а баннеры такого типа не всегда могут задержать на себе внимание читателей. Этому должны способствовать не только контраст цвета и фона баннера, но и изобразительные компоненты.

Рекламные баннеры с нулевой креолизацией не полностью отказываются от использования изобразительных средств. Например, реклама тарифных планов от мобильной сети МТС: «*Прощай, БЕЗЛИМИТИЩЕ*!». Такой текст контрастирует с фоном, так как сам по себе текст белого цвета. Однако на баннере остается фигурировать, хотя и занимает совсем малую его часть, «корпоративный знак» [3].

К рекламным баннерам с нулевой креолизацией можно отнести те рекламные сообщения, которые включают в себя только название бренда или логотип рекламируемой марки: например, *логотип и символ компании «Криница», туристическое агентство «БелРайТур» с логотипом в виде планеты*. Без подкрепления невербальными символами существуют и другие рекламные сообщения: реклама такси «*Закажи авто 7220*», реклама туристического агентства «БелРайТур» «*Отдых бесплатно в лесном раю*», реклама радиостанции «Новое радио 95.7» «*Современные хиты здесь*», информационное сообщение МЧС Республики Беларусь «*Помощь рядом! 112*», подкрепленное соответствующей эмблемой и др.

Рекламные сообщения с частичной креолизацией встречаются чаще, чем с нулевой. Они включают в себя изобразительный элемент, но он необязателен, так как не имеет прямой связи с рекламным текстом. Изображение может быть удалено из рекламного баннера без ущерба для понимания. Например, баннер о рекламе магазина бытовой техники «5 элемент», где, помимо текста на тему «РАССРОЧКА!», есть изображение улыбающегося молодого человека. Свою функцию рекламирования и информирования данный текст может выполнить и без невербального средства. Новую форму для рекламы выбрал онлайн-магазин «Lamoda», разместив на баннеры текст в виде диалога-переписки с использованием сленга и «смайлов»:

«– Срочно нужно что-то на осень.
– Выбирай на Lamoda.by
– Класс, уже нашла!»

Диалог подкреплен изображением молодой девушки, которая держит в руках мягкую игрушку «Смайл». И в этом случае невербальное средство носит факультативный характер.

Частичной креолизацией обладает и рекламное сообщение на баннере лизинговой компании «Промагролизинг». Оно включает сайт компании, текст «*Группа банка развития*» и изображение орла, занимающее большую часть баннера. Изображение не соотносится напрямую с содержанием данного рекламного текста, хотя, возможно, символизирует некую свободу, материальную независимость.

Рекламные тексты с полной креолизацией имеют тесную связь между вербальным и невербальным компонентами. Текст и изображение неотделимы друг от друга, имеют общее значение, дополняют семантику рекламного сообщения. В количественном соотношении в нашем материале их примерно столько же, сколько рекламных сообщений предыдущего вида.

Примером текста с полной креолизацией является реклама мобильных телефонов от сотовой связи «Velcom». Половину баннера занимает изображение мальчика, который что-то ищет, поднимая подушки дивана. «*Забудьте о старом*!» – контрастно выделен белым цветом текст рекламного сообщения. Таким образом, читатель додумывает связь между вербальным и невербальным компонентами рекламного сообщения: мальчик находится в поисках чего-то старого, а белорусская телекоммуникационная компания «Velcom» предоставляет акционное предложение на покупку нового смартфона.

Совсем недавно на баннерах города Могилева стали появляться рекламные сообщения о телевизионных каналах. Чаще всего появляется реклама телеканала «Беларусь 4. Могилев». Обычно на баннерах изображены ведущие каких-либо телепрограмм. К рекламным сообщениям с полной креолизацией можно отнести баннер, на котором изображены девушки, держащие элементы мозаики. Каждый пазл имеет текст: «*Навіны рэгіёна*», «*2019*» и собственно логотип канала. «*Собираем новости*» – главный, основополагающий рекламный текст. Фон данного рекламного сообщения также выполнен в виде мозаики. Каждый элемент имеет свое значение, и баннер рассказывает читателям о том, что презентуемый канал сообщает телезрителям всю необходимую информацию, как бы заполняя недостающие элементы картины мира. Таким образом, все элементы рекламного сообщения связаны между собой и образуют смысловое единство.

Ярким примером текстов с полной креолизацией являются рекламные сообщения из тематической группы «Безопасность жизнедеятельности человека». Такие баннеры призваны предупредить читателя, заставить задуматься о проблеме, иллюстрируемой вербальными и иконическими компонентами. Например, баннер с изображением двух кресел: автомобильного и инвалидного. Вербальным элементом в данном сообщении выступает текст: «*Выбери кресло для своего ребенка*!». Таким сочетанием иллюстраций и текста ГАИ МВД Республики Беларусь показывает однозначность выбора в пользу здоровой и безопасной жизни детей.

Результаты и их обсуждение

В результате анализа текстов с различной степенью креолизации можно говорить и о разном их влиянии на читателей. Тексты с нулевой креолизацией не вызывают ассоциативного отклика в

сознании людей. Такие тексты чаще всего выполняют информативную функцию. Частичная креолизация рекламных текстов также не предполагает поиска связи между вербальными и иконическими элементами, так как изображение выступает дополнением к тексту, а не является его частью. Тексты с полной креолизацией предполагают тесную смысловую связь между компонентами, которые и вызывают у читателей создание ассоциаций, эмоциональный отклик.

Выводы

Таким образом, можем отметить, что феномен креолизованных текстов в современной рекламе имеет большое значение, поскольку во многом определяет влияние на мировоззренческие и культурные установки населения, отвечает за формирование у читателей эмоционального восприятия окружающей действительности.

Литература

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: ACADEMIA, 2003. – 123 с.

2. Баннер [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/. – Дата доступа: 16.04.2017.

3. Основные элементы. Корпоративный знак. Элементы корпоративного знака [Электронный ресурс] // Компания МТС. – Режим доступа: https://company.mts.by/presscenter/brandbook/mts_logo_guide_short_.pdf. – Дата доступа: 23.03.2019.

4. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 180-186.

References

1. Anisimova E.E. (2003) Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts). Moskow: ACADEMIA.123. (In Russ).

2. Banner [Electronic resource] // Free Wikipedia Encyclopedia. – Access mode: https://ru.wikipedia.org/wiki/. – Access date: 04/16/2017. (In Russ).

3. Main elements. Corporate sign. Elements of a corporate mark [Electronic resource] // MTS Company. – Access mode: https://company.mts.by/presscenter/brandbook/mts_logo_guide_short_.pdf. – Access date: 03/23/2019. (In Russ).

4. Sorokin Ju.A., & Tarasov E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. Moskow: Nauka180-186. (In Russ).

УДК 811.161.3

ТИПЫ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ-БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Е.Е. Иванов,

доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова,
г. Могилев, Республика Беларусь,
E-mail: ivanov-msu@mail.ru

В статье определяются критерии систематизации и основные типы устойчивых выражений библейского происхождения, функционирующих в современном белорусском литературном языке. Для систематизации фонда устойчивых выражений-библеизмов использован комплекс гетерогенных критериев на основе лингвистически релевантных признаков: интертекстуальный критерий (наличие прототипа в библейских текстах), семиотический (принадлежность к тому или иному категориальному классу сверхсловных языковых знаков), семантический (соответствие значения выражения смыслу библейского прототипа или содержанию библейского контекста), функциональный (характер и степень соотнесения с Библией в сознании носителей языка), генетический (первичный / вторичный способ образования). На основании комплекса критериев устойчивые выражения-библеизмы, употребляющиеся в современном белорусском литературном языке, систематизированы по 5 основным классам (по отдельным критериям) и дифференцированы на 14 групп, в том числе 5 подгрупп (по отдельным лингвистически релевантным признакам).

Ключевые слова: Библия, устойчивые выражения, фразеологизмы, крылатые слова, пословицы, афоризмы, современный белорусский язык, фразеологический фонд, таксономия

TYPES OF SET BIBLICAL PHRASES IN THE MODERN BELARUSSIAN LANGUAGE

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ (совместно с РФФИ) в рамках научного проекта № Г18Р-301.

E.E. Ivanov
PhD, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Mogilev State A. Kuleshov University,
Mogilev, Republic of Belarus,
E-mail: ivanov-msu@mail.ru

The article defines the criteria for systematization and the main types of set phrases of biblical origin, functioning in the modern Belarusian literary language. To systematize the fund of set biblical phrases, a set of heterogeneous criteria based on linguistically relevant features was used: intertextual criterion (prototype in biblical texts), semiotic (belonging to one or another categorical class of more-word language signs), semantic (matching the meaning of the expression to the meaning of the biblical prototype or the content of the biblical context), functional (the nature and degree of correlation with the Bible in the consciousness of native speakers), genetic (the primary / secondary manner of production). Based on a set of criteria, biblical phrases used in the modern Belarusian literary language, are systematized into 5 main classes (according to particular criteria) and are differentiated into 14 groups, including 5 subgroups (according to individual linguistically relevant characteristics).

Key words: Bible, set phrases, phraseological units, winged words, proverbs, aphorisms, the modern Belarusian language, phraseological fund, taxonomy.

Введение

Изучение воздействия языка переводов Библии на состав лексической и фразеологической подсистем современных литературных славянских языков остается одной из актуальных проблем славянского языкознания, особенно в аспекте исследования состава и особенностей функционирования библеизмов в современной публицистике и устной разговорной речи. Изучение такого воздействия на современный белорусский литературный язык является одной из актуальных задач белорусистики.

Язык Библии оказал существенное влияние на формирование фразеологического фонда литературного белорусского языка, которое еще недостаточно полно изучено и оценено. Многие устойчивые выражения, восходящие к Святому Писанию, не квалифицированы как библейские в лингвистической литературе, что не позволяет составить объективное мнение о происхождение единиц фразеологического фонда белорусского языка. Подавляющее большинство устойчивых выражений, восходящих к языку Библии, не осознается носителями белорусского языка как библейские, что не позволяет им приобщиться к культурному наследию содержания Святого Писания и негативно сказывается на культуре речи и духовных ценностях (особенно молодежи). Размывание же духовных ценностей чревато потерей понимания общего духовного кода культуры восточных славян, который, как известно, возник и развивается в рамках именно христианских традиций [19].

В современном белорусском языке функционирует значительное количество устойчивых выражений и афоризмов, которые восходят к различным текстовым источникам (resp. крылатых слов) [11; 13; 14; 20; 21; 22; 23; 24]. Немало среди крылатых слов тех, которые связаны своим происхождением с Библией, однако библейские выражения мало исследованы в белорусском языке, их лексикографическая обработка только начинается [4; 5; 6; 7]. Недостаточно изучен и состав афористических единиц [3; 4], восходящих к Библии, как значимой части афористического фонда белорусского языка [7].

В контексте развития в современной лингвистике широких сопоставительных исследований библейских выражений и афоризмов белорусского языка на фоне других славянских и неславянских языков [1; 2; 5; 6; 17; 18] особенно актуальной представляется задача определения и описания состава и особенностей фразеологических и паремиологических библеизмов в белорусском языке.

Установление объема и состава устойчивых выражений-библеизмов, определение их историко-этимологических особенностей, структурных, семантических, функциональных характеристик позволит установить закономерности процессов воздействия языкового наследия Библии на формирование, развитие и современное состояние фразеологического фонда современного белорусского литературного языка.

Цель исследования – разработать критерии дифференциации и установить основные типы устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском литературном языке.

Методы и материал исследования

Материалом исследования являются установленные в результате ранее проведенных исследований свыше 700 устойчивых выражений в современном белорусском литературном языке (фразеологизмы [16], пословицы [8; 15], крылатые выражения [12] и афоризмы [9]), которые прямо либо опосредованно восходят к библейским текстам.

Метод исследования – таксономический в сочетании с отдельными приемами семантического, функционального, интертекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

В качестве критериев дифференциации фонда устойчивых выражений в современном белорусском литературном языке, восходящих к Библии, целесообразно использовать признаки интертекстуального, семиотического, семантического, функционального, генетического характера, которые представляются наиболее релевантными для

описания фразеологического наследия языка Библии.

Так, **интертекстуальный критерий** классификации устойчивых выражений-библеизмов предполагает их дифференциацию по наличию / отсутствию прототипа в библейских текстах. В данном случае все устойчивые выражения, восходящие к Библии, можно разграничить на две неравновесные группы: 1) устойчивое выражение является частью того или иного библейского текста (в том числе и в трансформированной форме); 2) устойчивое выражение возникло в результате обобщения содержания фрагмента того или иного библейского текста. Вторая группа, в свою очередь, дифференцируется на две подгруппы: а) устойчивое выражение включает в себя компонент, который употребляется в том фрагменте библейского текста, содержание которого обобщается в данном устойчивом выражении; б) устойчивое выражение не имеет никакой формальной связи с тем фрагментом библейского текста, содержание которого обобщается (за исключением немотивированной).

К первой группе относятся устойчивые выражения следующего типа: *Палюбі (Любі) блізкага свайго (твайго) [як самога сябе]* (кніжн.), которое восходит к одной из двух основных библейских заповедей: «Ісус жа сказаў яму: палюбі Госпада Бога твайго ўсім сэрцам тваім, і ўсёю душою тваёю, і ўсім разуменьнем тваім; гэта найбольшая і першая запаведзь; а другая падобная да яе: *палюбі блізкага твайго, як самога сябе*; на гэтых дзьвюх запаведзях грунтуецца ўвесь закон і прарокі” (Мв 19, 37–40); ср.: «Иисус сказал ему [законнику]: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим… *возлюби ближнего твоего, как самого себя*; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22, 37–40) и т.п. Устойчивые выражения при своем выделении из библейских текстов могут претерпевать различного характера трансформации: *Хто сее / пасее вецер, той пажне буру*, которое возникло на основе высказывания из Ветхого завета: «Як што *яны сеялі вецер, дык і пажнуць буру*: хлеба на корані ня будзе ў яго, зерне ня дасьць мукі, а калі і дасьць, дык чужыя праглынуць яе» (Ас 8, 7); ср.: «Так как *они сеяли ветер, то и пожнут бурю*» (Ос 8, 7).

Необходимо отметить, что тексты Святого Писания, цитируемые здесь на белорусском языке выполняют только иллюстративную функцию, поскольку белорусские переводы Библии появились сравнительно недавно и не имели прямого воздействия на формирование фразеологического фонда белорусского языка. Такое воздействие оказали в свое время, во-первых, переводы Библии на церковнославянский язык (в том числе на украинско-белорусский изводцерковнославянского языка, в частности, первый печатный перевод Франциска Скорины в белорусской редакции церковнославянского языка), а во-вторых, на русский язык (синодальный перевод). Поэтому после белорусскоязычной цитаты из Святого Писания приводится цитата на русском языке. Косвенное, но весьма существенное влияние на формирование фонда устойчивых выражений-библеизмов в белорусском языке оказали заимствования (преимущественно кальки) библейских по происхождению фразеологических единиц русского и польского языков. В свою очередь, различные переводы Библии на современный белорусский литературный язык, с одной стороны, отразили уже сложившийся состав фразеологических библеизмов, а с другой стороны, дополнили его как новыми лексико-грамматическим вариантами (преимущественно), так и новыми единицами (незначительно). Историко-этимологическое описание устойчивых выражений-библеизмов в белорусском языке составляет предмет дальнейшего специального исследования.

Далее, к первой подгруппе второй группы отнесены устойчивые выражения типа: *Вера гарамі рухае* (кніжн.); *Вера [і] гару з месца зрушыць (скране, ссуне)* (кніжн.), которое возникло в результате обобщения фрагмента текста Нового завета с включением в свой состав ключевых лексических компонентов обобщаемого фрагмента библейского текста: «А Ісус сказаў ім: ад няверства вашага; бо праўду кажу вам: калі вы будзеце мець *веру* з гарчычнае зерне і скажаце *гары* гэтай: “перайдзі адсюль туды”, і яна пяройдзе; і нічога ня будзе немагчымага вам» (Мв 17, 20); ср.: «…если вы будете иметь *веру* с горчичное зерно и скажете *горе* сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17, 20).

Ко второй подгруппе второй группы отнесены устойчивые выражения типа: *вяртанне блуднага сына* (кніжн), которое восходит к евангельской притче о сыне, промотавшем выделенное ему отцом имущество, вернувшимся с покаянием к отцу своему и прощенным им от радости, что сын вернулся в отцовский дом здоровым и невредимым (Лк 15, 11–32), при этом в библейском тексте и в устойчивом выражении, образовавшемся в результате обобщения содержания библейского текста, совпадает только нейтральное *сын*.

Семиотический критерий классификации устойчивых выражений-библеизмов предполагает их дифференциацию по принадлежности к тому или иному категориальному классу сверхсловных языковых знаков. В этом случае все устойчивые выражения, восходящие к Библии, можно разграничить на две неравновесные группы: 1) крылатые единицы, в план содержания которых входит сема устойчивой ассоциации с библейским происхождением или вообще с христианской литературой; 2) языковые единицы, которые лишены авторства и не ассоциируются ни с какими текстовыми источниками. Вторая группа единиц дифференцирована на три подгруппы: а) фразеологизмы; б) фразеосхемы; в) пословицы.

К первой группе (крылатые единицы) отнесены устойчивые выражения типа: *На пачатку (Спачатку, У пачатку) было слова* (кніжн.), которое употребляется как крылатая цитата из Библии – первая фраза Евангелия от Иоанна (Ио 1, 1).

К первой подгруппе второй группы (фразеологизмы) отнесены устойчивые выражения типа: *адкрываць / адкрыць (раскрываць*

/ раскрыць) вочы каму [на каго, на што], *развязваць вочы каму (разм.); расплюшчваць / расплюшчыць вочы* каму [на каго, на што], которое часто употребляется в Новом завете в переносном значении (‘сделать зрячим’): «Павялі гэтага былога сьляпца да фарысэяў. А была субота, калі Ісус зрабіў гразь і *адамкнуў* яму *вочы*» (Ян 9, 13–14); ср.: «Повели сего бывшего слепца к фарисеям. А была суббота, когда Иисус сделал брение и *отверз* ему *очи*. Спросили его также и фарисеи, как он прозрел. Он сказал им: брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу» (Ио 9, 13-15; также см.: Ио 9, 30, 32, 39); «Ісус, спыніўшыся, паклікаў іх і сказаў: што вы хочаце, каб Я зрабіў вам? Яны кажуць Яму: Госпадзе! каб *адкрыліся вочы* нашыя» (Мв 20, 32-33); ср.: «Иисус, остановившись, подозвал их [двух слепых] и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы *открылись глаза* наши. Иисус же, умилосердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним» (Мф 20, 32-34) и др.

Ко второй подгруппе второй группы (фразеосхемы) отнесены устойчивые выражения типа: *Лягчэй вярблюду прайсці праз вушка іголкі (ігольнае вушка), чым…* (кніжн., іран.), которое является частью евангельского изречения: «*…лягчэй вярблюду прайсьці празь ігольныя вушкі, чым* багатаму ўвайсьці ў Царства Божае» (Мв 19, 23–24; Лк 18, 24–25); ср.: «*…удобнее верблюду пройти сквозь игольные ушки, нежели* богатому войти в Царство Божие» (Мф 19, 24; Лк 18, 25).

К третьей подгруппе второй группы (пословицы) отнесены устойчивые выражения типа: *Усяму свой час* (прыказка), которое употребляется в Ветхом завете: «*Усё мае сваю пару*, і гадзіна кожнае дзеі – пад небам» (Экл 3, 1); «Хто выконвае запаведзь, той не зазнае нічога ліхога. Сэрца мудрага ведае час і ўправу; бо *на ўсякую рэч ёсьць свая пара* і ўправа; а чалавеку вялікае ліха з таго, бо ня ведае ён, што будзе; і як яно будзе – хто скажа яму?» (Экл 8, 5–7); ср.: «*Всему свое время, и время всякой вещи под небом*: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру» (Еккл 3, 1–8).

Семантический критерий классификации устойчивых выражений-библеизмов предполагает их дифференциацию по соответствию / несоответствию своего значения смыслу библейского прототипа или содержанию библейского контекста. В этом случае все устойчивые выражения, восходящих к Библии, можно разграничить на три неравновесные группы: 1) значение устойчивого выражения полностью соответствует значению его прототипа в библейском тексте; 2) значение устойчивого выражения частично соответствует значению его прототипа в библейском тексте; 3) значение устойчивого выражения полностью не соответствует значению его прототипа в библейском тексте.

К первой группе отнесены устойчивые выражения типа: *ва векі вякоў, на векі вечныя* (разм.), *на векі вякоў* (разм.), *па век вечны* (разм.), *сёння, заўсёды і ва (на) векі вякоў (вечныя)* (кніжн.) в значениях ‘1. навсегда, навечно; всегда, постоянно. 2. никогда (в конструкциях с отрицанием)’, в которых неоднократно встречается в Ветхом завете: «Бо гэты Бог ёсьць Бог наш *на векі вечныя*; Ён будзе павадыром нам да самае сьмерці» (Пс 47, 15); «Кожны дзень дабраслаўляць буду Цябе і хваліць імя Тваё *векі вечныя*» (Пс 144, 2); ср.: «…вы не будете постыжены и посрамлены *во веки веков*» (Ис 45, 17); «…мы будем ходить во имя Господа Бога нашего *во веки веков*» (Мих 4, 5) и др.

Ко второй группе отнесены устойчивые выражения типа: *ад Адама*, значение которого ‘от (с) глубокой древности, с древнейших времён’ частично соответствует второму из значений своего прототипа в библейских текстах: а) от родоначальника человечества – «О них пророчествовал и Енох, седьмой *от Адама*…» (Иуд 14); б) от точки отсчета исторического времени – «Аднак жа сьмерць панавала *ад Адама* да Майсея і над тымі, якія не зграшылі падобна правіннасьці Адама, які ёсьць вобраз будучага» (Рым 5, 14); ср.: «…смерть царствовала *от Адама* до Моисея…» (Рим 5, 14).

К третьей группе отнесены устойчивые выражения типа: *дух і літара [закону]* (кніжн.), которое употребляется в значении ‘абсолютно полное, неукоснительное воспроизведение чего-либо, следование чему-либо’, прямо противоположномсодержанию того фрагмента библейского текста, на основе обобщения которого это выражение возникло, поскольку в Новом завете «букве закона» Божиего, т.е. неукоснительному соблюдению установлений пророка Моисея, противопоставляется «животворящий дух» Божиего учения: «Ён даў нам здольнасьць быць слугамі Новага Запавету, ня літары, а Духа, бо *літара* забівае, а *Дух* творыць жыцьцё» (2 Карынф 3, 6); ср.: «Он [Бог] дал нам способность быть служителями Нового Завета, не *буквы*, но *духа*, потому что *буква* убивает, а *дух* животворит» (2 Кор 3, 6).

Функциональный критерий классификации устойчивых выражений-библеизмов предполагает их дифференциацию по характеру соотнесения с Библией. В этом случае все устойчивые выражения, восходящих к Библии, можно разграничить на четыре неравновесные группы: 1) устойчивое выражение прямо и непосредственно соотносится в сознании носителей языка со своим библейским происхождением; 2) устойчивое выражение соотносится в созна-

нии носителей языка с христианством вообще (православием или католичеством, в частности); 3) устойчивое выражение никак не соотносится в сознании носителей языка со своим библейским происхождением; 4) устойчивое выражение соотносится в сознании носителей языка с текстом, не относящимся к конфессиональной сфере.

К первой группе отнесены устойчивые выражения типа: *сусветны патоп* (кніжн., жарт.), которое устойчиво ассоциируется у большинства носителей языка с библейским преданием о всемирном потопе, который вызвал Бог, разочаровавшись в людях: «І вось, Я навяду на зямлю *патоп* водны, каб вынішчыць усякую плоць, у якой ёсьць дух жыцьця, пад нябёсамі: усё, што ёсьць на зямлі, пазбудзецца жыцьця» (Быццё 6, 17); ср.: «Я наведу на землю *потоп* водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни» (Быт 6, 17).

Ко второй группе отнесены устойчивые выражения типа: *несці [свой] крыж*, которое употребляется только в переносном значении ‘терпеливо переносить страдания, невзгоды, безропотно мириться со своей печальной и трудной жизнью’, мотивированном евангельской легендой об Иисусе, несшем тяжёлый крест, на котором его должны были распять, на гору Голгофу, однако не воспринимается большинством носителей языка как прямая и точная цитата из Библии, хотя употребляется в ней и в прямом, и в переносном смысле: «І, *нясучы крыж Свой*, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, па-Габрэйску Галгофа» (Ян 19, 17); ср.: «И, *неся крест Свой*, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски – Голгофа» (Ио 19, 17); «І хто *не нясе крыжа свайго* і ня ідзе за Мною, ня можа быць Маім вучнем» (Лк 14, 27); ср.: «…и кто *не несет креста своего* и не идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк 14, 27; Мф 10, 38; Мк 8, 34; Лк 9, 23).

К третьей группе отнесены устойчивые выражения типа: *альфа и омега*, которое ассоциируется в сознании носителей языка с языком, культурой и литературой Древней Греции (*альфа* и *омега* – первая и последняя буквы греческого алфавита), однако впервые фиксируется в Новом завете: «Я ёсьць *Альфа і Амэга*, пачатак і канец, кажа Гасподзь, Які ёсьць, і быў, і прыйдзе, Усеўладны» (Адк 1, 8); ср.: «Я есмь *альфа и омега*, начало и конец…» (Откр 1, 8); «Я ёсьць *Альфа і Амэга*, першы і апошні (Адк 1, 10); ср.: «Я есмь *альфа и омега*, первый и последний» (Откр 1, 10); *валасы становяцца / сталі (падымаюцца / падняліся, устаюць / усталі) дыбам (дыба, дуба, дубка)* у каго (разм.*); волас становіцца / стаў (падымаецца / падняўся, устае / устаў) дыбам (дыба, дуба, дубка)* у каго (разм.), которое не ассоциируется в сознании носителей языка вообще ни с каким языковым либо текстовым источником, хотя впервые фиксируется в Ветхом завете: «І дух прайшоў над мною; *дыбарам сталі валасы* на мне» (Ёв 4, 15); ср.: «И дух прошел надо мною: *дыбом встали волосы* на мне» (Иов 4, 15).

К четвертой группе отнесены устойчивые выражения типа: *Падняўшы меч, ад мяча і згіне* (прык.); *Хто меч падняў, і згіне ад мяча* (прык.); *Хто з мячом прыйдзе, той ад мяча і згіне* (прык.), которое восходит к выражению, неоднократно употребляющемуся в Библии: «І вось, адзін з тых, што былі зь Ісусам, працягнуўшы руку, дастаў меч свой і, ударыўшы раба першасьвятаровага, адсек яму вуха. Тады кажа яму Ісус: вярні меч твой у месца ягонае, бо *ўсе, што возьмуць меч, ад мяча і загінуць*» (Мв 26, 51-52); ср.: «И вот, один из бывших с Иисусом… извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо *все, взявшие меч, мечом погибнут*» (Мф 26, 51–52), а также (Откр 13, 10; Быт 9, 6), однако в сознании большинства современных носителей языка устойчиво ассоциируется с изречением, приписываемым Александру Невскому, которое употребляется в широко известном кинофильме «Александр Невский» (1938) по сценарию его режиссёра С.М. Эйзенштейна (1898–1948) и советского писателя и сценариста П.А. Павленко (1899–1951): «*Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет.* На том стояла и стоит русская земля»; цитата из кинофильма часто употребляется как подлинная фраза князя Новгородского, великого князя Киевского, великого князя Владимирского Александра Невского (1221–1263), хотя в сохранившихся жизнеописаниях князя ее нет.

Генетический критерий классификации устойчивых выражений-библеизмов предполагает их дифференциацию по первичному / вторичному способу образования. В этом случае все устойчивые выражения, восходящих к Библии, можно разграничить на три неравновесные группы: 1)устойчивое выражение образовано непосредственно от библейского прототипа или в результате прямого обобщения фрагмента текста Библии; 2) устойчивое выражение образовано от другого устойчивого выражения-библеизма; 3) устойчивое выражение образовано от небиблейского прототипа, от которого также образовано близкое выражение, употребляющееся в Библии.

К первой группе отнесены устойчивые выражения типа: *камень спатыкнення (спатыкання)* (кніжн.), которое возникло из его библейского прототипа – выражения, употребляемого в Ветхом и Новом завете: «І будзе Ён сьвятыняю і *каменем спатыканьня*, і скалою спакусы абодвум дамам Ізраіля, пасткай і сеткай жыхарам Ерусаліма» (Іс 8, 14); ср.: «И будет Он освящением и *камнем преткновения*, и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима» (Ис 8, 14); «…бо спатыкнуліся аб *камень спатыкненьня*, як напісана: «вось, кладу ў Сыёне *камень спатыкненьня* і скалу панады; і хто верыць у Яго, не пасароміцца» (Рым 9, 31–33); ср.: «Ибо преткнулись о *камень преткновения*, как

написано: вот, полагаю в Сионе *камень преткновения* и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится» (Рим 9, 32–33) и др.; *крыжовы шлях* (кніжн.), которое возникло в результате прямого обобщения фрагмента Нового завета, где повествуется о том, как Иисус Христос шел с крестом на плечах на место своей казни: «*І, нясучы крыж Свой, Ён выйшаў на месца, называнае Лобным, па-Габрэйску Галгофа*» (Ян 19, 17); ср.: «*И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его*» (Ио 19, 16–18).

Ко второй группе отнесены устойчивые выражения типа: *сыпаць бісер (перлы) перад свіннямі* (разм.), которое возникло на основе пословицы библейского происхождения *Не сыпце бісер (перлы) перад свіннямі*, восходящей к Новому завету: «Не давайце сьвятога сабакам і ня *кідайце пэрлаў* вашых *перад сьвіньнямі*, каб яны не стапталі іх нагамі сваімі і, абярнуўшыся, не разадралі вас» (Мв 7, 6); ср.: «Не давайте святыни псам и *не бросайте жемчуга* (церк.-слав. – áВñåðú) вашего *пред свиньями*, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мф 7, 6).

К третьей группе отнесены устойчивые выражения типа: быць, адчуваць сябе *на сёмым (дзесятым) небе* [ад чаго] (разм.); трапіць *на сёмае неба*, которое восходит к античному объяснению устройства небесного свода – древнегреческий философ Аристотель (384–322 до Р. Х.) в трактате «О небе» (355–347 до Р. Х.) писал, что небо состоит из семи неподвижных кристальных сфер, на которых утверждены звезды и планеты, и от которого образовалось не получившее широкого распространения библейское выражение *третье небо*: «Ведаю чалавека ў Хрысьце, які чатырнаццаць гадоў таму назад, – ці ў целе, ня ведаю, ці ня ў целе, ня ведаю: Бог ведае, – захоплены быў да *трэцяга неба*» (1 Карынф 12, 2); ср.: «Знаю человека во Христе, который восхищен был *до третьего неба*» (2 Кор 12, 2).

Следует отметить, что выделенные критерии формируют частично пересекающиеся классы устойчивых выражений-библеизмов, поскольку основаны на гетерогенных признаках дифференцируемых единиц. Так, одно и то же библейское выражение может одновременно обладать признаками двух и более классов. Однако в пределах каждого класса не допускается перекрещивания отдельных групп и/или подгрупп единиц. Это позволяет, с одной стороны, систематизировать все множество гетерогенных по своим признакам устойчивых выражений-библеизмов, а с другой стороны, непротиворечиво дифференцировать их на группы гомогенных единиц.

Выводы

Для систематизации фонда устойчивых выражений-библеизмов современного белорусского литературного языка наиболее целесообразно использовать комплекс гетерогенных критериев на основе лингвистически релевантных признаков фразеологических единиц, восходящих к языку Святого Писания: интертекстуальный критерий (наличие прототипа в библейских текстах), семиотический (принадлежность к определенному категориальному классу сверхсловных языковых знаков), семантический (соответствие значения выражения смыслу библейского прототипа или содержанию библейского контекста), функциональный (характер и степень соотнесения с Библией в сознании носителей языка), генетический (первичный / вторичный способ образования).

На основании разработанного комплекса критериев устойчивые выражения-библеизмы, употребляющиеся в современном белорусском литературном языке, систематизированы по 5 основным классам (по отдельным критериям) и дифференцированы на 14 групп, в том числе 5 подгрупп (по отдельным лингвистически релевантным признакам).

Установленные в результате исследования разновидности (типы) устойчивых выражений-библеизмов предполагается в ходе дальнейшего их изучения зафиксировать и описать в словаре крылатых библейских выражений и афоризмов современного белорусского литературного языка [10].

Перспективой дальнейших исследований является установление удельного веса каждого из выделенных типов устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском литературном языке.

Литература

1. Балакова, Д. «Лепта библейской мудрости» в современных европейских языках (о русско-славянском словаре библеизмов с эквивалентами в германских, романских языках) / Д. Балакова, Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015 : сб. науч. статей / под ред.Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 3–10.

2. Балакова, Д. О переводном словаре наиболее употребительных библеизмов (в английском, белорусском, немецком, русском, словацком, украинском языках) / Д. Балакова, Х. Вальтер, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica : зб. навук. арт. / пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. – Вып. 6. – С. 154–163.

3. Иванов, Е. Е. Афоризм как единица языка (к истории и теории понятия) / Е. Е. Иванов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : в 2 т. / редкол.: И. М. Кобозева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Филология, 1995. – Т. 1. – С. 192–193.

4. Иванов, Е. Е. Лингвистика афоризма / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.

5. Иванов, Е. Е. О европейском словаре библеизмов / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 14–15 октября 2016 г. / Минский гос. лингв. ун-т ; редкол.: Н. В. Фурашова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 188–191.

6. Иванов, Е. Е. О европейском словаре библеизмов / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : Вып. 15 / редкол.: И. Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 523–528.

7. Іваноў, Я. Я. Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове : манаграфія / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.

8. Іваноў, Я. Я. Беларускія прыказкі з біблійных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблеізмаў) / Я. Я. Іваноў // Авраамиевские чтения : сб. науч. статей / под ред. А. В. Корольковой. – Смоленск : Радопа, 2014. – С. 11–24.

9. Іваноў, Я. Я. Біблейская афарыстыка ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў // Романовские чтения – XIII : сб. статей / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 129–130.

10. Іваноў, Я. Я. Да складання слоўніка “Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з біблейскіх крыніц” (лексікаграфічныя матэрыялы) / Я. Я. Іваноў // Філалогічний часопис. – 2018. – Вип. 2 (11). – С. 16–33.

11. Іваноў, Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст. : тлумачальны слоўнік / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. – 164 с.

12. Іваноў, Я. Я. Крылатыя выразы з Бібліі ў беларускай мове (лексікаграфічны аспект) / Я. Я. Іваноў // Філалогічні студії : наук. вісник Криворізького держ. пед. ун-ту. – 2018. – Вип. 18. – С. 35–47.

13. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. Ч. 1 : З іншамоўных (еўрапейскіх і амерыканскіх) крыніц XII–XX стст. / С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў ; пад рэд. Я. Я. Іванова. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – 136 с.

14. Крылатыя выразы ў беларускай мове : тлумачальны слоўнік. Ч. 2 : З рускамоўных літаратурных і фальклорных крыніц XII–XX стст. / С. В. Венідзіктаў, І. Л. Даніленка, С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, В. В. Чэх. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2006. – 208 с.

15. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.

16. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.

17. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.

18. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. / под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – Т. 1 : А–О. – 288 с. ; Т. 2 : П–Я. – 308 с.

19. Маслова, В. А. Духовный код культуры и его роль в единении восточных славян / В. А. Маслова // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – V : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – С. 7–12.

20. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск : БФС, 1997. – 262 с.

21. Цеплякова, А. Д. Нямецкамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2009. − № 1 (32). – С. 137–143.

22. Цеплякова, А. Д. Англамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // Веснік Мазырскага дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2009. − № 2 (23). – С. 162–166.

23. Цеплякова, А. Д. Франкамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове (колькасны склад і крыніцы паходжання) / А. Д. Цеплякова // Веснік Брэстскага дзярж. ун-та імя А. С. Пушкіна. Сер. філал. навук. – 2009. − № 2 (12). – С. 109–116.

24. Янкоўскі, Ф. Крылатыя словы і афарызмы (з беларускіх літаратурных крыніц) / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1960. – 135 с.

References

1. Balakova D., Val’ter H., Ivanov E.E., & Mokienko V.M. (2016). «Lepta biblejskoj mudrosti» v sovremennyh evropejskih yazykah (o russko-slavyanskom slovare bibleizmov s ekvivalentami v germanskih, romanskih yazykah) *Vostochnoslavyanskie yazyki i literatury v evropejskom kontekste – 2015*. [“Lepta of biblical wisdom” in modern European languages (on the Russian-Slavic dictionary of biblicalisms with equivalents in Germanic, Romance languages). *East Slavic languages and literatures in the European context – 2015*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ., 3–10. (In Russ).

2. Balakova D., Val’ter H., Ivanov E.E., & Mokienko V.M. (2015). O perevodnom slovare naibolee upotrebitel’nyh bibleizmov (v anglijskom, belorusskom, nemeckom, russkom, slovackom, ukrainskom yazykah) *Dasledavanni pa germanskaj i slavyanskaj filalogii = Acta Germano-Slavica*. [On the translation dictionary of the most commonly used Bibleisms (in English, Belarusian, German, Russian, Slovak, Ukrainian). *Studies in Germanic and Slavic Philology*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ., 6, 154–163. (In Russ).

3. Ivanov E.E. (1995). Aforizm kak edinica yazyka (k istorii i teorii ponyatiya). *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy. T. 1–2.* [Aphorism as a unit of language (to the history and theory of the concept). *Linguistics at the end of the XX century: results and prospects. In 2 volumes*]. Moskow: Filologiya Publ., 1, 192–193. (In Russ).

4. Ivanov E.E. (2016). *Lingvistika aforizma*. [*Linguistic aphorism*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Russ).

5. Ivanov E.E., & Mokienko V.M. (2017). O evropejskom slovare bibleizmov. *Universal’noe i nacional’noe v yazykovoj kartine mira*. [On the European Dictionary of Biblical Phrases. *Universal and National in the Language Picture of the World*]. Minsk: MSLU Publ., 188–191. (In Russ).

6. Ivanov E.E., & Mokienko V.M. (2017). O evropejskom slovare bibleizmov. *Slovo i slovar' = Vocabulum et vocabularium*. [On the European Dictionary of Biblical Phrases. *Word and Dictionary*]. Minsk: CHetyre chetverti Publ., 15, 523–528. (In Russ).

7. Ivanou Ya.Ya. (2017). *Afarystychnyya adzinki u belaruskaj move*. [*Aphoristic units in the Belarusian language*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Belarus).

8. Ivanou Ya.Ya. (2014). Belaruskiya prykazki z biblijnyh krynic (materyyaly da ruska-belaruska-anglijskaga slounika bibleizmau). *Avraamievskie chteniya*. [Belarusian proverbs from biblical sources (materials for the Russian-Belarusian-English dictionary of biblisms). *Abraham Readings*]. Smolensk: Radopa Publ., 11–24. (In Belarus).

9. Ivanou Ya.Ya. (2019). Biblejskaya afarystyka u belaruskaj move (leksikagrafichny aspekt). *Romanovskie chteniya – XIII*. [Biblical aphoristics in the Belarusian language (lexicographic aspect). *Romanov readings – XIII*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ., 129–130. (In Belarus).

10. Ivanou Ya.Ya. (2018). Da skladannya slounika "Krylatyya afaryzmy u belaruskaj move: z biblejskih krynic" (leksikagrafichnyya materyyaly). *Filologichnij chasopis*. [To compiling a dictionary "Winged aphorisms in the Belarusian language: from biblical sources" (lexicographical materials). *Philological Journal*]. 2 (11), 16–33. (In Belarus).

11. Ivanou Ya.Ya. (2011). *Krylatyya afaryzmy u belaruskaj move: z inshamounyh litaraturnyh i fal'klornyh krynic VIII st. da n.e. – XX st.: tlumachal'ny slounik*. [*Winged aphorisms in the Belarusian language: from foreign-language literary and folklore sources VIII century BC – XX century: explanatory dictionary*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Belarus).

12. Ivanou Ya.Ya. (2018). Krylatyya vyrazy z Biblii u belaruskaj move (leksikagrafichny aspekt). *Filologichni studiï.* [Winged phrases from the Bible in the Belarusian language (lexicographic aspect). *Philological studies*]. 18, 35–47. (In Belarus).

13. Ivanou Ya.Ya. (Ed.) (2004). *Krylatyya vyrazy u belaruskaj move: tlumachal'ny slounik. Ch. 1. Z inshamounyh (eurapejskih i amerykanskih) krynic XII–XX stst*. [*Winged phrases in the Belarusian language: an explanatory dictionary. Part 1. From foreign (European and American) sources of the XII – XX centuries*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Belarus).

14. Ivanova S.F. (Ed.) (2006). *Krylatyya vyrazy u belaruskaj move : tlumachal'ny sloŷnik. Ch. 2. Z ruskamounyh litaraturnyh i fal'klornyh krynic XII–XX stst.* [*Winged phrases in the Belarusian language: an explanatory dictionary. Part 2. From Russian-speaking literary and folklore sources of the 12th – 20th centuries*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Belarus).

15. Lepeshau I.Ya. (2014). *Etymalagichny slounik prykazak*. [*Etymological dictionary of proverbs*]. Minsk: Higher school Publ. (In Belarus).

16. Lepeshau I.Ya. (2004). *Etymalagichny slounik frazealagizmau*. [*Etymological dictionary of phraseological units*]. Minsk: BelEn Publ. (In Belarus).

17. Balakova D., Val'ter H., Venzhinovich N.F., Gutovskaya M.S., Ivanov E.E., & Mokienko V.M. (2014). *Lepta biblejskoj mudrosti: biblejskie krylatye vyrazheniya i aforizmy na russkom, anglijskom, belorusskom, nemeckom, slovackom i ukrainskom yazykah*. [*Lepta of biblical wisdom: biblical winged phrases and aphorisms in Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Russ, etc.).

18. Ivanov E.E., etc. (Ed.) (2019). *Lepta biblejskoj mudrosti: russko-slavyanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskih, romanskih, armyanskom i gruzinskom yazykah. T. 1–2*. [*Lepta of biblical wisdom: Russian-Slavic dictionary of biblical winged phrases and aphorisms with equivalents in the German, Romance, Armenian and Georgian languages. In 2 volumes*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ. (In Russ, etc.).

19. Maslova V.A. (2018). Duhovnyj kod kul'tury i ego rol' v edinenii vostochnyh slavyan. *Vostochnoslavyanskie yazyki i literatury v evropejskom kontekste – V.* [Spiritual code of culture and its role in the unification of the Eastern Slavs. *East Slavic languages and literatures in the European context – V*]. Mogilev: MGU imeni A. Kuleshova Publ., 7–12. (In Russ).

20. Ivanou Ya.Ya., & Ivanova S.F. (1997). *Slounik belaruskih prykazak, prymavak i krylatyh vyrazau: lingvakrainaznauchy dapamozhnik*. [*Dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged phrases: linguistic and cultural: textbook*]. Minsk: BFS Publ. (In Belarus).

21. Ceplyakova A.D. (2009). Nyameckamounyya zapazychanni krylatyh slou u suchasnaj belaruskaj litaraturnaj move (kol'kasny sklad i krynicy pahodzhannya). *Vesnik MDU imya A.A. Kulyashova*. [German borrowings of winged words in the modern Belarusian literary language (number and sources of origin). *Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin*]. 1(32), 137–143. (In Belarus).

22. Ceplyakova A.D. (2009). Anglamounyya zapazychanni krylatyh slou u suchasnaj belaruskaj litaraturnaj move (kol'kasny sklad i krynicy pahodzhannya). *Vesnik Mazyrskaga universiteta imya I.P. Shamyakina*. [English borrowing of winged words in the modern Belarusian literary language (number and sources of origin). *Mozyr State University Bulletin*]. 2(23), 162–166. (In Belarus).

23. Ceplyakova A.D. (2009). Frankamounyya zapazychanni krylatyh slou u suchasnaj belaruskaj litaraturnaj move (kol'kasny sklad i krynicy pahodzhannya). *Vesnik Brestskaga universiteta*. [Francophone borrowing of winged words in the modern Belarusian literary language (number and sources of origin). *Brest State University Bulletin*]. 2(12), 109–116. (In Belarus).

24. Yankouski F. (1960). *Krylatyya slovy i afaryzmy (z belaruskih litaraturnyh krynic)*. [*Winged words and aphorisms (from Belarusian literary sources)*]. Minsk: AN BSSR Publ. (In Belarus).

УДК 811.161.1’27

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ

И.А. Королева,
профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Смоленского государственного университета,
г. Смоленск, Российская Федерация
E-mail: innakor@mail.ru

В статье рассматривается эпистолярный дискурс известного советского литературного критика А.В. Македонова: фрагментарно проанализирована переписка с первым директором Литературного музея Смоленского государственного педагогического института А.А. Палшкова по вопросу о публикации в смоленском научном сборнике статьи с подборкой и оценкой писем известного советского поэта, смолянина Николая Ивановича Рыленкова, одного из основоположников Смоленской поэтической школы, выделенной критиком в 1960 году. Проанализирована своеобразная дискуссия автора статьи и редактора сборника. Дается оценка эпистолярной элитарной разговорной речи , показан выбор языковых средств адресантом и адресатом для достижения результата эпистолярной коммуникации.

Ключевые слова: эпистолярный текст, научно-публицистическая статья, А.В. Македонов, А.А. Палшков, Н.И. Рыленков, элитарная языковая личность, коммуникативно-прагматическая оценка, редактирование языкознания.

EPISTOLARY TEXT: THE STORY OF ONE PUBLICATION

I.A. Koroleva,
Professor, Phil. D., Professor of the Department of Russian language
of Smolensk State University,
Smolensk, Russian Federation
E-mail: innakor@mail.ru

The article deals with the epistolary discourse of the famous Soviet literary critic A.V. Makedonov: the correspondence with the first director of the Literary Museum of the Smolensk State Pedagogical Institute A.A. Palshkov on the issue of publication in the Smolensk scientific collection of articles with a selection and evaluation of letters from a famous Soviet poet, Smolensk Nikolai Ivanovich Rylenkov, one of the founders of the Smolensk poetic school, selected by the critic in 1960. Analyzed a kind of discussion of the author of the article and the editor of the collection. Evaluation of the epistolary elite colloquial speech is given, the choice of language means by the addressee and the addressee to achieve the result of epistolary communication is shown.

Key words: epistolary text, non-fiction article, A.V. Makedonov, A.A. Palshkov, N.I. Rylenkov, elite linguistic personality, communicative and pragmatic assessment, editing linguistics.

Введение

Эпистолярный текст рассматривается как особая форма коммуникации, так как в полной мере отражает особенности дистанционной письменной речи, как языковые, так и внеязыковые. Если идет обмен эпистолярными посланиями между адресантом и адресатом, то, несомненно, этот двусторонний характер обмена информацией учитывает как индивидуальные коммуникативные цели, задачи, ситуации (то есть и пишущего, и получающего), так и общие коммуникативные установки переписки: тему, личностные характеристики общающихся, ситуацию переписки (время, место, круг участников и пр.). Изучение эпистолярных двусторонних текстов, то есть изучение эпистолярного диалога, позволяет рассмотреть целый комплекс вопросов: фрагментарно представить себе языковые личности (на уровне речевых портретов) коммуникантов, исследовать языковые средства эпистолярия, причем как узуальные, так и индивидуально-авторские, в целом выявить на коммуникативно-прагматическом уровне особенности эпистолярного речевого этикета и эпистолярной разговорной речи, представляющей собой своеобразную систему русской разговорной речи определенного периода развития социума [1; 4].

Частное письмо – особый тип эпистолярного текста, который включает в себя разнообразные по тематике и ситуативному воплощению письма: семейные, дружеские, любовные, деловые и пр. Большой интерес представляют письма элитарных языковых личностей из сферы культуры, то есть писателей, поэтов, музыкантов и т.д. Эти эпистолярные тексты публикуются и становятся национальным культурным достоянием.

Цели и задачи

Цель исследования – на материале эпистолярных текстов выявить на коммуникативно-прагматическом уровне особенности эпистолярного общения двух элитарных языковых личностей, связанных общей коммуникативной ситуацией. Поставленная цель предполагает решение кон-

кретных задач:1) на материале частной переписки по поводу публикации одной научно-критической статьи проанализировать языковые особенности адресанта и адресата на уровне эпистолярной оценки; 2) выявить личностные характеристики знакомых по переписке людей, вступивших в деловые и одновременно дружеские отношения; 3) проследить историю публикации одного эпистолярного текста; 4) показать связь языковых и внеязыковых факторов в эпистолярии.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужили шесть писем известного критика советской эпохи Адриана Владимировича Македонова (1909 – 1994) к первому директору Литературного музея Смоленского государственного педагогического института (ныне университета) Александру Александровичу Палшкову (1927 – 1989) конца 1975 года. Тема переписки – публикация статьи Македонова, посвященной творчеству одного из основоположников Смоленской поэтической школы Н.И. Рыленкова, известного советского поэта [3]. Отдельные места большой по объему статьи (24 страницы) вызвали замечания А.А. Палшкова, редактора сборника. История переписки – это история эпистолярного диалога двух творческих личностей по поводу оценки третьей элитарной языковой личности, человека, который уже умер, но который по-прежнему значим для контекста эпохи. Для анализа использованы ставнительно-сопоставительный метод, описательный метод и метод контекстуального анализа эпистолярия в соответствии с прагматическими коммуникативными целями эпистолярных текстов, впервые вводимых в научный оборот.

Переписка хранится в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета. Письма нигде не опубликованы. Они хранятся в фонде № 10 – фонд Палшкова, опись № 1, папка № 1, единица хранения № 4. Дело содержит 46 л.

Взяты письма выборочно; есть черновики. Все письма рукописные, с авторскими поправками. Автор статьи продолжает работу по выявлению особенностей эпистолярного стиля великого советского критика А.В. Македонова [2].

Результаты и их обсуждение

Приведем отрывки из писем Македонова, в которых он убеждает Палшкова оставить те или иные фрагменты текста статьи и поясняет их. Эти части очень информативны и показывают не только принципиальность критика, но и содержат различные комментарии отрывков писем Н.И. Рыленкова, помогают читателю увидеть нашего удивительного земляка, одного из основоположников Смоленской поэтической школы, с совершенно иной стороны. Цитируем части из письма от 5 ноября 1975 года: «*Речь идет об очень плохой статье Софронова, где он поносил таких поэтов, как Б. Слуцкий, Л. Мартынов и др., которые сейчас, как известно, достаточно общепризнанны. Чтобы не заострять внимание на миперсоне Софронова, имеющего и сейчас покровителей, я заменил его фамилию первой буквой. Но с этой поправкой отрицательное высказывание Рыленкова об его статье сейчас никакие высшие инстанции испугать или раздражить не сможет, а по существу оценка ее Рыленковым важна для понимания и общей характеристики его общественно-литературной позиции*» [5]. Читаем далее: «*…Не возражаю и против того, чтобы дать эти фамилии полностью* (речь идет о том же Софронове и Сергее Островом – И. К.), *но поскольку речь идет о людях, еще фигурирующих и способных чем-то напакостить Рыленкову и после его смерти, может быть тактичнее оставить только инициалы. Не все сейчас обязательно нужно расшифровывать. Важно показать, что были явления в литературе, от которых Н.И., несмотря на свою мягкость, терпимость и нелюбовь к конфликтам, явно отмежевывался – хотя бы в письмах товарищам. ... факт отмежевания Рыленкова от «групповых противопоставлений» и связанных с ними лиц мы не можем и не должны скрывать от читателя» [5]*. Обратив внимание на слова *«поносил, напакостить, очень плохая статья*», мы можем сделать вывод о статье нелицеприятной и конъюнктурной; оценка же Рыленкова и статьи, и писавших эту статью литераторов, действительно, объективная: поэт не побоялся осудить «групповое противопоставление».

В одном из отрывков Македонов приводит мнение Рыленкова о литературном съезде 1958 года, мнение с оценкой этого съезда и отдельных ситуаций, имевших место в процессе работы; судя по комментариям, мнение с глубоко личностной оценкой. Критик убеждает редактора: «*Писательские съезды не являются табу для – хотя бы только в таких пределах – для критики, а тем более съезд 1958 года… предоставим все же кое за что отвечать самому Н.И. Ему это сейчас во всяком случае не повредит. Думаю, что и нам с Вами и редколлегии сборника не может повредить публикация такого рода высказываний Н.И.*» [5]. Македонов с любовью называет высказывания Рыленкова «сдержанно-иронические», «отнюдь не критиканские». Есть ряд замечаний Палшкову, который хотел сократить высказывания Рыленкова о Фадееве, о Кочетове. Автор письма обобщает: «*Для понимания позиции Рыленкова в те годы это существенно*» [5].

Македонов предельно ясно изложил свою позицию по вопросу о тех сокращениях, которые Палшков предлагал сделать из осторожности: «Бывают конъюнктурно-необходимые купюры, но нужно стараться свести их количество к минимуму и не допускать купюр, которые исказили бы общий облик документа. Тем более, когда речь идет о такой фигуре как Рыленков. И тем более, когда прошло уже много лет, и то, о чем говорится, принадлежит уже истории и науке, которая должна действовать по принципу: «*тут ни убавить ни прибавить*» [5].

В ответном письме 23 ноября 1975 года А.А. Палшков предстает перед нами как очень принципиальный и дотошный редактор, причем хорошо знающий орфографические, пунктуационные правила русского языка, принципы редактуры текста. Акцент сделан на правильной постановке многоточия при пропусках, авторском тире у Рыленкова – редактор просит разрешения поменять знаки, правилам оформления сносок и пр. Тон письма рабочий; этикетно делаются замечания об объемной и нелегкой работе по подготовке сборника в печать: «*Работа и заседания не дают возможности вести «сверхпрограммные» дела так быстро, как хотелось бы. ... только в воскресенье выбрался написать это письмо… я только что посылаю Вам на просмотр редактуру подборки». И далее по предложениям Палшков предлагает сделать еще некоторые сокращения, как он пишет, в тех местах, где дается оценка работ и суждений самого Македонова: слово Ваших подчеркивается. Редактор выражает надежду, что «Вы с пониманием отнесетесь к предложениям о сокращениях – не столь уж значительных и, главное, не меняющих существа текста*» [5].

Македонов отвечает практически мгновенно – его ответ датирован 28 ноября 1975 года.

Критик изъясняет свою позицию, не соглашаясь с некоторыми настойчивыми просьбами о сокращении достаточно твердо, но корректно: «*Похвалы» Н.И. моим статьям или письмам оставлены мной не для того, чтобы ими похвастаться, а для того, чтобы показать его внимание и отзывчивость к мнению товарища; показать также, что, в определенные периоды своей жизни, он особенно ценил теплое слово. Показать, наконец, его солидарность с определенными литературными позициями. Я оставил лишь очень небольшую часть такого рода «похвал». ... начало письма 9 ... многое показывает в самом Рыленкове – ведь речь шла о письме человеку, который тогда, в начале 1958 г., еще жил в Воркуте и только начал возобновлять, после долгого перерыва, свою литературную работу*» [5]. И далее, в последнем фрагменте письма Палшкову, Македонов усиливает твердый отпор редактору: «*Никто не имеет права изымать те места в письмах Рыленкова, где он ясно отмежевывался от явлений типа «линии Кочетова» (и, кстати, таких отмежеваний в его письмах было много, я опубликовал лишь небольшую часть). Такие изъятия обозначают, попросту говоря, попытку фальсифицировать литературно-общественную позицию большого поэта, на что я никогда не соглашусь. И к тому же попытку фальсифицировать, не оправданную даже никакими серьезными конъюнктурными соображениями, которые в какой-то мере оправдывают те и без того многочисленные сокращения, на которые я , скрепя сердце, все же согласился… Если редколлегия с этим условием не согласна, – снимаю публикацию в целом*» [5]. Вся лексика письма (фальсифицировать, никто не имеет права, изъятия, никогда не соглашусь, конъюнктурные соображения, снимаю публикацию) и весь его тон достаточно резкие и принципиальные, что вызывает глубокое уважение к Македонову, который до конца отстаивал свою позицию по отношению к публикации.

Переписка заканчивается письмом А.В. Македонова от 2 декабря 1975 года. Письмо краткое, оно свидетельствует, что разногласия улажены. Македонов выражает удовлетворение, что редколлегия некоторые острые места все же согласилась оставить, «согласилась испытать судьбу». Критик еще раз уверяет, что, по его мнению, не хочет, чтобы у смолян были какие-либо неприятности из-за острых оценок покойного Николая Ивановича писательского съезда 1958 года или отдельных уже старых во времени общественно-литературных ситуаций. Особо Македонов разъясняет позицию Рыленкова по отношению к Твардовскому и «Новому миру». Так как эта тема – достаточно сложная, приведем полностью отрывок из письма: «*Жаль только, что Вы все еще опасаетесь публикации фразы насчет «потуг К.» и «присных его». Уверен, что и здесь нечего опасаться. Вовсе эта фраза не означает, что Н.И. целиком поддерживал линию А.Т., как редактора «Нового Мира». Есть много людей, которые не разделяли эту линию, но резко отрицательно относились к деятельности К. и его «присных». А присные его известны – это люди типа П. Строкова и т.п., которых не раз критиковали на страницах «Литературной газеты» (а не «Нового Мира») и которые сейчас, к счастью, никак повредить редколлегии Вашего сборника из-за публикации этой строки не могут.*

Кстати сказать, в моей статье в сборнике, который Вы купили, есть ясный выпад против Кочетковского сочинения «Чего ты хочешь», и, как видите, это не испугало редколлегию сборника, не испугало и рецензента этого сборника в «Литературном обозрении» (см. № 11 за этот год, стр. 67)» [5].

Выводы

Эпистолярные тексты элитарных языковых личностей представляют собой благодатный материал для исследования элитарной языковой личности, ее речевого портрета, ибо представляют собой письменную разговорную речь в ее культурно-прагматическом воплощении. Введение в научный оборот новых источников позволяет углубить и расширить представление об эпистолярной коммуникации общественно-значимых личностей, находящихся в дружеско-деловых отношениях. В рассмотренных письмах известного советского критика А.В. Македонова к известному на Смоленщине деятелю культуры А.А. Палшкову, касающихся темы публикации научно-публицистической статьи, содержащей фрагменты писем любимого в России и в Смоленском крае поэта Н.И. Рыленкова, рассмотрены речевые средства оценки. Анализ писем позволил выявить особенности личностных характеристик участников эпистолярной коммуникации и представить себе некоторые личностные характеристики Ры-

ленкова, дающие возможность по-иному взглянуть на поэта. Архивный эпистолярий – хранитель бесценной лингвокультурологической и исторической информации.

Литература

1. Акимова, Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы Х1Х – ХХ вв.) / Т.П. Акимова: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Волгоград, 2017. – 40 с.

2. Королева, И.А. Эпистолярный дискурс как источник изучения языковой личности: А.В. Македонов и А.А. Палшков (на материале архива Литературного музея Смоленского государственного университета) / И.А. Королева // Известия Смоленского государственного университета. - № 3 (43). – 2018. – С. 102 – 114.

3. Македонов, А. В. Очерки советской поэзии / А.В. Македонов. – Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1960. – 244 с..

4. Седова, О.Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка / О.Н. Седова // Филологические науки. – 1985. – №6. – С. 57 – 62.

5. Архив Литературного музея Смоленского государственного университета. Фонд №10. Опись №1. Папка №1. Единица хранения. – №4.

References

1. Akimova, T.P. (2017). *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki ehpistolyarnogo teksta (na materiale pisem klassikov russkoj literatury X1X – XX vv.) [Linguistic and cultural characteristics of the epistolary text (by the material of the letters of the classics of Russian literature X1X – XX centuries]*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Volgograd, (In Russ).

2. Koroleva, I.A. (2018). Epistolyarnyj diskurs kak istochnik izucheniya yazykovoj lichnosti: A.V. Makedonov i A.A. Palshkov (na materiale arhiva Literaturnogo muzeya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta). *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. [The epistolary discourse as a source for studying the language of personality: A. V. Macedonia and AA Polshkov (on materials of archive of the Literary Museum of the Smolensk state University) / A. I. Queen. *Izvestiya of the Smolensk state University*], 3(43), 102 – 114. (In Russ).

3. Makedonov, A.V. (1960). *Ocherki sovetskoj poehzii*. [*Essays of Soviet poetry*]. Smolensk: Smolensk book publishing house. (In Russ).

4. Sedova, O.N. (1985). Epistolyarnyj stil' v sisteme funkcional'nyh stilej russkogo yazyka. *Filologicheskie nauki* [Epistolary style in the system of functional styles of the Russian language. *Philological science*], 6, 57–62. (In Russ).

5. *Arhiv Literaturnogo muzeya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Fond №10. Opis' №1. Papka №1. Edinica hraneniya № 4*. [*Archive of the Literary Museum of Smolensk state University. Fund #10. Inventory #1. Folder 1. Storage unit*]. (In Russ).

УДК 811.161.1’39 : 659.123.1

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРАГМАТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛАРУСИ

Е.Т. Костюшко,
аспирант кафедры русской филологии
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь
E-mail: e_kostiushko@mail.ru

В статье рассматриваются особенности использования национально-культурного компонента в прагматике современной рекламной коммуникации при продвижении товаров и услуг на белорусском рынке. Делается вывод о том, что в условиях глобализирующегося мира для успешного продвижения товаров на локальном рынке важно акцентировать внимание целевой аудитории на национальной уникальности товаров и услуг, выделяя их среди мировых брендов. Отмечается, что для современной рекламной коммуникации в Беларуси характерно не только активное обращение к национально-культурному компоненту в собственно рекламном тексте и в названии бренда, но и широкое применение белорусского языка как титульного языка нации, что в целом определяет рекламные идеи и стратегии продвижения различных товаров и услуг.

Ключевые слова: прагматика, реклама, рекламная коммуникация, национально-культурный компонент.

NATIONAL-CULTURAL COMPONENT IN PRAGMATICS OF MODERN ADVERTISING COMMUNICATION OF BELARUS

E.T. Kostiushko,
Postgraduate Student, Department of Russian Philology,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Belarus
E-mail: e_kostiushko@mail.ru

The article discusses the features of the use of the national-cultural component in the pragmatics of modern advertising communication when promoting goods and services on the Belarusian market. It is concluded that in a globalizing world, in order to successfully promote products in the local market, it is important to focus the attention of the target audience on the national uniqueness of goods and services, distinguishing them from global brands. It is noted that modern advertising communication in Belarus is characterized not only by an active appeal to the national-cultural component in the actual advertising text and in the brand name, but also by the wide use of the Belarusian language as the title language of the nation, which generally defines advertising ideas and strategies for promoting various products and services.

Key words: pragmatics, advertisement, advertising communication, national cultural component.

Согласно популярной маркетинговой модели AIDA, основными задачами рекламной коммуникации являются привлечение внимания целевой аудитории, формирование интереса к рекламируемому продукту и желания его приобрести, а также побуждения потенциального клиента к приобретению товара [1, 103]. Реализация указанных задач в значительной степени связана с лингвокультурными характеристиками рекламного сообщения, в том числе в особенностями концептуального и символического кодирования рекламной идеи.

Эффективность рекламной коммуникации напрямую зависит от степени ее соответствия ценностным приоритетам, жизненному стилю, информационно-коммуникационным установкам целевых аудиторий. Важные для современного глобального общества потребления универсальные концепты «престиж», «качество», «цена», «комфорт», «успех» и подобные могут быть представлены в рекламной коммуникации эксплицитно (*Любовь **высшего качества*** – ОАО «Бобруйский мясокомбинат»; *Попробуй **настоящее качество** на вкус!, Наше **качество** – залог вашего **успеха**!* – ОАО «Рогачевский МКК») или выражены имплицитно, например, через ассоциации с национальной историей и культурой: *Банк сапраўдных каштоўнасцей* – ОАО «АСБ Беларусбанк»; *Беларуская бульба. Сабрана ўручную. Бабіна лета* – ООО «Агроцентр СУЛА»; *Ай, ладны Гаспадар* – ОАО «Барановичхлебопродукт». Глобализация привела к унификации культурного кодирования в рекламной коммуникации, способствовала даже намеренному отстраиванию рекламных идей от локальных стереотипов и ценностей, напр.: название торговой марки «Van Gold» ОАО «Пружанский молочный комбинат» выполнено на латинице, с использованием хорошо узнаваемого английского слова, «созвучно с фамилией знаменитого художника» и «подчеркивает европейскую рецептуру сыра» [2]. Однако глобализация породила и обратный процесс – глокализацию, вызвав повышенный интерес к национальной идентичности, локальной тематике,

региональной специфике и актуализировав задачи адаптации транснациональных рекламных проектов к контексту локальных коммуникативных практик и локальных культур, а местных рекламных кампаний – к контексту глобальному [4].

С одной стороны, акцент на национально-культурном компоненте делается при продвижении транснациональных брендов на локальный рынок, то есть реализуется стратегия адаптации. С другой стороны, при продвижении отечественных продуктов национально-культурный компонент указывает на уникальное торговое предложение, свидетельствует о национальной принадлежности продукта, акцентирует внимание на национальных ценностях, культурном достоянии страны. Так, ставшая популярной после участия в конкурсе «Евровидение» белорусская (и, что важно, белорусскоязычная) музыкальная группа «NaviBand» участвовала как в глобальной рекламной кампании напитка «Coca-Cola» (УП «Кока-Кола Бевриджиз Белоруссия») под названием «*Паспрабуй... Адчуй*» (с песней «*Адчуй гэта лета па-свойму!*»), так и в рекламных акциях белорусской торговой сети «Еврооопт» (ООО «Евроторг»), объявлявшей о снижении цен на продукты для традиционного белорусского пасхального стола: *Біткі на Вялікдзень! Трушчым цэны ўшчэнт!*

Такие рекламные тексты становятся важным средством распространения страноведческой информации и могут быть интересны как для внешней (зарубежные партнеры и иностранные граждане), так и для внутренней (жители страны) аудитории. Использование национально-культурного компонента в рекламной коммуникации позволяет актуализировать важную для любой аудитории идею национальной и социальной (гражданской) идентичности, способствует установлению доверительного контакта с потенциальными потребителями.

В ситуации государственного билингвизма и культурно-языковой интерференции на белорусском рынке стала широко распространяться рекламная коммуникация на одном из государственных языков – белорусском как титульном национальном языке. Предпочтение ему отдаётся из-за особого статуса: при выполнении аналогичных с русским языком функций белорусский язык подчёркивает идентичность, сакральность коммуникации, используется не во всех речевых ситуациях, однако, как отмечает Л.И. Науменко, воспринимается, прежде всего, как «национальный символ и национальное достояние, вызывающие уважение и стремление его беречь» [3, 288]. Благодаря белорусскоязычному оформлению рекламного текста в нем дополнительно реализуется функция сохранения и поддержания национально-культурной (в том числе государственной, гражданской) идентичности – как рекламируемого продукта и его производителя, так и того, кто будет потребителем этого продукта. Примером может послужить использование в кампании мобильного оператора «Velcom» (УП «Велком») русского языка для продвижения отдельных тарифных планов или акций *(«Дела семейные», «Лето зовёт»* и др.), а белорусского языка в имиджевой рекламе: *Шмат прыгожых гісторый пачалося 15 гадоў таму. А колькі яшчэ наперадзе! Velcom. 15 гадоў з вамі*. На белорусском языке выстроена рекламная кампания ОАО «Лидское пиво» «*Шануем цеплыню адносін!*» (рус. «Ценим теплоту отношений!»), служащая не только маркетинговым, но и социокультурным целям – в частности, расширению повседневного белорусскоязычного общения (*Разам у афлайн*), помощи в освоении национальной речеэтикетной лексикой, в том числе из молодежного сленга: стикерпаки *Здароўкі!; Нечаканачка!; Цалкам згодны!; Да сустрэчы!* и др.

Выделяются Привлекают внимание на фоне аналогичных русскоязычных названий этнокультурно маркированные белорусские названия: кафе и кофейни *«Раскоша 1795», «Гарадзенская кавярня», «Наша кава», «Спадчына», «Сустрэча», «Спакуса», «Родны кут»;* магазины *«Модная крама», «Купалінка», «Буслік», этнакрама «Цудоўня»*. Сравните: *«Кафе на Комарова», «Кофе Саунд», «Пицца & кофе»* и др.

Безэквивалентная белорусская лексика, а также лексика с ярко выраженным историко-культурным компонентом используется для подчёркивания уникальности рекламируемого объекта – создания уникального торгового предложения: *Гарадзенскі* ***маёнтак*** *«Каробчыцы», агроусадьба «Каралінскі* ***фальварак*** *Тызенгауза», кафе-бар «****Карчма*** *у причала».* Использование данных наименований акцентирует внимание аудитории на специфике этнокультурного пограничья Гродненского региона. Так, фольварки – это «небольшие имения, в которых производили хлеб на продажу», которые возникли «с XVI в. в связи с проведением Жигимонтом II Августом реформы «Устав на волоки» и «были широко распространены на территории Польши и в границах бывшего Великого княжества Литовского (Украина, Беларусь, Литва)» [5, 118]. Фольварки имели некоторые общие черты с таким типом поселения как маёнтак – имение, целый комплекс жилых и вспомогательных построек своеобразной архитектуры – иногда больших размеров (дворцы) с верандами, каминами, флигелями, колоннами и др. [5, 119]. Корчма – это «тип небольшого поселения, сложившегося вокруг «росстаней» (перекрестков транспортных путей) с корчмой [5, 118]. Следует отметить, что указанные названия подчёркивают связь со шляхетской культурой, что также реализуется использованием стилизованного герба в оформлении сайтов агроусадьбы «Каралінскі фальварак Тызенгаўза» и Гарадзенскага маёнтка «Каробчыцы». Национально-прецедентные названия интер-

нет-платформы частных объявлений «***Куфар***», белорусского национального блюда из картофеля «***Цыбрыкі***» (ООО «Агроцентр СУЛА»), краундфаудинговая платформа ***Talaka.org***, ресторан ***«Талака»***, ресторан «***Draniki***», кафе ***«Дранікі вясковыя»,*** физкультурно-оздоровительный комплекс «***Вячоркі***» подтверждают национально-историческую уникальность и культурно-духовную самобытность белорусского народа и его культуры.

Белорусская лексика активно используется для создания эффекта языковой игры и, благодаря этому, привлечения внимания аудитории. Так, может прочитываться двояко название кафе *«Ці&Кава»* – как наречие со значением *'интересно'* и вопросительное предложение с семантикой приглашения *'Может, кофе?'*; название пакета услуг компании «Белтелеком» «*Ясна*» – в значениях 'понятно, просто' и 'солнечно, не пасмурно', что нацелено на создание позитивных ассоциаций у аудитории.

Важной особенностью использования белорусского национального компонента в рекламе является комбинирование белорусской и русской лексики. Так, к примеру, продукция ОАО «Агрокомбинат «Скидельский» рекламируется на русском языке, однако название торговой марки звучит только на белорусском: *Высококачественная, натуральная, экологически чистая продукция («**Пансkі гатунак»**)*; ***«Раніца»*** *– для тех, кому натуральное нравится! ОАО «Барановичский молочный комбинат»*.

При наличии нескольких лексических вариантов для обозначения одного предмета или явления в рекламе предпочтение может отдаваться оригинальной белорусской лексике или заимствованиям из польского языка, напр.: стикерпак *Два **келіхі** гэтаму хлопцу!* в рекламе ОАО «Лидское пиво» (ср. рус. *бокал*, польск. *kielich, kieliszek*). Особо следует обратить внимание на функционирование белорусскоязычных названий с написанием латиницей. В данном случае реализуются одновременно две тенденции – к глобализации (интернациональный латинский шрифт позволяет прочитывать название носителям различных языков) и глокализации (использование культурем и белорусской лексики подчёркивает принадлежность к белорусской культуре). Такой стратегии придерживаются бренд женского белья *«Milavitsa»*, интернет-магазин *«Kelikh.by»*, бар *«Svaboda»* и др. При этом для проведения рекламной кампании может использоваться русский язык, например: *Kufar. Когда нужно то, что не нужно другому* (сайт www.kufar.by).

В современной белорусской рекламной коммуникации к наиболее часто используемым тематическим группам лексики с национально-культурным компонентом можно отнести следующие: этнонимы и топонимы, наименования природных объектов и культурных артефактов, мифологические имена.

Для акцентирования внимания на том, что продукт произведён в Республике Беларусь, используются этнонимы и отэтнонимические дериваты, а также образные перифразы: *Marko. Крок **па-беларуску*** (Белорусская кожевенно-обувная компания «Марко»); турагентство *«**Синеока**Тур»* (сравните: *Беларусь синеокая).* Ряд названий организаций образован от этнонима *белорусы* (ОАО «***Бел**лакт»,* СООО *«**Бел**вест»,* ОАО «АСБ ***Бела-рус**банк»,* РУП *«**Бел**телеком»,* ОАО «Авиакомпания ***«Бел**авиа»,* РУП *«**Бел**почта»,* ОАО *«**Бел**АЗ»*), что позиционирует товары как произведённые в Беларуси. Тот же эффект в слогане пива «Рэчыцкае» (ЗАО «Бобруйский бровар») *Гонар **роднага краю*** достигается благодаря использованию словосочетания *родны край*.

В названиях торговых марок или организаций-производителей используются ойконимы (*МКСК «**Минск**-арена»,* ОАО «***Гродно** Азот»,* ОАО *«**Мостов**древ», ОАО «**Могилёв**лифтмаш»,* КУП *«**Брест**жилстрой»,* ОАО *«**Лида**хлебопродукт»)*, а также прилагательные, производные от них, указывающие на территориальную принадлежность предприятия: *ОАО «Щучинский маслосырзавод», ОАО «Берестовицкая птицефабрика», УП «Сморгонский комбинат хлебопродуктов», ОАО «Волковысский мясокомбинат», ОАО «Ошмянский сыродельный завод», ОАО «Вороновская сельхозтехника», ОАО «Ошмянский мясокомбинат», ОАО «Гродненская обувная фабрика «Неман»* и др.

На основе топонимов могут быть созданы названия-неологизмы. Например, «***Кронон** Парк Отель»* – анаграмма, т.е. изменён порядок некоторых звуков топонима Гродно, фестиваль *«LIDBEER»* (ОАО «Лидское пиво»), пиво *«Бобров»* и фестиваль *«Рок за Бобров»* (ЗАО «Бобруйский бровар»), «*Mi**Lida»*** (ОАО «Лидский молочно-консервный комбинат»).

В рекламной коммуникации в качестве национально-культурного компонента используются пословицы и поговорки, аллюзии к известным произведениям художественной литературы: бар Гродненского областного драмтеатра ***«Нестерка»*** (пьеса В. Вольского «Нестерка»), база отдыха «На ростаннях» (роман Якуба Коласа «На ростаннях»), кафе «Агінскі» (композитор М.К. Огинский). При рекламировании газеты «Звязда» обыгрывается характерное для стихотворений белорусских поэтов XIX – начала XX вв. обращение *браце: "Ты адно запомні, браце, са "Звяздой" – цяплей у хаце!"*. Сравните: У. Галубок "Чакай, браце!"; А. Гурыновіч "Дзякуй табе, браце, Бурачок Мацею".

Упоминание этнокультурно маркированных природных объектов в рекламном сообщении или названии торговой марки подчёркивает традиционность, натуральность (экологичность) продукта: *«Раніца» – для тех, кому натуральное нравится!*

ОАО «Барановичский молочный комбинат»; *санаторий «Пралеска», усадьба «Верасень», трикотаж «Світанак».*

В качестве источника для создания рекламного образа выступают национальные традиции. Например, атмосфера праздника в телевизионной рекламе пива «Аліварыя Каляднае» создаётся благодаря на основе представлений о волшебстве Рождественской ночи: *Дарослыя здарма не вераць у цуды. Вось, напрыклад "Аліварыя* ***Каляднае****" з успамінам цёплых сямейных вечароў, водарам мараў і соладам падарункаў. Прыемнае, як абдымкі родных, і цёмнае, як* ***Калядная ноч****. Неверагодна, але ж яно існуе! "Аліварыя Каляднае". Ці гэта не цуд?* Образы из славянской мифологии стали основополагающими для названий ресторана *«Замак* ***Зеваны****»* (богиня звериной ловли), пикник-базы *«****Велес****»* (бог удачи и плодородия, покровитель животноводства), магазина изделий ручной работы ***«Лёля»*** (славянская богиня весны).

Таким образом, благодаря включению в текст национально-культурного компонента создатели рекламы актуализируют в восприятии реципиентов рекламного сообщения прагматические оценочно-эмоциональные приращения, основанные на лингвосемиотической оппозиции «свой – чужой»: «свое» определяется как «культурное», «безопасное», «гармонически организованное», «хорошее», «понятное», «естественное» и т.д.; ему противостоит «чужое» – «враждебное», «опасное», «хаотическое», «неестественное», «плохое», «непонятное».

В условиях глобализирующегося мира для успешного продвижения товаров на локальном рынке важно акцентировать внимание целевой аудитории на национальной уникальности товаров и услуг, выделяя их среди мировых брендов. Для современной рекламной коммуникации в Беларуси характерно не только активное обращение к национально-культурному компоненту в собственно рекламном тексте и в названии бренда, но и широкое применение белорусского языка как титульного языка нации, что в целом определяет рекламные идеи и стратегии продвижения различных товаров и услуг.

Литература

1. Бернет, Дж. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход / Дж. Бернет, С. Мориарти. – СПб: Питер, 2001. – 864 с.

2. История одного сыра в новой торговой марке для Пружанского молочного комбината от Fabula Branding // Marketing.by [Электронный ресурс]. – 2018.– Режим доступа: http://marketing.by/keysy/istoriya-odnogo-syra-v-novoy-torgovoy-marke-dlya-pruzhanskogo-molochnogo-kombinata-ot-fabula-brandin/.– Дата доступа: 15.10.2018.

3. Науменко, Л.И. Белорусский язык в зеркале мнений жителей современной Беларуси / Л.И. Науменко // Социологический альманах. – 2011. – № 2. – С. 285-289.

4. Пивоварчик, Т.А. Коммуникативные практики локальных медиа в контексте глокализации / Т.А. Пивоварчик // Международная журналистика-2018: глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 февр. 2018 г. / сост. Б. Л. Залесский; под общ. ред. Т.Н. Дасаевой. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 201-206.

5. Шарухо, И.Н. Исторические типы сельского расселения Беларуси: культурно-географические особенности / И.Н. Шарухо // Псковский регионологический журнал. – 2007. – № 5. – С. 115–132.

References

1. Bernet, Dzh. Marketingovye kommunikacii: integrirovannyj podhod / Dzh. Bernet, S. Moriarti. – SPb: Piter, 2001. – 864 s. (In Russ).

2. Istorija odnogo syra v novoj torgovoj marke dlja Pruzhanskogo molochnogo kombinata ot Fabula Branding // Marketing.by [Jelektronnyj resurs]. – 2018.– Rezhim dostupa: http://marketing.by/keysy/istoriya-odnogo-syra-v-novoy-torgovoy-marke-dlya-pruzhanskogo-molochnogo-kombinata-ot-fabula-brandin/.– Data dostupa: 15.10.2018. (In Russ).

3. Naumenko, L.I. Belorusskij jazyk v zerkale mnenij zhitelej sovremennoj Belarusi / L.I. Naumenko // Sociologicheskij al'manah. – 2011. – № 2. – S. 285-289. (In Russ).

4. Pivovarchik, T.A. Kommunikativnye praktiki lokal'nyh media v kontekste glokalizacii / T.A. Pivovarchik // Mezhdunarodnaja zhurnalistika-2018: global'nye vyzovy, regional'noe partnerstvo i media: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 15 fevr. 2018 g. / sost. B. L. Zalesskij; pod obshh. red. T.N. Dasaevoj. – Minsk: Izd. centr BGU, 2018. – C. 201-206. (In Russ).

5. Sharuho, I.N. Istoricheskie tipy sel'skogo rasselenija Belarusi: kul'turno-geograficheskie osobennosti / I.N. Sharuho // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. – 2007. – №5. – S. 115 – 132. (In Russ).

УДК 811.161.1

КОММУНИКАЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ МАРКЁРЫ

Н.А. Красовская,
доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого,
г. Тула, Россия
E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Коммуникация в социальных сетях ставит перед исследователями много новых вопросов, среди которых вопрос о проявлении региональных маркёров в письменно-устной форме сетевого общения. Материал социальной сети «ВКонтакте» дает возможность проследить некоторые особенности проявления региональных особенностей. Региональными речевыми маркёрами становятся фонетические, грамматические, лексические факты, обсуждение региональной лексики и топонимики, наличие фактов двуязычия, оценка степени владения русским языком. По нашему мнению, носители языка в ряде случаев сами отмечают языковые региональные маркёры в речи и зачастую оценивают их отрицательно.

Ключевые слова: коммуникация, социальные сети, региональные языковые особенности, оценка региональных особенностей.

COMMUNICATION IN THE RUSSIAN SOCIAL NETWORKS: REGIONAL MARKERS

N. A. Krasovskaya,
associate Professor, doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature of Tula state pedagogical University named after L. N. Tolstoy,
Tula, Russia
E-mail: nelli.krasovskaya@yandex.ru

Communication in social networks raises many new questions for researchers, including the question of the manifestation of regional markers in written and oral form of network communication. The material of the social network "Vkontakte" makes it possible to trace some features of the manifestation of regional characteristics. Regional speech markers are phonetic, grammatical, lexical facts, discussion of regional vocabulary and place names, the presence of facts of bilingualism, Russian language proficiency assessment. In our opinion, native speakers in some cases mark language regional markers in speech and often evaluate them negatively.

Key words: communication, social networks, regional language features, assessment of regional features.

Введение

Общением в социальных сетях сегодня мало кого можно удивить. Независимо от возраста, социального статуса, профессии люди общаются посредством Интернета. Социальные сети сегодня – это новая коммуникационная реальность, которую активно изучают социологи, педагоги, лингвисты и др. Отмечается, что общение в социальных сетях происходит в письменном виде, однако оно настолько своеобразно, что стоит на грани между устной формой речи и письменной. Об этом пишут многие исследователи, например, Ефремов В.А., Матусевич А.А., Мешкова Л.Н. и др. Устная речь, как мы понимаем, имеет множество региональных показателей, к которым можно отнести как интонацию, ударение, произношение отдельных звуков и звукосочетаний, так и грамматические и лексические особенности. Если можно считать, что общение в социальных сетях – одна из разновидностей письменно-устной формы речи, то и она, по нашим предположениям, может иметь региональные маркёры. Поясним здесь, что мы используем именно термин *региональный*, так как далеко не все явления, о которых пойдет речь, можно отнести к диалектным Во-первых, они уже не связаны с архаическими диалектами, а сформировались в более позднее время; во-вторых, их никак нельзя считать отражением крестьянской речи; в-третьих, мы, например, также принимаем во внимание и топонимические факты, и этнические, которые тоже являются языковой характеристикой того или иного региона. Именно поэтому подчеркнем, что термин *региональные* мы используем в широком понимании.

Цели и задачи

Основная цель нашего исследования – проследить, действительно ли в коммуникационных ситуациях, наблюдаемых в русскоязычных социальных сетях, проявляются региональные маркёры. Данная цель связана с решением задач, направленных, с одной стороны, на определение разновидностей социальных сетей, на примере которых проводится исследование, с другой стороны, на поиск именно тех языковых фактов, которые можно считать региональными маркёрами. Дело в том, что письменно-устная форма речи,

которая и представлена в русскоязычных социальных сетях, довольно заметно отличается от устной формы, поэтому, конечно, нельзя, например, ожидать в языке Интернет-общения появления региональных интонационных, акцентологических, да и выявление иных может представлять определенные сложности. Однако интересно отметить, что в социальных сетях встречается довольно много реплик по поводу тех или иных языковых явлений, в том числе региональных. Эта рефлексия зачастую содержит не только описание тех или иных региональных фактов, но и их оценку. И тут мы сталкиваемся с так называемой наивной лингвистикой, о проявлении которой в сетевой коммуникации, например, В.А. Ефремов пишет: «…следует отметить, что наивное языковое сознание, преломляющее мир сквозь призму наивной лингвистики, не так просто, как может показаться на первый взгляд» [1, с.74]. Попутная задача нашего исследования – обратить внимание и на оценку региональных регистров в речи коммуникантов.

Методы и материал исследования

Материалом для проведения исследования послужили выборки, сделанные на протяжении нескольких лет из различных публичных групп социальных сетей. В основном нами рассматриваются комментарии к пабликам, реплики участников диалогов, помимо этого, нами анализируются некоторые демотиваторы.

Основной социальной сетью, которая стала источником для получения информации, явилась социальная сеть «ВКонтакте». По мнению ученых, она считается одной из самых популярных сетей в русскоязычном пространстве: «В России проникновение соцсетей оценивается в 47%, аккаунты в них имеют 67,8 млн россиян. По данным Statista, активнее всего в РФ используют YouTube (63% опрошенных), второе место занимает ВКонтакте – 61%. Глобальный лидер Facebook лишь на четвертой строчке с показателем в 35%» [4]. Мы также обращаемся к материалам «ВКонтакте», потому что сами являемся активными ее пользователями.

Основными методами исследования можно считать метод наблюдения, который позволяет выявлять при первом ознакомлении с текстом те языковые особенности, которые далее подвергаются рассмотрению, метод выборки, с помощью которого нами отбираются нужные контексты, метод лингвистического поуровневого анализа, который позволяет определить и квалифицировать региональные черты в рассматриваемых контекстах.

Подчеркнем, что мы сохраняли все особенности примеров из социальных сетей (орфография, пунктуация, графика) и старались сопровождать их паспортизацией (указывали паблик или контент, дату и время публикации).

Результаты и их обсуждение

Нами были отмечены следующие региональные речевые регистры, или маркёры, в рамках коммуникации в социальных сетях.

Проявление региональных языковых фактов. Это могут быть фонетические варианты (в случае фонетического письма), лексические, грамматические. Так, например, нами были отмечены следующие случаи: *Мои соседи постоянно шумят, то сверлят, то орут, то гремят чем-то. Сил нет. Я им постоянно гаварю чтоб не шумели в обед тк ребенок спит…* (Подслушано Самара. 27 сентября 2018 в 18:50). В данном случае наблюдается факт фонетического письма, которое отражает полное аканье. Такое, по нашему мнению, нерефлексированное проявление в речи региональных особенностей свидетельствует о сохранности определенных диалектных (региональных) черт. Понятно, что в письменно-устной разновидности коммуникации фонетических особенностей не может быть много, так как письменная форма речи имеет графическую форму, однако именно в случае фонетического письма или в случае нарочитого выделения какой-либо буквы, отражающей тот или иной звук, уловить особенности фонетики все-таки можно.

Встречается и региональная лексика, например, в Туле распространено слово *лайн*, которое называет маршрутки. Это слово появилось в конце 90-х годов XX века, связано с названием первой транспортной компании, обслуживающей городские маршруты «Автолайн». Так это слово в Туле прижилось, имеет оно свои варианты: *лайка, лайнер* (в основном в речи пожилых жителей). Конечно, слово встречается и в социальных сетях: *Вот это да☺, лайны идут один за другим…* (Подслушано в Туле. 18 марта 2019 в 8:15).

Обсуждение в сетевой коммуникации региональных языковых фактов. Это, на наш взгляд, рефлексированное отношение к языковым особенностям. В этом случае человек реагирует на то, что встречается с проявлением региональных особенностей чаще всего в чужой речи: *Че на Тулу наезжать, в каждом городе есть свои убогие словечки. Я от жителей Башкортостана, причем от молодых, постоянно слышала: «я полОжила деньги на телефон» или «мне ёшняя мать звонила» - это вообще жесть)))*» (Подслушано в Туле. 14 августа 2018 в 19:09). *Колдобины, дед бумбум, лайн, жамки* (Тула. 8 февраля 2019 в 23:19 – необходимо было назвать «тульские словечки»). *Лайны… кто придумал это название☺только в туле так говорят* (Подслушано в Туле. 18 марта 2019 в 11:20). Подобные факты свидетельствуют о том, что участники коммуникации сами могут не быть носителями тех или иных региональных (диалектных) языковых черт, но иметь о них представление. Однако в ряде случаев оно бывает достаточно наивным. И можно предположить, что оценка лексических фактов региональной отнесенности чаще всего не очень положительная.

Обсуждение в сетевой коммуникации топонимических явлений. Это также, на наш взгляд, своеобразная языковая рефлексия. Здесь можно

выделить три разновидности. Во-первых, обсуждение топонимов и связанных с ними особенностей употребления и т.д.: *Важнее то, почему Мясново называют "Мясного*" (Подслушано в Туле 9 февраля 2019 в 22:10). *Михаил, не позорь магадан, пишется Мясново!* (Подслушано в Туле. 8 февраля 2019 в 21:19). Во-вторых, это сообщение тех или иных топонимических легенд и т.п. *Далее гончарное дело росло и процветало и мастеров переселили за Упу, создав им там что - то вроде трудового - гетто или "прерии". Это место и есть Большие и Малые Гончары…* (Подслушано в Туле. 12 февраля 2019 в 5:36). В-третьих, это использование этниконов и рассуждения о том, насколько они могут считаться правильными, древними и т.д.: *Когда сказал тульчане* (Подслушано в Туле. 18 марта 2019 в 11:08).

Сложнее говорить об этнических маркерах в русскоязычных социальных сетях, которые также могут указывать на языковую характеристику того или иного региона. Если мы не будем касаться фактов нарушения межэтнической толерантности (то есть грубых высказываний в адрес того или иного этноса), то проявления этнического своеобразия я русскоязычных социальных сетях также возможно выявить.

Наблюдается обращение к этнически значимым топонимам: обсуждение их возникновения, употребления. *Жутко бесит когда пишут- я в казане, или мое др в казене и тд и тп. Блин, как можно такое писать?! Так и хочется написать- «как ты туда поместилась? Туда же даже твоя тупая головушка не вместилась бы!» Запомните, если вы имеете ввиду город, то пишите в КазанИ, а если вы имеете ввиду казан, то надо писать в казане, всем спасибо. Анон плиз* (Подслушано Казань. 24 августа 2014 в 19:03).

Встречается языковая рефлексия по поводу степени владения русским или национальным языком. *Рустам Султангалиев: я серьезно мущин я ищу втарую палавинька сваево …. Евгений Жилин: Думаю что лучше писать пост на родном языке. С русскоязычной девушкой Рустаму придется туго))* (Подслушано в Астане. 9 февраля 2019 в 18:53).

Можно отметить наличие элементов двуязычия, которые также наблюдается в русскоязычных социальных сетях. *Петр Яковлев: Ейй денья. Жалко, чэчэк кебек кызлар, Эти-эни туганнарына, Алла ходай туземлек бирсен!!! Царство им небесное* (Подслушано Казань. 15 февраля 2019 в 21:15).

Выводы

Таким образом, современная сетевая коммуникация – это определенная форма письменно-устной речи, которая имеет ряд региональных языковых маркёров, как и любая устная неподготовленная речь. По всей видимости, это связано с тем, что в сетевой коммуникации часто проявляется такой признак устной речи, как ее спонтанность и неподготовленность, или свидетельствует о слабом владении участников коммуникации нормами письменной речи. Безусловно, ряд выявленных нами особенностей коммуникации в социальных сетях говорит о проявлении интереса к региональным языковым явлениям, который проявляется как в обсуждении и оценке лексических и грамматических региональных фактов, так и в обсуждении топонимических явлений и этниконов. Заметим также, что наличие региональных языковых явлений в речи зачастую участниками сетевой коммуникации оценивается отрицательно, что отчасти согласуется с довольно интересными наблюдениями В.А. Ефремова о наивной лингвистике в социальных сетях и довольно агрессивном ее проявлении.

Литература

1. Ефремов, В.А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета / В.А. Ефремов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-novyh-formah-naivnoy-lingvistiki-v-epohu-interneta. – Дата доступа: 16.01.2019.

2. Матусевич, А.А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики : автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А.А. Матусевич. – Нижний Новгород, 2017. - 23 с.

3. Мешкова, Л.Н. Текстинг как явление современной культуры / Л.Н. Мешкова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – № 27. – С. 49-53.

4. Социальные сети в 2018 году: глобальное исследование. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/ – Дата доступа: 16.03.2019.

References

1. Efremov, V.A. O novyh formah naivnoj lingvistiki v ehpohu interneta [On new forms of naive linguistics in the Internet era]. Publ. Retrieved January 16 2019 from: https://cyberleninka.ru/article/n/o-novyh-formah-naivnoy-lingvistiki-v-epohu-interneta. (In Russ.)

2. Matusevich, A.A. (2017) *Obshchenie v social'nyh setyah: pragmaticheskij, kommunikativnyj, lingvostilisticheskij aspekty harakteristiki [Communication in social networks: pragmatic, communicative, linguistic and stylistic aspects]* (Doctoral dissertation. Nizhnij Novgorod). (In Russ.)

3. Meshkova, L.N. (2012). Teksting kak yavlenie sovremennoj kul'tury. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki.* [Texting as a phenomenon of modern culture. *Proceedings of the PSPU them. V. G. Belinsky. Humanities*]. (27), 49-53. (In Russ.)

4. Social'nye seti v 2018 godu: global'noe issledovanie. [Social media in 2018: a global study.]. Publ. Retrieved March 16 2019 from: https:// //www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-v-2018-godu-globalnoe-issledovanie/ (In Russ.)

ТРАВЕСТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ЖАНР ГЕНДЕРНОГО ТРАВЕСТИРОВАНИЯ

В.В. Кузьмич,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: petrov@mail.ru

У.Ю. Ягмурова,
студентка 4 курса Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Беларусь

В данной статье рассматриваются особенности мужского и женского речевого поведения с психолингвистических позиций. Особое внимание в нашем исследовании уделяется ассоциативным значениям основных гендерных концептов мужчина и женщина, которые встречаются в языковом пространстве русского анекдота и текстов пародий. Специфической чертой рассматриваемых гендерных концептов является их стереотипность. Гендерные отношения репрезентируются в языке русского анекдота и в текстах пародий в виде социокультурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение личности, в том числе и речевое.

Ключевые слова: анекдот, гендер, литературная пародия(травестия), гендерные стереотипы, гендерные концепты.

TRAVESTY TEXT AS A GENRE OF GENDER TRAVESTING

V. V .Kuzmich,
candidate of philological Sciences, associate Professor of Belarusian and Russian Philology Department,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

U. Yu. Yagmurova,
4th year student of the Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus

This article discusses the features of male and female speech behavior from psycholinguistic positions. Special attention in our study is paid to the associative meanings of the basic gender concepts of man and woman, which are found in the language space of the Russian anecdote. A specific feature of the considered gender concepts presented in the Russian anecdote is their stereotype. Gender relations are represented in the language of Russian anecdote in the form of sociocultural stereotypes, leaving an imprint on the behavior of the individual, including speech.

Key words: anecdote, gender, gender stereotypes, gender concepts.

Введение

В последние годы значительно усилилось внимание к лингвистическому описанию индивидуальных языковых параметров личности. В связи с этим возрастает и значение такого параметра, как гендер Понятие "гендер", прежде всего, связано с понятием "социокультурный пол человека", который обозначает различия в мужских и женских ролях в обществе, т. е. различия в их поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках. Анекдот, который представляет собой краткий рассказ, в концентрированной форме выявляет такие различия.

Цели и задачи

В смеховых текстах отражается современное состояние утилитарно-ценностной картины мира через призму гендера. В анекдотах в наибольшей степени концентрируется бытовая оценочность.

Цель данного исследования- выявить, как с помощью травестирования гендерных стереотипов в анекдотах и травестированных текстах формируется определенный фрагмент картины мира с точки зрения мужского и женского восприятия.

Материалы исследования

Материалом настоящего исследования послужили тексты анекдотов, извлеченные из Интернета, где в качестве коммуникативных подноминаций выступают гендерные стереотипы и гендерные различия между мужчиной и женщиной, а также тексты пародий, где объектом выступают гендерные различия.

Результаты и их обсуждение

При рассказывании анекдота говорящий хочет рассмешить слушающего, поэтому персонажи наделены отрицательными качествами, которые подвергаются высмеиванию. Отличительной женской чертой в анекдотах является не бережливость жены, а то, что она бросает деньги на ветер:

- *- Дорогая, а где деньги, которые я отложил на отпуск? - Ой, я забыла сказать тебе - я купила на них шубу. Муж звонит: - Алло, это*

туристическое агентство? Пожалуйста, вместо двух путевок на Канары - одну в тундру в двухзвездочном чуме с видом на дрейфующую станцию.

- *Молодой человек обращается к окулисту:*

- Доктор, у меня после свадьбы возникли проблемы со зрением.

- То есть?

- Я денег не вижу!

- *-Мой муж всегда сердится, когда не знает, на что уходят деньги.*

- Так ты расскажи ему.

- - А если расскажу, он просто взбесится!

В некоторых анекдотах гендерные роли травестируются, то есть мужчины проявляют женские качества, а женщины , наоборот, мужские. Иногда в анекдотах мужья и жены меняются ролями и жена выявляет качества, свойственные мужу в семейной паре: агрессивность, грубость, силу и даже жестокость.

- *Мужик приходит на работу весь в синяках.*

- Петя! Ну ты выглядишь! Как будто на тебя напали, украли деньги и избили!

- - Ну ведь так и было!

- А ты лицо хоть запомнил, приметы какие?

- - Ну чё бы я не запомнил собственную жену!

Иногда в последней фразе анекдота дается нестандартное, “юмористическое“ решение задачи, а именно, способ заставить жену замолчать. Эта последняя фраза и содержит в себе “соль” анекдота.

Женщины разделяют мужей на пять видов: - красивый и богатый - зато богатый - зато красивый - зато непьющий - остальные.

Особенно ярко выражается саркастическое отношение к женщинам в анекдотах о блондинках, в которых подчеркивается их глупость. Например:

- *Плывут два крокодила по Нилу разговаривают:- А я вчера вечером блондинку проглотил. И до того пустая голова у неё была, что я до сих пор погрузиться не могу...*

Особого упоминания заслуживают так называемые лингвистические, или языковые анекдоты. Это тексты, основанные на феномене языковой игры. Философы и психологи считают игру одним из фундаментальных свойств человеческой культуры. Это вид деятельности, который не преследует каких-то конкретных практических целей. Цель игры – доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие. Строго говоря, коммуникативная ситуация рассказывания анекдота строится по преимуществу на основе игровых законов. Но в данном случае речь идет об особой игре – игре языковой, стремящейся к осознанному нарушению самых разнообразных норм речевого общения.

Что же касается рассмотрению юмора на уровне текста, а точнее анекдота, то в основном юмористический эффект возникает за счет таких средств, как двусмысленность, абсурдность ситуации, эффект обманутого ожидания, а также курьезные грамматические ошибки. В качестве лингвистических средств травестирования в анекдотах могут выступать :

Полисемия в гендерных анекдотах

Беседуют три подруги. Одна говорит: – Мой муж не выносит собак!

Вторая: – А мой – не выносит кошек!

Третья: – А мой – не выносит ведро с мусором!

Грамматика в гендерных анекдотах

Анекдоты этой группы построены на основе искажения норм грамматики (морфологии и синтаксиса).

1.В школе. Учительница спрашивает ученика:

– «Я красива» – какое это время?

– Прошедшее, Мария Ивановна.

2.В 2015 на Евровидении победил бородатая баба, в 2016 — слегка небритая.

Словообразование в гендерных анекдотах

Словообразовательная игра наряду с игрой на основе многозначности – один из самых популярных в анекдотном творчестве принципов построения комического эффекта. В анекдотах используются самые разнообразные принципы словотворчества: и создание окказионализмов, и неверная интерпретация происхождения слов, и (что значительно реже) принцип народной этимологии.

Муж – жене: – Ну и идиотка же ты! – Вышла бы замуж за генерала, была бы генеральшей. (декорреляция значения суффикса). *Идиот- идиотка; Генерал- генеральша.* (жена генерала).

Прецедентность является основным комическим стержнем следующего анекдота. В данном случае ссылка делается на поэму Н. А. Некрасова «Русские женщины», посвященную русским декабристкам.

- **Вася, а ты коня на скаку** остановишь? - Нет. - А в горящую избу войдешь? - Нет. - Вот за что я **тебя** уважаю, Василий, так это за то,что **ты** не баба !

Примером того, что пародия может быть направлена на переосмысление в комическом ключе гендерных ментальных структур сознания человека, служат стихотворные тексты А.Скибы, в частности его стихотворение «O tempora, o mores».

Здесь пародийному переосмыслению подвергается гендерные стереотипы, ожидание от полоролевых отношений. Следует отметить, что гендерная проблематика, популярная в настоящее время, находит в тексте данного стихотворения неожиданное решение. Несмотря на сходство в развитии сюжета с классическими образцами, «O tempora, o mores» является, скорее зеркальным отображением рыцарского романа или баллады.

Здесь роль, которая в классическом романе играли мужчины, отданы женщинам и наоборот. Так коварный похититель Прекрасной Дамы превращается в Черную Графиню, рыцарь на белом коне – в отважную воительницу, вступившуюся за честь своего возлюбленного, а роль юной девы, заточенной в мрачный каземат, отдана главному герою с приписыванием соответствующих качеств. Именно в классическом рыцарском романе зафиксированы концептуальные понятия «мужественного» и «женственного», сконструированные обществом и имеющие культурно-символические (гендерные) различия. Например, с понятием «мужественный» ассоциируются такие характеристики, как: агрессивность, жестокость, мощность, волевой компонент, брутальность, сила, грубость, отвага, кодекс чести и т.д.. Тогда как женственность подразумевает красоту, слабость, уступчивость, обаяние, покорность, пассивность и т.д.

В данном же тексте единственному мужскому персонажу приписываются такие характеристики как:

- красота («*Я был похищен черной графиней, пленившейся моею красотой…»)*
- слабость *(«…а я бессилен был воздать ей тем же, поскольку силы были не равны…»)*
- пассивность *(«...а я со страхом ожидал итога, и горячо молился за тебя …»)*

Кроме этого, он является обладателем таких «неотъемлемых женских свойств» как боязнь мышей *(«…и я во власти этой грубой самки, в темнице средь ужасных злых мышей, теперь томился в неприступном замке, тоскуя о возлюбленной моей…*») и склонности к слезам («*-Пусть я умру, но вашим я не буду! – в слезах кричал я гневно всякий раз …»).*

Женским же персонажам, в соответствии с их ролями злой или доброй героини свойственны такие маскулинные черты как:

- грубость, *(«.И я во власти этой грубой самки…»;*
- - жестокость *(«…головорезок, преданных ей, стая опустошала села без причин, дома сжигая, женщин убивая, и молодых насилуя мужчин;… мне била в грудь с гримасой сатаны…»);*
- склонность к сквернословию (обильем злобных богохульных фраз), характеризующие Черную Графиню и такие положительные мужские качества, присущие Спасительнице как:
- сила *(«…могучею рукой сжимая эфес почти пудового мяча…; тяжелым сокрушительным ударом злодейку разрубило пополам»);*
- забота о более слабом *(«…и на руки меня ты подхватила и помогла мне, подбежав к коню, залезть в седло»);*
- отвага *(«ты вновь за своего мужчину сердца, отдать свою была готова жизнь»);*
- напористость *(«и наконец-то, замок неприступный взяв штурмом через несколько недель и перебив всю стражу в стычке крупной…»)* и т.д.

Такое приписывание мужчине женственных черт и наоборот, несомненно является травестийным и воспринимается человеком, воспитанным в условиях «патриархатного» общества (патриархат – строй, характеризующийся отцовским родом, и в котором мужчина занимает господствующее положение), как одинаково унизительное для обоих сторон. Пародирование, осуществляемое на семиотическом уровне, подкрепляется травестированием лингвистических единиц. Показательны в этом отношении авторские новообразования:

- ***головорезка*** – о женщинах, находящихся в подчинении у Черной Графини;
- ***наложник*** – типичнее «наложница»;
- ***мужчина сердца*** – по аналогии с ***дамой сердца***

и других в зеркальном отражении.

Комический эффект создается также употреблением слов и выражений, ассоциирующихся в сознании человека с поведением, присущим мужчине или женщине:

...Я самым ценным, что есть у мужчины,
От всей души тебя вознаградил…
...Головорезок, преданных ей, стая
Опустошала села без причин,
Дома сжигая, женщин убивая
И молодых насилуя мужчин…

Еще одним примером травестирования гендерных стереотипов, бытующих в сознании человека, может служить стихотворение «Не за круглым столом». Это тоже зеркальное отображение рыцарского сюжета, о чем говорит даже его название (аллюзия с сагами о Рыцарях Круглого стола), но кривое зеркало здесь работает в ином аспекте. В тексте нет прямого противопоставления «мужественное/ женственное», но намеренное снижение маскулинных качеств осуществляется путем приписывания главному герою черт несовместимых с образом «рыцаря на белом коне». Рыцарь без страха и упрека подменен трусливым субъектом, превыше всего ставящем собственные интересы:

Конечно, дело не в награде
Я мыслил, слушая ваш визг,
Но дамских прелестей лишь ради
Оправдан ли подобный риск?

Прагматик побеждает рыцаря, и Прекрасная Дама оставлена на съедение дракону:

«Могла бы быть и прекрасней», -
Решил я вдруг и ускакал.

Выводы

Итак, можно заключить, что в анекдотах и других травестированных текстах гендерные концепты характеризуются не только высокой оценочностью, но и лаконичностью текстовой информации. Кроме того, гендерные стереотипы в определенной степени определяют также психологические качества персонажей (поощряя одни и негативно оценивая другие в зависимости от конкретного анекдота). Хотя женщин и мужчин оценивают по-разному в анекдотах, но их оценка

чаще всего оказывается негативной в целях достижения комического эффекта.

Сравнительный анализ основной гендерной пары *мужчина – женщина* в проанализированном материале показал следующее:

Представление о мужчине и о женщине функционирует в разных ипостасях. Они репрезентируются с помощью лексем или словосочетаний, которыми персонаж вводится в текст анекдота, так как именно в них формулируются актуальные для данного текста гендерные классификационные признаки.

Литература

1. Горошко Е. И. Словарь гендерных терминов / Е.И. Горошко. – М: Информация. — XXI век, 2002. – 256 с.
2. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е.А.Земская, М.А.Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании; под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993.
3. Коваль, В.И**.** Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики / В.И. Коваль**.** – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2007. – 167 с.
4. Трофимова, Е. И. Вопросы терминологии в гендерных исследованиях / Е.И. Трофимова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сборник материалов Первой международной научной конференции, 28-29 ноября 2002 года. – Новополоцк: ПГУ, 2002. – С. 3-10.

References

1. Goroshko E. I. (2002). *Slovar' gendernykh terminov* [*Dictionary of gender terms*]. M: Information — XXI century.
2. Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya M. A., Rozanova N. N. (1993). Osobennosti muzhskoi i zhenskoi rechi. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii* [Features of male and female speech. *Russian language in its functioning*.]. Moscow: Science.
3. Koval, V. I. (2007). *Language and text in the aspect of gender linguistics*. [*Yazyk i tekst v aspekte gendernoi lingvistiki*]. Gomel: F. Skarina GSU Publ.
4. Trofimova, E.I. (2002). Voprosy terminologii v gendernykh issledovaniyakh. *Gender i problemy kommunikativnogo povedeniya: sbornik materialov Pervoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Questions of terminology in gender studies. *Gender and problems of communicative behavior (Proceedings of the First international scientific conference*]. Novopolotsk, 3-10.

КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В РАВЕСТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ

В.В. Кузьмич,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г.Мозырь, Республика Беларусь

В статье анализируется репрезентация одной из основных текстовых категорий-категории информативности в травестированных текстах. С применением дискурсивного метода рассматриваются способы трансформации категории информативности. Делается вывод о том, что категория информативности в травестированных текстах реализуется в виде информации не фактологической, а информации прагматической, субъективной , связанной с содержательно-подтекстной информацией.

Ключевые слова: категория информативности, прагматическая информация, травестированный текст, литературная пародия, центон, диктант.

THE CATEGORY OF INFORMATIVENESS IN THE TRAVESTY TEXTS

V. V .Kuzmich,

candidate of philological Sciences, associate Professor of Belarusian and Russian Philology Department,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus

The article analyzes the representation of one of the main text categories-the category of information content in travested texts. With the use of the discursive method, the ways of transformation of the category of informativeness are considered. It is concluded that the category information in travelaround texts is implemented in the form of the information is not factual, and pragmatic information,subjective , associated with the content and the underlying information.

Key words: informative category, pragmatic information, travested text, literary parody , dictation.

Введение

Обычный текст должен нести новую информацию, иначе его существование для реципиента является бессмысленным. Информативность как лингвистическая текстовая категория является одной из главных текстовых категорий. Она реализуется в формах содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, а

также в формах информации о структуре, компонентах, ходе мысли и способах развертывания содержания текста.

Многие текстотипы представляют собой именно подобную переделку и пересказ (интерпретацию) старого содержания. Категория информативности в таких текстах представлена в совершенно трансформированном виде. Это именно травестированные тексты, что не следует путать с текстами травестийными (пародиями). При этом пародии тоже относятся к текстам, где категория информативности реализуется в трансформированном виде. В подобных текстах заявленная тема текста никогда не совпадает с ремой текста.

Английский термин « rehash» как раз и обозначает переделку из старого, заново переработанный материал, а в качестве глагола, пересказ (интерпретацию)по-новому.

Цели и задачи

В данной статье мы попробуем показать на примерах из различных текстотипов, как реализуется категория информативности в травестированных текстах.

Методы и материал исследования

Материалом исследования послужили многочисленные тексты (точнее, квази-тексты), в которых категория информативности представлена в трансформированном виде. С помощью дискурсивного метода мы постарались выявить особенности подобных транформаций. При этом для каждого текстотипа квази-текстов категория информативности предстает в измененном виде и каждый текстотип имеет свои особенности такой трансформации.

Результаты и их обсуждение

1. Пародия

Поскольку пародия как текстовый жанр является травестийной по определению, то логично начать анализ именно на материале именно этого текстотипа. В пародиях наиболее рельефно выступает транформация всех текстовых категорий, таких как связность, цельность, но особенно- информативность. В отличие от обычного текста, адресат и адресант пародии совпадают. Пародия может быть успешной, только если продуценту текста удастся передать адекватно языковой код пародируемого автора. Реакция реципиента -это понимание или непонимание травестийного текста. Это хорошо видно, например, при чтении пародии в аудитории, когда текст воспринимается на слух. Реакцией понимания будет смех в зале, реакцией непонимания – молчание аудитории, то есть при отсутствии смеховой реакции можно говорить о неуспешности пародии. Авторы –пародисты (Ю.Левитанский, Л. Филатов, Б. Брайнин, В.Бахнов и др.) ставят перед собой цель показать портретную характеристику пародируемого автора, а не высмеять негативные черты его идиостиля. Это тоже разновидность критики, но критики позитивной, комплиментарной. Это также и один из интереснейших способов лингвистического и литературоведческого анализа текста.

Вот пример такого текста (автор В. Бахнов).

Мачта и зампом

Басня

Однажды я на яхте плавал в море,
Как хорошо мне было на просторе!
Но видел я, как Мачта то и дело
Одновременно гнулась и скрипела.
В одной конторе тоже так ведется:
Зампом директора, который там
сидит,
Всегда перед начальством низко
гнется,
Зато на подчиненных зло скрипит.
Пора покончить с этим навсегда!
Да!

(Сергей Михалков)

Литературная пародия является одним из наиболее интеллектуально-насыщенных видов текста и наиболее сложным видом лингвистического и литературоведческого анализа.

2. Анекдот

Анекдот является одним из ярких примеров квази-текста, где транформируются различные текстовые категории, а категория информативности в особенности:

Стоит Ленин на броневичке, Толпа: Леннон, Леннон. Ленин кричит, так я же не он. Толпа продолжает. Ленин: Ну ладно : Yesterday.

Условно можно представить заголовок этого текста как « Ленин на броневике». Развертывание темы – его общение с народными массами. Пародийным является требование толпы представить ей Леннона, то есть коммуникативной подноминацией является замена нескольких букв в фамилии и временной анахронизм. В ответ на требование толпы мнимый Ленин начинает петь « Yersterday». Идея анекдота, его коммуникативная номинация, или « соль» сводится к тому, что Ленин поет самую известную песню « Битлз». При этом информация оказывается ложной, поскольку реально автором песни является Пол Маккартни, а не Джон Леннон.

Реальная фактологическая информация в текстах анекдотов реализуется произвольно. Отсюда огромное количество переделок анекдотов с учетом новой ситуации, например, политической или смены культурологической парадигмы.

1. Что находят в этом Карузо? Поет фальшиво, ни одной ноты правильно взять не может. Вы его слышали? Нет, мне Рабинович напел.

2. Что находят в этих « Битлз»? Вы их слышали? Нет, мне Рабинович напел.

Когда в деревне Автюки проводилась « Юморина» за образец народного анекдота был выдан старый анекдот, где главными героями выступали представители одного северного народа*: «Остановите самолет, автюки всегда здесь выходят».*

Таким образом, в анекдотах категория информативности реализуется исключительно в виде одной единственной коммуникативной подноминации, которая и составляет « соль» текста анекдота. Остальная фактологическая и концептуальная информация здесь факультативна и не имеет существенного значения.

3. Центон

Центон как текст- это произведение , источники которого известны и продуценту, и реципиенту. Без этого смысла центон не имеет. Эффект центона основан на совпадении или контрасте нового контекста с контекстом – источником. В современной литературе центоны и коллажи- один из наиболее распространенных приемов в поэзии постмодернизма. Центон представляет интерес прежде всего тем, что любой центон пронизан интертекстуальностью. Мы попробовали сопоставить репрезетацию категории информативности в таких текстах, как литературная травестия (пародия) и центон.

1. *Однажды в студеную зимнюю пору*
Сижу за решеткой в темнице сырой.
Гляжу: поднимается медленно в гору
Вскормленный на воле орел молодой.
2.Не забуду! В студеную пору
Вышла из лесу в сильный мороз.
Поднимался медлительно в гору
Упоительный хвороста воз.
И плавнее летающий птицы
Лошадь вел под уздцы мужичок.
Выше локтя на нем рукавицы,
Полушубок на нем с ноготок.
Задыхаясь, я крикнула: – Шутка!
Ты откуда? Ответь? Я дрожу! –
И сказал мне спокойно малютка:
Папа рубит, а я подвожу!

Оба текста влючают в себя цитаты, явные или скрытые. Однако категория интертекстуальности по- разному представлена в этих текстах. Рассмотрим основные различия представления категории информативности в центоне (текст 1) и литературной травестии(ЛТ) (текст 2).

1. Центон – это произвольное нанизывание цитат по принципу «ирландского рагу». В приведенном выше примере смешиваются цитаты из Некрасова и Пушкина. Литературная пародия(травестия) всегда связана с аллюзиями на **определенного** автора. В тексте 2 мы обнаруживаем как прямые цитаты из произведений А.Ахматовой, так и скрытые реминисценции .

2. В отличие от центонов, где цитаты вводятся вполне произвольно . в текстах ЛТ обычно цитаты апплицируются в определенный контекст. В данном случае интертекстуальные включения А. Ахматовой включены как бы в сюжет некрасовского стихотворения.

3.Коммуникативная номинация [4] центона – это те произвольные ассоциации, которые кают у реципиента при декодировании такого текста. КН же литературной пародии заключается в реализации дескрипторов языковой личности травестируемого автора, создании его речевого портрета. Коммуникативные подноминации (КПН) позволяют выявить максимальное число особенностей идеостиля автора. Так, в тексте 2 присутствуют как прямые цитаты: « Задыхаясь я крикнула! – шутка!», так и некоторые выражения, наводящие на аллюзии с лирикой А. Ахматовой: «Не забуду!», «Я дрожу». Кроме того А.Архангельский не только воссоздал звуковые ударения, характерные для поэтессы, но и подчеркнул такую особенность консонантизма А.Ахматовой, как сочетание губных и шипящих с группой «ла»:

И плавнее летающей птицы
Лошадь вел под уздцы мужичок

4.Центон обычно представляет собой результат чистой языковой игры и не несет особой интеллектуальной и информационной нагрузки. Цитаты в центонах часто не выходят за пределы школьной программы. Так,в «Поэтическом словаре» Квятковского [2] содержится центон , где компонентами являются цитаты из басен Крылова:

В июле, в самый зной, В полуденную пору
Сыпучими песками в гору Из дальних странствий воротясь
По улицам слона водили Как будто напоказ
Известно, что слоны в диковинку у нас Так за слоном толпы зевак ходили.
Какой- то повар грамотей С поварни убежал скорей и т.д.

5. Тексты ЛТ – это всегда семиотически усложненные тексты, требующие от реципиента высокого уровня филологической подготовки, поскольку декодирование подобных текстов требует знания различных КПН текста. Это и ключевые слова, свойственные данному автору, его любимые стихотворные размеры, особенности синтаксических конструкций и т.д. В качестве элементов интертекста в пародиях могут выступать и особенности рифмовки, словоупотребления, ритмико-интонационные особенности пародируемого автора

6.Прагматический компонент цитаты состоит в ее узнаваемости. Это относится и к центону, и к ЛТ. Если цитата не идентифицируется реципиентом как интертекстуальное включение, то никакого эстетического воздействия она не производит. Так, в учебнике по русскому языку для студентов- иностранцев в одном из упражнений содержится скрытая цитата из А.Ахматовой : Я надела узкую юбку, чтоб казаться еще стройней. Комизм ситуации состоит в том, что эта цитата находится в одном ряду с примерами типа :*Эти туфли мне малы. Они мне жмут.*

Таким образом, сопоставляя интертекстуальность жанров центона и литературной пародии, можно сделать вывод, что цитаты в литера-

турной травестии по сравнению с центоном несут гораздо более насыщенную информационную и эстетическую нагрузку.

4. Тексты диктантов

Хорошо известна типология диктантов, связанная с целевой установкой: диктант контрольный, с грамматическим заданием, « проверяю себя» и т.д. Однако у текстов диктантов есть существенные различия с другими типами текстов. По своей форме существуют два типа диктантов. К первому типу можно отнести любой текст из художественной литературы. Это обычные отрывки из текстов писателей.

Тексты диктантов второго типа – это искусственно созданные тексты для сугубо дидактических целей: выработки орфографических и пунктуационных навыков учащихся.

Перед экзаменами

Приближаются весенние экзамены, и мы с братом Сашей усиленно готовимся к их сдаче. Саша учится в университете, а мне еще далеко до аттестата зрелости: в этом году мне, может быть, удастся получить свидетельство об окончании восьмого класса. Из-за болезни я не был в школе два месяца и вследствие этого очень отстал. Во что бы то ни стало мне необходимо повторить всю программу, пройденную в продолжение года. Я рассчитал, по скольку страниц надо читать в день, но мне никак не удается выполнить эти расчеты. Стоит только усесться за учебник, как в голову сами приходят мысли о стадионе. Хорошо бы сыграть в волейбол или потренироваться в беге — в прошлом году я был чемпионом школы в соревнованиях на короткую дистанцию. Неплохо сбегать с компанией сверстников на берег Волги, к речному вокзалу, или забраться в палисадник и почитать что-нибудь о кораблях, караванах, необыкновенных приключениях.

Саша весь поглощен занятиями: что-то подчеркивает карандашом в брошюрах, выписывает цитаты из сочинений классиков, иногда читает вполголоса об агрессиях, капитуляции, конгрессах и еще о чем-то совершенно непонятном. Я сажусь за стол и тоже читаю о меридианах и параллелях, о кристаллах и элементах. Но начинается трансляция матча со стадиона «Динамо», и я замираю над недочитанным параграфом. Саша тотчас выключает радиоприемник. Я старательно решаю уравнения с двумя неизвестными, но все равно слышу и шум трамваев, и крики девчонок, скачущих на тротуаре. В отчаянии я ухожу на кухню, но здесь мне мешает сосредоточиться наш пес Дружок, сидящий в конуре под окном. (по В. Мазиловой)

В диктантах, которые извлекаются из художественных текстов, категория информативности в некоторой степени реализуется, в отличие от текстов, специально созданных для реализации методических задач. Так, в тексте «Перед экзаменами» составители не ставили задачу рассказать о реальной подготовке к экзаменам, времяпровождении братьев и их увлечениях. Это информативность мнимая, поскольку автор текста озабочен только подбором орфограмм и пунктограмм. На лексическом уровне слова текста диктанта второго типа отбираются произвольно, необходимо лишь их соответствие орфографическим правилам.

Таким образом, по своим характеристикам тексты диктантов представляют собой образования, которые ,внешне напоминая обычные тексты, по своей сути от них значительно отличаются. Соотношение темы и ремы в таких текстах является чисто условным и обусловлено прагматическими задачами по обучению учащихся орфографии и пунктуации.

Выводы

Проанализировав некоторые из текстотипов, где категория информативности представлена в трансформированном виде, мы пришли к следующим выводам:

1. Предметно –логическая информация , передающая сведения о фактах, событиях, реалиях окружающего мира в травестированных текстах представлена в трансформированном виде. Интеллектуальная насыщенность подобных текстов обычно невелика, за исключением текстов литературных пародий, требующих от реципиента значительных интеллектуальных усилий при декодировании текста.

2. В анализируемых текстах, главным образом, представлена информация субъективная(прагматическая). Категория информативности реализуется в большинстве подобных текстов с помощью содержательно-подтекстной информации.

3. Информация в текстах литературных пародий, анекдотов, центонов и др., представляет собой имплицитную информацию, которая возникает благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

4. Реализация текстовых категорий в анализируемых текстах создает механизм языковой игры, которая и составляет основную задачу продуцентов этих текстов.

Литература

1.Гальперин, И.Р. Грамматические категории текста / И.Р.Гальперин // Изв. АН СССР. – Серия ЛиЯ. – 1977. – № 6. – С. 47- 58

2.Квятковский, А. П. Поэтический словарь; науч. ред. И. Роднянская / А.П. Квятковский. — М.: Сов. Энцикл., 1966. — 376 с.

3.Лукомников, Г.Г. Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии; сост. Г. Г. Лукомников, С. Н. Федин / Г.Г. Лукомников, С.Н.Федин. – Москва: Пресс-сервис, 2002. – 272 с.

4. Сахарный, Л.В. Введение в психолингвистику / Л.В. Сахарный. – Л.: ЛГУ. - 1989. – 179 с.

5. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З.Санников. – М.: Языки русской культуры. – 1999. – 156 с.

References

1.Galperin, I.R. (1977). Grammaticheskie kategorii teksta. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. [Grammatical categories of the text. *Izv. USSR Academy Of Sciences. Series literature and language*]. 6, 47–58.

2.Kvyatkovsky A.P. (1966). *Poeticheskii slovar'* [*Poetic dictionary*]. Moscow: Soviet encyclopedia.

3.Lukomnikov, G. G., Fedin, S. N. (2002). *Antologiya russkogo palindroma, kombinatornoi i rukopisnoi poezii* [*Anthology of Russian palindrome, combinatorial and handwritten poetry*]. Moscow: Press service.

4. Sakharnyi, L.V. (1989). Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to psycholinguistics]. Leningrad state University.

5. Sannikov V. Z. (1999). *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [*Russian language in the mirror language*]. Moscow: Languages of Russian culture.

УДК 81’44

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ТРЕБУЮЩИЕ ЛИНГВОПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

А.А. Лавицкий
доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой германской филологии
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова,
г Витебск, Республика Беларусь
E-mail: anton_lavitski@mail.ru

Статья посвящена изучению преступлений, судебные разбирательства по которым требуют проведения специальной лингвистической экспертизы. В современной практике судопроизводства к таковым относят «правонарушения, совершаемые вербальным способом». Однако данный термин не имеет общепринятой дефиниции, что является негативным фактором ее понимания.

В настоящем исследовании вербальный способ деяния представлен в аспекте оценки предмета лингвоправового контроля – текста (в самом широком его понимании). Такой подход позволил выявить три вида правонарушений: 1) совершаемые преимущественно вербальным способом (доминируют в Уголовном Кодексе Беларуси); 2) часто совершаемые вербальным способом (частотны, но в два раза реже встречаются, нежели первый вид); 3) совершаемые вербальным способом (сопоставимы по количественным данным со вторым видом).

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертология, правонарушение, совершаемое вербальным способом, Уголовный кодекс, вербальный способ деяния.

CRIMES, REQUIRING LINGUO LAW ESTIMATION

A.A. Lavitski,
associate Professor, PhD (Philology), Head of the Department of Germanistik
of Vitebsk State PM. Masherov University,
Vitebsk, Republic of Belarus
E-mail: anton_lavitski@mail.ru

The article is devoted to the study of crimes, proceedings for which require a special linguistic examination. In the modern practice of legal proceedings, such are “offenses committed verbally”. However, this term has no generally accepted definition, which is a negative factor in its understanding.

In this scientific work the verbal mode of action is presented in the aspect of assessing the subject of linguistic legal control - the text (in its broadest sense). This approach allowed us to identify three types of offenses: 1) committed mainly verbally (dominate in the Criminal Code of Belarus); 2) often performed verbally (frequency, but twice as rare, than the first type); 3) performed verbally (comparable in quantitative data with the second type).

Key words: legal linguistics, linguistic expert studies, offence committed verbally, Criminal Code, Administrative Offence Code, verbal way of misdemeanor.

Введение

Очевидно, что наиболее значимыми для современной лингвистики являются исследования, связанные с «междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое» [6, с. 13]. В этой связи актуальными представляются направления, сформированные на стыке интересов различных научных парадигм. Это позволяет решить целый ряд прикладных задач, а также получить принципиально новые знания, позволяющие расширить концептуальные представления об окружающем мире. Одним из таких направлений, формирующимся как сложное диалектическое взаимодействие юридического и языкового аспектов [5, с. 49], является юрислингвистика.

Объективно обусловленная актуальность проблемного поля юрислингвистики позволила ей за относительно короткий срок стать востребованной в правовом поле. Связано это, в первую очередь, с недостаточной изученностью юридического дискурса, в частности, вопросов правовой коммуникации. Во-вторых, в практике современной судебной деятельности необходимость привлечения специальных лингвистических знаний, методологического инструментария при подготовке экспертных заключений является аксиомой. Дело в том, что речевая деятельность требует постоянного правового контроля: текст может быть средством совершения преступления, его объектом и даже результатом. В условиях активного развития информационного пространства, когда объем языкового материала постоянно увеличивается и практически не имеет преград для массового распространения, потребность в проведении специального лингвистического анализа информационного контента не подвергается сомнению. Кроме того, не прибегая к интеграции с теоретическими и прикладными наработками языкознания, юриспруденция не способна ответить на ряд важных для нее вопросов, касающихся оценки содержания речевой деятельности, ее восприятия, интенции и т.д. Указанные проблемы призвана разрешить одна из самых молодых подотраслей юрислингвистики – (судебная) лингвистическая экспертология. Однако в практике возбуждения в производстве уголовных дел и дел об административных правонарушениях сегодня дискуссионным остается вопрос о роли судебной лингвистической экспертизы и условиях, при которых ее проведение является обязательным. Сам факт постановки такой проблемы мы связываем с наличием научно-теоретических лакун, в частности, с отсутствием собственного тезауруса судебной лингвистической экспертологии, который позволил бы виды преступлений, требующих лингвоправового регулирования.

Цели и задачи

Поставленная проблематика предопределила цель настоящей работы – определить виды преступлений, требующих специальной лингвоправовой оценки. Реализация указанной цели осуществляется в процессе решения трех задач: 1) определение объекта лингвоправового контроля; 2) анализ статей Уголовного Кодекса на предмет лингвоправового статуса, наказуемых по ним деяниях; 3) установление критериев облигаторности проведения судебных лингвистических исследований в практике уголовного наказания.

Методы и материал

Практическим материалом исследовательской деятельности послужили статьи Уголовного Кодекса Республики Беларусь в действующей редакции. Методологическая основа научной работы обеспечивалась методами сплошной выборки фактического материала и его статистической обработки, систематизации, а также дискурс-анализа, методов параметризации и семантико-стилистического анализа.

Результаты и их обсуждение

Сегодня приходится констатировать, что в Беларуси, к сожалению, нет национальной научной школы, исследовательский интерес которой был бы обращен к проблемам лингвоправовой оценки коммуникации (отдельные работы, в основном методического характера, были представлены авторами А.В. Андреевой, А.А. Кирдун из научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и некоторыми другими учеными, в том числе правоведами). При отсутствии комплексных исследований эксперты-практики вынуждены обращаться к опыту зарубежных коллег. Однако очевидно, что постоянный экспорт принципов и подходов в данном научном направлении невозможен ввиду имеющихся различий в законодательствах. Особенно опасен такой опыт при обращении к методологии, разработанной вне пределов национального правового поля. По этому поводу М.А. Осадчий справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «производство судебной лингвистической экспертизы требует применения объективных и проверяемых процедур идентификации признаков преступлений» [7, с. 498].

Но прежде, чем приступать к разработке методологических принципов проведения специальной лингвистической экспертизы, следует решить концептуальный вопрос, касающийся уточнения перечня преступлений, расследование которых требует привлечения эксперта-языковеда. Чаще всего в этом случае оперируют понятием «правонарушение, совершенное вербальным способом» (встречается и не очень удачный, по нашему мнению, термин «вербальное правонарушение»), указывая, таким образом, на сам факт значимости формы совершения противоправного деяния. К сожалению, в настоящее время достаточно сложно подтвердить или опровергнуть такой подход, так как категория вербальности правонарушения не нашла отражения в специальных лексикографических изданиях. Парадоксально, но и в справочной литературе практически невозможно обнаружить дефиницию данного понятия.

Действительно, лингвисты долгое время лишь «вскользь говорили о том, что язык способен на “преступные” действия» [1, с. 3]. Сейчас этот тезис не вызывает сомнений, что, логично, «развязывает руки» в попытках представить его определение. Возможно, отсутствие словарного описания понятия обусловлено тем, что исследователи полагают возможным исходить из значения составляющих его лексем: «правонарушение – общественно вредное (или общественно опасное) противоправное и виновное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность» [3,с 129]; вербальный – словесный (от лат.

verbum – слово). Однако, думается, что такой подход не совсем верным, так как изучаемая нами категория рассматривается в научных исследованиях как терминологическая единица, а такой статус, безусловно, требует обязательного наличия дефиниции.

Справедливости ради, следует отметить, что в некоторых работах можно найти отдельные объяснения понятия вербального характера правонарушения. Так, например, А.А. Гогин и О.Е. Репетева полагают, что «особенность вербального правонарушения (преступления или поступка) состоит в том, что его предметом выступает произнесенное публично словесное высказывание или конкретная фраза, распространенная письменно или устно во времени и пространстве» [2, с. 6]. Не подвергая серьезным критическим замечаниям представленное определение, отметим лишь, что авторы не учитывают возможности совершения преступных деяний посредством использования не только словесных, но и других семиотических знаков (рисунков, жестов). У Е.В. Рыловой находим более глубокое понимание проблемы. Исследователь пишет о вербальном преступлении как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания и направленное на причинение вреда личности, обществу или государству посредством речевой деятельности» [8, с. 14].

С нашей точки зрения, более логичным видится относить к преступлениям, совершаемым вербальным способом, все виды деяний, объектом правовой оценки которых является текст. Здесь следует уточнить, что под текстом мы понимаем любой семиотический код, то есть отталкиваемся от самой широкой трактовки данной лингвистической категории, в чем солидарны с И.Н. Горелым [4, с. 37].

Исходя из принимаемого определения качественная оценка статей уголовного законодательства Беларуси позволила нам выявить более ста видов противоправных действия, объектом лингвоправового контроля которых может быть текст (сравним, например, с данными Е.В. Рыловой, которая на материале Уголовного Кодекса Российской Федерации считает возможным выделить 16 видов такого рода правонарушений [8, с. 156]. Для убедительности нашего подхода приведем пример:

Гражданка Сорокопуд обвиняется в совершении преступления, предусмотренного статьей 358 УК Республики Беларусь «Шпионаж». Обвиняемая работала в Министерстве иностранных дел и владела важной информацией, в том числе имеющей гриф секретности. Во время официальных протокольных мероприятий, на которых Сорокопуд часто присутствовала по служебным обязанностям, она вступала в неформальное общение с представителем зарубежной дипломатической миссии и устно, используя элементы шифровки, передавала не подлежащие разглашению сведения. Несколько таких разговоров были записаны сотрудниками контрразведки и легли в основу обвинения. В свое оправдание обвиняемая заявила, что общение с иностранными представителями не выходило за рамки норм дипломатической коммуникации, содержание которой не раскрывает секретной информации.

Итак, в данном случае очевидна необходимость проведения специального лингвистического исследования текста разговоров обвиняемой с представителями дипломатической миссии зарубежного государства: эксперту следует 1) дешифровать информацию речи и 2) проанализировать ее реальное содержание на предмет наличия секретной информации. Таким образом, и преступления, связанные с совершением шпионажа, которые обычно не ассоциируют с судебной лингвистической экспертизой, могут иметь вербальную составляющую, то есть полностью или частично совершаться посредством речевой деятельности.

Однако очевидно, что преступления, совершаемые вербальным способом, могут быть дифференцированы. Полагаем возможным выделить здесь три типа такого рода правонарушений, которые 1) преимущественно совершаются вербальным способом; 2) чаще всего совершаются вербальным способом; 3) могут совершаться вербальным способом.

В белорусском законодательстве наиболее частотным является первый тип нарушений правовых норм, второй и третий примерно равнозначны по количественным показателям.

Выводы

Формирование собственного терминологического аппарата является одной из приоритетных задач современной юрислингвистики, актуальность и значимость которой доказывает практическая значимость проводимых исследований. В этой связи обращение к вопросам определения понятия «преступление, совершаемое вербальным способом» представляется важным, так как именно оно лежит в основе установления факта необходимости проведения судебной лингвистической экспертизы.

В специальной литературе в настоящее время данный термин не закрепился и зачастую вариативно понимается учеными-теоретиками и практиками. С нашей точки зрения, логичным видится отнести к разряду правонарушений, совершаемых вербальным способом, все виды противозаконных деяний, объектом правового контроля которых является текст. Такой подход позволяет выделить более ста наименований уголовных преступлений, которые 1) преимущественно совершаются вербальным способом *(Принуждение, Разглашение тайны усыновления (удочерения), Разглашение военной тайны, Принуждение, Угроза убийством, причинением тяжких повреждений или уничто-*

жением имущества, Оскорбление, Отказ в предоставлении гражданину информации, Вымогательство, Выманивание кредита или субсидий и др.); 2) чаще всего совершаются вербальным способом *(Склонение к самоубийству, Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, Незаконное собирание либо распространение информации о частной жизни, Обман потребителей, Осквернение сооружений и порча имущества, Модификация компьютерной информации, Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти и др.)*; 3) могут совершаться вербальным способом *(Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, Хищение путем злоупотребления служебным полномочием, Создание преступной организации либо участие в ней, Массовые беспорядки и др.).*

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт: монография / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Гогин, А.А. Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды: электронное учебное пособие / А.А. Гогин. – Тольятти: Из-во ТГУ, 2017. – 1 оптический диск.
3. Гойман-Калинский, И.В., Иванец, Г.И., Червонюк, В.И. Элементарные начала общей теории: учебное пособие / под общей ред. В.И. Червонюка. – М.: КолосС, 2003. – 554 с.
4. Горелов, И.Н. Избранные труды по психолингвистике / И.Н. Горелова. – М.: Лабиринт, 2003. – 320 с.
5. Лебедева, Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика. – 2: сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2000. – С. 49–67.
6. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие / В.А. Маслова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 184 с.
7. Осадчий, М.А. Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы / М.А. Осадчий // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 498–507.
8. Рылова, Е.Д. Уголовно-правовая характеристика вербальных преступлений и криминальных дискурсов: монография / Е.Д. Рылова. – Барнаул: Из-во ААЭП, 2015. – 180 с.

References

1. Arutjunova N.D. (1988) *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt: monografjai* [Types of language values: Assessment. Event. Fact: Monograph]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
2. Gogin A.A. (2017) *Verbal'nye pravonarushenija: ponjatie, sushhnost', vidy: jelektronnoe uchebnoe posobie* [Verbal Offences: Notion, Meaning, Types: e-Textbook]. Tol'jatti: Iz-vo TGU Publ. (In Russ).
3. Gojman-Kalinskij I.V., Ivanec G.I., Chervonjuk V.I. (2003) *Jelementarnye nachala obshhej teorii: uchebnoe posobie* [Elementary Bases of the General Theory: Textbook]. Moscow: KolosS Publ. (In Russ).
4. Golev N.D., Matveeva O.N (2006) *Lingvisticheskaja jekspertiza: na stuke jazyka i prava. Jurislingvistika-7: jazyk kak fenomen pravovoj kul'tury* [Linguistic Expertise: at the Borderline of Language and Law. Legal Linguistics-7: Language as a Phenomenon of Legal Culture]. (In Russ).
5. Lebedeva N.B. (2000) *O metajazykovom soznanii juristov i predmete jurislingvistiki. Jurislingvistika–2: sbornik nauchnyh trudov* [About Metalinguistic Consciousness of Lawyers and the Subject of Legal Linguistics. Legal Linguistics-2: Collection of Scientific Works]. (In Russ).
6. Maslova V.A. (2018) *Sovremennye napravlenija v lingvistike* [Contemporary Directions in Linguistics]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ).
7. Osadchij M.A. (2012) *Sudebno-lingvisticheskaja parametrizacija verbal'noj ugrozy. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Court and Linguistic Parameters of Verbal Threat. Contemporary Issues of Science and Education]. (In Russ).
8. Rylova E.D. (2015) *Ugolovno-pravovaja harakteristika verbal'nyh prestuplenij i kriminal'nyh diskursov: monografija* [Criminal and Legal Characteristics of Verbal Crimes and Criminal Discourses: Monograph]. Barnaul: Iz-vo AAJeP Publ. (In Russ).

УДК 811.161'373:398.92: 173

“СПАСІБА ТАБЕ ЗА ХЛЕБ, ЗА СОЛЬ, ЗА БЛАГАДАЦЬ...”: з вопыту вывучэння дыялектнай парэміі

Г.І. Лапацін,
вядучы навуковы супрацоўнік Веткаўскага музея стараабрадніцтва і беларускіх традыцый імя Ф.Р. Шклярава, г. Ветка, Рэспубліка Беларусь
E-mail: lapacin@mail.ru

У артыкуле на прыкладзе парэмій, фальклорных тэкстаў, пабытовай практыцы носбітаў традыцыі беларускага пасёлка Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці разглядаюцца ўяўленні пра гасціннасць, як рысу характара мясцовага насельніцтва. У аснове пулікацыі палявыя запісы аўтара, зробленныя ў 2005 – 2019 гг. Прыярытэт у даддзенным даследаванні адводзіцца парэміям, паколькі парэміі сведчуць аб самым устойлівым у жыцці чалавека. І гэта натуральна: тое, што замацавана прыказкай, прымаўкай, выслоўем, фразеалагізмам, хутчэй за ўсё, тыпова, а не выключна. Дзякуючы гэтаму праз парэміі ад пакалення да пакалення перадаецца жыццёвы вопыт.
Ключавыя словы: диалектная паремия, беларуская вёска, носбіт традыцыі, взаимоотношения.

"THANK YOU FOR THE BREAD AND SALT, FOR GRACE...": from the experience of studying dialect paremia

G.I. Lapacin,
Museum of oldbelivers
and Byelorussian traditions named after F.G. Shklyarova,
Vetka, Belarus
E-mail: lapacin@mail.ru

The article on the example of proverbs, folklore texts, everyday practice of media traditions of the Belarusian village Amyalnoe Vetka district, Gomel region considered idea of hospitality as a trait of the local population. At the heart of pulikatsyi field recordings of the author, made in 2005 - 2019 years. Priority is given to research daddennym paremias as paremias indicate the most stable in human life. And it is natural that the fixed proverbs, sayings, idioms, most likely, typically, but not exclusively. Through this through from generation to generation is passed paremias experience.
Key words: dialect proverbs, the Belarusian village, bearer of tradition, Relationships.

Развіццё мовазнаўства апошніх гадоў, як вызначае ў сваёй манаграфіі А.С. Дзядова, характарызуецца перамяшчэннем навуковых інтарэсаў многіх даследчыкаў у сферу лінгвакультуралагічнага аналізу моўных з’яў і катэгорый, звязаных з апісаннем нацыянальнай карціны свету тога ці іншага народу. [4] Безумоўна, стварэнне парэміялагічнай карціны сусвету — гэта, перш за ўсё, стварэнне пры дапамозе ўстойлівых моўных адзінак вобраза чалавека, які жыве ў гэтым сусвеце. Свой унёсак у распрацоўку гэтай тэмы робяць і беларускія навукоўцы. Асобна, на мой погляд, трэба вызначыць манаграфічныя працы А.С. Дзядовай і В.А. Ляшчынскай [11], у якіх носьбіт традыцыі характэрызуецца з улікам асаблівасцей усіх яго пачуццяў, рысаў характару, светапогляду, фізічнага стану. Разам з тым, існуе шмат артыкулаў, у якіх “цэльны” вобраз беларуса “разабралі” на асобныя канцэпты. Пра тое, што гасціннасць займае паміж імі адметнае месца ў традыцыях беларусаў, сведчыць вялікая колькасць адмысловых парэмій, якія прыводзяцца ў акадэмічным выданні “Выслоўі”, дзе яны займаюць асобны падраздзел у раздзеле “Вітанні і зычэнні”. Прычым трэба заўважыць, што ўкладальнік выкарыстоўвае як свае асабістыя запісы, так і парэміі з прац У.М. Дабравольскага, Я.А. Ляцкага, Е.Р. Раманава, А.К. Сержпутоўскага, М.Я. Нікіфароўскага, П.В. Шэйна, І.І. Насовіча, Ч. Пяткевіча, М. Федаровіча, а таксама запісы сучасных даследчыкаў. [2,169-175] Па такім самым прынцыпе прыводзяцца падобныя парэміі ў двухтомным выданні “Прыказкі і прымаўкі” [13]. У вялікай колькасці падобныя адзінкі прыводзяцца ў асобных дыялектных фальклорных зборніках слоўніках: Н. Гілевіч [3], А. Зайка [5, 6], Прыказкі [13, 381– 406.]

Як з’явы лінгвістыкі, этналінгвістыкі, фальклору гасціннасць беларусаў разглядаюцца ў артыкулах Р.М Кавалёвай [8], А.Л. Садоўскай і Г.П. Латушкі [14], К.С. Піявар [12], Ж. Клімянок [7]. На прыкладзе парэміі яго разглядае ў сваёй манаграфіі А. Дзядова [4, 111-114] Гасціннасць, як пабытовую з’яву, разглядае М. Грынблат [2, 10-12] Асобна трэба адзначыць артыкул І.С. Сіманавай, у якім даследчыца разглядае гісторыю пытання [16].

Адметнасць гэтай публікацыі ў тым, што сітуацыя з гасціннасцю разглядаецца на матэрыяле аднаго асобна ўзятага населенага пункта. У яе

аснове — мае размовы з былой жыхаркай п. Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці, адселенага пасля аварыі на ЧАЭС, Варварай Аляксандраўнай Грэцкай, 1925 г. н., якія адбываліся на працягу 2005 — 2019 гг. Гэтая жанчына — увасабленне сапраўднага носбіта традыцыі. Паводле яе аповдаў, яна запазычыла свае веда ад бабулі, маці, іншых старэйшых аднавяскоўцаў. На момант падрыхтоўкі публікацыі вылучана 2300 парэмічных адзінак. [9]

Уяўленне пра "гасціннасць" уваходзіць у "гасцяванне" як у больш шырокае паняцце. Мой зварот да гісторыі пытання, а таксама адмысловыя размовы падчас экспедыцый дазваляюць пагадзіцца з тым, што гасцяванне — з'ява этыкетная. Так І.С. Сіманава са спасылкай на А.К. Байбурына, разглядае яе як этыкетную сітуацыю, у якую трэба правільна ўвасці і правільна выйсці [16]. Гасцяванне заўсёды рэалізуецца ў форме дыялогу, дабразычлівага альбо недабразычлівага, удзельнікамі якога з'яўляюцца гаспадар (гаспадары) і госць (госці). І ў гэты дыялог трэба не толькі ўвайсці і выйсці, але і рэалізаваць сябе ўнутры яго адпаведна традыцыі.

Сапраўды, вялікая роля ў амяленскай традыцыі адводзілася таму, як госць увайшоў у хату, што сказаў, як павітаўся. Безумоўна, былі у Амяльным традыцыйныя: "добры дзень", "добры вечар", "хлеб да соль". Але ж на "**хлеб да соль**" маглі адказаць: "**Ядзім, да свой!".** Разам з тым, было і сваё, адметнае, амяленскае: "**Мір вашай бяседзі... Прыміця і нас у суседзі"**. <Бяседа – гэта што?> Кампанія.... І **кампанія** і **бяседа** – ета тоя самая... Сабраліся... Хто заве "кампанія", хто заве "бяседа". <Мір – што такое?> Спакойствіе штоб было… Разам з тым, вызначанае вітанне існавала і ў выглядзе дыялогу: "Скрозь казалі... І калісь... Прыходзяць: "Мір вашай бяседзі!.." – "Хадзіця к нам у суседзі". Трэба адначыць, што дадзеным вітаннем далучаліся практычна да любой кампнаніі: "Ці як ядуць, ці гулянне якоя, дак прыдуць: "Мір вашай бяседзі..."

Па-асабліваму выглядала ў Амяльным прапановы госцю, як зайсці ў хату: **Праходзь, Ярёма!.. Вон ляжыць салома.... Угашчайся..**" "**Праходзь, Ярёмка, вон ляжыць і саломка**, так і знайдзі сабе месца, каб прысесці. Апошняе адбывалася ў выглядзе жартаўлівага дыялогу: "**У нас не гардзяцца, дзе месца ё, і садзяцца.** Калі прыходзяць... Дзед Майка прыдзя к нам ці Касцючкаў дзед... Касцючкаў, дак тэй такі трохі вежлівы быў, а дзед Майка прыходзя, паздароваіцца, глядзіць, баба ці матка: "Майка! **У нас не гардзяцца, дзе месца ё, і садзяцца**". А ён: "Ну, як, Палашка, **і дзе грязна, дак абцяру, а дзе чыста, дак там я** што здзелаю?.." А матка: "Ня знаю, што ты здзелаіш". – "А на тоя места насяру". А матка: "І так будзя добря. Ідзе грязна, абцяры, а дзе чыста, дак насяры". <Усі так казалі?> Да. Прыходзяць: "Ну, праходзьця, садзіцесь... У нас не гардзяцца, і дзе месца ё, і садзяцца". Ён будзя казаць: "**Еслі грязна абцяру, а еслі чыста, дак насяру**".

Адпаведна мэты, з якой прыходзілі ў госці, вызначаюцца тыя, хто прыходзіў для таго, каб цікава правесці час, пагутарыць, і тыя хто прыходзіў, каб смашна пачаставацца. "**Не дорага піва, а дорага дзіва** — гэта пра першых. Другія вызначаліся як бліннікі, якія любілі **двары счытаць**, альбо **бліны счытаць**. "Усі так казалі, і ў Закружжы казалі... Калісь Вольга казала: "Прывыкла... Як уранні пайду к Мар'іцы збегаю, тады к Сенцы збегала, к Машовым... Прыхожыю, яны: "Бяры. Бліна атламі нашага..." Я нятрошкі, а паўбліна бяру. Яе матка кажа: "Ну, пабегала ўжо, **пасчытала двары**?" – "Пасчытала..." <Двары счытаць і бліны счытаць.... Адно і тое?> Адно і тое…У двор жа прыдзя, пасчытая, і бліны пакушая, пасчытая". Існавалі ў Амяльным для аматараў чужых пачастункаў і больш жорсткія вызначэнні: "Во калісь на Пікулінага ўсё казалі... Едуць удваіх ці ідуць, гаворяць: "Пашла ўжо пара. Пашлі **лізаць чужыя міскі**". Будуць гаварыць, а ты б ужо стаяў, да і сказаў: "Ну, як жа... Куды іголка, туды і нітка. Сам ідзець, штоб жа і жонка нажралася тама". На любога. Ты б ішоў з жонкай, кажаць: "Куды-та яны з жонкай пашлі? Кудысь ужо прыбраўшы..." Будуць казаць: "Ну, куды?.. Чужыя міскі лізаць". Ідуць у госці... **Чужыя ж міскі лізаць**... Ядуць із чужых жа місак. Калісь Пікулін быў, смяяліся: "Па Марозаўцы ўсі міскі павылізаў". І быў у нас Парукаў, век **чужыя міскі не лізаў**. Не хадзіў нікуда! Астальныя былі... Кіўні, яны ідуць на гарэлку".

Запрашэнне пачаставацца адбывалася ў выглядзе жартаўлівага дыялогу: **"Хадзі з намі есць..." – "Што ты смашнага зварыла?" — "Будзіш есць мяса і каўбасу, і піражочкі на мяду..." – "Ну, ета давай..." – "Толькі мёд не пчаліны, а з мух і авадзіны..." – "Не, еты мне ня нада..."** Але, як правіла, пачастункі, залежылі ад заможнасці гаспадароў: "**Чым багаты, тым і рады...**" Асабліва выглядала запрашэнне да стала ў адносіха да гасцей, якія сароміліся аб'ессць гасападароў: **"Ротам не аб'ясі, як ношкай не панясі".**

Аматары пачастункаў павінны мець на ўвазе наступнае: "**Сколькі чужыя абеды не ядуць, а дамоў жраць скарэй бягуць. Чужы абед у пользу не ідзець. У гасцях пад'ясі, уся раўно хочыцца есць**".

Аматар хадзіць па гасцях павінен мець пачуццё меры: **Ідзе любяць, не ўчасцяй, а ня любяць, нагі не накладай**". Госці падзяляюцца на **дарагіх і залатых гасцей,** і на нязваных. Пра апошніх казалі: "**Незваны госць – худжэй татарына". Адсюль: які госць – такая і чэсць. Харошаму госцю хату расчыню, а плахога, так і з хаты замяту. Прыехалі незваныя, едзьце несланыя**". Госць павінен разумець, што **Як у**

гасцях не гасьцюй, а супраць сумку дамоў гатуй. Як не гасцюй, а сумку гатуй. Колькі госць не гасцюя, а ўсё раўно сумку гатуя. Сумку ў катомку.

Назойлівасць і адсутнасць у гасцей пачуцця меры не віталіся: **Сытага добря і ўгашчаць. Любы госць – як голы косць. Прыехалі госці, дак аб'елі і косці. Галоднага век ні накорміш, калі свайго німа.**

Найвышэйшая мера гасціннасці – гасцінна сустрэць недобразычліўца: "**Урага накармі, напаі і прямую дарогу ўкажы. Добры чалавек і сам дарогу найдзе**". Сапраўды, паводле аповедаў Варвары Грэцкай. пачаставаць госця, ня гледзячы на яго статус, справа не апошняя. У гэтым яны з'яўляюцца нашчадкамі старажытнай традыцыі. А. Тапаркоў і А.К. Байбурын са спасылкай на Л. Я. Штэрнберга, вызначаюць: "У аснове гасціннасці <...> ляжыць рэлігійнае патрабаванне, а не толькі сімпатыя да блізкага ці сацыяльны этыкет. Яны лічаць абавязкам выяўляць сваю гасціннасць не толькі да падарожніка, не толькі сапраўды голаднаму, але і ў такіх выпадках, дзе, з нашага пункту гледжання, у гэтым няма ніякай патрэбы. Колькі б раз у дзень ні з'яўляўся сусед, неадкладна госцю прапануюцца ўсе стравы, якія маюцца ў гаспадара. Грэх не паставаць, не падзяляцца ежай. Прычына ясная: кормяць чалавека багі, прычым галоўным чынам радавыя багі, якія даюць ежу не аднаму чалавеку, а цэламу роду, які прыносіць яму ахвяры. Таму есці, не дзелячыся з прысутным сваяком, і наогул не карміць яго — "грэх", які можа пазбавіць спрыяння богаў-кармільцаў" [1, 86]. Безумоўна, прадстаўнікі амяленскай традыцыі неабцяжараныя гэтымі вызначэннямі, але яны маюць сваё фальклорнае мінулае і сучаснае. У гэтым плане паказальна выглядае амяленскі варыянт агульнараспаўсюджанага сюжэта пра хлеб на сабачаю і кацінаю долю:

"Калісь баба наша казала. Былі каласы: такая во саломка, а эта ўсё — колас. Такі бальшы. Бог прышоў, сказаў: "Мала з вас…" Пцічкі лятаюць, мы ж адганяім. У міне калісь проса, дак я і варону дохлаю вешала, яны п'юць эты каласы. Чалавек адганяў пцічак. Бог сказаў: "Ну раз так! Божыя пцічкі, а вы іх адганяіця. Я даў і на крадзяшчых, і на прасяшчых, і на чалавеку едзяшчых. Даў на ўсіх. А раз ты такі", — узяў іздвінуў калосок. "Вот, — гаворя, — быў бальшы колас (рукой ідзвінуў) толькі малы каласок. Сказаў: "Будуць і пцічкі есць, і вы будзіця карміць і катоў, і сабак — і ўсіх. Раз вы такія жадныя, я даў вам бальшы колас. Хваця і на пцічак". І сказаў, усё баба наша казала: "Нікада чалавека… Сколькі ні давай яму дабра, усё раўно, яму мала, мала, мала — усё мала. Дак, вот вам!" Аставіў колькі. А каласы калісь, прабаба бабіна казала: "Калісь каласы былі во такія во... І дожч не валяў, і вецер не валяў. Вот Бог так даваў. "А раз вы жадныя такія, што пцічкам жалеіця. Дзе ж ім чаво ўзяць паесць? Я даў на ўсіх, што б вы сеялі, і пцічкі елі, і сабачкі". Эта – шчэ мая баба і бабіна прабаба, эта тры пакаленні прашло". [9, 38–40]

І яшчэ ў тэму : "Усе калісь баба наша казала, будзім есці, яна лусцінку возьме адрэжа, паложа і нам ужо прыказые: "Ня трогайця. Ета прыдзя Ісус Хрыстос ці ангелы прыдуць. Штоб яны хоць па разку ўкусілі хлеба лусцінкі. І штоб міскі былі чыстыя. А то прыдзя Ісус Хрыстос, ён бы рад наліць сабе што-нібудзь пад'есць".

У пабытовых стасунках гэта рэалізавалася ў парэміі: "**Кінь хлеб назад, дак ты яго і возьміш у запас:** "Кажаць: "**Кінь хлеб назад, дак ты яго і возьміш у запас.** А ня кінь, сам сажрэш, а другому не дасі, дак будзя ў тога, дак і табе во такога дасць… Даў бы ты… Ты б выцягнуў, да я сядзела, да есць хацела, а ты сам сажраў… А я б ела, да было ў мяне, дак сказала б: "Ты ж мне хлеба не даў… Дак **кінь хоць кусочык назад, дак і будзіш тому кусочку рад, хто табе дасць**… А не дасі, дак хто ж табе дасць…" І разам з тым: Не ўгашчай — і не ўкаряй. "Казалі... Угосціш: "На-ка, я цябе ўгашчу..." Ты мяне ўгосціш, да будзеш укаряць, дак лучшэ і не ўгашчай, і не ўкаряй..."

Паводле распавяданага Варварай Грэцкай, жыхары Амяльнога ўмелі не толькі прыгожа павітацца, а што не менш істотна, умелі прыгожа развітацца, падзякаваць за пачастунак, за цікава праведзены час: "**Спасіба табе за хлеб, за соль, за благадаць, а больш нечага табе сказаць.** <Благадаць – гэта што?> Усё добрае".

Не заставаліся ў даўгу і гаспадары: "**Ідзі, Ярёма, а мы астаёмся дома". "Спасіба, што прышоў..." "Прыходзь, Ярёма, усі будзім дома..."**

І зноў у выглядзе дыялогу: "**Спасіба тому, хто кормя..." – "Спасіба тому, хто жрэ і помня..."**

Тым не менш, жыхары Амяльнога добра разумелі, што не заўсёды адчуваеш сябе ў гасцях, **як дома**, адсюль: **Дома і салома ядома. Харашо ў гасцях, а дома лучшэ. Хараша Масква красой, да абычай не харош.** І гэта таму, што: "**Дзе кулік прывык... У балоці**".

Безумоўна, практычна ўсе прыведзенныя ў публікацыі парэміі сведчаць пра гасціннасць, душэўнасць, дабрыню жыхароў Амяльнога, але ёсць адна аклічнасць, на якую таксама нельга не звярнуць увагі. На агульнабеларускім матэрыяле гэта прааналізавала ў адмысловай публікацыі Ж. Клімянок. "Прыказка звычайна адлюстроўвае кемлівасць, дасціпнасць, працавітасць беларуса, яго аптымістычнае светаўяўленне. У сучасным грамадстве існуе стэрыатып, што прыказкі павінны быць жыццясцвярджальнымі. Але матэрыял шматлікіх парэміялагічных слоўнікаў выяўляе і адметныя адваротныя прыклады, якія мы выкарыстоўваем у якасці аб'екта даследавання. Нашу ўвагу прыцягнулі прыказкі, якія звяртаюцца

непасрэдна да ўспрыняцця жорсткай рэальнасці жыцця", – вызначае даследчыца. [7, 137] Амяленская традыцыя ў гэтым не выключэнне. Калі госць сапраўды быў у вышэйшай ступені непажаданы, ён мог пачуць у свой бок: "**Там — Бог, а тут — парог**!"

Прааналізаваўшы парэміі, зафіксаваныя ад Варвары Грэцкай, у якіх увасабляюца ўяўленні пра гасціннасць, можна зрабіць высновы, што гасціннасць, як рыса характару жыхароў Амяльнога, шырока адлюстроўваецца ў мясцовай гаворцы.

Літаратура

1. Байбурин, А.К., Топорков, А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков. – Ленинград: Наука, 1990. – 168 с.

2. Выслоўі [Склад., сістэматызацыя тэкстаў, уступ. артыкул і камент. М. Я. Грынблата. Рэд. тома А. С. Фядосік]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 520 с., іл.

3. Гілевіч, Н. Дыялектны слоўнік /Н. Гілевіч. – Мінск: Беллітфонд, 2005. – 176 с.

4. Дзядова, А. С. Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі : манаграфія / А. С. Дзядова ; М-ва адукацыі РБ, Установа адукацыі "Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава", Каф. беларус. мовазнаўства. — Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. — 161 с.

5. Зайка, А.Ф. Прыказкі і прымаўкі, жарты і каламбуры, прыгаворкі і язакаломкі, вясельныя прыгаворкі пры дзяльбе каравая, вітанні і зычэнні, ветлівыя і ласкавыя выразы, засцярогт т прысягненні, праклёны і адкляцм, жартоўныя праклёны і дражнілкі-кепікі, зневажанні і параўнанні, прыкметы народнага календара з Косаўшчыны / А. Зайка. Мінск: Тэхналогія, 2015. – 286 с.

6. Зайка, А.Ф. Фразеалагічны слоўнік Косаўшчыны / А.Ф. Зайка — Брэст: ААТ "Брэсцкая друкарня", 2004. – 308 с.

7. Клімянок, Ж. "Жорсткая" прыказка / Ж. Клімянок // Фальклярыстычныя даследаванні :Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. навук. арт. Вып. 8 / пад нав. рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка; уклад.: Т. А. Марозава. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – С.137-139.

8. Ковалева Р.М. Гостеприимство как духовная составляющая в белорусских паремиях // Мова — літаратура — культура: II Міжнар. Навук. канф., прысвеч. 130 годдзю з дня нараджэння Янкі Купалы і Якуба Коласа, 27–28 верас. 2012 г., Мінск, БДУ: зб. навук. арт. /пад агул. рэд Т.І. Шамякінай. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2012. – С. 310 – 315.

9. Лапацін, Г.І. "К каждаму разгавору прыказка ё..." З вопыту вывучэння дыялектнай фразеалогіі. Матэрыялы да фразеалагічна-парэміалагічнага слоўніка асобы. Варвара Аляксандраўна Грэцкая. Запісы 2005 – 2012 гг. У 2 ч. На правах рукапісу. /Генадзь Лапацін. – Гомель, 2017. – 112, 115 с.

10. Лопатин, Г. И. Легенды о кошачьей и собачьей доле / Г. И. Лопатин // Живая старина. 2010. № 4. С. 38–40.

11. Ляшчынская, В.А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В.А. Ляшчынская – Мінск:РІВШ, 2015. – 224 с.

12 Півавар К.С. Гасціннасць беларусаў: аб'ектывацыя ў мове і тэксце / К.С. Півавар //Наука — образованию, производству, экогомике: материалы, XX (67) Регион. науч. –практ. конф. препод., науч. сотруд. и аспира., Витебск, 12-13 марта 2015 г.: в 2-х т. /Витеб. гос. ун-т: редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2015. – Т. 1. – С. 150-152.

13. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад. М. Я. Грынблата. Рэд. А. С. Фядосік.– Кн. 1. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 560 с. С. 381– 406.

14. Прыказкі Лагойшчыны. Запісаў Адам Варлыга. Выданьне Фундацыі ім. Пётры Крэчэўскага. New York – 1966 – München. –133 с.

15. Садоўская, А.Л., Латушка, Г.П. Да разумення канцэпта "госць" у беларускай этнакультурнай прасторы / Садоўская А.Л., Г.П. Латушка // Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў. - Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 172–175.

16. Симонова И.С. История этнологического изучения традиционного этикета белорусов / И. С. Симонова // Вестник Полесского государственного университета : научно-практический журнал / учредитель УО "Полесский государственный университет". — 2011. – № 1. – С. 34–39.

Refrences

1. Bajburin, A.K., Toporkov, A.L. (1990). *U istokov ehtiketa. Ehtnograficheskie ocherki*. [*At the origins of etiquette. Ethnographic essays*]. Leningrad: Nauka. (In Russ).

2. *Vyslovi* [Sklad., sistehmatyzacyya tehkstav, ustup. artykul i kament. M. YA. Grynblata. Rehd. toma A. S. Fyadosik]. [*Proverbs*]. (1979). Minsk: Navuka i tehkhnika. (In Bel).

3. Gilevich, N. (2005). *Dyyalektny sloŷnik* [*Dialect dictionary*]. Minsk: Bellitfond. (In Bel).

4. Dzyadova, A. S. (2013). *Chalavek u lyustehrku belaruskaj frazealogii i parehmiyalogii : managrafiya*. [*Man in the mirror Belarusian phraseology and paremiology*]. Vicebsk : VDU imya P. M. Mashehrava. (In Bel).

5. Zajka, A.F. (2015). *Prykazki i prymavki, zharty i kalambury, prygavorki i yazakalomki, vyasel'nyya prygavorki pry dzyal'be karavaya, vitanni i zychehnni, vetlivyya i laskavyya vyrazy, zascyarogt t prysyagnenni, praklyony i adklyaccm, zhartoŷnyya praklyony i drazhnilki-kepiki, znevazhanni i paraŷnanni, prykmety narodnaga kalendara z Kosaŷshchyny* [*Proverbs and sayings, jokes and puns, prigovori and ascolani, wedding prigovori in the division of the loaf, greetings and wishes, polite and affectionate expressions, warning t prisyagniy, curses and atlatia, humorous curses and teasers-caps, trampling and comparison, characteristics of the folk calendar of Kosau*]. Minsk: Tehkhnalogiya. (In Bel).

6. Zajka, A.F. (2004). *Frazealagichny slovnik Kosaŷshchyny* [*Phraseological dictionary of Kosau*]. Brest: AAT "Brehsckaya drukarnya". (In Bel).

8. Kovaleva R.M. (2012). Gostepriimstvo kak duhovnaya sostavlyayushchaya v belorusskih paremiyah. *Mova — litaratura — kul'tura: II Mizhnar. Navuk. kanf., prysvech. 130 goddzyu z dnya naradzhehnnya Yanki Kupaly i Yakuba Kolasa*. [Hospitality as a spiritual component in the Belarusian paroemias. *Language-literature-culture: II international scientific conference dedicated to the 130th anniversary of Yanka Kupala and Yakub Kolas*]. Minsk: Vyd. cehntr BDU. 310–315. (In Bel).

9. Lapacin, G.I. (2017). "*K kazhdamu razgavoru prykazka yo..." Z vopytu vyvuchehnnya dyyalektnaj frazealogii. Matehryyaly da frazealagichna-parehmialagichnaga sloўnika asoby. Varvara Alyaksandravna Grehckaya. Zapisy 2005 – 2012 gg. U 2 ch. Na pravah rukapisu*. ["*Every conversation has a proverb." From the experience of studying dialect phraseology. Materials to idiomatic-dictionary paremiological face. Varvara Alexandrovna Greek. Records 2005-2012*]. Gomel', 112, 115 s. (In Bel).

10. Lopatin, G. I. (2010). Legendy o koshach'ej i sobach'ej dole. *Zhivaya starina*. [Legends of the cat's and dog's share. *Living antiquity*]. № 4. S. 38-40. (In Russ).

11. Leszczynskaya, V. A. (2015*). Basic concepts of phraseological picture of the world Belarusians*. [*Basic concepts of phraseological worldview of Belarusians*]. Minsk: National Institute of Higher Education.

12. Півавар К.С. (2015). Гасціннасць беларусаў: аб'ектывацыя ў мове і тэксце. *Наука — образованию, производству, экогомике: материалы, XX (67) конференции*. [Gostepriimny Belarusians ¡move the first taxa. *Science — education, production, ecohamaca: materials XX (67) of the conference*.]. Vitebsk. In 2 vol. 1, 150-152.

13. Fyadosik A. S. (Ed.) (1976). Prykazki i prymavki v dzvyuh knigah / sklad. M. YA. Grynblata. Rehd.. Kn. 1. Minsk: Navuka i tehkhnika, 381–406. (In Bel).

14. Prykazki Lagojshchyny. Zapisaў Adam Varlyga. (1966). Vydan'ne Fundacyi im. Pyotry Krehchehўskaga. New York –München. (In Bel).

15. Sadovskaya, A.L., Latushka, G.P. (2013). Da razumennya kancehpta "gosc"' u belaruskaj ehtnakul'turnaj prastory / Sadoўskaya A.L., G.P. Latushka // Belaruska-ruska-pol'skae supastaўlyal'nae movaznaўstva, litaraturaznaўstva, kul'turalogiya : zbornik navukovyh artykulaў. - Vicebsk : VDU imya P. M. Mashehrava, 172–175. (In Bel).

16. Simonova I.S. (2011).Istoriya ehtnologicheskogo izucheniya tradicionnogo ehtiketa belorusov / I. S. Simonova // Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta : nauchno-prakticheskij zhurnal / uchreditel' UO "Polesskij gosudarstvennyj universitet", 1, 34–39. (In Russ).

УДК 821.161.3-1

СІНТАКСІЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ ТЭКСТАЎ ТВОРАЎ БЕЛАРУСКАГА ФАЛЬКЛОРУ

Л.М. Мазуркевіч
дацэнт, кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі
Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П.Шамякіна,
г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
E-mail: sidora-71@tut.by

В статье анализируетсясинтаксическая организация текстов белорусских народных сказок, легенд и преданий, которая обусловлена спецификой данного жанра и которая способна передать естественную интонацию живой речи. Использование методов описания и контекстного анализа позволяет проследить особенности коммуникативной синтаксической организации названных текстов, а также стилеобразующую функцию рассматриваемых синтаксических единиц. Делается вывод о том, что поэтический синтаксис – достаточно важный компонент поэтики эпического произведения, а синтаксические особенности изучаемых текстов создаются посредством активного использования стереотипных формул, диалогов, органическим единением простой и косвенной речи, употреблением разных предложение по грамматической структуре, что способствует созданию особенной эпической атмосферы и раскрытию задумки произведения.

Ключевые слова: фольклор, специфические приемы,синтаксические особенности, синтаксические средства, стереотипная формула.

SYNTACTIC TEXT ARRANGEMENT IN THE WORKS OF BELARUSIAN FOLKLORE

L.M. Mazurkevich,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor Department of
Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sidora-71@tut.by

The article deals with the syntactic arrangement of the texts in Belarusian fairytales, legends and traditions, which is caused by the peculiarities of this genres and it can express the natural intonation of vivid speech. The usage of descriptive methods and context analysis gives a possibility to trace the peculiarities of the communicative syntactic arrangement of such texts, and also the style-forming function of these syntactic units. The poetic syntax is quite an important component of the epic work poetics, and syntactic peculiarities of such texts are created with the help of frequent usage of stereotype formulae, dialogues, natural unity of direct and indirect speech and using different sentences according to their grammatical structure, it contributes to the creation of the specific epic atmosphere and the revealing of the idea of the work.
Keywords: folklore, specific means, syntactic peculiarities, stereotype formula.

Уводзіны

Дастаткова спецыфічная і непаўторная мова тэкстаў беларускага фальклору, у прыватнасціказак, легенд і паданняў з'яўляецца не толькі сродкам стварэння нацыянальнага каларыту. Разнастайныя вобразна-выяўленчыя сродкі і спецыфічныя сінтаксічныя прыёмы, якія выкарыстоўваюцца ў названых тэкстах, не толькі ўпрыгожваюць мову твора, але і выступаюць паралельна як адметны сродак перадачы камунікатыўнай задумы, выражэння яго зместу. Моўны матэрыял сведчыць, што сінтаксічныя адметнасці тэкстаў казак, легенд і паданняў абумоўлены найперш спецыфікай жанру і дазваляюць перадаць натуральную інтанацыю жывога маўлення, паколькі сінтаксіс адлюстроўвае менавіта адносіны паміж прадметамі і паняццямі.

Мэты і задачы

Асноўная мэта работы – прасачыць сінтаксічную арганізацыю тэкстаў беларускіх народных казак, легенд і паданняў у моўна-стылёвым аспекце.Рэалізацыя акрэсленай мэты прадугледжвае пастаноўку і вырашэнне наступных задач:разгледзець адметнасці камунікатыўнай сінтаксічнай арганізацыі абраных тэкстаў, прасачць функцыю выяўленых сінтаксічных адзінак як стылеўтваральных сродкаў.

Метады і матэрыял даследавання

Матэрыялам для даследавання паслужылі сінтаксічныя сродкі стварэння звязнасці тэкстаў казак, легенд і паданняў, разгледжаныя з выкарыстаннем метадаў кантэкстнага аналізу і апісання.

Вынікі і іх абмеркаванне

Сінтаксічныя адметнасці беларускіх народных казак, легенд і паданняў заключаюцца ў выкарыстанні тыповых для гэтых тэкстаў стылістычна маркіраваных сінтаксічных канструкцый, да якіх адносяцца ўстойлівыя фігуры, звароты да чытачоў, дыялог, інверсія,аднародныя члены сказа і інш. Традыцыйна казкі, а радзей легенды і паданні пачынаюцца з зачыну – устойлівай, тыповай стылістычнай фігуры, галоўная функцыя якой – папярэдняя падрыхтоўка да далейшага развіцця дзеяння: *Даўней было так: як састарэе бацька, то сын завязе яго ў глухую пушчу, ды і пакіне там…* [1, с. 180]; *Жыў сабе на свеце адзін добры чалавек. Было ў яго тры сыны – два разумныя, а трэці Іван-прастак* [1, с. 56]; *Былі ў бацькі два сыны. Выраслі яны, як дубы, а бацьку ўсё няма палёгкі* [1, с. 199]; *Даўным-даўно жыў тут дужы разбойнік Мацейка* [1, с. 19].У зачынах сведчыцца пашыранае выкарыстанне дзеясловаў тыпу*жыць, быць* у форме прошлага часу з выражэннем няпэўнай даўнасці дзеяння.

Завяршальным звяном кампазіцыі, напрыклад, беларускіх казак з'яўляецца канцоўка, якая, як і зачын, даволі часта набывае характар устойлівай слоўнай формулы тыпу*сталі жыць-пажываць (сталі жыць-пажываць, дабра нажываць)* і яе варыяцыі:*з таго часу, з тых пор* і інш.: *І цяпер* ***жыве-пажываеды дабра нажывае*** [1, с. 101]; ***Жывуць-пажываюць*** *і людзей у госці да сябе запрашаюць* [1, с. 93]; *Вярнуліся яны ў панскі дом і* ***сталі жыць-пажываць, дабра нажываць,*** *бацьку і людзям дапамагаць* [3, с. 427].У канцоўках чарадзейных казак сведчыцца такая ўстойлівая формула, як *і я там быў…, і цяпер там жывуць* і інш.: ***І я там быў****, мёд, віно піў, па вусах цякло, але ў роце не было* [3, с. 140]; ***І цяпер там жывуць****, мёд, віно п'юць, дзетак гадуюць, ні аб чым не бядуюць* [3, с. 20].

Устойлівая традыцыйная формула не толькі акаймоўвае казку. Вядома таксама мноства формул, якія знаходзяцца ў сярэдзіне тэксту і абмалёўваюць казачных персанажаў, паказваючы іх знешнасць, характар, учынкі, сілу і спрыт герояі інш.: *Рос ён* ***не па гадах, а па гадзінах****, не па гадзінах, а па мінутах* [3, с. 69]; *Я б яму нарадзіла дванаццаць сыноў-сакалоў:* ***волас у волас, голас у голас,*** *па запясці рукі ў серабры, па калені ногі ў золаце, у лбе зоркі, у патыліцы месік* [3, с. 96].

Характэрнай адметнасцю сінтаксісу аналізуемых тэкстаў з'яўляецца шырокае выкарыстанне дыялагічных адзінстваў,якія ўключаюць у сябе рэпліку-стымул і рэпліку-рэакцыюі якія драматызуюць сюжэт, надаючы яму дынамічнасць і экспрэсіўнасць. Для дыялагічных адзінстваў уласціва адзіная граматычная, сэнсавая і камунікатыўная цэласнасць, паколькі наступная рэпліка дэманструе лагічную залежнасць ад папярэдняй. Структурная арганізацыя дыялогу можа быць прадстаўлена як адным, так і некалькімі дыялагічнымі адзінствамі, дзе выразна прасочваюцца суадносіны рэплік. Кожнае такоеадзінства характарызуецца пэўнай тэма-рэматычнай структурай, агульнай камунікатыўнай накіраванасцю і канкрэтнымі камунікатыўнымі задачамі, што прадугледжваюць пераважна некалькі момантаў: перадаць пэўную інфармацыю або сфармуляваць пабуджэнне да дзеяння:

Мужык кінуў вокам на хату:

– А якая тут работа?

– Бачыш, вунь рошчына ў дзяжы?

– Бачу, – адказвае мужык.

– Дык намялі мукі ў жорнах, замясі цеста, а як падыдзе, пасадзі хлеб у печ.

– Ну, гэта работа лёгкая, – махнуў мужык рукою. – Яшчэ якая?

– Збі масла.

– І гэта няцяжкая [4, с. 186];

Наеўся, напіўся дзед, потым загадаў торбачцы згарнуцца, запхнуў яе за пазуху ды вясёлы пайшоў далей.

Прыходзіць дахаты:

– Ці жыва ты, бабка, ці здарова?

– А жыва, дзядулька! А ты як? Нешта ты надта доўга хадзіў. Я ўжо думала, цябе ваўкі з'елі ці мядзведзі задушылі, у мох завалаклі ды ламаччам закідалі.

– Не, бабка, ваўкі не з'елі, мядзведзі не задушылі, прынёс я хлеба-солі, на ўсё наша жыццё будзе даволі [4, с. 75];

Разгледжаныя дыялагічныя адзінствы пабудаваны пераважна па мадэлі "пытанне – адказ". І гэта натуральна для такога віду тэкстаў, бо атрымаць звесткі і любую іншую інфармацыю магчыма толькі шляхам пастаноўкі пытанняў. Як паказвае моўны матэрыял, у казачным дыялогу пераважна выкарыстоўваюцца складаныя рэплікі-рэакцыі, бо будуюцца яны на аснове двух і больш сказаў:

Павярнуўся Прожар, падняў сяк-так вейкі, вылупіў вочы.

– А скажы ж ты мне, падарожны: ці не жыве ў вашай Белай Русі асілак Ільюша, Іванаў сын? Мне пра яго ў старых кнігах вычыталі. І напісана ў тых кнігах, што толькі асілак Ільюша з Белай Русі пераможа мяне.

– Ёсць, – кажа Ільюша, – у нас асілак такі, гэта праўда. Чуў я, як ён сам казаў, што ўсіх ворагаў пабіў, адзін паганы Прожар недзе па свеце бадзяецца… [4, с. 165].

Можна адзначыць, што дыялогі сацыяльна-бытавых і чарадзейных казак перапоўнены характэрнымі для жывой гутарковай мовы ласкальнымі эпітэтамі-зваротамі, што таксама ўказвае на адметнасці пабудовы іх:*саколіку*, *голубе, сонейка*і г.д.:

– Ну, а што яшчэ ты хочаш, мужычок?

– Анічога, ***саколіку****. Цяпер дазволь паскакаць трохі ў тваіх пакоях* [4, с. 182];

– А мой, – кажа, – татачку, а мой ты ***саколіку*** [4, с. 45].

І маналог як асноўная форма паведамлення, і дыялог як сродак сюжэтнай дынамікі, стварэння вобраза вызначаюць відавочную спрошчанасць сінтаксічных канструкцый і лаканічнасць іх слоўнага ўвасаблення: *Жыў калісь у нашай зямлі князь Радар, які спярша кавалём быў, а пасля ж яго выбралі ў князі. А ў Ляцкай старане жыў кароль Лях, у якога быў Змей Крагавей. Панадзіўся Змей Крагавей у нашу старану хадзіць: прыйдзе, людзей паядае, а што не з'есць – пабівае. Думаў-думаў Радар: што рабіць? І пачаў ён лемяшы каваць ды дубы ламаць: задумаў велізарную саху зрабіць. Кожны лемех па пяцьсот пудоў, а паліцы са старога дубу, а лейцы з найбольшых сосен, якія былі ў пушчы. Зрабіўшы саху, занёс Радар у поле, палажыў яе пад лесам, а сам давай камяні цягаць ды вежу мураваць* [2, с. 89].

Асаблівасцю сінтаксісу прааналізаваных тэкстаў з'яўляецца арганічнае аб'яднанне простай і ўскоснай мовы. Пераважна гэта адбываецца ў выпадку, калі маналог аўтара-апавядальніка перарастае ў дыялог дзейных персанажаў: *Жонка кажа, што гэта нашы грошы, бо* ***мы*** *іх знайшлі, а чалавек кажа, што* ***мы*** *капаем яму гаспадару і выкапалі грошы на яго зямлі, дык гэтыя грошы трэба аддаць яму* [4, с. 189]. Такое аб'яднанне надае мове тэкстаў большую жвавасць і выразнасць.

Да сінтаксічных адметнасцей аналізуемых тэкстаў можна аднесці і дастаткова актыўнае выкарыстанне ў іх прыказак, прымавак, фразеалагізмаў, устойлівых спалучэнняў і трапных выслоўяў: *А няхай вас качкі стопчуць*[4, с. 60]; *Ведаеш, сынку, якая справа, такая й слава* [4, с. 75]. Праз выкарыстанне такіх адзінак мова тэкстаў нібыта "ажывае", а персанажы падаюцца асабліва яскрава:

Служыў у аднаго пана войт Васіль. Ён быў чалавек дужа багаты. Уміраючы, прыказаў ён свайму сыну Янку:

– Помні, сынок, гэта, што я табе гавару: ніколі з панам не дружы, жонцы праўды не кажы і чужых дзяцей за здольнікаў не бяры! [3, с. 75].

Акрамя таго, у сінтаксісе абраных фальклорных твораў назіраецца змяшэнне элементаў розных стыляў, што на граматычным узроўні сведчыцца спрошчанасцю сінтаксічных канструкцый: "*Ганна стала падымацца з крэслаў, каб пайсці, – і не можа. Як хто прыляпіў іх да сядзенняў! Ды крутанулася, ірванулася – праз дзверы і ходу... І ў добры час!"* [3, с. 65]; *Прыбег да берага, бачыць – людзей не відаць, а шум, гул, рагатанне, бразгат, боўтанне – страх якія* [2, с. 6];

Калі ж гаварыць пра адметнасці граматычнай будовы сказаў, то ў пазначаных тэкстах актыўна выкарыстоўваюцца простыя сказы.Зрэдку сустракаюцца няпоўныя, якія фіксуюцца найчасцей у маўленні дзейных персанажаў твораў: *Багацця вялікага я вам не пакідаю, але прашу ўважыць адну маю просьбу: прыходзьце да мяне на магілу начаваць тры ночы. Першую – старэйшы, другую – сярэдні, а трэцюю – малодшы* [4, с. 56]; *Убачыў ён царэўну Рожу, кінуў нерат – і да яе* [2, с. 4].Аднак у колькасных адносінах пераважаюць усё ж такі простыя ўскладненыя сказы. Як правіла, гэтае ўскладненне іх адбываецца шляхам уключэння ў сказы параўнальных зваротаў, прыдаткаў, звароткаў (развітых і неразвітых), адасобленых і аднародных

членаў сказа: *З разладу і гора памяраць сабраўся – рукі злажыў і ляжыць, чакае старую з касой* [3, с. 76]; *Такі ты ў мяне слаўны конюх быў, Янка Знайдзён* [3, с. 165]; *Куліна-а-а, Марына-а-а, хадзі, пайшлі-і-і* [2, с. 15]; *Адчыніўшы труну Чорнай Дамы, угледзелі забальзамаваную жанчыну, адзетую ва ўсё чорнае* [2, с. 7]; *Аднаго разу, метучы спальню, Марыя незнарок скінула са стала і разбіла гадзіннік* [2, с. 8].

Сведчанне складаных сінтаксічных канструкцый дазваляе гаварыць пра адметныя аўтарскія выяўленчыя магчымасці. Найбольш распаўсюджанымі па тыпе сінтаксічнай сувязі з'яўляюцца ў аналізуемых тэкстах складаназлучаныя сказы: *Не стаяла больш чужое шчасце папярок горла нікому, і не хавалі цяпер людзі вачэй адзін ад другога, і не таілі зайздрасць і злосць* [4, с. 45]; *Імя ён меў Сцяпан, але ўсе звалі яго проста Сцёпка* [3, с. 194]; *Надыходзіў зімовы вечар, а сонца яшчэ высока стаяла ў небе* [3, с. 23]. Яны пераважна выкарыстоўваюцца для апісання прыроды, знешнасці і псіхічнага стану герояў, іх учынкаў.

Даволі пашыранымі ў колькасных адносінах выступаюць скаладаныя сказы з рознымі відамі сувязі: *Вітаў двор быў прыродаю схаваны ад ворага: спераду непраходным балотам, што і цяпер цягнецца абапал рэчкі Хамычкі, хоць шмат ужо сушэйшае, як за тым часам: а за балотам і за дваром цягнуліся бясконцыя, адвечныя лясы, – тая старана і цяпер пушчаю завецца* [2, с. 19]; *Яму не хацелася сядзець ды спажываць тое дабро, якое меў, але хацелася ўсё ўбачыць, усё паспрабаваць, ці то салодкае, ці то горкае* [2, с. 19], а таксама складаназалежныя сказы з даданымі азначальнымі і з даданымі часткамі прычыны, што выкарыстоўваюцца для апісання падзей, перадачы думак герояў: *Пайшла па свеце прачутка, што прыйдзе такі чалавек, што людзям збавенне дасць* [3, с. 170]; *Захацелася таму пану паслухаць хоць адну казку, якой бы ён не паверыў* [3, с. 172]; *Давялося палову тавару аддаць, каб другую выручыць* [3, с. 177].

Менш пашыранымі выступаюць бяззлучнікавыя складаныя сказы, якія выкарыстоўваюцца пераважна ў выпадку, калі трэба канстатаваць факт таго, што падзея ці з'ява адбыліся: *Вось кажуць пра гэтую Чорную Даму людзі страхі нейкія: нібыта здань яе з'яўляецца па начах у былым замку князя Радзівіла* [2, с. 18]; *Сціхлі воды – замкавыя муры і вежы назаўсёды зніклі пад вадой* [2, с. 20].

Дарэчы, пашыранай з'явай у аналізуемых тэкстах стала інверсія, у выніку якой які-небудзь элемент аказваецца спецыяльна выдзеленым і атрымлівае адпаведна канатацыі эмацыянальнасці або экспрэсіўнасці. Асноўная функцыя інверсіі – экспрэсіўна-выдзяляльная. Па гэтай прычыне павышаецца сэнсавая нагрузка, значнасць інверсійнага слова ў тэксце: ***Падышоў ён*** *да яблыні, ударыў булавою – тая адразу павалілася і завяла* [3, с. 95]; *Пад'язджаюць да* ***лугу квяцістага****. Убачылі* ***вярбу цяністую****, і так спаць усім захацелася – рады няма* [3, с. 95]; *Недалёка ад вёскі –* ***возера глыбокае***[2, с. 25]; ***Надышла часіна злая****, Рыпіну пачалі катаваць* [2, с. 25].Пазначаная з'ява дазваляе акцэнтаваць увагу чытача на пэўным слове (словах), узмацняе значнасць яго (іх). Самымі частымі паводле ўжывання ў тэкстах з'яўляюцца два тыпы канструкцый: інверсія галоўных членаў і інверсія дапасаваных азначэнняў: ***Будуць ехаць яны****, захочуць коней на лузе папасвіць, а самі пад вярбой адпачыць* [3, с. 94]; ***Загадала яна*** *слугам нацяпліць* ***лазню жалезную*** [3, с. 98]; *У адным месцы абапал Птыча-рэкі* ***высяцца дзве горкі дужа красныя****, а пасярод ракі востраў ляжыць* [2, с. 28]; ***Быў дзень ясны, харошы*** [2, с. 29].

Вывады

Такім чынам, выкарыстанне разгледжаных сінтаксічных канструкцый у тэкстах казак, легенд і паданняў дазваляе па-мастацку аздобіць твор, надаць зместу лагічную завершанасць, стварыць асаблівую эпічную атмасферу і дакладна адлюстраваць аўтарскую задуму.

Літаратура

1. Беларускія народныя казкі: Зборнік / склад. Г.А. Барташэвіч, К.П. Кабашнікаў; уступ. арт. К.П. Кабашнікава. – 2-е выд., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – 512 с.

2. Бяздоннае багацце: легенды, паданні, сказы / склад. А.І. Гурскі. – Мінск: Маст. літарат., 1990. – 255 с.

3. Два браты: Беларускія народныя казкі / уклад. М. Журавіна; маст. В.А. Макаранка. – Мінск: Юнацтва, 1998. – 479 с.

4. Жывая крыніца: Вусн. нар. творчасць / уклад. М.А. Зелянкова; маст. Г.В. Шапялевіч. – Мінск: Юнацтва, 1991. – 271 с.

References

1. *Belaruskija narodnyja kazki: Zbornik* (1986), [*Belarusian folk tales: a collection*]. 2-e vyd., dap. Minsk: Navuka i tjehnika.

2. *Bjazdonnae bagacce: legendy, padanni, skazy* (1990). [*Fathomless riches: legends, stories, suggestions*]. Minsk: Mast. litarat., 1990.

3. *Dva braty: Belaruskija narodnyja kazki*. (1998). [*Two brothers: Belarusian folk tales*]. Minsk: Junactva.

4. *Zhyvaja krynica: Vusn. nar. tvorchasc"*. (1991). [*Living source: oral folk art*]. Minsk: Junactva.

УДК 81’42

ЯЗЫК ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ БОЙЦОВ 61-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ, СФОРМИРОВАННОЙ В г. ПЕНЗЕ И СРАЖАВШЕЙСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

И.Г. Родионова
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Россия
E-mail: Inessa96@bk.ru

В статье рассматривается структура и содержание писем бойцов 61-й стрелковой дивизии, выявлены языковые средства восприятия и отражения военной действительности в эпистолярных текстах участников Великой Отечественной войны. С использованием метода языкового анализа и описательного метода на материале писем, опубликованных в книге пензенского историка Г.П. Тамбовцева «У истоков Победы», показаны особенности обращений и приветствий в письмах с фронта, описано тематическое содержание писем, этикетные формулы прощания. Делается вывод о том, что структуру писем нельзя считать строгой и устойчивой, тематика многообразна, но типична для фронтового эпистолярного текста. Данные особенности обусловлены экстремальной обстановкой, в которой создавались письма. Язык фронтовых писем выражает отношение их авторов к происходящим событиям и показывает их мысли и чувства, которые в первую очередь связаны со стремлением освободить страну от фашистских захватчиков и обеспечить мир и спокойствие своим близким и всем соотечественникам.

Ключевые слова: эпистолярный текст, фронтовое письмо, Великая Отечественная война, структура, содержание, языковые особенности.

LANGUAGE OF THE FRONT LETTERS OF THE FIGHTERS OF THE 61st ARROW DIVISION FORMED IN PENZA AND BATTLED IN THE TERRITORY OF BELARUS

I.G. Rodionova
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department
«Russian language and methods of teaching Russian language»
Penza State University,
Penza, Russia
E-mail: Inessa96@bk.ru

The article discusses the structure and content of the letters of the fighters of the 61st Infantry Division, identifies language means of perception and reflection of military reality in the epistolary texts of the participants of the Great Patriotic War. Using the method of language analysis and the descriptive method on the material of letters published in the book of the Penza historian G.P. Tambovtsev «At the source of the Victory», features of appeals and greetings in letters from the front are shown, the thematic content of letters, etiquette formulas of farewell are described. It is concluded that the structure of letters cannot be considered rigorous and stable, the subject matter is diverse, but typical of front-line epistolary text. These features are due to the extreme situation in which the letters were created. The language of front-line letters expresses the attitude of their authors to the events taking place and shows their thoughts and feelings, which are primarily associated with the desire to liberate the country from the fascist invaders and ensure peace and tranquility to their loved ones and all compatriots.

Key words: epistolary text, front letter, Great Patriotic War, structure, content, language features.

Фронтовые письма, созданные участниками Великой Отечественной войны, являются уникальным источником воссоздания военной действительности. Поэтому они не раз становились объектом исследования историков, социологов, культурологов. Между тем военные эпистолярные тексты содержат богатый материал и для лингвистического анализа, поскольку они позволяют рассмотреть особенности функционирования языка в условиях экстремальной ситуации и выявить специфику фронтовой эпистолярной культуры, через которую возможно получить представление не только о событиях военной действительности, но и об особенностях их восприятия отдельными людьми – участниками боевых действий. По мнению О. Марковой, фронтовые письма «могут не дать сведений о соотношении сил, о боевом обеспечении и т.д., однако предоставляют большой объём информации, позволяющей судить о настроениях и психологии человека на войне» [1, с. 57].

В центре внимания в настоящей статье находятся фронтовые письма пензенцев – участников

Великой Отечественной войны, бойцов 61-й стрелковой дивизии, которая была сформирована в городе Пензе и летом 1941 года сражалась на территории Белоруссии (в районе деревни Зборово под Рогачёвом, в городах Рогачёве, Жлобине и др.), больше месяца сдерживая рвущихся к Москве фашистских захватчиков.

Цель исследования – описать языковые особенности фронтовых писем бойцов 61-й стрелковой дивизии. Задачи – рассмотреть структуру и содержание фронтовых писем; выявить языковые средства отражения и восприятия военной действительности в эпистолярных текстах участников Великой Отечественной войны.

Материалом исследования стали эпистолярные тексты, опубликованные в книге пензенского историка Г.П. Тамбовцева «У истоков Победы» [4]. Среди адресантов проанализированных писем командир взвода В.М. Щербаков, техник-интендант А.А. Кудрявцев, воентехник Д.М. Городецкий, офицер штаба К.С. Дмитриев, старший батальонный комиссар К.А. Бочкарёв, политрук С.В. Кондаков и др. Все проанализированные тексты носят личный характер и адресованы родным и близким.

В ходе работы были использованы следующие методы: метод языкового анализа и описательный метод.

Структура рассмотренных фронтовых писем в целом традиционна. Согласно требованиям жанра, каждый эпистолярный текст начинается с обращения и приветствия: *«Здравствуй, дорогая Ниночка!»* (К.А. Бочкарёв); *«Здравствуйте, дорогие Тося, дочка Лена, сынок Витя и маленький сынок Юрик!!! Шлю Вам всем свой привет и самые лучшие пожелания»*; *«Здравствуйте, дорогие дети: дочка Лена и сынок Витя (Юрке не пишу, т. к. он читать не умеет). Папа шлёт Вам свой привет и крепко Вас целует»* (В.М. Щербаков); *«Здравствуйте, дорогие! Привет вам и тысяча наилучших пожеланий»* (К.С. Дмитриев); *«Здравствуй, моя милая красавица Маня! Здравствуйте, маленькие ребятки Вова и Тома!»*; *«Здравствуй, дорогая красавица Маня!!! Здравствуйте, мои милые Вова и Тома»*; *«Здравствуй, милая Манечка!!! Здравствуйте, мои дорогие крошки Вова и Тома. Привет вам с боевых полей с пожеланиями быть здоровыми, радостными и счастливыми всегда, всегда»* (С.В. Кондаков); *«Родная моя Валюша!»* (Д.М. Городецкий).

Из приведённых фрагментов писем видно, что все обращения сопровождаются эпитетами *дорогой*, *милый, родной* и эмоционально окрашенными приложениями, в том числе приложениями-деминутивами. Кроме того, сами обращения могут представлять собой деминутивы: *голубушка*, *Манечка, Валюша* (по отношению к супруге); *дочка*, *сынок*, *маленькие ребятки*, *крошки*, *Юрик* (по отношению к детям) и др. Названные языковые средства отражают трогательное отношение адресантов к своим близким и придают тексту дружественную тональность.

В данной части фронтовых писем используются языковые формулы, характерные для эпистолярных текстов: *шлю горячий привет, наилучшие пожелания, крепко целую* и др.

После обращения и приветствия авторы писем сообщают о себе, своём здоровье, эмоциональном состоянии или задают вопросы адресатам об их жизни и самочувствии: *«Еду хорошо. Вчера искупался, да ещё как!» «Как видите, доехал до Гомеля, еду дальше. Вся дорога прошла совершенно спокойно»*; *«Особо нового ничего нет. Здоров»*; *«Пару слов о впечатлении, оставленном от проеханных мест <…> Больше всего мне понравился Воронеж. Красивый город, с трамвайным движением. Народ очень культурный и приветливый»* (К.С. Дмитриев); *«Получил твоё письмо <…> Большое спасибо <…> Не понимаю, что с путёвкой, почему ты не поехала в Куйбышев. Ведь всё уже было готово»* (К.А. Бочкарёв).

Не желая доставить своим близким излишние волнения и тревогу и стараясь отвлечь от военной действительности, авторы писем сообщают о своём благополучии и хорошем здоровье: *«Мы тут в полной безопасности»* (Д.М. Городецкий); *«Обо мне не беспокойся, всё в порядке»* (К.А. Бочкарёв); *«Здоров, спокоен, полон боевого духа в борьбе с врагами нашего народа»* (С.В. Кондаков). Бойцы выражают беспокойство и заботу о своих близких: *«Днями напишу вам письмо и вышлю 1000 руб. денег, а пока ограничиваюсь этой открыткой»* (А.А. Кудрявцев).

Оттенок достоверности сообщениям придаёт называние места нахождения бойца в момент создания письма, использование топонимов, а также указание даты и времени: *«14 июля. 9 ч. утра. Подъезжаю к Ряжску»*; *«Приехал в Воронеж. 11 ч. 35 мин. утра»*; *«18.07.41. Брянск»*; *«40 клм. От Рогачёва»* (К.С. Дмитриев); *«Бобруйское направление БССР дер. Верчеевка»* (С.В. Кондаков).

В эпистолярных текстах содержится описание конкретных условий, в которых в момент создания письма находился боец, при этом активно употребляются глаголы в форме настоящего актуального времени: *«Это письмо пишу в условиях совершенно тихих»* (К.С. Дмитриев); *«В данное время царит затишье, по которому можно писать письма»* (С.В. Кондаков).

В письмах часто используется топоним *Пенза* или его однокоренные слова. Подобные употребления свидетельствуют об уважительном отношении авторов к своей малой родине и к землякам, а также демонстрируют чувство сопричастности бойцов к пензенской земле: *«Интересно, как ваши дела, пензяки? Как Юрик? Так ли продолжает плакать?»*; *«Как вы живёте, Малик, Юрик? Что нового в Пензе?»* (К.С. Дмитриев). С другой стороны, бойцы ощущают себя гражданами большой

страны, поэтому и белорусскую землю считают родной: *«…Охвачен глубокой ненавистью к фашистским гадам за то, что они топчут, жгут, уничтожают всё живое в нашей советской Белоруссии»* (С.В. Кондаков).

Т.П. Сухотерина отмечает, что «у автора-солдата на было возможности писать часто и много. Это обстоятельство объясняет такую особенность фронтовых писем, как многообразие тем в одном письме» [3, с. 221]. Однако, как показал материал, обязательным структурным компонентом писем является информация о военных буднях, факты фронтовой действительности: *«Я с бойцами громлю фашистов, выпуская ежедневно из наших гаубиц, в том числе из твоей, Вова, по нескольку сот 24-килограммовых снарядов на головы извергов»*; *«Бьём фашистских извергов метко и беспощадно»*; *«Со 2 июля ведём упорные бои… Наша артиллерия ежедневно выпускает тысячи снарядов, которые валятся смертоносным огнём на головы фашистских мракобесов»* (С.В. Кондаков); *«Отсюда писать о себе особенно нечего, воюем, живём в лесах, привыкаем к стрельбе и даже начинаем привыкать к бомбёжкам. Наша дивизия с момента приезда беспрерывно в боях, и многих уже, кто приехал с нами, нет в живых»* (А.А. Кудрявцев); *«Участвовал в нескольких боях, всё время бьём и изгоняем ненавистных немецких фашистских захватчиков из пределов нашей родной земли»* (В.М. Щербаков).

В военных письмах часто используются эмоционально окрашенные слова и словосочетания, характеризующие врага, «так называемые формулы-проклятия, формулы-угрозы с грубыми оттенками» [2, с. 145] – это лексемы с отрицательной оценочной коннотацией: *фашистские изверги*, *фашистские мракобесы* и др., а также перифразы с оценочным значением: *«Хочется поскорей к тебе возвратиться, а ещё скорей раздавить* ***гадину****»* (К.А. Бочкарёв) *«Бои идут жестокие, постепенно продвигаемся вперёд, выгоняя и уничтожая это* ***чёрное, хищное вороньё****»* (С.В. Кондаков).

Особое место в письмах занимают размышления адресантов о победе в войне. Бойцы пишут близким о своей готовности сделать всё возможное, чтобы разгромить врага. Авторы писем показывают уверенность в победе и передают эту уверенность своим родственникам, находящимся за тысячи километров от боевых действий: *«Мы их будем бить до полного разгрома и уничтожения»*; *«Все горим желанием разгромить наголову врага, вторгшегося на нашу священную землю»* (С.В. Кондаков).

Широко представлена в эпистолярных текстах тема мужества и героизма бойцов Красной Армии: *«Часть моих командиров и бойцов уже выбыла из строя, но батарея как боевая единица прочна и готова выполнять в дальнейшем боевые задачи»*; *«Вернёмся домой героями. Пять человек бойцов и командиров моей батареи уже представлено к правительственным наградам, орденам и медалям»* (С.В. Кондаков).

В заключительной части писем адресанты выражают надежду на скорое возвращение домой и встречу с родными и близкими: *«Немного соскучился о вас. Ну да ладно, скоро будем опять вместе»* (К.С. Дмитриев). Проявляя заботу об оставшихся в тылу жёнах, бойцы просят их беречь себя и детей: *«Маня, береги себя и детей»* (С.В. Кондаков); *«Ты обо мне не беспокойся, береги себя и сына»* (Д.М. Городецкий); *«Трудно будет тебе с детьми. Береги их и перенеси на них мою отцовскую ласку и заботу, любил я и их, и тебя. Тебе это память обо мне и единственная радость в раннем одиночестве»* (В.М. Щербаков).

Авторы эпистолярных текстов используют традиционные для дружеского письма этикетные формулы прощания (*крепко целую*, *шлю привет* и под.): *«Ну, всё. Целую крепко, Костя. Юрика поцелуй. Всем привет»* (К.С. Дмитриев); *«Целую всех крепко. Напишите мне о себе. Привет Рожковым. Ваш Алексей»* (А.А. Кудрявцев);

Во фронтовых письмах обязательны многочисленные приветы бойцов знакомым, родственникам, соседям. Этот факт, с одной стороны, свидетельствует о понимании авторами писем ответственности, которую они несут за всех мирных жителей, а с другой – показывает, что война – это всеобщее горе, и оставшиеся в тылу одинаково переживают за каждого солдата, оказавшегося на фронте: *«Привет всем нашим, Фене и другим, которые спросят, пишу ли я»* (К.С. Дмитриев).

Особо трогательны письма или фрагменты писем фронтовиков, адресованные детям. Как правило, в них содержатся традиционные отцовские наставления быть послушными и хорошо учиться: *«Юрочка, ты не шали, будь послушен и не балуй в детсадике; если не будешь послушен, писать не буду»* (К.С. Дмитриев); *«Здравствуй, сынок. Скоро начнутся занятия в школе. Учись только отлично, а я отлично буду бить фашистов. Крепко тебя целую. Папа»* (К.А. Бочкарёв); *«Прошу Витю быть дисциплинированным, не шалить и слушаться во всём и не обижать Лену, слушать маму, больше читать, играть вместе и не бегать понапрасну с уличными ребятами»* (В.М. Щербаков).

Несмотря на выделенные компоненты фронтовых писем, их структуру нельзя считать строгой и устойчивой, поскольку многие тексты создавались в тяжелейших, экстремальных условиях, когда не было времени на то, чтобы сосредоточиться и изложить мысли по плану. Бойцы знали, что каждый день может стать последним, и поэтому старались успеть отправить весточку о себе родным и близким. Нередко одно письмо создавалось в течение нескольких дней, поскольку не было возможности сразу написать текст целиком. Так, комиссар К.А. Бочкарёв письмо объёмом в две страницы писал в течение пяти дней: *«Письмо это*

писал 5 дней, но ты не обижайся, это не от невнимания к тебе». Тематика писем многообразна, но типична для фронтового эпистолярного текста.

Таким образом, фронтовые письма бойцов 61-й стрелковой дивизии являются средством языкового отражения военных будней, отношения бойцов к происходящим событиям и выражения ими мыслей, чувств, чаяний, которые в первую очередь были связаны со стремлением освободить страну от фашистских захватчиков и обеспечить мир и спокойствие своим близким и всем соотечественникам.

К сожалению, дивизия была расформирована в сентябре 1941 года, а многие авторы писем погибли в первые месяцы войны, поэтому эпистолярные тексты, помещённые в книге Г.П. Тамбовцева «У истоков Победы», остаются важнейшим источником воссоздания целостной картины Великой Отечественной войны и средством сохранения имён и военных событий в социальной памяти поколений.

Литература

1. Маркова, О. Письма с фронта как документ военной эпохи / О. Маркова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. – 2016. – № 12. – С. 54-67 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_28416802_77051980.pdf. Дата доступа: 23.03.2019.

2. Махиева, Л.Х, Кучмезова, Л.Б. Фронтовые письма – история, величие и трагедия Великой Отечественной войны / Л.Х. Махиева, Л.Б. Кучмезова // Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (к 70-летию Великой Победы) : сборник статей. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – С. 142-158 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=23954267. Дата доступа: 01.04.2019.

3. Сухотерина, Т.П. Фронтовое письмо в коммуникативной ситуации Великой Отечественной войны / Т.П. Сухотерина // Историческая память молодёжи о Великой Отечественной войне: социально-гуманитарные и психолого-педагогические аспекты исследования и формирования : Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Барнаул, 23-24 апреля 2015 г.). – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 216-222 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=24270460. Дата доступа: 15.03.2019.

4. Тамбовцев, Г.П. У истоков Победы / Г.П. Тамбовцев. – 2-е издание. – Пенза, 2012. – 484 с.

References

1. Markova O. (2016). Pisma s fronta kak document voennoj epohi. *Interakcija. Intervju. Interpretacija*. [Letters from the front as a document of the military era. *Integration. Interview. Interpretation*]. Moskow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 12. 54-67. Retrieved March 23 2019 from: https://elibrary.ru/download/elibrary_28416802_77051980.pdf. (In Russ).

2. Makhieva L.H. & Kuchmezova L.B. (2015). Frontovyje pisma – istorija, velichije i tragedija Velikoj Otechestvennoj vojny. *Edinstvo narodov Sovetskogo Sojuza – vazhnejshij factor pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg*. [Front-line letters – history, greatness and tragedy of the Great Patriotic War. *The Unity of the Peoples of the Soviet Union is the most important factor of victory in the Great Patriotic War of 1941-1945*]. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 142-158. Retrieved April 01 2019 from: https://elibrary.ru/item.asp?id=23954267. (In Russ).

3. Sukhoterina T.P. (2015). Frontovoje pismo v kommunikativnoj situacii Velikoj Otechestvennoj vojny. *Istoricheskaja pamjat molodezhi o Velikoj Otechestvennoj vojne: socialno-gumanitarnyje i psihologo-pedagogicheskije issledovanija i formirovanija*. [The front letter in the communicative situation of the Great Patriotic War. *Historical memory of young people about the Great Patriotic War: social humanitarian and psychological-pedagogical aspects of research and formation*]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. 216-222 Retrieved March 15 2019 from: https://elibrary.ru/item.asp?id=24270460. (In Russ).

4. Tambovtsev G.P. (2012). U istokov Pobedy. [At the origins of the Victory]. Penza. (In Russ).

УДК 81'1+81'42

ОСОБЫЕ ПРИЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Т.Н. Савчук

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.s77@list.ru

Выявлены и описаны особые способы структурной организации аргументирования в русско- и белорусскоязычном дискурсе гуманитарных наук: аргументативный повтор, аргументативная градация, аргументативный период. Показано, что эти приемы связаны с возможностью комбинирования тезиса и доводов внутри сложных

структур. Исследование проведено на основе конвергентного подхода, который объединяет аналитический инструментарий лингвистики и логики. Установлено, что прагматическая функция особых структурных приемов аргументации заключается в рациональном усилении обоснования. Сделан вывод, что знание способов образования структурных вариантов аргументации, а также их прагматики позволит субъектам научно-гуманитарного дискурса грамотно продуцировать, адекватно анализировать и оценивать аргументативные тексты.

Ключевые слова: *аргументация, аргументативная структура, аргументативный повтор, аргументативная градация, аргументативный период, дискурс гуманитарных наук.*

SPECIAL TECHNIQUES FOR STRUCTURING ARGUMENTATION IN THE DISCOURSE OF THE HUMANITIES

T.N. Savtchouk

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Applied Linguistics
of Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.s77@list.ru

Special ways of structural organization of argumentation in Russian and Belarusian discourse of the humanities are revealed and described: argumentative repetition, argumentative gradation, argumentative period. It is shown that these techniques are associated with the possibility of combining the thesis and reasons within complex structures. The study was conducted on the basis of a convergent approach that combines analytical tools of linguistics and logic. It is established that the pragmatic function of special structural methods of argumentation consists in the rational strengthening of justification. It is concluded that knowledge of the ways of forming structural variants of argumentation, as well as their pragmatics, will allow subjects of the scientific humanitarian discourse to competently produce, adequately analyze and evaluate argumentative texts.

Key words: *argumentation, argumentative structure, argumentative repetition, argumentative gradation, argumentative period, discourse of the humanities.*

Введение

Интеллектуально-коммуникативная процедура убеждающего воздействия – аргументация – осуществляется с помощью текста, структурированного особым образом. Структура аргументативного текста позволяет объективировать механизм убеждения: на основе принятия выдвигаемых аргументатором утверждений (доводов/посылок/аргументов) аудитория склоняется к принятию нового утверждения (тезиса/точки зрения), учитывая логическую и прагматическую связь между пропозициями [10, с. 128].

Универсальный принцип построения аргументации по-разному проявляется в тех или иных сферах социально-речевого взаимодействия. Учитывая, что «построение аргументации определенным образом влияет на реализацию ее воздействующего потенциала», актуальным представляется исследование закономерностей структурирования различных типов аргументативного дискурса [8, с. 33]. Особую значимость в этом контексте имеет изучение научно-гуманитарной аргументации: выявление структурной специфики обоснования в гуманитаристике служит необходимым условием создания теоретической базы для адекватного анализа и оценки широкого спектра научно-гуманитарной продукции (статьи, монографии, квалификационные работы). Этим объясняется наш исследовательский интерес к данной проблеме.

Цели и задачи

Способ рассмотрения структуры аргументирующего рассуждения определяется общей методологической установкой аргументолога и конкретными задачами исследования. Основываясь на методологии теории аргументации (современная междисциплинарная область знания, сфокусированная на изучении аргументации), мы предлагаем авторский – конвергентный – подход, объединяющий аналитический инструментарий лингвистики (прагматика, дискурс-анализ) и логики (традиционная и неформальная логика) (подробно см. в [9]).

Цель данной работы – выявить особенности структурирования научно-гуманитарной аргументации, установить, каким образом построение аргументирующего рассуждения коррелирует с его прагматикой. Достижению указанной цели подчинено решение двух основных задач – характеристика структурных вариантов аргументирования и определение их прагматической роли в дискурсе гуманитарных наук.

Методы и материал исследования

Методология работы обусловила выбор методики исследования. Совмещение прагматического и когнитивного подходов было обеспечено применением конситуативного анализа, пропозиционального анализа, интерпретации, реконструкции, элементов формализации.

В качестве **фактического материала** были использованы научные статьи на русском и белорусском языках, опубликованные в рецензируемых журналах за 2001–2015 гг. Всего было проанализировано 300 текстов различных гуманитарных профилей (социология, психология, культурология, лингвистика, журналистика).

Результаты и их обсуждение

Исходной предпосылкой исследования было положение о том, что структурные варианты аргументации могут быть выявлены на фоне инвариантов – базовых аргументативных структур. Обратим внимание, что термин «аргументативная структура» используется здесь в узком смысле: для обозначения способа соединения между собой посылок, который определяет их значимость в обосновании точки зрения [12, p. 22].

В общем виде структуру обоснования принято рассматривать как простую и сложную (см., напр.: [1, с. 161; 8, с. 34; 9, с. 102; 12, p. 21–24; 13, p. 14; 14, p. 36–37; 15, p. 447]). Простая (одиночная) аргументация содержит один аргументативный блок – комплекс необходимых и достаточных элементов (тезис и аргумент) [8, с. 34; 9, с. 102] (по определению Р. Джонсона и Д. Э. Блэра, включает один «набор посылок» (premise set) и одно заключение [14, p. 37]); сложная аргументация образуется двумя и более аргументативными блоками [8, с. 34; 9, с. 102].

Разновидностями сложной аргументации являются: а) множественная: каждая аргументация, взятая отдельно, может быть достаточной для поддержки тезиса; б) сочинительная: простые аргументации по отдельности не имеют веса при поддержке тезиса, прагматический эффект достигается только когда они рассматриваются в совокупности, демонстрируя «горизонтальную связь»; в) подчинительная: простые аргументации связаны «вертикально» и образуют своеобразную цепь, где тезис поддерживается доводом, который, в свою очередь, является тезисом по отношению к следующему высказыванию-доводу и т.д. [13, p. 73–92].

Важно при этом учитывать, какая используется форма аргументации: прогрессивная (тезис следует за аргументами), регрессивная (тезис предшествует аргументам) или прогрессивно-регрессивная (тезис занимает интерпозицию по отношению к аргументам) [8, с. 34; 9, с. 102].

Как показал анализ, в письменном научно-гуманитарном дискурсе применяются все возможные структурные типы обоснования. Следует отметить при этом, что конституирующие аргументацию элементы образуют различные конфигурации, стратегически значимые в достижении убеждающего прагматического эффекта.

Доминирующей стратегией научной аргументации является рационально-ценностное воздействие. Тактически реализация данной стратегии обеспечивается, в частности, усилением обоснования за счет применения особых способов структурирования аргументации. Для их обозначения мы вводим термины по аналогии с названиями риторических фигур: аргументативный повтор, аргументативная градация, аргументативный период [9, с. 172–174]. Охарактеризуем эти приемы.

Аргументативный повтор – многократное повторение одного и того же тезиса и/либо довода в разных формах [9, с. 172]. Этот прием характерен для каузальной аргументации, а именно, ее прагматической разновидности, суть которой в том, что действие или событие, имеющее статус причины, оценивается на основании тех инств, которые приписываются его следствию. Для того чтобы внушить реципиенту ность определенного типа действий, приводящих к достижению цели, в прагматическую аргументацию вводятся когнитивно эквивалентные структуры, которые вербализуются взаимозаменяемыми конструкциями «без этого невозможно» и «для этого необходимо». Контактное употребление этих структур отражает намерение аргументатора усилить передаваемую интенцию: (1) *Сегодня развивать экономику* (А) ***без*** *информационной инфраструктуры* (Т), ***вне*** *глобальных систем* (Т) *практически* ***невозможно.*** *<...> российский Интернет* ***важен*** (Т) ***для того, чтобы*** *наша страна присутствовала в глобальном экономическом и информационном пространстве* (А) [2, с. 5] – тезис *Необходимо развивать глобальную информационную сеть* повторяется три раза; аргумент *Развитие Интернета способствует развитию экономики* дублируется. (2) *Інавацыйны шлях развіцця арыентаваны на нязменнае аднаўленне растучых сацыяльна значных якасцей вырабляемых тавараў і паслуг.* ***Зрабіць гэта па-за*** *фундаментальнымі навуковымі ведамі, якія актыўна развіваюцца,* ***немагчыма*** (Т). *Логіка ў дадзеным выпадку дастаткова простая: спачатку інавацыі ў навуцы, затым – у эканоміцы* (А). *Іншымі словамі,* ***прыярытэт*** *у любым выпадку* ***павінна мець*** *фундаментальная навука* (Т). *Такі закон сацыяльнага прагрэсу* (А) [5, с. 9] – точка зрения о приоритете фундаментальных научных знаний высказывается дважды, что усиливает обоснование.

Аргументативный повтор может поддерживаться вербально, что способствует интенсификации интеллектуального воздействия на реципиента: (3) *Хотя письменный язык изучать безусловно удобнее, элементарная логика требует признать его* ***вторичность и производность*** (Т). *Совершенно очевидно, что устный модус – это исходная, фундаментальная и более простая форма существования языка, а письменный дискурс* ***является производным*** *от устного и представляет собой* ***более позднюю, вторичную*** *разновидность языка – и в онтогенезе, и в филогенезе* (Т) [4, с. 5].

Аргументативная градация – расположение доводов сложной аргументации в порядке усиления их значимости [9, с. 173]. Этот прием характерен для регрессивно построенной аргументации: (4) *Общество нашего времени входит в историю как информационное* (Т) ***не потому, что*** *расширяются границы СМИ* ($А_1$) *или растет их значение* ($А_2$), ***и даже не потому, что*** *рядом с ними утверждаются в медийном пространстве социальные сети* ($А_3$). ***Дело в том, что*** *новые коммуникационные технологии отчетливо обнаружи-*

вают управляющую роль информации во всех без исключения социальных процессах, во всех сферах человеческого бытия (A_4) [6, с. 52]. В (4) явно выраженный тезис поддерживается четырьмя дами (отмечены нижними индексами переменных) в составе сочинительной аргументации. Заметим при этом, что градационный характер обоснования имеет вербальную маркировку.

Такой прием структурного усиления используется при включении в аргумент комплекса позитивных следствий в прагматической аргументации: (5) *...падрабязная інфармацыя аб слове ў перакладным слоўніку неабходная* (Т)*, паколькі імкненне да ўсебаковай характарыстыкі яго магчымасцей* ***дазволіць удакладніць*** *прапанаваныя слоўнікам эквіваленты* (A_1) *або* ***дапаможа адшукаць*** *іншыя, якія больш дакладна адпавядаюць канкрэтнай моўнай сітуацыі* (A_2)*. Відавочна, што слоўнікавыя ілюстрацыі* ***дапамагаюць зрабіць правільны выбар*** *неабходнага эквівалента ў канкрэтным выпадку* (A_3)*,* ***асэнсаваць*** *функцыянальна-стылістычную ролю лексемы* (A_4)*, а* ***ў канчатковым выніку садзейнічаюць*** *пісьмéннаму засваенню разнастайных сродкаў выхадной мовы* (A_5) [7, с. 5]. В (5) нормативный тезис *У перакладным слоўніку неабходныя слоўнікавыя ілюстрацыі* обосновывается с помощью пяти аргументов, градуированных в рамках сложных структур (сочинительной и подчинительной). Реконструкцию структурной модели аргументации в (5) облегчают соответствующие языковые индикаторы.

Аргументативный период – конструкция, репрезентирующая определенный ритм мысли аргументатора. Она включает комплекс доводов, расположенных, как правило, в градационном порядке. Финальный довод, соответствующий кульминационной точке аргументации, сопровождается представлением пропонируемого тезиса [9, с. 173–174]. Эта структура применяется в случае прогрессивного построения аргументации: (6) ***Можно ли*** *добиться снижения уровня пьянства, алкоголизма и других антиобщественных явлений* ***без*** *модернизации промышленности и сельского хозяйства* (A_1)*,* ***без*** *создания социально-экономических условий для реализации трудящимися жизненных установок и стратегий* (A_2)*,* ***без*** *изменения социально-экономических отношений* (A_3)*,* ***без*** *приоритетного внимания государства к проблемам здоровья нации, семьи и отдельной личности?* (A_4) *По-видимому,* ***нельзя*** (Т) [11, с. 417] – в рамках аргументативного периода посылки образуют сложную конфигурацию: сочинительная структура (A_1, A_2, A_3) в сочетании с независимым доводом (A_4) квалифицируется как множественная аргументация. (7) *Аналіз вынікаў сацыялагічных даследаванняў і статыстыкі, публікацый СМІ і г. д. дазваляе канстатаваць наяўнасць аб'ектыўнай залежнасці* ***не толькі паміж*** *экалагічнай сітуацыяй і здароўем насельніцтва* (A_1)*,* ***але і паміж*** *станам навакольнага асяроддзя і працоўнай дзейнасцю, адпачынкам, міграцыямі, палітычнай стабільнасцю* (A_2)*.* ***У канечным ліку – паміж*** *экалагічнай сітуацыяй і нацыянальнай бяспекай* (A_3)*.* ***Таму*** *пошукі аптымальных суадносін паміж гэтымі крытэрыямі ўстойлівасці з'яўляюцца неадкладным пытаннем сучаснасці* (Т) [3, с. 6] – реконструкция аргументативного периода осуществляется благодаря эксплицитному выражению тезиса и посылок сложносочинительного обоснования.

Интеллектуальному усилению аргументации в рассмотренных примерах способствует и вербальное представление охарактеризованных структур: повтор аргументативных вербализаторов в сочетании с параллелизмом и вопросно-ответным ходом изложения в (6), использование маркеров иерархии доводов в (7).

Выводы

Анализ показал, что в дискурсе гуманитарных наук применяются особые способы структурной организации аргументирования: аргументативный повтор, аргументативная градация, аргументативный период. Эти приемы выделяются на фоне стандартных конструкций и связаны с возможностью комбинирования конституентов аргументации – тезиса и доводов – внутри сложных структур.

Прагматическая функция особых структурных приемов аргументации заключается в рациональном усилении обоснования.

Знание способов образования структурных вариантов аргументации, а также их прагматической роли входит в аргументативную компетенцию субъектов научно-гуманитарного дискурса, позволяя им грамотно продуцировать, адекватно анализировать и оценивать аргументирующие рассуждения/тексты.

Литература

1. Важнейшие концепции теории аргументации / Ф.Х. Еемерен [и др.] ; пер. с англ. В.Ю. Голубева [и др.] ; отв. ред. О.С. Капполь. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2006. – 296 с.

2. Засурский, Я.Н. Информационное общество в России: парадоксы элитарного Интернета / Я.Н. Засурский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 4–13.

3. Захарава, Н.Я. Аптымізацыя ўзаемадзеяння фактараў сацыяпрыроднага развіцця / Н.Я. Захарава // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2002. – № 3. – С. 5–10.

4. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопр. языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

5. Лазарэвіч, А.А. Ад інавацый у навуцы да інавацый у грамадстве / А.А. Лазарэвіч // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2007. – № 1. – С. 4–9.

6. Лазутина, Г.В. Журналистский текст как знание оперативного назначения / Г.В. Лазутина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2012. – № 5. – 50–59.

7. Нікалаева, В. М. Двухмоўная лексікаграфія: праблемы складання руска-беларускіх слоўнікаў / В. М. Нікалаева, Т. М. Трухан // Беларус. лінгвістыка. – 2011. – Вып. 67. – С. 3–14.

8. Савчук, Т.Н. Аргументативные модели в научно-гуманитарном дискурсе: опыт реконструкции / Т.Н. Савчук // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2016. – № 1. – С. 32–38.

9. Савчук, Т.Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе / Т.Н. Савчук. – Минск : Изд. центр Белорус гос. ун-та, 2018. – 279 с.

10. Савчук, Т.Н. Теоретический статус феномена аргументации / Т.Н. Савчук // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2018. – № 2. – С. 123–130.

11. Тарасов, В.С. Профилактика потребления спиртных напитков и формирование здорового образа жизни / *В.С. Тарасов* // Социол. альм. – 2013. – Вып. 4. – С. 417–425.

12. Argumentation theory // Handbook of argumentation theory / F.H. van Eemeren [et al.]. – Dordrecht : Springer, 2014. – P. 1–50.

13. Eemeren, F.H. van. Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale ; London : Erlbaum, 1992. – 236 p.

14. Johnson, R.H. Logical self-defense / R.H. Johnson, J.A. Blair. – New York : Intern. Debate Education Assoc., 2006. – 312 p.

15. Snoeck Henkemans, A.F. State-of-the-art: the structure of argumentation / A.F. Snoeck Henkemans // Argumentation. – 2000. – Vol. 14, № 1. – P. 447–473.

References

1. Kappol' O.S. (Ed.) (2006). *Vazhnejshie koncepcii teorii argumentacii* [Crucial concepts in argumentation theory]. Saint Petersburg: Filol. fac., Saint Petersburg Univ. (In Russ.).

2. Zasurskij J.N. (2001). Informacionnoe obshhestvo v Rossii: paradoksy jelitarnogo Interneta. *Vestnic Mosk. Univ. Ser. 10, Zhurnalistika*. [Information society in Russia: paradoxes of the elite internet. *Bulletin of Moscow University. Russian and foreign Philology. Series 10, Journalism*]. 6, 4–13. (In Russ.).

3. Zaharava N.J. (2002). Aptymizacyja uzaemadzejannja faktarau sacyjapryrodnaga razviccja. *Vesci Nacyjanal'naj AN Belarusi. Ser. gumanitar. navuk.* [Optimization of the interaction of factors of socio-natural development. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*]. 3, 5–10. (In Belarus.).

4. Kibrik A.A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikacii diskursov. *Vopr. jazykoznanija.* [Modus, genre and other parameters of the classification of discourses. *Problems of Linguistics*]. 2, 3–21. (In Russ.).

5. Lazarjevich A.A. (2007). Ad inavacyj u navucy da inavacyj u gramadstve. *Vesci Nacyjanal'naj AN Belarusi. Ser. gumanitar. navuk.* [From innovation in science to innovation in society. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*]. 1, 4–9. (In Belarus.).

6. Lazutina G.V. (2012). Zhurnalistskij tekst kak znanie operativnogo naznachenija. *Vestnic Mosk. Univ. Ser. 10, Zhurnalistika*. [Journalistic text as operational knowledge. *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*]. 5, 50–59. (In Russ.).

7. Nikalaeva V.M. & Truhan T.M. (2011). Dvuhmoŭnaja leksikagrafija: prablemy skladannja ruska-belaruskih sloŭnikaŭ. *Belarus. lingvistyka.* [Bilingual lexicography: problems of Belarusian-Russian dictionary compilation. *Belarusian Linguistics*]. 67, 3–14. (In Belarus.).

8. Savtchouk T.N. (2016). Argumentativnye modeli v nauchno-gumanitarnom diskurse: opyt rekonstrukcii. *Vesn. BDU. Ser. 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. [Argumentative models in the scientific humanitarian discourse: experience of reconstruction. *Bulletin of Belarusian. University. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogy*]. 1, 32–38. (In Russ.).

9. Savtchouk T.N. (2018). *Argumentacija v russko- i belorusskojazychnom nauchno-gumanitarnom diskurse. [Argumentation in the Russian and Belarusian scientific humanitarian discourse]*. Minsk: Publishing center of Belarusian State University. (In Russ.).

10. Savtchouk T.N. (2018). Teoreticheskij status fenomena argumentacii. *Chasop. Belarus. dzjarzh. un-ta. Filalogija*. [The Theoretical status of the phenomenon of argumentation. *Journal of the Belarus. State University. Philology*]. 2, 123–130. (In Russ.).

11. Tarasov V.S. (2013). Profilaktika potreblenija spirtnyh napitkov i formirovanie zdorovogo obraza zhizni. *Sociol. al'm*. [Prevention of alcohol consumption and the formation of a healthy lifestyle. *Sociological almanac*]. 4, 417–425. (In Russ.).

12. Argumentation theory. (2014). In: Handbook of argumentation theory. F.H. van Eemeren [et al.]. Dordrecht: Springer. 1–50.

13. Eemeren F.H. van. & R. Grootendorst. (1992). Argumentation, communication, and fallacies: a pragma-dialectical perspective. Hillsdale; London: Erlbaum.

14. Johnson R.H. & Blair J.A. (2006). Logical self-defense. New York: Intern. Debate Education Assoc.

15. Snoeck Henkemans, A.F. (2000). State-of-the-art: the structure of argumentation. Argumentation. Vol. 14. 1, 447–473.

УДК 811.161.1`367(043.3)

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ СИНТАКСЕМ КАК ФАКТОР СМЫСЛОВОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ

О.В. Сергушкова
кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

В статье с помощью описательного и таксономического методов приводится понимание сегментации и сегментированной конструкции, даётся типология СК, рассматриваются сегментированные синтаксемы имени существительного. В работе показано многообразие коммуникативных значений акцентуированных в СК рем; подчёркнута активность рассматриваемых синтаксем в расширении смыслового пространства газетной информации; выявлена роль сегментации падежных форм имени существительного в структурировании универсальных лингвистических категорий и способность сегментов дифференцироватьи акцентуировать смысловые оттенки высказываний.

Ключевые слова: сегментация, сегментированная конструкция, парцеллированная конструкция, сегментированная присоединительная конструкция, синтаксема,коммуникативные значения.

COMMUNICATIVE VALUES OF SEGMENTED SYNTAXEMES AS FACTOR OF SEMANTIC ENRICHING OF NEWSPAPER TEXTS

O.V. Sergushkova
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

In the article the understanding of segmentation and segmented construction is given by means of descriptive and taxonomic methods, the typology of SC is given, the segmented syntaxemes of a noun are considered. The paper shows the diversity of communicative values accentuated in SK rem; emphasized the activity of the considered syntaxes in the expansion of the semantic space newspaper information; the role of segmentation of case forms of a noun in the structuring of universal linguistic categories and the ability of segments to differentiate and accentuate semantic shades of statements are revealed.

Key words:segmentation, segmented construction, parceled construction, the connective segmented construction, syntaxema, communicative values.

Введение

В статье под сегментацией понимается отчленение и расположение за пределами предложения слева или справа какой-либо его части, которая пунктуационно оформляется как самостоятельное высказывание, с целью акцентуацияремы (или темы) расчленяемого предложения или структурирования новой ремы. Например:*И вот теперь книги о Горьком.* ***Совершенно разные. И по композиции, и по интонации, и по отношению к своему персонажу*** (ЛГ. – 2018. – 28 марта**)**.В статье рассматривается только правосторонняя сегментация. В качестве примеров приводятся **сегментированные тексты (СТ)**, которые являются результатом расчленения исходных, несегментированных, предложений на **базовое предложение-высказывание (БП)** и **сегментированную конструкцию (СК).** Среди правосторонних СК мы выделяем а) парцеллированные – с новой ремой $\mathbf{P'_2}$;б) собственно сегментированные– с $\mathbf{P'_1}$, расширяющей или поясняющей рему БП;в) сегментированные присоединительные – со своей собственной ремой добавочного характера$\mathbf{P'_{2\ добав.}}$.

Цель и задачи

Цельисследования – доказать, что сегментированные синтаксемы имени существительного участвуют в решении коммуникативных авторских задач. Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

1) определить коммуникативное значение сегментированных синтаксем имени существительного и их роль в текстах;

2) выявить участие данных СК в семантическом обогащении текстов и в структурировании универсальных языковых категорий.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной цели и решения конкретных задач применялись описательный и таксономический методы, метод количественных подсчетов и методика свободной ассоциации. На материале газетных текстов в работе описываются СК, являющиеся сегментированными падежными формами имени существительного. К их анализу предпринят семантико-синтаксический подход, вследствие чего они рассматриваются как синтаксемы – «минимальные, далее неделимые семанти-

ко-синтаксические единицы», выступающие носителями рематических акцентов [1, 6].

Результаты и их обсуждение

Результатами исследования являются следующие положения:

1. Среди сегментированных синтаксем на первом месте по частотности употребления в газетной речи находятся **сегментированные падежные формы имени существительного**. Их количество в нашей картотекеравно 2300 единицам. 670 из них – сегментированные синтаксемы **Им. пад**, имеющие12 коммуникативных значений: 1) **предикат** (предик.) (230), 2) **субъект – носитель экзистенциального признака** (S экзист. призн.) (132), 3) **субъект – носитель акционального признака (70)** (S акц. призн.), 4) **номинатив** (30), 5)**субъект – носитель реляционного признака** (20), 6) **отождествление** (16), 7) **посессивный объект** (16), 8) **каузатор** (10), 9) **субъект – носитель пассивногопризнака**(8), 10) **делиберат восприятия** (8), 11) **субъект – носитель квалитативного признака** (6),12) **субъект – носитель статуального признака** (6). (Здесь и далее значения синтаксем описаны Г. А. Золотовой в [1] и использованы нами в данной работе.)

Наиболее частотные – обусловленные синтаксемы **Им. пад.** со значением **предикатав квалификативно-оценочной модели**; со значением **субъекта – носителя экзистенциального признака;** со значением **субъекта – носителя акционального признака**. Например:

1) *…фестивальный успех был у «Дурака»* [Фильм Ю. Быкова. – *Ольга Сергушкова (О. С.)*]. < *… > Быков стал любимцем либеральной общественности. /// И вдруг «Спящие»!* ***Сериал, ударивший наотмашь по этой фестивальной публике***...(ЛГ. – 2019. – 20 февр.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (сущ.$_1$)$_{\mathbf{S\ экзист.\ призн.}}$**;**

2) *В субботу жители Ветки отмечали День города. Гуляли допоздна.* ***Даже дети*** (СБ. – 2008. – 7 окт.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (сущ.$_1$)$_{\mathbf{S\ акц.\ призн.}}$.

Подробное описание соответствующих примеров СТне входит в нашу задачу, но мы считаем обязательным привести хотя бы один образец такого анализа. Это, на наш взгляд, усиливает аргументативность выводов и отчасти примиряет с необходимостью (в силу небольшого объёма статьи) простого иллюстрирования. Так, анализ самой частотной сегментированной синтаксемы **Им. пад**., со значением **предиката**, показывает, что при сегментации структурируются и акцентуируются новые рематические смыслы, усложняющие и обогащающие важнейший для газеты, коммуникативный, акт связи с читателями без дополнительных языковых затрат: *По Эрнсту* [Скульптор. – *(О. С.)*] *искусство – не тихая заводь с прекрасными лилиями, кувшинками, кисейными барышнями на берегу… для него творчество – обнажённый нерв!* ***Вызов, протест, обращение к воле, духу, разуму!»*** (ЛГ. – 2018. – 11 июля); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (сущ.$_1$) $_{\mathbf{предик.}}$.Здесь восклицательный знак после первого компонента ряда однородных предицируемых членов отделяет БП от сегмента, делая расчленение обязательным. Но такой же знак, придающий сообщениям в БП и в СК интенсифицированную иллокутивную силу восприятия информации, стоит и в конце сегмента, содержащего три сближенные по значению части новой ремы «скрытой» пропозиции. Поскольку данные речевые акты совершаются в СМИ, автором запланирован и перлокутивный эффект. Он тоже, благодаря СК, интенсифицирован. Считаем, что такое расчленение в данном СТ мотивировано коммуникативной задачей автора как можно подробнее, точнее и экспрессивнее оценить и описать названную в БП предицируемым компонентом реалию (креативный протоганист «творчество»), чётко разграничив её эмоционально-психическое (в БП) и когнитивное (в СК) ощущение и понимание. Кстати, недаром СК содержит больше однородных членов, чем БП, их количество не окончательное, поиск более точного слова не завершён. Это сообщает СТ ещё один смысл, который в возможном несегментированном трансформе «По Эрнсту искусство – не тихая заводь с прекрасными лилиями, кувшинками, кисейными барышнями на берегу… для него творчество – обнажённый нерв, вызов, протест, обращение к воле, духу, разуму!» почти не воспринимается, как гораздо более слабый, чем при сегментации.

2. Сегментированные синтаксемы**Род. пад.** представлены 400 единицами, которые имеет 29 рематических значений: 1) **признак**, отсутствие которого характеризует предмет, ситуацию (отс. призн.) (73), 2) **каузатор** (кауз-р); **каузатив** (51), 3) **директив** (директ.) (38), 4) **дестинатив** (32), 5)**квалитатив** (32), 6) **темпоратив** (20), 7) **род. пад. при отрицании** (14), 8) **финитив** (12), 9)**авторизатор** (12), 10) **квантитатив** (10) и др.

Наиболее частотные сегментированные синтаксемы **Род. пад.** – свободные синтаксемы **без** + **Род. пад.** созначением **признака**, отсутствие которого характеризует предмет; **из** + **Род. пад.**, **от** + **Род. пад.**, **с** + **Род. пад.** со значением **директива**; обусловленные синтаксемы **Род. пад. без предл.**, **от** + **Род. пад.**, **из** + **Род. пад.**,**из-за** + **Род. пад.** с **каузативным** значением.Например:

1) *…задумка с «Оттепелью» могла быть воплощена ярче, тоньше, изобретательнее.* ***Без назойливой либеральной пошлости***(ЛГ. – 2013. – 18 дек.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (без + сущ.$_2$) $_{\mathbf{отс.\ призн.}}$**;**

2) *Бортпроводник Андрей*[В фильме «Экипаж». – *О. С.*]*… тоже становится одним из главных действующих лиц спасения.* ***Из-залюбви***…(ЛГ. – 2016. – 27 апр.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (из-за + сущ.$_2$) $_{\mathbf{кауз\text{-}р}}$**;**

3) *Чтобы достойно выглядеть… надо смотреть на сегодняшнее не из вчерашнего.* ***Избудуще-***

го(СБ. – 2008. – 5 авг.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (из + сущ.$_2$)$_{\text{директ.}}$.

3. 190 сегментированных синтаксем **Дат. пад.** имеют 21 коммуникативное значение: 1) **адресат** (адрес.) (40), 2) **каузатив** (кауз-в) (28), 3) **директив** (20), 4) **объектный распространитель** (14)**,** 5) **транзитив** (12), 6) **дистрибутив** (10), 7) **темпоратив** (9), 8) **критерий сравнения** (8), 9) **субъект потенциального действия** (8),10) **коррелятив** (8) и др**.**

К наиболее частотным сегментированным синтаксемам **Дат. пад.** относятся свободные синтаксемы:**Дат. пад. без предл.. к** + **Дат. пад.** со значением **адресата**; **к** + **Дат. пад.** со значением **директива**; обусловленная синтаксема **по** + **Дат. пад.** со значением **каузатива**. Например:

1) *Почётные вымпелы и грамоты в честь юбилея Победы планируется вручить белорусским городам и посёлкам, внёсшим особый вклад в борьбу с фашистами. На этот раз – **Лепелю**,**Пинску**,**Рогачёву**,**Суражу** и **Россонам*** (СБ. – 2010. – 9 апр.); модель $\mathbf{T_1\ P_1\ P'_1}$(сущ.$_3$)$_{\text{адрес.}}$;

2) *...возникло ощущение (совсем недавно), что действительно закат приблизился. **И к Европе, и к нам, потому что мы тоже Европа***(ЛГ. – 2016. – 17 марта); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (к + сущ.$_3$) $_{\text{директ.}}$;

3) *...мне страшно за японскую сакуру. У неё незавидное будущее. **Но совсем не по климатическим и природным причинам***(СБ. – 2007. – 23 мая);модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (по +сущ.$_3$)$_{\text{кауз-в}}$.

4)420 сегментированных форм **Вин. пад.**акцентуируют в29 ремах разной семантики следующие значения: 1) **объект действия** (об. действ.) (119), 2) **темпоративив** (темпорат.) (62),3) **каузатив** (45), 4) **директив**(38),5)**дименсив** (27), 6) **делиберат восприятия** (22), 7) **объект-каузатор**(16), 8) **каузатор-делибератив**(13), 9) **предмет обмена**(12), 10) **делибератив**(8) и др.

К наиболее частотным сегментированным синтаксемам **Вин. пад.** относятся:**Вин. пад. без предл.** –связанная синтаксема со значением **объекта действия**;**в**+ **Вин. пад.**, **за** + **Вин. пад.**, **на** + **Вин. пад.**, **через** + **Вин. пад.**, **по** + **Вин. пад.**, **под** +**Вин. пад.** – свободные синтаксемы со значениями **темпоратива**;**за** + **Вин. пад.** – обусловленная синтаксема со значением **каузатива**. Например:

1)*Тут есть что-то такое… что заставило меня пересмотреть…фильм* [«Аритмия». – *О. С.*] *ещё раз, и ещё. **А заодно – и другие фильмы Бориса Хлебникова*** (ЛГ. – 2017. – 1 нояб.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_1}$(сущ.$_4$) $_{\text{об. действ.}}$;

2) *Огромную материальную ценность разгильдяи загубили!**Затригода!*** (СБ. – 2008. – 11 янв.);модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$(за + сущ.$_4$) $_{\text{темпорат.}}$;

3) *Сталина теперь ругают последними словами.**И задело*** (ЛГ. – 2000. – 27–31 дек.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$(за+сущ.$_4$) $_{\text{кауз-в, добав.}}$

5.Общее количество сегментированных синтаксем **Твор. пад.** составило 300 единиц, которые имеют 19 коммуникативных значений:1) **комитатив**(комит.)(98), 2) **предикат**(48), 3) **квалититив**(квалит.) (30), 4) **медиатив**(28), 5) **локатив** (15), 6) **субъект-партнёр** (15), 7) **каузатор (**12), 8) **инструментив**(12), 9) **тематив** (11), 10)**агенс** (8) и др.

К наиболее частотнымотносятся свободные**синтаксемы с (со)** + **Твор. пад.**со значением **комитатива**(комит.);**Твор. пад. без предл.** со значением **предиката**; обусловленная синтаксема **с(со)**+ **Твор. пад.** со значением **квалитатива**. Например:

1)*Деньги должны работать*. ***Спользой для страны*** (СБ. – 2007. – 19 окт.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$(с + сущ.$_5$)$_{\text{комит.}}$;

2)*То, о чём говорили… становится реальностью*. ***Причём реальностью, которая может оказаться не по вкусу… Соединённым Штатам*** (СБ. – 2008. – 28 окт.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$ (сущ.$_5$)$_{\text{предик., добав.}}$;

3) *Этот сериал*[«Ненастье». – *О. С.*] подводит *(первые) итоги эпохи девяностых. И он настоящий.**Отличнойрежиссурой, с отличными-актёрскимиработами***(ЛГ. – 2018. – 21 нояб.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$(сущ.$_5$)$_{\text{квалит.}}$

6. 320 сегментированных синтаксем **Предл. пад.** имеют 19 коммуникативных значений:1) **локатив** (локат.) (120), 2) **делибератив** (делиб-в)(90),3) **субъект – носитель признака** (S призн.)(18)**,** 4)**темпоратив** (16), 5) **лимитатив** (12), 6) **интерпретация отвлечённого понятия** (12), 7) **состояние субъекта**(10), 8) **ситуатив** (10), 9) **медиатив**(10), 10) **комитатив**(10) и др.

Наиболее частотные сегментированные синтаксемы **Предл. пад.**– свободные синтаксемы **в** + **Предл. пад.**; **на + Предл. пад.** со значением **локатива**) или локатива с темпоральным оттенком, **о (об)** + **Предл. пад.** со значением **делиберативa** и обусловленная синтаксема **в** + **Предл. пад.**

Например:

1) *Быков очень хорошо начинал, его взбунтовавшийся «Майор» был отмечен в Каннах, ещё больший фестивальный успех был у «Дурака». **И в России, и за рубежом*** **(**ЛГ. – 2019. – 20 февр.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_2}$(в + сущ.$_6$)$_{\text{локат.}}$;

2) *Мы решили продолжить «заседание» нашего круглого стола и поговорить о современных «потребителях» знаний. **Оклиентах-студентах*** (ЛГ. – 2017. – 17 мая); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_1}$(о + сущ.$_6$) $_{\text{делиб-в}}$;

3) *…вдове… во всём мерещатсязловещие знаки. **И в тех первыхсвиданиях, и вгадюке, заползшей под палатку в их первую ночь на Ветлуге…*** (СБ. – 2008. – 19 февр.); модель $\mathbf{T_1\ P_1.\ P'_1}$(в + сущ.$_6$)$_{\text{S призн.}}$

7. Итак, сегментированные падежные формы принимают активное участие в обогащении темарематического смысла текста и в структурировании универсальных категорий языка. Это подтверждено более чем 100 значениямиакцентуированных сегментацией новых рем в парцеллированных конструкциях, частей рем БП в конструкциях собст-

венно сегментированных, собственных рем в сегментированных присоединительных конструкциях. Наиболее часто ремы в сегментах имеют следующие значения: **субъекта** – около **300** единиц, **предиката** – около **300** единиц, **каузатора** и **каузатива** – более **170** единиц; **объекта** – более **160** единиц; **локатива** – более **150** единиц; **комитатива** – более **100** единиц, **темпоратива** – более **100** единиц; **делиберативa** – около **100** единиц и др.

8. Разные сегментированные именные синтаксемы могут играть одинаковые или сходные коммуникативные роли. Так, наибольшим структурным разнообразием отличаются СК, являющиеся носителями рематического содержания причинно-следственного характера. В них употреблены грамматические формы пяти падежей: **Им., Род., Дат., Вин., Твор.** В СТ с каузативными отношениями между БП и СК акцентуированныев СК ремы обозначают воздействующий фактор – **каузатор**, **объект-каузатор** (об.-кауз-р), а также **каузатив**(кауз-в) как внутреннее состояние субъекта, составляющее причину его действия.Например:

1) $\mathbf{P'_2}$(сущ.$_1$) $_{\textbf{об.-кауз-р}}$ в СТ*...радуют простые вещи.* ***Например,<u>здоровье</u>***(СБ. – 2004. – 6 мая);

2) $\mathbf{P'_2}$ (из + сущ.$_2$)$_{\textbf{кауз-в}}$ в СТ *...когда революционные мужики по всей Руси жгли владения своих бывших хозяев… болдинские крестьяне, напротив, взяли родовое гнездо Пушкиных под охрану.* ***<u>Излюби</u> к великому поэту***…(ЛГ. – 2018. – 13 июня);

3) $\mathbf{P'_2}$ (по + сущ.$_3$) $_{\textbf{кауз-в добав.}}$ в СТ…*если бы отец Олега сам заранее убил стаффордшидского терьера-рецидивиста, мог бы получить полгода тюрьмы.* ***<u>Постатье</u>«За жестокое обращение с животными»*** (СБ. – 2004 – 17 авг.);

4) $\mathbf{P'_2}$(за + сущ.$_4$)$_{\textbf{кауз-в,добав.}}$в СТ *…публике...советская «фильма» нравится до сих пор.* ***Наверное, <u>за</u> наивные <u>поиски</u> любви Николая Рыбникова и беззлобные <u>происки</u> бюрократа Сергея Филиппова***(СБ. – 2007. – 27 апр.);

5) $\mathbf{P'_2}$(сущ.$_5$)$_{\textbf{кауз-р}}$ в СТ*Пришло поколение, покалеченное школьным образованием, – подхватывает мысль доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН Наталья Уфимцева. –* ***<u>Образованием</u>, которого нет***(ЛГ. – 2017. – 17 мая).

9. Рассмотренные СК принимают участие вструктурировании и других универсальных категорий языка. Например, ***темпоративные*** ремы выражаются сегментированными синтаксемами **Род. пад., Дат. пад.,Вин. пад.**и **Предл. пад.**; ***квалитативные* – Им. пад., Род. пад.** и **Твор. пад.**; ***локативные* – Род. пад., Твор. пад.** и **Предл. пад.**; ***финитивные* –Род. пад., Вин. пад. и Твор. пад.**; ***делиберативные* – Им. пад.** и **Вин. пад.**; ***директивные* – Род. пад.и Дат. пад.**; ***дименсивные* – Род. пад.**и**Вин. пад.** и т. д.

Выводы

Проведённое исследование свидетельствует о широких коммуникативных возможностях расчленения, при котором сегментированные синтаксемы имени существительного, имея богатую и разветвлённую систему значений, акцентуируют ремы огромного семантического спектра, активно участвуя в обогащении тема-рематического смысла текста. Благодаря сегментации, значениясинтаксем становятся более чёткими, внятными, выпуклыми, поэтому лучше распознаются и быстрее воспринимаются. В их числе не только привычные смыслы, но и те, которые проистекают из редких, частных свойств объектов и событий.Как правило, эти признаки характеризуются денотативно мотивированной сложностью, совмещенностью разнообразных характеристик.

Многозначность рассматриваемых сегментированных синтаксем и их способность дифференцировать и акцентуировать тончайшие оттенки смысла,приумножают функционально-коммуникативные возможности структурирования доступных пониманию ситуаций, отражают богатство познанных человеком связей и отношений между реалиями мира.

Литература

1. Золотова, Г.А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. Изд. 2-е, испр. – М., 2001. – 440 с.

References

1. Zolotova G.A. (2001). Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnyh edinic russkogo sintaksisa. [*Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of Russian syntax*]. Moskow. (In Russ).

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

УДК 81’373.612.2

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЬЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.В. Громова,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.tatyana0087@mail.ru

В статье рассматриваются основные отечественные и зарубежные теории изучения концептуальной метафоры. Анализируются различные подходы к ее определению. С помощью методов описания, обобщения и систематизации собранного материала из трудов основоположников и ведущих отечественных и зарубежных метафористов выявлены и описаны основные представления о концептуальной метафоре, ее роль в формировании языковой картины мира, ее функции и сферы использования, а также способы ее образования. Делается вывод о том, что метафора как сложное и важное явление в языке является активно разрабатываемой областью когнитивных исследований.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, картина мира, концепт, культура, язык.

CONCEPTUAL METAPHOR AS AN OBJECT OF A LINGUISTIC RESEARCH

T.V. Gromova,
postgraduate student of the chair of Belarussian and Russian philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.tatyana0087@mail.ru

The article deals with the main theories of domestic and foreign linguists studying conceptual metaphors. Various approaches to its definition are analyzed. Using the methods of describing, generalizing and systematization of the collected material from the works of the founders and leading domestic and foreign metaphorists, the basic ideas about the conceptual metaphor, its role in shaping the linguistic picture of the world, its function and field of use, as well as ways of its formation were identified and described. It is concluded that metaphor as a complex and important phenomenon in the language is an actively developing area of cognitive research.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, picture of the world, concept, culture, language.

В нашей повседневной жизни нельзя обойтись без метафоры, поскольку она присуща человеческому мышлению и языку. Она служит одним из способов пополнения лексического инвентаря языка, а также способна формировать новые концепты, исходя из уже сформированных понятий.

Актуальность исследования метафоры обусловлена тем, что она представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации.

Целью нашего исследования является рассмотреть основные теории и подходы к изучению концептуальной метафоры. Для этого мы поставили ряд задач, а именно: изучить работы известных отечественных и зарубежных метафористов; выявить суть концептуальной метафоры, ее роль и функции в современной лингвистике.

Материалом для изучения, систематизации и анализа послужили работы В.Н. Телия, Е.О. Опариной, А.П. Чудинова, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Блэка, А. Ричардса, М. Тернера и др.

Рассмотрение метафоры как семантической универсалии находится в центре многих исследований в современной лингвистике (С.А. Хахалова, Н.Ф. Крюкова, В.Н. Телия, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А.П. Чудинов, Н.Д. Арутюнова). Каждое направление в лингвистике предлагает свое понимание метафоры, свою классификацию, а также новые методики ее изучения. Появляются исследования метафорических единиц, где метафора становится ключевым понятием при изучении концептуальных систем.

С середины XX в. формируется теория концептуальной метафоры, как способ создания языковой картины мира. Картиной мира принято назвать информацию, связанную с образованием понятий с помощью взаимодействия языковых значений и ассоциативных рядов. В. Н. Телия утверждает, что языковая картина «возникает в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значений с целью создания новых концептов» [4, с. 3]. Этот процесс своими языковыми формами и содержанием обогащает концептуальную систему носителей конкретного языка.

В своих работах многие исследователи особенно значимым выделяют представления о концептуальной метафоре как о средстве познания и объяснения окружающей действительности. Основоположниками данной теории считаются американские исследователи лингвист Дж. Лакофф и философ М. Джонсон, которые рассматривают метафору как когнитивное явление, один из центральных процессов в концептуализации мира, часть мыслительной системы и языка. За основу исследования концептуальной метафоры мы взяли их научный труд «Метафоры, которыми мы живём» (1980, перевод на русский язык – 1987). Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона, «…метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша *обыденная* понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [2, с. 43]. Они доказывают, что метафора не ограничивается одной лишь сферой слов, а оказывается за рамками языковой системы и рассматривается как феномен взаимодействия культуры, языка и мышления. Процессы мышления человека, его понятийная система упорядочивается и определяется метафорически. По их мнению метафора является инструментом для понимания любых абстрактных понятий [2, с. 89].

По теории Лакоффа и Джонсона у концептуальных метафор выделяют две важные области указания на окружающую действительность: область источника и область цели. Именно при помощи их взаимодействия и происходит метафорическая концептуализация. Источник – это более конкретное знание, то, на основе чего выполняется перенос (source). Это то, что извлекается человеком в процессе непосредственного взаимодействия с действительностью.

Вторая область – это цель (target) концептуальной метафоры. Что-то менее ясное, менее конкретное, менее определенное. Эти соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции конкретного общества, и называются концептуальными метафорами [2, с. 30].

Однако Марк Тернер, один из создателей теории «концептуального смешения», основанной на теории о ментальных пространствах Жиля Фоконье, подвергает критике данный подход описания метафорической проекции [7, с 58]. Согласно этой теории метафоризация включает в себя сложные процессы, которые образуют новые смешанные ментальные пространства (то, что возникает в нашем сознании, когда мы говорим или думаем), которые образуются для понимания определенного контекста, а метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель является лишь частным случаем более сложных процессов.

Схожие представления о концептуальной метафоре демонстрирует в своих работах и А.П. Чудинов, где он утверждает, что в ее основе лежат не известные значения распространенных слов и понятий, даже не сформулированные, знакомые нам категории, а концепты, сгенерированные в сознании человека в процессе обработки полученной информации. Эти концепты заключают в себе представления человека о его возможных свойствах и свойствах окружающего нас мира [6, с. 36, 52]. В этой связи метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует, что формирует его мышление и культуру. Соответственно наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума [6, с. 28)]

Е.О. Опарина, еще один представитель отечественной теории концептуальной метафоры, также подчеркивает тот факт, что помимо номинативной, образной и экспрессивно-оценочной функций метафоры выполняют в языке и концептуальную функцию, которая основывается на их способности формировать новые концепты исходя уже из сформированных понятий. По ее мнению, наиболее полно эта роль метафоры выступает в случаях обозначения непредметных сущностей. Здесь выделяют: человеческую сферу, т.е. обозначения эмоций, мыслей, видов деятельности, свойственных человеку; сферу явлений и процессов общественной жизни; явления и процессы, изучаемые наукой [3, с. 69].

Первоначально в качестве основной сферы бытования концептуальной метафоры выделяли только обыденную сферу. Дж. Лакофф и М. Джонсон постоянно упоминали о метафоричности в «обыденной понятийной системе», «повседневном опыте и поведении» [2, с.102]. Однако, позднее обнаружилось, что область действия концептуальной метафоры намного шире. В.Н. Телия называет основными областями функционирования концептуальной метафоры научную, публицистическую речь и обиходно-бытовой язык, особенно в тех областях, которые связаны со сферами мышления, чувств, социальных акций, морали т.п. [5, с. 195].

Так, рассмотрев различные подходы к изучению концептуальной метафоры мы выяснили, что многие исследователи в современной когнитивистике выделяют концептуальную метафору как особый тип. Она служит цели вербализации понятий, обозначая то, что ранее не имело словесного обозначения. Концептуальная метафора проходит через стадию образа и как и другие ее виды создается на ассоциативно-образной основе [5, с. 67].

Концептуальные метафоры связаны с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора “love is a journey” «любовь – это путешествие» согласована с основными ценностями культуры носителей английского языка. Она основана на их физическом и культурном опыте. Данная метафора имеет множество вариаций выражения обыденного языка. Следующие выражения разговорной речи демонстрируют данную метафору как концептуальный феномен:

*Our relations have **reached** a dead end*

*Наши отношения зашли в **тупик;***

*It’s been a long and bumpy **road***

*Это был длинный и неровный **путь;***

*Вот мы обмолвились словом о должном и да же предначертанном **пути романа.***

В данном случае концепт любви представляется нам как концепт путешествия, влюбленные проходят совместный путь, на протяжении которого возникают препятствия, трудности, сложные ситуации, где необходимо принимать различного рода решения. Поэтому вполне очевидно использование глаголов движения *(reach, come, turn, добираться, прийти, повернуть)* а также лексических единиц, так или иначе обозначающих конечную точку либо весь путь *(road, track, end, дорога, конец, начало, тупик).*

Термин концептуальной метафоры используется для обозначения особого типа фигурального употребления слова. Все исследования метафоры так или иначе основаны на идее переноса. Согласно теории концептуальной метафоры «переносу» подвергается не отдельное имя, а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [1].

Рассмотрим еще одну концептуальную метафору «Мир как Текст», которая за несколько последних десятилетий конкретизировалась среди связанных с ней метафорических элементов распространяющего характера. Так например:

*Я перебирала старые бумаги, листала **стран ицы** нашей **жизни;***

*Но **книга жизни** подошла к странице, котор ая дороже всех святынь. (Б. Л. Пастернак. Гефсиманский сад (1949));*

Мне надоели ночи светлые,

***Романы жизни** безбилетные,*

Хочу я ночи разноцветные,

А луны – вовсе неприметные;

*Я оставляю **следы** – вот эти самые **строки** – но следы **ведут в никуда*** (В. Пелевин).

Мы наблюдаем, что метафорическая модель «Мир – Текст» задается структурой семантического поля «текст», включающего подполе различного рода названий (строка, язык, страница, книга и т.д.). В свою очередь структура семантического поля является языковым отражением когнитивной структуры.

Таким образом, концептуальные метафоры являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка. Они отражаются в сознании людей и настолько привычны, что зачастую не осознаются как метафоры.

Теория концептуальной метафоры является активно разрабатываемой областью когнитивных исследований. Постановка вопроса о концептуальной метафоре и ее функционировании в языке и речи позволила начать серьезные исследования в области экстралингвистическими факторами. Метафора является инструментом мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, так как основана на национально-культурном мировидении. Метафорические концепты образуются в нашем опыте. Следовательно, метафора – это язык, наши мысли, отношения и действия.

Очевидно, что метафора – это не просто образное средство, связывающее два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы-источника при концептуализации новой сферы» [6, с. 36, 52].

Сила концептуальных метафор в их постоянном бессознательном использовании, это проходит незамеченным. Метафоры не исчезают, а остаются в человеческом сознании.

Литература

1. Кобозева, И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И.М. Кобозева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva/ – Дата доступа: 15.04.2019.
2. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Опарина, Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988. – с.65-77
4. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте – М., 1988а. – с. 26-52
5. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира – М.: Наука, 1988. – с. 173-207
6. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm/ – Дата доступа: 15.04.2019.
7. Turner M. The Literary Mind. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – p. 58.

References

1. Kobozeva, I.M. (2002). K formal'noj reprezentacii metafor v ramkah kognitivnogo podhoda [To the formal representation of metaphors in the framework of cognitive approach] Retreived April 15 2019 from: http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/kobozeva. (In Russ).
2. Lakoff, D. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors we libe by]*. Moscow: Editorial URSS (in Russ).
3. Oparina, E.O. (1988). *Konceptual'naya metafora. Metafora v yazyke i tekste. [Conceptual metaphor. Metaphor in the text and language]*. Moscow. (In Russ).
4. Teliya, V.N. (1988). *Metafora kak model' smysloproizvodstva i eyo ekspressivno-ocenochnaya funkciya. [Metaphor as a model of semantic production and its expressive-evaluative function]*. Moscow. (In Russ).
5. Teliya, V.N. (1988). *Metaforizaciya i eyo rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world. The role of a human factor in the language]*. Moscow. Science. (In Russ).
6. Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991-2000) [Russia in a metaphoric mirror: a cognitive study of political metaphor]* (Monograph. Ekaterinburg) Retreived April 15 2019 from: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm. (In Russ).
7. Turner M. (1996). *The Literary Mind*. – Oxford: Oxford University Press. (in Eng).

УДК 81’373.612.2

О РЕАЛИЗАЦИИ «КОМПЬЮТЕРНОЙ МЕТАФОРЫ» ВНЕ СФЕРЫ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

О.С. Гуркова,
аспирант кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: olga.gurkova.by@yandex.by

Неометафоры, связанные со сферой электронных коммуникаций, всё чаще выходят за пределы изначальной зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках – от обыденного общения в молодежной среде (в том числе жаргонного, представленного прежде всего англицизмами) до медиадискурса и современной художественной литературы. Они могут становиться средствами обозначения состояния или каких-либо характеристик личности, её профессии и статуса, каких-либо действий и др. Некоторые из них (например, неолексема *смайл / смайлик*) активно функционирует в рекламных текстах. По сути такие словоупотребления развивают глобальную метафору «человек – это компьютер». Немаловажное влияние на употребление в речи подобных неометафор, тематически восходящих к сфере электронных коммуникаций, оказывает, на взгляд автора, фактор языковой моды.

Ключевые слова: neolexeme, neometaphor, electronic communications, speech activity.

ON THE IMPLEMENTATION OF THE «COMPUTER METAPHOR» OUTSIDE THE SPHERE OF ELECTRONIC COMMUNICATIONS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

O. S. Gurkova,
post-graduate student of the Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: olga.gurkova.by@yandex.by

Neometaphor related to the field of electronic communications, increasingly go beyond the original zone of its existence recorded in various discursive practices, from everyday communication to youth (including slang, especially anglicisms) to media discourse and contemporary literature. They can become a means of indicating the status or any characteristics of the person, her profession and status, any actions, etc. Some of them (for example, neolexem *smile / смайлик*) actively functions in advertising texts. In fact, these words develop a global metaphor "man is a computer". Important effect on the use in the speech such neometro thematically ascending to the sphere of electronic communications has, in the opinion of the author, the factor of language fashion.

Key words: metaphor, conceptual metaphor, world view, concept, culture, language.

Введение

Начало XXI века олицетворяют стремительные информационные процессы, едва ли не ежедневное появление новых устройств и изобретений, которым необходимо давать названия. «Развиваются компьютерные технологии и компьютерные сервисы *(айпэд, бот, букридер, вебинар, виджет, вики, википедия, джипиэс, капча, макбук, подкаст, мессенджер, нетбук, таск-менеджер, торрент-трекер, файервол*), внедряются новые средства связи и телекоммуникации (*блютуз, вай-фай, хот-спот)*. Наибольшее внимание в настоящее время привлекает мобильная телефония, представляющая новые форматы, устройства и сервисы *(Андроид, рингбэктон, рингтон, смартфон, тачфон)*» [4]. Весь мир погрузился в коммуникативное пространство Интернета и мобильной телефонии. «Социальные сети и живые журналы открыли совершенно новый способ коммуникации и, как следствие, целые пласты новой лексики, как заимствованной, так и возникшей в русском языке, входят в обиход (блук, массфрендинг, массфолловинг, микроблогинг, твит, Твиттер, троллинг, Фейсбук, фолловер, френд)» [4].

«*Слова,* не имеющие аналогов в русском языке, *без которых сегодня невозможно жить и работать, смотреть и слушать!*» – так гласит надпись (с которой нельзя не согласиться) на лицевой стороне обложки книги Е.Н. Шагаловой «Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века».

Согласимся с Н.С. Валгиной: «Язык и время — извечная проблема исследователей. Язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке. Язык изменяется. Это эволюционное качество заложено в нем самом… Оценки «хорошо» или «плохо» здесь неуместны. В них слишком много субъективного» [1, с. 4].

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня все мы являемся членами языкового общества «неологической» эпохи и можем наблюдать интереснейшее явление обогащения метафорикона в современной русской речи за счет слов и выражений (неолексем и неофразем), тематически восходящих к сфере-источнику «электронные коммуникации» (ЭК), что можно квалифицировать как один из наиболее активных неологических процессов в русском языке на современном этапе его развития. Неометафоры, связанные со сферой ЭК, вышедшие за пределы изначальной зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках – от обыденного общения в молодежной среде (в том числе жаргонного, представленного прежде всего англицизмами) до медиадискурса и современной художественной литературы.

Ведущая функция неологизма, номинативная, – давать наименования всему новому, что происходит с человеком в его жизни. Так, например, появляются неометафоры, которые называют различные состояния человека (*залипать, зависать, перезагрузка): Мой сын залип с ответом (т.е. задумался о чем-то)* (из беседы); *К концу рабочего дня мои очумевшие от компьютерного жаргона мозги "зависли" и просили "перезагрузки"* (В. Ворсобин. Столичные порносайты делают 15-летние пацаны // Комсомольская правда, 2001.06.04); качества личного характера: *лол – глупый или простоватый человек,* чаще всего употребляется подростками с негативной окраской, синонимично слову *тупой (Он обозвал меня «лол»* – из интернет-форумов).

Другие номинации подобного рода стали современными обозначениями профессий и/или статуса – *вебледи, вебменеджер, вебдевочка;* некоего условного адреса (*«WWW! Ленинград! WWW! точка ру!»* – из песни группы «Ленинград»); некоторых действий: *сконектиться* – в значении *встретиться в реальной жизни.*

Неизменными средствами общения в социальных сетях продолжают оставаться смайлики (смайлы) и лайки. Е.Г.Прилукова отмечает, что «…смайлик, в привычном вербальном тексте в письме, отправляемом по электронной почте или в SMS-сообщении, значительно легче передает не столько настроение, сколько мысль о нем» [2, с. 47].

При этом всё чаще фиксируются их употребления во внеинтернетном общении. Так, весьма широко употребляемой вне сетевого общения стала сама лексема *смайл* (от англ. smile – улыбка) – общее название широко распространенных знаков эмоциональных реакций среди коммуникантов социальных сетей, мобильной телефонии, чаще всего употребляемая в виде диминутива *смайлик*, ср.: *Сначала мне в бумажной переписке очень* ***смайлов*** *не хватало (А.В.Жвалевский, Е.Пастернак, «Время всегда хорошее»)* [3].

Обратим внимание на приводимые ниже рекламные объявления и слоганы:

СМАЙЛБУС В Минск и обратно с улыбкой всегда!

Как известно, создатели различных торговых компаний и фирм, предоставляющих какие-либо услуги социуму, стараются для наименования своих организаций, продуктов использовать ресурсы побудительности и убедительности в подтекстовых значениях, в тех смыслах, которые рождаются благодаря ассоциациям.

Полагаем, что использование неолексемы *смайл (смайлик)* в названиях фирм имеет психологический характер (ассоциируется с положительным настроением, улыбкой), что вызывает у потенциального потребителя положительную эмоциональную реакцию. Ср.: *Сеть салонов красоты «**Смайл**;, фирма по продаже автомобильных кондиционеров в г. Гомель «Авто**смайл**»; «**Смайл**бус» – название фирмы, оказывающей услуги междугороднего маршрутного такси; сеть пиццерий «Пицца **Смайл**»; сеть кофе-баров «**Смайл**-кофе»; «**Смайлик**» – фотосалон в г. Гомеле* и др. В данном случае неометафора ***смайл,*** выполняет ономастическую функцию и является эргонимом. Также неометафору можно отнести к *синестетическому* типу метафор.

Выводы

Таким образом, нами выявлено, что неолексемы, тематически восходящие к сфере ЭК, всё активнее включаются в модели переноса значения с тех или иных свойств и качеств электронных средств общения на человека, т.е. по сути развивают глобальную метафору «человек – это компьютер».

Отметим, что немаловажное влияние на употребление в речи неометафор, тематически восходящих к сфере электронных коммуникаций, оказывает фактор языковой моды.

Литература

1.Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. – 304 с.

2.Прилукова, Е.Г. Стратегия визуализации как производство смыслов вербального текста / Е.Г.Прилукова // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы IV Междунар. науч. – практ. конф., Минск,25-26 окт.2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.И.Уланович (отв. ред) и [и др.]. – Минск, БГУ, 2018. – С. 46–49.

3. Смайл // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru. – Дата доступа: 02.02.2019.

4.Шагалова, Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века: ок. 1500 слов / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413, [3] с.

Refrences

1.Valgina, N.S. (2003). Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. [*Active processes in the modern Russian language: studies. manual for university students*.]. Moskow: Logos. (In Russ.).

2.Prilukova, E.G. (2018). Strategija vizualizacii kak proizvodstvo smyslov verbal'nogo teksta. *Jazykovaja lichnost' i jeffektivnaja kommunikacija v sovremennom polikul'turnom mire: materialy IV Mezhdunar. nauch. – prakt. konf* [The strategy of visualization as the production of meanings of the verbal text. *Language personality and effective communication in the modern multicultural world: materials IV international. science conf.*], Minsk: BSU 46–49. (In Russ.).

5. Smile // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. [Smile. *National corpus of the Russian language*]. Retrieved February 02 2019 from: http://www.ruscorpora.ru. (In Russ.).

4. Shagalova, E.N. (2011). Samyj novejshij tolkovyj slovar' russkogo jazyka HHI veka: ok. 1500 slov [*The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XXI century: about 1500 words*]. Moskow: AST. (In Russ.).

УДК 811.161.2’373.7-112

ФРАЗЕОЛОГІЧНА ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ «ВЛАДА» У СХІДНОСЛОВ’ЯНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ XVII–XVIII СТ.

В.В. Денисюк
доцент, кандидат філологічних наук,
доцент кафедри української мови та методики її навчання
Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини,
м. Умань, Україна
e-mail: dvv2812@ukr.net

Метою статті є дослідження структурно-семантичних особливостей фразеологізмів, що вербалізують поняття «влада». Для досягнення поставленої мети з’ясовано корпус фразеологічних одиниць – вербалізаторів поняття «влада»; визначено семантику та можливі зрушення в семантичній структурі аналізованих фразеологізмів; дано їх структурну характеристику та простежено тяглість у східнослов’янських мовах. Матеріалом наукового студіювання слугували пам’ятки історіографічного жанру (хроніки, літописи, літописці) XVII–XVIII ст. Проведене дослідження засвідчило функціювання як фразеологічних одиниць, успадкованих із мови київоруського періоду, так і новоутворених, що отримали розвиток тільки в окремих мовах. Проаналізовані фразеологізми доводять семантичну та структурну тяглість, однак змінений компонентний склад.

Ключові слова: фразеологізм, фразеологічна одиниця, стійке сполучення слів, структурна модель, семантика, історіографія, літопис.

FRAZEOLOGICAL VERBALIZATION OF THE «POWER» CONCEPT IN EASTERN HISTOROGRAPHY OF THE 17th – 18th CENTURIES

V.V. Denysiuk,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor at the Ukrainian language and methods of teaching department, Pavlo Tychyna Uman State Pedagogical University,
Uman, Ukraine
e-mail: dvv2812@ukr.net

The purpose of the article is to study structural and semantic features of phraseologisms that verbalize the «power» concept. To achieve this goal, the body of phraseological units-verbalizers of the notion of «power» has been clarified; defined semantics and possible changes in the semantic structure of the analyzed phraseologisms. Their structural characteristics are given and continuity is traced in the East Slavic languages. The monuments of the historiographical genre of the 17th – 18th centuries served as the materials of scientific study. The phraseological verbalization of the «power» concept, shows the high degree of development of the phraseological system of the East Slavic languages in the analyzed texts of the historiographical genre in general. Authors actively use phraseologisms, which are inherited from the language of the Kievan period, most of which are used to describe the events of that time. The formation of the new stable units testifies to the structural continuity, since the main models are «verb + noun», «verb + preposition + noun» with non-fixed order of components and the ability to include a pronoun, adjective electives. The investigated historiographic materials show the stratification and enrichment of the phraseological system of each language in different ways: Russian historiography preserves the conservative character of the phraseological system, Ukrainian and Belorussian undergo the impact of the Polish language, adapt the Polish phraseologisms. Ukrainian historiographic works represent the largest number of phraseological units due to extralinguistic factors: the frequent change in government that leds to the struggle for power between representatives of the Cossack chairmen. Modern Eastern Slavic languages were inherited only by certain phraseological units, whose semantics were subject to shifts in the direction of «concrete» – «general».

Keywords: idiom, phraseological unit, a steady combination of words, structural model, semantics, historiography, chronicle.

Вступ

Фразеологія, незважаючи на свій проміжний, міжрівневий статус, була і залишається однією зі статичних ланок будь-якої мови. Східнослов'янська фразеологічна підсистема формувалася впродовж багатьох століть із різних джерел. Писемні пам'ятки того чи того періоду відповідно до свого жанру відбивають функціювання фразеологічних одиниць (або їх варіантів), а тому репрезентують фразеологію різних тематичних груп, надаючи перевагу найбільш дотичній до описуваних подій. Історіографія – специфічний жанр, особливість якого полягала в тому, що ці тексти, первинно зорієнтовані на одного чи кількох представників суспільства, з розвитком змінили вектор аудиторії – були розраховані не на певну категорію населення, а мали загальнодержавне значення, оскільки висвітлювали передусім історичні події країни, в якій проживав автор. На важливості виявлення та дослідження функцій фразеологізмів різножанрових пам'яток наголошував А. І. Генсьорський: «Воно дає ключ до зрозуміння розвитку мови в історичному процесі. Без такого виявлення ми не зрозуміємо і сучасного стану лексико-семантичного складу мови» [6, с. 154]. Зауважимо, що фразеологічні особливості літописних текстів XI–XIV ст. та їхніх списків докладно описано у східнослов'янській лінгвістиці. Зокрема, спеціальні розвідки фразеології цього періоду присвятили О. І. Васильєв (різнотипні за структурою і семантичною злютованістю сполучення слів на матеріалі різножанрових пам'яток, що знайшло своє відображення у «Словнику фразеологічних одиниць давньоруської мови») [1–4], Ш. І. Васильєв (фразеологічні одиниці воєнної тематики) [5], А. І. Генсьорський (докладне компаративне дослідження лексико-фразеологічних особливостей обох частин Галицько-Волинського літопису) [6], Л. Я. Костючук (дала структурно-граматичну характеристику стійких словосполучень, зафіксованих у пам'ятках ділового стилю (грамотах), зокрема акцентувала на специфіці виокремлення стійких сполучень слів у давньому тексті) [7], О. Г. Ломов (на матеріалі різних списків «Повісті минулих літ» проаналізував стійкі словесні комплекси та запропонував методику відокремлення їх від власне фразеологізмів) [8], О. В. Творогов (об'єктом його зацікавлень слугували традиційні стійкі словосполучення в «Повісті минулих літ», позначені частотністю вживання та фразеопотенціями) [9], В. Ю. Франчук (на матеріалі «Повісті минулих літ» крізь призму фразеологізмів із компонентами *бог*, *суд*, *рота* простежила дохристиянські вірування східних слов'ян) [10] та ін.

Задекларований період багатий на писемні пам'ятки, зокрема й історіографічного жанру. Їх фразеологічна підсистема стала об'єктом наукових зацікавлень А. С. Аксамитова, Л. І. Батюк, В. В. Денисюка, О. І. Зинов'євої, Л. І. Коломієць, М. Ф. Палевської, Н. В. Поліщук, Г. О. Селіванова, О. О. Суховій, Т. І. Томашевича, Т. Г. Трофимович, І. В. Черевко, В. К. Чернецького, С. Г. Шулежкової, О. С. Юрченка та ін. Незважаючи на значну кількість досліджень, фразеологія історіографічного жанру зазначеного періоду не отримала належного опрацювання серед мовознавців, що й визначає актуальність нашої розвідки.

Мета і завдання

Метою дослідження є структурно-семантичний аналіз фразеологізмів, що вербалізують світський аспект поняття «влада». Досягнення поставленої мети передбачало вирішення таких завдань: а) з'ясувати корпус фразеологічних одиниць – вербалізаторів поняття «влада»; б) визначити семантику та можливі зрушення в семантичній структурі аналізованих фразеологізмів; в) дати структурну характеристику фразеологізмів; г) простежити тяглість фразеологічних одиниць у східнослов'янських мовах.

Методи і матеріал дослідження

Матеріалом дослідження слугували пам'ятки історіографічного жанру (хроніки, літописи, літописці) XVI–XVIII ст., що репрезентують описи хронологічно різних періодів, де майже завжди приділено належну увагу значущим подіям як у своїй країні, так і за її межами. Задекларована тема зумовила використання релевантних методів дослідження: описового (для добору, класифікації та інтерпретації фразеологізмів як елементів лексичної системи мови), порівняльно-історичного (для з'ясування тяглості фразеологічних одиниць та відповідних змін у їх семантичній структурі в кожній зі східнослов'янських мов), дискурс-аналізу (для з'ясування тогочасного світогляду літописців як представників кожного із трьох етносів та добору відповідних фразеологічних одиниць для репрезентації того чи того поняття), структурно-семантичного моделювання (для конструювання моделей аналізованих фразеологізмів).

Результати та їх обговорення

Основними подіями, що знайшли відображення в досліджуваних пам'ятках, стало ведення зовнішньої та внутрішньої політики країни. Це передусім стосується таких сфер, як військова (воєнні дії із загарбниками, придушення повстань у межах країни) та суспільно-політична (боротьба за владу на найвищому рівні).

Прикметно, що це своєрідне «дійове» ядро будь-якої держави. Інші ж події описано досить-таки стисло, лаконічно. Автор навіть не намагається їх лексично урізноманітнити, пропонуючи читачам короткий стандартизований опис. Безперечно, це є однією з рис літописання, яке саме на межі XVII–XVIII ст. змінювало свою функційну сутність – із суто хронологічного покажчика літописи ставали компіляціями, історіографіями із не просто переліком тих чи тих подій, змін, а коментарем автора/переписувача. Відтак можемо констатувати, що поява таких праць на другу половину XVIII ст. спричинила витіснення регіонального літописання на периферію джерел історії. Звісно, це зовсім не означає, що вони зникли зовсім, адже люди продовжували для себе занотовувати інформацію про різні події, найчастіше – із приватного життя, що зумовило розвиток «щоденникового» жанру.

Як зазначено вище, нашу увагу привернула фразеологічна репрезентація поняття «влада». Лексема *влада* питома, є вторинним запозиченням у середні століття з польської або чеської мови (ЕСУМ, І, с. 409). Власне український розвиток дав повноголосну форму, закріплену в різних частиномовних дериватах (*володар*, *волость*, *володіти* та ін.). Філософи тлумачать термін *влада* «як здатність спрямовувати процеси, події, дії та поведінку людей у бажаному напрямі» (ФЕС, с. 94), політологи – як «можливість і здатність здійснювати свою волю, чинити вирішальний вплив на діяльність, поведінку і загалом долю людей за допомогою певних засобів (авторитету, права, насильства тощо); організаційний аспект і функціонально-специфічне начало втілення вольових рішень (наприклад, політична, економічна, державна, соціальна, духовна, сімейна В.); центральна, організаційна та регулятивно-контрольна засада політики; одна з найвагоміших і найдавніших проблем суспільно-політичного знання; проблема культури суспільства й життя конкретної людини» (СПЛ, с. 45). Наведені дефініції підтверджують, що на лінгвальному рівні концепт «влада» отримує розгалужену структуру, вербалізаторами якої стають різні лексико-фразеологічні одиниці.

Закономірно, що індивідуальні особливості визначають експліцитний та імпліцитний типи людей, які прагнуть виражено чи приховано отримати владу бодай над маленькою групою представників свого чи чужого народу. Вироблений здавна монотип отримання влади через значне суспільне розшарування, детерміноване іншими соціальними чинниками (війна, залежність, податки та ін.), у середні віки зазнавав суттєвих змін. Центр ваги революційно зміщувався з «наперед даного» до людини, здатної проявити себе відповідальним, хоробрим полководцем-стратегом, інтелектуалом, умілим дипломатом. Власне боротьба між монархічним і демократичним типами управління державою спричинила появу різних підводних рифів, що виникали на шляху до влади. Це, своєю чергою, дозволяє стверджувати, що в орбіту репрезентації поняття «влада» потрапляють фразеологічні одиниці різних тематичних груп.

Суспільно-політична фразеологія досліджуваного періоду ще не становила самостійної групи, значною мірою використовуючи надбання києворуського періоду. Це закономірно, адже автори багатьох історіографій, послуговуючись списками давніх літописів, торкаються витоків своєї країни, за допомогою готових словесних комплексів номінують різні аспекти влади. Зрозуміло, що влада у своєму конкретному вияві не може перевищувати тривалості життя людини, як і те, що владою в повному розумінні може скористатися людина тільки з досягненням певного віку. Отже, ураховуючи хронологічний критерій, можна виокремити три блоки фразеологічних одиниць на позначення а) набуття особою влади, б) перебування особи при владі, в) втрати особою влади.

Як засвідчують досліджувані писемні пам’ятки, найуживанішими є фразеологічні одиниці, що вербалізують початок управління державою, зокрема ***приняти престолъ***, напр.: *Того(ж)* ***Принял престолъ*** *великороссійского княженія синъ его Ігоръ Рурикoвичъ* (ЛК, с. 177); *… княгиня Олга, з синомъ своимъ Свято(с)лаво(мъ) Ігоровичо(м) // Ігоровичомъ* ***приняла престолъ*** *княженія* (ЛК, с. 177); ***Принялъ престолъ*** *в Кіевѣ россійского княженія великій князь, братъ его, Всеволодъ Ярославичъ* (ЛК, с. 179); ***Принялъ престолъ*** *в Кіевѣ россійского княженія Мсътиславъ Володимировичъ* (ЛК, с. 182). Ця фразеологічна одиниця засвідчена не тільки для характеристики державницьких подій києворуського періоду, а й подальших етапів історичного розвитку країн, хоч частотність її уживання значно знижується. Зокрема, послуговується нею невідомий автор «Літопису короткого» для опису подій у Московії, напр.: ***Принялъ престолъ*** *в Мос(к)вѣ братъ его, великій князь Іванъ Івановичъ* (ЛК, с. 183); ***Принялъ престолъ*** *самодержавія всероссійского цр̃ъ и великій князь Феодоръ Івановичъ* (ЛК, с. 189); ***Принялъ престолъ*** *россійскій Феодоръ Борисовичъ Годуновъ* (ЛК, с. 191).

Із таким же значенням у текстах уживаються варіанти фразеологічної одиниці, де дієслівний компонент репрезентований словотвірними дериватами – ***пріят (воспріа) престолъ***, напр.: ***Прія(т) престолъ*** *в Кіевѣ великороссійского княженія великій князь Изяславъ Ярославичъ* (ЛК, с. 179); ***Прія(т) престолъ*** *великого княженія кня(з) Василій Александровичъ у Владимери и Переясловле* (ЛК, с. 183); ***Пріятъ престолъ*** *великій князь Димитрій Александровичъ* (ЛК,

с. 183); *19 числа избрана государыня императрица, герцогиня курляндская, царевна Анна Иоанновна, і* ***воспрія престол*** *февраля 15* (ЛК, с. 246). З аналізованих російських історіографій тільки в одній натрапляємо на такий варіант, напр.: *По нем* ***восприя*** *царский* ***престол*** *Московскаго государства сын его государев* (Летописец, с. 181). В обстежених білоруських літописах варіанти цього фразеологізму відсутні.

Одиничними випадками вживань репрезентована фразеологічна одиниця із лексичним церковнослов'янізмом *власть*, напр.: *И под двою лѣть Синеусь и брать его Триур умре, и* ***приня всю власть*** *в Руси Лирикь* (СЛ, с. 37); *Се же сотворися от Ярополка, брата его, яко хоте его преже того убити, и* ***прия власть*** *его Ярополк* (СлЛ, с. 79). Факультативний займенниковий компонент *всю* реалізує семантику міри.

Утворені фразеологічні одиниці за моделлю «дієслово + іменник». Звертає на себе увагу постійний порядок розташування компонентів, а також домінування церковнослов'янських форм.

Засвідчені в досліджуваних пам'ятках інші варіанти для позначення початку управління країною. Іменниковим компонентом слугували лексеми, що номінували головні символи влади – скіпетр і держава, що для східнослов'янських країн властиве було тільки Московському царству, а згодом і Всеросійської імперії, для опису подій у яких використано ці фразеологічні одиниці, напр.: *Тогдажъ Государыня Императрица Екатерина Алексіевна* ***державу воспріяла*** *и многихъ магнатовъ въ ссылку позасылано* (ЛЛ, с. 58); *ея імператорское величество государыня Екатерина Алексѣевна того жъ часу* ***державу всприяла*** (ЛК, с. 244); *Тогдажъ Государыня Царевна Анна Ивановна, Курляндская герцогиня ... зъ Митавы пріѣхать изволила и* ***воспріяла скипетръ*** (ЛЛ, с. 60); *Того(ж) По великомъ государѣ цр҃ѣ Феодорѣ Ивановичѣ* ***принялъ скипетръ*** *самодержавія россійского Борисъ Федоровичъ синъ Годуновъ* (ЛК, с. 191). Ці варіанти засвідчують порушення порядку компонентів моделі «дієслово + іменник».

Початок управління державою передавали і фразеологічні одиниці *сѣде на пресъстолѣ, на царство короновать, коронована на імперію* та ін., по-різному презентовані у східнослов'янських історіографіях. Зокрема, увесь арсенал фразеологічних засобів засвідчує тогочасна українська історіографія. Зауважимо, що фразеологізми активно реагують на зміни в лексичній системі мови, зумовлені розвитком суспільства загалом, що позначилося на субституції іменникового компонента – зазвичай лексемі на позначення адміністративно-територіальної одиниці (*престол* «головне місто країни» – *столица* «головне місто країни» – *царство – княженіє*, *царство – імперія*), напр.: *980 Году великій князь Владимеръ ...* ***сѣде на пресъстолѣ*** *великороссійского княженія в Кіевѣ* (ЛК, с. 178); *Того ж* ***сѣлъ на цр҃ствѣ*** *и коронован заразом* (КЛ, 5, с. 111); *бѣ бо всему хитрь и* ***седе*** *в добрых днех и* ***на отчемь престолѣ*** (СЛ, с. 43); *Скирмонт, яко старший сын,* ***сѣл на отцевской столици*** *в Новгородку князства Рускаго и Литовского по Вилии рецъ* (ХЛЖ, с. 21); *Кн̃зь Владимеръ Мономахь пріѣхал до Киева, усмирилъ тыи бунты и* ***сѣль*** *самъ* ***на столицы*** *отц̃а своего Всеволода в Киевѣ, а Ярополъкъ сѣлъ в Володимери на Волыню* (Кройніка, с. 70 зв.); ***Сѣлъ на столицы*** *киевскои Всеволод Олговичь, з великою честию принятыи, марта въ ден 5* (Кройніка, с. 84); *В лѣто SX̃KB [6622]* ***сѣл*** *Володимѣр Манамах* ***на вѣликом кн̃жєни*** *в Києвѣ на столѣ ѡтца своєго Всєволода и устрои мост чєрєз Днѣпръ* (КЛ, 2, с. 117); *В лѣто SX̃ЧВ [6692] Ростислав Мстиславович* ***сѣлъ на вѣликом кн̃жєни*** (КЛ, 2, с. 117); *В лѣто SC̃A [6901]* ***сѣл на вѣликом кн̃жєни*** *кн̃зь Витовтъ Кєстутъєвич* (КЛ, 2, с. 118); *Того же лѣта выиде изо орды князь Дмитреи Михаиловичь тферскы и* ***сѣде на великое княжение*** (СЛ, с. 46); *Того же лета князь Димитрей Ивановичь прииде в Володимер и* ***сяде на великое княжение*** (ВЛ, с. 166); *А гды то учув Витолт, зараз Еремфердека, рожоного брата Токтомишовага, котрый утекл з той битвы, знову* ***короновал*** *в Вилни* ***на царство*** (ХЛЖ, с. 80); *Федо(р) Алексіевичъ* ***на царство короноованъ*** (ЛК, с. 221); *Того(ж) Великіе государи цари, Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ* ***на царство*** *...* ***коронованни*** (ЛК, с. 224); *Мая 7* ***коронована*** *в Москвѣ ... Екатерина Алексѣевна* ***на*** *Всероссійскую* ***імперію*** (ЛК, с. 243). Один раз у білоруському літописі фіксуємо фразеологізм, у якому автор використав синонімічні прийменниково-іменникові компоненти, напр.: *князь же великии Витовт ... и поидѣ в Литву и* ***сядѣ*** *в Вилни, в Литвѣ,* ***на вѣликомь княженьи, на столѣ*** *дяди своего великаго князя Олгирда, и отца своего, великаго князя Кестутиа* (СлЛ, с. 72).

Наведені контексти засвідчують спорадичну появу факультативного компонента – атрибутивів *отчий, отцевский, великий*, що виконують додаткову кваліативну функцію. За даними історичних словників, фразеологізми цієї моделі відомі мові київоруського періоду: *сѣсти на княжении* «отримати князівську владу» (СРЯ[11–17], 7, с. 204); *сѣсти на государство, на княжение, на царство* «стати правителем, князем, царем»; *сѣсти на столѣ (прѣстолѣ)* «посісти престол» (СРЯ[11–17], 24, с. 96). Укладачі «Історичного словника білоруської мови» в лексемі *престол* виокремлюють переносне значення «царство; влада, панування», однак сполучення з нею не кваліфікують як стійкі (ГСБМ, 28, с. 132). Таку ж позицію займають українські дослідники (СУМ[16–17], 7, с. 50), однак виправляють свою думку в наступних випусках. Наприклад, у словниковій

статті *княженіє / кнѧженїє* сполучення слів *на великомъ кнѧженїи сѣсти* подано як стійке зі значенням «посісти трон правителя Великого князівства» (СУМ[16–17], 14, с. 147). Прикметно, але тільки фразеологічну одиницю *сѣде на престолѣ* успадкували нові східнослов'янські мови: *сидіти на престолі (троні)* «царювати, правити, бути монархом» (ФСУМ, с. 802); *взойти (вступить, сесть и т. п.) на престол* «стать, утвердиться монархом» (ФССРЛЯ, II, с. 119).

Екстралінгвальними чинниками мотивована наявність у досліджуваних пам'ятках запозичених фразеологічних одиниць, що, однак, утворені за такою ж структурною моделлю. Передусім це входження більшої частини білоруських та українських земель до складу Великого князівства Литовського, а згодом і до Речі Посполитої. Відтак польська мова як державна здійснювала вплив на споріднені мовні системи. Тож цілком зрозуміло, чому білоруські історіографи послуговуються варіантами фразеологізмів, позначених польськомовним впливом, напр.: *Ягейло, за старанем Кестутовым* ***на панство отцевское вступивши****, великие войны з русью, поляками и крижаками инфлянскими и прускими мѣвал* (ХЛЖ, с. 63–64). Літописець поширює компонентний склад фразеологічної одиниці факультативним елементом – відтопонімним прикметником, напр.: *По нем Викинт, сын молодший Монтвилов,* ***на князство Жомоитское и на Курсовское вступил*** (ХЛЖ, с. 19); *По смерти Наримонта Тройдень, брат его,* ***на Великое князство Литовское и Жомойтское вступил*** (ХЛЖ, с. 32); *А гды приѣхал до Кракова, намовлял его Казимер кроль, абы зостал сыном костела, покинувши веру свою грецкую и зараз по нем* ***вступил на панство Полское****, гды жь был от всѣх панов на том сеймѣ згоднѣ* ***выбраный на кролевство*** (ХЛЖ, с. 45); *Княжата и панята коронные и литовские, также и посторонные з[ъ]ѣхалися на коронацию до Кракова; там же Августъ Жигмонт кролевичь сын Жигмонта кроля* ***был коронован на кролевство Полское*** (ХЛЖ, с. 107). Цю ж тенденцію спостерігаємо в українських літописах, зокрема літопису Самовидця, автор якого для передачі реалій іншої країни послуговується адаптованою з польської мови фразеологічною одиницею, напр.: *А на его мѣсце обрано царемъ брата его молодшого Петра Алексѣевича у молодихъ лѣтехъ у девяти;* ***наступилъ на панство*** *мѣсяця мая 6 дня* (ЛС, с. 152–153).

Польськомовні фразеологічні одиниці автор білоруської «Хроніки Литовської і Жмойтської» використовує і для репрезентації передачі влади у спадок, напр.: *А выконавши на панствѣ лѣт 70, умер в покою,* ***зоставивши*** *Мендога сына* ***на панствѣ*** *своем* (ХЛЖ, с. 26), та повернення влади представникам монаршого роду, напр.: *А так радили Войселка черница сына Мендогова, котрый на той час мешкал в Пинску в монастыру,* ***поднести на панство*** (ХЛЖ, с. 28).

Звертає на себе увагу вербалізація початку керування країною особою, яку через різні, передусім внутрішньодержавні, обставини спеціально запросили виконувати цю функцію, напр.: ***приняли на царство*** *сн̃а его , короля Жигму(н)та Святослава* (ЛК, с. 193); *В лѣто SЦ̃Ф [6909]* ***приняли*** *смолянє кн̃зя своєго Юря Ст̃ославича* ***на кн̃жєнє****, а намѣстника Витовтова кн̃зя Ромона [!] брянского убили* (КЛ, 2, с. 118). Наведений ілюстративний матеріал засвідчує низький ступінь злютованості компонентів фразеологічної одиниці, що дозволило одному з авторів розірвати її словесним блоком.

У досліджуваних текстах один раз фіксуємо фразеологізацію отримання або повернення влади насильницьким шляхом, підтвердженням чого слугує інша фразеологічна одиниця *из своей руки* та дієслівний компонент, напр.: *Того ж лета князь великий царя Махмет Аминя из своей руки* ***посадил на царство*** *в Казани, а коромольных князей и уланов казнил смертию* (ХЛ, с. 125). Фразеологізм відомий мові києворуського періоду: *посадити на княжении* «дати князівську владу» (СРЯ[11–17], 7, с. 204), а наведений контекст засвідчує можливу субституцію іменникового компонента. Сучасні східнослов'янські мови його не успадкували.

Імпліцитно насильницький шлях отримання влади репрезентує фразеологічна одиниця *приде на княженіє*, на семантику якої впливає контекстуальне оточення, напр.: *Потомь* ***прииде на великое княжение*** *князь Володимер из Новагорода из Великого князь Андрѣи Боголюбскыи* (СЛ, с. 37); *И по немь ис Киева жь* ***приде*** *брать его Михалко* ***на великое княжение*** *в град Володимер и мсти обиду брата своего, Кучковичи поби* (СЛ, с. 38). Структурно фразеологізми цієї підгрупи організовані за моделлю «дієслово + прийменник + іменник», однак стійкістю ця модель не позначена, що доводить ілюстративний матеріал.

Інші реалії державного устрою були в Козацькій християнській республіці. Демократичне козацьке суспільство обирало собі керівника відкритим голосуванням. З появою ж реєстрового козацтва на посаду гетьмана не обрали, а призначали. Династичний спосіб отримання влади спробували запровадити після смерті Богдана Хмельницького, однак це закінчилося повним крахом. У часи Руїни, добу складних політичних перипетій, коли йшла боротьба між козацькою старшиною за владу, часто гетьманом міг проголосити себе будь-хто з козаків, що вербалізовано в мові – з'явилися стійкі конструкції для передачі цих понять, напр.: *1594 г. Шляхтичъ Косѣнскій, по благочестію ревнитель,* ***учиняся гетманомъ русскимъ*** *исъ козаками*

сталъ воевать ляховъ (ЛЛ, с. 4); *А остальные козаки заразъ себѣ* ***обрали гетманомъ*** *Гуню* (ЛЛ, с. 6); *1606 г. Петръ Конашевичъ Сагайдачный* ***гетманомъ поставленъ*** (ЛЛ, с. 4); *Того(ж) Петръ Канашевичъ Сагайдачний,* ***ге(т)маномъ взвався*** (ЛК, с. 192); *Того(ж) Богданъ Хмелницкій* ***цѣлимъ гетмано(м) наста*** (ЛК, с. 202); *Того(ж) Виговскій …* ***учиненъ*** *самъ* ***гетманомъ*** (ЛК, с. 206); *Того(ж) Козаки в Козелцѣ Сомка* ***учинили гетманомъ*** (ЛК, с. 210); *Того(ж) Васюта* ***гетманомъ*** *в Нѣжинѣ* ***озвался*** (ЛК, с. 211); *Того(ж) Дацикъ нѣктось* ***озвався билъ гетманомъ*** (ЛК, с. 213); … ***учинилъ наказни(м) гетманомъ*** *Демиана Многогрѣшного* (ЛК, с. 216); *Того(ж) Іванъ Самойловичъ* ***на гетманство избранъ*** (ЛК, с. 219); *Тыи послы, бавившися чрез все лѣто вь Варшаве, привезли вь осени от кроля Михаила Ханенкови на Запорожье булаву, бунчукъ и короговь, и* ***привеле на гетьманство*** (Кройніка, с. 107); ***Гетманомъ учиненъ*** *в Глуховѣ гетманъ Скоропадскій* (ЛК, с. 237); *Полковникъ Миргородскій Данило Апосто(л)* ***учине(н) гетманомъ*** (ЛК, с. 245). Наведені контексти засвідчують, що дієслівний компонент вербалізував спосіб отримання влади – від обрання на загальних зборах, призначення королем / царем до самопроголошення, а прийменниково-іменниковий або іменниковий (О. в.) компонент – посаду. Зрідка трапляються контексти, ускладнені факультативним компонентом, що номінує головного претендента на посаду, напр.: *Того жъ року Опара изъ Медведовки* ***обозвался старшимъ на гетманство*** (ЛС, с. 88).

Прикметним видається той факт, що в українській середньовічній державі головну владу могли тимчасово делегувати іншій особі, напр.: *А гетманъ Хмелницкій висилаетъ своего войска полкъ Нѣжинскій, Чернѣговскій, при которихъ и охочихъ много Козаковъ и иннихъ полковъ пошло не мало, зъ которихъ осмь полковъ стало, бо Івану Золотаренковѣ* ***наказное гетманство вручилъ****, давши ему булаву и бунчук, и арматъ узялъ из собою немало, которій просто ишолъ на Гомель* (ЛС, с. 36–37). З одного боку, це засвідчувало демократичність та високий ступінь довіри між козаками, а з іншого, не кращим чином позначилося на подальшій історії, оскільки спричинило внутрішні чвари між козацькою верхівкою, кожен представник якої за будь-що сам прагнув обійняти найвищий пост. Самовидець (а докладний психологічний опис старшинських чвар підтверджує, що автор був безпосереднім учасником цих подій) змальовує боротьбу за владу, використовуючи дієслівно-іменникові чи дієслівно-прийменниково-іменникові сполучення слів з компонентом *уряд*, що в досліджуваний період функціював із семантикою «посада; службові обов’язки» (ГСБМ, 35, с. 116), напр.: *… нещасливая зайздрость албо хтивость уряду тое справила, же з старшины не одинъ* ***того*** *собѣ* ***зичилъ уряду****, а не могучи явне съ тимъ открится и того явне доказовати, тое умыслили и намовили, яко молодого лѣти Хмелницкого, жебы* ***от того уряду отмовлялъся****, здаючи оній* (ЛС, с. 48–49); *Але оны* ***того уряду*** *собѣ* ***желаючи****, отражали молодому Хмелницкому, жебы* ***не бралъся за тотъ урядъ****, що усиловне отпрошиваљся, але козацтво* ***не хотѣло*** *оного* ***отъ уряду того уволнити****, памятаючи на зичливость отческую* (ЛС, с. 49). Структурні параметри наведених сполучень слів поширює факультативний компонент – вказівний займенник *тот*, що, власне, дозволяє нам правильно визначити семантику номена *уряд*. До того ж сполучення слів *от того уряду отмовлятися* та *не братися за тотъ урядъ* набувають синонімічних відношень. Звертає на себе увагу варіант *не бралъся за тотъ урядъ*, утворений за активною в українській мові XVI–XVII ст. моделлю «дієслово + прийменник + іменник», зокрема *братисѧ за розумъ* «починати діяти розумно» (СУМ[16–17], 3, с. 60), що наштовхує на думку про функціювання сполучення слів *братися за уряд* із семантикою «починати керувати державою / починати виконувати обов’язки керівника держави».

Аналізовані тексти засвідчують, що з побутової сфери через військову в суспільно-політичну для репрезентації способів боротьби за владу на основі спільних концептуальних сем ‘хитрість’, ‘підступ’ потрапляє фразеологічна одиниця *заживати фортелю*, пор.: належить військовій сфері: *… Лев Даниловичь, князь володимерский,* ***заживаючи хитрого фортелю****, умыслил вызвати глубше Войселка в Рускую землю, абы так снадне могл его поконати* (ХЛЖ, с. 29) – належить суспільно-політичній: *А то заразъ* ***фортеліовъ заживаетъ*** *Бруховецкій и докучаетъ его царскому величеству, о той радѣ просячи, жеби кого зволилъ его царское велечиство на тую раду послати* (ЛС, с. 77–78). Вплив польської мови настільки був сильним, що в літописі Самовидця фіксуємо субституцію українського дієслівного компонента на польський, напр.: *Того ж лѣта* ***фортелемъ*** *своимъ Дорошенко* ***подхожовал*** *Бруховецкого, маючи собѣ способного и помочного метрополиту* (ЛС, с. 97). Є. Тимченко реєструє сполучення слів *заживати / зажити фортелю* як стійке зі значенням «використовувати, використати хитрощі» (Тимч., Матер., 2, с. 455). Укладачі історичних словників російської та білоруської мов такої фразеологічної одиниці не фіксують. Проте якщо до ілюстративного матеріалу російського словника не потрапило жодного контексту з указаним фразеологізмом, то у словникових статтях *зажити* (ГСБМ, 10, с. 212) та *фортель* «хитрість, викрутас» (ГСБМ, 36, с. 12–13) укладачі «Історичного словника білоруської мови» навели достатньо контекстів, що демонструють метафоричні зрушення у

сполученні слів і дозволяють потрактувати його як стійке. Нові східнослов'янські мови успадкували лексему *фортель*, проте тільки в українській і російській фразеографії сполучення слів із нею кодифіковано як стійкі. Якщо сучасна російська мова демонструє сталий набір компонентів з граматичною варіантністю (*выкидывать фортель, фортели* (ФССРЛЯ, 2, с. 656–657)), то сучасна українська мова, крім граматичної, засвідчує ще й лексичну варіантність та розвинену синонімію: *викидати / викинути штуки (штуку, фортелі, фортель, фіглі, фокуси)* «робити що-небудь нерозумне, безглузде або діяти підступно» (ФСУМ, с. 91) – *викидати / викинути коника (коники)* «2. Робити що-небудь безглузде, нерозумне або діяти підступно» (ФСУМ, с. 91). «Фразеологічний словник білоруської мови» стійке сполучення слів *выкідаць (выкідваць) каленца (конікі)* реєструє тільки зі значенням «робити або говорити що-небудь недоречне, неочікуване» (СФБМ, 1, с. 239). Отже, український фразеологізм значенням «діяти підступно» демонструє семантичну тяглість.

Імпліцитно боротьбу за владу репрезентує і фразеологізм *старатися о гетманство*, до того ж не зовсім чесні шляхи такої боротьби, що засвідчує контекстуальне оточення, напр.: *Аже видячи татаре нестатокъ Опаринъ, а Дорошенко, которій перше былъ асауломъ при гетману Тетерѣ, тутъ же будучи и при Опарѣ,* ***старался о гетманство*** *и солтана переедналъ* (ЛС, с. 88). Наведене сполучення слів зберігає давню синтаксичну особливість: прийменник *о* з іменником *гетьманство* у формі З. в. реалізують кінцеву мету.

Після гетьманування Івана Мазепи царський уряд кардинально змінює свою політику до виборного процесу в Україні. З цього часу гетьмана не обирають, а його призначає цар. У мовній тканині українських історіографій це репрезентовано стійким сполученням слів *принялъ (взялъ, содержать начал) правленіе*, поширеним атрибутивною конструкцією на позначення форми правління, напр.: *в то(м) году князь Борятинскій* ***правленіе гетманского үрядү принялъ*** (ЛК, с. 249); *Того(ж) Генералъ Румянцовъ,* ***к правленію гетманско(го) үрядү опредѣленъ*** (ЛК, с. 249–250); *князь Баратинскій* ***правленіе гетманского үрядү взялъ*** (ЛК, с. 250); ***правленіе*** *в Малой Россіи* ***гетманского үраду содержать нача(л)*** *Александеръ Ивановичъ Румянцовъ* (ЛК, с. 250).

Завершенням отримання влади є визнання людини главами інших держав. Зокрема, привітання царя з обранням на трон зазвичай супроводжувалося побажанням, вербалізованим стійким сполученням слів, напр.: *Того(ж) Гетманъ Скоропадскій з старшиною билъ в Москвѣ,* ***поздравляя*** *государа* ***миромъ и титлою*** (ЛК, с. 241–242). Визнання на посаді гетьмана представниками інших держав передавала фразеологічна одиниця *прислати клейноти*, напр.: *отъ короля полского* ***прислани клейноти*** *войсковїе* (ЛК, с. 202); *Король Михаиль* ***прислалъ*** *под Калникъ* ***клейноти*** *войсковїе гетману* (ЛК, с. 218), утворена за дієслівно-іменниковою моделлю.

Перебування при владі історіографи не позначають спеціальними фразеологічними одиницями, окрім залучення мінімального фразеологізму темпоральної сфери *за живота*. Звертає на себе увагу тільки утворення сполучення слів за моделлю «дієслово + іменник», що вербалізувало владні амбіції голови держави управляти новими територіями, тобто маємо своєрідне розширення/уточнення посади, яке вирізнялося потенціями повної фразеологізації, напр.: *Того(ж) его царское величество царъ Алексѣй Михайловичъ* ***принялъ титлу*** *Великія, и Малія и Бѣлія Россіи самодержецъ* (ЛК, с. 205); *Того(ж) Государъ царъ Петръ Алексѣевичъ даннүю себе о(т) всего государства* ***титлу*** *Петра Великого …* ***принялъ*** (ЛК, с. 241).

Спостерігаємо й відмінності в передачі влади. Зазвичай у московській державі новий володар ставав після смерті або заслання попереднього. Не засвідчують фактів передачі влади й досліджувані білоруські літописи. В українських історіографіях для номінації зречення влади автори використовували дієслівно-іменникові сполучення з лексемами на позначення головних атрибутів влади або на позначення форми влади, напр.: *І тогда Виговскій … принүжденъ емү* ***бүлавү о(т)дате*** (ЛК, с. 208); *Того(ж) Иванъ Виговскій подъ Фастовомъ Юрію Хмелницкому* ***бүлавү о(т)далъ*** (ЛК, с. 208); *А Хмелницкій, не могучи Переясловской шкоди себѣ наградити и укрѣпитися,* ***отдавъ гетьманство*** *Тетерѣ, а самъ въ чернцѣ постриглся* (ЛС, с. 69); *Того(ж) Юрась …* ***о(т)давши гетманство*** *Тетерѣ, самъ в черници поостри(г)ся* (ЛК, с. 211); *Того(ж) Суховѣй* ***о(т)далъ*** *свое* ***гетманство*** *Михайлү Ханенкү* (ЛК, с. 216); *Дорошенко здался, и городъ зо всимъ и* ***ге(т)манство о(т)далъ*** (ЛК, с. 221). Очевидним є той факт, що в українській мові сполука *бүлавү отдати* активізувалася саме після смерті Богдана Хмельницького, за доби Руїни, коли боротьба за гетьманську владу набула значних масштабів. Підтвердження цього знаходимо в лексикографічних працях, що кодифікують функціювання в українській мові XVI – першої половини XVII ст. тільки стійкої сполуки *при булавѣ (зоставати)* «під гетьманською владою (знаходитися)» (СУМ$^{16–17}$, 3, с. 94).

Хронологічні межі управління державою передають фразеологічні одиниці *билъ на престолѣ, билъ на царствѣ*, напр.: *Феодоръ Борисовичъ Годүновъ* ***билъ на престолѣ*** *россійскомъ* (ЛК, с. 191); *А* ***билъ на царствѣ***

россійскомъ мц҃ей 11 (ЛК, с. 191), також утворені за моделлю «дієслово + прийменник + іменник».

Висновки

Фразеологічна вербалізація поняття «влада», зокрема найвищого її світського рівня, в аналізованих текстах історіографічного жанру свідчить про високий ступінь розвитку тогочасної фразеологічної системи східнослов'янських мов загалом. Автори ще активно послуговуються фразеологізмами, успадкованими з мови києворуського періоду, більшість із яких використовують для опису подій саме того часу. Утворення ж нових стійких одиниць засвідчує «модельну» тяглість, оскільки основними залишаються моделі «дієслово + іменник», «дієслово + прийменник + іменник» із нефіксованим порядком компонентів та здатністю включати займенникові, прикметникові факультативи. Досліджувані історіографії демонструють розшарування і збагачення фразеологічної системи кожної мови по-різному: російська історіографія зберігає консервативний характер фразеологічної системи, українська і білоруська – зазнають упливу польської мови, адаптують польські фразеологізми. Українські історіографічні твори репрезентують найбільшу кількість фразеологічних одиниць, що зумовлено екстралінгвальними чинниками: часта зміна керівництва держави зумовлювала боротьбу за владу між представниками козацької старшини. Сучасні східнослов'янські мови успадкували тільки окремі фразеологічні одиниці, семантика яких зазнала зрушень у напрямку «конкретне» – «загальне».

Умовні скорочення джерел дослідження і лексикографічних праць

ВЛ – Вологодская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – М. : Наука, 1982. – Т. XXXVII. – С. 160–193.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / гал. рэд. А. І. Жураўскі; склад. А.М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка; Беларуская навука, 1982–2017. – Т. 1–37.

ЕСУМ – Етимологічний словник української мови : в 7 т. / О. С. Мельничук (гол. ред.). – К. : Наук. думка, 1982. – Т. 1. – 632 с.

КЛ – Київський літопис першої чверті XVII ст. // Український історичний журнал. – 1989. – № 2. – С. 107–120; 1989. – № 5. – С. 103–114.

Кройніка – Софонович, Ф. Хроніка з літописців стародавніх / Ф. Софонович. – К. : Наук. думка, 1992. – 336 с.

Летописец – Летописец 1619–1691 // ПСРЛ. – М. : Наука, 1968. – Т. XXXI. – С. 180–205.

ЛК – Лѣтописъ краткій о(т) початку великороссійски(х) и про(т)чіихъ кн҃зей и монарховъ , хто в которомъ году імѣлъ прт҃лъ великоро(с)сійского кнѫ҃нія и кто в Малой Россіи былъ гетмано(м), в которомъ году, и что в тѣхъ годахъ дѣялося // «Гисторія ...» Г. Граб'янки, «Лѣтописъ краткій ...» / упор. В. М. Мойсієнко. – Житомир, 2001. – С. 175–253.

ЛЛ – Краткое лѣтоизобразителное знаменитыхъ и памяти достойных дѣйствъ и случаевъ описаніе, что въ какомъ годѣ въ Украинѣ малороссійской дѣялось, наипаче, кто именно когда былъ козацкимъ гетманомъ, и о протчихъ приключеніяхъ отъ Россіи, кратко (1506–1783) // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. – К., 1856. – Т. 1. – С. 51–106.

ЛС – Лѣтопись Самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ: Хмельницкой, «Краткого Описанія Малороссіи» и «Собранія Историческаго». – К., 1878. – С. 1–207.

СЛ – Супрасльская летопись // ПСРЛ. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXV. – С. 36–67.

СлЛ – Слуцкая летопись // ПСРЛ. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXV. – С. 68–84.

СПЛ – Сучасна політична лексика : енциклопед. словник-довідник / [І. Я. Вдовичин, Л. Я. Угрин, Г. В. Шипунов та ін.]; за наук. ред. Хоми Н. М. – Львів : «Новий Світ-2000», 2015. – 396 с.

СРЯ$^{11–17}$ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / отв. ред. С. Г. Бархударов. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28.

СУМ$^{16–17}$ – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. – Львів : Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича, 1994–2018. – Вип. 1–17.

СФБМ – Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў [беларускай мовы] : у 2 т. Т. 1: А – Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бэларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2008. – 672 с.

Тимч., Матер. – Тимченко Є. Матеріали до словника писемної та книжної української мови XV–XVIII ст. : у 2 кн. / Німчук В. В. (відп. ред.) та ін. – Київ ; Нью-Йорк, 2003. – Кн. 2. – 512 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://www.skarnik.by/tsbm/89738. – Дата доступу: 11.04.2019.

ФЕС – Філософський енциклопедичний словник / В. І. Шинкарук (гол. редкол.) та ін. К. : Абрис, 2002. 742 с.

ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / под ред. проф. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – Т. 1–2.

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови / уклад.: В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 1993. – 984 с.

ХЛ – Холмогорская летопись // ПСРЛ. – М. : Наука, 1977. – Т. XXXIII. – С. 10–138.

ХЛЖ – Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. – М. : Наука, 1975. – Т. XXXII. – С. 15–127.

Література

1. Васильев, А. И. Словарь фразеологических единиц древнерусского языка / А. И. Васильев. – Елец : ЕГУ, 2011. – 382 с.
2. Васильев, А. И. Фразеологизмы типа сочетаний слов в древнерусском языке / А. И. Васильев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – С. 77–79.
3. Васильев, А. И. Фразеологическая вариантность в древнерусском языке / А. И. Васильев // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 150–153.
4. Васильев, А. И. Фразеологическая полисемия и омонимия в древнерусском языке / А. И. Васильев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7. – С. 66–68.
5. Васильев, Ш. И. Фразеологические единицы военной тематики древнерусского языка XI–XIV вв. : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ш. И. Васильев. – Елец, 2006. – 24 с.
6. Генсьорський, А. І. Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні і стилістичні особливості) / А. І. Генсьорський. – К. : Вид-во АН УРСР, 1961. – 284 с.
7. Костючук, Л. Я. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI-XIV вв.): структурно-грамматическая характеристика : автореф. дис. … канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. Я. Костючук. – Л., 1964. – 21 с.
8. Ломов, А. Г. К вопросу об устойчивых словесных комплексах в древнерусском языке / А. Г. Ломов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвузовского симпозиума (Тула, ноябрь 1968 г.). – Тула : Изд-во и типография газеты «Коммунар», 1968. – С. 300–303.
9. Творогов, О. В. Традиционные устойчивые словосочетания в «Повести временных лет» / О. В. Творогов // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л. : Наука, 1962. – Т. 18. – С. 277–284.
10. Франчук, В. Ю. Следы языческого мировоззрения во фразеологическом составе памятников древнерусской письменности / В. Ю. Франчук // Славянская фразеология в синхронии и диахронии : сборник научных статей. Вып. 2. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 55–58.

Referens

1. Vasil'ev A. I. (2011). *Slovar frazeologicheskih edinic drevnerusskogo jazyka*. *[Dictionary of Old Russian Phraseological Units]*. Elec : EGU. (In Russ).
2. Vasil'ev A. I. (2011). Frazeologizmy tipa sochetanij slov v drevnerusskom jazyke. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [*Idiom type combinations of words in the ancient language. Izvestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity]*. 2. 77–79 (In Russ).
3. Vasil'ev A. I. (2011). Frazeologicheskaja variantnost v drevnerusskom jazyke. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova [Phraseological variation in the Old Russian language. Vestnik of Kostroma State University]*. 2. 150–153 (In Russ).
4. Vasil'ev A. I. (2011). Frazeologicheskaja polisemija i omonimija v drevnerusskom jazyke. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [Phraseological polysemy and homonymy in the Old Russian language. Izvestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity]*. 7. 66–68 (In Russ).
5. Vasil'ev Sh. I. (2006). *Frazeologicheskie edinicy voennoj tematiki drevnerusskogo jazyka XI–XIV vv. [Phraseological units of military subjects of the Old Russian language 11th – 14th centuries]*. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Elec. (In Russ).
6. Hens'ors'kyj A. I. (1961). *Galycz'ko-Volyns'kyj litopys (leksychni, frazeologichni i stylistychni osoblyvosti) [Galician-Volyn Chronicle (lexical, phraseological and stylistic features)]*. Kyiv : AN URSR. (In Ukr).
7. Kostjuchuk L. Ja. *Ustojchivye slovosochetanija v drevnerusskom delovom jazyke (po gramotam XI–XIV vv.): strukturno-grammaticheskaja harakteristika. [Steady phrases in the Old Russian business language (according to letters of the 11th–14th centuries): structural and grammatical characteristic]*.[Author's abstr. cand. philol. diss.]. Leningrad. (In Russ).
8. Lomov A. G. (1968). K voprosu ob ustojchivyh slovesnyh kompleksah v drevnerusskom jazyke. *Problemy ustojchivosti i variantnosti frazeologicheskih edinic [On the question of stable verbal complexes in the old Russian language*. *Problems of stability and variation of phraseological units]*. Tula : Izd-vo i tipografija gazety «Kommunar». 300–303. (In Russ).
9. Tvorogov O. V. (1962). Tradicionnye ustojchivye slovosochetanija v «Povesti vremennyh let». *Trudy otdela drevnerusskoj literatury. [Traditional steady phrases in the «Povesti vremennyh let». Proceedings of the Department of Old Russian literature]*. Moskva ; Leningrad : Nauka. 18. 277–284. (In Russ).
10. Franchuk V. Ju. (2014). Sledy jazycheskogo mirovozzrenija vo frazeologicheskom sostave pamjatnikov drevnerusskoj pismennosti. *Slavjanskaja frazeologija v sinhronii i diahronii [Traces of the pagan worldview in the phraseological composition of the monuments of Old Russian writing. Slavic phraseology in synchrony and diachrony]*. Gomel : GGU im. F. Skoriny. 2. 55–58. (In Russ).

УДК 811.161.3

НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на примере наименований магазинов одежды г. Брайтон, г. Ричмонд, Великобритания)

Е.В. Ковалёва,
доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
e-mail: alena.kavaliova@gmx.de

А.О. Скакун,
студентка 4 курса филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета
имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
e-mail: angelawinsent@gmail.com

В языке фиксируются изменения культуры социума, эволюции в языке взаимодействуют с культурными процессами и влияют на них. Имена собственные фиксируют традиции материальной и духовной культуры народа. Развитие общества способствует образованию эргонимов, поэтому необходима система номинативных характеристик, указывающих на культурные особенности.

Исследуемые эргонимы г. Ричмонд и г. Брайтон являются преимущественно отапеллятивными наименованиями. Данные ономастические единицы отражают непосредственную связь эргонима со сферой деятельности объекта. Номенклатурные термины *clothing* ‘одежда’ и *shoes* ‘обувь’ являются наиболее распространенными среди названий магазинов одежды и обуви. В данной группе эргонимов частотны лексемы, указывающие на характеристики объекта, что способствует формированию положительного образа для потребителя. Данные ономастические единицы отражают национально-культурную специфику, содержат такие лексемы и имена собственные, которые включены в набор знаний и жизненного опыта носителей языка.

Ключевые слова: имя собственное, эргоним, номинация, топооснова, апеллятив, антропоним.

NOMINATIVE FEATURES OF ERGONYMIC UNITS (based on the clothing and shoe shops names in Brighton and Richmond, Great Britain)

A.V. Kavaliova,
Cand. Phil. D., associate Professor, of the Department of foreign languages and methods of teaching,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: alena.kavaliova@gmx.de

A.O. Skakun,
4th year student, Philological Faculty
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
e-mail: angelawinsent@gmail.com

The changes in culture are reflected in the language, the language evolutions interact with the cultural processes and influence on them. Proper names keep the traditions of material and spiritual culture of a certain nation. The development of the society contributes to the formation of the ergonyms, there is a need for a system of nominative features, which have characteristics of the society groups and culture.

Mostly the ergonyms of Richmond and Brighton have appellative origin. Such onomastic units are formed with the help of a lexeme, which specifies the type of the object. Nomenclature term *clothing* ‘одежда’ и *shoes* are quite frequently used in the clothing and shoe shops names. These ergonyms are also motivated by the appellatives, which denote the features of an object and form a positive image for the customer. Such onomastic units reflect the national culture, contain such the appellatives and proper names, which are included in the set of knowledge and life experience of the native speakers.

Key words: proper name, ergonym, nomination, toponymic stem, appellative, anthroponym.

Введение

Имена собственные транслируют культурную информацию, содержащуюся в имени, включают в себя традиции того или иного народа, являются частью социальной памяти. Закодированная в именах собственных информация о национальной культуре позволяет рассматривать топонимы как свернутый текст, который «состоит из нескольких логико-информационных модулей» [1, с. 6]. Данная информация включает в себя языковые особенности определенных народов, а также отражает различные характеристики при изучении лингвистических ситуаций, в которых существует вероятность межкультурных отличий. Исследование данных онимов способствует пониманию языка как средства осмысления некоторого коллективного опыта, который закодирован в значениях топооснов. Традиционно онимы относятся к устойчивому пласту лексики языка, а ойконимы и антропонимы составляют основную часть ономастического поля. Развитие общества способствует созданию новых имен собственных, образующих ономастические классы, находящихся на периферии ономастического пространства. К ним относятся и названия «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка», под которыми понимаются эргонимы [2, с. 151]. Данные ономастические единицы являются одним из подвижных и динамичных ономастических классов, данная изменчивость, постоянная сменяемость свидетельствует об актуальности исследования принципов и способов номинации данных единиц в рамках современного культурологического направления в лингвистике, в котором язык рассматривается как средство фиксации культурного кода. Такие онимы относятся к искусственно созданным именам, для них характерна семантическая прозрачность, а также наличие мотивационных связей, так как существует связь между апеллятивом, от которого образован эргоним, и объектом. Выбор топоосновы определяется историческим периодом в жизни общества, интенциями номинатора с целью привлечения внимания к объекту, существующими традициями и новыми тенденциями в ономастической номинации определенного этноса, что обусловлено антропоцентрической парадигмой современной лингвистики.

Следует отметить, что эргонимы являются единицами языка, которым присущи все признаки имени собственного: имеют опосредованную связь с понятием, называют отдельный объект окружающей действительности, являются разными частями речи. Как и все онимы, они выполняют следующие основные функции: идентификационно-дифференцирующую, номинативную, денотативную, сигнификативную, а в силу своей специфики и информационную, рекламную, мемориальную, агитационную функции.

Данные ономастические единицы исследовались в работах М.В. Горбаневского, Ю.А. Карпенко, И.В.Крюковой, А.М. Мезенко, А.В. Суперанской, В.И. Супруна, Е.В. Тихоненко и др.

Цели и задачи

Цель работы – выявить номинативные особенности названий магазинов одежды, определить топоосновы данных объектов для выявления специфики ономастической номинации в названиях магазинов одежды и обуви английских городов, а также основных тенденций номинации эргонимов английских городов в сопоставительном аспекте.

Методы и материал исследования

В качестве методов исследования были использованы описательно-классификационный и аналитический методы, предполагающие анализ полученных результатов и их описание в соответствии с вышеуказанной теоретической концепцией. Материалом исследования послужили названия магазинов одежды и обуви г. Брайтон, г. Ричмонд (Великобритания).

Результаты и их обсуждение

В названиях магазинов женской одежды г. Ричмонд преобладают отапеллятивные эргонимы. Так, наименование *Accessorize* мотивировано лексемой *accessory* ‘аксессуар’ и свидетельствует о широком наличии аксессуаров с целью их покупки. Оним *Topshop* происходит от лексем *top* ‘первый, верхний’ и *shop* ‘магазин’, данное название указывает на высокий уровень и качество продаваемой одежды в данном магазине, являющийся известным сетевым брендом. Эргоним *Anthropologie* соотносится с апеллятивом *anthropology* ‘антропология’, следовательно, можно предположить, что одежда будет идеально подходить женщинам, посетившим данный магазин. Отанропонимические названия в данной группе эргонимов единичны и указывают, как правило, на основателя или владельца данного магазина: оним *L.K.Bennett* происходит от антропонима *Bennett*. В номинации магазинов женской одежды г. Брайтон зафиксированы следующие эргонимы: название *Select Fashion* мотивировано лексемами *select* ‘выбрать’ и *fashion* ‘мода’, что говорит о возможности покупателя «выбрать» свой стиль, о вариативности ассортимента; наименование *Pretty Eccentric* мотивировано лексемами *pretty* ‘хорошенький’, *eccentric* ‘эксцентричный, чудак’ и указывает на наличие причудливой, яркой одежды.

Второй по частотности наименований является группа названий магазинов мужской одежды. В г. Ричмонд были выявлены следующие эргонимы: наименование *Romeos Menswear*

произошло от антропонима *Romeo* и лексемы *menswear* ‘мужская одежда’; эргоним *Curated Man* мотивирован лексемами *curated* ‘ухоженный, тщательно выбранный’ и *man* ‘мужчина’. В г. Брайтон выявлены следующие наименования магазинов мужской одежды: оним *Space Menswear* происходит от лексем *space* ‘космос’ и *menswear* ‘мужская одежда’; эргоним *Reporter menswear* соотносится с лексемами *reporter* ‘репортер, докладчик’, *menswear* ‘мужская одежда’ и указывает на наличие одежды официального стиля. При сравнении данной группы следует отметить частое использование номенклатурного термина *menswear* ‘мужская одежда’. Продуктивной моделью образования эргонимов данной группы является модель «апеллятив / антропоним + апеллятив *menswear* ‘мужская одежда’». Использование данной лексемы ориентирует носителей языка на тип магазина и его целевую аудиторию.

Следующая по распространенности группа содержит наименования магазинов одежды, которые предлагают ассортимент для женщин и для мужчин. Как в г. Ричмонд, так и в г. Брайтон преобладают отантропонимные наименования. Эргоним *Jane & Marilyn* образован от антропонимов *Jane & Marilyn* и указывает на основателей/владельцев данного магазина. Оним *T.M. Lewin & Sons* представляет собой аббревиатуру от лексемы *trademark* ‘торговая марка’ и конструкцию с антропонимом *Lewin & Sons* ‘Левин и сыновья’. Название *H&M* также является аббревиатурой от антропонимов *Hennes & Mauritz* и включает в себя информацию об основателях популярной сети магазинов. Эргоним *Muir & Osborne* мотивирован антропонимами *Muir & Osborne*, указывающими на основателей/владельцев данного магазина. Отапеллятивные названия в данной группе характеризуют объект номинации, его свойства. Эргоним *Primark* мотивирован лексемами *primary* ‘первичный’ и *mark* ‘отметка, марка’, в данном наименовании используется игра слов, подразумевающая высокий уровень магазина и качество продаваемой продукции. Оним *New Look* происходит от апеллятивов *new* ‘новый’ и *look* ‘образ’, предлагающий покупателю создать для себя «новый образ» с помощью реализуемой продукции. Название *Joy* образовано от лексемы *joy* ‘радость’, что предполагает возникновение положительных эмоций у покупателя, посетившего данный магазин. Многокомпонентный эргоним *Badger Clothing Co Ltd* соотносится с апеллятивом *badger* ‘тот, кто дразнит’ и номенклатурным термином *clothing* ‘одежда’, а также включает в себя аббревиатуру *Co Ltd* (*Company Limited*) ‘общество с ограниченной ответственностью’.

В номинации магазинов детской одежды в исследуемых городах выявлены названия, указывающие на ассортимент товаров или услуг, предоставляемых предприятием. Название *Sergent Major* мотивировано лексемой *sergent major* ‘сержант-майор’; оним *Junior Edition* происходит от апеллятивов *junior* ‘младший’ *edition* ‘издание’. Эргоним *HAPPYOLOGY* соотносится с лексемой *happy* ‘счастливый, веселый’, формант *—logy*, используемый для обозначения научных терминов, предполагает, что данный магазин знает, как сделать своего покупателя счастливым. Наименование *JoJo Maman Bŭbŭ* мотивировано антропонимом *JoJo* и лексемой французского языка *Maman Bŭbŭ* ‘малышка’. Эргонимы данной группы указывают на целевую аудиторию, на которую ориентирована продукция, используя такие лексемы, как *Maman Bŭbŭ* ‘малышка’ и *junior* ‘младший’, что понятно носителю языка, поэтому подходит для номинации магазинов детской одежды.

При сравнительном анализе магазинов обуви были выявлены преимущественно отапеллятивные названия. Наименование *Office* мотивировано лексемой *office* ‘офис’, ориентирует на обувь для официальных мероприятий и офиса. Название *Foot Solutions* происходит от лексем *foot* ‘обувные’ и *solutions* ‘решения’ и предполагает большой ассортимент, разнообразие товаров для всех. Оним *Shoe Zone* образован от апеллятивов *shoe* ‘обувная’ и *zone* ‘зона’ – специализирующийся на обуви магазин. Название *Irregular Choice* мотивировано лексемами *irregular* ‘необычный’ и *choice* ‘выбор’, что свидетельствует об особенностях ассортимента. Эргоним *Vegetarian Shoes*, образованный от лексем *vegetarian* ‘растительного происхождения, «вегетарианский»’ и *shoes* ‘обувь’, указывает на состав продаваемой обуви, а именно на его экологическую направленность, на материал, из которого произведена обувь. Название *Bowleys Fine Shoes* соотносится с топонимом *Bowley*, но не исключено и происхождение от антропонима *Bowley*, наименование включает в себя номенклатурный термин *shoe* ‘обувь’ и лексему *fine* ‘прекрасный’, указывающую на качество.

Выводы

Таким образом, в наименованиях магазинов одежды исследуемых городов зафиксированы преимущественно отапеллятивные названия, отражающие непосредственную связь эргонима со сферой деятельности объекта. В номинации данной группы выявлена частотная конструкция, совмещающая два антропонима, указывающих на основателей/владельцев магазина, зафиксировано использование аббревиатур, которые употребляются в названиях крупных компаний и сетевых магазинов. Номенклатурные термины *clothing* ‘одежда’ и *shoes* ‘обувь’ являются наиболее распространенными среди названий магазинов одежды и обуви, В исследуемой группе эргонимов частотны лексемы, указывающие на

характеристики объекта, что способствует формированию положительного образа для потребителя. Данные ономастические единицы отражают национально-культурную специфику, содержат такие лексемы и имена собственные, которые включены в набор знаний и жизненного опыта носителей языка.

Литература

1. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.02.01 / М.В. Горбаневский; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 1994. – 39 с.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 199 с.
3. List of Shops, Stores and Administrations [Electronic resource]. – Brighton, 2019. / Mode of access: https: //the-shops.co.uk. – Date of access: 15.03.2019.

References

1.Gorbanevskij M.V. (1994). *Russkaja gorodskaja toponimia: problemy istoriko-kulturnogo izuchenija i sovremennogo leksikograficheskogo opisanija. [Russian town toponymy: the problems of historical and cultural research and modern lexicographic description*]. [Author's abstr. cand. philol. diss.]. Moscow. (In Russ).

2.Podolskaja N.V. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [*The Dictionary of Russian onomastic terminology*]. Moscow: Nauka. (In Russ).

3. List of Shops, Stores and Administrations [Electronic resource]. – Brighton, 2019. / Mode of access: https: //the-shops.co.uk. – Date of access: 15.03.2019.

УДК 811.161.1'373.611

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОНИМЫ В РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

И.О. Ковалевич,

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков и МПИЯ Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина, г. Мозырь, Республика Беларусь

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

Статья посвящена исследованию особенностей образования окказиональных онимов в речи детей и взрослых. Анализируются структурно-семантические и функциональные характеристики окказиональных имен собственных с учетом таких факторов, как уровень языковой подготовки коммуникантов, цели словотворчества и степень их осознанности, сфера речевого общения.

Ключевые слова: окказионализм, оним, реэтимологизация, аббревиация, образность.

OCCASIONAL PROPER NAMES IN CHILDREN'S AND ADULTS' SPEECH

I.O. Kovalevich

Cand. Phil. D., Head of the Department of Foreign Languages and Language Teaching Methods, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

The article is a study of the peculiarities of the production of occasional proper names in children's and adults' speech. Structural-semantic and functional characteristics of occasional proper names are analyzed taking into account such factors as the level of the speakers' language competence, the aims of word creation and the level of awareness, the sphere of communication.

Key words: occasionalism, proper name, reetymologization, abbreviation, imagery.

Введение

Окказиональное словообразование является частью коммуникативной деятельности человека. Продуцируемые коммуникантами новые слова выбиваются из потока узуальных единиц оригинальностью формы и / или значения. А. Г. Лыков, активно занимающийся разработкой теории окказиональности, определяет «диковинность» окказиональных слов в качестве их неотъемлемой характеристики [1, с. 24]. Эффект необычности продуцируется нестандартным сочетанием составляющих

окказиональное слово структурных элементов (морфем, слов, частей слов). Наибольшей необычностью и выразительностью отличаются окказиональные имена собственные. Подобные дериваты благодаря реализации стилистической функции способны выступать в качестве средств особой образности и экспрессии.

Цели и задачи

Статья посвящена исследованию особенностей образования окказиональных онимов в речи детей и взрослых. Анализируются структурно-семантические и функциональные характеристики окказиональных имен собственных с учетом таких факторов, как уровень языковой подготовки коммуникантов, цели словотворчества и степень их осознанности, сфера речевого общения.

Методы и материал исследования

Материал исследования составляют окказиональные онимы, извлеченные методом сплошной выборки из разговорной речи детей и взрослых, а также публицистических и поэтических текстов. В исследовании использованы следующие методы: структурный анализ, семантический анализ, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение

В ходе проведенного исследования установлено, что для детей является показательным производство реэтимологизированных онимов. Данная тенденция зарождается еще в дошкольном возрасте. Причина возникновения дериватов указанного типа кроется в особенностях восприятия дошкольниками окружающего их мира: все незнакомое и неизвестное познается через хорошо усвоенное путем выделения универсальных и дифференциальных свойств различных объектов. Окказиональные новообразования, как правило, соотносятся с такими категориями, как имена, отчества и фамилии людей, а также наименования географических объектов, в частности стран и городов: ***Очкана*** (от *Оксана*; т. к. носила очки), *Анастасия* ***Кефировна*** (от *Анастасия Никифоровна*), *Евгения* ***Яинична*** (от *Евгения Ильинична*), *Елена* ***Макароновна*** (от *Елена Макаровна*), ***Песочи*** (о городе Сочи), ***Груздия*** (о Грузии), ***Хвойники*** (о городе Хойники), ***Канарейские*** *острова* (о Канарских островах) и др. Мы воспринимаем данные новообразования в качестве образных единиц, т. к. их основу составляет ассоциативность. Показательно то, что у детей возникают ассоциации особого типа, которые соотносят объекты по созвучию обозначаемых их лексем. Ср.: ***Песочи*** (о Сочи; хотя там нет песка), ***Кефировна*** (о Никифоровне; хотя вполне возможно, что она не любит кефир) и др. В данном отношении детская реэтимологизация имеет определенные сходства с народной этимологией, описанной в работах таких лингвистов, как Л. А. Введенская, Б. Ю. Норман, Ю. В. Откупщиков и др. Склонность детей к поиску внутренней формы неизвестных им слов не остается незамеченной и детскими писателями: *остров* ***Гирляндия*** (ср.: Гренландия) (Л. Кассиль), *остров* ***Наказань*** (ср.: Казань) (Л. Кассиль).

Ближе к школьному возрасту процесс рэтимологизации приобретает характер игры, направленной на создание собственных окказиональных онимов, например: ***Басилина*** (от *бас*), ***Кисалина*** (от *киса*), ***Веселина*** (от *веселый*). Данные словообразовательный ряд включает окказионализмы, выступающие в качестве номинатов одного и того же лица. Они акцентируют определенные качественные характеристики и в своей совокупности помогают создать цельный образ человека: воспитательница Василина является веселой, умеет петь басом и любит кошек.

Подобного рода переиначивание имен собственных (чаще фамилий и отчеств, реже имен людей) находит активное продолжение и в школьном возрасте. Реэтимологизированные онимы выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и используются также в качестве средств характеристики: ***Мидия Лихайловна*** (от *Лидия Михайловна*), *Павел* ***Обезьянович*** (от *Емельянович*), *Александр* ***Барбарисович*** (от *Борисович*), ***Салатович*** (от *Салаватович*), ***Мухайлович*** (от *Михайлович*, т. к. умеет ловить мух), *Раиса* ***Хлебовна*** (от *Глебовна*), ***Мрачненко*** (от *Марченко*), ***Жмотов*** (от *Злотов*), ***Зубрилина*** (от *Зубилина*), ***Бурундуковский*** (от *Бурдуковский*) и т. д.

Производство окказиональных дериватов может обусловливаться стремлением детей к рифмовке. Окказиональные онимы в этом случае выступают в качестве «обзывалок»: *Леня-****Гудоня*** (5 л.), *Максим-****Плаксим*** (5 л.), *Никитос-****Нос-Картос*** (9 л. 10 м.)

Следует отметить, что преобразование имен собственных характерно и для разговорной речи взрослых: ***Блуднев*** (от *Руднев*), ***Гнидовна*** (от *Кронидовна*), ***Наждак Гуталинович*** (от *Аджар Муталлинович*), ***Падлыч*** (от *Павлович*), ***Домкратов*** (от *Панкратов*), ***Деньгисович*** (от *Денисович*) и др. Подобные новообразования выступают в качестве стилистических средств, направленных на создание эффекта комизма посредством характеристики объекта часто с негативной стороны. В основе некоторых из представленных окказионализмов лежат исключительно фонетические ассоциации, что сближает словотворчество детей и взрослых.

Достаточной продуктивностью в коллективах (трудовых, ученических и т. д.) пользуются сложные сокращения имен собственных (Ф.И.О. начальников, преподавателей и т. д.): [***ГаФА***], [***ЭнЭн***], [***ОА***], [***ЮЮ***], [***АВэ***] и т. д. Особой образностью наделяются образования, созвучные с хорошо известными словами: [***ЭсЭс***] (от *Светлана*

Сергеевна; о строгом преподавателе немецкого языка), а также [***ЭрБэ***], [***ИА***] и др.

Данная тенденция наиболее актуальна для публицистической речи. В целом в публицистике окказиональная аббревиация выполняет те же стилистические функции, что и в разговорной речи детей (как правило, среднего школьного возраста и старше) и взрослых. Среди подобных дериватов отмечаются новообразования инициального типа, фонетически соотносимые с узуальными словами. Экспрессия подобных новообразований возрастает посредством включения их в устойчивые синтаксические конструкции. Ср.: *Все беды от* ***Б.А.Б.***; *Страсти по* ***БАБу.*** (Аргументы и факты, 2013)

Тем не менее, структурное и семантическое разнообразие окказиональных аббревиатур в публицистике значительно возрастает. Так, наряду с агентивами, публицисты активно создают окказиональные аббревиатуры, представляющие собой наименования разного рода государственных организаций. Подобные дериваты имеют разную структуру и соответствуют инициальному, слоговому, смешанному типам либо соотносятся со схемой «начальная часть слова / слов + целое слово»: ***ЖАР*** (от *Женская Армия России*) (Т. Москвина); ***Газмяс*** (… *группа компаний «Газэнергострой», специализирующаяся на строительстве электростанций, во втором квартале 2014 выйдет на непрофильный для себя рынок мясной продукции…*) (РБК, 2013); ***СНеп*** (от *Союз Неписателей*), ***АГЕНПОП*** (от *Агентство по печати и массовым коммуникациям*) (Литературная газета, 2013); ***Уралвагонзабой*** (Коммерсантъ, 2013); ***Росприродсбыт*** (Коммерсантъ, 2014). Многие из перечисленных дериватов располагаются в сильных позициях текстов, например, в заголовках статей, и перекликаются с узуальными словами (ср.: *Уралвагонзавод*, *Росприроднадзор*).

Нередко новые аббревиатурные новообразования создаются в результате осознанного переосмысления дериватов нормативного языка посредством добавления новых характеризующих компонентов либо посредством замены одного из структурных элементов узуальной аббревиатуры: ***ОборонДАЧстрой*** (ср.: Оборонстрой) (Аргументы и факты, 2011); ***Главмосдолгострой*** (ср.: Главмосстрой) (Коммерсантъ, 2009); ***Партгазактив*** (ср.: Партактив) (Коммерсантъ, 2011); ***МинОборотеньсервис*** (ср.: Миноборонсервис); ***СГА*** (*Так, вникнув в устройство страны, привычно именуемой Соединенными Штатами Америки, я теперь неукоснительно называю ее Соединенные Государства Америки* ***(СГА)****…*) (А. Вассерман); ***Госфильмопонт*** (*Российский кинематограф: амбиций и денег много, да толку мало…*) (ср.: Госфильмофонд) (Московский Комсомолец, 2011); ***РосИллюзия*** (ср.: Роскосмос) (Литературная газета, 2013); ***Моргордума:*** *таинственная история переселения московского парламента в Ново-Екатерининскую больницу…* (ср.: Мосгордума) (Новая газета, 2014).

Для публицистики является также показательным продуцирование новообразований композитного типа по образцу конкретного слова. Структурный прототип легко угадывается и без его упоминания в контексте. Подобное оживление словообразовательной структуры явно рассчитано на определенный стилистический эффект: ***Стыки-де-Жанейро****: в ноябре определится полный состав участников ЧМ-2014…* (Российская газета, 2013); ***Баку-де-Жанейро****: от Баку до Рио-де-Жанейро не проложено трасс и не назначено прямых рейсов. <…> Но для сборной России именно сейчас – и только сейчас – от столицы прекрасного Азербайджана до столицы прекрасного ЧМ-2014 проложена ровная, безостановочная столбовая дорога…* (Спорт-экспресс, 2013); ***Катастрофа-на-Амуре:*** *Дальний Восток – зона бедствия национального масштаба…* (Новая газета, 2013) и др.

В поэтической речи окказионализмы, помимо роли своеобразных образно-тропеических фрагментов, представляющих своего рода вкрапления в поэтическом тексте, зачастую выполняют текстоорганизующую и текстообразующую функции, приобретая при этом композиционную значимость. Поэтический параллелизм на уровне словообразования предполагает использование дериватов определенной структуры в качестве ключевых элементов текста. Показательны в данном отношении ряды окказиональных онимов, соотносимых с именами людей. Подобный прием активно используется А. Вознесенским, который в своих стихотворениях производит серии агентивов окказионального характера, мотивированных именами нарицательными, а также основами других частей речи, по модели образования отчеств людей: *Милый Виктор Федорович*, / *выйди, Свитер* ***Фертович***, / *Винтичек* ***Отверткович***, / *Вытри-слезы-****Горькович***, / *Ветром Свирь-строй* ***Тертович***, / *Вытегра* ***Осетрович***, / *Акварель* ***Офортович***, / *Скворка Фьюить в* ***форткович***… (Величальная открытка В. Бокову); *Я поздравляю Вас, Марлен Мартынович*! / *Изящный рыцарь крутых седин*. / *Я бы назвал Вас Марлен* ***Монтирович***, / *Марлен* ***Картинович***, / ***Антиминфинович***, / *друзьям –* ***Мартелевич***, / *врагам –* ***Мортирович***. / ***Антимундирович*** *такой один <…> Для нас Вы были* ***Политехничевич*** *<…> В губерниях скука и троекуровщина*. / *Нет Маркса, Ленина, но есть Марлен*. / *Я бы назвал его Марлен* ***Триумфович***. / *Вы – марля времени, феномен* (Марля времени). Подобные ряды окказиональных онимов выступают в качестве эффективного средства характеристики объектов. Ср. из детской речи: ***Басилина***, ***Кисалина***, ***Веселина*** (о Василине).

Представленные окказионализмы характеризуются ярко выраженной тропеической образностью. Так, например, посредством онима ***Мортирович*** происходит уподобление человека мортире (вид артиллерийского орудия). Основанием для подобного сближения является способность поражать цель. Окказиональный оним акцентирует в человеке такие качества, как твердость, жесткость, безжалостность в отношении неприятеля. Окказионализм ***Мартелевич*** мотивируется субстантивом *Мартель*, являющимся обозначением одного из самых известных и старых марок французского коньяка. В соответствии с традицией, за рюмкой коньяка близкие друзья ведут душевные беседы, делятся своими мыслями и т. д. В рамках контекста упомянутые дериваты образуют антонимичную пару, характеризуя противоположные качества человека: жестокость и добродушие. Подобная оппозиция усиливает экспрессию обоих окказиональных слов.

Выводы

Окказиональная деривация является важной составляющей коммуникативной деятельности человека. Окказиональные онимы составляют довольно большую группу новообразований и выступают в качестве эффективного стилистического средства, направленного на создание особой образности и экспрессии. Способы и приемы образования окказиональных имен собственных характеризуются разнообразием и определяются такими факторами, как уровень языковой подготовки коммуникантов, осознанность целей словотворчества и его результатов, сфера речевого общения и др. Реэтимологизация характеризует речь детей и взрослых, плавно перерастая из неосознанной попытки освоить неизвестное слово в преднамеренную языковую игру. В публицистике наибольшей продуктивностью характеризуется аббревиация и сложение. При этом группа онимов пополняется за счет окказиональных наименований учреждений, организаций и госструктур, коррелирующих с их узуальными прообразами. В поэтической речи окказиональная деривация подчиняется законам данной сферы коммуникации. Окказионализмы объединяются в словообразовательные ряды, образуя цельные тропеические комплексы.

Литература

1. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология: (русское окказиональное слово) : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков. – М. : Высш. шк., 1976. – 119 с.

References

1. Lykov A. G. (1976). Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoye okkazionalnoye slovo) [Contemporary Russian Lexicology (Russian Occasional Word)]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ).

УДК 811: 398

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *КРОВНЫЙ* И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ (по данным Национального корпуса русского языка)

В.И. Коваль

профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь
e-mail: vlad-kov@mail.ru

В статье рассматриваются фразеологизмы, включающие в свой состав слово-компонент *кровный*, которое реализует различные связанные значения: ‘очень близкий, близко касающийся, глубоко затрагивающий кого-либо’; ‘прочный, неразрывный благодаря общим интересам, духовной близости’; ‘добытый, нажитый тяжелым трудом (о деньгах)’. Выявляется внутренняя форма, семантика и употребление в текстах фразеологизма *кровная месть* и ассоциативно связанных с ним оборотов *кровная обида*, *кровный враг* и *кровная вражда*.

Ключевые слова: фразеологизмы, кровный, связанное значение слова, переносное значение, употребление

PHRASEOLOGISMS WITH THE COMPONENT *BLOOD (КРОВНЫЙ)* AND THEIR FUNCTIONING IN TEXTS (on the bases of the National Corpus of the Russian Language)

V. I. Koval
Professor, D. Phil. D., Professor of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics,
Francisk Skorina Gomel State University,
Gomel, Republic of Belarus
e-mail: vlad-kov@mail.ru

The article deals with phraseologisms, containing the lexical component *blood (кровный)*, which realizes a number of bound meanings: 'very close, close related, deeply touching'; 'strong / lasting, inseparable due to common interests, emotional bonds'; 'achieved, acquired due to hard work (about money)'. The inner form, semantics and usage of the phraseologism *blood revenge (кровная месть)* and associatively related expressions *a blood insult (кровная обида)*, *deadly enemy (кровный враг)* and *blood feud (кровная вражда)* are revealed.

Key words: phraseologisms, blood (кровный), bound meaning of a word, transferred meaning, usage.

Среди выделенных академиком В.В. Виноградовым типов лексического значения слов особое место занимает фразеологически связанное значение, формирующееся различными путями. Один из них – возникновение в процессе вторичной номинации такой семантики имен прилагательных, которая создает их «тяготение», избирательную (как правило, единичную) «привязку» к другим словам. В результате подобных семантических трансформаций возникают устойчивые сочетания слов – фразеологизмы, обладающие стабильным компонентным составом. Имя прилагательное *кровный* относится именно к этому разряду слов, в которых (в переносном употреблении) развиваются фразеологически связанные значения, реализующиеся лишь в устойчивых словесных комплексах, традиционно относящихся к так называемым фразеологическим сочетаниям. Общим признаком фразеологизмов этого типа является «их несвободный характер, проявляющийся в ограничениях выбора слов-компонентов» [1, с. 9].

Действительно, полисемантичное слово *кровный* только в первом значении ('происходящий от одних предков, родной по крови') обнаруживает прямую соотносенность с производящей основой – лексемой *кровь*: *Они-то свои, семенихинские – со стороны своих кровных, Аньки да Людки Семенихиных, даром что девки замуж повыходили да фамилии поменяли – не важно, кровь есть кровь; а я чужой – шлыковский* [Андрей Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001]; *И я говорю, что нам необходимо время от времени собираться на семейных торжествах, чтобы вновь почувствовать наше кровное родство* [Фазиль Искандер. Путь из варяг в греки (1990)]; *Она вырастила даже их безалаберное и никчёмное потомство, не делая малейшего различия между ними и «кровными» детьми* [Марина Палей. Поминовение (1987)].

В названном значении прилагательное *кровный* используется также как компонент устойчивого словосочетания *кровные узы* 'родственные узы, родственные отношения, узы крови, родство': *Таня оказалась тяжёлым испытанием, которому подверглась их близнецовая связь – самые тесные кровные узы, возможные для людей* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)]; *Невестка же, не связанная кровными узами, чувства мужа разделять не обязана* [Я. М. Бергер. Социальная поддержка пожилых людей в современном Китае (2002)]. Вместе с тем, в обобщенно-образном контексте этот оборот может употребляться и по отношению к неодушевленному понятию: *С природой была связана воистину кровными узами, любила ее – горы, скалы, лес – языческой обожествляющей и вместе с тем преодолевающей ее любовью* [А. С. Эфрон. Страницы воспоминаний (1955-1975)]; *Был он связан с Россией такими кровными узами, что, оторвавшись от родной земли, уже не мог писать* [Андрей Седых. Далекие, близкие. Воспоминания (1979)].

Менее регулярно слово *кровный* употребляется в значении 'породистый, чистокровный (о лошадях)', содержащем ту же имплицитную сему – 'кровное родство'. Сравн.: *Воронцов ехал на своем английском, кровном рыжем жеребце, сопутствуемый адъютантом полка, казаком и чеченцем-переводчиком* [Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896)]; *Своих подопечных – кровных орловских рысаков – он любил преданно, смотрел за ними рачительно* [О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)].

В других переносных значениях рассматриваемое слово в значительной степени «фразеологизируется», «отдаляясь» от своей первоначальной семантики. В.В. Виноградов в связи с этим замечал: «Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении; оно … дробится на индивидуальные оттенки» [2, с. 28]. Сравн.:

- 'очень близкий, близко касающийся, глубоко затрагивающий кого-либо'. *С этим*

связана моя кровная тема о человеке: как философ, я получил Гераклитовскую, а не Парменидовскую прививку и мыслю движение в самом Абсолютном [Н. А. Бердяев. Автобиография (1917)]; - ‘прочный, неразрывный благодаря общим интересам, духовной близости’. *И не отвращение, а ужас от содеянного с ними рождал в душе что-то кровное, родное с каждым погибшим человеком* [Олег Павлов. Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

Значение ‘добытый, нажитый тяжелым трудом (о деньгах)’ представлено субстантивированным прилагательным *кровный*, входящим в устойчивое словосочетание *свои кровные*: *Институтов на свои кровные накупил мышеловок и начинял их с тех пор приобретаемой на свои же средства вкусной пахучей наживкой* [Олег Павлов. Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]; *Иначе не выпутаешься: завмагу дай, контролёру дай, иной раз из своих кровных приплатишь* [И. Грекова. Перелом (1987)]; *Соцработников это возмущает по многим причинам: вытягивать деньги из бабушек стыдно, работать в свободное время не хочется, как не хочется и отдавать и свои кровные* [Сергей Мельников. Безотказные и вездесущие (2013) // «Огонек», 2014].

Отдельного комментария заслуживает фразеологическое сочетание *кровная месть* ‘обычай, сложившийся в древности как средство защиты чести, достоинства и имущества рода и обязывающий родственников убитого отомстить убийце или его родным’. Исторически обычай отмщения по принципу «око – за око, зуб – за зуб» был известен многим странам, в том числе – и Древней Руси. Не без оснований к проявлениям этого обычая относят поступок киевской княгини Ольги, жестоко отомстившей в X веке древлянам за гибель своего мужа князя Игоря, и попытку полоцкой княжны Рогнеды убить князя Владимира, обесчестившего ее и убившего ее родителей [3]. Как отмечают исследователи, «кровная месть сохранилась в России на территории Северного Кавказа из-за специфических условий местной жизни, длительного отсутствия государственности, постоянного нахождения в состоянии войны» [4, с. 112]. Вполне закономерно при этом, что фразеологизм *кровная месть* имеет в текстах, как правило, кавказскую (или арабскую) «привязку»: *Этот азиат в шевровых сапожках, цитирующий Щедрина, живущий законами кровной мести и одновременно пользующийся словарём революции, внёс ясность в послеоктябрьский хаос* [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]; *В Азербайджане, например, закон гостеприимства в древние времена был даже важнее закона кровной мести* [Д. В. Бавильский. Чужое солнце (2012)]; *А ведь были убиты женщина и ребенок – для горцев вещь недопустимая, требующая кровной мести всему роду* [Перевернутый мир бесконечной войны // «Родина», 1994]; *Из бесед выяснилось, что берберы-кабилы очень воинственны, у них до сих пор сохранилась кровная месть* [Михаил Гиголашвили. Записки о Марокко // «Нева», 2008].

Как можно предположить, в семантике устойчивых словосочетаниях *кровная обида, кровный враг* и *кровная вражда* сохраняются ассоциативные связи с фразеологизмом *кровная месть*. Слово *кровный* при этом, с одной стороны, актуализирует свою внутреннюю форму, включаясь в ряд однокорневых негативно маркированных слов *кровь, кровавый, кровопролитие* и под. (Сравн.: *Между первыми и последними была кровь и потому они были кровными врагами* [Е. И. Чириков. Путевой журнал (1852)]), а с другой – в значительной мере десемантизируется, указывая на высокую степень проявления того или иного признака. Проиллюстрируем такое «раздвоение» семантики рассматриваемого слова следующими примерами:

- *кровная обида* ‘очень тяжелая, чрезвычайно сильно и глубоко затрагивающая человека обида’. *Ответьте мне, пожалуйста, настоящий грузин кровную обиду прощает или нет?* [Георгий Жженов. Прожитое (2002)]; *Его стало манить домой, в то село, на которое он так долго злобствует, хотелось простить кровные обиды* [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин (1892)];

- *кровный враг* ‘злейший, непримиримый враг’. *Прохор Петрович ничего не желал видеть в рабочих, кроме кровных своих врагов; он как бы оглох на оба уха и вконец очерствел сердцем* [В. Я. Шишков. Угрюм-река. (1932)]; *Аксинья Захаровна ненавидела брата, проклинала его всякими клятвами, называла кровным врагом своим* [П. И. Мельников-Печерский. На горах (1881)];

- *кровная вражда* ‘злейшая, непримиримая вражда’. *Но мы, молодое поколение эмиграции, не были связаны кровной враждой с теми, от кого пришлось бежать нашим родителям!* [Федор Шахмагонов, Евгений Зотов. Гость (1977)]; *Он рассказал нам про своего предка, который пошел пешком в Петербург, чтобы пригласить кровного врага, кажется, князя Шервашидзе, к себе в Сухум на обед. Шервашидзе решил, что это конец кровной вражды, и принял приглашение* [Надежда Мандельштам. Воспоминания (1970)].

Приведенный материал свидетельствует о значительных потенциальных возможностях семантики относительного прилагательного *кровный*, которое, становясь компонентом ряда устойчивых словосочетаний, приобретает связанное оценочное значение.

Литература

1. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 269 с.

2. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Издание второе / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

3. Закон о кровной мести на Руси: что это было [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian7.ru/post/zakon-o-krovnoy-mesti-na-rusi. – Дата доступа: 10.04.2019

4. Танасейчук, Я.В. Понятие кровной мести и история возникновения, трансформация и современное закрепление обычая кровной мести /Я.В. Танасейчук // Право: история, теория, практика : материалы V Междунар. науч. конф. – СПб.: «Свое издательство», 2017. – С. 111–114.

References

1. Teliya V.N. (1981). Tipy yazykovyh znachenij. Svyazannoe znachenie slova v yazyke. [Types of language values. Related word meaning in language]. Moskow: The science (In Russ).

2. Vinogradov V.V. (1972). Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). Izdanie vtoroe [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Second edition. Moskow: Higher school. (In Russ).

3. Zakon o krovnoj mesti na Rusi: chto eto bylo [The law of blood feud in Russia: what was it] From: https://russian7.ru/post/zakon-o-krovnoy-mesti-na-rusi.

4. Tanasejchuk YA.V. (2017) Ponyatie krovnoj mesti i istoriya vozniknoveniya, transformaciya i sovremennoe zakreplenie obychaya krovnoj mesti/ *Pravo: istoriya, teoriya, praktika : materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. [The concept of blood feuds and the history of the emergence, transformation and modern consolidation of the custom of blood feud]. – St. Petersburg: Own publishing house, 111–114. (In Russ).

УДК 81’373.237:811.161.3

МЕТЭАРАЛАГІЧНЫЯ ДЗЕЯСЛОЎНЫЯ НАМІНАЦЫІ

В.Д. Старычонак,
доктар філалагічных навук, прафесар, дэкан філалагічнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка,
г. Мінск, Республика Беларусь
E-mail: Starichenok@mail.ru

В статье исследуются вторичные метеорологические номинации, образованные от исходных лексико-семантических вариантов глагольных единиц. В белорусском языковом континууме такие номинации отражают самые разные характеристики атмосферных осадков, электрических, оптических и стихийных явлений, связанных с их интенсивностью, силой воздействия, протяженностью и динамичностью. Большую группу составляют глаголы, в которых звуковые проявления природы отождествляются с речью человека, а также звуками животных и птиц, музыкальных инструментов.

Ключевые слова: глагол, метеорология, метафора, семантика, лексико-семантический вариант, оппозиция.

METEOROLOGICAL VERBAL NOMINATIONS

V.D.Starychonak
doctor of philological sciences, professor, dean of the philological faculty,
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: Starichenok@mail.ru

The article explores secondary meteorological nominations formed from the original lexical-semantic variants of verbal units. In the Belarusian language continuum, such nominations reflect the most varied characteristics of precipitation, electrical, optical, and elemental phenomena related to their intensity, impact force, length, and dynamism. A large group consists of verbs in which the sound manifestations of nature are identified with human speech, as well as the sounds of animals and birds, musical instruments.

Key words: verb, meteorology, metaphor, semantics, lexico-semantic variant, opposition.

Дзеясловы, як вядома, характарызуюцца даволі шырокімі семантычнымі структурамі і валодаюць вялізным патэнцыялам для развіцця другасных лексіка-семантычных варыянтаў. На такую адметнасць дзеяслоўнай семантыкі ўказвалі многія даследчыкі, адзначаючы, што семантка

дзеяслова адлюстроўвае дыскрэтныя кавалкі рэчаіснасці, якія набліжаюцца да элементарных сітуацый і падзей [1, с. 37-38]. У вялікай масе дзеяслоўнай лексікі вылучаюцца метэаралагічныя найменні (метэонімы), якія адносяцца да старажытнай і ўстойлівай тэматычнай групы слоўнікавага складу любой мовы. Яны абазначаюць розныя электрычныя, акустычныя, аптычныя атмасферныя з'явы (бачныя праяўленні складаных фізіка-хімічных працэсаў, што адбываюцца ў паветранай атмасферы Зямлі), а таксама адлюстроўваюць важныя для чалавека ўяўленні аб навакольнай рэчаіснасці. Метэонімы непасрэдна звязаны з вучэннем аб чатырох элементах быцця (вадзе, агні, паветры і зямлі), у якіх спрадвечная прырода ўвасаблялася ў мностве самых разнастайных форм і абліччаў.

Дзеясловы са значэннем важнейшых метэаралагічных з'яў і велічынь, а таксама некаторых станаў прыродных аб'ектаў займаюць параўнальна невялікае месца ў агульным лексічным фондзе беларускай мовы. У той жа час яны належаць да высокаінфармацыйнай лексікі, якая адлюстроўвае важныя для жыцця і дзейнасці чалавека прыродныя канстанты і прадстаўляе фрагмент беларускай моўнай карціны свету. Яны цесна звязаны з назоўнікамі, якія абазначаюць тыя ці іншыя аб'екты прыроды, водныя прасторы і патокі, аптычныя з'явы, нябесныя свяцілы, надвор'е, стыхію, атмасферныя ападкі (*дождж, снег, град, вецер, бура, мяцеліца, завея, маланка, туман, хмара, воблака, сонца* і інш.). У залежнасці ад семантыкі такіх субстантываў і значэння дзеясловаў вылучаецца некалькі груп дзеясловаў, якія характарызуюць: а) атмасферныя ападкі (дождж, снег, град); б) вецер і іншыя стыхійныя атмасферныя з'явы (бура, завіруха, мяцеліца); в) электрычныя з'явы ў атмасферы (навальніца, маланка, гром); г) аптычныя з'явы ў атмасферы (туман, хмара, воблака, радуга); д) стан атмасферы, надвор'е і час сутак; е) нябесныя свяцілы (сонца, месяц).

У семантычным полі метэаралагічных дзеясловаў вылучаецца некалькі груп, якія характарызуюцца спецыфікай семантыкі, а таксама асаблівасцямі парадыгматычных і сінтагматычных адносін.

1. Група дзеясловаў з першаснай «прыроднай» семантыкай. У сваім першасным прамым значэнні яны звязаны са станам і з'явамі надвор'я. Як правіла, гэта монасемантычныя адзінкі ***імжыць (імжэць)*** 'ісці, падаць, асядаць дробнымі каплямі (пра дождж)', ***вечарэць*** **'б**лізіцца к вечару', *днець* 'світаць, развідняцца'. Другасная семантыка развіваецца толькі ў некаторых дзеясловаў і адлюстроўвае асаблівасці эмацыянальнага стану чалавека, яго настрой, пачуцці, перажыванні, паводзіны, параўн.: ***хмурыцца*** **'п**акрываецца хмарамі, станавіцца хмурным (пра неба)' → 'станавіцца хмурным, насупленым', 'моршчыцца, насупліваецца, выражаючы неспакой, хваляванне, турботу, злосць'; ***бушаваць*** **'б**урна, імкліва выяўляць сваю сілу (пра вецер, буру і інш.)' → 'раскрычацца, пачаць буяніць'; ***грымець*** **'у**твараць моцныя рэзкія гукі, грукат, шум (пра раскаты грому)' → 'гаварыць гучным узрушаным голасам, з гневам або запалам'; 'карыстацца вялікай папулярнасцю, славіцца'; ***цяплець*** 'станавіцца больш цёплым' → 'станавіцца дабрэйшым, лагаднейшым'.

2. Група дзеясловаў рознай тэматычнай накіраванасці, якія характарызуюцца шырокай семантычнай структурай і здольнасцю ў адным з значэнняў абазначаць прыродныя з'явы. Адбываецца спецыялізацыя, актуалізацыя дадатковых дыферэнцыйных кампанентаў аднаго са значэнняў дзеяслова, які выказвае рух наогул, і яго рэтрансляцыя ў мэтавую зону: ***ісці*** **'п**ерамяшчацца, перасоўвацца ў прасторы', 'капаць, цячы, ляцець (пра ападкі); ***кружыць*** 'прыводзіць у кругавы рух, застаўляць рухацца па кругу', 'узнімаць снег, пыл, месці (пра мяцеліцу, завіруху і пад.)'; ***сыпаць*** **'п**рымушаць падаць куды-небудзь, паступова выпускаючы (што-небудзь сыпкае ці дробнае)', 'ісці, падаць (пра дробны, часты снег, дождж)'; ***зайсці*** 'прыйсці куды-небудзь , да каго-небудзь ненадоўга', 'апусціцца за гарызонт (пра нябесныя свяцілы)'.

3. Характэрнай асаблівасцю метэонімаў з'яўляецца тое, што больш за 15% такіх намінацый уключаюцца не ў адну, а некалькі мікрагруп, што сведчыць пра адкрытасць мэтэаралагічнай сістэмы, яе своеасаблівую дыфузнасць і семантычную «судакранальнасць» з іншымі намінацыямі. Так, напрыклад, дзеясловы *ісці, падаць* могуць выкарыстоўвацца для абазначэння метэаралагічных з'яў і велічынь, звязаных з дажджом, снегам, градам. Дзеяслоў *сцябаць* у значэнні 'моцна ліць' можа характарызавапць дзеянні ветру, дажджу, граду. Дзеяслоў *узняцца* можа ўжывацца ў значэннях 'узысці, з'явіцца над гарызонтам (пра сонца, месяц, воблака)', 'распаўсюдзіцца над чым-небудзь, вышэй чаго-небудзь (пра туман, дым)', 'пачацца, узнікнуць (пра вецер, буру, навальніцу)'.

4. Група бессуб'ектных дзеясловаў са значэннем прыродных з'яў, якія выкарыстоўваюцца ў безасабовых канструкцыях: *на вуліцы вечарэе; пачало накрапваць; усё неба аблажыла; снегу не было, але моцна марозіла.*

Адной з асаблівасцей мэтэаралагічнай дзеяслоўнай лексікі з'яўляецца выкарыстанне семантычнага патэнцыялу неметэаралагічных лексічных адзінак, якія выступаць у якасці сферы-донару для ўтварэння другасных ЛСВ. У працэс метафарызацыі часцей за ўсё ўключаюцца дзеясловы са значэннем руху, яго пачатку, спосабу працякання і завяршэння, спецыфікі перамяшчэння ў прасторы, бурнасці, вялікай сілы ўздзеяння на чалавека і акаляючую рэчаіснасць.

Даволі часта другасныя метэаралагічныя ЛСВ утвараюцца па распаўсюджанай мадэлі, дзе пэўныя гукі, галасы чалавека і жывёл атаясамліваюцца з гукамі прыродных атмасферных з'яў. Гукавыя метэонімы ў залажнасці ад утваральнікаў гукаў падзяляюцца на некалькі груп.

1. **Дзеясловы са значэннем гукаў дажджу.** У гэтай групе прадстаўлены дзеясловы з максімальна шырокай, абстрагаванай семантыкай, накіраванай у адным са сваіх значэнняў на выражэнне гукаў, якія ўтвараюцца ў працэсе судакранання кропель дажджу з лістотай, травой, вадой, камянямі, дахамі дамоў, шыбамі вокнаў і інш. (*грукацець, лапацець, тупацець, патрэскваць, хлюпатаць, шалясцець, шапацець, шаргацець, шумець): за акном грукацеў дождж, дождж хлюпоча пад акном, па страсе лапоча лівень, дробна шалясціць дождж, у лісцях таполі шуміць дождж.* Для выражэння гукаў дажджу таксама выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем гукаў некаторых музычных інструментаў *(барабаніць, бубніць): дождж барабаніў па даху, дождж забарабаніў па шыбах, усю ноч па ваконных шыбах бубніў дождж.*

2. **Дзеясловы, якія выражаюць гучанне завеі, мяцеліцы.** Звычайна выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем гукаў, якія нагадваюць гудзенне, выццё, сапенне, скуголенне, пэўныя крыкі, свісты: *завіруха гудзела, за акном вые завіруха, мяцеліца ў полі сапе, скуголіць мяцеліца, завея злавесна крычыць, прасвістала над плошчай снегавая завея.*

3. **Дзеясловы, якія абазначаюць гукі, што суправаджаюць гром і маланку.** У гэтай групе выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем:

а) рэзкіх, аднастайных, пералівістых, адрывістых, траскучых гукаў (*ляпнуць, ляснуць, трашчаць, патрэскваць, вуркатаць*);

б) раскацістых, гучных, моцных гукаў, грукатання (*раскаціцца, пракаціцца, грукатаць, ракатаць);*

в) маўлення чалавека, яго голасу (*азвацца, абазвацца, загучаць, буркнуць, рагатаць);*

г) гукаў некаторых музычных інструментаў *(глуха бубніць гром).*

4. **Дзеясловы са значэннем гукаў ветру.** Выкарыстоўваюцца дзеясловы са значэннем гукаў чалавека, яго маўлення (*вецер* ***гаворыць, гамоніць,*** *вяшчае, спявае, свішча, чмыхае, рагоча, пасмейваецца*), а таксама гукаў чалавека, якія ўказваюць на ўнутраны стан, эмоцыі, пачуцці , адчуванні (*вецер плача, галосіць,* ***стогне,*** *лямантуе, енчыць, злуецца*). У гэту ж групу ўключаюцца дзеясловы са значэннем гукаў жывёл, якія нагадваюць працяжнае і тужлівае скуголенне, роў, жаласнае выццё, падвыванне і інш. (*вецер вые, завывае, раве, скуголіць, скавытае*).

Семантычная своеасаблівасць дзеясловаў, багацце граматычных характарыстык, цесна звязаных з асаблівасцямі іх лексічных значэнняў, абумоўлівае тое, што ў дзеяслоўнай лексіцы роля ўнутрымоўных сістэмных фактараў больш моцная, чым у іншых часцінах мовы. Таму невыпадкова тэматычная група метэаралагічных дзеясловаў даволі структураваная і з'яўляецца надзейным матэрыялам для вывучэння сістэмных адносін у лексіцы. Так, пры найменнях воблакаў і хмар выкарыстоўваюцца, як правіла, дзеясловы руху са значэннем пэўнай накіраванасці, а таксама спосабу перамяшчэння ці распаўсюджвання. Кампаненты семантыкі ў такіх словах цесна ўзаемадзейнічаюць з граматычнымі і лексіка-граматычнымі кампанентамі, у выніку чаго дзеясловы закончанага і незакончанага трывання, суфіксальныя і прэфіксальныя дэрываты адрозніваюцца па сэнсавым напаўненні і маркіруюцца такімі семамі, як пачатак дзеяння і яго завяршэнне, шырокі ці вузкі ахоп дзеяння, яго непаўната, розная накіраванасць і інш. Так, напрыклад, дзеяслоў *плыць (плысці)* і яго прэфіксальныя ўтварэнні ў адных выпадках могуць абазначаюць пэўны рух аблокаў (*плыць*), у другіх – іх знікненне, змену месцазнаходжання (*сплыць, праплысці*), у трэціх – дзеянне, звязанае з павелічэннем аб'ёму воблакаў (*расплыцца*), у чацвёртых – дзеянне, калі хмары насоўваюцца на месяц ці сонца і закрываюці іх сабой (*наплысці*), у пятых – рух знізу ўверх (*усплыць*) і інш. Нейтральнай адзінкай у адносінах да рэпрэзентацыі руху хмар у прасторы з'яўляецца дзеяслоў *ісці* ў значэнні 'перамяшчацца масай, патокам': *хмары ўсё ішлі ды ішлі па нізкаму небу; хмара з-за лесу ішла з ветрам на нас; цяжкія хмары з кожным парывам ветру ішлі ў наступ.*

У многіх метэонімаў адлюстроўваюцца ўласцівыя дзеясловам семантычныя апазіцыі, звязаныя з выражэннем спецыфікі руху, дзеяння, фізічнага стану, сілы выяўлення, завершанасці ці незавершанасці дзеяння, яго лакатыўнасці, тэмпаральнасці і мн. інш.

Так, апазіцыя «максімальная – мінімальная моц, сіла» выражаецца ў сэнсавых структурах дзеясловаў *біць, ліць, шумець, грукаць, хлынуць, абрынуцца, урэзаць, накрапваць, церушыць, шапацець* , дзе проціпастаўленні пазначаюцца маркеры «максімальна вялікая сіла, моц» (*хлынуў дождж, абрынуўся навальны лівень, вецер ашалеў, б'е маланка, бабахнуў гром, густа валіць снег)* і «мінімальна малая, слабая сіла» (*дождж накрапвае, вецер шапаціць, церушыць мокры снег).*

Распаўсюджанай з'яўляецца апазіцыя «статычнасць, раўнавага, спакой» (*нерухома стаяла хмара, шэрае воблака вісіць на адным месцы, над возерам навісла вялізная чорная хмара)* – «рухомасць» (*хмары бягуць над лесам, ходзіць вецер долам, у асінніку сноўдае вецер, закруцілася мяцеліца, носіцца шумная завіруха, снег ляціць з нябёсаў).* Апазіцыя «працягласць – непрацягласць

дзеяння» выражаецца ў «маланкавых» і «дажджавых» дзеясловах: *дождж зарадзіў, маланка жахнула.*

Тэмпаральная апазіцыя, у якой лексічныя адзінкі проціпастаўляюцца па часе дзеяння, выяўляецца ў складзе дзеясловаў са значэннем перамяшчэння ў прасторы: «пачатак дзеяння» (*паднялася навальніца, устае густы туман, набліжаецца навальніца, сонца паднялося)* – «завяршэнне, канец дзеяння» *(туман сплыў, туман развеяўся, адбушавала навальніца, заціх вецер, пад полудзень аціхла бура).* Да гэтай групы прымыкаюць дзеясловы, семантыка якіх дыферэнцуецца па лініі «з'яўленне» – «знікненне» нябесных свяціл (сонца, луны): *узняцца, устаць, выплыць – зайсці, сесці, закаціцца.* Па тэмпаральнай прымеце размяжоўваюцца дзеясловы з агульным начэннем 'ранішні час' (*світаць, днець, развідняцца*) – 'вячэрні час' (*вечарэць, цямнець).*

Пры тэмпературнай апазіцыі атмасферныя з'явы і працэсы проціпастаўляюцца па паказчыку наяўнасці ці адсутнасці холаду і цеплыні (*халадзець, марозіць, цяплець*).

Апазіцыя «станоўчая ацэнка» – «адмоўная ацэнка» выяўляецца ў многіх тэматычных разрадах дзеяслоўнай лексікі. Так, станоўчай канатацыяй валодаюць словы і спалучэнні тыпу *праясніцца, цяплець, вецер гладзіць, сонца ласкава грэе,* а таксама дзеясловы, якія выкарыстоўваюцца пры апісанні радугі *(іскрылася чароўная вясёлка, красуецца вясёлка).* Заўсёды адмоўная канатацыя назіраецца ў дзеясловах, якія адносяцца да навальніцы, грому, буры, завірухі, маланкі (*над хатамі раўла навальніца, яшчэ ўчора бушавала навальніца, за акном вые завіруха, бушуе гром, вогненнай касой махае над лесам маланка).* Пры назоўніку *вецер* часцей ужываюцца дзеясловы са значэннем 'моцная сіла праяўлення ветру, яго магутнасць, хуткасць, інтэнсіўнасць, нястрыманасць, небяспечнасць': *Вецер бязлітасна* ***шкуматаў*** *валасы,* ***сек*** *вочы,* ***раздзіраў*** *сцятыя вусны.* (Л. Дайнека); *Раз'юшаны вецер* ***скавытаў*** *і дробна* ***ляпаў*** *у коміне непрычыненаю юшкаю*. (В. Адамчык); *Вецер з* ***шалёным*** *выццём віўся па вуліцах*. (М. Зарэцкі).

Такім чынам, у беларускім моўным кантынууме налічваецца значная колькасць метэаралагічных дзеяслоўных намінацый, якія ў шматлікіх кантэкставых фрагментах адлюстроўваюць самыя розныя выяўленні руху. На першы план вылучаюцца прыметы інтэнсіўнасці, сілы ўздзеяння, працягласці, хуткасці, дынамічнасці, а таксама гукавыя характарыстыкі, якія атаясамліваюцца з працэсам маўлення чалавека, а таксама гукамі жывёл і птушак, музычнымі гукамі і інш. Метэаралагічная лексіка ў пэўнай ступені адлюстроўвае спецыфіку беларускай ментальнасці, а таксама нацыянальнай моўнай карціны свету.

Литература

1. Уфимцева, А.А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

References

1. Ufimtseva, A.A. (1986) *Lexiczeskoe znaczenie (Princip semiologiczeskogo opiasania lexiki)*. [*Lexical meaning (the Principle of semiological description of vocabulary)*]. Moscow: Nauka. (In Russ.).

УДК 811.161.1'373.43:070«21»

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТАХ БЕЛАРУСИ

А.Л. Стрижак,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
Гомель, Республика Беларусь
E-mail: strizhak2011@yandex.ru

В настоящей статье рассматриваются особенности вербализации действительности оппозиционными и государственными изданиями Беларуси и России, описываются лексические средства реализации воздействующей функции газетных материалов, определяется отношение авторов указанных групп периодических изданий к освещаемым событиям. Для анализа материала применялись сопоставительный и описательно-аналитический методы, а также метод контекстуального анализа. Выявлено активное использование негосударственными СМИ экспрессивно заряженных устойчивых выражений (фразеологизмов, идеологем советского периода, названий фильмов, цитат из художественных произведений и советских песен, а также конфессионализмов), что определяет не только качественный уровень анализа конкретной жизненной ситуации, но и характер аксиологического отношения автора к референту, тогда как стремление официальной прессы к нейтральным заглавиям предлагаемых материалов обнаруживает их ориентацию преимущественно на информационную функцию публицистического текста.

Ключевые слова. Устойчивые выражения, оппозиционные и государственные издания, воздействующая функция, оценка, репрезентация действительности.

VERBALIZATION OF RUSSIAN-BELARUSIAN ENERGY CONFLICTS IN RUSSIAN-LANGUAGE NEWSPAPERS OF BELARUS

A.L. Strizhak,
Associate Professor, candidate of philology, associate Professor of the Department of Russian, general and slavic linguistics,
Gomel State University named after Francisk Skorina,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: strizhak2011@yandex.ru

This article discusses the features of the verbalization of reality by opposition and state publications of Belarus and Russia, describes the lexical means of implementing the influential function of newspaper materials, determines the nature of the value orientations of the authors of these groups of periodicals to the events covered. For the analysis of the material used comparative and descriptive-analytical methods, as well as the method of contextual analysis. The active use by non-state media of expressively charged stable expressions (idioms, ideologies of the Soviet period, film titles, quotes from works of art and Soviet songs, and confessionalism) is revealed, which determines not only the depth and quality of the analysis of a specific life situation, but also the nature of axiological attitude author to the referent, while the desire of the official press to neutral titles of the proposed materials reveals their orientation predominantly for information about the function of journalistic text.

Keywords. Stable expressions, opposition and state publications, influencing function, evaluation, representation of reality.

Введение

В настоящей статье рассматриваются особенности вербализации государственными и оппозиционными СМИ Беларуси острых экономических разногласий, регулярно возникавших на протяжении 2000-х гг. между «хозяйствующими субъектами» Беларуси и России.

Цель статьи

Цель статьи заключается в определении особенностей репрезентации действительности оппозиционными и государственными изданиями, описании лексических средств реализации воздействующей функции газетных материалов, выявлении характера аксиологического отношения авторов указанных групп периодических изданий к освещаемым событиям.

Методы и материал исследования

Для анализа материала применялись сопоставительный и описательно-аналитический методы, а также метод контекстуального анализа.

Современные СМИ не имеют себе равных по силе влияния на общественное мнение, оказывая значительное и разностороннее воздействие на развитие всего социума: «Влияние журналистских коммуникаций настолько велико, что развитие стратегий и целей функционирования СМИ, поведение и коммуникативные установки изданий, телерадиоканалов и отдельных журналистов уже сегодня воздействуют на вектор развития всего общества» [1, с. 23]. Говоря о реализации публицистическими текстами воздействующей функции, мы подразумеваем прежде всего феномен *речевого воздействия*, т.е. такого проявления «психологического коммуникативного воздействия, которое осуществляется только или преимущественно посредством языка и речи и направлено явным и/или скрытым образом как на сферу рационально-критического, так и неосознанного восприятия» [2, с. 5].

Следует учитывать, что реализация механизмов и языковых средств манипуляции в газетных текстах тесно связана с идеологической установкой издания и существенным образом отличается в «государственных» и «оппозиционных» газетах, что связано в первую очередь с различным отношением к понятиям «информация» и «воздействие», а также и с различным отношением к тому, как СМИ должны реализовывать эти основные функции.

Как справедливо замечает белорусская исследователь О.М. Самусевич, «сегодня в печати наблюдается тенденция к бинарности мнений, которая дает возможность читателю самому определиться, что он принимает и во что верит. Это позволяет создать картину действительности относительно подвижной, со своим спектром оттенков и отношений» [3, с. 99].

Анализ языкового уровня публикаций, посвящённых заявленной в настоящей статье проблеме, показал активное использование журналистами негосударственных газет устойчивых сочетаний различной природы: фразеологизмов, крылатых выражений, идеологем советского периода, названий фильмов, художественных произведений и цитат из них, цитат из советских песен, а также конфессионализмов. Подобные выражения, обладающие мощным экспрессивно-оценочным потенциалом, тяготеют к сильной позиции заголовка и подвергаются разного рода трансформациям, среди которых доминирует

субституция компонентов устойчивого сочетания. Закономерно, что компоненты-субституты имеют прямую референтную соотнесённость с проблемной ситуацией, попадающей в фокус внимания журналиста, тем самым облегчая восприятие газетного материала читателем: *Праздник со слезами на газах* (БГ, июнь 2010); *Мир, газ, май* (БГ, май 2010); *Нефть раздора* (БР, янв. 2010); … *дело пахнет не только газом* (БГ, янв. 2006); *Союзники под газом* (БГ, нояб. 2002); *В костер плеснули нефти* (БДГ, янв. 2007); *Любовь до газа* (БГ, июнь 2010); *Дело – труба* (На начало сентября «Белтрансгаз» задолжал «Газпрому» $285 млн.) (БГ, 23.09.2002) и др.

Отдельного рассмотрения заслуживают контексты, в которых реализуются сложные отношения «заголовок» ↔ «текст», при этом воздействующий эффект материала усиливается благодаря использованию приема словообразовательной псевдомотивации: ***Газ вопиющего в пустыне.*** *Уже второй по счету белорусско-российский газават продемонстрировал, что и в России, и в Беларуси отсутствует внятное понимание того, кто и с кем договаривается.* (БГ, янв. 2007), где *газават* ‘священная война мусульман против неверных’ → *газават* *‘спор хозяйствующих субъектов по вопросу цены на газ’.

Официальная пресса, напротив, демонстрирует предпочтение нейтральным заглавиям: *Консенсус с запахом газа* (НГ, янв. 2006); *Газ – аполитичен* (СБ, фев. 2004); *Подача газа в Беларусь возобновлена* (Рэсп., фев. 2004); *Цена вопроса* (СБ, янв. 2007); *Геополитическая формула газа* (СБ, янв. 2007) и др. Редкие случаи использования фразеологизмов характеризуются обращением к устойчивым выражениям дидактического, назидательно-поучающего характера, прагматический потенциал которых стремится к нулю: *Труба не терпит пустоты...* (СБ, янв. 2007); *Время собирать камни...* (СБ, янв. 2007); *Кто плюет в колодец белорусско-российской дружбы, или Последний довод олигархов* (Рэсп., фев. 2004); *Союзные отношения дороже денег* (Рэсп., янв. 2007).

Отмеченная выше особенность коррелирует с мнением Л.П. Саенковой, утверждающей, что современные газетные публикации в ряде государственных СМИ отличаются редукцией смыслового содержания и «несмотря на жанровое своеобразие, с одной стороны, все больше напоминают отчеты, а с другой – носят развлекательно-рекламный характер. В обоих случаях публикации свидетельствуют о некоей виртуализации реальности. Современная белорусская пресса представляет однородный медиаландшафт. Именно поэтому газеты, которые называются «национальными социально-политическими», «общенациональными», мало чем отличаются друг от друга» [4, с. 69].

Обращение к надъязыковому, концептуальному уровню показывает фундаментальные различия в репрезентации действительности оппозиционными и государственными изданиями, что находит отражение прежде всего в полярной дифференциации оценочной шкалы, оценочных предикатов и самих ценностей, влияющих на характер аксиологического отношения автора к реальности. Наконец, не вызывает сомнений более глубокий и качественный уровень анализа конкретной жизненной ситуации, многогранная и в значительной мере отстранённая (незаинтересованная) языковая объективация тех или иных событий представителями именно оппозиционных газет: *Брюссель слезам не верит* (БГ, дек. 2005); *Так поссорились Александр Григорьевич с Владимиром Владимировичем* (БДГ, фев. 2004); *В очередь, союзные дети, в очередь*! (БГ, янв. 2007); *Котлеты съедены. Мухи жужжат по-прежнему* (БГ, май 2004); *Труба о двух концах* (БДГ, дек. 2006); *Россия вынесла сор из трубы* (БДГ, фев. 2004); *Связался черт с младенцем* (БР, фев. 2004).

Вместе с тем государственные издания в значительной мере проигрывают в мастерстве и глубине анализа «энергетических конфликтов» (и не только) своим «оппонентам», последовательно и однобоко изображая Беларусь невинной жертвой «коварных российских монополистов», стремящихся во что бы то ни стало завладеть её богатствами: *Газовая атака захлебнулась* (СБ, фев. 2004); *«Газовой атаки» никто не заметил* (СБ, фев. 2004); *Удар трубой* (СБ, фев. 2004); *Заложники Европы* (СБ, янв. 2007); *Переживем? Переживем* (Рэсп., фев. 2004); и, наконец, квинтэссенция главной идеи приведенных выше иллюстраций: *Кто правит балом? На фоне «лепета» российских СМИ в адрес «неблагодарной» Беларуси по отношению к газовому «кормильцу» встают как минимум два резонных вопроса. Так кто же правит бал в стратегически перспективных для народов России и Беларуси интеграционных процессах?* (Рэсп., фев. 2004).

Результаты и их обсуждение

Обращение к газетным текстам для исследования особенностей репрезентации действительности обусловлено самим характером газетной публицистики, специфика которой в наибольшей степени проявляется на лексическом уровне, что нередко выражается в обращении к устойчивым сочетаниям различной природы: фразеологизмам, крылатым выражениям, идеологемам советского периода, названиям фильмов, цитатам из художественных произведений и советских песен, а также конфессионализмам. Подобные выражения обладают значительным прагматическим потенциалом, характеризуются непосредственной

соотнесённостью с освещаемой в статье проблемной ситуацией, используются преимущественно в сильной позиции заголовка и реализуют воздействующую функцию публицистического текста.

Использование негосударственными СМИ экспрессивно заряженных устойчивых выражений определяет не только глубину и качественный уровень анализа конкретной жизненной ситуации, но и характер аксиологического отношения автора к референту, тогда как стремление официальной прессы к нейтральным заглавиям предлагаемых материалов обнаруживает их ориентацию преимущественно на информационную функцию публицистического текста.

Заключение

Таким образом, показанное выше контрадикторное отношение в отображении реальности со стороны государственной и оппозиционной прессы Беларуси, а также качественная диспропорция в освещении значимых, проблемных явлений и событий современности негативно влияет на их адекватную интерпретацию и оценку рядовым представителем белорусского общества.

Литература

1. Іўчанкоў, В. І. Медыярыторыка : курс лекцый / В. І. Іўчанкоў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 280 с.

2. Негрышев, А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : Изд-во ВГГУ, 2009. – 144 с.

3. Самусевич, О. М. Концептуализация действительности в белорусской печати (на материале газеты «СБ. Беларусь сегодня») / О. М. Самусевич // Вестник БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 95–99.

4. Саенкова, Л. П. Медиакритика как оценочно-познавательная область медиасферы / Л. П. Саенкова // Вестн. БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 91–94.

References

1. Ivchenkov, V. I. (2009). *Medyjarytoryka : kurs lekcyj* [*Medyyarytoryka: lecture course*]. – Minsk. (In Russ).

2. Negryshev, A. A. (2009). *Aspekty rechevogo vozdejstvija v novostjah SMI* [*Aspects of speech influence in the news media: studies. manual*]. Vladimir: VGGU publishing house. (In Russ).

3. Samusevich, O. M. (2011). Konceptualizacija dejstvitel'nosti v belorusskoj pechati (na materiale gazety «SB. Belarus' segodnja»). *Vestnik BGU. Serija 4, Filologija. Zhurnalistika. Pedagogika* [Conceptualization of reality in the Belarusian press (on the material of the newspaper "SB. Belarus Today"). *Bulletin of the BSU. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogy*], 2, 95–99. (In Russ).

4. Saenkova, L.P. (2009). Mediakritika kak ocenochno-poznavatel'naja oblast' mediasfery. *Vestn. BGU. Serija 4, Filologija. Zhurnalistika. Pedagogika* [Mediacriticism as an Estimated and Cognitive Area of the Media Sphere. *Vestn. BSU. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogy*], 1, 91–94. (In Russ).

УДК 81'221

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ПРАГМАТИКА КАК НЕВЕРБАЛЬНОГО СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ

Т.Н.Талецкая
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П.Шамякина,
г.Мозырь, Республика Беларусь
E-Mail: tatjanatalezkaya@mail.ru

С.А. Липницкая
студентка 4 курса филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П.Шамякина,
г.Мозырь, Республика Беларусь
E-Mail: 0-sabinka@mail.ru

Статья посвящена выявлению прагматики внешности (на примере имиджа федерального канцлера Германии Ангелы Меркель и других известных политиков), используемой в качестве невербального средства воздействия в политическом дискурсе. С применением метода критического анализа получают описание прагматические цели, достигаемые известными мировыми политиками, намеренно выбирающими цвет своего гардероба либо разного рода оригинальные аксессуары, сигнализируя этим о своих намерениях или косвенно воздействуя на своих политических партнеров и соперников. Делается вывод о том, что в политической дипломатии наряду с вербальной прагматикой большую роль играет и невербальная прагматика внешности, так называемая «модная дипломатия» – «носочная», «туфельная», «блейзерная» и др., являющаяся не только выражением имиджа, но и прагматическим посланием аудитории.

Ключевые слова: внешность, прагматика, средство воздействия, дипломатия моды.

HUMAN APPEARANCE AND ITS PRAGMATICS AS A NONVERBAL MEANS OF INFLUENCE

T.N.Taletskaya
Associate Professor, Master of Arts, Associate professor of Department of foreign languages and language teaching methodology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin,
Mozyr, Belarus
E-Mail: tatjanatalezkaya@mail.ru

S.A.Lipnitskaya
Graduate student of Mozyr State Pedagogical University named after I.P.Shamyakin,
Mozyr, Belarus
*E-Mail:*0-sabinka@mail.ru

The article is devoted to revealing the pragmatics of appearance (on the example of the street cred of the German Federal Chancellor Angela Merkel and other well-known politicians), used as a non-verbal means of influence in political discourse. In the article the method of critical analysis is used for reaching pragmatic aims, which are achieved by well-known world politicians who deliberately choose the color of their wardrobe or various original accessories, signaling their intentions or indirectly influencing their political partners and rivals. It is concluded that in political diplomacy (along with verbal pragmatics) non-verbal pragmatics of appearance, the so-called "fashionable diplomacy", also plays an important role, which is not only to express the street cred, but also send a pragmatic message to the audience.

Key words: appearance, pragmatics, means of influence, fashion diplomacy.

Вербальная и невербальная прагматика в политическом дискурсе напрямую связана с формами и методами воздействия на аудиторию в целях получения желаемого результата. В основе функционирования языковых единиц лежит целенаправленная деятельность субъекта речи, который в соответствии со своей интенцией выбирает в конкретной ситуации наиболее адекватные с его точки зрения вербальные средства для достижения планируемого перлокутивного эффекта. Ориентируясь на то или иное прагматическое воздействие в политическом дискурсе, субъект речи профессионально пользуется наиболее эффективными с его точки зрения не только вербальными, но также и невербальными средствами воздействия – например, особенностями своего имиджа.

Под внешностью человека обычно понимают его лицо, фигуру, одежду, характерные особенности его облика. Одни люди слишком много внимания уделяют своей внешности (в частности – прическе, гардеробу, обуви, аксессуарам), для других – это вопрос второстепенный, так как для них в жизни приоритет имеют более важные вещи. Но, занимая, например, важный государственный пост, человек не может игнорировать свой внешний облик, потому что постоянно находится под пристальным вниманием широкой аудитории и средств массовой информации. То, как он выглядит, может помимо выражения имиджа быть еще и определенным посланием адресату / аудитории, своего рода прагматическим невербальным средством воздействия. Обратимся в этой связи к прагматике внешности известного мирового политика, канцлера Германии – Ангелы Меркель.

Как известно, каждый цвет имеет свое символическое значение. Он оказывает разное воздействие на окружающих. Например, случайно ли госпожа Меркель выбирает цвет своих жакетов, или она использует разнообразную их гамму в прагматических целях, чтобы сигнализировать о своих намерениях или косвенно воздействовать на своих политических партнеров и соперников? На эту тему журналистами написано много критических статей. В одном из своих интервью журналу FOCUS Online Ангела Меркель отметила по этому поводу следующее: „*Es gibt Anlässe, da muss ich dunkle Farben tragen; dann gibt es manchmal Hinweise, dass man vor einem weißen Hintergrund stehen wird, da muss es nicht der helle Blazer sein. Und manchmal habe ich spontan Lust, etwas leuchtend Farbiges anzuziehen*" [4]. Т.е. есть случаи, когда канцлер Германии в силу тех или иных обстоятельств должна надевать темные цвета. Но иногда, если она знает, что будет выступать или фотографироваться на белом фоне, то она не должна быть одета в светлый блейзер. Или же у неё может появиться спонтанное желание надеть что-то яркого цвета.

Так, если в начале своей политической карьеры фрау Меркель не особо обращала внимание на то, как она выглядит, то современный стиль ее одежды отвечает французскому принципу ‚noblesse oblige' («положение обязывает»). И помогает ей в этом известный дизайнер Беттина Шёнбах, которая известна в мире моды как „Kanzler-Designerin".

На протяжении десятилетий стиль одежды Ангелы Меркель остается консервативным –

блейзер (жакет) на трех (или двух) крупных пуговицах, прямые брюки, туфли или ботинки на плоской подошве. Известный немецкий дизайнер Карл Лагерфельд при жизни не раз критиковал имидж фрау Меркель, предлагая ей свою помощь, но, бывая в Париже, она ни разу не воспользовалась его предложением.

Критики иронизируют по поводу особого отношения Меркель к её любимому предмету гардероба – блейзеру, называя его «любовной историей» [3]. Меркель действительно консервативна в отношении надеваемых ею жакетов, но, по мнению психологов, она абсолютно профессионально относится к выбору их цвета.

Самым любимым её цветом считается зеленый, хотя выглядит она в нем несколько бледной. Прагматика зеленого цвета заключается в том, что зеленый способствует налаживанию коммуникации [1], и госпожа Меркель умело пользуется этим. Например, будучи одета в зеленый цвет, канцлер может дать понять своим оппонентам, что она открыта для переговоров о сотрудничестве с ними. Как отмечают эксперты, Ангела Меркель часто появляется на официальных встречах в зеленом [2]. В этой цветовой гамме она выглядит консервативно, и зеленый цвет подчеркивает её профессиональную компетенцию. Кроме того, зеленый цвет – это цвет жизни, он ассоциируется также с естественностью и здоровьем. Зеленый цвет способствует появлению у собеседника надежды, а также имеет способность оказывать успокаивающее действие. Не случайно психологи советуют одеваться в зеленый цвет для проведения конфликтных диалогов, для общения со сложными коммуникативными партнерами.

Таким образом, цвет одежды может сигнализировать об определенных намерениях, обозначать занимаемую позицию, выражать точку зрения или чувства. В политическом дискурсе прагматика цвета имеет особую значимость. Несмотря на свою аутентичность, фрау Меркель владеет прагматикой носимых ею цветовых оттенков на профессиональном уровне.

Для формальных встреч канцлер Германии выбирает приглушенные тона, а по неформальным поводам предпочитает насыщенные цвета. Во время конференций и встреч на высшем уровне Меркель выделяется на общем фоне черно-серых мужских костюмов своим цветовым аутфитом, что позволяет ей неизменно оставаться в центре внимания – ведь она стоит во главе державы, занимающей ведущее положение в Европе и мире. Серый цвет также присутствует в гардеробе фрау Меркель, она может появляться в нем на обычных деловых встречах. Серый цвет является классикой делового дресс-кода [1].

Черный цвет производит на аудиторию серьезное, интеллигентное впечатление. Не случайно во время торжественной церемонии, посвященной ее вступлению на пост канцлера Германии, Ангела Меркель трижды одевалась в черный цвет. На последнем таком мероприятии 14 марта 2018 года на Меркель был белый блейзер и черные брюки. Белый цвет – цвет примирения, в сочетании с черным – цвет дипломатии. Если женщина носит белый цвет, то она принципиальна, игнорирует мнение коллег, всегда находится на виду [1]. Тот, кто помнит, как трудно формировалось последнее немецкое правительство, поймет прагматику бело-черного цвета гардероба Меркель на последней церемонии присяги на пост канцлера. Кроме того, смесь черного и белого подчеркивает высокий статус. Черный цвет, и вообще все темные тона играют важную роль в дипломатии.

В своих зарубежных поездках фрау Меркель охотно появляется в сине-голубых тонах. Это символический цвет Европейского континента. Этот цвет ей особенно идет и гармонирует с цветом ее волос. Синий цвет – это цвет стабильности, постоянства, надежности, авторитета, серьезности, благородства, высокого статуса. Он сигнализирует о гармоничных, упорядоченных, деловых отношениях. Синий цвет создает впечатление дистанции, корректности, важности. Синие тона не слишком броские. Синий цвет подчеркивает деловой стиль. По этой причине, как полагают эксперты [4], Меркель любит появляться в синем особенно на переговорах большой коалиции.

Одеваясь в яркие цвета, человек в какой-то степени проявляет мужество. В последнее время канцлер Германии с удовольствием носит оранжевый и розовый цвета (за исключением политических встреч). Когда на ней яркие цвета, то от нее исходят оптимизм, радость жизни и радость общения. Желтый цвет – это цвет солнца. Этот цвет подходит уверенным в себе женщинам [1]. К тому же, желтый цвет считается цветом коммуникации (общения). На неполитических мероприятиях Меркель, одетая в смелые цветовые гаммы, выражает открытость и коммуникабельность.

В гардеробе канцлера присутствует и красный цвет. Как известно, красный цвет – это цвет власти, энергии, страсти. Он не подходит для переговоров, потому что собеседник будет чувствовать конкуренцию и захочет доказать свою правоту [1]. Например, переговоры с Социал-демократической партией Германии Меркель никогда не проводит в красном цвете. И это не случайно.

Таким образом, цвет своих блейзеров канцлер Германии Ангела Меркель использует как невербальное средство коммуникации в прагматических целях. Другие известные мировые политики выражают свои прагматические намерения с помощью иных предметов гардероба или аксессуаров. Например, премьер-министр Великобритании Тереза Мэй известна своими массивными украшениями (серебристая цепь,

ожерелье с грубыми камнями или жемчугом), которые она всегда надевает на проблематичные встречи и переговоры. Чтобы привлечь внимание прессы к своему имиджу, Тереза Мэй использует и весьма экстравагантную обувь. Как дипломатический знак Мэй не раз использовала цвет своего гардероба – например, платье красного цвета (неофициальный цвет американских республиканцев) на банкете в честь президента Дональда Трампа. Часто экстравагантный образ Мэй – это не просто возможность самовыражения, но и прагматическое намерение – выделиться на политической арене, заставить аудиторию услышать её позицию.

Ещё один известный молодой политик – канадский премьер-министр Джастин Трюдо – известен миру своей забавной «носочной дипломатией». Подтекст оригинальных ярких носков под деловой костюм – это не просто особенность его стиля, это всегда определенное политическое послание.

Таким образом, важную роль в политической дипломатии наряду с вербальной прагматикой играет и невербальная прагматика внешности, так называемая «модная дипломатия» – «носочная», «туфельная», «блейзерная» и др.

Литература

1. Психология цвета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lesyashop.com.ua/novosti/psihologiia-tsveta. – Дата доступа – 15.01.2019

2. Kanzlermode. Hochrechnungen zur Outfit-Wahl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stylight.de/Love/Kanzlermode. – Дата доступа – 15.01.2019

3. Merkels Blazer: Farben und zwei Designerinnen bestimmen die Outfits der Bundeskanzlerin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.shz.de/deutschland-welt/panorama/farben-und-zwei-designerinnen-bestimmen-die-outfits-der-bundeskanzlerin id15423526.html. – Дата доступа – 15.01.2019

4. Merkel wählt Blazer nach Lust und Zufall. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.faz.net/agenturmeldungen/dpa/merkel-waehlt-blazer-nach-lust-und-zufall-13835665.html. – Дата доступа – 15.01.2019

References

1. Psihologija cveta. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://lesyashop.com.ua/novosti/psihologiia-tsveta. – Data dostupa – 15.01.2019. (In Russ).

2. Kanzlermode. Hochrechnungen zur Outfit-Wahl. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.stylight.de/Love/Kanzlermode. – Data dostupa – 15.01.2019. (In Germ)

3. Merkels Blazer: Farben und zwei Designerinnen bestimmen die Outfits der Bundeskanzlerin. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.shz.de/deutschland-welt/panorama/farben-und-zwei-designerinnen-bestimmen-die-outfits-der-bundeskanzlerin id15423526.html. – Data dostupa – 15.01.2019. (In Germ).

4. Merkel wählt Blazer nach Lust und Zufall. [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.faz.net/agenturmeldungen/dpa/merkel-waehlt-blazer-nach-lust-und-zufall-13835665.html. – Data dostupa – 15.01.2019. (In Germ).

УДК 811.161.1’373

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИМОВ В СРЕДСТВАХ МАСОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Т.И. Татаринова,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tativ58@inbox.ru

К.А.Катрюк,
студентка филологического факультета
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tigmani0802@mail.ru

В статье рассматриваются случаи авторского использования фразеологических единиц в средствах массовой информации (в текстах и заголовках статей) с целью придания большей выразительности и усиления экспрессии. В настоящее время этому явлению уделяется пристальное внимание, поскольку лексическая и синтаксическая трансформация устойчивых сочетаний с ,одной стороны, сохраняет образность, а с другой – вносит новые оттенки в смысл фразеологизма. Данные типы трансформации достаточно ярко представлены в текстах заголовков и являются одним из самых действенных способов концентрации внимания читателя на статье.

Ключевые слова: лексическая трансформация, синтаксическая трансформация, заголовок, средства массовой информации, фразеологические обороты, образность.

LEXICAL AND SYNTAXTICAL TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH MEANS OF MASS INFORMATION

T.I. Tatarinova,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tativ58@inbox.ru

K.A. Katryuk,
student of the Philology Department,
Mozyr State Pedagogical University named after IP Shamyakina,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tigmani0802@mail.ru

The article discusses the cases of the author's use of phraseological units in the media (in the texts and headings of articles) in order to impart greater expressiveness and enhance expression. At present, close attention is paid to this phenomenon, since the lexical and syntactic transformation of stable combinations, on the one hand, retains figurativeness, and on the other, introduces new shades to the meaning of a phraseological unit. These types of transformations are quite vividly represented in the texts of the headings and are one of the most effective ways of focusing the reader's attention on the article.

Key words: lexical transformation, syntactic transformation, title, media, phraseological phrasing, imagery.

Введение

Газета является летописью современности, так как всегда была и остается одним из главных средств массовой информации. Текое название ей дано, потому что она отражает историю настоящего времени во всей ее полноте, обращена к насущным проблемам общества. Хорошим материалом для реализации важного конструктивного принципа языка газеты — сочетание стандарта и экспрессии являются фразеологические обороты. Их предназначение — повышение выразительности изложения, его образности и впечатляемости. Фразеологические обороты выполняют «стандартную» функцию, выступая как готовые речевые образцы, и используются как постоянное «рабочее средство» в различных жанрах.

Именно видя заголовок, читатель понимает нужно ли ознакомиться с остальным текстом статьи. Устойчивые выражения отражают жизнь общества, ценности, народную мудрость, его культурные традиции. «Крылатые выражения» меняются вместе с изменением жизни в обществе. Трансформация фразеологизмов – вот главное орудие в привлечении внимания и способ воздействия на читателя. В целях усиления выразительности и эмоциональности в языке современных СМИ фразеологизмы могут подвергаться разного рода изменениям. Заголовок, представляющий собой «чистый» фразеологизм, не может быть интересен ввиду отсутствия новизны.

Излюбленным приёмом в текстах современных СМИ всё больше становятся различные преобразования фразеологизмов. Возможность их трансформации вытекает из сохранения у фразеологизмов внутренней формы, т.е. их исходного, буквального смысла и относительной устойчивости. Преобразованиям могут быть подвергнуты как семантика, так и структура словосочетаний. Трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой, что позволяет авторам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщённый, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста.

Цели и задачи

Выявление закономерностей и характерных особенностей употребления синтаксической и лексической трансформации фразеологизмов в языке СМИ в начале XXI века.

Для достижения указанной цели нами последовательно решались следующие **задачи:**

1. Изучить лингвистическую и методическую литературу по данной проблеме. Определить типы фразеологизмов, наиболее часто употребляемые в языке газет.
2. Определить текстообразующую роль фразеологизмов в языке СМИ.
3. Проследить приёмы трансформации фразем, используемых для создания новых экспрессивных образов.

Методы и материал исследования

Для решения поставленных задач с учетом специфики изучаемого вопроса использовались следующие **методы исследования**: изучение и теоретический анализ лингвистической и методической литературы по проблеме исследования, метод лингвистического описания, контекстный анализ.

Материалом для исследования послужила газеты «СБ. Беларусь сегодня» и «Аргументы и факты» за 2018-2019 годы.

Результаты и их обсуждение

Все виды трансформации можно разбить на два типа: трансформацию **неаналитическую** (семантическую, смысловую) и **аналитическую.**

Лексическая трансформация относится к аналитическому типу, так как предусматривает манипуляцию с одним или несколькими элементами: происходит замена компонента фразеологизма. В одних случаях это прямая замена: «*Вопрос зерном*» [СБ. – 167, 2018], «*Цветы по осени купают*» [СБ. – 172, 2018]. В других – замена сопровождается эффектом аллюзии (намёка, ассоциации): «*Не всё, что красное, - икра*» [СБ. – 19, 2006], «*По ком звонит мобильник?*» [СБ. – 169, 2018], «*Вопрос зерном*» [СБ. – 167, 2018].

Как показали наши наблюдения, именно лексическая трансформация фразеологизмов получила широкое распространение в современных печатных изданиях. Приведём некоторые из многочисленных примеров.

«Сказка до Сибири довела» – заголовок статьи о белорусский режиссере Олеге Жюгжде – лауреате Национальной театральной премии Беларуси, который поставил в омском «Арлекине» необычный спектакль о любви [СБ. – 45, 2019].

«*Свежо питание, да верится с трудом…*» – замена компонента *предание* на *питание* искажает смысл фразы: в статье говорится о продуктах питания и сроках их реализации [СБ. – 128, 2018]; «*Свежо предание, да не верится совсем*» – в данной статье речь пойдет о мошенниках, которые пытаются обманом через электронную почту украсть деньги со счетов [СБ. – 46, 2019].

«Brexit: уйти нельзя остаться» [СБ. – 60, 2019] – статья о неопределённости британцев в отношении Brexit: есть ярые его сторонники, затеявшие это действо, а судя по кадрам с заседаний парламента, и многие другие британские политики вроде бы не против «развода». Но на новостных каналах между тем все чаще стали появляться интервью с простыми британцами, настроенными против брексита.

«Часы покажут» [СБ. – 55, 2019] – о новых часах, установленных в центре города Бреста.

«Его премьер – другим наука» [1] – интервью экс-премьер-министр Беларуси Михаила Чигиря. Частичное звуковое сходство слов *премьер* и *пример* позволило автору существенно изменить значение цитаты из романа «Евгений Онегин»: «*Его пример – другим наука»,* наполнить её новым, скрытым смыслом, неочевидным для читателя, далёкого от белорусских политических реалий.

«*Берегите кость смолоду*» – заголовок статьи о детском травматизме [СБ. – 199, 2018]. «*Бедное солнце пустыни*» – статья о событиях на Ближнем Востоке [СБ. – 122, 2018].

В статье *«Откуда растут «Корни»»* [СБ. – 58, 2019] речь пойдёт о проекте, разработанном директором одной из белорусских школ. Суть его заключается в том, чтобы у детей, внуков, а теперь уже и правнуков белорусских евреев, которые приезжая на родину, была возможность узнать историю своей семьи, часто трагическую.

Интересно выглядит заголовок «*Один в банке не доллар»* [АиФ № 20, 2019]. Автор одновременно и иронизирует, и констатирует факт. «*Таблетка раздора*» – причиной споров стал отечественный аспирин, заменившийся, по непонятным для населения соображениям, импортным [СБ. – 171, 2018].

В этом отношении любопытны и три следующих заголовка, являющихся вариациями одного и того же выражения: «*Утомлённые местью*» [СБ. – 192, 2019] и «*Разорённые солнцем*» [СБ. – 136, 2019], *«Унесённые метром»* [СБ. – 33, 2018]. Замена разных компонентов по-разному отражается на значении сочетания.

«Игра с изюминкой» [СБ. – 46, 2019] – в статье говорится о том, что директор фонда «Дирекция II Европейских игр 2019 года» Георгий Катулин вручил Руслану Алехно сертификат о присвоении почетного звания звездного посла Игр.

«*Скоро сказка сказывается, да не скоро снимается*» – о темпах съёмки фильмов и мультфильмов [СБ. – 192, 2019].

Примерами лексической трансформации также являются заголовки: «*Галка среднего полёта*» [СБ. – 86, 2018], «*Любишь кататься – люби и за дорогу платить*» [СБ. – 138, 2018], «*Дамоклов кирпич*» [СБ от 23.11.2018].

«*Без еды виноватые*» – статья о диетах и их последствиях [СБ. – 39, 2019]. «*Расширить нельзя сократить*» – перефразированное выражение «К*азнить нельзя помиловать*» [СБ. – 20, 2019]. «*Старый утюг лучше новых двух*» – об использовании и переработке испорченной техники [СБ. – 196, 2018]. «*Модерн спасёт мир*!» – статья об архитектурных тенденциях [СБ. – 13, 2019].

«*Дожуём до понедельника*» [СБ. – 24, 2019] – статья о школьном питании. «*Ход рублём*» [СБ. – 37, 2009] – о некоторых изменениях условий на право получения льготного кредита; *«Не сыпь мне сахар в масло»* [СБ. – 30, 2018] – интересный заголовок, повествующий о вреде сахара в продуктах питания, начальный же фразеологизм звучит так: «Не сыпь мне соль на рану»; «*Беги и радуйся*» – о марафоне, прошедшем в Минске этой осенью [СБ. – 172, 2018]; *«Бурлаки на Двине»* - речь пойдёт о выставке белорусского художника Ильи Репина в Москве [СБ. – 46, 2019].

Интересен и заголовок «*Место под землёй*» [СБ. – 53, 2019]. Замена компонента «под солнцем» обусловлена содержанием статьи – речь идёт о нехватке работников метро, которое, как известно, и находится под землёй.

В статье *«Песок сквозь пальцы»* [СБ. – 15, 2018] поднята тема строительства и использовании песка в данном виде деятельности.

«Взгляд со второго этажа» [СБ. – 48, 2019] – перефразированное выражение *«Взгляд со стороны»* – о проблеме недостроенных домов в новом районе города Минска.

Два одинаковых заголовка отмечены у двух разных статей разных авторов: *«Друг познаётся в еде»* [СБ. – 60, 2019] – речь пойдёт о взглядах на вегетарианство белорусов-веганов, целью которых является полное исключение молока, масла, яиц, мяса и рыбы. Частичное звуковое сходство слов *еде* и *беде* позволило автору существенно изменить значение фразеологизма. *«Друг познаётся в еде»* [СБ. – 97, 2018] – смысл статьи заключается в том, что нужно покупать сезонную продукцию на Комаровском рынке.

«Эмир вашему дому» [СБ. – 48, 2019] – интервью знаменитого сербского актера и режиссера Эмира Кустурицы о его съёмках в фильме «Балканский рубеж», где речь идёт о войне в Югославии, о секретной операции российского спецназа, взявшего летом 1999 года под свой контроль аэропорт «Слатина» в Косово.

При синтаксической трансформации утвердительная конструкция может быть заменена отрицательной и наоборот: «*Провинции закон писан*» [СБ. – 156, 2019], «*В товарищах согласье есть*!» [СБ. – 136, 2019], «*Лес рубят – щепки не летят*» [СБ. – 132, 2018], *«И себе, и людям»* — о доступности баз данных всему Интернету. Эта модификация практически не затрагивает лексико-грамматический состав фразеологизма, его внешняя форма, как правило, сохраняется, но смысл трактуется иначе. В контексте статьи выражение приобретает обратный смысл и наполняется новым ироническим содержанием [2].

Такая трансформация заголовка вызвана прежде всего содержанием статьи.

К синтаксической трансформации относятся также случаи заменены повествовательных предложений вопросительными, с лексическими сдвигами или без них: «*Кто там в лодке, не считая собаки*?» [СБ. – 102, 2018] – о августовском канале, который вскоре примет первых водных туристов; «*Руки чешутся*?» [СБ. - 144, 2018] – статья о Президенте Грузии Михаил Саакашвили и его объявлении о переезде на территорию Кодорского ущелья «правительства Абхазии в изгнании»; «*Сколько ждут обещанного*?» [СБ. – 40, 2018] – о том, что для жалобы граждан бюрократами рассматриваются очень долго; *«Резать по живому?»* [СБ. – 40, 2019] – в данной статье речь пойдет о сложностях Brexit.

Статья о форуме в Интернете, на котором обсуждают плюсы и минусы пребывания белорусов в Москве, озаглавлена «*Где спорят о вкусах*?» [СБ. – 17, 2019]. Автор перефразирует выражения «О вкусах не спорят», которое, например, использовал в своём стихотворении В.С. Высоцкий.

Выразительность достигается тогда, когда изменяется роль члена предложения: «*Дело – труба*» – определение-сказуемое [СБ. – 21.12.2018]. Такой же процесс наблюдается и в заголовке «*Пиши – пропало*» [СБ. – 148, 2018]. «*Сор – из избы*!» [СБ. – 16, 2019] – обстоятельство в данном случае употребляется в функции сказуемого.

При синтаксической трансформации может происходить и замена видов синтаксической связи: «*Слово и воробей*» [СБ. – 202, 2018], «*Голод и тётка*» [СБ. – 180, 2018], *«Любо и дорого»* [СБ. – 53, 2019] – статья посвящена старту сборной Беларуси в отборочном турнире чемпионата Европы, а также был обсужден вопрос о шансах нашей команды в игре против Голландии, «*Драки ещё не было, а кулаками уже размахивают*» [СБ. – 131, 2018], «*Потом. Но не кровью*» – статья о технике безопасности на рабочем месте [СБ. – 152, 2018], «*Бранятся, но не тешатся*» – о постоянных беспорядках в Украине [СБ. – 165, 2018], *«Бедность и порок»* – о людях с высоким и низким достатком [СБ. – 165, 2019]; «*Без страха, но с упрёком*» [СБ. – 53, 2019] – статья о деятельности работников госконтроля, в частности, о борьбе с коррупцией; *«Игры, что не стоят свеч»* [СБ. – 40, 2019] – о неудачной поездке солдата Ковальчука в Польшу. *«Первый блин не комом»* [СБ. – 56, 2019] – заголовок статьи повествует об успехах завода «Омск Карбон Групп» в Могилеве, который усилил потенциал нефтехимической отрасли Беларуси.

Выводы

Таким образом, лексическая и синтаксическая трансформация устойчивых сочетаний с ,одной стороны, сохраняет образность, а с другой – вносит новые оттенки в смысл фразеологизма. Данные типы трансформации достаточно ярко представлены в текстах заголовков и являются одним из самых действенных способов концентрации внимания читателя на статье.

Литература

1. Ладыженская Е.В. Трансформация фразеологизмов в заголовках (на материале газеты «Коммерсантъ») // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. IV междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4.pdf. – Дата обращения: 24.03.2019.

References

1. Ladyzhenskaya E.V. Transformacija frazeologizmov v zagolovkah (na materiale gazety «Kommersant#»). *Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki* [Transformation of phraseological units in headlines (on the material of the newspaper “kommersant”). *Youth Research Forum: Humanities: electr. Sat Art. according to mat. IV Intern. stud scientific-practical conf.*] No. 4. Retrieved 03/24/2019 from: https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4.pdf. (In Russ).

ТЕКСТ
В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 371.3

РОЛЬ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ В РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РУСИСТИКИ

Алиш Чобаноглу АГАМИРЗОЕВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики
Бакинского славянского университета,
Баку, Азербайджан
e-mail: alish-m@mail.ru

Большую роль в изучении и пропаганде русского языка и культуры в Азербайджанской Республике сыграли и продолжают играть научно-методические журналы по русскому языку, издающиеся в БСУ.Сегодня журнал «Русский язык и литература в Азербайджане» и «Учёные записки» Бакинского славянского университета являются «визитной карточкой» не только университета, но и всей русистики и русской культуры в Азербайджане. Они обновляются с каждым днём, при этом оставаясь верным своему главному предназначению – быть связующим звеном в многовековой дружбе Азербайджана и России.

Ключевые слова: научно-методические журналы, пропаганде русского языка,русистика. Дружба между Азербайджаном и Россией.

THE ROLE OF SCIENTIFIC-METHODICAL MAGAZINES IN THE DEVELOPMENT OF AZERBAIJAN RUSSIANS

Alish Chobanoglu AGAMIRZOEV
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Multiculturalism,
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan
e-mail: alish-m@mail.ru

Scientific and methodological journals on the Russian language, published in BSU, have played and continue to play a major role in the study and promotion of the Russian language and culture in the Republic of Azerbaijan. Today, the magazine “Russian Language and Literature in Azerbaijan” and “UchenyeZapiski” of the Baku Slavic University are the “calling card” of not only the university, but also of all Russian studies and Russian culture in Azerbaijan. They are updated every day, while remaining true to their main purpose - to be a link in the centuries-old friendship of Azerbaijan and Russia.

Key words: scientific and methodical journals, Russian language propaganda, Russian studies. Friendship between Azerbaijan and Russia.

Неоценимую роль в изучении и пропаганде русского языка и культуры у нас в республике сыграли и продолжают играть научно-методические журналы по русскому языку, издающиесяв БСУ. Под названием «В помощь учителю русского языка в нерусской школе» он появился в сентябре 1947 года как приложение к журналу Министерства просвещения Азербайджанской Республики «Azərbaycanməktəbi» («Азербайджанская школа»). Тираж первого номера журнала, состоящего из 45 страниц, составлял 3000 экземпляров. Это было первый периодический научно-методический сборник по русской словесности не только в республике, но и в Закавказье.

Уже в первые годы своего существования «Русский язык и литература в Азербайджане» получил признание и высокую оценку широкой педагогической общественности не только у нас в Азербайджане, но и в Закавказье [1].

В разные годы журнал издавался под разными названиями. Так, если первые два года журнал выходил под названием «В помощь учителю русского языка в нерусской школе», то с октября 1949 года по 1970 год он стал выходить под названием «Русский язык и литература в нерусской школе».

В 1970 году, начиная с третьего номера, он был переименован в «Русский язык и литература в азербайджанской школе». В 1979 году (№ 7) журнал приобретает иной статус: он становится самостоятельным ежемесячным учебно-методическим журналом Министерства просвещения Азербайджанской Республики. Уже с 1985 года журнал издается под нынешним названием «Русский язык и литература в Азербайджане».

За все время существования журнал служил и продолжает служить как совершенствованию методики преподавания русского языка и образованию преподавателей школ и вузов, так и развитию русистики и воспитанию русистов-исследователей. Хотя менялись редколлегии, редакционные работники и главные редакторы, но все они никогда не забывали о том, что прогресс в обучении языку и прогресс в изучении языка – единственное, нерасторжимое целое и одно стимулирует другое.

На страницах журнала со своими наблюдениями и выводами по русскому языку и методике его преподавания, новыми суждениями и опытом, гипотезами и теориями, критическим анализом трудов отечественных и зарубежных лингвистов выступали самые разные авторы – от начинающих исследователей до известных ученых, среди которых многие составляют гордость нашей лингвистики и лингводидактики (М.Т.Тагиев, Г.Г.Алекберли, Ф.Г.Гусейнов, А.Р.Махмудов, А.Ш.Шабанов, Б.Г.Айолло, П.М.Кравченко).

Актуальные проблемы литературной критики, истории литературы и азербайджанско-русских литературных связей ставились и по возможности решались в статьях видных ученых-литературоведов (Г.Б. Бабаев, М.К.Коджаев, Н.Т.Мамедов, Р.М.Новрузов, С.Ф.Турабов, Т.Г.Джафарова и др.).

Целая когорта видных русистов принимала непосредственное участие в деятельности журнала «Русский язык и литература в Азербайджане» в качестве как членов его редколлегии, так и авторов.

Не погрешая против истины, можно сказать, что в лингвистических и методическихразделах журнала запечатлена почти вся история русистики и методики преподавания русского языка как неродного в Азербайджане за последние 70 лет. Читая номер за номером, ясно видишь, как и когда, благодаря кому и чему наша русистика вышла на передовые позиции в русской лингвистике, а методика превратилась из техники педагогического мастерства в науку об обучении.

Многочисленные статьи наших видных учёных сыграли определяющую роль в развитии фразеологии как науки, словообразования, фонетики, синтаксиса, учебной лексикографии, этимологии и культуры речи (М.Т.Тагиев, Ф.Г.Гусейнов, А.Р.Махмудов, А.Г.Алекберли, Л.М.Грановская, А.М.Мамедли, Р.С.Мирзоев, А.А.Гасанов, Э.С. Мамедова, Т.Г.Шукюрбейли, В.Б.Насибли, Н.Ш.Мамедов, Я.К.Алхасов и др.).

На страницах журнала освещались самые злободневные вопросы преподавания русского языка в контексте постоянно меняющегося вместе с обществом школьного и вузовского образования – от общих проблем лингводидактики и воспитания учащихся средствами русского языка до конкретных методических форм и приёмов обучения различным видам речевой деятельности, лингвистической и культурной компетенции в различных типах школ и вузов.

В жизни журнала за более чем 70-летнюю историю его существования были разные периоды. Было время становления и завоевывания авторитета среди читателей; был период расцвета – в 80-е годы прошлого столетия тираж журнала доходил до 20 тысяч экземпляров, а в школах и на кафедрах русского языка вузов его выписывали по несколько комплектов, в библиотеках номера журнала зачитывали, залистывали до такой степени, что они разваливались... Однако были и трудные времена, когда его номера выходили сдвоенными, строенными, на газетной бумаге, без вклеек и иллюстраций, как «боевые листки», или вообще не выходили.

Ныне журнал с изображением памятника гению русского слова А.С.Пушкину на обложке, с интересными материалами о новостях в области преподавания русского языка, о различных конференциях, семинарах, круглых столах, олимпиадах и других мероприятиях по русистике, в высоком полиграфическом исполнении стал по существу «визитной карточкой» не только БСУ, но и всей азербайджанской русистики [2]. Журнал распространяется в странах СНГ и славянских государствах и издается 4 раза в год.

В журнале «Русский язык и литература в Азербайджане» можно найти материалы, охватывающие широкий круг вопросов педагогики, лингвистики, истории литературы и литературоведения. В журнале обсуждаются программы по русскому языку и литературе для школ с азербайджанским и русским языком обучения. Вынося на широкое обсуждение проблемы национального курриkулума, программ и учебников по русскому языку и литературе, журнал приглашает к сотрудничеству всех, кто заинтересован в улучшении преподавания русского языка как иностранного и как языка обучения в школах нашей республики. На его страницах, начиная с первого номера, публикуются статьи ученых из ближнего и дальнего зарубежья – России, Украины, Белоруссии, Болгарии, Грузии, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Израиля, Японии и др.

В журнале представлены различные рубрики. Так, в рубриках «Вопросы лингвистики» и «Вопросы литературы» помещаются материалы, представляющие интерес для научных работников, хотя творчески мыслящие школьные учителя мо-

гут использовать их на занятиях русского языка и литературы.

Рубрика «Методика и опыт» предлагает статьи, посвященные методике использования современных средств наглядности и новых технологий обучения русскому языку в школах Азербайджана.

Особое внимание в первых трех рубриках журнала уделяется разработке нового содержания обучения русскому языку. Ныне содержание обучения русскому языку включает в себя этнокультуроведческий компонент, отражающий, с одной стороны, азербайджановедение, с другой – россиеведение, представленный образцами художественной литературы, произведений искусства, исторических фактов двух народов — не только как материал для всякого рода упражнений и разборов, но, в первую очередь, как средство духовного и эстетического воспитания граждан Азербайджанской Республики, формирования языковой грамотности, обучения школьников речевому общению.

В рубрике «Вопросы перевода» освещаются современные проблемы теории и практики перевода.

В рубриках «Отголоски былого» и «Баку, … к тебе я тянусь любовью» читатель возвращается в начало XX века, когда в Баку приезжали известные русские поэты, писатели, ученые. Статьи этой рубрики рассказывают о жизни и деятельности в нашем городе В.Иванова, Ф.Сологуба, М.Горького, С.Есенина, В.Хлебникова, Д.Шостаковича, А.Крученых, С.Прокофьева, А.Маковельского и др.

В рубрике «Гости республики» публикуются материалы, освещающие встречи видных зарубежных общественных и государственных деятелей, поэтов, писателей, деятелей науки и культуры (Сергея Миронова, Юрия Полякова, Бориса Евсеева, Александра Ткаченко, Ирины Хакамады, Рудольфа Иванова, Давида Гоциридзе и др.) со студентами и профессорско-преподавательским составом Бакинского славянского университета.

Журнал подробно информирует о работе международных научных конференций, посвященных актуальным проблемам русского языка и литературы как в республике, так и за ее пределами.Журнал «Русский язык и литература в Азербайджане» тесно связан с такими ведущими вузами России, как Московский государственный лингвистический университет, Российский университет дружбы народов, Московский городской педагогический университет, Государственный университет русского языкаим. А.С.Пушкина, Белгородский государственный университет, Уральскийфедеральный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. Герцена (Санкт-Петербург) и многие др. Ведущие специалисты этих вузов, лингвисты, литературоведы и методисты периодически помещают свои статьи в журнале. Тем самым азербайджанский читатель получает возможность ознакомиться с самыми актуальными проблемами русской филологии, с новейшими методиками в обучении русскому языку. Основными подписчиками и читателями журнала являются студенты, аспиранты, докторанты, избравшие специальности «Русский язык» и «Русская литература» различных вузов Азербайджана, в первую очередь, БСУ, а также учителя школ Азербайджана, где преподаётся русский язык, и не только в Баку, но и в различных районах республики.

В 2004 году, после 25-летнего перерыва, возобновлено издание «Учёных записок» Бакинского славянского университета. До того времени этот сборник научных трудов выходил (с 1947 г.) как научное издание Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы имени М.Ф. Ахундова, на базе которого и был основан в 2000 году Бакинский славянский университет. «Записки» выходят в двух сериях, каждая из которых имеет свой международный стандартный серийный номер: «Язык и литература» (ISSN 2071-4750) и «Общественные и политические науки» (ISSN 2309-3277). Периодичность выхода «Учёных записок» БСУ – 2 раза в год серии «Язык и литература» и 2 раза (в двух номерах) в год серии «Общественно-политические науки». В сборнике публикуются в основном статьи по филологии сотрудников, докторантов и диссертантов вузов Азербайджана и зарубежных стран.

Сегодня журнал «Русский язык и литература в Азербайджане» и «Учёные записки» Бакинского славянского университета являются «визитной карточкой» не только Бакинского славянского университета, но и всей русистики и русской культуры в Азербайджане. Они обновляется с каждым днём, при этом оставаясь верным своему главному предназначению – быть связующим звеном в многовековой дружбе Азербайджана и России.

Литература

1. Абдуллаев К., Гамидов И. Русский язык в Азербайджане: история, современность, перспективы: научно-публицистические очерки. – Баку, 2006. – 550 с.

2.Алхасов Я.К. Шестьдесят лет на службе русскому языку//Научно-методический журнал УАПРЯЛ «Русский язык, литература, культура в школе и вузе». – № 1. – Киев, 2008. – С.73-76.

References

1. Abdullaev K., Gamidov I. (2006). *Russkij jazyk v Azerbajdzhane: istorija, sovremennost', perspektivy: nauchno-publicisticheskie ocherki*. [*Russian language in Azerbaijan: history, modernity, prospects: scientific and journalistic essays*]. Baku. (In Russ.).

2. Alhasov Ja.K. (2008). Shest'desjat let na sluzhbe russkomu jazyku. *Nauchno-metodicheskij zhurnal UAPRJaL «Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze»*. [Sixty years in the service of the Russian language. *Scientific and methodological journal UAPRYAL "Russian language, literature, culture at school and University"*], 1, 73–76. Kiev. (In Russ.).

УДК 371.3

ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Яшар Камиль оглу АЛХАСОВ,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий отделом практики
и развития карьеры выпускников
Бакинского славянского университета
Баку, Азербайджан
*e-mail:**a-yashar@rambler.ru***

В куррикулярной модели обучения русскому языку как иностранному содержание отличается гибкостью, представлено в виде стандартов по содержательным линиям и определено на интегративной основе. Интегрированная подача содержания, осуществляемая на внутрипредметном и межпредметном уровнях, имеет целью формирование целостного представления об изучаемом явлении и предмете. Интеграция в данной статье рассматривается как один способов определения содержания обучения русскому языку в азербайджанской школе.

Ключевые слова: куррикулум, русский язык как иностранный, интеграция, содержание обучения, стратегия обучения

INTEGRATION AS A WAY OF DETERMINING THE CONTENT OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

Yashar Kamil oglu ALKHASOV,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of practice and graduate career development,
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan
e-mail:a-yashar@rambler.ru

In the curricular model of teaching Russian as a foreign language, the content is flexible, presented in the form of standards along meaningful lines and defined on an integrative basis. The integrated content delivery, carried out at the intra-subject and interdisciplinary levels, aims to form a holistic view of the phenomenon and subject under study. Integration in this article is considered as one of the ways to determine the content of teaching Russian in the Azerbaijani school.

Key words: curriculum, Russian as a foreign language, integration, teaching content, learning strategy

На современном этапе развития азербайджанского общества русский язык выступает важным фактором в политической, экономической и культурной жизни страны, в приобщении граждан Азербайджанской Республики к богатствам русской и мировой науки, литературы и культуры. В связи с этим в Азербайджане придаётся большое значение дальнейшему совершенствованию всей системы обучения русскому языку. Ныне русский язык в Азербайджане выступает в двух ипостасях: русский язык как иностранный (РКИ) и русский язык как язык обучения. Естественно, что содержание обучения РКИ меняется в зависимости от целей обучения, а также от принципов составления программ и учебников по русскому языку.

Известно, что в последние десять лет в Азербайджане осуществляется переход школьного обучения русскому языку на куррикулярную модель, при которой основное внимание направлено на определение и описание системы планируемых результатов, сформулированных в виде речевых компетенций. Куррикулум – это многоаспектный и концептуальный по своему содержанию документ, который охватывает весь курс обучения, определяет содержание и объём знаний, умений, навыков, подлежащих обязательному усвоению, а также содержание разделов и тем с распределением их по годам обучения, реализация которого направлено на достижение определённых результатов [2].

Существенно важным и качественно новым в куррикулуме является то, что содержание обучения предлагается не как перечень тем, а в виде содержательных линий и стандартов.

В куррикулярной модели обучения русскому языку содержание отличается гибкостью, представлено в виде стандартов по содержательным линиям (аудирование, говорение, чтение, письмо и языковые правила) и определено на интегративной основе.

В связи с внедрением куррикулума в систему образования нашей республики, интеграция приобретает другой «статус»: она рассматривается как дидактический принцип, предполагающий установление и систематизацию стандартных связей между всеми компонентами содержания обучения с целью формирования у учащихся целостного и неделимого образа мира и направления их на развитие и саморазвитие [2, с. 480].

Известно, что интеграционные процессы в образовании – явление достаточно сложное, комплексное и многостороннее по разновидностям своего проявления.

В дидактической литературе интеграция в учебном процессе рассматриваются в связи с психофизиологическим механизмом поэтапного перехода представленных в материальной или материализованной форме сведений внешнего плана во внутренний [4].

А применительно к обучению РКИ понятие «интеграция» принимает несколько значений:

– создание у учащегося целостного и системного представления об окружающем мире. В результате такой интеграции ученик получает те языковые знания, которые отражают связанность отдельных частей мира как системы, учащийся с первых шагов представляет мир как единое целое, в котором все элементы связаны (например, ***мост*** как часть речи, имя существительное мужского рода, единственного числа, именительного падежа, сооружение через реку или овраг, соединяющее два берега, два города, две страны, два континента).

– нахождение общей платформы сближения знаний из разных предметов. На стыке уже имеющихся традиционных разнопредметных знаний учащиеся получают все новые представления о явлениях окружающего мира, систематически дополняя их и расширяя (двигаясь в познании по спирали).

– как результат – умственное и речевое развитие учащихся.

Интеграция в обучении РКИ характеризуется диалектическим характером современного научного стиля мышления. Для учащихся наблюдение изучаемого объекта не остаётся изолированным элементом. Установление связей между различными формами мыслительных процессов и предметным действием, обеспечивает целостность деятельности учащихся, её системность. Например, для учащихся-азербайджанцев слово ***север*** уже не только как нарицательное, неодушевлённое существительное мужского рода, единственного числа в именительном падеже, имеющееся значения «одна из четырёх стран света (сторон горизонта), противоположная югу», «один из двух географических полюсов (полярных точек)», но и является холодным местом нашей планеты, где расположен Северный ледовитый океан и т.д.

Итак, интегрированная подача содержания обучения русскому языку, осуществляемая на внутрипредметном и межпредметном уровнях, имеет целью формирование целостного представления об изучаемом явлении и предмете. Интеграция как одно из важных условий реализации куррикулума предусматривает укрупнение лингводидактической единицы. Последнее впоследствии, в учебниках, выступает в качестве содержательных стандартов конкретных уроков.

Известно, что к числу особенностей русского языка относятся: флективный характер морфологии; сложная видовременная система глагола; многообразие предлогов; особенности связи слов в словосочетаниях и предложениях (согласование, примыкание, управление); особенности произношения гласных и согласных звуков в слабых позициях; графическая система и её соотношение со звуками и т.д. [3] .

Поэтому содержание обучения РКИ должно быть определено с учётом вышеуказанных особенностей русского языка и включать в себя как лингвистический, так и этнокультуроведческий компонент, отражающий, с одной стороны, азербайджановедение, с другой – россиеведение, и представленный образцами художественной литературы, произведений искусства, исторических фактов двух народов. Например, изучение цветов можно связать с разбором предложения «***Каждый охотник желает знать, где сидит фазан***», в котором начальные буквы слов соответствуют начальным буквам цветов радуги (***красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый***). Соответствие в азербайджанском языке (***Qarı nənə saçlarını yuyub maraqla güzgüyə baxdı***) может служить существенным закреплением темы цветов для азербайджанских учащихся (***qırmızı, narıncı, sarı, yaşıl, mavi, göy, bənövşəyi***). Или же другой пример. Детский забавный стих «***Точка, точка, запятая, Носик, ротик оборотик, Палка, палка, огуречик. И вот вышел человечик***», сопровождаемый с рисованием человеческого изображения на доске или в тетради, с соответствующей аналогией в азербайджанском языке «***Nöqtə, nöqtə, iki qaş, Burun, ağız, yumru baş, Çubuq, çubuq, bir badam, Budur gəldi bir adam***» имеет занимательный характер и носит существенную дидактическую нагрузку. Кстати, данный лингводидактический приём может быть весьма успешно использован при изучении русского языка в персоязычной среде (ср. фольклорный текст на пер-

сидском языке: ***Çeşm, çeşm, du ebru, Demağu, dehanu, yek gerdu, Çub, çub, şekənbə, İn ağa çe ğədr qeşəngə***).

Считаем, что подобные небольшие фольклорные тексты должны быть шире представлены в учебниках, ибо: а) каждый из них моделирует конкретную речевую ситуацию; б) вся его лексика становится активной; в) легко запоминается и воспроизводится в речи.

Нам представляется, что ярким проявлением интеграции при обогащении лексического запаса учащихся новыми русскими словами может явиться применение такого важного лингводидактического приёма, как изучение слов с точки зрения происхождения и в словообразовательных гнёздах.

Как известно, что словообразовательное гнездо – это реальная и строго очерченная языковая единица, выделение которой основано на чётких структурно-семантических параметрах – наличии общего семантического стержня между однокоренными словами, т.е. носителем этого исторически интегрального значения является общий корень (Ср.: ***вода, водный, водяной, водянистый, водник, водянка, подводный, наводнение, приводниться, обезводить, обезводеть, обезвожить, обезвожение, обезвоженный*** и т.п.).

Наличие общего семантического стержня, объединяющего слова гнезда – это общий и повторяющийся семантический ключ ко всему гнезду. Первую реальную трудность представляет в данном случае значение ядерного, производящего звена. Объяснение же всех производных слов облегчается именно благодаря общей и определяющей или ядерной семе. Наличие и повторяемость основного значения слова во всех его производных создаёт фактор семантического «локтя» для их адекватного понимания, т.е. благодаря основному слову облегчается объяснение остальных. На наш взгляд, подобный способ объяснения слов в силу своей содержательности не только оправдан лингвистически, но и психологически, и методически.

Итак, словообразовательное гнездо – это не только лексикологическая, словообразовательная, но и важная учебная единица, существенно дополняющая и оптимизирующая семантизацию вводимых в речь учащихся слов.

Известно, что русское слово ***друг*** образовано от определительного местоимения ***другой*** безаффиксным способом. Анализ происхождения этого слова показал, что всё это исходит от латинского языка. Дело в том, что в латинском языке на вопрос: ***qui est amicus?*** (кто есть друг?) следует ответ: ***alter ego***, т.е. другой (второй) я. Даже дядя великого Пушкина Василий Львович Пушкин (1770 – 1830), говоря о своём друге, писал:

*Сердцами сходствуем; он точно **я другой:***
Я горе с ним делю; он – радости со мной.

Или же известный русский писатель, педагог и философ А.И. Герцен в конце письма своей жене Наталье Захарьиной писал:

*Прощай, моё **другое я**. Нет, не **другое я**, а то же самое. Мы врозь не составляем **я**, а только вместе! Прощай, свет моей жизни!*

Учитель объясняет, что по указанной же модели образовано и персидское слово ***dust*** **(**друг**)** (в азербайджанском языке*:* ***dost***). Таким образом, слово ***dust*** представляет собой своеобразный ответ на указанный выше латинский вопрос, т.е. является производным: ***du*** (два, второй**) +** ***həst*** (есть**) =** ***dust*** **(**буквально: есть второй я**)** [1, с.43].

Мы уверены, что успешная реализация курикулума по русскому языку в азербайджанской школе во многом зависит от интегрированной подачи лингводидактического материала в виде подобных историко-этимологических комментариев и вкраплений разнопредметных знаний. Каждый урок РКИ как форма интегрированной презентации языкового материала и комплексной реализации целей конкретной темы учебника моделирует отдельные речевые ситуации [3].

Каждая тема, предлагаемая в учебнике, естественно, и каждый урок РКИ должны строиться на идеях и методах коммуникативного обучения, приводящего к развитию у учащихся различных видов речевой деятельности – аудирования, чтения, говорения и письма. Каждая тема должна стать важным шагом, звеном в овладении русской речью.

Таким образом, интеграция выступает не только как один из способов определения содержания обучения РКИ, но и является одним из возможных путей совершенствования всей системы обучения РКИ, преодоления недостатков и направлена на углубление взаимосвязей и взаимозависимостей как внутри предмета «русский язык», так и между предметами школьного курса.

Нам представляется, что подобный ракурс организации процесса обучения РКИ на интегрированной основе может служить важным условием успешного обучения русской речи в условиях Азербайджанской Республики.

Литература

1. Алхасов, Я.К. Историко-этимологический комментарий в обучении русскому языку / Я.К. Алхасов // Мир русского слова. – № 1. – СПб., 2008. – С.40–48.

2. Предметные курикулумы для I-IV классов общеобразовательной школы. – Баку: Təhsil, 2008. – С.71–88.

3. Программа по русскому языку для V-XI классов общеобразовательных школ с русским языком // Русский язык и литература в Азербайджане, 2004, № 4. – С. 3-18.

4. Талызина, Н.Ф. Педагогическая психология: учеб. для студ. образовательных учрежд. ср. проф. образования / Н.Ф. Талызина. – М.: AcademiA, 2006. – 288 с.

References

1. Alhasov, Ja.K. (2008). Istoriko-jetimologicheskij kommentarij v obuchenii russkomu jazyku. *Mir russkogo slova*. [Historical and etymological commentary in the teaching of the Russian language. *World of the Russian word]*, 1, 40–48.

2. *Predmetnye kurrikulumy dlja I-IV klassov obshheobrazovatel'noj shkoly*. (2008) [*Subject curriculum for I-IV classes of secondary school*] Baku: Təhsil, 71-88. (In Russ.).

3. Programma po russkomu jazyku dlja V-XI klassov obshheobrazovatel'nyh shkol s russkim jazykom. Russkij jazyk i literatura v Azerbajdzhane (2004) [Russian language program for V-XI classes of secondary schools with Russian language. *Russian language and literature in Azerbaijan*], 4. 3-18. (In Russ.).

4. Talyzina N.F. (2006). *Pedagogicheskaja psihologija: ucheb. dlja stud. obrazovatel'nyh uchrezhd. sr. prof. obrazovanija*. [*Pedagogical psychology*]. Moscow: Academy. (In Russ.).

УДК 81'374

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Лала Бабаева,
диссертант Национальной академии наук Азербайджана,
учитель азербайджанского языка и литературы школы №158 г. Баку
Баку, Азербайджан

Развитие двуязычной лексикографии в Азербайджане тесно связано с социально-историческими предпосылками изучения русского языка в стране. Изучение русскому языку не возможно без разработки справочной лингвистической литературы, призванных для облегчения механизма усвоения лексико-грамматических элементов. Вполне понятно, что в системе справочной литературы по русскому языку особое место занимают словари, которые из года в год менялись как в структурном плане, так и по содержанию, всё больше обеспечивая растущий интерес азербайджанцев.

Ключевые слова: двуязычная лексикография, изучение русского языка вАзербайджане, справочная лингвистическая литература

BILINGUAL LEXICOGRAPHY IN AZERBAIJAN

Lala Babayeva,
dissertation of the National Academy of Sciences of Azerbaijan,
the teacher of the Azerbaijani language and literature of school №158 of Baku
Baku, Azerbaijan

The development of bilingual lexicography in Azerbaijan is closely related to the socio-historical prerequisites for studying Russian in the country. The study of the Russian language is not possible without the development of reference linguistic literature designed to facilitate the mechanism of mastering lexical and grammatical elements. It is quite clear that dictionaries occupy a special place in the reference system on the Russian language, which have changed from year to year both in structural terms and in content, increasingly ensuring the growing interest of Azerbaijanis.

Keywords: bilingual lexicography, study of the Russian language in Azerbaijan, reference linguistic literature

Развитие двуязычной лексикографии в Азербайджане связано с социально-историческими предпосылками изучения русского языка в нашей стране. Процесс обучения русскому языку предполагал разработку не только учебно-методических пособий, но и справочной лингвистической литературы, призванных для облегчения механизма усвоения лексико-грамматических элементов. Вполне понятно, что в системе вспомогательных учебно-методических средств по русскому языку особое место занимают словари. Это были в основном региональные малые толковые, или переводные словари. Во многих случаях эти опыты составления учебного словаря оставались результатом «самодеятельности» преподавателя и составляли его личный учебный арсенал. Но вместе с тем, по мере распространения этих попыток составления словарей, безусловно, вырабатывались какие-то общие приемы оформления, построения не только словаря, но и так называемой словарной статьи, её составных элементов и аппарата всего словаря в целом.

Подобные учебные русско-азербайджанские и азербайджанско-русские словари создавались, по всей вероятности, еще в начале XIX века. Однако по тем или иным причинам они до нас не дошли – затерялись во всевозможных частных коллекциях. О многих из них нет даже исторических сведений.

Как будет видно из дальнейших сведений, не известные филологической общественности до настоящего времени словари, о которых будет дана информация, отнюдь не представляют опытных образцов лексикографическойдеятельности. Это – работы, выполненные уже по определенной лекси-

кографической системе, на основе определенной лексикографической теории. Такое достаточно приемлемое качество лексикографической практики, безусловно, имело исторические корни, восходящие, с точки зрения современной лексикографии, к несистемным образцам первой половины XIX века.

Более того, имеются исторически достоверные сведения о паремиологических азербайджанско-русских (и обратно) словарях. А составление последних, как известно, во все времена считалось более сложным и трудоёмким, чем составление обычных переводных двуязычных словарей, где описываются соотносительные лексические единицы языков.

Значит, если существовали русско-азербайджанские словари пословиц и поговорок ещё в середине XIX века, то не могло быть, чтобы не было попыток составления словарей чисто лексических.

Имеются достоверные сведения, например, о существовании некоего «Азербайджанско-русского разговорника на 120 уроков», составленного и изданного в 1834 году директором Закавказских училищ ЕварестомГрубером [3, 56] «одним из образованнейших людей того времени», или же о том, что Н. Дементьев – инспектор Тифлисской гимназии «составил и издал книгу для первоначального чтения по азербайджанскому языку с приложением азербайджанско-русско-грузинского словаря [3, 57].

Но, к сожалению, мы не имеем никаких данных о принципах составления этих словарей, об их качестве и объеме. Вместе с тем само их существование – факт, конечно, исторически примечательный, поскольку проливает свет на страницы предыстории азербайджанского лексикографического опыта.

Рассмотрим некоторые лексикографические разработки конца XIX-середины XX вв.

Безусловно, попытки составления словарей всегда служат развитию, становлению самой лексикографической системы в нашей стране, общей теории лексикографии.

1. Русско-тюркский словарь. Казань, 1839 (Составитель – Мирза Казем-бек). Этот словарь подготовлен в качестве иллюстративного материала к известным «Учебным пособиям для временного курса турецкого языка» М.Казем-бека. Словарь составляет третью часть книги, включает около 7000 слов, переведённых на русский язык. Судя по объёму словника, можно предположить, что Словарь был составлен как вспомогательный материал не только по данным «Учебным пособиям...» (здесь грамматический материал представлен весьма скромно – в I части книги; II часть – хрестоматия), но и к основательной «Грамматике турецко-татарского языка» (1839; 1846; второе издание сразу было переведено на немецкий язык).Словарь, т.е. III часть книги самим автором назван «Кратким русско-турецким словарем» с присовокуплением к нему: а) полного списка восточных слов к концу словаря; б) отдельного списка собственных имен, лиц, городов, мест, упомянутых в первых двух частях «Учебных пособий...». Впрочем, практика представления словарей в книгах (учебных пособиях) по грамматике в русской лингводидактике применялась нередко. Об этом свидетельствуют: а) «Российская универсальная грамматика, или Всеобщеписьмословие», предполагающее легчайший способ основательного учения русскому языку семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей (СПб., 1769), включающая в I книгу «Сбор разных пословиц и поговорок», напечатанный в присовокуплении. Автором этой грамматики является Николай Курганов; б) замечание В.И. Даля о том, что по нему бы грамматика «во многих частях своих» должна быть переверстана по пословицам.

2. Словарь русских слов, сходных со словами восточных языков. Казань,1842 (Составитель – Мирза Казем-бек). Данный небольшой словарь представляет собой своеобразную попытку этимологического словаря тех русских слов, которые иногда квалифицируются как иноязычные - тюркизмы, фарсизмы и т.п. Автору удаётся чёткая аргументация случаев неправильного отнесения русских слов к тюркизмам или же наоборот [4].

3. Русско-татарский словарь. Баку, 1891 (Составитель – С.М.Ганизаде). Составлен Словарь на основе «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И.Даля. Первое издание датируется 1891 годом (10 000 слов). Словарь выдержал шесть изданий. Последнее издание было осуществлено в 1922 году (25000 слов). Переводы (азербайджанские слова) одновременно даны в русской транскрипции. Включаются в словарь и производные слова, но слова не сопровождаются никакими стилистическими пометами. Приводятся лишь основные значения русских слов. Предназначен был словарь для учащейся молодежи.Шестое издание (1922 г.) автор назвал «Русско-тюркским словарём». Объём – 500 страниц.

4.Татарско-русский словарь. Баку, 1904 (Составитель – С.М. Ганизаде). Словарь представляет обратный вариант предыдущего русско-татарского словаря.Основная цель обоих словарей – полнее представить на обоих языках основную массу слов активного словарного состава и быть подспорьем для переводчиков.

5. Русско-тюркский, тюркско-русский словарь. Баку, 1907 (Составитель – Узеир Гаджибеков). В нём отражена лексика времён обострения классовой борьбы (большевик, социализм и т.п.). В комментариях к Словарю автор высказывается в пользу употребления интернационализмов из русского языка и рекомендует писать эти слова так, как они пишутся в русском языке.

6. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1912 (Составитель – А.К.Карабеков). Словарь со-

ставлен с учётом увеличения объёма словника, включающего целый корпус слов, не вошедших в аналогичные словари С.М.Ганизаде и У.Гаджибекова.Словарь рассчитан на широкий круг читателей и представляет опыт сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий. Казань, 1852–1853.

7. Русско-тюркский словарь для учащихся азербайджанских школ. Баку, 1926 (Составитель – Юсиф ВезирЧеменземинли). О назначении и объёме словаря можно судить по содержанию предисловия, где автор отмечает: «По-моему, словарь – это ключ языка; народ, не обладающий этим ключом, не может вникнуть в тайны современной культуры и прогресса» [1, 21].

8. Русско-тюркский военный словарь. Баку, 1926 (Составитель – Али-Ага Шихлинский). Автор словаря Али-Ага Шихлинский (1865–1943) – прославленный генерал-лейтенант царской армии (1917). Изданный азербайджанской военно-редакционной Комиссией при РВ СККА, словарь имеет полное название «Краткий русско-тюркский военный словарь. Пособие для перевода уставов и военно-научных книг с русского на тюркский язык. Словарь включает более 5 тысяч слов-терминов (270 с.) и иных выражений сочетаний специального военного назначения.Из объяснительной записки к словарю видно, насколько серьёзно осуществлялся замысел подготовки данного лексикографического источника, поскольку 20-е годы прошлого столетия, как известно, были весьма насыщены интенсификацией военной политики государства.Автор пишет: «В настоящем кратком словаре, кроме военных терминов, приведены и такие слова и выражения, которые часто встречаются в военной литературе, и перевод которых на тюркский язык вызывает немалые затруднения...

На тюркском языке – Азербайджанском наречии – до настоящего времени не существовало военной терминологии; её приходится составлять и даже создавать вновь».

В основу словаря положены следующие принципы:

1. Вместо иноязычных слов, насколько было возможно, включены, введены тюркские слова;

2. Употребляемые в народе арабские и персидские слова удержаны, сохранены;

3. Производные от арабских слов, вошедших в тюркский язык, составлены по законам тюркского языка, а не арабского;

4. Некоторые военные термины, принятые во всех европейских армиях, не переведены на тюркский язык, а только согласованы с тюркским произношением;

5. Слова, принятые как термины, написаны курсивом в отличие от приведённых тут же однозначных слов;

7. В словаре помещены новейшие термины, принятые в Красной Армии. Вместе с тем оставлены и старые термины, имеющие историческое значение и встречающиеся в военных книгах: арьергард и т.п. [1; 2].

9. Русско-тюркский словарь (в двух томах). Баку, 1928–1929. (Составители – АхмедПепинов, АлекберГариб, АлекберГейдарли, ХанафиЗейналлы, Рашид Юсуфзаде и др.). Словарь издан под редакцией Рухуллы Ахундова.

Известно, язык является сильнейшим, орудием культурного производства. Словарь же является комплексом материалов, Данный Словарь, включающий 50000 слов и созданный на базе «Толкового словаря живого великорусского языка» В.Даля и «Русско-французского словаря» Н.П.Макарова, представляет собой довольно интересное явление в культурной и политической жизни Азербайджана конца 20-годов XX века. Словарь, являясь наиболее полным русско-азербайджанским лексикографическим источником, сыграл исключительную роль в дальнейшем развитии и формировании системной двуязычной лексикографии. Переводы на азербайджанский язык даются латинским и арабским алфавитами, корректирующих язык, учитывающих его развитие и облегчающих ему путь [1].

Впоследствии словарь служил своеобразной базой для последующих многотомных русско-азербайджанских словарей [2].

10. Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1939. (Редактор: академик Гейдар Гусейнов).Второе издание словаря вышло в 1941 г. (652 с.).

Словарь отличается от предыдущих, прежде всего, тем, что он составлен на основе кириллицы. Азербайджанские слова представлены в обоих графических вариантах (арабском и латинском).

11. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1939.(Под редакцией Г.Гусейнова.) (320 с.). Словарь содержит около 8000 наиболее употребительных слов, рассчитан на широкий круг читателей, являясь вспомогательным пособием для самостоятельного чтения и при переводе с азербайджанского на русский. Словарь не включает иллюстративного материала, значения слов не стратифицированы. В том же году выпущен более объёмный (12000 слов) вариант этого словаря. (См. Азербайджанско-русский словарь.Баку, 1939, 428 с.).

12. Азербайджанско-русский словарь (с фразеологией). Баку, 1939. (Под редакцией Г.Гусейнова (880 с.). Словарь отличается от двух предыдущих: 1) включением в словник наиболее употребительных фразеологизмов; 2) использованием системы помет стилистического и лексико-грамматического характера.

13. Русско-азербайджанский словарь (в 4-х томах) (Под редакцией Г.Гусейнова).I том вышел в 1940 г. (920 с.); II том – 1941 г. (782 с.), III том - 1943 г. (1022 с.), IV том – 1946 г. (1085 с.). Словарь включает более 90 тысяч слов, является первым опытом в области составления капитальных рус-

ско-национальных словарей с элементами толкования семантики лексических единиц [1].

Таким образом становление и дальнейшее развитие двуязычной лексикографии в Азербайджане обусловлено социально-историческими предпосылками изучения русского языка в нашей стране.Беглое описание двуязычных словарей показало, что словари из года в год менялись как в структурном плане, так и по содержанию, всё больше обеспечивая растущий интерес азербайджанцев с целью облегчения механизма усвоения лексико-грамматических элементов русского языка.

Литература

1. Абдуллаев К. Русский язык в Азербайджане: история, современность, перспективы: научно-публицистические очерки / К.Абдуллаев, И.Гамидов. – Баку, 2006. – 550 с.

2.Алекперова, З.Р.Азербайджанская интеллигенция о русском языке / Алекперова З.Р. //Русский язык и литература в азербайджанской школе. 1986, №4. – С. 18–25.

3. Бакиханов, А.К. Сочинения, записки, письма / А.К. Бакиханов. – Баку, 1983. – Т. 5. – 258 с.

4. Мирза, Казым-бек. Об этнографическом исследовании русских слов, усвоенных тюркскими наречиями в России / Мирза Казым-бек // Вестник императорского Русского географического общества. Т.1. – СПб., 1852. – С.25–42.

References

1. Abdullaev, K., Gamidov I. (2006). *Russkij jazyk v Azerbajdzhane: istorija, sovremennost', perspektivy: nauchno-publicisticheskie ocherki*. [*Russian language in Azerbaijan: history, modernity, prospects: scientific and journalistic essays*]. Baku, 2006. (In Russ.).

2.Alekperova, 3.R. (1986). Azerbajdzhanskaja intelligencija o russkom jazyke. *Russkij jazyk i literatura v azerbajdzhanskoj shkole*. [Azerbaijani intelligentsia on the Russian language. *Russian language and literature in the Azerbaijani school*], 4, 18-25. (In Russ.).

3. Bakihanov, A.K. (1983). *Sochinenija, zapiski, pis'ma*. [*Works, notes, letters*]. Baku,Vol. 5. (In Russ.).

4. Mirza Kazym-bek. (1852). Ob jetnograficheskom issledovanii russkih slov, usvoennyh tjurkskimi narechijami v Rossii. *Vestnik imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva*. [On the ethnographic study of Russian words assimilated by Turkic dialects in Russia. *Bulletin of the Imperial Russian geographical society*]. Vol. 1, 25-42. (In Russ.).

УДК 37.035

ROZMOWA JAKO (NIE-) WYKORZYSTANA FORMA KOMUNIKACJI W ROZWIĄZYWANIU KONFLIKTÓW I SYTUACJI TRUDNYCH W WYCHOWANIU

dr Anna Więcławska,
Kolegium Jagiellońskie-Toruńska Szkoła Wyższa,
Toruń, Polska

РАЗГОВОР КАК (НЕ-) ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ И СИТУАЦИЙ СЛОЖНЫХ В ВОСПИТАНИИ

Анна Венцлавска,
доктор,
Ягеллонский Колледж-Торунская Высшая Школа,
Торунь, Польша

Контакты ребенка с родителями с первых дней жизни имеет важное значение для его психического и социального развития. Взаимопонимание людей из семейного круга дает много удовольствия, является решающим фактором чувства безопасности. Путем идентификации с родителями дети спонтанно принимают их способ общения, жесты, мимику, тон голоса, отношение к партнеру и т.д. Ребенок еще до того, как заговорит, общается с родителями без участия слов. И уже тогда он хочет, чтобы его услышали и поняли.

Нами предлагается конструктивный подход к сложным ситуациям общения, а именно – общий разговор. В воспитании мы должны возводить мосты, а не стены. Правильный разговор и умение общения дают гарантию устранения конфликтов и ситуаций сложных в воспитании, поскольку разговор - это и есть воспитание.

Ключевые слова: воспитание, конфликт, общение, разговор, ребёнок, родители.

CONVERSATION HOW (NOT-) USED A FORM OF COMMUNICATION IN THE RESOLUTION OF CONFLICTS AND DIFFICULT SITUATIONS IN EDUCATION

Anna Wenzlawska,
doctor,
Jagiellonian College-Torun High School,
Torun, Poland

Contact with parents from the first days of life is important for the child's mental and social development. Mutual understanding of people from the family circle gives a lot of pleasure, is a decisive factor in the sense of security. By identifying children spontaneously take their way of speaking, gestures, facial expressions, tone of voice, attitude to the partner, etc. Child before talks, communicates with parents without words. And even then he wants to be heard and understood.

We propose a constructive approach to complex situations of communication, namely-a General conversation. In education, we must build bridges, not walls. Proper conversation and communication skills guarantee the elimination of conflicts and difficult situations in education, because conversation - this is education.

Key words: education, conflict, communication, conversation, child, parents.

„Nic porządniejszego a nic trudniejszego na ziemi, jak prawdziwa rozmowa."
A. Mickiewicz

Umiejętność porozumiewania się jest podstawą dobrych kontaktów zarówno koleżeńskich, małżeńskich, rodzinnych, jak i w pracy. Brak tej umiejętności może prowadzić do alienacji jednostki społecznej, samotności, a co za tym idzie do rozczarowań i niezadowolenia w życiu osobistym. [5]

Człowiek jako istota społeczna - zoon politikon - porozumiewa się różnymi sposobami na poziomie komunikacji werbalnej i niewerbalnej. [9]

Komunikacja społeczna jest procesem, w którym następuje tworzenie, przeobrażanie i przekazywanie informacji między uczestnikami komunikatu. Podmiotami mogą być pojedyncze jednostki, grupy, organizacje, które funkcjonują i jednocześnie przekazują w procesie komunikacji cechy i wartości ich charakteryzujące.*[11]*

Wyróżnia się kilka rodzajów komunikowania. Każdy z nas prowadzi nieprzerwany dialog z sobą samym, co zostało nazwane komunikacją intrapersonalną. Porozumiewanie się jednostek - to komunikacja interpersonalna. Wyróżnia się także komunikację grupową oraz masową, medialną i międzykulturową. Poza komunikacją intrapersonalną wszystkie inne rodzaje komunikacji mieszczą się w pojęciu komunikacji społecznej. W jej ramach możemy także mówić o komunikowaniu politycznym, publicznym czy organizacyjnym.

Komunikacja intrapersonalna zachodzi nawet wtedy, gdy komunikujemy się z innymi ludźmi, czyli znajdujemy się w sytuacji komunikacji interpersonalnej. [2]

Pojęcie „komunikacja" pochodzi od łacińskiego słowa *communico, communicare,* które oznacza wspólność, poczucie łączności [6], a także uczestniczyć w związku, zrzeszać się, przebywać w relacji z kimś. [4]

Początkowo oznaczało wejście we wspólnotę, utrzymywanie relacji między osobami. Od początku XVII wieku zaczęto go używać do określenia transmisji i przekazu. W języku polskim słowo „komunikacja" używane jest do określenia możliwości przemieszczania się, podróżowania i transportu oraz do porozumiewania się. Z ewolucji tego pojęcia wynika istnienie wielu jego definicji.

Według dość uniwersalnej definicji B. Dobek-Ostrowskiej „Komunikacja jest procesem porozumiewania się jednostek, grup lub instytucji. Jego celem jest wymiana myśli, dzielenie się wiedzą, informacjami i ideami. Proces ten odbywa się na różnych poziomach, przy użyciu zróżnicowanych środków i wywołuje określone skutki".[6] [3]

Najogólniej komunikację można zdefiniować jako wzajemne porozumiewanie się poprzez przekazywanie znaczeń między jednostkami. [7]

Wielu ludzi używa słów *słyszenie* i *słuchanie* tak, jakby były synonimami, lecz słuchanie *(listening)* jest czteroetapowym procesem, obejmującym percepcję komunikatu, jego interpretację, decyzję i w końcu reakcję. Słuchanie jest zachowaniem, nad którym możemy w dużym stopniu sprawować kontrolę.

Efektywne słuchanie wymaga od słuchacza usłyszenia tego, co zostało powiedziane, rzetelnej interpretacji i odpowiedniej reakcji. Zazwyczaj usłyszenie tego, co jest mówione, nie jest większym problemem. Członkowie grup są przyzwyczajeni do proszenia mówiącego o powtórzenie wypowiedzi, której nie mogli dosłyszeć. Jednak etapy interpretacji i reakcji mogą kryć w sobie pułapki związane z omówioną wcześniej symboliczną naturą komunikacji. Różni ludzie mają na myśli różne rzeczy, kiedy używają tych samych słów lub podejmują te same czynności. Głównymi czynnikami wpływającymi na to, co oznaczają słowa czynności, są kultura, płeć, wiek, orientacja seksualna, styl uczenia się i osobowość. [1]

Istnieją cztery preferowane sposoby słuchania: słuchanie zorientowane na ludzi, na czynność, na treść oraz na czas. Żadna z tych preferencji nie jest ani dobra, ani zła, każda ma zarówno zalety, jak i wady.

Słuchanie jest zachowaniem aktywnym. [1]

Aktywne słuchanie obejmuje stosowanie parafraz, precyzowanie odebranego komunikatu przez zadawanie pytań oraz udzielanie informacji zwrotnej - dzielenie się odczuciami i doświadczeniami bez osądzania (natychmiast, szczerze i wspierająco). [6]

Słuchanie oznacza akceptację i kreuje wzajemne zaufanie.

Umiejętność słuchania to ogromnie ważna ale i

trudna sztuka. Jej brak jest niebezpieczny. Umykają nam istotne informacje, nie dostrzegamy problemów, nie poznajemy prawdy o rzeczywistości.

Słuchanie oznacza zaangażowanie i chęć zrozumienia tego, jak inni widzą świat. By umieć słuchać musimy wyzbyć się uprzedzeń, oderwać od własnych doświadczeń, prawd, przekonań czy niepokojów. Musimy nauczyć się patrzeć oczyma drugiej osoby, postrzegać sprawy z perspektywy partnera.

Słuchanie oznacza rozumienie i okazanie zadowolenia z możliwości rozmowy. Pozwala także nauczyć się czegoś nowego, a bywa, że udzielić pomocy. Autentyczne słuchanie ma w sobie coś ze spowiedzi, kiedy w akcie tym ważniejsza jest możliwość „wygadania się" przed osobą życzliwą, niż uzyskanie od niej jakichś pomocnych w życiu wskazówek.

By umieć skutecznie słuchać nie wystarczy uznać, że warto. Musimy jeszcze zidentyfikować nasze wewnętrzne bariery, które utrudniają nam słuchanie i kontrolować, by nie opanowały nas. [2]

Słuchanie jest najistotniejszą zasadą dobrej komunikacji. Pozwala na rozpoznanie potrzeb, zrozumienie i właściwą reakcję. [2]

Porozumienie z innymi, pełnienie roli przewodnika czy przywódcy, możliwe jest tylko pod warunkiem posiadania umiejętności zwierzchnictwa nad sobą, od poziomu samokontroli. Dlatego też sprawność naszych działań komunikacyjnych nie zależy w pierwszej mierze od poznania innych, a samego siebie. Dopiero gdy to się nam uda, możemy rozpocząć zabiegi „wczuwania" się w sytuację partnera, dążenie do percepcji świata „oczami" drugiego człowieka. To „wczuwanie" się, „wchodzenie" w świat partnera komunikacyjnego zostało nazwane empatią.[2]

Słuchanie empatyczne odnosi się do odbierania komunikatu z nastawieniem na zrozumienie emocji rozmówcy. [6]

Empatia zrywa z „pierwotnymi instynktami" komunikacyjnymi wyrastającymi z prezentowanych wcześniej postaw „dziecka" i „rodzica". Skłania nas do przyjęcia postawy „dorosłego", który doceniając swoją wartość, osobistą godność i cele, dostrzega zarazem ich obecność u partnera. Dokonujemy tego rozpoznania nie na podstawie wrażeń, a w rzetelny, autentyczny sposób, pamiętając zarazem, że nasz partner będzie zapewne dokonywał względem nas zabiegów generalizujących, opartych albo na postrzeganiu instytucji, którą reprezentujemy, lub też na jakiejś naszej indywidualnej cesze, słowie czy zachowaniu. Nie zawsze bowiem zna on reguły komunikacji i postępuje zgodnie z naturalnymi, utrwalonymi stereotypami.

Warto więc pamiętać o istotnych zasadach percepcji, które brzmią:

- rzecz nie w tym, co mówisz, lecz w tym, co słyszą;
- rzecz nie w tym, co robisz, lecz w tym, co zobaczą;
- rzecz nie w tym, co masz na myśli, lecz w tym, co zrozumieją. [2]

Wśród **cech dobrego słuchacza** można wymienić:

- **motywację do słuchania,** tj. chęć i wiarę, że można dowiedzieć się czegoś ważnego;
- **obiektywizm,** tj. szanowanie sposobu myślenia nadawcy, nawet jeśli jest on odmienny od naszego;
- **cierpliwość,** tj. słuchanie całości wypowiedzi niezależnie od tego, jak długo ona trwa;
- **wnikliwość słuchania,** tzn. dążenie do zrozumienia najważniejszego sensu cudzej wypowiedzi, jej intencji, nieczepiania się pojedynczych słów, zdań, często wyrwanych z kontekstu;
- **dokładność,** tj. oddzielanie własnych interpretacji wypowiedzi od tego, co nadawca rzeczywiście w niej przekazał;
- **otwartość,** tzn. umożliwienie nadawcy przedstawienia swoich przekonań, m.in. nie przerywając mu zbyt często;
- **wrażliwość,** tj. wychwytywanie wszelkich przejawów reakcji emocjonalnych nadawcy;
- **wsparcie,** tzn. okazywanie nadawcy zainteresowania, aprobaty. [8]

W praktyce występuje wiele różnych barier utrudniających wymianę informacji i uzyskanie porozumienia. Pomijając uprzedzenia i złą wolę niektórych ludzi, główne bariery występują w obszarze przekazywania i odbioru komunikatu, a także w sferze emocjonalnej.

Rozmowa to specyficzny rodzaj interakcji z innym człowiekiem lub grupą ludzi. Polega na przesyłaniu i odbieraniu werbalnych i pozawerbalnych komunikatów, logicznie ze sobą powiązanych. W czasie rozmowy jednostka wykorzystuje kompetencje językową i komunikacyjną, tworząc określone komunikaty.

Wychowanie jest zjawiskiem rozgrywającym się między ludźmi i istotowo wpisanym w międzyludzką relację. Tego rodzaju relacja znajduje swoje wielorakie formy, wśród których możemy wymienić m.in. spotkanie i dialog.

Kategoria *dialogu* wyprowadzana z języka greckiego od słowa *lógos*(słowo, mowa, wypowiedź) oraz *diá* (jako zaimek oznaczający przejście przez coś lub ruch, polegający na przechodzeniu z jednego punktu do drugiego) zastosowany tutaj w znaczeniu przeciwnym do monologu, gdy możemy stwierdzić, że jest to ktoś jeden z kimś drugim.

Współczesny język pedagogiczny określa często relację: wychowawca – wychowanek jako dialogiczną – a nawet wręcz dochodzi on aż do sformułowania oryginalnej koncepcji pedagogicznej określanej jako pedagogika dialogu.

Dialog polega na wymianie słów między osobami, ale rodzi się on z aktywnego słuchania swego rozmówcy, z zachowaniem pewnych zasad, m.in. chociażby bez przerywania mówiącemu i

wpadania mu w słowo. Wymaga on jednakże wielu więcej postaw i wewnętrznych także nastawień i sprawności.

Życzliwe spojrzenie na drugiego człowieka, skierowany do niego uśmiech, bezinteresowna pomoc – to pierwsze kroki do nawiązania właściwego międzyludzkiego dialogu. Dialog jest rozumiany jako wyjście «ja» od samego siebie przez mowę (słowami lub gestami) i przez nią podążanie ku drugiemu «ty», w którym darujemy się jemu, a z drugiej strony przyjmujemy jego słowo, a przez nie otwieramy się na najgłębszą jego intymność. Dynamikę dialogu można także rozważać i realizować w kierunku odwrotnym, tzn. wychodząc od «ty» i zmierzając ku «ja». W każdym przypadku widzimy w sensie symbolicznym, jakie są podstawowe cechy charakteryzujące i zarazem warunkujące autentyczny dialog. Do takich zaś uwarunkowań zalicza się posiadanie wyraźnej świadomości własnej tożsamości, ale także świadomości własnych ograniczeń, czy też pełne ufności otwarcie na drugiego, zdolność «darowania siebie» i wzajemnie – również «przyjęcie drugiego».

W wychowaniu, które jest procesem związanym nie tylko ze wzrostem i rozwojem, ale także procesem komunikowania i międzyludzkich relacji, dialog staje się bardzo ważny. Jednocześnie dialog, podobnie jak wychowanie, jest szczególną umiejętnością, wielką sztuką, a także ważnym czynnikiem wychowania. W dialogu istnieje i powstaje prawdziwa szansa na wzajemne odkrywanie siebie i otaczającej nas rzeczywistości. Tak postrzegany dialog jest pewną możnością, a nawet wręcz koniecznością, jeśli chodzi o formowanie swojej tożsamości podmiotowej, kształtowanie relacji interpersonalnych i wspólnotowych form w życiu społecznym – chodzi o formowanie autentycznej wspólnoty.

Prawdziwy dialog może być bardzo owocny jedynie tam, gdzie podmioty tego dialogu wzajemnie się wspierają i respektują nawzajem. Bez tego klimatu dialog będzie się stawał monologiem, lub też, jak czasami się stwierdza, «dialogiem wśród głuchych». Takim określeniem dialogu z głuchymi określa się dyskusję, w której każdy pozostaje obwarowany na swojej pozycji niezdolnej do jakiegokolwiek zrozumienia innych, a powodem może być, jak się podaje: błąd nadawcy, błąd odbiorcy bądź błąd zrozumienia – gdy słowom innego lub nadawanym znakom przypisuje się całkowicie inne znaczenia. Tego właśnie rodzaju głuchota, zwłaszcza moralna, polegająca na tym, że człowiek współczesny nie chce słuchać i nie jest ciekawy myślenia innych, jest jednym z podstawowych grzechów człowieka współczesnego.

W procesie wychowawczym, gdzie występuje relacja wychowawca–wychowanek, konieczne jest, aby dialog był tą metodą, dzięki której partnerzy dialogu poznają się, będą dążyli do wzajemnego zrozumienia oraz ewentualnego współdziałania. Sam stosunek wychowawczy jest bowiem stosunkiem czysto dialogicznym.

Istota dialogu wychowawczego wiąże się z relacją człowieka z człowiekiem, w której to relacji zacierają się różnice związane z wiekiem i rolami, natomiast budzi się sympatia i zainteresowanie, wzajemne komunikowanie i gotowość do uwzględnienia słów i perspektywy patrzenia drugiego, aż do zdolności patrzenia na rzeczy z pozycji drugiego. Dialog nakierowany na porozumienie i zrozumienie się między wychowawcą a wychowankiem posiada zaskakujący efekt, jakim jest dojście zarówno podmiotu – w odniesieniu do wychowanka, jak i tego podmiotu, jakim jest wychowawca, do nowego zrozumienia samego siebie i otaczającego świata [10].

Rozmowa jest bardzo ważną częścią wychowania. Gdy dziecko jest małe, przybiega do rodziców z każdym, nawet najbardziej błahym problemem i pytaniem. To, jak wtedy zareagujemy, będzie miało wpływ na późniejsze relacje z dzieckiem. Gdy ciągle zbywamy malca, mówiąc: „nie mam teraz czasu”, „nie zawracaj mi głowy drobnostkami”, „nie przeszkadzaj, nie widzisz, że oglądam film” to w końcu przestanie do nas przychodzić. Wsparcia i towarzystwa do rozmowy poszuka gdzie indziej. Dlatego, gdy tylko dziecko zaczyna mówić, warto wyrabiać sobie nawyk rozmawiania z nim, aby w przyszłości łatwiej było rozwiązywać pojawiające się konflikty i sytuacje trudne właśnie za pomocą rozmowy.

Kontakt dziecka z rodzicami już od pierwszych dni życia ma doniosłe znaczenie dla jego rozwoju psychicznego i społecznego. Wzajemne zrozumienie osób z rodzinnego kręgu daje wiele zadowolenia, jest głównym czynnikiem decydującym o poczuciu bezpieczeństwa. Poprzez identyfikowanie się z rodzicami dzieci spontanicznie przyjmują ich sposób porozumiewania się, gesty, mimikę, ton głosu, stosunek wyrażający się w traktowaniu partnera. Dziecko jeszcze zanim zacznie mówić, porozumiewa się z rodzicami bez udziału słów. I już wtedy chce byś wysłuchane i zrozumiane.

Jedną z propozycji konstruktywnego podejścia do trudnych sytuacji jest wspólna rozmowa. W wychowaniu powinniśmy budować mosty a nie mury. Prawidłowa rozmowa i umiejętność komunikacji stanowię gwarancję rozwiązywania konfliktów i sytuacji trudnych w wychowaniu. Rozmowa bowiem to wychowanie.

Bibliografia

1. Adams K., Galanes G.J., *Komunikacja w grupach*, PWN, Warszawa 2007, s. 63-80
2. Bakalarski K., *Komunikacja a rozwój społeczności lokalnych*, Difin, Warszawa 2014, s. 91-104
3. Dobek-Ostrowska B., *Podstawy komunikowania społecznego*, Wydawnictwo ASTRUM, Wrocław 2007, s.13–14
4. Golka M., *Bariery w komunikowaniu i społeczeństwo (dez)informacyjne*, PWN, Warszawa 2008, s. 3–4.
5. Jagłowska M., *Komunikacja w grupie w edukacji. Cechy charakterystyczne dla komunikacji w grupie*, w: Nowak-Dziemianowicz M., Czerwiński K., Maliszewski W.J., *Komunikacja społeczna w edukacji: inspiracje, analizy, działania*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2009, s. 92-95
6. Jankowska A.K., Ratajska A., *Komunikowanie się werbalne i niewerbalne*, w: Steciwko A., Barański J. (red.), *Porozumiewanie się lekarza z pacjentem i jego rodziną*, Wydawnictwo Elsevier Urban & Partner, Wrocław 2012, s. 4–7.
7. Kłak B., Kłak D., *Uwarunkowania skutecznej komunikacji w zarządzaniu organizacją*, w: Czerwiński K., Maliszewski W.J., *Funkcje i modele komunikacji społecznej w edukacji a kompetencje nauczyciela*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2009, s.144 -153
8. Makara-Studzińska M., *Komunikacja z pacjentem*, Wydawnictwo Czelej Sp. z o.o., Lublin 2012, s. 9.
9. Mizia C.A., *Opowieść jako sposób nawiązania przerwanej komunikacji*, w: D. Wosik-Kawala, E. Sarzyńska, W. J. Maliszewski, M. Fiedor, *Komunikacja i edukacja –ku synergiczności porozumiewania się*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2011, s.136.
10. Nowak M. , Dialog w wychowaniu, Paedagogia Christiana 1/25 (2010), s. 1–20.
11. Retter H., *Komunikacja codzienna w pedagogice*, GWP, Gdańsk 2005, s. 288.

УДК 811.161.1:378:008

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Дилара Аббас гызы ГАДЖИЕВА,
кандидат исторических наук, доцент кафедры мультикультурализма
Бакинского славянского университета
Баку, Азербайджан
e-mail: dilara.haciyeva@mail.ru

Попытки объединения разных народов под единым языковым знаменем предпринимались в разные годы, однако после Великой Отечественной войны сложились благоприятные исторические условия для реализации языковой политики. Создание в 1946 году Азербайджанского государственного учительского института им. М.Ф. Ахундова стало важным шагом в изучении русского языка и литературы в Азербайджане. Сегодня Бакинский славянский университет продолжает функционировать как крупнейший на Кавказе и в Закавказье центр русистики.

Ключевые слова: языковая политика пропаганда русского языка, азербайджанская русистика, Бакинский славянский университет.

SOCIAL AND HISTORICAL PRECONDITIONS FOR STUDYING THE RUSSIAN LANGUAGE IN AZERBAIJAN

Dilara Abbas HAJIYEVA,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Multiculturalism,
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan
e-mail: dilara.haciyeva@mail.ru

Annotation

Attempts to unite different nations under a single linguistic banner were undertaken in different years, but after the Great Patriotic War favorable historical conditions were created for the implementation of language policy. The creation in 1946 of the Azerbaijan State Teacher Training Institute. M.F.Akhundov was an important step in the study of Russian language and literature in Azerbaijan. Today the Baku Slavic University continues to function as the largest center of Russian studies in the Caucasus and Transcaucasia.

Key words: language policy, propaganda of the Russian language, Azerbaijani Russian studies, Baku Slavic University.

После Великой Отечественной войны сложились благоприятные исторические условия для реализации языковой политики в рамках единой страны: война как социально-исторический факт, вызвавший сплоченность людей разных национальностей, сгладила острые национально-этнические углы в пользу интернационализма СССР. Из истории известно, что попытки объеди-

нения разных народов под единым языковым знаменем предпринимались и раньше. Однако особых успехов в этой области тогда не было достигнуто.

В эти годы значительно возрос интерес к русскому языку как языку межнационального общения в многонациональной стране, открывающему широкие возможности для профессиональной подготовки в области науки и техники, а также путь к духовным ценностям мировой культуры. Пожалуй, в этой связи в 1938 году было Азербайджанским правительством принято Постановление «Об обязательном изучении русского языка в нерусских школах республики».

В данном постановлении Наркомату просвещения республики было предложено подготовить около 2 тыс. учителей русского языка для нерусских школ. Наркомат и все соответствующие структуры Азербайджанской ССР обратились к молодёжи, имеющей среднее образование, с призывом выехать в сельские школы в качестве учителей русского языка. Для желающих поехать в районы были организованы специальные курсы. Эти мероприятия позволили в 1938/1939 учебном году проводить занятия по русскому языку в 1864 школах. К началу 1939-1940 учебного года было подготовлено более тысячи учителей русского языка и литературы для начальных классов азербайджанских школ. 416 учителей с этой целью обучались на специальных подготовительных курсах [1; 4].

Краткосрочные курсы стали лишь частично удовлетворять запросы

школ Азербайджана, они не в состоянии были справиться с задачей подготовки квалифицированных учителей русского языка для нерусских школ. Поэтому решено было, не прекращая подготовку учителей через курсы, создать специальное учебное заведение для подготовки специалистов по русскому языку.

В 1938/1939 учебном году было открыто педагогическое училище им. М.А.Сабира для подготовки учителей русского языка для начальных школ. В последующие годы в Азербайджанском педагогическом институте им. В.И.Ленина и Азербайджанском государственном университете были открыты отделения русского языка и литературы с трёхгодичным сроком обучения. Кроме того, для подготовки высококвалифицированных русистов при Азербайджанском государственном университете была создана аспирантура по русскому языку и литературе на 30 человек. В некоторых средних школах Баку, Гянджи и других городов были организованы одиннадцатые классы по подготовке учителей русского языка для начальных русских школ [1; 4].

В послевоенный период важнейшее значение для развития системы народного образования имели восстановление и расширение сократившейся в военное время сети учебных заведений, осуществление приостановленного в годы войны всеобуча в объёме семилетки на селе и десятилетки в городах, улучшение качества обучения и воспитания молодежи, повышение квалификации учителей.

В школах Азербайджана стала проводиться целенаправленная работа по улучшению качества преподавания русского языка и литературы. Во всех учительских институтах союзной республики (в Губе, Агдаме, Шеки, в Нахчыванской АССР – в г. Нахчыване и в Нагорно-Гарабагской автономной области – в г. Ханкенди) открылись отделения по подготовке учителей русского языка в нерусской школе, а для подготовки учителей русского языка в начальной школе были организованы отделения при Лянкяранском и Шамахинском педучилищах и специальное педучилище им. К. Цеткин в г. Гяндже. Важным шагом в подготовке высококвалифицированных специалистов русского языка и литературы для национальной школы явилось открытие в 1946 году Азербайджанского государственного двухгодичного учительского института им. М.Ф. Ахундова. Институт был создан в соответствии с распоряжением Совнаркома СССР за № 1313-р от 2 февраля 1946 года и постановлением Совета Министров Азербайджанской ССР от 15 мая 1946 года. Руководителями института были назначены известные просвещенцы – доценты А.С. Логинов – директором, Г.К. Мамедов – заместителем директора [1].

30 июля 1948 года состоялся первый выпуск студентов, которые получили квалификацию учителя русского языка и литературы в азербайджанских школах. В 1947/1948 учебном году в учительском институте открылось заочное отделение, куда было принято 200 человек, из них: азербайджанцев – 140, русских – 16 и других национальностей – 42. Первые занятия показали, что многие студенты слабо владеют русским языком. Было решено ввести в учебный план практический курс русского языка с достаточным для эффективности обучения количеством учебных часов.. Кроме того, учебные группы на занятиях по русскому языку были разделены на подгруппы. В 1947/1948 учебном году план приёма на очное отделение был определен в 200 человек. Группы первого курса продолжали комплектоваться по степени знания русского языка. В целях успешного обучения студентов русскому языку был пересмотрен учебный план: было включено 500 часов практических занятий по русскому языку.

В 1949 году институт окончили 80 человек, из них 12 получили дипломы с отличием. Руководство института обратилось в Министерство просвещения Республики с ходатайством разрешить 4-м наиболее способным выпускникам отличникам продолжить учёбу в Азербайджанском педагогическом институте им. В.И.Ленина. Министерство удовлетворило ходатайство учительского института о зачислении на III курс Азербайджанского педагогического института им. В.И.Ленина М.Т.Тагиева, С.Г.Асадуллаева, М.З.Садыхова,

Г.Н.Асланова, которые впоследствии стали известными во всей советской стране русистами профессорами, заслуженными деятелями науки Республики [1].

В 1950 году на двух курсах очного отделения института продолжили свою учебу 315 человек, а на 3-х курсах заочного отделения – 316 студентов.

За 6 лет существования учительский институт подготовил 427 учителей

русского языка и литературы.

Однако для подготовки высококвалифицированных кадров в области русистики, русской филологии, методики преподавания русского языка и литературы двухгодичный срок обучения был явно недостаточен. Поэтому учительский институт им. М.Ф. Ахундова в 1952 году был реорганизован в Педагогический институт по подготовке учителей русского языка.

В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР за № 15790-Р от

24 июня 1952 года Совет Министров Азербайджанской ССР постановил:

1. Реорганизовать с 1 сентября 1952/1953 учебного года учительский институт им. М. Ф. Ахундова в Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы.

2. Установить для Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова план приема в 1952 году в количестве 200 человек в пределах общего приема в педагогические институты Азербайджанской ССР на 1952 год.

3. Предоставить возможность студентам второго курса бывшего Азербайджанского государственного учительского института закончить обучение в Азербайджанском педагогическом институте русского языка и литературы им. М.Ф. Ахундова по программе учительского института.

Срок обучения в Азербайджанском педагогическом институте русского

языка и литературы им. М. Ф. Ахундова был установлен в 4 года. Итак, в Азербайджане было создано специальное высшее учебное заведение по подготовке учителей русского языка и литературы для средних школ Республики, ставшее позднее крупнейшим учебным и научным центром по русистике [1].

Благодаря мудрости и дальновидности Общенационального лидера азербайджанского народа, с целью налаживания и углубления контактов независимого Азербайджана с нашим северным соседом – Россией, другими республиками СНГ, странами Восточной и Центральной Европы, славяно-греческим миром в области образования, литературы, культуры, политической и дипломатической, а также социально-экономической сферы, в 2000 году на базе Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова, с расширением его профиля, было создано уникальное государственное высшее учебное заведение – Бакинский славянский университет. В отличие от других славянских университетов, функционирующих в странах СНГ, Бакинский славянский университет был создан по инициативе самого Азербайджана, и имеет статус государственного вуза, служащего интересам азербайджанского народа [1;2; 4].

В то время, когда в республике растёт интерес к обучению на русском языке, наш университет приоритетным направлением своей деятельности считает подготовку кадров по педагогическим специальностям, активное участие в подготовке учебников и учебных пособий по русскому языку и литературе для средних школ, сохраняя при этом статус научно-методического центра для школ с русским языком обучения. С этой целью университет совместно с передовыми вузами и научно-методическими центрами России осуществляет совместные проекты.

Сегодня Бакинский славянский университет продолжает функционировать как крупнейший на Кавказе и в Закавказье центр русистики и славистики, здесь проводятся фундаментальные научные исследования в области азербайджановедения, тюрко-славянских связей, евразийства, делается многое, чтобы достойно и объективно представлять на международной арене мультикультуральные ценности, присущие нашему народу, проводятся международные научные конференции. Многие молодые люди из ближнего и дальнего зарубежья, изучая азербайджанский и русский языки на ступени бакалавриата, магистратуры и докторантуры именно в нашем университете получают качественное образование по различным специальностям [4, 10].

Бакинский славянский университет как одно из высших учебных заведений нашей страны обладает большим научно-педагогическим потенциалом. В этом уникальном вузе ныне трудятся более 50 докторов наук, профессоров и около 250 докторов философии, доцентов. На основе многочисленных соглашений о сотрудничестве с зарубежными вузами-партнёрами, иностранные специалисты получили возможность работать в нашем университете, а наши педагоги и учёные имеют возможность работать за границей. Среди Почётных докторов университета есть известные политические лидеры мира, религиозные и общественные деятели. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев на одной из встреч с первым Почётным доктором БСУ, Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным говорил: «В Азербайджане очень бережно относятся к русской культуре, русскому языку, всему тому, что объединяет наши народы и объединяло на протяжении веков. В Азербайджане действует более 340 школ с обучением на русском языке, существуют два филиала ведущих российских университетов. Но вдвойне приятно, что эти добрые традиции, которые существовали в любых

условиях, независимо от общественно-политической формации, и сегодня живут, развиваются и укрепляются. Весь позитивный опыт двусторонних отношений будет служить для развития дружеских связей между нашими народами» [3].

Литература

1. Абдуллаев К., Гамидов И. Русский язык в Азербайджане: история, современность, перспективы: научно-публицистические очерки. – Баку, 2006. – 550 с.

2.Алхасов Я.К. Шестьдесят лет на службе русскому языку//Научно-методический журнал УАПРЯЛ «Русский язык, литература, культура в школе и вузе». – № 1. – Киев, 2008. – С.73-76.

3. Интернет-ресурс. – Режим доступа: https://report.az/ru/nauka-i-obrazovanie/il-ham-aliev-v-azerbajdzhane-ochen-berezhno-otnosyatsya-k-russkoj-kul-ture-russkomu-yazyku. - Дата доступа: 17.03.2019.

4. Bakı Slavyan Universiteti-70. – Bakı: “Elm və təhsil” nəşriyyatı, 2016. – 400 s.

References

1. Abdullaev K., Gamidov I. (2006). *Russkij jazyk v Azerbajdzhane: istorija, sovremennost', perspektivy: nauchno-publicisticheskie ocherki*. [*Russian language in Azerbaijan: history, modernity, prospects: scientific and journalistic essays*]. (In Russ).

2. Alhasov Ja.K. (2008). Shest'desjat let na sluzhbe russkomu jazyku. *Nauchno-metodicheskij zhurnal UAPRJaL «Russkij jazyk, literatura, kul'tura v shkole i vuze»*. [Sixty years in the service of the Russian language. *Scientific and methodological journal UAPRYAL "Russian language, literature, culture at school and University"*]. 1, 73–76. (In Russ).

3. Internet-resurs. Retrieved 17.03.2019 from: : https://report.az/ru/nauka-i-obrazovanie/il-ham-aliev-v-azerbajdzhane-ochen-berezhno-otnosyatsya-k-russkoj-kul-ture-russkomu-yazyku. (In Russ).

4. Bakı Slavyan Universiteti-70. (2016). Bakı: “Elm və təhsil” nəşriyyatı.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ V И VIII КЛАССОВ

Н.М. Гурина,

доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания
Брестского государственного университета имени А.С.Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь
E-mail: huryna.n@gmail.com

Статья посвящена комплексному изучению текстов школьных учебников по русскому языку для 5-го и 8-го классов по нескольким параметрам: тематическое разнообразие, типы речи и стилистическая принадлежность. В учебниках разных лет издания (2002 и 2009 для 5-го класса, 2011, 2018-го годов для 8-го класса) прослеживается преемственность в тематике учебных текстов (основные темы – человек и природа), ведущий тип речи – описание, большинство текстов принадлежит художественному, публицистическому или научно-популярному стилю. Количественные результаты исследования представлены в трех таблицах.

Ключевые слова: лингводидактика, текстоцентрический подход, учебный текст, признаки текста, квантитативный анализ.

LINGUODIDACTIC POTENTIAL OF SCHOOL TEXTBOOKS FOR GRADES 5 AND 8

N. M. Huryna

associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of General and Russian Linvuistics,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Brest, Republic of Belarus
E-mail: huryna.n@gmail.com

The article is about a comprehensive study of the content of the Russian language school textbooks for grades 5 and 8 on several parameters: thematic diversity, types of speech, and stylistic belonging. The textbooks of different years of publication (2002 and 2009 for the 5th grade and 2011 and 2018 for the 8th grade) trace the continuity in the subject of educational texts (the main themes are man and nature), the leading type of speech is the description, most of the texts belong to artistic, publicistic or popular science style. The quantitative results of the study are shown in three tables.

Key words: linguodidactics, textcentric approach, training text, text attributes, quantitative analysis.

В последние годы ведущим в определении теоретической и методической базы обучения языку и речи стал текстоцентрический подход. Согласно ему текст рассматривается как основное средство обучения, позволяющее эффективно осуществлять образовательную деятельность [1, с. 121]. Текстоцентрический подход позволяет реализовать языковую, речевую, коммуникатив-

ную, лингвокультурологическую компетенции, выдвинутые в концепции учебного предмета «Русский язык». Коммуникативно ориентированное обучение языку выдвинуло на первый план текст как *дидактическую* единицу, в котором наиболее полно реализуются основные функции языка. Цель нашего исследования состояла в проведении комплексного анализа текстов учебников для пятого и восьмого классов по русскому языку средней школы по нескольким параметрам: тематическое разнообразие, типы речи и стилистическая принадлежность.Основной материал исследования составили тексты упражнений учебников для пятого (2002 и 2009 годов издания) и восьмого класса (2011 и 2018 годов издания) общеобразовательной школы Республики Беларусь. По мнению Н.А. Ипполитовой, «текст – это основная единица языка и речи, так как именно текст способен выразить законченное высказывание, передать коммуникативное намерение человека, участвовать в речевом общении. С помощью текста осуществляется речевая коммуникация, и, следовательно, у человека должно быть сформировано умение создавать и воспринимать текст в процессе речевой коммуникации» [1, с. 34]. Текст – центральный компонент структуры языкового учебника, именно через текст реализуются все цели обучения в их комплексе: коммуникативная, образовательная, воспитательная. Опора на текст позволяет слить воедино процессы формирования необходимых компетенций, обеспечивает единство познания системы, структуры языка и развития личности. В процессе обучения текст выступает в качестве дидактического материала. В этом случае он должен отвечать следующим критериям: текст должен воспитывать, т.е. отвечать требованиям морально-этического и эстетического характера; сообщать новую информацию, т.е. выполнять информативную функцию; воздействовать на ум и сердце учащегося, т.е. нести прагматический заряд; пробуждать интерес к предмету и обогащать учащегося специальными знаниями, т.е. отвечать общедидактическим требованиям доступности, преемственности, последовательности. Проанализировав тексты упражнений указанных учебников, мы выделили несколько ведущих тем.

Количественные данные представлены в таблице № 1

	V кл.	V кл.	VIII кл.	VIII кл.
Название темы	2009	2002	2011	2018
человек и общество	46	49	40	41
язык	36	20	26	27
природа	31	44	27	18
животные	20	5	5	8
птицы	13	-	1	3
растения	11	19	6	4
город	3	3	8	3
техника	3	-	-	-
наука	1	5	-	-

Большая часть текстов посвящена человеческим отношениям, выбору жизненной позиции, миру детства. Эти темы раскрываются в отрывках из произведений Льва Толстого, Константина Паустовского, Василия Сухомлинского. Конечно, есть в учебнике тексты и на морально-этические темы: о человеческой доброте, о трудолюбии, о неписаных правилах поведения. Полученные данные подтверждают идею о том, что ребенок, становясь старше, начинает выделять себя в обществе в качестве индивида. У него появляются первые «неразрешимые» проблемы, вопросы, на которые никто не может дать ответ. Тексты на тему **«Человек»** – это своего рода описание жизни маленькой личности или рассказ об уже сложившейся судьбе. Именно в подростковом возрасте у ребенка начинает формироваться свой взгляд на те или иные вещи, свое видение проблемы. Дети с удовольствием работают над этими текстами и, кроме того, всегда готовы посвятить некоторое время обсуждению темы «Человек и общество».

Далее по частотности употребления идут тексты на тему **«Язык».** Как правило, это тексты, посвященные теории языка и речи. Они содержат дополнительную информацию по предмету, которую дети должны усвоить. Данные тексты, несмотря на то, что в них имеется справочная информация, написаны в научно-популярном стиле, что способствует развитию языковой личности учащегося. Следующие темы – **«Природа», «Животные», «Птицы», «Растения»** – следует рассматривать вместе. Названные темы также касаются окружающего мира, такие тексты способны найти отклик в душе ребенка. В то же время для человека, только перешедшего из младшей школы в среднее звено, они очень интересны и актуальны. Данные тексты, как правило, носят воспитательный характер.

Темы **«Город», «Техника», «Наука»** малочисленны. Авторы учебников для восьмого класса (2018 год) не включили фрагментов о научно-

технических нововведениях, о последних открытиях в мире науки.

В новых учебниках по русскому языку для 5 класса появились тексты на тему **«Общество».** Их всего 11, но нам кажется, что по влиянию на ребенка и на его развитие они очень важны, так как помогают ребенку соотнести себя с этим миром, с обществом и найти себя в обществе.

В качестве дидактического материала для уроков в учебнике используются не только высокохудожественные произведения известных писателей и поэтов, но и отрывки из эссе, статей и очерков замечательных педагогов, методистов, авторов классических учебников Б.Томашевского, М. Панова, А. Михальской, Ф. Кривина, Э. Вартаньяна. Разнообразные творческие задания, предполагающие исследовательский подход к анализируемому материалу, формируют языковую, лингвистическую и коммуникативную компетенцию учащихся, расширяя их представление о выразительных возможностях русского языка, совершенствуя практические навыки текстовой деятельности.

Распределение текстов по типам речи представлено в таблице № 2

	V кл.	V кл.	VIII кл.	VIII кл.
тип речи	2009	2002	2011	2018
описание	75	60	73	57
повествование	51	46	15	18
рассуждение	38	38	32	37

Тексты-описания усваиваются детьми в этом возрасте лучше всего. За счет богатого воображения они могут нарисовать в своем уме ту картинку, которую предлагает автор. Их мозг выбирает мелкие детали, дети мыслят индуктивно, переходя от частностей к общему. Поэтому тексты художественного стиля очень хорошо подходят для работы в пятом классе.

Тексты-рассуждения встречаются в два раза реже, в основном при изучении самой темы «Научный стиль речи». На них дети отрабатывают свои логические умения и навыки, например при работе с упражнением 17 «Творческая лаборатория писателя и читателя» [6, с.10]. Дети не умеют еще мыслить такого уровня абстракциями. Поэтому тексты подбираются небольшие, так, чтобы сконцентрировать внимание на основных признаках научного или научно-популярного текста.

Научный материал в учебниках представлен в основном текстами- рассуждениями. Таким типом речи написаны все правила по орфографии пунктуации.

Стилистическую принадлежность текстов отражает таблица № 3

	V кл.	V кл.	VIII кл.	VIII кл.
стиль	2009	2002	2011	2018
художественный	80	36	51	48
научно-популярный	36	30	18	7
публицистический	32	36	49	49
разговорный	10	-	3	2
научный	7	8	1	5
официальный	1	1	-	-

Художественный, научно-популярный и публицистический стиль обладают определенной степенью описательности, поэтому и интересны для детей данного возраста. Они широко представлены в школьных учебниках, а в книге 2018 года частично обновлен список авторов, традиционно кочующих из издания в издание. Тексты же разговорного, научного и официального стилей немногочисленны.

Думается, можно сократить количество фрагментов с описаниями природы, обновить список авторов (при всем уважении к П. Проскурину, М. Алеексееву, В. Закруткину, В.Солоухину, Ю. Бондареву), это неактуальное для подростков чтение. В. Пекелис и Ф. Кривин были на вершине популярности в 70-е годы, талант Ф. Кривина проявился в его лингвистических сказках (в учебнике для 8-го класса эту традицию поддерживают тексты орфографических шуток И. Баклановой), а фрагмент из В. Пекелиса можно убрать, так как популярных психологов сейчас не мало. Увы, время, как может показаться, застыло в этих текстах, в бесконечных описаниях тайги (упр. 180), сибирских охотников, пейзажей средней полосы России (упр. 229) [6, с. 128].

А про наше озеро Свитязь написано всего-то четыре строчки (упр. 116). Культурное пространство современных городов, как русских, так и белорусских, совершенно не представлено: два фрагмента в учебнике 2018 года про граффити – упражнения 407 и 408 – погоды не делают. Пять текстов про живопись… Никакие другие виды искусства не представлены – один текст про музей и один текст про Мир… Ничего про искусство кино (хотя студия «Беларусьфильм» работает) и белорусских театров, за исключением творческого портрета Стефании Станюты. Все это, конечно, может быть дополнено внеклассной работой со школьниками, но в качестве эксперимента можно предложить еще один-два текста про Виктора Турова или Николая Пинигина.

Авторы усилили культурологическую направленность учебника 2018 года, включив туда тексты о Мирском замке, Национальном художественном музее, о натюрмортах И. Хруцкого. Подобным образом прослеживается преемственность тем в учебниках разных лет и в этом смысле школьный учебник демонстрирует стабильность, но разумный баланс между описаниями природы и описаниями городских ландшафтов так и не найден. Сужать тематику описаний до пейзажных зарисовок, а тематику рассуждений до метаязыковых фрагментов – дискуссионное решение.

Литература

1. Ипполитова, Н. А. Текст в системе обучения русскому языку в школе / Н.А. Ипполитова. – М.:Флинта : Наука, 1998. – 176 с.
2. Русский язык: культура устной и письменной речи : учебник для 5 класса общеобразоват. шк. с рус. яз. обучения / Л. А. Мурина и др.. – Минск : Оракул, 2002. – 271 с.
3. Мурина, Л. А. Русский язык: учеб. пособие для 5 кл. общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Ф. М. Литвинко, Г. И. Николаенко. – В 2 ч. Ч. 1. – Минск: Нац. ин-т образования, 2009. – 144 с.
4. Мурина, Л. А. Русский язык : учеб. пособие для 5 кл. общеобразоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Ф. М. Литвинко, Г. И. Николаенко. – В 2 ч. Ч. 2. – Минск: Нац. ин-т образования, 2009. – 144 с.
5. Русский язык : учеб. пособие для 8-го кл. учрежд. общ. сред. образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина [и др.]. – Минск : Нац. ин-т образования, 2011. – 264 с.
6. Русский язык : учеб. пособие для 8-го класса учреждений общего среднего образования с белорус. и рус. яз. обучения / Л. А. Мурина, Т. В. Игнатович, Ж. Ф. Жадейко. – Минск : Нац. ин-т образования, 2018. – 248 с.

References

1. Ippolitova, N.A. (1998). *Tekst v sisteme obucheniya russkomu yazyku v shkole* [*Text in the system of teaching Russian at school*]. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ).
2. Murina, L.A. (2002). *Russkiy yazyk: kultura ustnoy i pismennoy rechi : ucheb. dlya 5 kl. obshcheobrazovat. shk. s rus. yaz. obucheniya.* [*Russian language: culture of oral and written speech : textbook for grade 5 of secondary schools with the Russian language of instruction*]. Minsk Orakul. (In Russ).
3. Murina, L.A. (Ed.). (2009). *Russkiy yazyk: ucheb. posobiye dlya 5 kl. obshcheobrazovat. uchrezhdeniy s belorus. i rus. yaz. obucheniya*. [*Russian language: textbook for grade 5 General education institutions with Belarusian and Russian languages*]. In 2 p. P. 1. Minsk: Nats. in-t obrazovaniya. (In Russ).
4. Murina, L.A. (Ed). (2009). *Russkiy yazyk: ucheb. posobiye dlya 5 kl. obshcheobrazovat. uchrezhdeniy s belorus. i rus. yaz. obucheniya*. [*Russian language: textbook for grade 5 General education institutions with Belarusian and Russian languages*]. In 2 p. P. 2. Minsk: Nats. in-t obrazovaniya. (In Russ).
5. Murina . L.A. (Ed.) (2011). Russkiy yazyk: ucheb. posobiye dlya 8-go kl. uchrezhd. obshch. sred. obrazovaniya s belorus. i rus. yaz. obucheniya. [Russian language: textbook for grade 8 General education institutions with Belarusian and Russian languages]. Minsk: Nats. in-t obrazovaniya. (In Russ).
6. Murina . L.A. (Ed.) (2018). Russkiy yazyk: ucheb. posobiye dlya 8-go kl. uchrezhd. obshch. sred. obrazovaniya s belorus. i rus. yaz. obucheniya. [Russian language: textbook for grade 8 General education institutions with Belarusian and Russian languages]. Minsk: Nats. in-t obrazovaniya. (In Russ).

УДК 373.091.3:808.5:811.161.1

ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В X КЛАССЕ

Ж.Ф. Жадейко,
учитель-методист государственного учреждения образования «Гимназия № 14 г. Гомеля»,
г. Гомель, Республика Беларусь
E-mail: zhadeiko-zhf@mail.ru

В статье говорится о задачах обучения русскому языку в X–XI классах учреждений общего среднего образования Республики Беларусь; о месте риторической компетенции в процессе обучения русскому языку; об особенностях

риторической компетенции, при формировании которой происходит интеграция иных компетенций (языковой, речевой, коммуникативной и др.); об особенностях формирования риторических знаний, умений и навыков на уроках русского языка; о месте риторики в курсе русского языка учреждений общего среднего образования Республики Беларусь.На примере фрагмента урока русского языка в X классе на тему «Диалогические жанры речи» демонстрируется вариант организации обучения риторике в тесной взаимосвязи с русским языком и русской литературой; показываются конкретные формы и методы работы, направленные на формирование у учащихся риторической компетенции – умения различать диалогические жанры речи (спор, дискуссию, полемику), анализировать тексты дискуссионного характера; даются примеры работы со словом (его семантикой, этимологией, употреблением в речи) и с текстами И.С. Тургенева. Делается вывод о том, что владение риторическими умениями и навыками (в частности, умением вести дискуссию или полемику) необходимо не только в будущей профессиональной деятельности учащихся, но и в различных речевых ситуациях, постоянно возникающих в современном обществе, в связи с чем одной из основных задач школы является подготовка коммуникативной личности, способной ориентироваться в современном мире, отстаивать собственную точку зрения, убеждать, вести дискуссию, используя корректные приёмы и др. Материал учебных пособий по русскому языку, тексты художественной литературы, а также организация учителем работы с опорой на имеющиеся у учащихся знания, полученные на смежных учебных предметах, позволяют формировать коммуникативную личность, способную применять полученные риторические знания, умения и навыки на практике.

Ключевые слова: риторические знания, умения, навыки; риторическая компетенция, диалогические жанры речи,спор, дискуссия, полемика.

FORMATION OF RHETORIC COMPETENCE IN TEACHING DIALOGICAL SPEECH IN RUSSIAN LANGUAGE LESSONS IN CLASS X

Zh.F. Zhadeiko,
teacher-methodologist of the state educational institution “Gymnasium No. 14 of the city of Gomel”,
Gomel, Republic of Belarus
E-mail: zhadeiko-zhf@mail.ru

The article deals with the tasks of teaching Russian in the X – XI grades of general secondary education institutions of the Republic of Belarus; about the place of rhetorical competence in the process of learning the Russian language; about the features of rhetorical competence, the formation of which is the integration of other competencies (language, speech, communication, etc.); on the peculiarities of the formation of rhetorical knowledge and skills in the Russian language lessons; about the place of rhetoric in the course of the Russian language institutions of general secondary education of the Republic of Belarus. Using the example of a fragment of the Russian language lesson in the 10th grade on the topic “Dialogue speech genres”, the organization of teaching rhetoric in close relationship with the Russian language and Russian literature is demonstrated; specific forms and methods of work are shown, aimed at developing pupils' rhetorical competence - the ability to distinguish between dialogical speech genres (dispute, discussion, controversy), analyze debatable texts; examples of work with the word (its semantics, etymology, use in speech) and with the texts of I.S. Turgenev. It is concluded that the possession of rhetorical skills and abilities (in particular, the ability to lead a discussion or controversy) is necessary not only in the future professional activities of students, but also in various speech situations that constantly arise in modern society, and therefore one of the main The school’s tasks are to prepare a communicative person who is able to orient himself in the modern world, to defend his own point of view, to persuade, to lead a discussion using the correct techniques, etc. The material of teaching aids in Russian th language, texts of fiction, as well as the organization of teacher work drawing on existing knowledge of students obtained at the adjacent school subjects, allow to form a communicative personality, the ability to apply rhetorical knowledge and skills in practice.

Key words: rhetorical knowledge, skills; rhetorical competence, dialogical genres of speech, argument, discussion, controversy.

Среди задач обучениярусскому языку в X и XI классах учреждений общего среднего образования Республики Беларусь, наряду с задачами языкового, речевого и коммуникативного развития учащихся, а также формирования социокультурной и лингвокультурологической компетенций, в обновлённой программе для классов с изучением предмета на повышенном уровне отдельно обозначена задача формирования риторической компетенции учащихся «на основе усвоения риторических знаний, приёмов эффективного речевого общения, способов подготовки и ведения дискуссии, полемики, знаний о правилах подготовки, порождения текстов различных стилей и эффективного произнесения монологических видов речи; овладения диалогическими и монологическими формами речевого общения, умениями анализировать, контролировать и совершенствовать своё речевое поведение и речь в каждой конкретной речевой ситуации» [3, с. 43].

Особенность риторической компетенции заключается в том, что при её формировании происходит интеграция других компетенций. Так, речевая компетенция «входит в состав языковой, когда выступает в качестве владения способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умений использования языка в связной речи» [3, с. 44]. Компоненты речевой компетенции

являются составляющими коммуникативной, поскольку речь строится в соответствии с коммуникативными потребностями, которые обусловлены ситуацией, задачей и условиями общения. Языковая, речевая и риторическая компетенции входят в структуру коммуникативной.

Формирование риторических знаний, умений и навыков в курсе русского языка на II ступени обучения является пропедевтическим, готовящим учащихся к формированию риторического мастерства, которое происходит на III ступени обучения главным образом в классах с изучением предмета на повышенном уровне, поскольку в классах, где русский язык изучается на базовом уровне, даются лишь элементы риторики и осуществляется ознакомление с риторическими темами, в процессе которого учащиеся расширяют знания по риторике, полученные на II ступени обучения.

Так, в X классе учебной программой на диалогические жанры речи (дискуссию и полемику) в классах с изучением русского языка на повышенном уровне отводится 5 часов, в то время как в классах с изучением предмета на базовом уровне – 2 часа. Ограничение времени на изучение названной темы делает необходимым привлечение текстов художественной литературы, которые изучаются на уроках русской литературы параллельно с названной темой по языку. На уроках русской литературы изучается творчество И.С. Тургенева и, в частности, его роман «Отцы и дети». В связи с этим целесообразно, на наш взгляд начать работу над диалогическими жанрами речи с наблюдения над фрагментами из романа: диалогом (ситуативным разговором) Николая Петровича Кирсанова со слугой (в начале романа, когда отец ждёт возвращающегося домой сына), спором Павла Петровича и Базарова в X главе и др. Учащиеся знакомятся с материалом учебного пособия, анализируют фрагменты тургеневского текста, делают выводы о разных видах спора, об отличительных чертах монолога и диалога, знакомятся с семантикой и этимологией терминов, составляют таблицу «Монолог и диалог», опорный конспект «Спор – диалог», после чего проводится работа над понятием «истина в споре». Представляется целесообразным при работе над данным понятием обратиться к стихотворениям в прозе И.С. Тургенева «С кем спорить…» и «Истина и правда», которые имеют дискуссионный характер и потому позволят учащимся также подискутировать о том, что такое истина в споре, с кем и почему можно спорить [1]. Кроме того, обращение к тургеневским текстам позволит более глубоко проникнуть в мастерскую художника слова, понять спорящих в романе «Отцы и дети» П.П. Кирсанова и Е.В. Базарова. Учащиеся сопоставят беседу Базарова с Одинцовой, проанализируют поведение каждого. В процессе анализа спора названных героев учащиеся охарактеризуют полемику как жанр, сделают вывод, чем дискуссия отличается от полемики. На первом уроке по данной теме учащиеся, анализируя фрагменты текстов, будут наблюдать – формировать умение различать дискуссию и полемику. На следующем уроке речь пойдёт о дискуссии и корректных приёмах её ведения.

Организуя работу над принципами поведения участников диалогического общения, учитель предложит учащимся проанализировать текст и охарактеризовать поведение эгоцентриста в споре. Учащиеся скажут о том, что это бестактный человек, своеобразный агрессор, обделённый богами – не имеющий чувства меры. Он не считается с настроением собеседника, вторгается в его «Я», бесцеремонно пытается диктовать свою волю и условия, причиняет неприятности неумело и не к месту сказанным словом.

На данном уроке учащиеся формулируют правила поведения в споре (1. Терпеливо выслушивайте собеседника. 2. Сдержанно подхватывайте реплики оппонента. 3. Используйте при возражении собеседнику только уважительный тон. и др.); анализируя пословицы и поговорки, работают над правилами вежливости при общении; знакомятся с понятиями «конструктивный спор» (направлен на поиск истины) – «деструктивный» (направлен на победу любой ценой; спор, при котором проявляется нежелание оппонентов искать истину); составляют памятку вступающему в дискуссию.

Проверка уровня усвоения материала проводится на основе анализа текста. В качестве примера приведём фрагмент с названным этапом урока:

«1. Анализ спора героев басни И.А. Крылова «Волк и Ягнёнок».

а) Выразительное чтение басни по ролям.

б) Анализ речевого поведения героев басни И.А. Крылова.

– Охарактеризуйте индивидуальное речевое поведение «собеседников» – героев басни И. А. Крылова «Волк и Ягнёнок». Какую цель преследует каждый из говорящих?

(Речевое поведение Ягнёнка конструктивное; он проявляет уважение к собеседнику (*Когда светлейший Волк позволит, / Осмелюсь я донесть…; От Светлости его …; гневаться напрасно он изволит*), в то время как Волк эгоцентричен, агрессивен: он унижает Ягнёнка, оскорбляет его (*Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом / Здесь чистое мутить питьё / Моё / С песком и с илом? / За дерзость такову / Я голову с тебя сорву; Негодный!; Молчи! устал я слушать, / Досуг мне разбирать вины твои, щенок!*). Речевое поведение Волка, таким образом, деструктивное, агрессивное.

Ягнёнок пытается доказать ему свою невиновность, оправдаться, но Волк (по праву сильного) не терпит возражений: раз он сказал, что Ягнёнок виноват, – значит, тот виноват, ведь для Волка Ягнёнок – добыча, которую он хочет заполучить, «*делу дать хотя законный вид и толк*» – желая

придать делу вид законности. Цель Волка – побыстрее съесть добы-чу.)

– Насколько убедительны оппоненты?

(Ягнёнок приводит убедительные аргументы: 1. *ниже по ручью / От Светлости его шагов я на сто пью; / И гневаться напрасно он изволит: / Питья мутить ему никак я не могу*; 2. *мне ещё и от роду нет году* (ответ на обвинение в том, *что в запрошлом лете Волку здесь же как-то нагрубил*); 3. *Нет братьев у меня* (ответ на утверждение Волка, что грубил брат Ягнёнка).

Волк же, видя перед собой добычу, не терпит возражений. Все его аргументы легко опровергаются Ягнёнком, но абсолютно не воспринимаются Волком, раздражают его.)

в) Анализ средств отстаивания позиции спорящего.

– С помощью каких средств (языковых и неязыковых) пытается достичь убедительности каждый?

(Ягнёнок пытается достичь убедительности с помощью неопровержимых аргументов; Волк же использует ложные доводы. Реплики-реакции Ягнёнка логически обоснованны репликами Волка, который ушёл от предмета спора (мутит ли питьё Волка Ягнёнок). Если Ягнёнок использует логические аргументы, то Волк – психологические (обращённые к эмоциональной составляющей личности Ягнёнка).

При доказательстве своей правоты Ягнёнок проявляет уважение к собеседнику, называя его светлейший Волк (*от Светлости его*), несмотря на оскорбления со стороны оппонента; использует речевые формулы вежливости (*Когда ... Волк позволит, / Осмелюсь я донесть…; Помилуй…*); старается держаться внешне спокойно, в то время как Волк кричит. Заканчивает Ягнёнок полемику риторическим вопросом *Ах, я чем виноват?* – реакцией на абсурдность утверждения Волка: *Но я с тобой за их разведаюсь грехи.*

Волк же при аргументации своей позиции использует словесное нападение на соперника, демонстрирует полное неуважение к оппоненту, оскорбляя его; грубит; занимает позицию эгоцентриста (*Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом / Здесь чистое мутить питьё / Моё / С песком и с илом? / За дерзость такову / Я голову с тебя сорву».*); начинает общение с крика; ведёт диалог эмоционально (гневно, кричит), на повышенных тонах (цепочка восклицательных конструкций во второй реплике: «*Поэтому я лгу! / Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете! / Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете / Мне здесь же как-то нагрубил; / Я этого, приятель, не забыл!*»); использует бездоказательные утверждения; обрывает оппонента (оправдательные реплики Ягнёнка короткие, а обличительные Волка – длинные, агрессивные); угрожает Ягнёнку и осуществляет свои угрозы, грубо оборвав спор: *«Молчи! устал я слушать, / Досуг мне разбирать вины твои, щенок! / Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». / Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок*.)

– Вспомните иллюстрации к басне «Волк и Ягнёнок» или представьте себе общение этих героев. Опишите мимику, жесты, которые использовали спорящие.

/С помощью мультимедийного проектора можно вывести иллюстрации к басне И.А. Крылова на экран./

– Как вы считаете, важно ли следить за своей мимикой и жестами во время спора? Какими они должны быть?

2. Анализ поведения героев И.С. Тургенева во время спора.

– Как вели себя во время спора за вечерним чаем Павел Петрович Кирсанов и Евгений Базаров? Выказывали ли они внешне своё отношение друг к другу?

(Павел Петрович сошел в гостиную уже готовый к бою, раздражённый и решительный. Он ждал только предлога, чтобы накинуться на врага… Как только этот предлог представился, Кирсанов вступил в схватку, которую вёл очень эмоционально (– Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович, и губы его задрожали; – …Вспомните, милостивый государь (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь, – повторил он с ожесточением; Павел Петрович побледнел; Павел Петрович взмахнул руками; Павел Петрович уставился на него. Он этого не ожидал; – Нет, нет! – воскликнул с внезапным порывом Павел Петрович; – Как ничего не доказывает? – пробормотал изумлённый Павел Петрович; Павел Петрович улыбнулся и, положив руку на плечо брату, заставил его снова сесть. – Не беспокойся, – промолвил он. – Я не позабудусь именно вследствие того чувства достоинства, над которым так жестоко трунит господин… господин доктор; перебил Павел Петрович; Павел Петрович слегка прищурился. – Так вот как! – промолвил он странно спокойным голосом; Базаров ничего не отвечал. Павел Петрович так и дрогнул, но тотчас же овладел собою; – Я вам миллионы таких постановлений представлю, – воскликнул Павел Петрович; закричал Павел Петрович).

Базаров же длительное время демонстрировал равнодушие и спокойствие, находил возможность даже согласиться с противником («Дрянь, аристократишко», – равнодушно заметил Базаров; – Я сказал: «аристократишко», – проговорил Базаров, лениво отхлебывая глоток чаю; возразил Базаров; – Позвольте, Павел Петрович, – промолвил Базаров; – Всё, – с невыразимым спокойствием повторил Базаров; – Я не стану против этого спорить, – перебил Базаров, – я даже готов согласиться, что в этом вы правы; – А хоть бы и так? – воскликнул Базаров; – Мой дед землю пахал, – с надменною гордостию отвечал База-ров; – Опять ино-

странное слово! – перебил Базаров. Он начинал злиться, и лицо его приняло какой-то медный и грубый цвет; угрюмо повторил Базаров. Ему вдруг стало досадно на самого себя, зачем он так распространился перед этим барином; – И это называется нигилизмом, – повторил опять Базаров, на этот раз с особенною дер-зостью; произнёс сквозь зубы Базаров; – Вот и изменило вам хвалёное чувство собственного достоинства, – флегматически заметил Базаров, между тем как Аркадий весь вспыхнул и засверкал глазами. – Спор наш зашёл слишком далеко… Кажется, лучше его прекратить. А я тогда буду готов согласиться с вами, – прибавил он, вставая, – когда вы представите мне хоть одно постановление в современном нашем быту, в семейном или общественном, которое бы не вызывало полного и беспощадного отрицания; Холодная усмешка скривила губы Базарова). Именно Базаров и заканчивает спор, причём делает это относительно мирно:

– … Послушайте меня, Павел Петрович, дайте себе денька два сроку, сразу вы едва ли что-нибудь найдёте. Переберите все наши сословия да подумайте хорошенько над каждым, а мы пока с Аркадием будем…

– Надо всем глумиться, – подхватил Павел Петрович.

– Нет, лягушек резать. Пойдём, Аркадий; до свидания, господа.

Оба приятеля вышли. Братья остались наедине и сперва только посматривали друг на друга.)

– Скажите, какой вид спора мы анализировали?

(Полемику.)» [2, с. 9–11].

Как видим, используя текстоцентрический подход и межпредметные связи, можно и нужно строить работу с учащимися таким образом, чтобы формировались различные компетенции. Учитывая современные требования, совершенствование риторической компетенции должно осуществляться на протяжении всего обучения русскому языку. Владение риторическими умениями и навыками (в частности, умением вести дискуссию или полемику) необходимо не только в будущей профессиональной деятельности учащихся, но и в различных речевых ситуациях, постоянно возникающих в современном обществе, в связи с чем одной из основных задач школы является подготовка коммуникативной личности, способной ориентироваться в современном мире, отстаивать собственную точку зрения, убеждать, вести дискуссию, используя корректные приёмы и др. Материал учебных пособий по русскому языку, тексты художественной литературы, а также организация учителем работы с опорой на имеющиеся у учащихся знания, полученные на смежных учебных предметах, позволяют формировать коммуникативную личность, способную применять полученные риторические знания, умения и навыки на практике.

Литература

1. Жадейко Ж.Ф. Конспекты уроков по русскому языку. X класс (базовый и повышенный уровни) // Русский язык и литература. 2015. №11. С. 15–21.

2. Жадейко Ж.Ф. Конспекты уроков по русскому языку. X класс (базовый и повышенный уровни) // Русский язык и литература. 2015. №12. С. 3–11.

3. Учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для X класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания (повышенный уровень) // Сборник «Учебные программы по учебным предметам для учреждений общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания. X класс (повышенный уровень)». Минск: Национальный институт образования, 2015. С. 42–60.

References

1. Zhadeyko, Zh.F. (2015). Konspekty urokov po russkomu yazyku. X klass (bazovyy i povyshennyy urovni). *Russkiy yazyk i literature* [Abstracts of lessons in the Russian language. X class (basic and advanced levels). *Russian language and literature*], 11. 15–21.(In Russ).

2. Zhadeyko, Zh.F. (2015). Konspekty urokov po russkomu yazyku. X klass (bazovyy i povyshennyy urovni). *Russkiy yazyk i literature* [Abstracts of lessons in the Russian language. X class (basic and advanced levels). *Russian language and literature*], 12, 3–11.(In Russ).

3. Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu dlya obucheniya obshchemu yazyku i russkomu yazyku obucheniya i vospitaniya (povyshennyy uroven'). *Uchebnaya programma po uchebnomu predmetu dlya obucheniya obshchemu obrazovaniyu s russkim yazykom obucheniya i vospitaniya. KH klass (povyshennyy uroven') »*. [Curriculum on the subject "Russian language" for the X class of institutions of General secondary education with the Russian language of instruction and education (advanced level). *Collection "Curricula on subjects for institutions of General secondary education with the Russian language of instruction and education. X class (advanced level)»*]. Minsk: Natsional'nyy institut obrazovaniya, 2015. S. 42–60. (In Russ).

УДК 373.2

PODMIOTOWOŚĆ DZIECKA I WARUNKI JEJ ROZWOJU W EDUKACJI PRZEDSZKOLNEJ

Krystyna Żuchelkowska,
prof. dr hab., Kolegium Jagiellońskie – Toruńska Szkoła Wyższa w Toruniu,
Toruń, Polska

СУБЪЕКТИВНОСТЬ РЕБЕНКА И УСЛОВИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Кристина Жучельковска,
профессор, доктор наук, Колледж Jagiellońskie – Торуньская Коллеж в Торуни,
Торунь, Польша

Идея субъективности в образовании и воспитании присутствовала в древности, а также в эпоху Возрождения и в просветительских концепциях общественной жизни, а также в XIX и XX веках. Это привело к появлению в теории и практике образования нового мейнстрима, называемого новым воспитанием или педагогическим прогрессивом, состоящем в важности субъективности в образовании. Проявляется это в признании прав воспитанников, их потребностей, возможностей, интересов и способностей, а также в развитии у них активности для принятия автономных и творческих действий, направленных не только на изменение окружающей действительности, но и самих себя. В наше время идея субъективности стала важным элементом образования, а также дошкольного образования. Поэтому образовательно-воспитательные учреждения, к которым относится и детский сад, становятся средой расширения прав и возможностей, поддерживающих развитие субъектности молодого поколения. Поддержка развития личности ребенка в дошкольном образовании – дело не легкое, и требует от педагога умения преодолеть многие трудности, которые появляются на пути. Если это произойдет, детский сад будет рассматриваться как среда для создания субъекта, а ребенок как человек-субъект.

Ключевые слова: образование, воспитание, идея субъективности, субъект воспитания.

THE SUBJECTIVITY OF THE CHILD AND THE CONDITIONS FOR ITS DEVELOPMENT IN PRESCHOOL EDUCATION

Christina Zhuchelkovska,
prof. dr hab., College Jagiellońskie – Torun College in Torun,
Torun, Poland

The idea of subjectivity in education and upbringing was present in antiquity, as well as in the Renaissance and in the educational concepts of social life, as well as in the XIX and XX centuries. This led to the emergence in theory and practice of a new mainstream education, called the new education or pedagogical progress, consisting in the importance of subjectivity in education. This is manifested in the recognition of the rights of pupils, their needs, opportunities, interests and abilities, as well as in the development of their activity to take Autonomous and creative actions aimed not only at changing the surrounding reality, but also themselves. In our time, the idea of subjectivity has become an important element of education, as well as pre-school education. Therefore, educational institutions, which include a kindergarten, become an environment of empowerment that support the development of subjectivity of the younger generation. Support for the development of the child's personality in preschool education is not easy, and requires the teacher's ability to overcome many difficulties that appear on the way. If this happens, kindergarten will be seen as an environment for the creation of the subject, and the child as a human subject.

Key words: education, upbringing, the idea of subjectivity, the subject of upbringing.

Wprowadzenie

Chociaż idea podmiotowości nie jest nowa, to powraca w różnych ujęciach oraz kontekstach w rozważaniach nad sensem ludzkiego życia i miejscem człowieka w świecie. Przyjmuje się, że idea podmiotowości w kształceniu i wychowaniu była obecna w starożytności, a także w epoce Odrodzenia i w oświeceniowych koncepcjach życia społecznego. Wynika to z faktu położenia dużego nacisku na wszechstronny rozwój człowieka i ciągłe wzbogacanie jego osobowości. Także w XIX i XX wieku pod wpływem dokonujących się przemian społeczno-gospodarczych zainteresowano się możliwościami rozwojowymi dzieci i młodzieży i rolą edukacji w tym procesie. To sprawiło, że w teorii i praktyce edukacyjnej pojawił się nowego nurtu zwany Nowym Wychowaniem lub progresywizmem pedagogicznym, który akcentował znaczenie podmiotowości w edukacji. Przejawiało się to w dostrzeganiu praw wychowanków, a także ich potrzeb, możliwości, zainteresowań i zdolności oraz wyzwalaniu u nich aktywności do podejmowania autonomicznych i twórczych działań, zmierzających nie tylko do zmiany otaczającej rzeczywistości, ale także siebie samych. Po II wojnie światowej nawiązano do tradycji edukacji podmiotowej, ale w niektórych krajach, także w Polsce, występowało instrumentalne podejście do uczestników procesów oświatowych i ograniczenie możliwości rozwojowych osób uczących się. W czasach współczesnych idea podmiotowości stała się ważnym elementem edukacji, a więc także edukacji przedszkolnej, która

determinowana jest zmianami społecznych warunków życia i szerokim dostępem do kapitału kulturowego. Dlatego też placówki oświatowo-wychowawcze, do których zalicza się przedszkola stają się środowiskiem upodmiotowienia i wspierającym rozwój podmiotowości młodego pokolenia.

1. Aktualność rozważań o podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej

Tworzenie się społeczeństwa informacyjnego oraz nasilające się procesy demokratyzacji i humanizacji życia społecznego na przełomie XX i XXI wieku sprawiły, że w naszym kraju problematyka podmiotowości w naukach o edukacji nabrała szczególnego znaczenia i dotyczy nie tylko „… jakościowych zmian w ujmowaniu siebie przez człowieka, pojawienia się nowych kategorii poznania i analizy ludzkiej egzystencji”[1], ale także uczestniczenia człowieka w otaczającej rzeczywistości, jak również świadomego oraz celowego oddziaływania na nią. Poza tym dokonujące się ciągle przemiany oświatowe akcentują wyzwalanie wielostronnej aktywności wychowanków, respektowanie ich praw, potrzeb, poczucia indywidualności i własnej tożsamości oraz popierają ideę podmiotowości i dzięki temu jest ona ciągle aktualnym zamówieniem edukacyjnym.

Kierowanie się społeczeństwa informacyjnego w stronę edukacji podmiotowej jest zadaniem niezwykle istotnym, gdyż przyczynia się do wspomagania dzieci i młodzieży w ich rozwoju oraz wzbogacaniu własnej osobowości. Dotyczy to również edukacji przedszkolnej, w której przyjęcie orientacji podmiotowej oznacza „…wspomaganie dziecka w procesie identyfikowania własnej tożsamości, rozwijania u niego poczucia sprawstwa oraz poszerzania świadomości swojej roli w otaczającej rzeczywistości”.[2]

Realizacja postulatu podmiotowości w edukacji przedszkolnej prowadzi do równoprawnych i równoważnych relacji zachodzących miedzy nauczycielem a wychowankami, do uwzględniania odrębności zainteresowań, aspiracji i możliwości twórczych kilkulatków oraz umożliwia postrzegać ich jako jednostki zdolne do kierowania własnym zachowaniem i postępowaniem ustawicznie realizujących samych siebie. Pozwala także traktować edukację przedszkolną jako proces wyzwalający i emancypacyjny, sprzyjający nadaniu właściwej rangi takim wartościom, jak podmiotowe człowieczeństwo, twórcza działalność, odpowiedzialność, właściwe relacje międzyludzkie, porozumienie, poczucie wspólnoty narodowej.

Aktualność rozważań o podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej związana jest z również tym, że w społeczeństwie informacyjnym wychowanka, niezależnie od wieku, traktuje się jako człowieka, osobę wyposażoną w te same, co ludzie dorośli kompetencje, umożliwiające poznanie bliższej oraz dalszej rzeczywistości i komunikowanie się z rówieśnikami i dorosłymi. Odmienny jest tylko sposób posługiwania się tymi kompetencjami oraz wiadomości i umiejętności, jakie dziecko gromadzi z ich pomocą. Takie spojrzenie na dziecko przyczyni się do tego, że będzie ono doświadczać otaczającą rzeczywistość i siebie w niej, a także „… rozpoznawać i rozumieć przedmioty i ludzi oraz siebie jako osobę wśród nich z poczuciem mocy sprawczej wobec siebie i otoczenia.”[3] Wymaga to również zrównoważenia dwóch płaszczyzn: rzeczowej i osobowościowej oraz przedmiotowej i podmiotowej. Zrównoważenie tych płaszczyzn prowadzi do przeorientowania procesu wychowawczo-dydaktycznego w przedszkolu z socjalizacyjnego na autorefleksyjny. Powoduje to wyeksponowanie podstawowych jego kategorii, wśród których szczególne znaczenie mają cele edukacyjne, gdyż odnoszą się do dziecka i opisują zmianę, jaką nauczyciel pragnie w nim uzyskać. Dlatego też nowe ujęcie celów edukacyjnych związane jest z przeniesieniem akcentów z przedmiotowej na podmiotową stronę osobowości dziecka. Przejawia się to w tym, że na pierwszym miejscu stawia się rozwój osobowości przedszkolaka, kształtowanie jego przekonań i postaw oraz wprowadzanie w świat wartości. Natomiast na dalszym miejscu znajduje się wyposażenie kilkulatka w określony zasób wiadomości, umiejętności i nawyków. Z tego widać, że są to cele podmiotowe, subiektywne, odnoszące się do osobowości wychowanka i określają zakres oraz charakter zmian, jakie mają się dokonać w dziecku pod wpływem procesu wychowawczo-dydaktycznego w przedszkolu, jak również nadają kierunek wszelkim poczynaniom pedagogicznym nauczyciela. Cele podmiotowe są więc drogowskazami pokazującymi drogę, którą należy pójść i pomagają zorientować się w tym, co już się osiągnęło. Dzięki temu edukacja przedszkolna będzie postrzegana jako „środowisko upodmiotowienia i konstruowania podmiotu”[4], w którym pojawią się nowe tendencje oraz różne sposoby organizowania i realizowania procesu wychowawczo-dydaktycznego w placówkach przedszkolnych. Można do nich zaliczyć:

1. przeobrażenia w zakresie hierarchii funkcji, jakie przedszkole spełnia wobec dziecka i jego rodziców,
2. nowe ujęcie celów edukacji przedszkolnej,
3. humanistyczne podejście do założeń programowych przejawiające się w interpretacji treści programowych przez nauczyciela przedszkola i łączenia ich z oczekiwaniami oraz zainteresowaniami dzieci,

[1] J. Bałachowicz, Podmiotowość ucznia i szanse jej rozwoju w edukacji wczesnoszkolnej, „Roczniki Pedagogiczne”, nr 2, 2014, s. 10.

[2] J. Karbowniczek, M. Kwaśniewska, B. Surma, Podstawy pedagogiki przedszkolnej z metodyką, Kraków 2012, s. 104.

[3] E. Piotrowski, Podejście podmiotowe do ucznia jako wyzwanie współczesności, w: K. Denek, T. Zimny / red. /, Edukacja na wirażu, Częstochowa 1998, s. 162.

[4] A. Touraine, Myśleć inaczej ,Warszawa 2007, s. 264.

4. przywrócenie właściwej rangi zabawie jako podstawowej formie aktywności małego dziecka,

5. przeprowadzenie diagnozy przedszkolnej na rok przed rozpoczęciem przez dziecko edukacji szkolnej,

6. partnerstwo rodziców w edukacji przedszkolnej,

7. indywidualne podejście do każdego dziecka w zależności od jego możliwości, potrzeb, aspiracji twórczych i zainteresowań.,

8. przybliżanie dzieci do pluralizmu kulturowego,

9. poszukiwanie przez nauczycieli nowoczesnych rozwiązań metodycznych i związanych z polepszaniem jakości pracy przedszkola.[5]

Ukierunkowanie edukacji przedszkolnej na realizację idei podmiotowości jest ciągle aktualnym zamówieniem edukacyjnym, gdyż pozwala postrzegać wychowanków jako jednostki zdolne do kierowania własnym zachowaniem i postępowaniem, ustawicznie realizujących samych siebie. Należy też zaakcentować to, że takie cechy współczesności, jak zmienność, dynamiczność, refleksyjność stawiają przed kilkulatkami nowe zadania i wyzwania, którym muszą sprostać. Okaże się to możliwe wtedy, gdy dzieci w wieku przedszkolnym będą starały się zrozumieć zmiany zachodzące we współczesnym świecie, a podjęcie określonych działań poprzedzi refleksja rozumiana nie tylko jako namysł, zastanowienie nad własnym działaniem, ale także jako efekt krytycznego stosunku do swojej wiedzy umożliwiającej zrozumieć bliższą i dalszą rzeczywistość i własną w niej aktywność.

Podsumowując należy podkreślić, że tworzące się społeczeństwo informacyjne z nadzieją i optymizmem kieruje się w stronę edukacji podmiotowej, dla której wspomaganie wychowanka w rozwoju wszystkich sfer jego osobowości i w procesie stawania się podmiotem jest zadaniem pierwszoplanowym.

1. Podmiotowość dziecka w edukacji przedszkolnej

Edukacja przedszkolna w naszym kraju jest pierwszym ogniwem w systemie kształcenia**,** a jej głównym, zadaniem jest dbanie o wszechstronny rozwój małego dziecka i ciągłe wzbogacanie jego osobowości oraz przygotowanie do rozpoczęcia nauki w szkole i do pełnienia roli ucznia. Sprostać temu zadaniu mogą dobrze wykształceni i przygotowani do pracy pedagogicznej z małym dzieckiem nauczyciele. Stąd też ważne jest, by nauczyciele rozumieli i zaspakajali indywidualne oraz rozwojowe potrzeby dzieci w młodszym i starszym wieku przedszkolnym, wyzwalali wielostronną aktywność swoich wychowanków i traktowali ich jako podmiot wychowania.

Liczne publikacje naukowe oraz potoczny ogląd rzeczywistości edukacyjnej wskazuje na to, że w procesie wychowawczo-dydaktycznym w przedszkolu realizowana jest idea podmiotowości. Ma ona charakter paradygmatu, w którym istotną rolę odgrywa dziecko przejawiające różne formy aktywności wyrażające swą indywidualność i uczestniczące w rzeczywistości oraz świadomie na nią oddziałujące.

Termin *podmiotowość* zaczerpnięty został z psychoanalizy Zygmunta Freuda – austriackiego neurologa i psychiatry żyjącego w latach 1856-1939. Z. Freud podmiotowość rozumiał jako warstwę psychiki człowieka, mieszczącą się między świadomością a podświadomością.

W czasach współczesnych podmiotowość rozumiana jest bardzo różnie. I tak na przykład niektórzy autorzy odczytują podmiotowość jako siłę, umiejętność, konkretną jakość, która umożliwia osiągnięcie wytyczonych celów i kształtowanie się samego siebie. Inni uważają, że podmiotowość jest konstrukcją biopsychiczną daną człowiekowi, dzięki której się zmienia i kształtuje, a także przekształca rzeczywistość, w której żyje.

We współczesnej humanistyce obserwuje się różne podejścia definicyjne do podmiotowości. Na przykład w socjologii podmiotowość związana jest z działalnością człowieka i grup ludzkich, które mają wpływ na obraz struktury społecznej. Dlatego też w socjologii podmiotem jest nie tylko pojedynczy człowiek, ale także grupy ludzi i instytucje społeczne. Z kolei w filozofii podmiotowość jest przeciwieństwem uprzedmiotowienia i oznacza, że człowiek w swych decyzjach i czynach ma swobodę działania, ale równocześnie ma poczucie odpowiedzialności za to, co robi i jak postępuje. W filozofii podmiotowość jest fundamentalną cechą człowieczeństwa, umożliwiającą subiektywnie doświadczać i przeżywać świat, kierować własnym postępowaniem, osiągać wytyczone cele, tworzyć wartości i kulturę.[6]

W różnych koncepcjach filozoficznych kategoria podmiotu utożsamiana jest z człowiekiem, który *„jest”* i *„działa”*. Człowiek działając zmienia siebie i otaczającą rzeczywistość. Dzieje się tak dlatego, bo działanie człowieka, jego aktywność skierowana jest na konkretny cel, którego osiągnięcie wywołuje określone zmiany.

Na kwestie związane z traktowaniem człowieka jako podmiotu zwracali uwagę przedstawiciele hermeneutyki filozoficznej tacy, jak Hans Georg Gadamer, Jurgen Habermas, Charles Taylor, Paul Ricoeur. Mówią oni o tym, że człowiek jest osobowym podmiotem, gdyż:

- jest bytem samoświadomym,
- „Ja” jest centralną zasadą organizowania się ludzkiego doświadczenia i działania,
- posiada ontologiczną wielopłaszczyznowość,
- jest istotą myślącą,
- jest istotą zorientowaną na innych ludzi,

[5] Por. J. Karbowniczek, M. Kwaśniewska, B. Surma, Podstawy pedagogiki przedszkolnej… op. cit., s. 104-115.

[6] Por. M. Malicka, Ja, to znaczy kto ? Rzecz o osobowej tożsamości i wychowania, Warszawa 1996, s. 19.

- jest istotą aktywną,
- jest moralnie odpowiedzialny za swoje działania, za podejmowane decyzje i dokonywane wybory,
- jest istotą poszukującą sensu życia,
- jest istotą dynamiczną.[7]

W psychologii mówi się o tym, że podmiotowość jest to stan świadomości człowieka, pozwalający na wyróżnienie własnego „Ja" i na intencjonalne podejmowanie aktu sprawczego.[8] Podmiotowość jest to „…dostępna jedynie człowiekowi zdolność uświadamiania sobie faktu podlegania przemianom i wpływania na nie dzięki swym własnym mniej lub bardziej autonomicznym działaniom."[9]

Peter Silcock[10] w koncepcji nowoczesnego progresywizmu przyjmuje, że podmiotowość jest właściwością rozwojową człowieka, kształtującą się w toku jego wielostronnej aktywności i tworzenia się własnego obrazu świata oraz indywidualnych relacji z nim. Jest to właściwość występująca na każdym etapie życia człowieka, która przejawia się w autoregulacji i jego indywidualnych kontaktach z otoczeniem społecznym.

Tadeusz Tomaszewski,[11] wybitny polski psycholog, w latach 70-tych XX wieku mówił, że na podmiotowość składa się specyficzna tożsamość człowieka, wyraźna indywidualność różniąca go od innych ludzi i jego własna działalność w znacznym stopniu zależna od niego samego. Autor ten zwrócił również uwagę na to, że podmiotowość określana jest przez trzy następujące czynniki:

1. wewnętrzną organizację człowieka i jego miejsce w otaczającym świecie oraz jego własną działalność,
2. zdolność człowieka do rozpoznawania swej obiektywnej sytuacji i rozumienia jej pojedynczych elementów,
3. zdolność człowieka do interpretowania i selekcjonowania bodźców ze względu na pojedyncze zadania.

Niektórzy psychologowie, a wśród nich Sylwia Seul-Michałowska[12] mówią, że podmiotowość przejawia się w trzech aspektach. Pierwszy z nich dotyczy wewnętrznej organizacji oraz tożsamości człowieka i wiąże się z poczuciem własnej wartości. Drugi aspekt podmiotowości określany jest jako zdolność rozpoznawania własnej sytuacji oraz jej przekształcanie w zadanie do wykonania. Z kolei trzeci aspekt dotyczy zdolności do selekcji i interpretacji napływających bodźców pod kątem postawionego zadania.

W pedagogice mówi się o podmiotowości w relacjach wychowawca-wychowanek. Podmiotem jest wychowawca i wychowanek, a więc „… jednostka ludzka mająca poczucie własnej odrębności wobec innych osób i otaczającego świata, poznająca ten świat i nań oddziałująca, kierująca własnym postępowaniem i odpowiedzialna za własne decyzje oraz za przestrzeganie norm moralnych i prawnych ustalonych przez społeczeństwo."[13]

Dorota Kołodziejska twierdzi, że „…podmiotowość oznacza możliwość wpływania przez człowieka na to, co dzieje się w świecie zewnętrznym, w nim samym i z nim samym, w mniej lub bardziej autentyczny sposób. Człowiek jest więc podmiotem wówczas, gdy może – opierając się na systemie własnych wartości – formułować cele lub kierunek działalności, wybierać lub tworzyć program czynności i sprawować kontrolę poznawczą nad jego realizacją, co oznacza, że rozumie to, co robi, przewiduje kolejne czynności, porównuje dotychczasowy i przewidywany przebieg z wyjściowym celem oraz innymi własnymi wartościami, ocenia sposób realizacji celi i zaprzestaje działań lub kontynuuje czynności. Brak któregoś z tych elementów prowadzi do uprzedmiotowienia człowieka."[14]

Na podmiotowość, zdaniem Tadeusza Lewowickiego,[15] składają się takie elementy, jak:

- dynamiczna struktura wewnętrznej organizacji człowieka,
- indywidualność biopsychiczna i społeczna człowieka,
- własna tożsamość,
- świadomość związków z otoczeniem i jego rozumienie przez człowieka,
- hierarchia wartości oraz standardów i podejmowana zgodnie z nimi działalność człowieka.

Według przedstawicieli radykalnej teorii edukacyjnej, do których zalicza się Lech Witkowski[16], podmiotowość jest dynamiczną, ciągle rozwijająca się strukturą, będąca odzwierciedleniem warunków obiektywnych, społecznie konstruowanych przedstawień życia codziennego, a także subiektywnej oceny własnego miejsca w otaczającej rzeczywistości.

Na podstawie powyższych rozważań można przyjąć za Krzysztofem Korzeniowskim, że

[7] J. Bałachowicz, Podmiotowość ucznia i szanse jej rozwoju w edukacji wczesnoszkolnej, „Roczniki Pedagogiczne", nr 2, 2014, s. 17–18.

[8] Pro. K. Obuchowski, Człowiek intencjonalny, Warszawa 1993, C. Taylor, Źródła podmiotowości. Narodziny tożsamości nowoczesnej, Warszawa 2001.

[9] Z. Pietrasiński, Człowiek formowany jako podmiot rozwoju, „Psychologia Wychowawcza", nr 3, 1987, s. 251.

[10] P. Silcock, New Progresssivism, London 1999.

[11] T. Tomaszewski, Człowiek jako podmiot i człowiek jako przedmiot, w: J. Reykowski, O.W. Owczynnikowa, K. Obuchowski / red. /, Studia z psychologii emocji, motywacji i osobowości, Wrocław 1977, s. 72.

[12] S. Seul-Michałowska, Podmiotowość ucznia i nauczyciela, „Edukacja i Dialog:, nr 9, 1998.

[13]. W. Okoń Nowy słownik pedagogiczny, Warszawa 2004, s. 215.

[14] D. Kołodziejska, Kształtowanie poczucia podmiotowości, „Edukacja i Dialog", nr 2, 2001, s, 11.

[15] T. Lewowicki, przemiany oświaty… op., cit., s. 53.

[16] L. Witkowski, Radykalne wizje podmiotu edukacji w dramacie współczesności, w: Z. Kwieciński, L. Witkowski / red. /, Ku pedagogii pogranicza, Toruń 1990, s. 75.

podmiotowość w edukacji przedszkolnej, to przeciwieństwo uprzedmiotowienia dziecka i rozumiana jest jako „…uświadomiona działalność inicjowana i rozwijana przez jednostkę według jej własnych wartości i standardów."[17]

W edukacji, a więc również w edukacji przedszkolnej wyróżnia się trzy modele podmiotowości. Jest to model emocjonalny, racjonalny, twórczy.[18] I tak model emocjonalny przejawia się w dążeniu jednostki do wolności, zaspakajania indywidualnych potrzeb, samostanowienia i likwidacji ograniczeń. Jest on zauważalny u dzieci i młodzieży, dlatego też nie należy lekceważyć ich dążeń, bo może to wywoływać zachowania agresywne, poczucie bezradności, czy zagubienia. Natomiast model racjonalny zauważalny jest u tych nauczycieli, którzy uznają w sposób werbalny podmiotowość swoich wychowanków, ale jej nie akceptują. Z kolei model twórczy charakteryzuje się tym, że dopuszcza się wychowanków do podejmowania decyzji i dokonywania wyborów we własnych dla siebie sprawach. W tym modelu podmiotowości kładzie się akcent na wielostronną aktywność i działania twórcze wychowanków, a to sprzyja rozwijaniu ich inteligencji wielorakich i umiejętności poznawczych.

W przedszkolnej edukacji podmiotowej dziecko i jego wszechstronny rozwój stanowią naczelną wartość. Poza tym edukacja podmiotowa wspiera dziecko w budowaniu własnej podmiotowości w relacjach społecznych i postrzega je jako kształtującą się indywidualność otwartą na wartości i ciągle wzbogacająca swoją osobowość. Jest to indywidualność, która uczy się nie tylko odpowiedzialności, ale także podejmowania mądrych decyzji i dokonywania trafnych wyborów. Z tego widać, że dziecko traktowane podmiotowo może wszechstronnie się rozwijać zgodnie ze swoimi uzdolnieniami, kreować swoje umiejętności i postawy poznawcze zgodnie z kulturowo przyjętymi normami przy wsparciu i pod kontrolą nauczyciela Działa też w sposób celowy, świadomy i samo określa cel tegoż działania.

O podmiotowości kilkulatka w przedszkolu świadczy to, że posiada on „…własną indywidualność, osobowość, która jest pewną strukturą psychiczną, pewną całością, która z wiekiem rozbudowuje się, obejmując coraz większy zakres kontaktów dziecka ze światem i jego doświadczeń. Wszystkie te doświadczenia zdobywane przez dziecko – zarówno w domu, w przedszkolu, czy też w grupie rówieśniczej – są wchłaniane w strukturę osobowości, są przyswajane i organizowane, tworząc w ten sposób jego osobowość."[19]

Barbara Wojciechowska-Charlak mówi, że wychowankowie czują się podmiotami wtedy, gdy są aktywni i podejmują określone działania. To sprawia, że:

„ – skłonni są traktować większość życiowych sytuacji jako sytuacje
zadaniowe, które muszą rozwiązać,
- są bardziej realistyczni w działaniu,
- są wrażliwi na informacje i sami poszukują informacji ułatwiających
im działanie,
- mniej liczą się z opinią innych, a bardziej sobie cenią samokontrolę
w działaniu,
- uczą się na własnych doświadczeniach,
- mają silniejsze poczucie odpowiedzialności,
- są odporniejsi na stresy i frustracje."[20]

Podobnie jest w procesie wychowawczo-dydaktycznym w przedszkolu. I tak dziecko w przedszkolu doznaje poczucia podmiotowości, gdy:

- podejmuje działania z własnej woli i chęci, co wymaga od nauczyciela
odpowiednio przemyślanej motywacji,
- ma możliwość wyboru sposobów i środków wykonywania zadań, co wymaga
zmiany metodyki wykonywania zadań,
- zadania wykonuje samodzielnie, a gdy napotyka trudności, których nie potrafi
samo pokonać zwraca się o pomoc do nauczyciela,
- samo ma wpływ na akceptacje lub odrzucenie efektów swojego działania.[21]

Maria Jakowicka[22] twierdzi, że respektowanie podmiotowości dziecka wymaga od nauczyciela stworzenia odpowiedniego klimatu, dzięki któremu kilkulatek osiągnie poczucie bezpieczeństwa emocjonalnego, życzliwości i poważnego traktowania jego pomysłów. Ważne jest też wyzwalanie wielostronnej aktywności przedszkolaka, jego twórczego stosunku do wszystkich etapów racjonalnego działania i zachęcanie do refleksji, zastanowienia się nad wykonanym działaniem. Respektowanie podmiotowości dziecka wymaga też od nauczyciela tworzenia jak najlepszych warunków do kształtowania umiejętności interpersonalnych, w zakres których wchodzi nawiązywanie kontaktów społecznych z rówieśnikami i dorosłymi, rozwiązywanie konfliktów, podejmowanie działań

[17] K. Korzeniowski, Podmiotowość człowieka. Metateoretyczne ramy teorii, w: K. Korzeniowski, R. Zieliński, W. Daniecki / red. /, Podmiotowość jednostki w koncepcjach psychologicznych i organizacyjnych, Wrocław 1983, s. 59.

[18] E. Piotrowski Nauczyciel i uczeń jako równoprawne podmioty procesu kształcenia, w: K. Denek, W. Starościak, K. Zatoń, / red. /, Edukacja jutra, Wrocław 2006, s. 162.

[19] T. Parczewska, Edukacja ekologiczna w przedszkolu, Lublin 2009, s. 45.

[20] B. Wojciechowsak-Charlak, Podmiotowość w wychowaniu, w: T.E. Dąbrowska, B. Wojciechowska-Charlak, / red. /, Między praktyką a teorią wychowania, Lublin 2005, s. 65.

[21] M. Jakowicka, Podmiotowość ucznia jako podstawa współczesnego kształcenia, „Scholasticus", nr 2, 1993, s. 18.

[22] M. Jakowicka, Podmiotowość ucznia… op. cit.

zespołowych, prawidłowe korzystanie z przekazu werbalnego i niewerbalnego, uważne słuchanie i przekazywanie informacji, adaptacja do nowych warunków społecznych. Ważne jest też kształtowanie umiejętności intrapersonalnych, a więc związanych z wiedzą o samym sobie, o swoich mocnych i słabych stronach, z patrzeniem na otaczający świat z własnego punktu widzenia.

O podmiotowym traktowaniu dziecka decyduje nauczyciel, który powinien być przewodnikiem, mądrym doradcą, osobą pomagającą kilkulatkowi odkrywać świat i przejawiającą humanistyczne podejście do niego.

Mieczysław Łobocki uważa, że humanistyczne podejście nauczyciela do dziecka polega na spostrzeganiu przedszkolaka „…jako jednostki autonomicznej, która bez względu na wpływy i uwarunkowania zewnętrzne ma prawo do własnej podmiotowości tj. wewnętrznej niezależności i odpowiedzialności za własne postępowanie, a więc także prawo do kształtowania swojego losu."[23]

Nauczyciel, który podmiotowo traktuje swoich wychowanków wprowadza ich w atrakcyjne, korzystne i zaspakajające potrzeby poznawcze sytuacje edukacyjne, w których aktywnie uczestniczą, wykonując określone zadania oparte na wartościach. Mają też możliwość obiektywnie oceniać sytuacje oraz wyrażać swoje odczucia, przeżycia, reakcje. Nauczyciel okazuje też życzliwość i zainteresowanie tym, co dzieci robią oraz tym, czego nie wykonują i dlaczego. W takich sytuacjach dzieci mają możliwość:

- dobrowolnie i swobodni podejmować określone działania,
- poszukiwać możliwych sposobów rozwiązania określonych zadań,
- dokonywać własnej oceny wykonania zadań i osiągniętych rezultatów.[24]

Realizacja idei podmiotowości w edukacji przedszkolnej pomaga kilkulatkom poznawać i samodzielnie odkrywać bliższą i dalszą rzeczywistość. Dzięki temu dzieci same podejmują określone działania, by własnym wysiłkiem osiągnąć wyznaczony cel. To sprawia, że mają poczucie sprawstwa i utwierdzają się w przekonaniu, że samodzielnie mogą zdobywać wiedzę o świecie wchodząc w interakcje z otoczeniem społecznym. Poza tym podmiotowe traktowanie wychowanków przez nauczyciela sprawia, że stają się pełnoprawnymi uczestnikami wszystkich sytuacji edukacyjnych i procesu wychowawczo-dydaktycznego w przedszkolu. Daje to szanse na uzyskiwanie wsparcia i pomocy ze strony nauczyciela w zmaganiu się przedszkolaków z otaczającą rzeczywistością i własnymi rozterkami.

Podmiotowe traktowanie dzieci w edukacji przedszkolnej korzystnie wpływa na ich wszechstronny rozwój i wzbogacanie osobowości. Dzieje się tak dlatego, bo podmiotowe traktowanie stwarza możliwość kilkulatkom do samodzielnego zdobywania wiedzy o świeci działając „na" i „z" przedmiotami i wchodząc w interakcje z otoczeniem społecznym. Poza tym wielostronna aktywność dzieci intensyfikuje świadome działanie nauczyciela, a jego życzliwa obecność obniża lęk przed nowością, zachęca do zadawania pytań i oczekiwania na wsparcie wtedy, gdy na drodze do osiągnięcia celu pojawia się przeszkoda, której nie są w stanie same pokonać.

Podmiotowe podejście do dziecka w edukacji przedszkolnej także:

- uczy traktować sytuacje życiowe jako zadaniowe, które należy rozwiązać,
- stwarza warunki do samodzielnego poszukiwania informacji ułatwiających rozwiązanie zadań,
- uczy bycia skutecznym w swoich działaniach,
- uczy samokontroli swoich działań,
- rozwija poczucie odpowiedzialności za podejmowane decyzje i dokonywane wybory,
- uodparnia na stres i frustrację,
- uczy dostrzegać popełniane błędy i eliminować je w dalszych działaniach.[25]

Realizowanie idei podmiotowości w edukacji przedszkolnej stwarza dzieciom możliwość piąć się w górę po drabinie rozwoju, co nie oznacza, że drabina ta jest jednakowa dla wszystkich kilkulatków.[26] Kładzie też duży nacisk na realizację edukacyjnych celów ogólnych, pośrednich i szczegółowych. Cele te można ująć w aspekcie rzeczowym i podmiotowym. Pierwsze z nich oznaczają zmiany w wiadomościach i umiejętnościach ich wykorzystania w różnych sytuacjach przedszkolnego i codziennego życia. Natomiast podmiotowy aspekt celów edukacji przedszkolnej informuje o zmianach w rozwoju sprawności umysłowych przedszkolaka, jego przekonaniach, postawach, systemie wartości. Poza tym poczucie bycia podmiotem przez dziecko, jak już wcześniej zaznaczono, wymaga wsparcia ze strony nauczyciela. Dlatego też nauczyciel musi pamiętać o tym, by tworzyć w przedszkolu korzystne środowisko edukacyjne. Składa się na to poszanowanie godności i respektowanie indywidualnych potrzeb każdego dziecka, a także wyzwalanie jego wielostronnej aktywności, jak również kreowanie atmosfery zapewniającej kilkulatkowi poczucie bezpieczeństwa i komfortu psychicznego. Ważne jest także wprowadzanie dziecka w takie sytuacje edukacyjne, w których będzie miało możliwość podejmować działania umożliwiające piąć się w górę i z pasją zdobywać nową wiedzę .

[23] M. Łobocki, Warunki podmiotowego funkcjonowania uczniów w procesie wychowawczym, „Ruch Pedagogiczny", nr 3, 1990, s..77.

[24] L. Zarzecki, Teoretyczne podstawy wychowania. Teoria i praktyka w zarysie, Jelenia Góra 2012, s. 52.

[25] Por. K. Denek, Ku dobrej edukacji… op. cit., s. 82.

[26] G. Petty, Teaching Today. A Practical Guide Cheltanham, Nelson Thornes Ltd. 2009.

Przedszkole jest środowiskiem, w którym podmiotowość dziecka ma szanse na rozwój. Sprzyja temu indywidualne podejście nauczyciela do każdego dziecka, a także tworzenie warunków do współpracy i współdziałania z grupą rówieśniczą, a to wyzwala pozytywną motywację oraz aktywność przedszkolaka i otwiera przed nim możliwość nie tylko poznania bliższej i dalszej rzeczywistości, ale również samego siebie.

2. Wspieranie rozwoju podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej

W edukacji przedszkolnej opartej na paradygmacie podmiotowym wszechstronny rozwój małego dziecka stanowi naczelną wartość. Dziecko traktowane jest jako osoba o określonej tożsamości, która otwarta jest na wartości, ciągle wzbogacająca własną osobowość i czująca się odpowiedzialną za podejmowane decyzje i dokonywane wybory. Dlatego też w edukacji przedszkolnej niezwykle ważne jest wspieranie małego dziecka w rozwijaniu własnej podmiotowości w relacjach z otoczeniem społecznym.

Na temat rozwoju podmiotowości dziecka wypowiada się wielu autorów. I tak na przykład Mirosław Kofta[27] mówił pod koniec lat 80-tych XX wieku, że główne przejawy orientacji podmiotowej takie, jak generatywność, optymizm, selektywność, zaufanie do siebie, poszukiwanie przyczynowości można zaobserwować u dzieci w wieku niemowlęcym Wraz z wiekiem i rozwojem dziecka orientacja podmiotowa ulega zmianom, ale jej istota jest niezmienna. Z kolei Maria Czerepaniak - Walczak[28] podkreśla, że w rozwijaniu poczucia podmiotowości istotną rolę odgrywa wytworzona przez nauczyciela atmosfera współpracy, szacunku, życzliwości, akceptacji i respektowania indywidualnych potrzeb dziecka, która zachęca każdego do podejmowania wysiłku, wytężonych działań i osiągnięcia sukcesu.

Podstawę dla wspierania rozwoju podmiotowości dziecka stanowi dobrze zaplanowany i zorganizowany proces wychowawczo-dydaktyczny w przedszkolu i tworzenie warunków oraz sytuacji edukacyjnych sprzyjających wyzwalaniu wielostronnej aktywności kilkulatka z możliwością wpływania na ich organizację i charakter. Umożliwi to dziecku prezentować samodzielność oraz oryginalność w myśleniu, działaniu, a także realizować własne pomysły i ponosić za nie odpowiedzialność.

Wspierając rozwój podmiotowości dziecka należy zwrócić uwagę na to, że jest ono indywidualnością, która ciągle się rozwija i wzbogaca swoją osobowość, uczy się sterować własnym życiem i być odpowiedzialna za jego jakość, a także dokonywać trafnych wyborów i podejmować mądre decyzje. Dlatego w edukacji przedszkolnej trzeba szczególną uwagę zwrócić na rozwój podmiotowej aktywności dziecka, by miało ono możliwość konstruować nową wiedzę wchodząc w interakcje z otoczeniem społecznym, rozwijać własne zainteresowania, kształtować poczucie własnej wartości, a także poszerzać indywidualne doświadczenia, przejawiać własny stosunek do otaczającej rzeczywistości i do samego siebie. Ważne jest również stwarzanie warunków i sytuacji, umożliwiających kilkulatkowi kreować własne życie, zmieniać i kształtować otaczającą rzeczywistość, nawiązywać kontakty interpersonalne z rówieśnikami i osobami dorosłymi. Można zatem powiedzieć, że podmiotowość małego dziecka kształtuje się w płaszczyźnie subiektywnej, materialnej i społecznej.[29] Płaszczyzny te wzajemnie się przenikają, a nauczyciel rozwijając podmiotowość wychowanka winien je uwzględniać w swych poczynaniach pedagogicznych. Dlatego też wskazane jest, by nauczyciel tak organizował proces wychowawczo-dydaktyczny w przedszkolu i wprowadzał dzieci w takie sytuacje edukacyjne, w których kilkulatki będą miały możliwość kreować i wpływać na jakość swego życia / płaszczyzna subiektywna /, zmieniać i przekształcać otaczającą rzeczywistość / płaszczyzna materialna / oraz nawiązywać kontakty społeczne z rówieśnikami i osobami dorosłymi / płaszczyzna społeczna /. Dzięki temu dzieci zmobilizują siły, zgromadzą nowe doświadczenia i wiedzę przydatną w różnych sytuacjach przedszkolnego i codziennego życia oraz do rozwiązania konkretnego zadania . Jest to ważne, bo zadaniowe podejście do procesu edukacyjnego sprzyja rozwojowi podmiotowości wychowanka.[30]

Proces wychowawczo-dydaktyczny w przedszkolu i sytuacje edukacyjne będą służyły rozwojowi podmiotowości wtedy, gdy zapewni się dzieciom możliwość prawa do swobodnego wyboru zadania i szukania sposobów jego rozwiązania, jak również do oceny procesu realizacji zadania i osiągniętego rezultatu. Stąd też ważne są takie poczynania pedagogiczne nauczyciela, które nie ograniczają, ale wyzwalają aktywność wychowanków i zdawanie sobie sprawy z tego, że mogą oni być podmiotem włączającym osobę dorosłą do swojej linii działania i postępowania.

Zadanie jest to „… sytuacja, w której pojawia się jakaś potrzeba lub konieczność przezwyciężenia pewnych trudności, wywołująca określone działanie, którego efektem są jakieś osiągnięcia w sferze materialnej bądź w dziedzinie wartości."[31]

Zadania mobilizują dzieci do celowego i skutecznego działania. Przyczyniają się także do wyzwalania aktywności podmiotowej, której istotą jest

[27] M. Kofta, Orientacja podmiotowa, zarys modelu, w: M. Kofta / red. /, Wychowanek jako podmiot działań, Warszawa 1989, s. 39.

[28] M. Czerepaniak- Walczak, podmiotowość w perspektywie pedagogiki, Gorzów Wielkopolski 1994.

[29] Por. F. Bereźnicki, Dydaktyka kształcenia ogólnego, Warszawa 2001.

[30] Por. E. Piotrowski, Podmiotowe podejście do ucznia… op. cit.,

[31] W. Okoń, Nowy słownik … op. cit., s. 330.

zaangażowanie się dziecka w działania sprzyjające doświadczaniu sprawstwa i poczucia własnej wartości. Poza tym podczas wykonywania zadań do dziecka napływają różne bodźce od nauczyciela. Dziecko je analizuje, dokonuje ich selekcji i wybiera te, które pomogą dojść do celu i dobrze wykonać zadanie. Dzięki temu kilkulatek zdobywa nowe doświadczenia, uczy się samodzielnie określać swój poziom sprawności intelektualnej i przez to nabywa poczucie wewnętrznej kontroli.

Peter Silcock uważa, że dziecko jest aktywne wtedy, gdy zaangażowane jest „… w wykonanie zadania z własnej woli, ze zrozumieniem i dążeniem do realizacji celu, z przyjęciem podmiotowej odpowiedzialności za proces uczenia się."[32] To sprawia, że przedszkolaki są nastawione na to, by zdobyć nową wiedzę i doświadczenia, które będą przydatne w różnych sytuacjach przedszkolnego i codziennego życia.

Dzieci w przedszkolu wykonują różne zadania. Mogą to być zadania zlecane przez nauczyciela, albo formułowane samodzielnie przez dzieci realizowane w stosunkowo krótkim czasie lub takie, które wykonywane są przez kilka kolejnych dni. Zadania wykonywane przez dziecko przez kilka kolejnych dni są związane ze strefą najbliższego rozwoju i wymagają szerokiej motywacji oraz obecności nauczyciela. Obecność nauczyciela podczas rozwiązywania tych zadań jest niezbędna, gdyż są to zadania trudne i wymagają zaangażowania tych funkcji psychicznych, które się dopiero rozwijają u dziecka. Stąd też samodzielnie dziecko nie jest w stanie pokonać trudności, jaka pojawia się na drodze do realizacji dążenia i dlatego wymaga pomocy i wsparcia ze strony nauczyciela.

Danuta Waloszek[33] przedstawia klasyfikację zadań, jakie są przydatne w edukacji dzieci w wieku przedszkolnym uwzględniając różne kryteria. I tak ze względu na motywy wyróżnia się zadania własne, zlecone, mieszane. Zadania własne formułowane są przez dziecko dla siebie i związane są z jego potrzebami. Z kolei zadania zlecone formułowane są przez kogoś dla kogoś, a więc również przez nauczyciela dla dziecka, a mieszane charakteryzują się tym, że uwzględniają różny układ potrzeb własnych i zewnętrznych. Z uwagi na strukturę wyróżnia się zadania proste – złożone, jasne – niejasne , pełne – niepełne, łatwe – trudne. Do zadań prostych zalicza się takie, w zakres których wchodzi tylko jedna czynność, a złożone wymagają wykonania kilku lub kilkunastu czynności. Natomiast zadania jasne związane są z czynnościami rozpoznanymi i rozpoznawanymi, a niejasne wykraczają poza te czynności. Z kolei zadania pełne zawierają wszystkie elementy, a niepełne tylko niektóre z nich. W tej grupie są też zadania łatwe związane ze strefą aktualnego rozwoju oraz trudne zorientowane na strefę najbliższego rozwoju.

Przyjmując za kryterium podziału zadań funkcje, jakie pełnią można wyróżnić zadania rozwijające, modyfikujące, utrwalająco-ćwiczeniowe, a ze względu na treść zadania przyrodnicze, społeczne, motoryczne. Przy zastosowaniu kryterium materiału wyróżnia się zadania konkretne symboliczne, abstrakcyjne i algorytmiczne / zawierające przepis, regułę, instrukcję /.

Dzieci w młodszym wieku przedszkolnym bardzo chętnie wykonują zadania zlecone przez nauczyciela. Są to zadania jasne, proste o treści przyrodniczej lub motoryczne, znajdujące się w kręgu potrzeb biologicznych i emocjonalnych 3-4-latków. Natomiast dzieci w starszym wieku przedszkolnym, a więc 5-6-latki, chętnie wykonują wszystkie rodzaje zadań. Mają one związek z ich potrzebami i ze strefą aktualnego oraz najbliższego rozwoju. Tak dzieci w młodszym, jak w starszym wieku przedszkolnym cieszą się, gdy rozwiążą zadanie i osiągną sukces, a także są zadowolone z własnej mocy sprawczej i podjętego działania, z własnej aktywności ukierunkowanej treścią zadania.

Dzieci w wieku przedszkolnym lubią rozwiązywać zadania i cieszą się, gdy się im „coś' zadaje, dlatego często domagają się od nauczyciela lub od innych osób dorosłych, by wymyślili im „coś" trudnego, trudne zadanie do rozwiązania. To pobudza ich aktywność zadaniową i powoduje, że stają się sprawne w działaniu i nabywają kompetencje niezbędne do prawidłowego funkcjonowania w społeczeństwie informacyjnym i korzystania z dobrodziejstw, jakie niesie trzecia fala cywilizacyjna. Poza tym podejście zadaniowe do procesu wychowawczo-dydaktycznego w przedszkolu sprzyja rozwojowi podmiotowości dziecka, gdyż:

- stwarza realne szanse na pojawienie się refleksji, zastanowienia, namysłu

przed podjęciem działania związanego z rozwiązaniem zadania oraz oceną własnej skuteczności,

- wyzwala aktywność kilkulatka i rozwija jego sprawczość, a także samodzielność w podejmowaniu odpowiednich decyzji i dokonywania mądrych wyborów,

- uczy współpracować oraz porozumiewać się i nawiązywać kontakty interpersonalne z rówieśnikami i nauczycielem,

- budzi poczucie własnej wartości, poczucie bycia podmiotem,

- budzi wiarę we własne siły i możliwości,

- uczy prezentować i bronić własnego stanowiska.

3. Zachowania nauczyciela związane z rozwijaniem podmiotowości dziecka

Najważniejszą kwestią we wspieraniu rozwoju podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej są zachowania nauczyciela oparte na relacjach równości mimo jego wyższych kompetencji. Dlatego też nauczyciel powinien dążyć do tego, by być wiarygodnym w tym, co mówi, jak postępuje i do

[32] P. Silcock, New Progressivism, London 1999, s. 64.
[33] D. Waloszek, Pedagogika przedszkolna. Metamorfoza statusu i przedmiotu badań, Kraków 2006, s. 328–334.

czego zmierza. Musi też być przekonany, że jest podmiotem w relacjach z otaczającą rzeczywistością i ze swoimi wychowankami. O podmiotowości nauczyciela można mówić wtedy, gdy:

- jego działalność pedagogiczna ma charakter świadomy i celowy, zgodny z własnymi standardami i wartościami,
- potrafi działać i regulować stosunki z otoczeniem, w którym żyje i funkcjonuje,
- sprawuje kontrolę poznawczą nad otoczeniem i samym sobą,
- ma świadomość swojego systemu wartości i przebiegu podejmowanych czynności.[34]

Nauczyciel najpierw sam musi odkryć siebie, realizować swoje bliskie i dalekie cele uwzględniając własny system wartości, samorealizować się w różnych zakresach, a dopiero później pomagać swoim wychowankom stawać się bycia sobą i rozwijać własną podmiotowość. Dlatego tak ważne są podmiotowe zachowania nauczyciela, bo one sprawiają, że dzieci wprowadzane są w sytuacje edukacyjne, które uczą je przyjmować odpowiedzialność za siebie, postrzegać świat przez pryzmat własnych doświadczeń, zmieniać oraz przekształcać bliższą i dalszą rzeczywistość, jak również dostrzegać własną odrębność, doświadczać swej podmiotowości i rozwijać własne zainteresowania, pasje, inteligencje wielorakie. Poza tym nauczyciel będąc podmiotem stwarza wychowankom takie sytuacje, w których sprawdzają swe możliwości, podejmują decyzje i przewidują skutki swoich wyborów.

Nauczyciel staje się podmiotem dla dziecka wtedy, gdy jest dla niego osobą ważną, która pomaga a nie wyręcza, okazuje akceptację i zrozumienie oraz traktuje kilkulatka jako osobę, jako równoprawny podmiot w procesie edukacyjnym w przedszkolu. Jeżeli nauczyciel i dziecko będą równoprawnymi podmiotami w procesie edukacyjnym w przedszkolu, to każdy z nich ma szansę rozwijać i realizować własną podmiotowość nie ograniczając podmiotowości drugiego. Wtedy relacje tych dwóch podmiotów edukacji przedszkolnej / nauczyciela i dziecka / oparte zostaną oparte na wzajemnym zaufaniu, zrozumieniu i akceptacji.

Nauczyciel będąc podmiotem dla dziecka musi poszerzać własne kompetencje, by rozwijać i wspierać jego podmiotowość. Poszerzanie własnych kompetencji przez nauczyciela winno być, w moim przekonaniu, związane z:

- postrzeganiem każdego dziecka jako człowieka, jako osoby zdolnej do wykorzystywania swoich zdolności, inteligencji wielorakich do rozwijania własnej podmiotowości,
- opracowywaniem dla każdego dziecka indywidualnego programu, którego realizacja przyczyni się do wyrównywania szans edukacyjnych i dlatego też każdy kilkulatek będzie piął się w górę, a nie równał w dół,
- kształtowaniem u każdego dziecka umiejętności współżycia w grupie rówieśniczej i wchodzenia w interakcje z otoczeniem społecznym,
- wdrażanie każdego dziecka do tworzenia nowej wiedzy poprzez działanie „na" i „z" przedmiotami wchodząc równocześnie w interakcje z otoczeniem społecznym,
- wykorzystaniem w pracy pedagogicznej przedszkola metod wynikających z koncepcji wielostronnego kształcenia oraz wyzwalających wielostronną ktywność wychowanków,
- rozwijaniem u dzieci tolerancji i szacunku do rówieśników i osób dorosłych określanych mianem „innych" i wywodzących się z odrębnych kultur,
- rozwijanie własnych umiejętności facylitatorskich.

Podmiotowość nauczyciela rozwija podmiotowość dziecka, a to implikuje aktywność i podejmowanie różnych działań, które zmierzają do zrealizowania wcześniej wytyczonego celu. Dlatego nauczyciel powinien robić wszystko, by tę podmiotowość rozwijać. Stąd też rozwijając podmiotowość dzieci nauczyciel musi akceptować je takimi, jakimi są bez jakichkolwiek uprzedzeń, czy nastawień. Jest to ważne, bowiem akceptacja przedszkolaków łączy się z samoakceptacją nauczyciela. Poza tym akceptacja własnej osoby przez nauczyciela wpływa na sposoby traktowania innych ludzi, a więc również dzieci. Okazywanie dzieciom akceptacji przez nauczyciela jest nie tylko wskazane, ale przede wszystkim korzystne, gdyż umożliwia nawiązywanie dobrych, serdecznych kontaktów z wychowankami, obdarowywanie się wzajemnym zaufaniem szacunkiem, troskliwością.

Podmiotowe podejście nauczyciela do dzieci przejawia się w zachowaniach empatycznych. Przejawiają się one we wczuwaniu się nauczyciela w przeżycia dziecka i uczuciowe utożsamianie się z nim. To sprawia, że nauczyciel stara się zrozumieć zachowania dziecka i zdaje sobie sprawę z tego dlaczego kilkulatek tak właśnie się zachowuje. Empatia przejawia się również w tym, że nauczyciel wie kiedy wystąpić w obronie dziecku, kiedy należy udzielić pomocy, a kiedy trzeba się od niej powstrzymać. Nauczyciel przejawiający zachowania empatyczne pozwala dziecku być sobą, traktuje je jako osobę autonomiczną z przysługującymi jej cechami wieku. Oznacza to pozwolić dziecku mieć własne zdanie, zainteresowania, pasje i na życie patrzeć poprzez pryzmat zabawy, bo jest ona nie tylko podstawową formą pracy wychowawczo-dydaktycznej w przedszkolu, ale przede wszystkim podstawową formą aktywności kilkulatka. Ważne jest też przestrzeganie przez nauczyciela w kontaktach z dzieckiem tych samych norm i zasad

[34] K. Korzeniowski, Edukacja – podmiotowość – demokracja. O przebiegłości demokratycznego rozumu, w: E. Kubiak-Szymborska / red. /, Podmiotowość w wychowaniu. Między ideą a realnością, Bydgoszcz 1999, s. 27.

postępowania, jakie stosuje się wobec osób dorosłych.

Nauczyciel dostrzega i przewiduje konflikty, jakie mogą pojawić się w rozwoju dziecka i wspólnie z nim podejmuje działania, zmierzające do ich usunięcia lub zminimalizowania. To sprawia, że nauczyciel nie tylko oddziałuje na sferę intelektualną dziecka, ale też na jego uczucia i wolę i tym samym ukazuje, co nadaje wartość człowiekowi.

Nauczyciel zdaje sobie sprawę, że proces wychowawczo-dydaktyczny w przedszkolu uwarunkowany jest właściwościami rozwojowymi kilkulatków, a jego zachowania mogą wspierać rozwijanie ich podmiotowości lub hamować. Dlatego też powinien robić wszystko, by być otwartym na dziecko i jego problemy, na udzielanie pomocy i wsparcia w zależności od indywidualnych potrzeb wychowanka. Swym postępowaniem i zachowaniami nauczyciel musi zachęcać dziecko do wyrażania swojej indywidualności i tożsamości, do wdrażania w Zycie własnych pomysłów, do bycia sobą. Jeżeli tak się stanie, to nauczyciel będzie wspierał rozwój podmiotowości dziecka, a także swoją podmiotowość.

Czasami podmiotowość relacji między nauczycielem a dzieckiem jest zaburzona . To prowadzi do nieodpowiednich zachowań tych dwóch podmiotów edukacji przedszkolnej wobec siebie. Przejawiają się one w tym, że nauczyciel prezentuje tradycyjne podejście do procesu edukacyjnego w przedszkolu, które jest oparte na wyposażeniu dzieci w określony zasób wiadomości, umiejętności i nawyków. To uniemożliwia kilkulatkom samodzielnie zdobywać nową wiedzę, ogranicza ich aktywność i możliwość określania oraz realizowania własnych zadań. Przyczyny zaburzające podmiotowość relacji miedzy nauczycielem a dzieckiem tkwią w przedszkolu i poza nim.[35] Dlatego trzeba poznać te przyczyny i je wyeliminować, to wówczas nie będą występowały nie prawidłowości w relacjach między tymi dwoma podmiotami edukacji przedszkolnej, a więc między nauczycielem a dziećmi.

Rozwijanie podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej, jak już wcześniej zaznaczono, nie jest łatwe i wymaga od nauczyciela nie tylko otwartości na dziecko, ale także na samego siebie. Nauczyciel otwarty na samego siebie dba o rozwój własnej podmiotowości i stwarza odpowiednie warunki do rozwoju podmiotowości dziecka.

Maria Jakowicka mówi, że odpowiednie warunki do rozwijania podmiotowości dziecka muszą przebiegać „…od analizy swego własnego świata do analizy swojego miejsca w nim, od refleksji nad własnym działaniem, jego motywami i sensem do analizy samego siebie, swoich aspiracji, dążeń i możliwości.”[36] Doświadczenie jednak uczy, że nauczyciel, u którego występuje syndrom objawów związanych z wypaleniem zawodowym nie stara się stwarzać korzystnych warunków dla rozwoju podmiotowości dziecka i nie potrafi lub nie chce pozwolić kilkulatkowi być sobą, a w podejmowanych przez siebie czynnościach wychowawczo-dydaktycznych nie dostrzega sensu. Skutkuje to tym, że nauczyciel nie dostrzega w dziecku autonomicznej jednostki i nie otwiera się na jego potrzeby, możliwości, aspiracje twórcze, a to utrudnia wspieranie rozwoju podmiotowości przedszkolaka.

Do trudności związanych z rozwijaniem przez nauczyciela podmiotowości dziecka w przedszkolu można też zaliczyć:

- hamowanie zapału poznawczego kilkulatka,
- ograniczanie możliwości ujawniania własnych kompetencji przez kilkulatka,
- zapominanie o zapewnieniu kilkulatkowi bezpieczeństwa emocjonalnego w przedszkolu,
- nie udzielanie wsparcia kilkulatkowi stosownie do jego wieku i możliwości psychofizycznych.

Zakończenie

Reasumując należy zwrócić uwagę na to, że wspieranie rozwoju podmiotowości dziecka w edukacji przedszkolnej nie jest łatwe i wymaga od nauczyciela pokonywania wielu trudności, które na tej drodze się pojawiają. Trudności te nauczyciel dostrzeże i usunie jeżeli będzie otwarty na dziecko i na samego siebie, a w swych działaniach pedagogicznych nie zapomni o respektowaniu zasady dwupodmiotowości. Jeżeli tak się stanie, to wówczas przedszkole będzie postrzegane jako środowisko konstruowania podmiotu, a dziecko jako jednostka – podmiot będzie broniło „… dla siebie … i dla innych określonej przestrzeni wolności, dzięki której nie zostanie zredukowana do pełnionych przez siebie ról i nie będzie całkowicie poddana jakiejkolwiek władzy.”[37]

[35] J. Malinowski, Zaburzenia relacji nauczyciel – uczeń zagrożeniem dla podmiotowości szkolnego procesu edukacyjnego, w: K. Denek, T. Koszczyc, M. Lewandowski / red. /, Edukacja jutra, Wrocław 2004, s. 350.

[36] M. Jakowicka, podmiotowość ucznia jako podstawa współczesnego kształcenia, „Scholasticus”, nr 2, 1993, s. 18.

[37] A. Touraine, Po kryzysie, Warszawa 2013, s. 162.

Bibliografia

1. Bałachowicz J.: Podmiotowość ucznia i szanse jej rozwoju w edukacji wczesnoszkolnej, „Roczniki Pedagogiczne”, nr 2, 2014.
2. Dąbrowska T. E., Wojciechowska-Charlak B. / red. /: Miedzy teoria a praktyka wychowania, Lublin 2005.
3. Jakowicka M.: Podmiotowość ucznia jako podstawa współczesnego kształcenia, „Scholasticus”, nr 2, 1993.
4. Jaszczyszyn E., Szada-Borzyszkowska J., Styczyńska M. / red. /: Aktualne i przyszłe wyzwania edukacji szkolnej, Siedlce 2018.
5. Kołodziejska D.: Kształtowanie poczucia podmiotowości, „Edukacja i Dialog”, nr 2, 2001.
6. Korzeniowski K., Zieliński R., Daniecki W./ red. /: Podmiotowość jednostki w koncepcjach psychologicznych i organizacyjnych, Wrocław 1983.
7. Silcock P.: New Progressivism, London 1999.
8. Taylor Ch.: Źródła podmiotowości. Narodziny tożsamości nowoczesnej, Warszawa 2001.
9. Touraine A.: Myśleć inaczej, Warszawa 2007.
10. Witkowski L.: Tożsamość i zmiana. Epistemologia i rozwojowe profile edukacji, Wrocław 2010.

УДК 37.01

РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ

Г. И. Канакина,
профессор, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
«Русский язык и методика преподавания русского языка»
Пензенского государственного университета, г. Пенза, Россия
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

В статье представлена методика работы с учебным текстом как средством формирования личностных результатов обучения. В Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования РФ нового поколения отмечается, что при изучении русского языка формируются личностные результаты, среди которых важное место занимают «развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора, формирование нравственных чувств и нравственного поведения». Комплексный анализ текста Д. Гранина из очерка «О милосердии» позволяет учителю решать не только задачу речевой подготовки обучающихся, но и задачу формирования у них правильного представления о жизни за счет проникновения в смысл высказывания, его подтекст, осознания мотивов, движущих поступками изображаемых героев, выявления отношения автора к описываемым событиям и т. п. Антропоцентрический подход в работе с текстом (в аспекте восприятия текста и его воздействия на читателя) – необходимое условие достижения нового качества образования, главным содержанием которого является формирование личностных результатов обучающихся.

Ключевые слова: личностные результаты обучения, милосердие, духовность, мораль.

WORKING WITH TEXT AS A MEANS OF FORMATION PERSONAL RESULTS

G. I. Kanakina
Professor, Cand. Ped.D., Head of the Department of Russian and Methods of Teaching Russian,
Penza State University,
Penza, Russian Federation
E-mail: kanakina-kafedra@mail.ru

The article provides a method of working with the training text as a means of forming a personal results. The Federal State Education Standard for the Basic General Education of the Russian Federation notes that the Russian language develops personal results, among which the «moral consciousness and competence in moral problems on the basis of personal choice, moral feelings and moral behavior» are important. A comprehensive analysis of the text of D. Granin, from the «Mercy» essay, allows the teacher to address not only the task of language training for learners, but also the task of making them a good idea of life by entering the message, his subtext, awareness of the motives for the depiction of the depictions, the author's relationship to the events described, etc. The text and its impact on the reader is a prerequisite for achieving a new quality of education, the main content of which is the creation of the personal results of the learners.

Keywords: personal results, mercy, spirituality, morality.

Проблема духовно-нравственного воспитания и образования сегодня стоит в нашем обществе как никогда остро. Вряд ли кто сомневается в том, что в результате утраты многих ценностных ориентиров появилась необходимость укреплять духовную основу общества, формировать нравственного человека, ответственного гражданина, патриота России.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС ООО) нового поколения коренным образом изменил парадигму школьного образования в России. На смену знаниевому подходу пришёл системно-деятельностный. На уроках русского языка обучающиеся не просто овладевают знаниями, умениями и навыками, у них формируются предметные компетенции: языковедческая, коммуникативная, культуроведческая. Причём происходит это в процессе активной познавательной деятельности. Кроме предметных результатов, при изучении русского языка формируются личностные результаты, среди которых важное место занимают «развитие морального сознания и компетентности в решении моральных проблем на основе личностного выбора, формирование нравственных чувств и нравственного поведения» [4]. Во ФГОС ООО говорится о выработке у обучающихся личностных универсальных учебных действий, которые предполагают знание моральных норм, умение соотносить поступки и события с принятыми этическими принципами, умение выделить нравственный аспект поведения и ориентацию в социальных ролях и межличностных отношениях. Русский язык, как никакой другой предмет, способствует этому с помощью привлечения для анализа большого количества текстов, не только являющихся образцом безупречного языкового материала, но и имеющих большое воспитательное значение.

Говоря о необходимости воспитания в современных условиях социально-активной личности, мы, прежде всего, имеем в виду формирование нравственных качеств подрастающего поколения, становление духовной культуры молодежи. Определяя понятие духовного, В. И. Даль включал в него «все относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и волю» [2, с. 503].

Работа с текстом на уроках русского языка предполагает антропоцентрический подход к его анализу, что позволяет учителю решать не только задачу речевой подготовки обучающихся, но и задачу формирования у них правильного представления о жизни за счет проникновения в смысл высказывания, его подтекст, осознания мотивов, движущих поступками изображаемых героев, выявления отношения автора к описываемым событиям и т. п. Важно создать такую речевую ситуацию, когда ученики чувствуют себя участниками или свидетелями описываемых событий и им хочется высказать своё отношение к происходящему.

Такая ситуация может быть создана на уроке подготовки к написанию сочинения-рассуждения на темы морали по тексту Д. Гранина из очерка «О милосердии» [1].

В качестве эпиграфа к уроку можно взять слова Ф. И. Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовётся, –
И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать...

Вместе с учащимися определяем значение слов *сочувствие* и *благодать по* «Словарю русского языка» С. И. Ожегова:

«СОЧУВСТВИЕ. Отзывчивое, участливое отношение к переживаниям, несчастью других».

«БЛАГОДАТЬ. 1. Изобилие земных благ, благодатное место (разг.). 2. В религиозных представлениях: ниспосланная свыше сила (устар.) [3, с. 654 ,45].

Выясняем смысл высказывания Ф. И. Тютчева и пытаемся определить, почему данное четверостишие взято в качестве эпиграфа к уроку.

Цель данного урока – подготовиться к сочинению-рассуждению на морально-этические темы, опираясь на жизненный опыт учащихся или на материалы газет, радио, телевидения. Чтобы понять термин *морально-этические темы,* снова обращаемся к «Словарю русского языка»:

«НРАВСТВЕННОСТЬ. Внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. *Высокая нравственность*».

«МОРАЛЬ. Нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность. *Человек высокой морали*».

«ЭТИКА. Совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы. *Врачебная этика*» [3, с. 360, 310, 791].

Как видим, все эти понятия толкуются в словаре С. И. Ожегова друг через друга. И все они характеризуют определенные правила поведения человека в обществе, его личностные качества. Эти правила диктует сама жизнь, нормы человеческого общежития, общественная обстановка и т. д.

Вместе с учащимися устанавливаем совокупность личностных качеств человека, позволяющих считать его поведение нравственным: благородство, великодушие, бескорыстие, милосердие, сочувствие, альтруизм, доброта и др. Говоря о формировании этих качеств у современной молодежи, мы имеем в виду воспитание у неё нравственности, духовности.

Тема данного урока – разговор о милосердии. Определим значение этого слова по словарю: «МИЛОСЕРДИЕ. Готовность помочь кому-н. или простить кого-н. из сострадания, человеколюбия.

Проявить милосердие» [3, с. 302]. Милосердие занимает центральное место среди нравственных ценностей, заслуживающих пристального внимания общества. Прежде чем обратиться к тексту Д. Гранина, вместе с учащимися ищем ответы на вопросы:

– Какие поступки можно назвать милосердными?

– По отношению к кому может проявляться милосердие?

Выясняем, что милосердие проявляется в желании накормить голодного, навестить и утешить больного, защитить слабого, помочь человеку в трудной ситуации. Здесь уместным будет обращение к словам Л. Н. Толстого: «Милосердие начинается дома. Если для проявления милосердия нужно куда-то ехать, то это едва ли милосердие». В жизни мы нередко сталкиваемся с равнодушием, эгоизмом, нежеланием помочь другим людям. Мы не умеем ставить себя на место людей, оказавшихся в трудной ситуации.

Учащимся предлагается прослушать текст из очерка Д. Гранина «О милосердии» и ответить на вопрос: Почему текст так назван? В тексте повествуется о равнодушии по отношению к человеку, попавшему в беду: он «поскользнулся и упал… лицом о поребрик, сломал себе нос, все лицо разбил, рука выскочила в плече. Было это примерно в семь часов вечера. В центре города... на Кировском проспекте...». Несмотря на то что на улице было много народу, никто не подошёл к залитому кровью человеку и не спросил, не нужно ли ему помочь.

После прочтения текста выясняем:

– Можно ли назвать поведение прохожих из очерка Д. Гранина милосердным?

– А каким?

– Почему автор не может назвать причин такого поведения окружающих?

Предлагаем учащимся самим определить причины нравственной глухоты людей. Пытаемся сформулировать главные нравственные правила, которые помогут нам жить так, чтобы милосердие и сочувствие согревало нас:

1. *Любите окружающих, умейте видеть их достоинства и прощать слабости.*

2. *Всегда пытайтесь поставить себя на место человека, оказавшегося в трудной ситуации*.

3. *Не стесняйтесь проявлять сочувствие, сопереживание окружающим*.

4. *Старайтесь прийти на помощь человеку в нужный момент.*

В ходе анализа текста мы подвели учащихся к основной идее их будущего сочинения-рассуждения. Работа над композицией сочинения предполагает выдвижение тезиса (это могут быть слова Ф. И. Тютчева, Л. Н. Толстого или определение понятий *милосердие, сочувствие*). Далее необходимо привести основные аргументы для доказательства данного тезиса. Это может быть изложение главных нравственных правил с иллюстрациями из собственного опыта или рассказ о конкретном случае из жизни и его анализ с позиций этих правил. В заключении сочинения формулируется вывод из рассуждений. Здесь можно попытаться объяснить причины человеческого равнодушия и его последствия.

В качестве домашнего задания учащимся можно предложить написать сочинение-рассуждение на тему «Что такое милосердие».

Таким образом, антропоцентрический подход в работе с текстом (в аспекте восприятия текста и его воздействия на читателя) – необходимое условие достижения нового качества образования, главным содержанием которого является формирование личностных результатов обучающихся.

Предлагая один из вариантов работы с текстом при написании сочинения-рассуждения, понимаем, что личностные качества не воспитываются на отдельных уроках и мероприятиях, с помощью эпизодических бесед и чтения специально подобранных текстов. Но путь к духовности, к осмыслению моральных норм и идеалов, а от них к нравственному поведению и поступкам начинается со слова. И об этом мы всегда должны помнить.

Литература

1. Гранин, Д. О милосердии / Д. Гранин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: naex-amen.ru›…o_miloserdii…miloserdii_granin.shtml. – Дата доступа: 17.03.2019.

2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. В 4 т. Т.1. – М, 1994.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1986.

4. ФГОС ООО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minobr.orb.ru/obobraz/fgos.php. – Дата доступа: 17.03.2019.

References

1. Granin, D. O miloserdii. Retrieved 17.03.2019 from: www.naexamen.ru›…o_miloserdii…miloserdii_granin.shtml. (In Russ)

2. Dal', V. I. (1994). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. [*Explanatory dictionary of the living great Russian language*]. In 4 v. V.1. Moscow. (In Russ)

3. Ozhegov, S. I. (1986). *Slovar' russkogo jazyka*. [*Dictionary of the Russian language*]. Moscow. (In Russ)

4. FGOS OOO [Jelektronnyj resurs]. Retrieved 17.03.2019 from: http://www.minobr.orb.ru/obobraz/fgos.php. (In Russ).

УДК 81’371.39

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ РКИ

Е.В. Кожемяченко,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики
Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail:Lena_03_07@mail.ru

В статье говорится о тексте, как средстве обучения иностранных студентов русскому языку, позволяющему сформировать определенную систему знаний о языке, и особенностях его функционирования. Использование системы заданий дает возможность расширить границы текста как учебной единицы. Делается вывод о том, что комплексная и целенаправленная работа над текстом способствует формированию у студентов не только художественного восприятия, доставляющего эстетическое наслаждение, но и формирует у них языковую и речевую компетенции, активизирует словарный запас, знакомит их с историей, культурой и традициями народов мира.

Ключевые слова: текст, компетенция, обучение иностранных студентов, система упражнений, методика преподавания языка.

EDUCATIONAL TEXT AS A UNIT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E.V. Kozhemiachenko,
associate Professor, Cand. Phil. D., associate Professor of the Department of Philology,
Belarusian Pedagogical University named after M. Tank,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: Lena_03_07@mail.ru

The article deals with the text as a means of training of foreign students in the Russian language, which allows to form a certain system of knowledge about the language and the features of its functioning. The use of the tasks system makes it possible to expand the boundaries of the text as a training unit. It is concluded that the complex and purposeful work on the texts promotes student creation not only artistic perception, giving aesthetic pleasure, but also forms their language and speech competence, activates the vocabulary, acquaints with history, culture and traditions of the peoples of the world.

Keywords: text, competence, training of foreign students, the system of exercises, methods of teaching the language.

Современный профессионально-ориентированный подход к обучению русскому языку предполагает формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов для решения социально-коммуникативных задач, прежде всего, в профессиональной сфере общения, а также для дальнейшего самообразования. Реализация компетентностного подхода в обучении предполагает изменение всего образовательного процесса, в котором знания будут подчиняться умению и практической потребности. Основным средством, позволяющим решать задачи обучающего характера, является текст, который одновременно выступает как образец функционирования речевых формул, грамматических конструкций и как источник, выполняющий познавательную функцию. Иными словами, текст – универсальная учебная единица, которая «обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении» [1, с. 584]. Работа с учебным текстом на занятиях РКИ подчинена главной цели – приобретению студентами коммуникативной компетенции. Чтобы избежать языковой и культурологической трудности материала среди иностранных студентов, необходимо методически грамотно подбирать тексты, использовать специальную систему заданий, позволяющую снять лексико-грамматические и смысловые трудности, которые возникают у иностранных студентов при работе с новым материалом. Тексты, являясь источником обучения и формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетенции, должны быть актуальны, функциональны, тематически и лингвокультурологически разнообразны, а также коммуникативно направлены, способствовать формированию и развитию таких коммуникативных умений, как умение раскрыть степень понимания текста, обосновать свою точку зрения, обмену с собеседником полученной информацией, вызывать у студентов стремления активно участвовать в обсуждении актуальной проблемы.

Объектом обучения являются типологические особенности и смысловая структура учебного текста, знание которого, с одной стороны, облегчает иностранному студенту поиск, восприятие и анализ учебной информации, с другой, помогает создавать собственные речевые произведения, помогающие в процессе коммуникации. В конкретные задачи преподавателя входит формирование у студентов комплекса речевых умений в основных

видах коммуникативной деятельности: чтении, аудировании, говорении и письме, необходимых для свободного понимания лекционных курсов, информации, содержащейся в различных типах устных выступлений и научных беседах; свободного чтения учебной и научной литературы соответствующей отрасли знаний на русском языке; устного общения в монологической и диалогической форме по специальности; свободного пользования этикетными формами повседневного, официально-делового и научного общения. Необходимо сформировать у иностранных студентов умение вербально реализовывать основные типы речевых интенций в социально-культурной, официально-деловой, профессиональной и повседневной сферах общения в неограниченном круге коммуникативных ситуаций и тем общения;

В качестве образца предлагается учебный текст «Знакомая с детства открытка», используемый для обучения иностранных студентов разным видам деятельности: чтению, говорению, аудированию и письму.

Предтекстовые упражнения призваны на поиск и запоминание конкретной информации, на развитие механизмов осмысления и творческой переработки сообщения.

Послетекстовые задания позволяют определить, насколько иностранные студенты способны воспроизвести хронологию событий, установить соответствие между описанными фактами и явлениями действительности, структурировать прочитанную информацию и изложить ее на уровне связного текста.

Задание 1. Найдите значения незнакомых слов в словаре и составьте с ними предложения, расставьте ударения.

филокартия открытка зародилась почтовые открытки коллекционеры-филокартисты документальные прототип гравер почта / почтовые открытки конверт марка виньетка аристократы памятник энциклопедия репродукция	оригинальный отправление отправитель адресат выпускать переслать изображать стоить дорого иллюстрация коллекция мода письма карточки адрес сюрприз / подарок
национальные типы оттиск герба бумажный носитель частное изготовление	

Задание 2. От данных существительных образуйте прилагательные.

Почта – …, карточка – …, художник – …, радость – …, бумага – …, богатый – …, хлеб – …, серия – …, история – … .

Задание 3. Образуйте превосходную степень сравнения от следующих прилагательных.

*Образец: п*риятный – приятнейший.

Богатый – …, интересный – …, уникальный – …, удивительный – …, оригинальный – …, крупный – … .

Задание 4. К данным словам подберите однокоренные.

Образец: вода – водный – подводный.

Напечатанная, цветные, изображались, работать, отправитель.

Задание 5. От наречий образуйте имена прилагательные.

Быстро, интересно, удивительно, дорого, полезно, долго.

Задание 6. Подберите антонимы к словам.

*Образец: х*олодно – жарко.

Богатый, радость, любить, дешевый, полезный. работать.

Задание 7. Употребите слова из скобок в нужном падеже. Если нужно, используйте предлоги.

Коллекции полезны … (историки, журналисты, писатели, художники); его коробки…(в(с) открытки); пересылали…(на(по) почте); один из самых известных…(филокартист); выпустил первую … (серия поздравительная открытка); получение открытки является … (сюрприз и подарок); мода вкладывать … (карточка в(на)конверт).

Задание 8. От глаголов образуйте существительные.

Образец: знать – знание.

Стоить, пересылать, выпустить, работать, восхищаться, собрать, использовать, изобразить.

Задание 9. Замените пассивные конструкции активными.

1. В конце XIX века начался массовый выпуск открыток. 2. Со временем такие карточки стали появляться во всех европейских странах. 3. На карточках писался поздравительный текст. 4. На открытках изображались различные виды памятников.

Задание 10. Трансформируйте деепричастный и причастный обороты в простые или сложные предложения.

1. Рассматривая удивительные свидетельства истории, невозможно оторваться от них. 2. Французский гравер Пьер Филипп Шофар создал индивидуальные пригласительные карточки, украшенные виньетками. 3. Начался массовый выпуск открыток, получивших международное распространение как самый дешёвый вид почтового отправления.

Задание 11. Составьте предложения, не изменяя порядка слов.

1. Коллекции, открытки, полезный, историки, журналисты, художники, писатели.

2. Возникнуть, мода, вкладывать, карточки, в конверт, к, праздник.

3. На, карточки, писать, поздравительный, текст.

Задание 12. Замените конструкцию со словом *который* **причастным оборотом.**

1. В 1770-е годы возникли первые гравированные карточки, которые открытыми пересылали по почте. 2. В 1869 году в Австрии была выпущена первая в мире открытка с напечатанной на ней маркой, которую нужно было пересылать без конверта.

Задание 13. Прочитайте текст. Какое другое название можно было бы дать этому тексту?

ЗНАКОМАЯ С ДЕТСТВА ОТКРЫТКА

Филокартия (от латинского «карта», что значит «бумага», «лист» и «фило»,«филео» – любить) зародилась в конце XIX века, когда начался массовый выпуск открыток, получивших международное распространение как самый дешёвый вид почтового отправления. Коллекции открыток полезны историкам, журналистам, художникам, писателям. Если бы мы увидели коллекцию дореволюционных открыток с видами Москвы или Петербурга, открытки документальные, то не смогли бы от них оторваться, рассматривая удивительные свидетельства истории.

Коллекционеров-филокартистов в мире десятки тысяч. Один из самых известных филокартистов Н.С.Тагрин, в его коллекции свыше 700 000 почтовых карточек! Это не предел. Более полутора миллионов открыток собрал А. Коченде из бывшей Чехословакии. Его коробки с открытками, разложенными по темам, весят более семи тонн!

Прототип первых открыток появился в XVIII веке. Французский гравер Пьер Филипп Шофар создал индивидуальные пригласительные карточки, украшенные виньетками. В 1770-е годы возникли первые гравированные карточки, которые открытыми пересылали по почте. Вскоре и в России появились карточки с гравированным рисунком.

Существуют разные взгляды на появление почтовых открыток. В 1795 году английский художник Добсон выпустил первую серию поздравительных карточек к Рождеству. Со временем такие карточки стали появляться во всех европейских странах, откуда они завозились и в Россию. На карточках писался поздравительный текст. Возникла мода вкладывать такую карточку в конверт к праздникам. Поздравительные карточки поначалу стоили дорого, ими могли пользоваться лишь богатые люди и аристократы. Затем поздравительная открытка стала самой распространенной и приобретаемой.

В 1869 году в Австрии была выпущена первая в мире открытка с напечатанной на ней маркой, которую нужно было пересылать без конверта. В России первые открытые письма появились в 1871 году, а с 1 мая 1872 года используют небольшие карточки, на лицевой стороне которых был оттиск герба и марки, на этой же стороне писался адрес, а на обороте было место для письменного сообщения. Открытки «частного изготовления» были цветными и появились в России в 1894 году, на них изображались различные виды памятников. Иллюстрированные открытки регулярно стали выпускать в России в 1898 году. Над ними работали лучшие художники того времени. Открытки стали, своего рода энциклопедией, где можно было увидеть репродукции с работ великих мастеров, планы и виды городов, национальные типы, виды костюмов, праздники.

В наши дни для многих получение поздравительной открытки является сюрпризом и оригинальным подарком. Получатель надолго запомнит поздравление и сохранит его на долгие годы. Это не безликое SMS-сообщение, которое забудется и сотрется. Почтовые открытки вызывают восторг и радость у адресатов. Получив поздравление на бумажном носителе, обязательно происходит обратный контакт с отправителем поздравительного письма.

Задание 14. Письменно ответьте на вопросы к тексту.

1. Что такое филокартия?
2. Кому полезны коллекции открыток? Назовите известных коллекционеров?
3. Когда появился прототип открыток. Кто его создал?
4. Как появились почтовые открытки?
5. Когда появились открытки в России?
6. О чем мы можем узнать из словаря В.И. Даля?
7. Какова роль открытки в наши дни?

Задание 15. Прочитайте текст еще раз, разделите его на части, дайте название каждой части, выпишите ключевые слова. Перескажите текст по плану.

Задание 16. Пословицы и поговорки можно встретить на старинных открытках. Как вы понимаете их значение?

Своя ноша не тянет.

Не красен обед пирогами, а красен едоками.

Волков бояться – в лес не ходить.

Задание 17. Расскажите об открытках своей страны.

Дарят ли открытки в вашей стране и на какие праздники?

Какие открытки предпочитают жители вашей страны?

Что на них изображается?

Задание 18. Согласны ли вы с данным высказыванием? Постройте рассуждение.

Люди покупают открытки не потому, что они хотят сказать, что они чувствуют. Люди покупают открытки, потому что они не могут сказать, что они чувствуют.

Таким образом, текст, являясь уникальным средством обучения, позволяет сформировать у иностранных студентов систему знаний о языке и особенностях его функционирования. Использование системы знаний дает возможность расширить границы текста как многофункциональной учебной единицы. Комплексная и целенаправленная работа над текстами способствует формированию у студентов не только художественного восприятия, доставляющего эстетическое наслаждение, но и формирует у них языковую и речевую компетенции, активизирует словарный запас, знакомит их с историей, культурой и традициями народов мира. Учебный текст является многофункциональной языковой единицей при обучении РКИ. В зависимости от целей и поставленных задач один и тот же текст может использоваться и как грамматически-ориентированный учебный материал, и стать основой для активизации речевых умений и навыков в иностранной аудитории.

Литература

1. Борохов, Э. Энциклопедия афоризмов. Жемчужины мысли / Э. Борохов. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 686 с.

References

1. Borokhov E. (2003). Encyclopedia of aphorisms. Pearls of thought. Moskow: LLC “Publishing House AST”. (In Russ).

УДК 373.5.016 : 811.161.1’36(043.3)

ОСВОЕНИЕ УЧАЩИМИСЯ VI КЛАССОВ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ МОРФЕМИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т.П. Лихач

старший преподаватель кафедры иностранных языков и МПИЯ
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: antarub@mail.ru

В статье анализируются основные причины ошибок в семантизации, структурном членении, формо- и словообразовании, правописании и употреблении русских слов; предлагаются способы их преодоления на основе изучения уровня сформированности языковых и речевых умений, связанных с морфемикой, формо- и словообразованием, у учащихся VI классов.

Ключевые слова: морфемика, формо-/словообразование, семантизация, морфемный анализ, языковая норма, орфограмма-буква, речепроизводство.

MASTERING MORPHEMICS AND WORD FORMATION BY PUPILS IN GRADE VI: LEARNINGDIFFICULTIES AND METHODS OF THEIR OVERCOMING

T.P. Likhach,

Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages and Foreign Language Teaching Methods of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: antarub@mail.ru

The article analyzes the main causes of errors in semantization, structural division, form and word formation, spelling and use of Russian words; the ways of overcoming these errors are proposed on the basis of studying the level of formation of language and speech skills associated with morphemic, form-building and word-formation in VI grade students.

Key words: morphemic, form-building / word formation, semantization, morphemic analysis, language norm, orphogram-letter, speech production.

Введение

Словообразование как уровень языковой системы имеет большойпотенциал когнитивного, коммуникативного и лингвокультурологического развития учащихся. Именно словообразование дает возможность осознать внутренние языковые механизмы и связи, смысловые отношения языковых единиц, приближающие к овладению разными сторонами речи: произносительной, орфографической, лексической, грамматической.К сожалению, в отечественной методической практикепреобладает структурно-описательный подходк обучению морфемике и словообразованию в VIклассе, что не позволяетраскрыть текстообразующую рольморфемно-деривационных ресурсов русского языка, показать ихв аспекте речевого функционирования, на этой основе обеспечить речевое развитие учащихся.

Цели и задачи

В данной статье ставится цельпроанализировать и описать основные причины ошибокв семантизации, структурном членении, формо- и словообразовании, правописании и употреблении слов в речина основе изучения уровня сформированности у учащихся VI классов языковых и речевых умений, связанных с морфемикой, формо- и словообразованием; предложить способы преодоления данных ошибок в рамках реализации разработанной нами экспериментальной методики обучения морфемике, формо- и словообразованию русского языка во взаимосвязи с речевым развитием учащихся VI–VIIклассов. Методика направлена на формирование языковой, речевой, коммуникативной и лингвокультурологической компетенций учащихсяна основе реализации внутрипредметных связей раздела «Состав слова. Образование слов» с другими разделами учебного предмета «Русский язык» («Фонетика», «Лексика», «Морфология», «Орфография»; «Текст», «Стили речи», «Жанры речи», «Культура речи»).

Методы и материал исследования

С 2015/2016 по 2016/2017 уч. гг. с целью апробации созданной нами методики проводился обучающий эксперимент. В нем приняло участие 227 учащихся десяти государственных учреждений образования Республики Беларусь: г. Могилева, г. Бреста, г. Мозыря, г. Червеня, г. Калинковичи (количество учащихся контрольной группы – 230). Экспериментальное обучение осуществляли не только мы, но и учителярусисты, используя наши авторские учебно-методические пособия [1; 2].

На констатирующем этапе учащимся VIклассов предлагалисьписьменные задания, с помощью которых устанавливалсяуровень сформированности у них языковых и речевых умений, требующих опоры на морфемно-словообразовательный механизм. Диагностировались: умениясемантизации лексем с опорой на их словообразовательную и морфемную структуры в синхронии и диахронии; умения морфемного анализа слов с опорой на языковые значения морфем; умения нормативного формо-/ словообразования и употребления лексем;уменияправописания проверяемых буквенных орфограмм в пределах разных морфем; умения составления речевых высказываний на основе актуализации языковых значений одноимённых морфем (лексического, словообразовательного и грамматического).

По завершении эксперимента был проведен контрольный срез. Для обработки результатов констатирующего и контрольного срезов и установления статистически значимых различий показателей в экспериментальной и контрольной группах (ЭГ и КГ) применялся критерий однородности χ^2. Использование данного статистического критерия стало возможным благодаря соблюдению следующих условий: обе выборки случайные и независимые; изучаемые свойства измерены в порядковой шкале; число градаций $L = 4$ (члены выборок распределены в порядковой шкале по четырем уровням: *низкий* – 1, *средний* – 2, *достаточный* – 3 и *высокий* – 4) [3].

Результаты и их обсуждение

Констатирующий срез позволил установить недостаточный уровень развития у обучающихся умений семантизации, морфемного членения, нормативного формо- и словообразования, правописания и употребления слов в речи в соответствии с поставленной коммуникативной задачей.

Объяснить реализованные в текстах лексические значения существительных (*сушняк* и *сторожка*), используя в качестве семантических определителей два и более однокоренных слов либо их форм объяснили лишь 9,69% учащихся ЭГ и 10,43% учащихся КГ: *сушняк – «**сух**ие ветки деревьев, сучки, опавшие листья*; *то, что пере**суш**ено, за**суш**ено»*. В основном способы толкования включали одно родственное слово, что соответствует достаточному уровню: *сушняк – «то, что за**сох**ло»*; *сторожка – «помещение для **сторож**а»*. Установить смысловые связи используемых в тексте этимонимов (*рожь* и *рожденный*)и определить общий для них исторический корень смогли лишь 3,04 % учащихся КГ и 6,17% учащихся ЭГ. Хотя контекст актуализировал искомое значение слова, учащиеся затруднялись привести ассоциативный ряд.Около 30% учащихся обеих групп отрицали наличие связи между словами: «*рожь* – это растение, а *рожденным* может быть только человек или

животное», что говорит о неспособности мыслить образами. Зачастую опрашиваемые ограничивались констатацией факта: «Слова *рожь* и *рожденный* не связаны по смыслу».

Высоко оценены такие способы словотолкования производных лексем, с помощью которых раскрываются значения производящей части и словообразовательного средства (дериватора): *котенок* – «детеныш кота», а не «маленькое животное». Достаточному уровню соответствовали перифразы, построенные с опорой на словообразовательный анализ, но с некоторыми неточностями: *котенок* – «маленький кот» вместо «детеныш кота» (25,22% в КГ и 23,79 в ЭГ). Ряд учащихся использовал перифразы с ближайшим по семантике, но не по форме словом, а также лексические синонимы, например: *мужественный* – «тот, кто не боится», «сильный / бесстрашный». Перифразы без опоры на производящее слово типа *котенок* – «животное», «домашнее животное»; «маленькое животное»; «живое существо»; «тот, кто мяукает» встречались с наибольшей частотностью (46,09% в КГ и 47,58% в ЭГ). Низкую оценку получили работы тех учащихся, которые ограничились переводом, не определили лексические значения слов либо истолковали их неверно (20,43% в КГ и 22,46 % в ЭГ).

Таким образом, учащиеся не всегда способны увидеть производное слово в проекции его генетических связей, определить признаки, положенные в основу номинации предмета.Отсутствие коммуникативной практики употребления и декодирования производных слов ведет к непониманию учащимися не столько объективной языковой мотивированности, сколько субъективной мотивированности текста, а значит, повышает вероятность коммуникативных неудач.

В работах опрошенных мы обнаружили достаточно много случаев асемантичного членения производных слов на морфемы (66,09% в КГ и 70,49% в ЭГ – низкий уровень). Например:*круп-**ин-к**(а), вест-**оч-к**(а), год-**ич-н**(ый), тип-**ич-н**(ый), **обмен**-н(ый), **крупин**-к(а)*. Основная причина данных ошибок кроется в неумении учащихся установить отношения производности между словами – отсюда дробление дериватора либо «наращивание» корня за счет частей словообразовательных морфем. Выявлены также случаи дробления корня: ***верев-оч**-к(а)* (30,6%);***лестн**-ичн(ый)* (29,2%) */**лестн**-ич-н(ый)* / ***лест**-ничн(ый)* (26,5%); ***смород**-ин-к(а)* (22,4%) /***смород**-инк(а)* (29,2%). Существительное *смородина* является производным от др.-русск. *смородъ* (ср. с белорусским *смурод*); в то же время это слово отождествляется с созвучными *икр**инка**, пыл**инка***. Отсюда – *смород-инк-а*.

Таким образом, у подавляющего большинства учащихся КГ и ЭГ не сформированы умения выполнять морфемный разбор производных слов на системно-языковых основаниях (на основе формо-, словообразовательного и семантического анализа).

Нормативное образование слов самостоятельных частей речи и их форм проверялось с помощью задания на перевод. Для перевода предлагались белорусские слова, модели образования которых контаминируют с моделями образования их русских аналогов.

В обеих выборках обнаружено достаточно много словообразовательных ошибок, вызванных влиянием деривационной структуры белорусского слова (69,13% в КГ и 62,55% в ЭГ). Лишь 3,04% учащихся КГ и 7,93% учащихся ЭГ смогли разграничить словообразовательные модели русского и белорусского языков. Отмечен неправильный выбор суффикса при переводе таких слов, как *заснавал**ьнік**(основ**альник**, основ**ник**)*; *лічыльнік*(*считал**ьник**, счита**тель**, считал**ьщик***) и др. Словообразовательные ошибки обнаружены и в сочинениях учащихся: *добродушн**ость*** вместо *добродуш**[ij]**е, изобильн**ость*** вместо *изобил**[ij]**е, обмолв**е[нij]**е* вместо *обмолв**к**а, энерги**тельн**ый* вместо *энерг**ичн**ый, небольшое по вместитель**ств**у* вместо *вместительн**ости*** и др. Имеются ошибки в формообразовании:*«делает жизнь ярче и блестящ**ей**», «бле**ща**, словно звездочки.*

Основными причинами ошибок словоупотребления являются: недостаточно развитый словарный запас учащихся: «какая же наша земля *плодотворная*» вместо *плодовитая*, непонимание семантики ряда аффиксов: *впечатл**ительн**ые воспоминания* вместо *впечатля**ющ**ие*; *«не зря было **у**ложено столько трудов»* вместо ***по**ложено*; отсутствие представлений о сочетаемостных особенностях производящих основ с аффиксами. Участники среза не всегда ориентировались на индикаторы категории одушевленности / неодушевленности; допускали ошибки в управлении: *произошло **с**немецкого языка* (*пришло **из** / произошло **от***).

Нами зафиксировано достаточно много ошибок в написании проверяемых орфограмм-букв в составе корней (31,74% в КГ и 33,48% в ЭГ – низкий уровень), словообразовательных морфем (73,91% в КГ и 70,93% в ЭГ– низкий уровень), формообразовательных морфем (47,39% в КГ и 51,98% в ЭГ – низкий уровень). Учащиеся определяли орфограммы в легко узнаваемых морфемах. Но, даже точно определив местоположение орфограммы, они допускали орфографические ошибки: *п**а**-смотришь, д**а**-бавил, при-н**о**д-лежит*;*актер**ав**, малад**ова***, (стать) *инженер**ам***. Приемы подбора одноструктурных слов и словоформ с одинаковыми по грамматическому значению и форме морфемами, содержащими проверяемую орфограмму в сильной позиции, учащимся, однако, неизвестны.

Лишь незначительное количество опрошенных использовало морфемно-деривационные ресурсы при написании сочинений (11,74% в КГ и 8,37% в ЭГ – высокий уровень). Как правило,

учащиеся предпочитали нейтральные разнокоренные слова. Наличествует достаточно много примеров неоправданного лексического повтора(*«Однажды я* ***сидел*** *возле человека, который* ***сидел*** *и курил»*), употребления тавтологических сочетаний (*«****случился*** *интересный* ***случай****»* вместо произошел, *«****обозначает значение****»* вместо *выражает*), составления высказываний, плохо развивающих тему и незаконченных в структурно-смысловом плане (40,43% в КГ и 43,17% в ЭГ – низкий уровень).

Учащиеся в целом понимают обобщенное значение рядаслов, относящихся к одному и тому же словообразовательному типу, например: ***по****стук****ива****ть,****по****малк****ива****ть*. Вполне очевидным является и то, что они способны использовать слова-определенной структуры при описании временных характеристик действия: динамичности – статичности, линейности – цикличности, направленности – разнонаправленности, непрерывности – прерывности. Однако далеко не все учащиеся владеют приемами корректного введения одноструктурных слов в речь с целью смыслового или эмоционального подчеркивания. Например: *«Регулярно я утром чищу зубы,* ***посматриваю*** *телевизор. Четыре раза в неделю я* ***похаживаю*** *в музыкальную школу. Там я* ***поигрываю*** *на фортепиано, пою на хоре. Когда я прихожу с музыкальной школы, то до школы я* ***поигрываю*** *со своим домашним животным»*.

Актуализация грамматических признаков текста продемонстрирована лишь отдельными учащимися (10% в КГ и 7,49% в ЭГ – высокий уровень). Большинство участников срезаправильно определили ключ персональности составляемого текста: передали содержание речи от 1-го, 2-го или 3-го лица. Однако самым распространенным стало смешение видо-временных форм («временной разнобой»). Например: *«Рожь выраста****ет*** *и стала золотистой»*; *«Потом когда эту рожь* ***со****бер****ут*** *ее* ***по****вез****ут*** *на мельницу перемал****ывают*** *в муку, а потом выпек****ают*** *разные кондитерские изделия»*(41,3% в КГ и 40,09% в ЭГ – низкий уровень).

Выводы

Таким образом, анализ результатов констатирующего среза позволил выявить не только наиболее распространенные ошибки / недочеты в способах действий обучающихся в VIклассе при семантизации, морфемном членении, образовании, правописании и употреблении слов в соответствии с параметрами речевой коммуникации, но и внутренние причины ошибок, – то, что затрудняет, особенно в условиях близкородственного двуязычия, овладение языковыми единицами и нормативным речепроизводством.

Ошибки и недочеты при выполнении указанных действий объясняются комплексом причин:

– недостаточной сформированностью лексикона учащихся;

– контаминацией в языковом сознании учащихся созвучных слов;

– недостаточной сформированностью словаря морфем и репрезентирующих их морфов, представлений о морфеме как единстве содержания, формы и функции;

– отсутствием знаний о комбинаторике морфем в структурепроизводных слов и нормах лексической сочетаемости;

– интерференцией (в том числе белорусско-русской); несформированностью умения проверки фонемных написаний на основе морфемного членения слова;

– недостаточным развитием грамматического мышления, отсутствием представлений о морфемно-деривационных средствах связности текста.

Способами преодоления данных ошибок являются:

– работа над обогащением словаря учащихся в системе обучения семантизации и членению производных слов в тексте;

– организация сознательного (с опорой на морфемно-деривационный механизм) усвоения языковых норм русского языка в сопоставлении с нормами белорусского языка;

– ознакомление учащихся со способами проверки орфограмм-букв в пределах разных морфем и систематичная тренировка фонемных написаний [4];

– работа над построением текста с использованием стилистических ресурсов морфемики, морфологии и словообразования.

Литература

1. Лихач, Т. П. Изучение морфемики и словообразования в школьном курсе русского языка (VI–XI классы) : учеб.-метод. пособие / Т. П. Лихач. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2007. – 136 с.

2. Лихач, Т. П. Состав слова. Словообразование : пособие для учителей учреждений общ.сред. образования с белорус. и рус. языками обучения / Т. П. Лихач. – Мозырь : Белый Ветер, 2014. – 154 с.

3. Новиков, Д. А. Статистические методы в педагогических исследованиях: (типовые случаи) / Д. А. Новиков. – М.: МЗ-Пресс, 2004. – 65 с. – (Сер. «Стат. методы»).

4. Боженко, Л. Н. Орфографические принципы в современном русском и белорусском языках :моногр. / Л. Н. Боженко; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Мозыр. гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина». – Мозырь: МГПУ им. И. П. Шамякина, 2012. – 157 с.

References

1. Likhach, T. P. (2007). *Izucheniemorfemiki i slovoobrazovanija v shkol'nomkurserusskogojazyka (VI–XI klassy) :ucheb.-metod.* [*The study of morphemics and word formation in the school course of the Russian language (VI–XI classes)*]. Mozyr': MGPU im. I. P. Shamjakina. (In Russ.).

2. Likhach, T. P. (2014). *Sostav slova. Slovoobrazovanie: posobiedljauchitelejuchrezhdenijobshh. sred. obrazovanija s belorus. irus.jazykamiobuchenija*. [*The composition of the word. Word formation : a manual for teachers*]. Mozyr': BelyjVeter, 2014. (In Russ.).
3. Novikov, D. A. (2004). *Statisticheskiemetody v pedagogicheskihissledovanijah: (tipovyesluchai)*. [*Statistical methods in pedagogical research (types of cases)*]. M.: MZ-Press. (In Russ.).
4. Bozhenko, L. N. (2012). *Orfograficheskie principy v sovremennomrusskom i belorusskomjazykah: monogr*. [*Spelling principles in modern Russian and Belarusian language*]. Mozyr': MGPU im. I. P. Shamjakina. (In Russ.).

УДК 811.161.1'243(072)(06)

РОЛЬ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Насирага Шахмурад оглу Мамедов,
доктор наук по филологии, профессор кафедры современного русского языка
Бакинского славянского университета,
Баку, Азербайджан
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

В статье изучается роль учебно-речевых ситуаций как способа развития речи студентов на занятиях как иностранного. Здесь могут быть разные темы, отражающие объективную действительность. Выделяются три этапа работы по учебно-речевым ситуациям: 1) подготовительно-речевой этап, на котором используются развернутые и конкретные ситуации, управляемые преподавателем; 2) этап автоматизации речевых навыков, на котором большую роль играют свернутые и видоизменяющиеся ситуации. Преподаватель направляет развитие ситуации; 3) этап истинно речевого общения; здесь ставятся дискуссионные проблемы, вырабатывается умение пользоваться неподготовленной речью. В работе по учебно-речевым ситуациям особую роль должны играть специально отобранные лексико-грамматические «строительные блоки», стандартно закрепленные в речи для выражения определенного рода отношений.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, потребность в общении, развития речи, ситуация, этапы работы, исходная информация, речевые вопросы, диалог.

Nasiraga Shahmurad oglu Mamedov
Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language,
Baku Slavic University
Baku, Azerbaijan
e-mail: nurlan.feyziyev.87@mail.ru

THE ROLE OF TRAINING/SPEAKING SITUATIONS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article examines the role of training/speaking situations as a way to develop students' speech in foreign language. There can be different themes reflecting objective reality. There are three stages of work on training/speaking situations: 1) the preparing-speech phase, in which deployed and specific situations are managed by the teacher; 2) the automation of speech skills, in which a large role is played by iconified and evolving situations. The teacher guides the evolution of the situation; 3) the stage of true speech communication; this is where contentious issues are raised, the ability to use unprepared speech is being developed. Specially selected lexical and grammatical "building blocks", which are fixed in speech to express a specific type of relations, should play an important role in the work on training/speaking situations.

Key words: Russian as a foreign language, need for communication, speech development, situation, stages of work, basic information, speech questions, dialogue.

Известно, что при изучении русского языка как иностранного для студентов большое значение имеет реальный стимул общения на этом языке. Однако «сами реальные условия для общения возникают обычно при определенных конкретных потребностях что-то сказать, о чем-то спросить или ответить на вопрос. Следовательно, на занятиях студенты должны быть заинтересованы в речевой информации и должны быть вынуждены реагировать на нее» [1, с. 29]. Это обстоятельство следует учитывать в учебном процессе, специально организуя условия для общения студентов-азербайджанцев друг с другом.

Создать на занятиях учебно-речевые ситуации, которые вызывали бы интерес у студентов и побуждали бы их к активной речевой деятельности на русском языке, не так легко. При этом преподавателю предстоит решить ряд общих вопросов, в частности, следующие: 1. Что следует понимать под ситуацией в учебном процессе? 2. Како-

вы в целом условия, при которых использование ситуаций дает максимальный эффект в обучении русскому языку как иностранному?

Под учебно-речевой ситуацией мы понимаем «такие специально установленные условия и отношения, которые в целях коммуникации вынуждают студентов и позволяют им реализовать нужный речевой материал в его фонетически и грамматически правильном выражении» [2, с. 52].

Работы по ситуациям требует тщательного их выбора с учетом конкретных потребностей студентов в общении с окружающими [3; 4]. Для преподавателя, пожалуй, не составит большого труда установить перечень тем, соответствующих кругу бытовых ситуаций. В большинстве случаев это ставшие уже традиционными темы: *В столовой, В парикмахерской, На почте, У врача, В театральной кассе* и т. п.

Объем содержания разных ситуаций должен быть, конечно, различным. Ситуации могут быть развернутыми, или полными, и свернутыми. В развернутой ситуации задание преподавателя может даваться, например, в таком виде.

Исходная информация: *Вы случайно на вокзале встретили своего товарища. Вы удивлены этим. О чем вы его спросите? Что вы ему скажете?* Студентам должны быть знакомы возможные формы вопросов: *Как ты здесь оказался (очутился)? Почему ты здесь?* Требуемые ответы заранее оговариваются, они должны содержать глаголы несовершенного вида в прошедшем времени, например: *Я встречал здесь брата (провожал сестру), искал одного знакомого, узнавал расписание поездов, покупал билет, заказывал билет* и т. п.

Эти же варианты ответов студент должен быть вынужден употребить в свернутой ситуации, когда преподаватель в качестве исходной информации задает только вопрос *Как вы оказались на вокзале?* Ситуация «На занятии» может быть также представлена во всей полноте речевого выражения, например, преподавателем дается исходная информация: *Вы первым вошли в аудиторию. В аудитории душно, чувствуется, что окно не открывали. Что вы ему скажете?* Эта же ситуация может быть предельно свернута и дана лишь в виде сигнала студенту: *В аудитории нет мела, что делать?*

Можно еще отметить и такие учебно-речевые ситуации, в которые после исходной информации преподаватель (в ходе раскрытия ситуации студентом) вносит дополнительные изменения. Например, исходная информация: *Вы в библиотеке, хотите посмотреть, что есть нового в журналах и газетах, хотите узнать о новых книгах. Как вы скажете об этом библиотекарю?* После ответа студента преподаватель дает ему дополнительное указание: *Вам говорят, что свежие газеты и новые журналы на дом не выдаются, их можно посмотреть только в читальном зале. Как вы будете реагировать на это?* Таким образом, в этом случае от студента требуется быстрая речевая реакция на видоизмененную ситуацию.

В зависимости от этапа работы целесообразно выделить: 1) подготовительно-речевой этап, на котором используются развернутые и конкретные ситуации, управляемые преподавателем. 2) этап автоматизации речевых навыков, на котором большую роль играют свернутые и видоизменяющиеся ситуации. Преподаватель направляет развитие ситуации. 3) этап истинно речевого общения; здесь ставятся дискуссионные проблемы, вырабатывается умение пользоваться неподготовленной речью [5].

Приведем один из примеров работы по ситуациям на разных этапах обучения.

1. Подготовительно-речевой этап. Ситуация: «Студент в деканате». Цель: закрепляется и отрабатывается усвоенный ранее речевой материал, ведется работа над синонимами. Условия реализации ситуации: а) партнером является преподаватель, управляющий развитием ситуации; б) преподаватель дает исходную информацию: «Студент должен узнать в деканате расписание консультаций экзаменов»; в) студенты располагают нужным речевым материалом и в состоянии разграничивать структуры: *в деканате – у декана; зашел узнать, зашел справиться – навести справку; когда у нас экзамен по литературе – когда можно сдать экзамен – когда профессор принимает экзамен; когда профессор дает консультации – когда у профессора консультации – когда можно получить консультацию у профессора…* В достаточно подготовленной группе преподаватель может в ходе раскрытия ситуации задавать вопросы: *А как можно сказать по-другому? А что вы скажете, если…* и т. п.

2. Этап автоматизации речевых навыков. Ситуация может быть та же: «Студент в деканате». Цель: тренируется понимание со слуха, отрабатывается темп речи, быстрота речевой реакции, автоматизируется ранее усвоенный лексико-грамматический материал. Условия реализации ситуации: а) партнером является преподаватель или один из членов группы; развитие ситуации направляется преподавателем; б) преподаватель дает исходную информацию и вместе с тем в ходе раскрытия ситуации сообщает ряд импульсов, меняющих ее, например: *Вы зашли в деканат узнать о консультации к экзамену по русскому языку, а вам сообщили о том, что экзамен перенесен. Что вас будет интересовать в этом случае? Или Вы пришли в деканат, а дверь заперта, или Вы зашли в деканат узнать расписание экзаменов, а вам сказали, что инспектора вашего курса нет. Что вы решите делать?*

3. Этап истинно речевого общения. Ситуация выбирается студентами, например: «Посещение театра». Цель: тренировка умения свободно вести неподготовленную беседу. Условия реализации

ситуации: студенты сами выбирают себе партнера, преподаватель внимательно следит за правильностью речевого выражения данной ситуации.

В работе по учебно-речевым ситуациям особую роль должны играть специально отобранные лексико-грамматические «строительные блоки», стандартно закрепленные в речи для выражения определенного рода отношений, например, просьбы: *будьте любезны* (+ императив), *будьте добры, пожалуйста* и т. п.; для выражения утверждения: *нет сомнения в том, что…; не вызывает сомнения…;* для выражения причинно-обусловленных отношений: *ввиду того, что…; в связи с этим* (или: *в связи с тем, что…*) и т. п. Эти своего рода «блочные конструкции» дают возможность строить определенные модели предложений и использовать их систематически в работе над развитием русской речи студентов-азербайджанцев. Практически эта работа может принимать вид специальной тренировки на завершение студентами начатого преподавателем предложения, причем предложения раскрывается именно там, где тесно связаны составные часты таких «лексико-грамматических блоков». Например: *Эти выводы ни у кого не вызывают (сомнений); Это предложение ни у кого не вызвало (возражений).* В ряде случаев именно рамки ситуации помогают студентам выбрать нужное словосочетание с многозначным словом, например: *вызвать к декану, вызвать к телефону, вызвать недовольство* и т. п.

«В силу того что общение в той или иной ситуации обычно происходит в диалогической форме, основным для студентов, изучающих русский язык как иностранный, должно быть умение понимать вопросы, отвечать на них и самим правильно задавать вопросы» [6, с. 60]. В работе над усвоением категории рода в русском языке и форм согласования преподавателем на начальном этапе обучения используются, например, предложения типа *Эта ручка красная, а эта зелёная.* У студентов вырабатывается навык правильной постановки вопроса к согласуемому члену предложения: *Какая эта ручка? Эта ручка зеленая? – Нет, эта ручка красная, а не зеленая.* Вопросы и ответы могут отрабатываться только в рамках словосочетания: *Какая ручка? – Зелёная ручка, хорошая ручка, эта ручка* и т. д. Подобного рода вопросы являются грамматическими вопросами. В речевой же ситуации они естественно, не задаются. Для речевой ситуации был бы закономерен вопрос: *Какая это ручка, покажите* (или *Что это за ручка?*). В ответе используются при этом не слова, заведомо взаимоисключающие друг друга в силу реальной логики вещей: *красная / зелёная* (разумный человек не станет в реальном общении задавать вопрос *Какая эта ручка, красная или зеленая?),* а слова, разграничивающие например, качество речи: *Это шариковая ручка, а эта ручка с пером* и т. п. [7, с. 65].

Необходимо обучать студентов-азербайджанцев задавать речевые вопросы. Подготовительным этапом могут служить упражнения, в которых содержится задание поставить к данной информации максимально возможное количество вопросов. Например: *Завтра я иду на концерт.* Нет смысла к этой информации ставить вопросы: *Когда ты идешь на концерт?, Кто завтра идет на концерт? Куда я завтра иду?* В данном случае нужны логически обоснованные вопросы: *Какой концерт ты идёшь слушать? Кто будет выступать на этом концерте? Где будет этот концерт? Есть ли у тебя билеты на концерт? Нет ли у тебя лишнего билета на концерт? С кем ты идёшь на этот концерт?* и т. п.

Ситуации дают возможность максимально приблизить учебный процесс к естественным условиям речевого общения и позволяют работать в должной мере над темпом речи, интонацией и произношением.

Литература

1. Ташматова, К.А. Использование ситуаций при обучении устной речи / К.А. Ташматова // Русской язык в национальной школе, 1977, № 2. с. 28-31.
2. Вайсбурд, М.Л. Использование учебно-речевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке / М.Л. Вайсбурд. – Обнинск, 2001.
3. Сосенко, Э.Ю. О коммуникативной направленности устных подготовительных упражнений / Э.Ю. Сосенко // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе. – М.: Русский язык, 1976, с. 168-180.
4. Земска,я Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблема обучения / Е.А. Земская. – М.: Русский язык, 1979.
5. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. Под ред. А.Н. Щукина. М.: Русский язык, 2003.
6. Яббаров, Г.А. Методика преподавания русского языка в азербайджанских группах вуза / Г.Я. Яббаров. – Баку: Маариф, 1987.
7. Силькина, З.А. Способы связи слов и речевые ошибки учащихся / З.А. Силькина // Школьная и научная грамматика. – Воронеж: ВГУ, 1977, с. 62-69.

References

1. Tashmatova, K.A. (1977). Ispol'zovanie situacij pri obuchenii ustnoj rechi. *Russkoj jazyk v nacional'noj shkole* [Use of situations in teaching oral speech. *Russian language in the national school*], 28-31. (In Russ.).
2. Vajsburd, M.L. *Ispol'zovanie uchebno-rechevyh situacij pri obuchenii ustnoj rechi na inostrannom jazyke.* [*Use of teaching and speech situations in the teaching of oral speech in a foreign language*]. Obninsk, 2001. (In Russ.).

3. Sosenko, Je.Ju. (1976). O kommunikativnoj napravlennosti ustnyh podgotovitel'nyh uprazhnenij. *Voprosy obuchenija russkomu jazyku inostrancev na nachal'nom jetape*. [On communicative orientation of oral preparatory exercises. *Questions of teaching Russian to foreigners at the initial stage*]. Moscow: Russkij jazyk, 168-180. (In Russ.).
4. Zemskaja, E.A. (1979). *Russkaja razgovornaja rech': lingvisticheskij analiz i problema obuchenija*. [*Russian colloquial speech: linguistic analysis and the problem of learning*]. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
5. Shhukin, A.N. (Ed.). (2003). *Prakticheskaja metodika obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu*. [*Practical methods of teaching Russian as a foreign languag*e]. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
6. Jabbarov, G.A. (1987). *Metodika prepodavanija russkogo jazyka v azerbajdzhanskih gruppah vuza*. [*Methods of teaching Russian in Azerbaijani groups of the University*]. Baku: Maarif. (In Russ.).
7. Sil'kina, Z.A. (1977). Sposoby svjazi slov i rechevye oshibki uchashhihsja. *Shkol'naja i nauchnaja grammatika*. [Ways of communication of words and speech errors of pupils. *School and scientific grammar*]. Voronezh: VGU, 62-69. (In Russ.).

УДК 371.3

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Афаг Аллахвердигызы Садыгова,
кандидат педагогических наук, доцент
Азербайджанский государственный университет культуры и искусств,
Баку, Азербайджан
e-mail: afaq.sadiqova@mail.ru

Эффективность обогащения лексического запаса учащихся национальной аудитории зависит от особенностей существующих источников, от специфики их использования, целенаправленности словарной работы. В процессе работы над текстом словарный запас обучающихся пополняется эпитетами, сравнениями, метафорами, фразеологизмами. Фразеологические обороты относятся более сложным единицам. Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний.
Ключевые слова: специфика, фразеология, фразеологические обороты, лексический запас, эффективность.

COMPARATIVE STUDY PHRASEOLOGICAL COLLOCATIONS WHEN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

Afag Allahverdi Sadıgova,
Associate Professor (Docent), Ph.D. in Pedagogy (Doctor of Philosophy in Pedagogy),
Azerbaijan State University of Culture and Art
e-mail: afaq.sadiqova@mail.ru

The effectiveness of enriching the vocabulary of students of the national audience depends on the characteristics of existing sources, the specifics of their use, the focus of dictionary work. In the process of working on the text of the vocabulary of students updated epithets, comparisons, metaphors, phraseological units. Phraseological units are more complex units. Like words, phraseological units perform different functions in the process of communication. Efficiently and effectively familiarize learners with the meaning of the idiom by the use of synonyms, lexical equivalents and available phrases.
Key words: specificity, phraseology, idioms, vocabulary, efficiency.

При изучении лексики любого языка предусматривается применять различные приемы и методы.Для обоснования методики работы над лексикой при обучении русскому языку необходимо выделить те, которые представляют наибольшую трудность для обучающихся и вместе с тем важны при практическом овладении речью.

К числу таких вопросов относятся лексическое значение слова, объединение ряда лексических значений в одном. Именно здесь мы сталкиваемся с наиболее ярким проявлением специфики родного языка в области лексики.

Лексическое значение слова в русском языке и в родном языке обучающихся часто не совпадают по своему объёму, и это приводит к большому количеству лексических ошибок в речи обучающихся.

Рассмотрение ряда вопросов, связанных с лексическим значением слова и с его сочетаемостью с другими словами на материале русского

языка, поможет обоснованию подхода к изучению лексики русского языка при работе с обучающимися; выделить тот лексический материал, который представляет наибольшую трудность для обучающихся и который должен быть в центре внимания преподавателя, определить основные методы при овладении лексикой русского языка.

К числу таких трудностей при обучении русскому языку относится и изучение фразеологических словосочетаний. Фразеологические словосочетания специфичны для каждого языка и, в основном не переводятся на другие языки. В этом случае нам поможет эквиваленты, имеющиеся на родном языке, хотя не все фразеологизмы имеют эквиваленты. Тогда следует разъяснение того или иного фразеологического словосочетания знакомыми учащимся словами или наглядными пособиями: предпочтительно использование в учебном процессе электронныхсредств.

Значение того или иного слова или словосочетания следует рассматривать в связи с закономерностями лексической системы в целом. Такой подход к раскрытию значения слова словосочетания важен и для практики преподавания.

Эффективность обогащения лексического запаса обучающихся зависит от особенностей существующих источников, от специфики их использования, целенаправленности словарной работы. Организация работы по обогащению лексического запаса происходит целенаправленно: путем чтения текстов и работы по этим текстам; путем выполнения различных лексических, лексико-орфографических, лексико-грамматических и других упражнений. В процессе работы над текстом словарный запас обучающихся пополняется эпитетами, сравнениями, метафорами, фразеологизмами. Формирование лексического запаса при работе над текстами учебников по русскому языку связано с комплексным изучением материала курса русского языка [Методика пр. 1981, с. 157].

Фразеологические обороты относятся более сложным единицам. Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. Фразеология русского языка представляет важную часть системы языка. Без овладения минимумом фразеологического богатства невозможны правильное понимание русской речи, как в устной, так и в письменной форме, свободное общение на русском языке.

Фразеологизм отличается от слова, и усвоение его протекает иначе. Фразеологизм – это особая единица языка с дифференциальными признаками воспроизводимости, семантической целостности, устойчивости, состоящая, в отличие от слова, из двух или более ударных компонентов [Шанский Н.М. 1974, с.165].

Для употребления фразеологизмов в речи, надо сформировать умение автоматически воспроизводить их как семантически и структурно целую, устойчивую единицу. В выборе способа семантизации фразеологизма и введения его в речь должен осуществляться дифференцированный подход. Прежде всего, целесообразность и эффективность того или иного способа семантизации и введения в речь фразеологизма зависят от лингвистических и лингводидактических его особенностей. По-разному следует раскрывать значение фразеологизмов, имеющих структурно-семантические эквиваленты в родном языке обучающихся и не имеющие их. При раскрытии значения фразеологизма не могут быть механически использованы способы семантизации слова.

Основная масса фразеологических оборотов обладает оценочным значением, то есть выражает положительную или (чаще) отрицательную характеристику лица или предмета. Удачноупотребленный фразеологический оборот оживляет речь, делает ее болееэмоциональной. Вся работа по обучению фразеологических словосочетаний должнастроиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической единицы.

В практике обучения русскому языку широкое распространение получило раскрытие значения фразеологизма с помощью перевода. Конечно, перевод является одним из экономных приемов семантизации, однако в раскрытии значения фразеологизмов использование его должно быть ограничено. Прием перевода фразеологизма словом или словосочетанием целесообразен на начальном этапе обучения, если другие приемы оказываются неэффективными вследствие слабого владения русским языком.

Однако применение перевода должно быть строго ограничено на среднем и продвинутом этапах обучения. Нужно иметь в виду, что перевод русских фразеологизмов фразеологическими сочетаниями родного языка связан с большими трудностями. Он целесообразен в случае, если помогает пониманию всей сложной смысловой структуры фразеологизма, обеспечивает его адекватное понимание и правильное употребление. Между тем случаи полно совпадения по семантике, структуре и образной основе фразеологизмов русского и родного языков редки. Точная передача фразеологизмов на родной язык невозможна. Поэтому целесообразно раскрывать значения фразеологизма средствами русского языка. В методике обучения русской фразеологии эффективны следующие приемы семантизации: использование синонимов(лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке, введение в контекст. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний. Например: *в двух шагах – рядом, близко; бок о бок – совсем рядом; не покладая рук – усердно; ломать голову – напряженно думать, размышлять и т.д.*

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний.

Особенностью их является то, что входящие в их состав слова могут заменяться синонимическими. Например, *вертеться под ногами – путаться под ногами, почва уходит из-под ног – земля уходит из-под ног, тучи сгущаются – тучи собираются, надевать маску – носить маску, ловить на слове – поймать на слове, с неба свалился – с луны свалился, глаза слипаются – глаза закрываются, бросать на ветер – кидать на ветер, чесать язык – мозолить язык* и т.д.

Фразеологические обороты почти непереводимы на другой язык, так как они имеют целостное значение, а составляющие фразеологизм слова как бы теряют собственное значение. Но есть фразеологизмы, которые имеют эквиваленты на родном языке. Хотя эти словосочетания по своему построению в корне отличаются от русского, но смысл почти полностью совпадает. Например, рассмотрим фразеологизм – *приказал долго жить.* Этот фразеологизм имеет эквивалент на азербайджанском языке – *ömrünü sənə bağışladı.*Значение обоих фразеологизмов одинаковое – *умереть*. И структура обоих словосочетаний одинаковая: состоят из трех слов. Или же фразеологизм *золотые руки* имеет на азербайджанском языке полностью совпадающий по значению эквивалент – *qızıl əllər*. Богатство лексики русского языка дает возможность употребить в разных контекстах синонимичные фразеологизмы.

Как и слова, фразеологизмы выполняют различные функции в процессе коммуникации. В методике обучения русской фразеологии эффективны следующие приемы семантизации: использование синонимов(лексических эквивалентов и свободных словосочетаний), использование синонимичных и антонимичных фразеологизмов, развернутое толкование на русском языке, введение в контекст. Экономно и эффективно ознакомление обучающихся со значением фразеологизма путем использования синонимов, лексических эквивалентов и свободных словосочетаний. Например: *как с неба свалился* и *как снег на голову* – синонимичные фразеологизмы – означают *внезапно, неожиданно; в двух шагах – рядом, близко; бок о бок – совсем рядом; не покладая рук – усердно; ломать голову – напряженно думать, размышлять и т.д.*

По употреблению различаются активные и пассивные фразеологизмы. Редко употребляются фразеологизмы *битьчелом – почтительно просить очём-либо или жаловаться на кого-либо; барашек в бумажке – взятка.* Появились и фразеологизмы-неологизмы: *группа риска.*

Самой употребляемой является группа фразеологизмов, которые имеют сниженно-разговорную или разговорно-просторечную стилистическую окраску: *без царя в голове – глуп, недалек; лежать на боку – бездельничать; семь пятниц на неделе – о частых изменениях решений; водить за нос – обманывать; как баран на новые ворота – с тупым недоумением, ничего не соображая (смотрит кто-либо); вставлять палки в колёса – умышленно мешать кому-либо что-либо делать, чинить препятствия; нож в спину – предательское поведение по отношению к кому-либо;*

Говоря о фразеологии и выразительных средствах русского языка, нельзя не упоминать изречения известных ученых и писателей:

Виноградов В.В.: «Фразеология исследует наиболее живой, подвижный и разнообразный отряд языковых явлений».

Ожегов С.И.: «Фразеологические единицы представляют собой фонд выразительных средств языка… Подавляющая масса фразеологических единиц относится или к экспрессивной речи книжного, риторического типа, или наоборот, к экспрессивной речи разговорно-сниженного типа, то есть имеет в речи резко выраженную стилистическую функцию».

Чуковский К.И.: «Каждый фразеологизм существует в нашей речи до той поры, покуда отдельные элементы, входящие в его состав, незаметны, неощутимы для нас… Неотъемлемый признак фразеологизмов заключается в том, что они используются нами как нечто целостное, монолитное, автоматически, при полном невнимании к их отдельным частям»[Жуков В.П., Жуков А.В., 1989. с.3, с.384].

Фразеологизмы, которые употребляются в современном русском языке, имеют различное происхождение. Есть фразеологизмы, которые возникли в далёком прошлом, другие созданы в последние времена. Но основную часть фразеологизмов составляет фразеологизмы исконно русского происхождения. Например: *бить баклуши, водой не разольёшь, во весь голос, брать за живое, держать язык за зубами, водить за нос, морочить голову, как на ладони, под горячую руку и др.*

Предпочтительно предлагать учащимся задания увлекательного характера. Несмотря на трудность, учащиеся охотно выполняют предлагаемые задания типа: а) Скажите эквиваленты этих фразеологизмов на родном (азербайджанском) языке:*Ни рыба ни мясо – nə ətdir, nə də balıq; ломать голову – baş sındırmaq; приказать долго жить – ömrünü sənə bağışladı; держать ухо востро – qulağını şəkləmək; пускать пыль в глаза – gözə kül üfürmək и др.;* 2) Предлагаются картинки с разными изображениями и требуется найти соответствующий к картинкам фразеологизм.Учащиеся рассматривают картинки и находят фразеологизм, соответствующий данной картинке; в) Найдите фразеологизмы с названиями животных и птиц: белая ворона, куры не клюют, стреляный воробей, волк в овечьей шкуре, как кошка с собакой, крокодиловы слёзы, купить кота в мешке и др.; г) Предлагаются разные слова, например: *голова, глаза, нос, рука, нога, язык, вода.*Учащиесядолжны найти фразеологизмы с этими словами: например, *сломя голову, ломать голову, глаза на мокром месте, повесить нос, зарубить на носу, мастер на все руки, сидеть сложа руки, пускать пыль в глаза и др.*Такие задания помогают усвоению фразеологических словосочетаний.

Вся работа по обучению русской фразеологии должна строиться на основе учета тех трудностей, которые вызывают усвоение фразеологической

единицы. Несмотря на трудность усвоения фразеологизмов, учащиеся с большим интересом изучают их. Следует максимально учитывать общий и конкретный уровень подготовленности обучающихся. На современном жизненном этапе как никогда возникает необходимость владения иностранным языком и каждый обучающийся сегодня заинтересован в практическом его использовании. Преподаватель должен выбирать такиеспособы преподавания, которые имеют развивающий характер.

Литература

1. Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь. / В.П.Жуков, А.В. Жуков. – М.: Просвещение, 1989. с.3; с.384
2. Методика преподавания русского языка. – Ленинград, 1981, с. 157
3. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1974, с.165

References

1. Zhukov, V.P., Zhukov, A.V. (1989). *Shkol'nyj frazeologicheskij slovar'*. [*School Phraseological dictionary*]. Moscow: Education. (In Russ.).
2. *Metodika prepodavanija russkogo jazyka* [*Methods of teaching Russian*]. (1981). Leningrad. (In Russ.).
5. Shanskij, N.M. (1974). *Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka*. [*lexicology of modern Russian language*]. Moscow. (In Russ.).

О ФОРМИРОВАНИИ БИКУЛЬТУРНОЙ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ-РУСИСТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В БЕЛАРУСИ

О.И. Царева,

доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь
E-mail: tsaryova2004@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования страноведческой компетенции иностранных студентов-русистов в условиях белорусского социума, доказывается необходимость преподавания русской литературы во взаимосвязи с белорусской литературой и культурой. Основываясь на современных подходах к преподаванию русского языка как иностранного, теории межкультурной коммуникации, сравнительно-типологическом изучении литературы, выявлены и описаны страноведческие аспекты литературоведческих дисциплин, читаемых иностранцам-русистам, обучающимся в Беларуси. Делается вывод о важности литературно-страноведческой информации для аккультурации инофонов, а также о перспективности разработки вопросов страноведения на основе бикультурного подхода.

Ключевые слова: страноведческая компетенция, преподавание литературы иностранцам, культурно-исторические взаимосвязи, биография писателя, места памяти.

ON THE FORMATION OF THE BICULTURAL COUNTRY-SPECIFIC COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS SPECIALIZING IN THE RUSSIAN PHILOLOGY STUDYING IN BELARUS

O.I. Tsaryova,

Associate Professor, Cand. Ped. Sc.,
Associate Professor of the Department of Rhetoric and Methods of Teaching Language and Literature
of the Faculty of Philology,
Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

The article aims to present a problem of formation of country-specific competence of foreign students specializing in the Russian philology under the conditions of the Belarusian society, to prove the necessity of teaching the Russian literature in conjunction with the Belarusian literature and culture. Based on modern approaches to teaching the Russian language as a foreign language, theory of intercultural communication, comparative and typological study of literature, the cross-cultural aspects of literary disciplines taught to foreign students specializing in the Russian philology studying in Belarus are identified and described. The conclusion is made about the importance of the literary and cross-cultural information for acculturation of non-native speaker students, as well as about the prospects of developing the issues of country studies based on the bicultural approach.

Key words: country-specific competence, teaching literature to foreigners, cultural and historical correlations, writer's biography, memory space.

Введение

Одним из приоритетных направлений в современной методике РКИ является формирование социокультурной компетенции иностранных учащихся. Успешное решение данной образовательной задачи невозможно без освоения страноведческого материала.

При отборе страноведческого материала для организации обучения иностранцев в вузах Беларуси необходимо учитывать особую лингвокультурную и социокультурную ситуацию в нашей стране. Иностранные учащиеся, изучающие русский язык в РБ, находятся в условиях билингвальной и бикультурной среды, в которой национальное сосуществует с русским. Многие артефакты принадлежат истории и культуре обеих стран.

Отмеченные факторы коренным образом влияют на организацию обучения РКИ в Беларуси. Формирование социокультурной компетенции иностранцев в вузах Беларуси возможно только в процессе «соизучения» реалий жизни, быта, истории и культуры как страны изучаемого языка, так и страны пребывания. Таким образом, можно говорить о бикультурной направленности страноведения в курсе РКИ.

Цели и задачи

Традиционно вопросы страноведения рассматриваются в рамках лингвистических курсов. Мы убеждены, что подобные сложные и объемные задачи нужно решать сообща всем предметникам. Преподаватели литературоведческих дисциплин должны принять активное участие в формировании культурно-страноведческой компетенции иностранных студентов-филологов.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать страноведческие аспекты, актуальные для литературоведческих курсов, читаемых русистам-иностранцам.

Методы и материал исследования

Материалом исследования стали культурно-исторические взаимосвязи России и Беларуси, а также процесс преподавания иностранцам-филологам русской литературы во взаимосвязи с белорусской литературой и культурой.

Теоретико-методологической основой исследования явились современные подходы к преподаванию РКИ: системный подход, теория коммуникативно-деятельностного обучения, теория страноведения и регионоведения, межкультурная коммуникация, принцип наглядности. Исследование осуществлялось с использованием сравнительно-сопоставительного и сравнительно-типологического методов литературоведения.

Результаты и их обсуждение

В литературном страноведении можно выделить несколько содержательных линий: сравнительно-типологическую, историко-литературную, реально-биографическую и культурологическую.

Сравнительное изучение белорусской и русской литератур относится к актуальным направлениям современного отечественного литературоведения. Предметом сравнительно-сопоставительного исследования являются личные контакты русских и белорусских писателей, общие темы, мотивы творчества, близкие образы, переводы с одного языка на другой. К целям сравнительного литературоведения относится не только описание взаимосвязей, но также выявление факторов, их обусловивших.

На некоторые причины типологических схождений русской и белорусской литературы указал профессор Т. Ф. Лиокумович в своей диссертации, посвященной исследованию творческих взаимосвязей Янки Купалы и русской литературы. К факторам, способствовавшим близости двух литератур, выработке «однотипных принципов художественно-эмоционального познания мира» относятся: общность происхождения двух народов и сходство их исторических судеб, близость социально-экономических условий, сходство психологического склада, языковое родство, другие национальные идентификации (религия, традиции, ценности). Таким образом, делает вывод известный белорусский литературовед, «условия для возникновения типологических схождений в двух литературах, прошедших свои колоритно-самостоятельные пути развития» были подготовлены всем путем исторического развития [1, с. 2].

Сравнительно-типологический аспект литературного страноведения сложен для постижения иностранными учащимися. Достаточно ограничиться указанием на сам факт близости двух литератур и культур в типологическом плане, проиллюстрировав его высказываниями известных деятелей русской и белорусской культуры. Можно собрать целую россыпь емких цитат о неразрывной связи двух народов. Приведем некоторые из них: «…белорусская литература родилась, росла и крепла в тесном единении и при поддержке великой русской литературы» (Я. Колас); «народ, издревле нам родной» (А.С. Пушкин о белорусах); «Я воспитывался на поэзии Пушкина и Лермонтова. Напевность и лиричность их произведений близки мелодиям белорусского народного стиха» (Я. Купала) и т.д.

При изучении произведений русских писателей в курсе РКИ нужно систематически обращаться к произведениям белорусских авторов. В методическом плане мы разделяем установку, сформулированную профессором А. А. Нестеренко: «Пусть это будут даже не развернутые параллели, а хотя бы аллюзии, ассоциации с теми или иными произведениями белорусских авторов. Это... будет

способствовать осознанию учащимися включенности … национальных литератур в мировой историко-литературный процесс, их тесного взаимодействия друг с другом» [3,с.50].

Большой интерес представляют связи русских писателей с Беларусью и белорусских авторов с Россией. Примеров реально-биографических контактов бесконечно много. При их отборе стоит учитывать региональный фактор. Иностранцам, обучающимся в Бресте, стоит рассказать о брестских страницах в жизни А.С. Грибоедова. Тем, кто учится в Пинске, изложить информацию о пребывании на Пинщине в годы первой мировой войны А.Блока и т.д.

У некоторых русских писателей связь с белорусской землей особая. Прах К. М. Симонова, согласно завещанию писателя, был развеян на Буйничском поле под Могилевом. В память об этом факте открыт мемориальный знак. Именем писателя-фронтовика названа одна из могилевских улиц. В столице Приднепровья проводятся Симоновские чтения.

Обращение к «местам памяти» в рамках литературоведческих дисциплин должно занять одно из ключевых мест.

Изучение памяти в социально-культурном аспекте (memory studies) –актуальное направление современной гуманитарной науки. Концепция «мест памяти» была разработана в 1980-е гг. французским историком Пьером Нора. Исследователь утверждает: «…фундаментальное право мест памяти на существование состоит в остановке времени, в блокировании работы забытья, в фиксировании настоящего порядка вещей, в обессмерчивании смерти, в материализации нематериального …для того, чтобы заключить максимум смысла в минимум знаков…» [5, с.41].

Укажем на важное для организации страноведческой работы с иностранцами положение П. Нора: «Память является интенсивно ретинной и сильнейшим образом телевизуальной [5, с.37]. Воспринимаемые зрительно объекты памяти позволяют «материализовать нематериальное», «заключить максимум смысла в минимум знаков». Данный аспект концепции «мест памяти» коррелирует с важнейшим методическим принципом обучения иностранному языку – наглядностью в представлении учебного материала.

Зрительная наглядность в рамках литературного страноведения будет включать фотографии и портреты писателей, деятелей культуры, предметов быта, репродукции картин, фотоизображения объектов архитектуры и культуры, памятников писателям мемориальных знаков, музеев, топографических объектов, ландшафтов и многого другого.

Российский историк Е. Г. Путилова обращает внимание на идейно-воспитательный аспект культуры памяти: «…коммеморация … важна и в политическом плане, и в педагогическом (ведь, посещение мнемонических мест и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти, особенно для подрастающего поколения)» [4, с.1407].

Особое внимание в обучении иностранцев-филологов стоит уделено фактам исторического, культурного и духовного единства двух народов. И здесь на помощь преподавателю вновь могут прийти памятники. Идею единства истории и культуры восточнославянских народов воплощает памятник «Тысячелетие России» в Новгороде (1862). Монумент содержит скульптурные изображения выдающихся деятелей истории и культуры. В группе «Просветители» (скульптур М.А.Чижов) можно увидеть создателей славянской азбуки Кирилл и Мефодий, летописца Нестор, автора «Повести временных лет». В группу «Просветители» вошли крупные деятели в области образования, просвещения, книгопечатания (К. Острожский, П.Могила, Г. Конисский), а также литераторы М.Грек и Ф.Прокопович. Деятельность Константина Острожского, Петра Могилы, Георгия Конисского, Феофана Прокоповича стоит осветить подробнее, так как она либо связана с белорусскими землями, либо сыграла значительную роль в духовной жизни Беларуси.

Другим наглядным выражением общности судьбы двух народов является памятник Виленскому тракту, сооруженный в деревне Мясота близ Молодечено. На камнях-валунах размещены списки с фамилиями известных людей, которые некогда проходили или проезжали по этой дороге. Среди имен мы встречаем Николая Гоголя, Денис Давыдова, Константина Паустовского, Владимир Луговского, Александра Твардовского.

Наличие в Беларуси значительного числа мест общей для белорусов и русских памяти служат лучшим доказательством единства восточнославянских народов.

Любой памятник, даже не обладающий эстетической ценностью, представляет историческую ценность. Значение имеет как сам факт установки памятника, так и его дальнейшая судьба. История сооружения монумента, оформление и содержание прилегающей территории, роль памятника в жизни города, события, связанные с артобъектом, поддержание памятника в надлежащем состоянии, его реставрация и даже разрушение монумента – важно всё.

В Беларуси места культурной памяти, мемориального прошлого сохраняются, поддерживается порядок на прилегающей территории.

Укажем на еще одно направление в изучении «мест памяти» − топонимику. Особенностью топонимики белорусских городов является наличие значительного количества наименований, связанных с русской культурой. На картах можно отыскать десятки улиц, увековечивших память о знаменитых русских писателях. Особенностью культурной памяти белорусов

В постсоветской Беларуси мемориальная топонимия сохраняется практически без потерь. Подобное отношение к местам памяти сформулировал историк М. П. Погодин: «Город есть книга, в коей всякая улица занимает страницу. Будем прибавлять новые листы, но не станем вырывать старых» [цит. по 2,с. 148].

Выводы

Таким образом, мы доказали, что в условиях белорусского социума разработка вопросов страноведения возможна только на основе бикультурного подхода.

Реализация страноведческого аспекта в РКИ позволяет активно обращаться к зрительной наглядности. Наглядность считается одним из основных дидактических принципов и соответственно основным методическим принципом обучения иностранному языку.

Литературно-страноведческие аспекты читаемых русистам-иностранцам литературоведческих курсов могут сыграть важную роль в аккультурации инофонов.

Литература

1. Лиокумович, Т.Ф. Янка Купала и русская литература. Многогранность творческих взаимосвязей: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Т. Ф. Лиокумович. – Москва, 1994. – 43с.

2. Лихачев, Д.С.. Русская культура/ Д.С.Лихачев. − М.:Искусство, 2000 . − 440 с.

3. Нестеренко, А. А. Русская литература в контексте мировой/ А. А. Нестеренко, Г. М. Гронская, В.В. Гронский. – Минск : Армита-Маркетинг, Менеджмент, 1998. – 151с.

4. Путилова, Е. Г. Концепция «мест памяти», или актуальность коммеморативной бдительности истории (на примере произведения П. Нора «Франция-память»)/ Е. Г. Путилова.// European Researcher, 2012, Vol. (29), № 9−2. P. 1407−1410.

5.Франция-память/ П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок/ Пер. с фр.: Дина Хапаева.− СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17−50.

References

1. Liokumovich, T.F. (1994) Janka Kupala i russkaja literatura. Mnogogrannost' tvorcheskih vzaimosvjazej: [Yanka Kupala and Russian literature. The versatility of creative relationships] (Doctoral dissertation. Moskow). (In Russ).

2. Lihachev, D.S. (2000). Russkaja kul'tura [Russian literature]. Moskow**:**Iskusstvo. *(In Russ).*

3. Nesterenko, A. A.(1998) Russkaja literatura v kontekste mirovoj [Russian literature in the context of the world]. Minsk: Armita-Marketing, Menedzhment. (In Russ).

4. Putilova Elena G.(2012) «Memory Sites Concept» or Relevance of Commemorative Vigilance of Today's History («France-memory» by P. Nora Case Study) .European Researcher, 2012, Vol.(29), № 9-2. P. 1407-1410. (In Russ).

5.Francija-pamjat (1999)/ P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok/ Per. s fr.: Dina Hapaeva.− SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17−50. (In Russ.).

УДК 378.14.147(043.3)

К ВОПРОСУ О ДРАМОГЕРМЕНЕВТИКЕ И ПЕДАГОГИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Т.Н. Чечко

кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии
Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

В статье освещены способы приобщения к искусству письменного слова методами искусства слова звучащего, как важнейшего условия формирования художественно-педагогической культуры будущих учителей-филологов, позволяющего педагогике быть реально практикующим искусством. Определено, что деятельность учителя-филолога сопряжена с такими понятиями, как «артистизм педагогического труда», «элементы социо-игровой педагогики», «театральные приемы обучения». Охарактеризован образовательный потенциал *драмогерменевтики,* как актуального на сегодняшний день направления в педагогике, возникшего на пересечении трех сфер человеческой деятельности – театральной, герменевтической и педагогической.

Ключевые слова: художественный текст, учитель-филолог, драмогерменевтика, исполнительский анализ художественного теста.

TO THE QUESTION OF DRAMA HERMENEUTICS AND PEDAGOGICS OF A LITERARY TEXT

T.N.Chechko

Cand. Ped. D., Head of the chair of Belarusian and Russian philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: tatyana.chechko@yandex.ru

The article deals with the basics of familiarizing to the art of the written word by methods of the art of the word sounding as the main way of formation of the artistic and pedagogical culture of future philology teachers. It is shown that this method allows pedagogy to be really practicing art. It is stated that the activity of a philology teacher is associated with such concepts as “artistry of pedagogical work”, “elements of socio-game pedagogy”, “theatrical methods of teaching”. Educational potential of drama hermeneutics is characterized as a current trend in pedagogy that has originated from three spheres of human activity – theatrical, hermeneutic and pedagogical.

Key words: literary text, philology teacher, drama hermeneutics, performing analysis of literary text.

Введение

Литературное произведение, особенно если это лирическое стихотворение, – это не просто текст, несущий ту или иную информацию. Также и учитель-филолог – это не просто специалист, который помогает перевести художественно-образный язык на язык понятий, литературоведческих категорий. Чтобы в перспективе стать истинным «вдохновителем», «творцом» учебно-воспитательного процесса в школе, студент-филолог должен научиться приобщать к искусству слова *методами самого искусства* слова уже в педагогическом университете. В частности, он должен овладеть арсеналом педагогических приемов преобразования слова письменного в слово звучащее, ведь впечатляющая сила «образцового чтения образцовых произведений» может потрясать даже тех, «которые не потрясались никогда от звуков поэзии» [1, с. 53].

Исполнение художественного текста – это один из сложнейших видов интеллектуально-речевой деятельности. Эта деятельность, так или иначе, связана не только с литературоведческим анализом, но и с музыкально-художественным воплощением мысли, с живописностью языка и т.д. Исполняя стихотворение, рассказ или сказку, мы как бы заново воссоздаём предлагаемые автором обстоятельства, обогащая их личностными смыслами, чувствами и ассоциациями.

Интерес педагогов-исследователей к «артистизму педагогического труда», «социо-игровой педагогике», «театральным приемам обучения» прослеживался всегда. Так, «театральные маршруты в педагогике» особенно активно разрабатывались в конце 70-х – начале 80-х годов (Полтавский педагогический институт; Литовская государственная консерватория, Клайпедский театрально-филологический факультет и др.).

Эти разноаспектные поиски оформились в виде нового направления в педагогике – *драмогерменевтики* (Drama in Education), которая возникла на основе тесных взаимосвязей трех сфер человеческой деятельности – *театральной*, *герменевтической* и *педагогической*.

Цели и задачи статьи

В данной статье мы попытаемся охарактеризовать *драмогерменевтику* как актуальное для подготовки современного учителя-филолога педагогическое направление, выявив взаимосвязи литературно-преподавательской деятельности с деятельностью театральной, герменевтической и педагогической.

Опыт внедрения в учебный процесс драмогерменевтических технологий на материале разных предметных областей представлен в информационно-образовательном пространстве Букатовым В. М. (цикл гуманитарных дисциплин), Гугниной О. В. (всемирная история), Лаптевой М. А. (иностранный язык) и др. Некоторые аспекты разработки и внедрения драмогерменевтических технологий на материале литературоведческих дисциплин обсуждались в рамках V всероссийской научной видеоконференции с международным участием «Актуальные проблемы современного литературного образования» (18 апреля 2019).

Методы и материал исследования

В процессе разработки заявленной темы нами были использованы следующие методы: педагогическое наблюдение; анализ педагогических ситуаций; изучение учебно-методической документации, педагогического опыта; анализ литературных источников; описание полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Герменевтика – категория философская, это искусство толкования и постижения текстов. Филологическая герменевтика предполагает не просто трактовку, а толкование, постижение сокровенных смыслов того же, к примеру, стихотворения. Это полилог картин мира автора, читателя, слушателя; диалог исполнителя – посредника между текстом и реципиентом – и слушателя.

Драмогерменевтика – это синтез театрального, педагогического и герменевтического талантов педагога. При таком подходе объяснение учебного материала включает глубокие личностные смыслы, толкование «прописных истин» обогащается не только классическими примерами, но и жизненным опытом учителя, современного школьника. Если обратиться к самому термину, то в переводе с греческого «drama» – «действие» и «hermeneutikos» – «толкование, разъяснение». И тогда еще один важный вывод: драмогерменевтика – это «толкование через действие», значит правильно организованное общение действенно, слово учителя может вдохновлять, воодушевлять, убеждать (по Станиславскому «говорить – значит действовать»).

Из ***театральной*** сферы драмогерменевтика заимствует понятие о трех типах человеческого общения. Первый тип общения: нелегальное общение в зале во время спектакля. Второй – это фиксированно-ритуальное общение актеров на сцене. Такие же ситуации общения встречаются на школьном уроке. Так, во время объяснения учите-

лем нового материала за партами происходит нелегальное общение учеников, а у доски – чинно-ритуальное, фиксированность которого обеспечивается текстом учебника.

Смена фиксированно-ритуального общения на сцене подлинным общением, с элементами импровизации, освобождает зрительный зал от нелегального общения. «Зрители начинают жить с актерами единой жизнью, как бы растворяясь в происходящем на сцене. Это третий тип общения, демонстрируемый театром» [3, с. 324].

Именно такое творческое общение возможно и на уроке. Когда одни ученики становятся учениками-импровизаторами, то интерес других неизменно активизируется. Ученики-зрители начинают увлеченно воспринимать результаты импровизированного общения, даже осознанно участвовать в нем. И при этом они усваивают информацию гораздо более обширную, чем при немом лицезрении фиксированно-ритуального общения учителя с невольными участниками учебного процесса. Данный тип общения-взаимодействия в педагогической среде можно еще назвать интерактивным.

Забота о смене «псевдообщения» на сцене (или у доски) и «нелегального» общения в зале (или в классе) на общение подлинное, живое, осознанное, увлекающее всех присутствующих, и роднит профессию режиссера с педагогической профессией.

Литературу как искусство слова невозможно освоить, как, например, физику или биологию, посредством «усвоения суммы знаний» [5, с. 26]. Ведь в процессе чтения мы не просто что-то познаём, мы постоянно оцениваем воспринимаемую информацию «своими мерилами», переживаем о происходящем, непосредственно «со-участвуем в событиях», устанавливаем связи между жизнью героев, своей собственной и жизнью других. Этот *процесс сотворчества*, в определенной степени, является мерилом образа «Я», показателем нашей внутренней культуры.

От ***герменевтической*** деятельности драмогерменевтика наследует мысль о том, что постижение смыслов литературного (классического) произведения – процесс не одномоментный и не однозначный. «Обезличенное ознакомление» есть равнодушие, которое не имеет ничего общего с пониманием, личностным постижением авторских идей. С течением времени, с накоплением жизненного и читательского опыта мы овладеваем искусством понимания не только текста, но и жизни во всем ее многообразии. Мы убеждаемся, что число «сторон», «точек зрения», с которых можно подойти к любому явлению, достаточно широко, хотя и не беспредельно. И, таким образом приходим к выводу, что свободное развитие процессов, хаос преодолеть регламентом, доминированием, «порядкоустроительством» невозможно, да и не нужно. С таким «порядкоустроительством» в значительной мере будет иссякать и искомая ценность – неорганизованная творческая энергия. В этом случае «… творчество рискует превратиться в формальное оперирование готовыми штампами и категориями. Хаос должен именно преобразовываться *в поле сотворчества учителя и ученика*…», интерактивную площадку творческого взаимодействия [2, с. 265].

Очень многое, как мы видим, драмогерменевтику связывает и с ***педагогической*** деятельностью. Для опытных преподавателей литературы выразительное чтение (осознанное исполнение) художественного текста служит показателем, как общего, так и специального литературного образования. Мастерское исполнение стихотворения с верными интонациями, паузами, мимикой и жестами, мелодикой возможно только при истинном понимании текста и постижении сверхзадачи автора. Только убежденный в верности идей и взглядов студент сможет стать убедительным учителем-словесником.

На занятиях по теории и истории литературы в педагогических вузах проблема художественного исполнения книжно-письменных текстов, к большому сожалению, либо вовсе не ставится, либо решается формально. Произведение не раскрывается в качестве *личностно значимой нравственно-эстетической ценности*. Студенту филологического факультета, как *профессиональному читателю,* практически не предоставляется возможность проявить себя как творческой индивидуальности, раскрыть своё отношение к прочитанному. Ушли в прошлое и читательские дневники с произведениями любимых авторов, с персональными заметками и читательскими впечатлениями.

Традиционный курс «Выразительного чтения» лишь частично резервирует возможности этого вида творческой интеллектуально-коммуникативной деятельности, либо вообще фигурирует в учебных планах как необязательный факультативный компонент. Даже старшекурсники при «озвучивании» стихотворения, воссоздании его интонационного рисунка зачастую стесняются собственного голоса, бывают слишком сдержанными в передаче своих эмоций. В статье «Искусство чтения» об этом писал еще В. П. Острогорский. Ситуация с чтением литературной классики практически не изменилась и сегодня. Вряд ли мы услышим основательный ответ на вопрос о любимых поэтах, о любимых стихах, о наличии читательского дневника с сокровенными личными комментариями, о поэтическом почерке М. И. Цветаевой, к примеру. При этом студенты могут писать довольно правильно, а иногда и очень связно, могут знать грамматические явления, синтаксические конструкции и стилистические фигуры. Итак, формальное знание языка достигнуто, есть определенные сведения из истории словесности и истории литературы. А вот состоялось ли нравственно-эстетическое развитие лично-

сти, стало ли знание личностным достоянием студента, станет ли он убедительным педагогом, оставаясь неубежденным?

Литературное образование по своей природе глубоко личностно. Произведение искусства, «не пропущенное через личность самого педагога», не может быть прочувствовано учеником. [1, с. 23]. Оно не затронет «заветные струны человеческой души», не увлечет, не станет ответом на жизненно важные вопросы: как быть? как жить вместе? что значит любить и уважать? как важно ценить? «Развитие можно воспитывать лишь развитием, становление – становлением, духовность – духовностью, искание и творчество – только жизненными шагами искания и творчества» [4, с. 5].

Выводы

Таким образом, проблема драмогерменевтического подхода к художественной литературе не только не потеряла актуальности, но и наоборот, обострилась еще более явственно. Неразвитие эмоционально-чувственной сферы, способности к эмпатии у школьника сегодня, ведет к формированию равнодушной, безучастной личности квалифицированного специалиста завтрашнего дня, не исключено, что это будет «дипломированный» учитель-филолог.

Соответственно, с учетом специфики драмогерменевтических аспектов профессиональной подготовки будущего учителя-словесника, оценка учебных достижений в области литературного образования должна основываться на оценке способности и готовности обучающихся к «*сотворческому восприятию и художественной коммуникации*», а значит, к интеллектуально-творческому взаимодействию с целью овладения ценностными установками, скрытыми нравственными смыслами текста, эстетикой художественного слова.

Что же даёт будущим учителям литературы в контексте вышесказанного не литературоведческий, а литературно-исполнительский анализ художественного текста при его правильной постановке?

Он позволяет:

- реализовывать деятельностный подход в профессиональной подготовке учителя словесности с целью освоения образного мира художественного произведения в единстве его восприятия, анализа и исполнения;
- развивать интеллектуально-коммуникативные умения и художественно-творческие способности обучающихся;
- формировать навыки разработки авторских речевых образцов;
- развивать приоритетно эмоционально-чувственную сферу, духовно-нравственное сознание обучающихся (Яснополянская школа Л. Н. Толстого); формировать и корректировать их ценностные установки и предпочтения;
- исключить из учебного процесса «бессмысленное зазубривание», уничтожающее «живую душу художественного произведения».

Современный учитель-филолог, это «мастер», который выступает сразу в «нескольких ипостасях»: талантливого театрального актера, грамотного сценариста, опытного режиссера эффективного взаимодействия. Именно поэтому драмогерменевтика – актуальное и перспективное педагогическое направление, сокровенный путь к ученику и читателю XXI века.

Литература

1. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : Нац. ин-т образования, 1999. – 240 с.
2. Волов, В. Т. Синергетика как базовая методология гуманитариев XXI века / В.Т. Волов. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2005. – 276 с.
3. Ершов, П. М. Общение на уроке или Режиссура поведения учителя / П. М. Ершов, А. П. Ершова, В. М. Букатов. – Изд. 2. – М.: Флинта, 1998. – 366 с.
4. Ильин, Е. Н. Путь к ученику. Раздумья учителя-словесника: кн. для учителя: Из опыта работы / Е. Н. Ильин. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.
5. Мушинская, Т.Ф. Философско-психологические аспекты идейно-нравственного опыта при изучении школьного курса литературы / Т.Ф. Мушинская // Вестнік адукацыі. – 2004. – №5. – С. 25-27.

References

1. Anisimov V.I. (1999) Integrativnyie osnovyi modelirovaniya soderzhaniya literaturnogo obrazovaniya v pedagogicheskom vuze. *[Integrativnyie osnovyi modelirovaniya soderzhaniya literaturnogo obrazovaniya v pedagogicheskom vuze]*. Minsk: Nats. in-t obrazovaniya. (In Belarus).
2. Volov V.T. (2005) Sinergetika kak bazovaya metodologiya gumanitariev XXI veka *[Sinergetika kak bazovaya metodologiya gumanitariev XXI veka]*. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. (In Russ).
3. Ershov P.M. & Ershova A.P. & Bukatov V.M. (1998) Obschenie na uroke ili Rezhissura povedeniya uchitelya *[Obschenie na uroke ili Rezhissura povedeniya uchitelya]*. Izd. 2. Moskow: Flinta. (In Russ).
4. Ilin E.N. (1988) Put k ucheniku. Razdumya uchitelya-slovesnika: kn. dlya uchitelya: Iz opyita rabotyi *[Put k ucheniku]*. Moskow: Prosveschenie. (In Russ).
5. Mushinskaya T.F. (2004) Filosofsko-psihologicheskie aspektyi ideyno-nravstvennogo opyita pri izuchenii shkolnogo kursa literaturyi *[Vestnik adukatsyii]*. 5. 25– 27. (In Belarus).

УДК 37.014.1

PRZEGLĄD SYSTEMÓW OŚWIATOWYCH W WYBRANYCH KRAJACH EUROPEJSKICH W XIX W.

Dr Ludwik Stanisław Szuba,
prorektor KJ-TSW, pedagog,
Kolegium Jagiellońskie-Toruńska Szkoła Wyższa,
Toruń, Polska

ОБЗОР СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ В XIX В.

Людовик Станислав Шуба,
доктор, проректор KJ-TSW, педагог,
Ягеллонский Колледж-Торунская Высшая Школа,
Торунь, Польша

По мере вхождения Европы в век девятнадцатый возрастает спрос на улучшение обучения. В высшем и частично среднем социальных слоях образование обеспечивал широкий круг педагогов, преподавателей, гувернерек или даже родителей, если у них было время и знания. Этот период был не только „возрастом домашнего образования" (The age of domestic Education), но и эпохой реформ. Относительно бедноты и рабочего класса элементарное обучение было изначально в руках орденов и Церквей, а затем правительств, которые создавали различные образовательные системы. Прогрессивные идеи просвещения смогли материализоваться широко только на рубеже XVIII-XIX веков, потому что духовенство и дворяне препятствовали деятельности реформаторов. В свою очередь крестьяне считали науку вредной, поскольку школа отрывала детей от работы на ферме. В статье представлены системы образования Англии, Австрии, Бельгии, Испании, Франции, Ирландии и Турции девятнадцатого века.

OVERVIEW of EDUCATION SYSTEMS IN SOME EUROPEAN COUNTRIES IN THE XIX CENTURY

Dr. Ludovik Stanislav Shuba,
Vice-rector KJ-TSW, teacher,
Jagiellonian College-Torun High School,
Torun, Poland

As Europe enters the nineteenth century, the demand for better education increases. In the higher and partly middle social strata, education was provided by a wide range of teachers, Tutors, governesses or even parents, if they had the time and knowledge. This period was not only the "age of home education" (The age of domestic Education), but also the era of reforms. Relatively poor and working class elementary education was initially in the hands of orders and Churches, and then governments that created various educational systems. Progressive ideas of enlightenment could materialize widely only at the turn of the XVIII-XIX centuries, because the clergy and nobles hindered the activities of the reformers. In turn, the peasants considered science harmful, because the school separated children from work on the farm. The article presents the education systems of England, Austria, Belgium, Spain, France, Ireland and Turkey of the nineteenth century.

„Jeżeli ojcowie są tak głupi lub skąpi, że nie posyłają swoich dzieci do szkoły, poczytuje, że jest prawem, a nawet obowiązkiem władzy, zmusić ich do tego".

Dzieła Lutra. Edyc. Walch. Rozdz. X str. 487.

Anglia

Rewolucja przemysłowa w Anglii przyśpieszyła postęp nauki i wiedzy: powstawały nowe rozwiązania technologiczne i wynalazki m.in. maszyny tkackie, silnik parowy, nowe metody wytwarzania stali, nowe środki transportu, szerokie zastosowanie elektryczności, itd. Szybko rozwijająca się gospodarka stworzyła także ruch robotniczy i związkowy wyzwoliła również wśród ludności pęd do wiedzy. W

dziewiętnastym wieku nauczanie początkowe spoczywało głównie na dwóch towarzystwach: Towarzystwo „National society[38] i „British and foreign society[39]. Obie organizacje szerzyły oświatę w środowiskach biedoty. Pierwsza działała w ścisłym związaniu z Kościołem anglikańskim i nie dopuszczała do szkół mieszanych, koedukacyjnych, natomiast druga, odrzucała wszelkie formy dogmatyczne, gdzie nauka nie była narzędziem propagandy, nie była tylko środkiem, lecz celem[40]. Do krzewienia oświaty włączyły się również związki zawodowe i organizacje filantropijne z inspiracji których organizowano kursy zawodowe, szkółki niedzielne.

W roku 1797 ksiądz anglikański Andrzej Bell (1753-1832) ogłosił drukiem książkę pt. „Eksperyment w edukacji przeprowadzony w ochronkach Madrasu[41], w której przedstawił, metodę wzajemnego nauczania, a którą wcześniej udoskonalił, pracując jako opiekun osieroconych dzieci żołnierskich w koloniach amerykańskich. Początkowo rząd nie był zbytnio zainteresowany metodą Bella, dopiero kiedy w roku 1807 Józef Lancaster opracował podobną metodę i wprowadził ją do licznych szkół kwakierskich, społeczność anglikańska przypomniała sobie o metodzie Bella i wprowadziła ją do szkół kościelnych dla ubogich dzieci, a następnie do szkół wojskowych i żeglarskich. Jako że metody były do siebie bardzo podobne, nazwano je Bell-Lancasterską metodą nauczania. Polegała ona na tym, że uczniowie bardziej zaawansowani w nauce (zwani monitorami lub pomocnikami szkolnymi) nauczali i pomagali pod nadzorem nauczyciela, uczniom o mniejszej wiedzy lub słabszym. W tym celu tworzono dziesięcioosobowe klasy – zespoły, w których jeden z lepszych uczniów przekazywał wiedzę kolegom, wcześniej nabytą od nauczyciela. Nauczyciel z kolei uczył pomocników, czuwał nad ogólnym kierunkiem nauczania i przestrzeganiem karności. Niestety, przez prawie połowę XIX wieku państwo – parlament brytyjski, zgodnie z zasadami liberalizmu, wykazywał bierną postawę wobec szkolnictwa i dopiero pod naciskiem społecznym uchwalił w 1870 roku ustawę o szkołach elementarnych opracowaną przez Williama Forstera tzw. „Kartę edukacji podstawowej" (Elementary Education Bill), która zawierała zasadę obowiązkowego nauczania początkowego we wszystkich miejscowościach, gdzie brakowało szkół prywatnych. Tam także rząd mógł powoływać komisje szkolne (School Boards), które zajmowały się pobieraniem opłat, budową i utrzymywaniem szkół publicznych. Komisje miały prawo zmuszania rodziców do posyłania dzieci do szkół w wieku od lat 5-12-tu i zwalniania biednych od opłaty szkolnej. Szkoły publiczne były bezwyznaniowe, aczkolwiek wykładano w nich biblię. Szkoły prywatne, które otrzymywały zasiłek od rządu podlegały kontroli inspektorów i były zobowiązane zwalniać dzieci od nauki religii, jeśli zażądali tego rodzice[42]. Kilka lat później, w roku 1876 wprowadzono obowiązek szkolny na terenie całej Anglii, a u schyłku wieku w roku 1891 zniesiono czesne za naukę w szkołach elementarnych.

Austria

Przez wieki kraje i prowincje przyłączane do monarchii habsburskiej rządziły się swoimi prawami, posiadały swoje sejmy, konstytucje i oddzielne władze administracyjne. Dopiero austriacka cesarzowa Maria Teresa, począwszy od roku 1749 rozpoczęła wprowadzanie jednolitych praw na terenie całego cesarstwa. I tak w 1774 roku wprowadziła system szkolny, który dzielił szkoły elementarne na trywialne (pospolite) na wsi i szkoły główne w mieście[43]. W siedzibach prowincji otworzono szkoły normalne kształcące nauczycieli dla szkół trywialnych i głównych. Ciężarem kształcenia obciążono dwory szlacheckie na wsi i gminy. Na początku XIX wieku w większości prowincji na chłopców i dziewczęta wszystkich stanów – biednych i bogatych, nałożono obowiązek uczęszczania do szkół od szóstego aż do ukończenia dwunastego roku życia. Stan dzieci był spisywany corocznie na „święta jesienne" przez dyrektorów szkół i inspektorów, który następnie porównywano z regestrami chrztu, łącznie z potwierdzeniem proboszcza parafii. Oprócz ogólnych przepisów wprowadzono rozporządzenie, które głosiło, iż żaden pastuch nie mógł być przyjęty do służby, jeżeli nie posiadał świadectwa od proboszcza jako dowodu, że uczęszczał w szkole na naukę religii i zdał egzamin z tego przedmiotu w stopniu zadawalającym[44].

W roku 1805 przeprowadzono reformę oświaty likwidując „szkoły normalne", a na ich miejsce powołano „szkoły realne", unowocześniono także programy nauczania na korzyść przedmiotów matematyczno-przyrodniczych. Wiosna Ludów w 1948 r. przyniosła nie tylko zniesienie pańszczyzny na terenie Galicji, ale także ograniczoną reformę gimnazjum i szkoły realnej[45]. Jednak prawa obywateli do wolności myśli, wolności religijnej oraz „nauki i uczenia się" zostało usankcjonowane dopiero w konstytucji z 21 grudnia 1867 roku[46], z chwilą przekształcenia Cesarstwa Austriackiego w Monarchię Austro-Węgierską. Od tego czasu oświata na trenie monarchii

[38] Do rozpowszechnienia metody Bella w Anglii, Walii, Szkocji i Irlandii, przyczyniło się założone w 1811 r. Anglikańskie Stowarzyszenie Kościelne pod nazwą: „National socjety" (Stowarzyszenie narodowe ku popieraniu wychowania ubogich).

[39] Szkółki Lancastera (kwakra) powstały w 1798 r. i zostały rozpowszechnione przez zawiązane w 1814 r. „Towarzystwo Szkolne Wielkobrytyjskie i Zagraniczne" (British and foreign socjety).

[40] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom VII, Warszawa 1892, s. 325.

[41] A. Bell, *An experiment in education made in the asylum of Madras,* London 1797.

[42] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom XXI, Warszawa 1898, s. 889.

[43] S. Kot, Historia Wychowania, Zarys podręcznikowy. Lwów 1934, s.45.

[44] E. de Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 32.

[45] J. Draus, R. Terlecki, *Historia Wychowania,* Kraków 2005, s. 21.

[46] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom V, Warszawa 1891, s. 518.

zaczęła się powoli organizować i rozwijać. I tak w roku 1880 funkcjonowały szkoły ludowe (pospolite i wydziałowe), średnie, wyższe i specjalne. Szkoły średnie dzieliły się na gimnazja umożliwiające wstęp na uniwersytety i szkoły realne, które stały się przepustką do akademii technicznych. Otwierano również seminaria nauczycielskie, kształcące nauczycieli ludowych oraz politechniki, kształcące inżynierów, a także szkoły specjalne – handlowe, rolnicze, górnicze itd. Do wyróżniających się wyższych uczelni tego okresu należy zaliczyć uniwersytety w Czerniowcach, Grazu, Innsbrucku, Klausenburgu (obecnie Kluż-Napoka – w Rumunii) Peszcie, Pradze, Wiedniu, Zagrzebiu, oraz dwa polskie: w Krakowie i Lwowie. Także liczba umiejących pisać i czytać w prowincjach była zróżnicowana i tak np. w roku 1880 w Dolnej Austrii wynosiła 78%, w Czechach 72,9%, w Tyrolu 70,2% w Salzburgu 70,0%, na Morawach 67,3%, Śląsku 61,9%. Niestety słabo wypadła Galicja gdzie czytać i pisać potrafiło zaledwie 11,3% ludności oraz Dalmacja 9,6% i Bukowina 9,1%.

Belgia

W dziewiętnastym wieku Belgia przeszła burzliwe dzieje. W roku 1795 została wcielona do Francji, natomiast w 1815 roku, na mocy kongresu wiedeńskiego połączono ją z Holandią i dopiero w 1830 roku w wyniku antyholenderskiego powstania zdobyła niepodległość. Na początku XIX wieku nauczanie w Belgii nie było obowiązkowe, Zasada była ujęta w konstytucji i prawie organicznym z 23 września 1842 roku, które regulowało kwestie wolności i obowiązki obywateli. Szkoły każdego stopnia mógł otwierać każdy, bez zgłaszania czy uzyskana zgody władz. Nauka początkowa była bezpłatna dla wszystkich, którym brakowało pieniędzy na czesne (ok 2/5 uczniów). Szkoły podlegały nadzorowi władz cywilnych oraz kościelnych. Nauczyciele, którzy pracowali w szkołach początkowych zarabiali około 900 franków rocznie. Było to w tych czasach dobre wynagrodzenie i składało się z funduszów rządowych, opłat z prowincji, a także datków od rodziców dzieci zamożnych.

W połowie wieku wprowadzono narady nauczycieli w kantonach organizowanych przez inspektorów kantonalnych. Narady miały charakter szkoleniowy, miały także podnosić „gorliwość" nauczycieli do pracy. Nauka początkowa w Belgii obejmowała przedmioty: moralność i religię, czytanie i pisanie, system miar i wag, elementy rachunków i zasady języka ojczystego. Nauka religii trwała jedną godzinę i odbywała się raz w tygodniu i obejmowała: zwyczajne modlitwy chrześcijanina, krótki rys nauki chrześcijańskiej według katechizmu diecezji i „historyją świętą". Dzieci i młodzież miała do dyspozycji tzw. przedmioty dowolne: śpiew, rysunek linearny, gimnastykę, wiadomości elementarne z historii i geografii Belgii oraz roboty ręczne w szkołach dla dziewcząt. W 1830 roku w Belgii istniało 4 046 szkół początkowych, w których uczyło się 293 tys. uczniów. W roku 1848 liczba szkół początkowych wzrosła do 5 747, w których uczyło się 462 tys. Państwo finansowało „naukę pośrednią" – 24 kolegia, w których studiowało 4 438 uczniów[47].

Hiszpania

Częste wojny, zmiany rządów spowodowały, że Hiszpania należała w dziewiętnastym wieku do najuboższych krajów Europy. Szkolnictwo było słabo rozwinięte, a znajomość pisma znikoma. Nauka początkowa była przez lata pozostawiona na łaskę dobroczynności publicznej, zwłaszcza zakonów żeńskich i męskich (braci szkolnych, dominikańskich, jezuitów, pijarów, salezjańskich i innych) oraz składek ludzi pobożnych i fundacji filantropijnych. Mimo burzliwych dziejów w 1825 roku nauka i wychowanie publiczne stały się językiem uwagi władz, które wydały przepisy wprowadzające Komisje gminne które zachęcały dzieci do nauki oraz poddawały nauczycieli egzaminom. Powołano także Komisję centralną w Madrycie, która otrzymała zadanie monitorowania i nadawania „popędu" w rozwoju szkolnictwa[48]. Od tego czasu nauka początkowa zaczęła się stopniowo rozwijać. Statystyki z 1835 roku iż w tym czasie na terenie Hiszpanii funkcjonowało 10 tys. szkół, tak, że na jedną szkołę przypadało około 750 mieszkańców. W szkołach uczyło 5,5 tys. nauczycielek i nauczycieli z dyplomem i około 10,5 tys. bez dyplomu. 21 lipca 1838 roku powołano do życia „Szkołę Normalną Centralną" w Madrycie, w której kształcono uczniów z każdej prowincji na nauczycieli „szkół normalnych prowincjonalnych". Wystarczy wspomnieć, iż pod koniec wieku na 10 tys. mieszkańców do szkółek elementarnych uczęszczało 1095 dzieci, a na terenie kraju funkcjonowało 30 105 szkółek ludowych. Jednak na 1000 mieszkańców było 681 niepiśmiennych (dane z 1885 r.).

Niestety, przymus szkolny wprowadzono w Hiszpanii dopiero w 1909 roku. Oprócz szkół początkowych istniały szkoły drugorzędne – kolegia oraz studia uniwersyteckie na wydziałach: filozofii, teologii, prawa, medycyny i apteki (farmacji). W 1885 r. Hiszpania posiadała 10 okręgów uniwersyteckich z uniwersytetami w Barcelonie, Grenadzie, Madrycie, Oviedo, Sewilli, Santiago, Salamance, Walencji, Valladolid i Saragossie. Uniwersytety uzupełniały szkoły specjalne: Konserwatorium sztuk, Konserwatorium muzyki, Konserwatorium deklamacji, Szkoły „escribanos" (notariuszy i pisarzy sądowych), szkoły wojskowe, szkoła morska, szkoła rolnicza, szkoła górnicza, szkoła weterynarii, szkoła głuchoniemych i szkoły niewidomych.

Francja

Sprawy oświaty we Francji spoczywały w średniowieczu w rękach zakonów i Kościoła. Postanowienie króla i Henryka IV Burbona z roku 1598 nakazywało ojcom, matkom, opiekunom i innym osobom, którym powierzone były dzieci na wychowanie, a zwłaszcza tym, którzy przyjęli wyznanie Kościoła Reformowanego, posyłać je do szkół i naukę katechizmu, aż do czternastu lat. Sędziowie królewscy sprawdzali czy dzieci wypełniały obowiązek szkolny, a rodziców, którzy zapominali o woli króla - karali „stosownie do wymagań i przypadku". Pół wieku

[47] E. de Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 34.
[48] E. de Girardin, *Oświata powszechna,* Paris, 1855, s. 35.

później Ludwik XIV zwolnił ludność z konieczności posyłania dzieci do szkół, których rodzice mogli zapewnić wychowanie domowe. Nakazał jednak proboszczom czuwać nad nauką dzieci w parafiach i sprawdzać ich postępy w nauce. Konstytucja podpisana przez króla Ludwika XVI w dniu 13 września 1791 roku stanowiła, że będzie ustanowione wychowanie publiczne wspólne dla wszystkich obywateli, dodając: „bezpłatne pod względem części nauk niezbędnych dla wszystkich ludzi.

Rewolucja Francuska i rządy jakobinów przywróciły dekretem z 25 grudnia 1793 roku obowiązek nauki początkowej. Odtąd ojcowie, matki, opiekunowie, kuratorzy powinni posyłać dzieci w wieku od sześciu do ośmiu lat do szkół pierwszego stopnia, na okres co najmniej trzech lat. Rodzicom, którzy nie dopełniali obowiązku posyłania dzieci do szkół, groziły srogie kary grzywny równe czwartej części podatków, a w przypadku recydywy na karę podwójną, łącznie z pozbawieniem ich przez dziesięć lat korzystania z praw obywatelskich. Uczniowie, którzy po ukończeniu szkół pierwszego stopnia nie podjęli pracy, obowiązani byli do kontynuowania nauki lub uczenia się rzemiosła pożytecznego społecznie. Młodzież, która nie zastosowała się do zarządzenia mogła być także pozbawiona praw obywatelskich po osiągnięciu 21 roku życia. Prawo z dnia 17 listopada 1794 r. było jeszcze bardziej surowe. Artykuł 14 dekretu stanowił, iż młodzi ludzie, którzy nie uczęszczali do szkół początkowych mogli być egzaminowani w obecności ludu i młodzieży i jeżeli zostali uznani, że nie mają wiadomości potrzebnych obywatelom francuskim, powinni być usunięci ze wszystkich urzędów publicznych aż do czasu nabycia wiadomości. Jednak dopiero przez prawa, ogłaszane w latach 1833, 1850, 1854 i 1867, szkolnictwo poczęło powoli przechodzić pod władzę świecką, a po wojnie francusko-pruskiej (1870 – 1871) zostało dogłębnie zreformowane[49]. Prawo z 1882 roku zaprowadziło w szkołach pełną swobodę religijną i obowiązek szkolny dla dzieci i młodzieży w wieku od lat sześciu do osiemnastu, nauka religii miała się odbywać poza szkołą, natomiast nauczycielem w szkołach państwowych mógł być tylko obywatel francuski. Dzięki wysiłkom władz i francuskiego społeczeństwa spadła liczba analfabetów z 58% w roku 1827 do 9% w 1890. W tym czasie szkolnictwo dzieliło się na trzy stopnie - elementarny, średni i wyższy. Szkoły elementarne – były początkowo prowadzone w szkołach ludowych, męskich, żeńskich i koedukacyjnych. Szkoły średnie drugiego stopnia - państwowe licea i kolegia były utrzymywane przez gminy. Funkcjonowały jeszcze szkoły tzw. wolne organizowane przez zakony i osoby prywatne. Nauczanie wyższe należało do najstarszych w Europie. Pierwsza wzmianka mistrzów tworzących Uniwersytet Paryski pochodzi z 1208. Wystarczy przypomnieć, że w roku 1579 było Francji 21 uniwersytetów i szkół wyższych, które na przestrzeni wieków ulegały różnym reformom i przeobrażeniom. I tak w roku 1891 roku w imieniu państwa nauczanie w stopniu wyższym prowadziły uniwersytety i szkoły wyższe na tzw. fakultetach: 15 literackich, 15 naukowych, 12 prawnych, 4 lekarskich i 2 protestanckich i wyższych szkołach farmaceutycznych. Egzystowały także wolne fakultety utrzymywane przez osoby prywatne. W tym czasie studiowało 21 716 studentów – 8 499 w Paryżu i 12 217 na prowincji (20 785 na uczelniach państwowych i tylko 931 na wolnych fakultetów). Oprócz przedstawionych uczelni trzeba wymienić słynne kolegium francuskie, muzeum historii naturalnej, szkoła języków wschodnich, szkoła sztuk pięknych, konserwatorium muzyczne ze szkołą deklamacji, szkoła politechniczna, szkoła górnicza, wyższa szkoła wojskowa marynarki i inne[50].

Irlandia

Tu także sytuacja polityczna i religijna była trudna, lecz nieopatrzne przyczyniła się do przyjęcia przez rząd Irlandii planu wychowania w szkołach, w których dzieci katolickie mogły się uczyć razem z dziećmi protestanckimi. Szkoły początkowe „narodowe" były tworzone według planów rządu, który zadecydował, iż w każdej parafii będzie regularnie działać „szkoła początkowa" i będzie opłacana z funduszy państwa. W 1834 funkcjonowało w Irlandii 780 szkół narodowych, w których uczyło się 107 tys. uczniów. Tak więc nauka elementarna była obowiązkowa i bezpłatna. Nauczanie średnie nie podlegało jurysdykcji państwowej, jednak władze nadzorowały egzaminy tworząc urzędy egzaminacyjne. W 1849 liczba szkół zwiększyła się do 3 153 szkół i 480 tys. uczniów i corocznie się zwiększała[51]. W roku 1886 liczba uczniów wynosiła 490 tys. natomiast w 1891 już 506 tys. uczniów. W ciągu dziesięciolecia 1881- 1891 liczna analfabetów w Irlandii spadła z 25,3% do 18,4%. Nauczaniem wyższym zajmował się istniejący od 1592 r. anglikański uniwersytet w Dublinie (Trinity College) oraz założony wiele lat później w Dublinie w roku 1850 Queeus University otwarty dla wszystkich studentów bez różnicy wyznań. W 1854 r. utworzono w Dublinie kolejny Roman-Catholic-University, który składał się z University College i Medical School w Dublinie, St. Patrick's College w Maynooth i Carlow, University College w Blackrock i Holy Cross College w Clonliffe. Ponadto istniały szkoły wyższe – nauk przyrodniczych i matematyki z wydziałami górnictwa, rolnictwa, inżynierii, i rękodzieła[52].

Turcja

W XIX wieku Turcja miała już sukcesy wielkiego Imperium Osmańskiego za sobą. Od połowy XVIII zwiększał się dystans cywilizacyjny miedzy Turcją a krajami Europy. Turcja była zacofana gospodarczo, brakowało przemysłu, co rusz wybuchały powstania. Nieudolna polityka rządu pogarszała tylko sytuację, a próby zintegrowania wielonarodowego kraju były skazane na porażkę. Dopiero zmiany na tronie sułtana

[49] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* T. XXIII, Warszawa 1899, s. 66.

[50] Tamże, s. 67.

[51] E. De Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 45.

[52] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom XXXI –XXXII, Warszawa 1903, s. 112.

osmańskiego Abdülaziza (1861-1876) na Abdülhamida II (1876-1909) i powołanie na szefa rządu Midhata Paşa zmieniło nieco sytuację Turcji. W roku 1878 opracowano konstytucję, wprowadzono dwuizbowy parlament oraz równość wszystkich obywateli bez względu na wyznanie[53]. Jednak słabość państwa i w konsekwencji przegranie wojny z Rosją zmieniło sytuację w kraju. Rozpadło się imperium osmańskie a kolejne wojny nadal osłabiały Turcję. Trzeba jednak przyznać, że reorganizacja szkolnictwa rozpoczęła się już w 1846 roku (do tego czasu nauczanie i wychowania miało charakter wewnętrzny i indywidualny w rodzinach). Wychowanie publiczne skupiało się w rękach duchownych muzułmańskich ulemów - muftiów oraz imamów i było w swojej istocie - religijne lub literackie. Abdülaziz zdawał sobie sprawę, że ortodoksyjne wychowanie przeszkadza w modernizacji kraju. Rozpoczęto sekularyzację wychowania i wyrwania nauczania z rąk mahometańskiej Moskei. Za jego rządów utworzono uniwersytet, oraz rozwijać szkolnictwo powszechne. Niestety reformy podejmowane przez rząd były mało efektywne. Nauczanie początkowe podlegało jurysdykcji władz, było bezpłatne i obowiązkowe. W miejscowościach, gdzie donacje (darowizny) i wpłaty prywatne (legaty) nie wystarczały na utrzymanie szkół i płace nauczycieli – wydatki pokrywał rząd. Nauka ograniczała się do czytania, elementów pisowni, znajomości zasad religii i moralności. W 1866 roku Konstantynopol posiadał 396 szkół podstawowych, do których uczęszczało 22 700 uczennic i uczniów. Warto wspomnieć, iż każda wioska miała swoją szkołę. Po czterech, pięciu latach nauki, dziecko mogło przejść do bezpłatnych szkół drugorzędnych, gdzie nauka trwała około czterech lat. W Konstantynopolu funkcjonowało sześć takich szkół, do których uczęszczało 870 uczniów. W szkołach drugorzędnych uczono gramatyki i składni arabskiej, ortografii, kompozycji stylu historii proroków muzułmańskich, historii Turcji, historii powszechnej, geografii, arytmetyki i geometrii. Szkoły wyższe były tworzone na wzór europejski i funkcjonowały tylko w Konstantynopolu. Szkoły główne „Moszea Achmeda" i „Moszea Sulejmana" założone przez sułtana Mahmuda (1785-1839) przysposabiały do urzędów cywilnych, Kolegium „Sułtanki Validy", cesarska szkoła wojskowa, cesarska szkoła lekarska, cesarska szkoła inżynierii i artylerii, cesarska szkoła morska, szkoła weterynarii i szkoła normalna czyli dom profesorów[54].

Związek Niemiecki

W dziewiętnastym wieku kongres wiedeński usankcjonował powstanie federacji niezależnych państewek niemieckich zwanych powszechnie Związkiem Niemieckim. Wchodzące w skład tej federacji Prusy, doprowadziły do powstania w 1871 roku Cesarstwa Niemieckiego pod wodzą Otto von Bismarcka. W artykule przedstawiono stan wychowania w Królestwie Bawarii, Królestwie Hanoweru, Królestwie Saksonii i Prusach.

Królestwo Bawarii

Bawaria stanowiła drugą co do wielkości i znaczenia, monarchię konstytucyjną i była częścią Cesarstwa Niemieckiego. Oświata stała na wysokim poziomie, a jej sprawom służyła królewska akademia nauk założona w Monachium w 1759 roku.

Dekret z 23 grudnia 1802 r. stanowił, że żadne dziecko nie powinno opuścić szkoły przed ukończeniem dwunastu lat życia, zdaniu publicznego egzaminu i otrzymaniem świadectwa od inspektora szkolnego. Świadectwo ukończenia nauki początkowej było podstawą do podjęcia nauki rzemiosła, a później ważnym dokumentem przy zawieraniu małżeństwa klas niższych. Przepisy z początku wieku, uzupełniane przez lata, stały się podstawą nauki początkowej w Bawarii. Polityka oświatowa Bawarii przyniosła dobre skutki bowiem podczas spisu w roku 1885 na 18 581 rekrutów, tylko 15 nie potrafiło czytać i pisać[55]. Przyczyniła się do tego znaczna liczba szkół elementarnych i średnich, 38 gimnazjów, trzy uniwersytety dwa katolickie w Monachium i Würzburgu oraz jeden luterański w Erlangen , wyższa szkoła techniczna, instytuty: leśny, weterynaryjny, akademia wojskowa oraz akademia sztuk pięknych oraz instytut muzyczny.

Królestwo Hanoweru

Królestwo Hanoweru powstało na kongresie wiedeńskim w 1814 r. i uległo wcieleniu przez Królestwo Prus w 1866 roku jako Prowincja Hanoweru. Oświata była zorganizowana jak w całych Prusach. Tak więc funkcjonowały szkoły powszechne, realne, gimnazja, szkoły wyższe i biblioteki. Warto wspomnieć, iż jeden z najsłynniejszych uniwersytetów Niemiec w Getyndze posiadał bibliotekę, liczącą w tym czasie… pół miliona tomów[56]. Ustanowione przez Królestwo Hanoweru normy prawne z 1845 roku, zobowiązywały rodziców i opiekunów aby każde dziecko od lat sześciu do uczęszczania w do szkoły (jeżeli nie pobiera nauki w zakładzie wyższym lub uczy się prywatnie). W przypadkach szczególnych dozór szkolny, który był powierzany władzy duchownej, mógł zwolnić ucznia z uczęszczania do szkoły. Wychowanie prywatne zwalniało ze szkoły tylko w przypadku realizacji programu ustalonego przez szkołę. Dozorowi szkolnemu i ocenie podlegali także nauczyciele nauczania prywatnego[57]. Jedyny uniwersytet znajdował się w Getyndze założony w 1734 roku. Funkcjonowały także dwa seminaria protestanckie w Hanowerze i Lockum i katolickie w Hildesheimie oraz Politechnika, szkoła rolnicza, szkoła budownictwa, szkoła sztuk i rzemiosł w Hildesheim i kilku innych miastach, szkoła żeglugi w Emden i górnicza w Klaustal.

[53] *Oxford, Wielka Historia Świata,* T. XXVI, Warszawa b.d.w., s.193.
[54] E. De Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 49.
[55] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom VII, Warszawa 1892, s. 149.
[56] *Wielka Encyklopedya Powszechna Ilustrowana,* Tom XXVII-XXVIII, , Warszawa 1901, s. 381.
[57] E. De Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 44.

Królestwo Saksonii

Królestwo Saksonii przez dziewięć lat było w latach 1806-1815 w unii personalnej z Wielkim Księstwem Warszawskim. (Powstało w 1806 roku i istniało do 1918 r.) Prawo saksońskie z 1835 roku stanowiło, że każde dziecko powinno chodzić do szkoły „przez osiem lat idących po sobie tak w zimie i w lecie". Dziecko nie mogło opuszczać szkoły, zwłaszcza głównych przedmiotów: czytania, pisania i rachunku. W Saksonii dziecko mogło być zwalniane ze szkoły, ale tylko wtedy, kiedy rodzice mogli dowieść, że dzieci się uczą prywatnie w sposób dostateczny. Dyrekcje szkół powinny użyć wszystkich środków, aby dzieci spełniały obowiązek szkolny.. Na rodziców, którzy lekceważyli obowiązki dzieci, nakładano kary od 5 srebrnych groszy do 2,5 talarów lub więzienia.

Prusy

Pierwszy król pruski Fryderyk Wilhelm I (1688-1740) wydał rozporządzenie, które umożliwiało tworzenie szkółek wiejskich na terenie kraju, jednak z powodu braku funduszy projekt nie osiągnął zamierzonych rezultatów[58]. Dopiero ogłoszony przez Fryderyka II w roku 1763 regulamin powszechnych szkół wiejskich (General-Land-Schul-Reglement) zmierzał do objęcia powszechnym obowiązkiem szkolnym całe Prusy, nakazując założenie w każdej gminie szkoły ludowej[59]. Regulamin obejmował wszystkie dzieci od 5 do 13-14 lat, i wzywał właścicieli ziemskich, aby umożliwiali dzieciom wiejskich uczęszczanie do szkół pod groźbą sankcji[60]. W roku 1765 regulamin szkolny (Schul-Reglement) zobowiązywał wszystkie dzieci w wieku od 6 do 13 lat do chodzenia do szkoły bez względu na sytuację finansową rodziców. Rozporządzenie władz z 1801 roku czyniło rodziców odpowiedzialnymi za uczęszczanie dzieci do szkoły. Rodzice i opiekunowie, których dzieci przez tydzień nie chodziły do szkoły ponosili karę pieniężną w wysokości 4 srebrnych groszy, albo odpracowanie jednego dnia na rzecz gminy.

Choroba lub podróż były jedynym usprawiedliwieniem. W Prusach funkcjonowały także klasy (szkoły) niedzielne, oparte o stare przepisy z 1765 roku, dla dzieci i młodzieży które opuściły wcześniej szkołę. W szkołach niedzielnych obowiązywała nauka do lat szesnastu. Wszyscy chłopcy, którzy terminowali się w rzemiośle w miastach byli zobowiązani uczęszczać do tych klas, pod groźbą grzywny w wysokości 3 talarów.

Twórcą reformy szkolnej w Prusach był Wilhelm von Humboldt, który kierował pracami w tej dziedzinie do 1810 roku[61]. W 1817 roku utworzono Ministerstwo do spraw Wyznań i Oświaty, które dokonało podziału na: szkoły ludowe, średnie i uniwersytety. Wprowadzono maturę, która stała się przepustką na studia, drogą do pracy urzędniczej i państwowej. Przepisy szkolne z 1819 roku zobowiązywały rodziców do posyłania dzieci do szkoły publicznej chyba, że potrafiły udowodnić, że dzieci otrzymują wykształcenie zgodne z państwowym programem nauczania. W Prusach też stosowano kary za opuszczanie zajęć. Raport ministra oświecenia publicznego z 1831 roku o wychowaniu początkowym wymienia upomnienia dawane rodzicom przez miejscowe komitety szkolne: kary pieniężne, prace na rzecz gminy, więzienie oraz nakazy doprowadzenia dzieci do szkoły przez policję[62]. W szkołach obowiązywał rygor i słynna już „pruska dyscyplina". System szkolny w Bawarii kształcił i wychowywał dzieci i młodzież na potrzeby państwa. Karnych, posłusznych i przydatnych w zmilitaryzowanym państwie pruskim.

[58] S. Kot, *Historia Wychowania, Zarys Podręcznikowy,* Kraków1924, s. 20.
[59] S. Kot, Historia *Wychowania, Zarys Podręcznikowy,* Lwów 1934, s. 45.
[60] S. Salmonowicz, *Prusy. Dzieje Państwa i Społeczeństwa,* Warszawa 1998, s. 222.
[61] Tamże, s. 240.
[62] E. De Girardin, *Oświata Powszechna,* Paris 1855, s. 46.

УДК:801.51, 373 .013

БАСНИ КАК ЛИНГВОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ (басни И.А.Крылова, А.К.Толстого)

О.И. Ярмолович,
кандидат педагогических наук, доцент,
Национальный Университет «Одесская Морская Академия»,
Учебный центр «Марин Лингва», г.Одесса, Украина
E-mail: Ok-yarm@rambler.ru

В статье анализируются основные педагогические тенденции к воспитанию патриотизма у новых поколений. Исследование базируется на концепции изучения лингвопедагогических приёмов при обучении родному и иностранному языкам. Материальной базой практических занятий со студентами, будущими учителями, были басни И.А.Крылова, А.К.Толстого и их перевод на английский язык. Использование методов: описательного, обобщения, систематизации, анализа работ по лингвопедагогике и проведенного эксперементального обучения дало возможность сделать вывод о продуктивности использования басен, как лингвопедагогического материала для воспитания патриотизма у будущих поколений.

Ключевые слова: басня, лингвопедагогический материал, патриотизм, студенты, воспитывать, переводить, практические занятия.

FABLES AS LINGUOPEDAGOGICAL MATERIAL (fables of I.A.Krylov, A.K.Tolstoy)

O.I. Yarmolovich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
National University "Odessa Maritime Academy"
Training center "Marin Lingva", Odessa, Ukraine
E-mail: Ok-yarm@rambler.ru

The article analyzes the main pedagogical trends towards the education of patriotism in the mentality of new generations. The researching is based on the concept of learning linguopedagogical techniques in teaching native and foreign languages. The material base for the students was the fables of I. Krylov, A. Tolstoy and their translation into English used at the practical studies with students as the future teachers. The use of the following methods: descriptive, generalization, systematization, analysis of works of linguopedagogy and experimental training made it possible to draw a conclusion about the useful using fables as the linguopedagogical material for the education of patriotism for the future generations.

Key words: fable, linguopedagogical material, patriotism, students, to educate, to translat, practical classes.

Введение

Исходя из геополитических мировых изменений, актуальность воспитания патриотизма у подрастающих поколений становится не только проблемой учебных заведений, педагогов, но и одной из первейших проблем государственной политики.

Профессиональная подготовка в вузе ориентирована на формирование социально-профессиональной компетентности специалиста, требующей обновления практических материалов, высокого уровня ментальности, ориентированности на креативность, близости к реалиям времени. В этой связи особую актуальность приобретает педагогические исследования лингвистического текста басни в аудиторных и внеаудиторных условиях. Обучение «чтению» басен даёт учащимся навык самостоятельной оценки изменяющего окружающего мира. Актуальность обращения к теме патриотизма обусловлена необходимостью развития социальнокультурной рефлексии современного мира независимо от страны проживания учащихся. Существенным в изучении данной темы есть проблема подготовки будущего учителя к воспитанию патриотизма у последующих поколений.

Цели и задачи

Исследование основывается на особенности процесса подготовки будущих учителей-филологов к профессиональной деятельности. Практическим материалом для достижения цели были литературные произведения русского языка и их переводы на английский язык. Были использованы басни И.А.Крылова , А.К.Толстого и их переводы.

Целью исследования является изучение эффективности использования будущими учителями басен в учебном процессе при формировании чувства патриотизма у школьников.

Исследования А.П. Квятковского и А.А. Потебни являются базовыми работами по теории литературного жанра басня. Работы лингвистов определили особенности структуры текста, поэтики, языка басни. Были сделаны выводы о возможности разрушения текста басни в случае нарушения выведенных характеристик.

Анализ работ В.А.Кан-Калик, С.В. Николаевой, И.А. Зимней, Д.В. Ярцева, А.Ю.Никотченкова показал, что проблемой использования басни, как методического материала занимались ещё К.Д. Ушинский, Д.И. Тихомиров, В.Я. Стоюнин, В.П. Острогорский, А.А. Потебня, М.А. Рыбников, Л.И. Тимофеев. В своей работе

«Воспитание читательских интересов у школьников» (1950г) М.М.Рубинштейн высказал ту же мысль, что и В.К.Голубков, о необходимости руководить чтением школьников в целях правильного воспитания. Е.И.Аненкова, С.В.Вачкова, В.И. Коровин, Н.В. Крицкая, В.Г. Горецкий, М.Ф. Климанова, другие в своих статьях, диссертационных исследованиях, учебниках указывают, что басня «особый интуитивный материал» для учебного процесса.

Решение поставленных задач по выявлению методов и средств воспитания патриотизма у школьников было начато с анализа работ по избранной теме. Проблема патриотизма это основа работ Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Г.О.Флоренского, В.С.Соловьёва, А.С.Ахиезера, Э.М.Андреева, Д.С.Лихачёва, других философов последних столетий. Патриотическая позиция философов отражена в работах педагогов: Е.А.Ануфриева, Л.С.Выготского, Ю.А.Зубкова, В.А.Кольцовой, С.В.Лебедева, В.А.Лисовской, О.М.Куцевола, А.С.Макаренко, А.В.Мудрикова, С.В.Николаевой, В.А.Сухомлинского и иных. Вопросы воспитания патриотизма рассматриваются на государственном уровне, что видно по постановлениям, законам: «Закон України «Про виховання дітей та молоді»(2015), «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации», «Программа по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации» (2016-2020), «Гражданско-патриотическое воспитание молодёжи Беларуси» (2016-2020).

Была выдвинута задача по разработке опытно-экспериментальной программы и организационно-методической системы работы с басней на практических занятиях по дисциплине «Методика обучения иностранному языку». Проведённое экспериментальное исследование было описано и предложено к использованию в процессе прохождения педагогической практики.

Методы и материал исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды и идеи отечественных и зарубежных мыслителей, поднимавших проблемы формирования патриотизма, как гражданственности: А.С.Ахиезера, Э.М.Андреева, Н.Я.Данилевского, Т.С.Колябиной, Ф.Э.Шереги. Использавание литературного жанра басня в учебно-воспитательном процессе изучалось по работам Е.И.Аненкова, С.В.Вачкова, В. И. Коровин, Н.В.Крицкая, В.Г.Горецкий, М.Ф.Климанова.

В работе использовались историко-сравнительный метод, дескриптивный метод, элементы структуралистического подхода применительно к выявлению эффективных текстов-басен для учебного процесса.

Слово «патриотизм» использовалось еще в античной Элладе, Италии. Первичное значение понятия увязывалось с социальной жизнью. Эволюция человеческого социума расширила значение понятия «патриотизм» до масштабов страны, т.е. Родины и стремления человека к расцвету родной страны, Родины. Понятие патриотизм было воспринято многими науками [3, с. 292]. Наш соотечественник педагог К. Д. Ушинский считал духовную жизнь народа основой патриотизма. На его высказывании о развивающих принципах народности базируется воспитание у детей любви к Родине и в настоящее время. Педагог считал воспитание патриотизма, т.е. гуманности через трудолюбие и ответственность. В работе «Человек, как предмет воспитания» (1867) говорится: «Как не имеется человека без самолюбия, так не имеется человека без любви к Отечеству ..., что есть опора для борьбы с его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями» [3, с. 293].

Вопросы подготовки будущих учителей к навыкам воспитательного труда отразил в своих работах педагог Харламов Иван Федорович (1920–2003 рр). Он дал определение патриотизму как взаимосвязанной совокупности нравственных чувств и черт поведения, включающую любовь к Родине. Каждая воспитательная работа базируется не только на теоретических определениях, но на практических их проявлениях. Именно поэтому, рассматривая определение понятия «патриотизм» И.Ф.Харламова акцентирует внимание на словах: «сохранения трудовых традиций народа, бережное отношение к историческим памятникам и обычаям родной страны», «стремление к сотрудничеству с культурой других стран и народов» [3, с. 294].

В.А.Доманский во второй главе своей научно-методической работы студентам-филологам показывает связь искусства, культуры и литературы. Следуя позиции Ю.М.Лотмана, В.А.Доманский указывает на то, что «культуру можно рассматривать как сумму текстов» [4].

Подготовка студентов-филологов к занятиям по воспитанию патриотизма основывалась на текстах русских баснописцев. Басня передаёт синхронию и диахронию словесной культуры. Басня литературный жанр, отражающий эволюцию литературного текста от фольклора к художественной литературе [6, с 49].

Работы А.П. Квятковского показывают студентам особенностей жанра басня: сатиричность, небольшой объем, аллегоричность, наличие нравственного вывода или морали, автологический язык [5,с.189]. Исследования А.А. Потебни помогают студентам понять некоторые свойства басни, без которых поэтизм басни разрушается. Первое свойство - единство действий одного сюжета. Второе – имя, название действующего лица басни должно сразу же его охарактеризовать. Вывод А.А.Потебни о присутствии обобщающих слов только в нравоучительной части басни студенты подтвердили, разбирая текст басни. В основной части текста слова «некоторые люди», «все люди» не употребляется автором. А.А. Потебня также указал на то, что нарушение всех выеденных свойств басни приводит к разрушению поэтики жанра [5, с 190.–191].

У басен особая мифопоэтическая картина мира, связь с другим миром, система специфики создания и существования действий в ней близка всем людям и популярна среди школьников. Обучение чтению басен в учебном процессе ориенти-

руется всегда на «оттачивание техники чтения, анализ смысловой нагрузки, заучивание наизусть текста, инсценировка басни [7, с. 20–21]. Реализуя поставленную цель, студенты выбрали басни И.А.Крылова: «Обоз», «Ручей», «Волк на псарне» и А.К.Толстого «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки», «Звезда и брюхо».

Работа по теме «Воспитание патриотизма на материале басен» с будущими учителями-филологами прежде всего началась с анализа лингвопедагогической литературы. Студенты подготовили определения ключевых понятий (басня, патриотизм), историю создания определённой басни. Анализ различных источников помог студентам выявить басни полностью «изобретённые» Крыловым («Ручей» и «Обоз»). Вторым критерием отбора стала связь сюжета басни с событиями в России – Отечественная война 1812года («Обоз», «Ручей», «Волк на псарне»). Эти басни были опубликованы уже в 1812году [1, 5 с.191].

Басня «Обоз» характеризуется «реалистичной» передачей службы русского полководца М.И.Кутузова на благо своей Родины вопреки всем противодействиям: «*Ай, конь хвалёный, то-то диво! Смотрите: лепится, как рак; Вот чуть не зацепил за камень; Косо! Криво!*». Единению страны, высмеиванию нерадивых, но кичливых «*глубоких мудрецов»,* ложной вере в *«смирно, гладко…журчат*» льстецы и лицемеры посвящена басня «Ручей». Ложное смирение в условиях борьбы показан как знак предательства: «*И так журчат для сердца сладко// Лишь только оттого, что мало в них воды!*». Студенты выяснили, что И.А.Крылов любил слушать чтение своей басни "Ручей". История басни «Волк на псарне» произвела на студентов впечатление. Прежде они не знали, что басня связана с письмом Наполеона о «*желании положить предел несогласиям между двумя великими народами и положить его навсегда*» [1, 5 с. 192].

Безусловно, студентам было совершенно неведомо, что творчество баснописца И.А.Крылова входит в понятие «диалог культур». Показателем этого есть популярность басен И.А.Крылова в Великобритании. Известно, что они переводились и публиковались начиная с девятнадцатого века [4].

Работу с баснями А.К.Толстого студенты так же началась с анализа лингвистических источников. Студенты выяснили, кто такие братья Жемчужниковы. Владимир Жемчужников писал в письме об истории создания басен: «*упомянутые басни ... доказывается излишество похвал Крылову, потому что написанные теперь басни не хуже тех*.» [3, с. 294]. Писали братья в различных жанрах: стихи, басни, эпиграммы, пародии, пьески, афоризмы, исторические анекдоты, в которых высмеивались явления окружающей действительности. Студенты отметили сюжетный каламбур, как главную и общую характеристику всех басен А.К.Толстого. Работа с литературными источниками помогла студентам узнать, что с середины девятнадцатого века сатирический вымышленный герой Козьма Прутков опубликовал свои басни в сборнике «Досуги Козьмы Пруткова» (1854 г.). Сборник переиздавался при жизни авторов с дополнениями и переиздаётся до настоящего времени [2, 7].

Критическая литература указывает, что патриотизм в баснях А.К. Толстого просматривается не так явно, как у А.И. Крылова. Ведь как уже говорилось, идея басни быть сатиричной, нравоучительной, а не лирически описательной, какова в основном вся поэзия А.К.Толстого. Но нравоучительная часть басни или образность передаёт идею борьбы за Родину. Критическая литература показала студентам, что отобранные ими басни передают события Отечественной войны 1812 года [2, 8, 9].

Автор использует выразительные языковые приёмы, например омонимия. В басне «Звезда и Брюхо» смешиваются омонимы к слову «звезда» – «*космическое тело»* и «*орден святого Станислава*», орден имел вид звезды. [8, 9 с.13–14].

Герои басни «Звезда и брюхо» - граждане страны, дворяне. Они представлены позитивно и лирически: «*Меж тем ночная тень мрачней кругом легла, Звезда, прищурившись, глядит за край оконный…*» [4, с. 33]. Кроме того, им не дано негативное оценивание. Их образ не принижен. Студенты пронаблюдали, что и в остальных баснях именно дворяне выступают положительными персонажами. Всегда демонстрируется дружба, как и в этой басне: «*То мой совет / (Я говорю из дружбы)»* [Там же]. А.К. Толстой, граф, потомственный дворянин, и только в басни он имеет возможность показать безысходность общества при его делении по превосходству чина и звания «вперёд» любых законов: «*Тогда, – в день постный, в день скоромный, – Сам будучи степенный генерал, Ты можешь быть и с бодрым духом, И с сытым брюхом?*» [9, с. 14].

В баснях «Кондуктор и тарантул» и «Звезда и брюхо» студентам понравилось лирическое описательное начало: «*В горах Гишпании тяжелый экипаж», «На небе, вечерком, светилася звезда*» [9, с. 15].

Басни «Цапля и беговые дрожки», «Кондуктор и тарантул» отражают мысль уклонения от труда даже для себя. Басни показывают существование героя в состоянии не желания решить серьёзные вопросы, даже в трудную минуту. В басне «Кондуктор и тарантул» то кондуктор приходит по зову и «борется» с тарантулом: «*Кондуктор, стой! Приди скорей! ах, боже мой!*», то прекрасная гишпанка мечтательно сидит в неподходящем месте, в неподходящее время: «*Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула*» [4].

В басне «Цапля и беговые дрожки» опять встречаем мечтательного помещика: «*На беговых помещик ехал дрожках , Летела цапля; он глядел»* [4, с. 14]. Автор показал, что мысль героя не увязывается с трудом на благо Родины, помещик всё мечтает: «*Ах! Почему…», «Ах, если бы…*». Но в противовес мечтателю помещику выдвинут кузнец, могущий хотеть, иметь, получать, пытаться менять всё. Не может быть пустой мечтательности у трудящегося «в поте лица». В уста кузнеца заложено отношение: «*Но если ты кузнец и захотел быть барин , То знай , глупец, Что, наконец, Не*

только не дадут тебе те длинны ножки, Но даже отберут коротенькие дрожки» [Там же]. В басне опять показана тема безысходной «связанности» граждан страны своими социальными, этнографическими особенностями: «*Коль ты татарином рождён, так будь татарин ; Коль мещанином — мещанин, А дворянином — дворянин»* [*Там же*]. В морали басни утверждается важность прогресса на благо страны.

Выводы

Проведенные исследования (теоретической части и опытно-экспериментального обучения, в основу которого положена идея подготовки учителей-филологов к формированию чувства патриотизма у школьников) дали нам возможность сделать ряд выводов: - басни могут использоваться как лингвопедагогический материал при условии тематического отбора; - занятия по формированию чувства патриотизма на базе басенного учебного материала актуальны, однако, требуют многосторонней внеаудиторной подготовки; - все работающие с баснями воспринимают и впитывают в себя ту "устойчивую символику" басенных образов, которой пользуется баснописец - работа с текстом басни в ВУЗе возможна при ее структурировании в соответствии с уже освоенными студентами учебными дисциплинами; - басни, как произведения художественной литературы, способствуют формированию самоподготовки при повышении уровня культуры.

Выводы исследования не окончательные. Перспективами дальнейшей работы является изучение и разработка современных методик по проблеме подготовки будущих профессионалов.

Литература

1. Басни И.А.Крылова в Отечественной войне 1812года/ К уроку литературы// 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://literatura5.narod.ru/krulov_vojna_1812.html Дата доступа: 26.03.2019.
2. Бурдина, Е.А. Семантика Хронотопа в поэзии А.К.Толстого/ Е.А. Бурдина// Текст. Язык. Человек.:сбор.науч.тр.В 2ч.Ч.1/ УО МГПУ им. И.П.Шамякина; редкол.:С.Б.Кураш. – Мозырь, 2017. – С.154–157.
3. Володин, М.Н. Язык как социальная и культурно-историческая среда/ М.Н. Володин// Язык. Культура. Общение: сбор. науч. тр. в честь юбилея зас-ного проф-ра МГУ им. М.В.Ломоносова С.Г.Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 292–298.
4.Доманский, В.А. Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе / В.А. Доманский// Методическое пособие для учителей-словесников. Томск, 2002. Ч. 1–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ido.tsu.ru/other_res/school/litkult/sod.html Дата доступа: 26.03.2019.
5. Стенник, Ю.В. И.А.Крылов баснописец/ Ю.В. Стенник// Русская литература и фольклор// История русской литературы В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980–1983. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализм. — 1981. — ФЭБ. С.189-203. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl2/rl2-1892.htm – Дата доступа: 16.03.2019.
6.Тарнопольський, О.Б. Методика навчання іншомовної мовленнєвої діяльності у вищому мовному закладі освіти/ О.Б.Тарнопольський. - Київ: Фірма “ІНКОС”, 2006. – 248 с.
7.Никитченков, А.Ю. Фольклор в системе филологической и методической подготовки педагогов начальной школы/А.Ю.Никитченков// Монография. – М.:Прометей, 2013. – С.20–59.
8.Толстой А.К. Собр. Соч.,:в4т./А.К. Толстой// Вступ. ст. и примеч. И.Ямпольского. Т. 1, М., 1964. – 800 с.
9. Прокоф’євої К.А. Своєрідність міфопоетики російської історичної драматургії XIX століття: О.С.Пушкін, О.К.Толстой, О.М.Островський/ К.А.Прокоф’євої// Монография. – Д.: Порог, 2007. – 232 с.

References

1. Basny I.A.Krylova v Otechestvennoj vojne 1812goda (2010). [The fables of IA Krylov in the Patriotic War of 1812]. Retrieved March 26 2019 from: http://literatura5.narod.ru/krulov_vojna_1812.html (In Russ).
2. Burdina E.A. (2017). Semantika hronotopa v poezii A.K.Tolstogo. *Tekst. Jazik.Chelovek. Sbornik statej Mozir Pedagogicheskij Universitet.* [The semantics of the chronotope in the poetry of A.T. Tolstoy *Text. Language. Person.Bulletin of Mozir University*]. 2(1)154–157. (In Russ).
3. Volodin M.N. (2008). Jazik kak sotsialnaja I koulturno-istoricheskaja sreda. *Jazik.Cultura. Obschenie. Sbornic Moscwa Universitet* [Language as a social and cultural-historical environment. *Bulletin of Moscow University*]. 292–298. (In Russ).
4. Domenskij V.A. (2002). *Literatura I cultura: uchebnoe posobie*. [Literature and culture*: textbook]*. Retrieved March 26 2019 from: https://ido.tsu.ru/other_res/school/litkult/sod.html (In Russ).
5.Nikitchenko A.U. (2013). *Folklor v sisteme filologicheskoj i metodicheskoj podgotovki pedagogov nachalnoj shkolj.[Folklore in the system of philological and methodological training of primary school teachers*].Moskow:Higher school. 20-59.(In Russ).
6. Stennik U.V. (1981). I.A.Krylov basnopisetch. *Istorija russkoj literaturj. Sbornik Leningradskogo Instituta Literatury.* [I.A.Krylov fabulist. *Russian literature and folklore. Bulletin of Leningrad Institute of Literature.]* Retrieved March 16 2019 from: https://ido.tsu.ru/other_res/school/litkult/sod.html (In Russ).
7.Tarnopolskij O.B. (2006). *Metodologija navchannja inizemnim movam v vischij shkoly.[Methodology of FLT in a High Level Educating Institutes]*. Kiev:Reprinting (in Ukr.).
8.Tolstoj, A.K. (1964). *Sobran. Soch [Collection of works]*. V.1, Moscow. (in Rus.).
9. Prokofjeva, K.A. (2007). *Svoeridnist miphopoetiky Rosijskoj istorichnoj dramatourgiji XIX stolotrj: O.S.Pushkin, O.K.Tolstoj, O.M.Ostrovskij. [Originality of mythopathics of the Russion historical playwrighting in the XIX century: O.S.Pushkin, O.K.Tolstoj, O.M.Ostrovskij]*. Mong-ph, Dnepropetrovsjk: Porog, (in Rus.).

СОДЕРЖАНИЕ

Кураш С.Б.	ЦЕНТР РУСИСТИКИ МГПУ им. И.П. ШАМЯКИНА И ЕГО ПРОЕКТ «НЕДЕЛЯ РУССКОГО СЛОВА»: НА ОТМЕТКЕ «10»	3
Маслова В.А.	РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ДУХОВНАЯ СУЩНОСТЬ И ЕГО РОЛЬ В ИНТЕГРАЦИИ КУЛЬТУР	6

ТЕКСТ, ЯЗЫК, ЧЕЛОВЕК
В АСПЕКТЕ МЕЖНАУЧНОГО И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Андреев А.Н.	ГРАФОМАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН	10
Беженару Л.Е.	МИКРОМОДЕЛЬ «МАЛОЙ РОДИНЫ» КАК ГЕОПОЭТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	13
Кучеренко И., Мамчур Л., Мамчур Е.	ДИСКУРС – ФУНКЦІЙНА ОДИНИЦЯ ВЕРБАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ	16
Седых А.П.	ИНТЕРТЕКСТОВАЯ СИНЕРГИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕКСТОКРЕАЦИИ	20
Сянкевіч В.І., Капцова Ю.А.	ФЕНОМЕН САМАСЦІ І *ДРУГІ* (да пытання аб самавітым слове)	23
Щербин В.К.	РОЛЬ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ТЕКСТОГРАФИИ В РАЗВИТИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ	26

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Долбик Е.Е.	ГЕНЕРАЛИЗОВАННЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК	32
Ланская О.В.	ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»	35
Тверитинова Т.И.	ПЕТЕРБУРГСКИЙ МИФ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО	39

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Белая А.С.	ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ РЕАЛИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ XIX ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ	43
Лобан М.Г., Лобан Т.В.	ТРАДИЦИИ РУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ	46
Луннова М.Г.	СИНОНИМЫ В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ	51
Судибор И.Л.	РОМАНТИЧЕСКАЯ ПРОЗА Н. В. ГОГОЛЯ И Я. БАРЩЕВСКОГО В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ЛИТЕРАТУРЫ	54

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ

Муратова Е.Ю.	ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ	58
Николаева С.Ю., Редькин В.А.	ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА МИРА В РАННИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ А.А. АХМАТОВОЙ	61

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАСИЛИЯ МАКАРОВИЧА ШУКШИНА

Огнева Е.А. АРХИТЕКТОНИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА «ВОЕННОЕ ДЕТСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. ШУКШИНА «ДАЛЁКИЕ ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА»)..... 67

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ахраменко П.Е. ФОРМЫ ПЕРЕДАЧИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ ПОСРЕДСТВОМ БЕЗЛИЧНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ (на материале романа И.П. Шамякина «Снежные зимы» и его перевода на русский язык) 72

Барысенка Н.А. УСТАРЭЛАЯ БЫТАВАЯ ТЭРМІНАЛОГІЯ ЯК КАМПАНЕНТ МАСТАЦКАГА ЭТНАГРАФІЗМУ (на матэрыяле рамана В. Іпатавай «Залатая жрыца Ашвінаў»)..... 75

Колбышева С.И. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 79

Кураш С.Б., Хаками О.Н. МЕТАФОРА В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ «ЭПИГРАФ – ТЕКСТ» (на материале белорусско-русских поэтических взаимосвязей) 82

Лазарева Д.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛОНДОНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА..... 85

Малышева К.И. МОСКВА ЛИТЕРАТУРНАЯ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЕНЫЙ ШАТЕР» 88

Новрузов Р.М., Новрузова Г.Ф. ПОЭЗИЯ НАСИМИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ..... 92

Прахарэнка Л.В., Шаўчэнка М.М. СЕМАНТЫКА СЛОВА Ў ПАЭТЫЧНЫМ КАНТЭКСЦЕ А. ПЫСІНА..... 96

Ревуцкий О.И. ТЕКСТЫ, ОСНОВЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРСОНИФИКАЦИИ ОТВЛЕЧЕННЫХ ПОНЯТИЙ 99

Слівец В.Р. МЯНУШКІ Ў СОЦЫУМЕ І Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ..... 103

Сузько А.У., Дзенісовіч Г.М. СПЕЦЫФІКА ГІСТАРЫЧНА-ДЭТЭКТЫЎНЫХ ТВОРАЎ Л. РУБЛЕЎСКАЙ..... 107

Шэцка Л.М. ПРЭЦЭДЭНТНЫЯ ФЕНОМЕНЫ Ў ПРОЗА-ПАЭТЫЧНЫМ ІДЫЯСТЫЛІ У. КАРАТКЕВІЧА..... 111

Шур В.В. МАЛАЯ РАДЗІМА Ў ЗАГАЛОЎКАХ ТВОРАЎ ПІСЬМЕННІКАЎ 117

Юдзянкова Г.В. ФУНКЦЫЯНАВАННЕ ПРЭЦЭДЭНТНЫХ ІМЁНАЎ СА СФЕРАЙ-КРЫНІЦАЙ “ЛІТАРАТУРА” Ў МАСТАЦКІМ ТЭКСЦЕ 122

Яблонская О.Г., Ліневіч А.В. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА ЖЕНЩИН В РОМАНЕ «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» Ф.С. ФИТЦДЖЕРАЛЬДА 126

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ: ТЕКСТОТИПЫ, ЖАНРЫ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Аматов А.М., Свищёв Г.В. ТЕКСТ, КОТОРЫЙ НЕ ПРОДАЁТСЯ, НО ПОКУПАЕТСЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ 130

Бушев А.Б. УСТНЫЙ РАССКАЗ В РИТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ..... 133

Ван Фэйфань, Коваль В.И. КИТАЙСКИЕ НОВОГОДНИЕ КАРТИНЫ *НЯНЬХУА* КАК «СВЕРНУТЫЙ» ТЕКСТ 138

Воробьёва Т.С., Пищенко К.В. КРЕОЛИЗОВАННЫЕ ТЕКСТЫ В РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЯХ (на примере рекламных баннеров города Могилева)..... 141

Иванов Е.Е. ТИПЫ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ-БИБЛЕИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ 144

Королёва И.А. ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ..... 152

Костюшко Е.Т. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРАГМАТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ..... 156

Красовская Н.А. КОММУНИКАЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ МАРКЁРЫ 160
Кузьмич В.В., Ягмурова У.Ю. ТРАВЕСТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК ЖАНР ГЕНДЕРНОГО ТРАВЕСТИРОВАНИЯ 163
Кузьмич В.В. КАТЕГОРИЯ ИНФОРМАТИВНОСТИ В ТРАВЕСТИРОВАННЫХ ТЕКСТАХ..... 166
Лавицкий А.А.. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ТРЕБУЮЩИЕ ЛИНГВОПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ..... 170
Лапацін Г.І. “СПАСІБА ТАБЕ ЗА ХЛЕБ, ЗА СОЛЬ, ЗА БЛАГАДАЦЬ...”: з вопыту вывучэння дыялектнай парэміі 174
Мазуркевіч Л.М. СІНТАКСІЧНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ ТЭКСТАЎ ТВОРАЎ БЕЛАРУСКАГА ФАЛЬКЛОРУ 178
Родионова И.Г. ЯЗЫК ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ БОЙЦОВ 61-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ, СФОРМИРОВАННОЙ В г. ПЕНЗЕ И СРАЖАВШЕЙСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ 182
Савчук Т.Н. ОСОБЫЕ ПРИЕМЫ СТРУКТУРИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК..... 185
Сергушкова О.В. КОММУНИКАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЕГМЕНТИРОВАННЫХ СИНТАКСЕМ КАК ФАКТОР СМЫСЛОВОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ..... 190

РАЗНОУРОВНЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА

Громова Т.В. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЬЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 194
Гуркова О.С. О РЕАЛИЗАЦИИ «КОМПЬЮТЕРНОЙ МЕТАФОРЫ» ВНЕ СФЕРЫ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ 197
Денисюк В.В. ФРАЗЕОЛОГІЧНА ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ПОНЯТТЯ «ВЛАДА» У СХІДНОСЛОВ’ЯНСЬКІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ XVII–XVIII СТ. 200
Ковалёва Е.В., Скакун А.О. НОМИНАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭРГОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на примере наименований магазинов одежды г. Брайтон, г. Ричмонд, Великобритания) 209
Ковалевич И.О. ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ОНИМЫ В РЕЧИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ..... 212
Коваль В.И. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *КРОВНЫЙ* И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТАХ (по данным Национального корпуса русского языка) 215
Старычонак В.Д. МЕТЭАРАЛАГІЧНЫЯ ДЗЕЯСЛОЎНЫЯ НАМІНАЦЫІ 218
Стрижак А.Л. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ» В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГАЗЕТАХ БЕЛАРУСИ 221
Талецкая Т.Н., Липницкая С.А. ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ПРАГМАТИКА КАК НЕВЕРБАЛЬНОГО СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ 224
Татаринова Т.И., Катрюк К.А. ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИМОВ В СРЕДСТВАХ МАСОВОЙ ИНФОРМАЦИИ..... 227

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Агамирзоев А.Ч. РОЛЬ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ В РАЗВИТИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РУСИСТИКИ..... 231
Алхасов Я.К. ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 234
Бабаева Л. ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ 237

Więcławska A. ROZMOWA JAKO (NIE-) WYKORZYSTANA FORMA KOMUNIKACJI W ROZWIĄZYWANIU KONFLIKTÓW I SYTUACJI TRUDNYCH W WYCHOWANIU 240
Гаджиева Д.А. СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ 244
Гурина Н.М. ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ V И VIII КЛАССОВ 247
Жадейко Ж.Ф. ФОРМИРОВАНИЕ РИТОРИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В X КЛАССЕ 250
Żuchelkowska K. PODMIOTOWOŚĆ DZIECKA I WARUNKI JEJ ROZWOJU W EDUKACJI PRZEDSZKOLNEJ 255
Канакина Г.И. РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ 265
Кожемяченко Е.В. УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ РКИ 268
Лихач Т.П. ОСВОЕНИЕ УЧАЩИМИСЯ VI КЛАССОВ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ МОРФЕМИКЕ И СЛОВООБРАЗОВАНИЮ: ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ 271
Мамедов Н.Ш. РОЛЬ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЙ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 275
Садыгова А.А. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ 278
Царёва О.И. О ФОРМИРОВАНИИ БИКУЛЬТУРНОЙ СТРАНОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ-РУСИСТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В БЕЛАРУСИ 281
Чечко Т.Н. К ВОПРОСУ О ДРАМОГЕРМЕНЕВТИКЕ И ПЕДАГОГИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА 284
Szuba L.S. PRZEGLĄD SYSTEMÓW OŚWIATOWYCH W WYBRANYCH KRAJACH EUROPEJSKICH W XIX w. 288
Ярмолович О.И. БАСНИ КАК ЛИНГВОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ (басни И.А. Крылова, А.К. Толстого) 294